

**ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ.
РОЛЬ А.Х. ХАЛИКОВА
В АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-
КАМЬЯ**

В.А. Иванов**А.П.****СМИРНОВ, В.Ф. ГЕНИНГ, А.Х. ХАЛИКОВ – КРАЕУГОЛЬНЫЙ
КАМЕНЬ ФИННО-УГОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-КАМЬЯ**

Статья посвящена историографическому анализу развития представлений ведущих археологов Волго-Камья (А.П. Смирнова, В.Ф. Генинга, А.Х. Халикова, Р.Д. Голдиной и др.) по вопросу о схеме этногенеза финно-угорских народов региона. Сделан вывод об определенном единстве в понимании процессов этногенеза, сформировавшемся в 50-80-х гг. прошлого века и о консервативности взглядов на эту проблему.

Ключевые слова: археология, этногенез финно-угорских народов, историография, Урало-Поволжье

V.A. Ivanov**A.P. SMIRNOV, V.F. GENING, A.KH. KHALIKOV – THE CORNERSTONE OF THE FINNO-UGRIC ARCHAEOLOGY OF THE VOLGA-KAMA REGION**

Historiographic analysis of the leading scholars' conceptions (A.P. Smirnov, V.F. Gening, A.Kh. Khalikov, R.D. Goldina et al.) of the scheme of ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples in the Volga-Kama region shows that there is a certain unity in interpreting ethnographic processes, which dates back to the 1950-80-s and these views are quite conservative.

Key-words: archaeology, ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples, historiography, the Ural-Volga region

В 1952 году была опубликована монография А.П. Смирнова «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» – первое в советской археологии обобщающее исследование по археологии финно-угорских народов Волго-Камья (Смирнов, 1952). По своему содержанию и фактуре это был первый опыт «историизации» известного в то время археологического материала, не весьма, впрочем, многочисленного. Поэтому книга представляет собой пространное, подробное, а местами и достаточно монотонное описание археологических памятников и материалов, исследованных в разные годы на территории Волго-Камья и охватывающих довольно длительный период – от эпохи бронзы до средневековья. В духе тогдашних исследовательских парадигм автор основное внимание уделял социально-экономическим интерпретациям археологического материала. Что, впрочем, было вполне логично, поскольку этническую составляющую своего исследования А.П. Смирнов обозначил еще во «Введении»: «Сложный и длительный исторический процесс создал этнический и культурный облик этих народов, совершенно особый в Приуралье, иной в Среднем Поволжье, резко отличный в Верхнем Поволжье и к северо-западу от него. Несмотря на некоторые общие для народов этой огромной территории языковые данные, позволяющие объединить все эти различные этнические массивы в одну семью финно-угорских народов, история их была различна, как и основные этнические компоненты» (Смирнов, 1952. С.6).

Мы тщетно будем искать на страницах рассматриваемой книги доказательства финно-угорской этнической принадлежности археологических культур Волго-Камья –

Работа выполнена в рамках федерального целевого научно-исследовательского проекта «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала». Шифр проекта «2010-1.1-300-151-037».

© Иванов В.А., 2012

Рис. 1. Схема этнической истории Волго-Камья по А.П. Смирнову.

для А.П. Смирнова она была очевидной. Поэтому среди пространных обоснований высокого уровня развития ремесла, торговли, глубоко зашедшего процесса социального расслоения у древних племен региона буквально пунктиром проходят суждения и выводы автора о непрерывной (автохтонной) линии этногенеза финно-угорских народов региона. Это относится к культуре средневековых марийцев, подоснову которой составляли поволжские культуры «конца бронзовой эпохи» – культура приволжских стоянок и стоянок неолитообразных. Затем в результате абашевско-фатьяновско-срубного этнокультурного симбиоза формируется ветлужское ананьино и культура городищ с «рогожной керамикой», в свою очередь, давшие начало пьяноборской культуре, а та – культуре древних мари и удмуртов, чей этногенез происходил под этнокультурным влиянием ранних булгар и хазар (Смирнов, 1952. С.173 и сл.).

Аналогичным образом, по мнению автора, происходил процесс формирования ломоватовской культуры на Средней и Верхней Каме, а также чепецких и вычегодских культур X-XIV вв. (Смирнов, 1952. С.188 и сл., 225).

Намеченную им схему финно-угорского этногенеза А.П. Смирнов в более четком виде изложил в статье «Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии», опубликованной в журнале «Советская археология» в 1957 году. Полемизируя с С.П. Толстовым и поддерживавшим его В.Н. Чернецовым в вопросе об исходной территории этногенеза носителей финно-угорской языковой общности, А.П. Смирнов предлагает свою схему этого процесса, происходившего в основном в Прикамье и прилегающих к нему территориях. Согласно этой схеме, формирование этнокультурной карты

Рис. 2. Схема этнической истории Прикамья по В.Ф. Генингу (Генинг, 1959. С.218).

Воло-Камья в эпоху бронзы происходило в результате взаимодействия носителей абашевской, срубной (индо-иранцы) и андроновской (очевидно – угры) археологических культур с племенами приказанской культуры. Тогда как в районах Верхней и Средней Камы этнокультурные процессы определялись взаимодействием проникавших туда с юга и юго-запада «абашевцев» с местными уральскими и зауральскими племенами. Что и определило специфику средневожского и прикамского «ананьина».

На следующем пьяноборском этапе ход этнических процессов в регионе определялся городецко-дьяковским (праславянским) влиянием на пьяноборские племена в волго-вятско-ветлужской части и сарматским и угорским (усть-полуйским) – на Нижней и Средней Каме.

И, наконец, в I тыс. н.э. зауральский (угорский) этнический компонент, наложившись на культуру Гляденовского костыща, образует в Прикамье харинскую культуру, а в Волго-Вятском районе в результате синтеза пьяноборских и праславянских этнокультурных групп формируется культура поволжских финнов, продолжавшая испытывать славянское влияние и в более позднее время (Смирнов, 1957. С.20-30) (рис.1).

В том же 1957 году была написана статья В.Ф. Генинга «Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа» (опубликована в 1959 г.). Статья, как пишет в преамбуле сам автор, «представляет собой попытку осветить развитие прикамского населения с точки зрения своеобразных этнических групп, – причем... попытку одностороннюю, – на основе археологических данных, накопившихся за последние годы» (Генинг, 1959. С.157).

Разработанная В.Ф. Генингом этногенетическая схема развития прикамского населения в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. выглядит следующим образом (рис.2).

В VII-III вв. до н.э. в Прикамье складывается и существует автохтонная по своему происхождению ананьинская культурная общность – одна из ветвей финно-угорской языковой общности, вероятнее всего – пермской.

В ананьинскую и пьяноборско-гляденовскую эпохи состав прикамского населения не меняется, «какие-либо чувствительные притоки населения извне археологически не прослеживаются» (Генинг, 1959. С.217).

В пьяноборско-гляденовское время в Прикамье складываются три этнических объединения – гляденовское, осинское и пьяноборское. Первые два обнаруживают между собой значительную культурную близость и, очевидно, они и послужили этнической основой для развития пермских народов – коми-пермяки, удмурты (Там же).

В III в.н.э. – в Верхнее и Среднее Прикамье с востока вливается большая группа угорских племен. Местные (пермские) племена или сдвигаются западнее – азелинская, полумская культуры – или смешиваются с пришельцами – ломоватовская, бахмутинская культуры.

В Нижнем Прикамье в это же время устанавливается волжско-финская этническая доминанта – именьковская культура, генетически восходящая к городецкой.

В VIII в.н.э. угорский этнический пласт в Нижнем Прикамье ослабевает вследствие ухода угров-мадьяр в Европу (исчезают бахмутинская, мазунинская, тулвинская культуры). В это же время на Нижней Каме появляются тюркоязычные болгарские племена, постепенно ассимилировавшие местное волжско-финское население (носителей именьковской культуры) (Там же. С.217).

Такой достаточно сложный вопрос, как генетическая преемственность ананьинской и пьяноборской (чегандинской) культур, В.Ф. Генинг тогда решал вполне традиционно: «Ананьинские памятники в удмуртском Прикамье явились исходными в развитии пьяноборской культуры, памятники которой сосредоточены в узком районе Камы у устья р. Белой» (Там же.С.174).

Данная схема этнической истории населения Прикамья в эпоху древности и средневековья была воспроизведена и в книге В.Ф. Генинга «Археологические памятники Удмуртии» (1958 г.) (Генинг, 1958. С.57 и сл.).

Вместе с тем, вопрос о непрерывной линии этнокультурного развития населения Прикамья в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н. э. по мере накопления археологического материала начинал выглядеть не столь однозначно. И фактически уже через 10 лет В.Ф. Генингу пришлось объяснять противоречие между типологической преемственностью археологического материала ананьинской и пьяноборской (чегандинской) культур и заметным расхождением морфологических признаков ананьинского и пьяноборского краниологического материала. Но, как считал исследователь, объясняется это тем, «что в Нижнем Прикамье население ананьинской культуры по антропологическому составу было весьма неоднородным... и антропологический тип, представленный в Луговском могильнике, не является характерным для всего населения ананьинской культуры, а отражает лишь проникновение какой-то небольшой группы монголоидного населения в местную, в основном европеоидную среду».

Зато, в свою очередь, пьяноборский (чегандинский) европеоидный тип оказывается весьма близким антропологическому типу более поздних культур Прикамья – азелинской, мазунинской, полумской и ломоватовской (Генинг, 1970).

Заключительным аккордом автохтонной концепции этнической истории наро-

дов Прикамья в эпоху раннего железного века – раннего средневековья явилась вышедшая в 1988 г. книга В.Ф. Генинга «Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры». В данной работе также прослеживается ставшая уже классической этногенетическая связь пьяноборской, караабызской, гляденовской и осинской культур с ананьинской и, соответственно, постулируется их пермская этническая принадлежность. Их появление исследователь рассматривал как следствие дифференциации «первоначально единой АК – ананьинской в результате действия определенных экономических факторов на ряд обособленных АК и сохранение в обособившихся АК многих общих черт культуры, а также связей между отдельными группами населения». Иноэтничным образованием в этой схеме являются носители гафурийско-убаларская АК, угорская или угорско-ираноязычная, которую включать в состав пьяноборской ЭКО (этнокультурная область) нельзя (Генинг, 1988. С.214-217).

Причем саму ананьинскую общность В.Ф. Генинг рассматривал, как результат «слияния ряда местных финно-угорских групп с пришлыми, вероятно, из Сибири и более южных районов, племенами, среди которых были как финно-угорские, так и иные (иранские, тюркские?) группы». Поэтому ананьинскую АК исследователь предлагал считать не общепермской, а лишь камско-пермской общностью (Генинг, 1988. С.220).

Время, начиная с эпохи Великого переселения народов, это, по концепции В.Ф. Генинга, для Прикамья и Приуралья – период практически непрерывных миграций, главным образом, с востока, из Зауралья и Западной Сибири. Для I тыс. н. э. в регионе исследователь выделял два ведущих этнокультурных массива – тюркский и угорский – связывая с первым памятники турбаслинской культуры, со вторым – памятники, содержащие круглодонную керамику бахмутинского, кушнаренковского и «чермасанского» и неволинского типов. Появление этих керамических типов в Приуралье В.Ф. Генинг связывал с приходом сюда из Западной Сибири носителей угорского этноса. Опираясь на сведения письменных источников IX и более поздних веков, исследователь отождествлял этих угров с мадьярами и другими «близко родственными им группами».

Во второй половине 1980-х годов свое окончательное оформление получила концепция этногенетической истории финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья А.Х. Халикова, изложенная им в вышедшей в 1991 г. книге «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья» (Халиков, 2011). (В 2011 г. Институт истории им. Ш. Марджани и Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова издали полный вариант книги А.Х. Халикова. Поэтому дальнейшие ссылки будут приводиться из этого издания).

Основные положения концепции А.Х. Халикова:

«В эпоху бронзы и позднее финно-пермские племена Восточной Европы, продолжая самостоятельный путь развития, испытывали значительное воздействие иноэтничных племен, что привело в конечном итоге к распаду финноязычной общности и к началу формирования отдельных финноязычных народов».

«Во второй половине II тыс. до н.э. финно-угорский мир лесостепной Евразии от Волги на западе до Оби на востоке испытывал сильное воздействие степных земледельческо-скотоводческих племен огромного срубно-андроновского культурного ареала».

«В начале I тыс. до н.э. (X-IX вв. до н.э. в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы практически остаются лишь финноязычные племена, археологически

представленные в западных районах (от Средней Волги до Прибалтики и Финляндии) памятниками с псевдосетчатой керамикой, а в восточных – памятниками приказанской (на маклашеевском этапе) культуры в Волго-Камье и близкой ей лебяжской культуры на северо-востоке.

В Западной Сибири в это время для угорских племен, очевидно, наступает тяжелое время, вызванное натиском на них ирменских племен... Потомки черксакульских племен, известные археологически под именем замараевских или межовско-березовских, сохраняют свою прежнюю приуральскую территорию обитания, доходя до бассейна р. Белой, где они сталкиваются с приказанским (курман-таусским) населением» (Халиков, 2011. С.29-33).

VIII-V вв. до н.э. – формирование ананьинской КИО при активном участии западного (культуры с псевдосетчатой керамикой) и восточного зауральского компонентов. В результате – сложение средневолжского и прикамского вариантов ананьинской КИО (Там же. С.37-41).

Во II-IV вв. н.э. – усиление миграционных процессов (в т.ч. тюркские – турбаслинская культура, балтские – именинговская культура, угорские – ломоватовская, чепецкая культуры компоненты), в результате чего происходит сдвиг пьяноборско-азелинского населения на запад.

Как следствие – усиление финно-пермских черт в культуре древней мордвы и формирование на азелинской основе культуры древних марийцев (Там же. С.53, 77-78).

Удмурты и коми формировались на гляденовской и постгляденовской основе: «... азелинские и мазунинские, в т.ч. и верхнеутчанские, в целом постпьяноборские племена в этногенезе удмуртов, как и вообще пермских финнов, прямого участия не принимали... Носители поломской и ломоватовской культур, принимавшие самое активное участие в формировании населения Волжской Булгарии и не позднее IX-X вв. в массе покинувшие Прикамье и бассейн Чепцы, ... в культурном отношении не связаны с предшествующим и последующим пермско-финским этносом и представляют тюркоязычное или угро-тюркоязычное население» (Там же. С.105) (рис.3).

Итак, если сравнивать между собой предложенные А.П. Смирновым, В.Ф. Генингом и А.Х. Халиковым концепции этногенетической истории финно-угорских народов Волго-Камья и Приуралья, то между ними обнаруживается больше сходства, нежели различия. Все три исследователя в основе формирования ананьинской культуры/общности эпохи РЖВ видели местные культуры позднего бронзового века, носители которых испытывали влияние со стороны более южных культур – абашевской и срубной – чья этнокультурная принадлежность сейчас определяется, как индоевропейская/индоиранская.

Племена ананьинской КИО в своем этнокультурном развитии в той или иной степени подвергались воздействию со стороны южных (савромато-сарматских или скифо-киммерийских), западных (финнских или протославянских) и восточных (угорских) племен, оставаясь при этом финно-пермскими по своей этнической принадлежности.

Сложившаяся на основе ананьинской пьяноборская КИО в эпоху ВПН вследствие вторжения в регион иноэтничного населения распадается на ряд культур, которые, в зависимости от территории их последующего пребывания и испытываемого этнокультурного воздействия со стороны соседей, становятся этнической основой и для волжских финнов, и для пермяков.

Рис. 3. Схема этнической истории Волго-Камья
по А.Х. Халикову.

Середина – вторая половина I тыс. н.э. – время активных миграций в регион различных по своей этнокультурной принадлежности групп, среди которых более-менее отчетливо «читаются» тюрки (ранние булгары) и угры.

Рубеж XX и XXI веков в силу диалектики развития археологической науки в течение предшествующего столетия стал временем появления серии обобщающих фундаментальных работ, претендующих на изложение этнической истории народов региона с древности до периода окончательного сложения их этнографического облика. Первой среди подобных работ, безусловно, является фундаментальная монография Р.Д. Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (1999 г.). Автор разработала свою весьма детальную и фундаментально обоснованную археологическим материалом схему этнокультурной истории народов Прикамья и Приуралья. Начало ее она возводит к культурам эпохи бронзового века, которые предлагает объединить в одну КИО (Голдина, 1999. С.161). Что уже было предложено А.Х. Халиковым, называвшим эту общность приказанской.

Характерной особенностью эпохи бронзы Приуралья Р.Д. Голдина считает про-

должающееся мощное воздействие на финно-пермян индоиранцев (срубно-андроновское население), а также контакты с древними уграми (носителями межовской культуры) (Там же. С.164 и сл.), поддерживая тем самым точку зрения А.П. Смирнова и А.Х. Халикова.

Ананьинская общность традиционно возводится к местным культурам эпохи бронзы без каких-либо серьезных включений извне (хотя присутствие здесь «редких групп мигрантов» из Зауралья и Западной Сибири не исключается), а ее принадлежность древнепермским племенам представляется автору бесспорной (Там же. С.190, 205) (так же считал и В.Ф. Генинг).

Эпоха Великого переселения народов (конец IV-V вв. н.э.), по концепции Р.Д. Голдиной – время, когда местное (пермское) население Прикамья и Приуралья испытывало несколько мощных импульсов со стороны степного и лесостепного населения Восточной Европы и Западной Сибири. Первый – миграция в Нижнее Прикамье черняховско-вельбаркского (протославянского) населения, оставившего здесь памятники типа Тураевских, Кудашевских курганов, Азелинского, Худяковского, Суворовского могильников. Второй – появление в Среднем Прикамье (Кунгурская лесостепь) носителей саргатской культуры (преимущественно угры). Относительно второго Р.Д. Голдина развивает этнокультурную концепцию В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова. Правда, вывод исследователя более категоричен: «появление здесь нового населения, бесспорно, дало новый мощный импульс прогрессу пермских народов» (Там же. С.277), в результате чего на Верхней и Средней Каме «сформировались качественно новые, но по-прежнему в основе своей пермоязычные археологические культуры» (Голдина, 1987. С.15).

В следующей обобщающей монографии «История Удмуртии. С древнейших времен до XV века» (Ижевск, 2007) – авт. Р.Д. Голдина, О.М. Мельникова, Е.М. Черных, Т.И. Останина, А.Г. Иванов, М.Г. Иванова – написанной изящным академическим языком и великолепно изданной, вопросы этнической истории народов Прикамья и Приуралья рассматриваются предельно осторожно, хотя, в общем-то – в традиционном ключе. По пунктам:

Приказанская культура, сформировавшаяся на базе восточных волосовских групп (финно-пермяки) при воздействии прасурбно-абашевских племен (индо-европейцы) является этнокультурной подосновой местного населения Волго-Камья – предков волжских и пермских финнов;

К концу эпохи бронзы относятся контакты древних пермян с уграми – носителями межовской АК – пришедшими из лесостепного и южнотаежного Зауралья (Голдина, 2007. С.110, 115).

В эпоху раннего железного века (с середины I тыс. до н.э.) в связи с окончательным распадом финно-пермского единства (уход раннеананьинских групп с территории Среднего Поволжья и Усть-Камья на север и северо-запад) в регионе «абсолютно доминирующими оказались популяции, с которыми связана предыстория пермских народов, в том числе и удмуртского». К этим «популяциям», естественно, относятся «ананьинцы» и их потомки «пьяноборцы» (Черных, Останина, 2007. С.161, 173).

Этнические процессы в Нижнем Прикамье и Приуралье в I тыс. н.э. в рассматриваемой монографии излагаются по ставшей уже традиционной схеме. Немногочисленные группы мигрантов из более южных районов Восточной Европы в конце IV – первой половине V вв. (Тураевский, Кудашевский, Старо-Муштинский могиль-

ники) не меняли этнической ситуации в регионе (пермская этнокультурная доминанта), а, будучи ассимилированными «аборигенами», только видоизменяли морфологический облик материальной культуры местных племен. Исключение составляет только район Бельско-Бирско-Уфимского междуречья, где «победителями» в ассимиляционном процессе вышли носители кушнаренковской культуры (древние угры-мадьяры – В.И.) (Останина, Иванов, Иванова, 2007. С.203-206).

С явной претензией на обобщение имеющегося археологического материала написана и монография Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой «История Башкортостана. Древность и средневековье» (Уфа, 2009). Но в ней проблемы финно-угров на Южном Урале освещены настолько поверхностно, что не искушенному читателю крайне трудно понять, к какому этносу могли относиться носители ананьинской, пьяноборской, караабызской, мазунинской (бахмутинской) культур, как они генетически соотносились между собой. Из рассуждений авторов отчетливо прослеживается только то, что все они, каждая в свое время, были поголовно ассимилированы кочевниками: дахами, массагетами, саками, гуннами, «турбаслинцами – башкирами» и, соответственно, так или иначе участвовали в этногенезе башкир (Мажитов, Султанова, 2009. С.55-148).

Одновременно с книгой Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой увидел свет и первый том семитомной «Истории башкирского народа» – плод коллективного труда под общей редакцией В.В. Овсянникова, В.К. Федорова и Ф.Г. Хисамитдиновой. В отличие от предшествующих обобщающих исследований по археологии и древней истории Урало-Прикамья, в которых речь идет об этнокультурных процессах в регионе вообще, авторы данного тома изначально поставили перед собой цель «показать с помощью археологических, антропологических, фольклорных и языковых источников древность культурных традиций башкирского народа, их непосредственную связь с предшествующими культурами, получившими развитие на территории Исторического Башкортостана» (История..., 2009. С.11). Поскольку изложение материала в рассматриваемом труде носит очерковый характер, каждый из авторов соответствующего очерка дает свое видение этнокультурного развития населения Южного Урала и Приуралья (у авторов тома – «Исторического Башкортостана») в тот или иной отрезок времени. Ю.А. Морозов – автор очерка «Срубная культура» – полагает, что носители срубной культуры, распавшейся в конце II тыс. до н.э., участвовали в сложении ряда культур раннего железного века (История..., 2009. С.146). (В томе по непонятным причинам отсутствует раздел по абашевской культуре. Но если бы он был, то этнокультурная схема А.П. Смирнова и А.Х. Халикова (абашевская культура + срубная = культуры позднего бронзового века) присутствовала бы в полном своем виде).

М.Ф. Обыденнов – автор раздела «Культуры позднего и финального бронзового века» – критически оценивает вышедшие ранее обобщающие работы по поздней бронзе Южного Урала и многообещающе заявляет о том, что «за последние десятилетия получены многочисленные новые материалы, позволяющие пересмотреть традиционные представления о развитии археологических культур региона» (Там же. С.147). «Пересмотр» традиционных представлений о развитии археологических культур региона в эпоху финальной бронзы, по мнению автора, заключается в том, что он через 30 лет после А.Х. Халикова вновь обращается к памятникам маклашеевского этапа приказанской культуры (по А.Х. Халикову) (только теперь трактуя их как особую маклашеевскую культуру), как к генетической основе раннеананьинской

общности Волго-Камья. Внутри этой (маклашеевской) предананьинской общности исследователь выделяет собственно маклашеевскую, кокшайскую, быргындинскую, ерзовскую и курмантаускую культуры (История..., 2009. С.154), что, собственно говоря, в свое время и было предложено А.Х. Халиковым, только в контексте маклашеевского этапа приказанской культуры. Таким образом, идея Р.Д. Голдиной об объединении всех культур финальной бронзы Прикамья в единую общность получила свое воплощение в выделенной М.Ф. Обыденновым маклашеевской общности предананьинского времени. Причем, мотивы, побудившие автора отказаться от датировки курмантауской культуры раннеананьинским временем (с чем он ранее был согласен) остаются не раскрытыми.

На этом фоне наиболее «продвинутыми» в концептуальном плане выглядят очерки В.В. Овсянникова «Ананьинская культура» и «Караабызская культура». В первом автор отмечает пришлый для Камско-Бельского бассейна характер раннеананьинской культуры с «классической» шнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой. Причем, происхождение первой он склонен связывать с южнотаяжской зоной Урала и Западной Сибири, а второй – как следствие миграции ананьинского (постмаклашеевского – по В.Н. Маркову и А.А. Чижевскому) населения в VI-V вв. до н.э. со Средней Волги на восток, в бассейн Камы и Белой. В результате в лесостепном правобережье среднего течения р. Белой формируется караабызская культура в ее раннем варианте (История..., 2009. С.215-216, 224).

Автору этих строк невозможно НЕ СОГЛАСИТЬСЯ с данной концепцией, поскольку сам он выдвинул ее еще 35 лет тому назад (Иванов, 1978. С.13-15; 1994. С.62-64). (По каким-то причинам В.В. Овсянников не считал для себя необходимым обратить внимание на сей историографический факт. Воистину – все новое, это хорошо забытое старое).

Подводя итог нашим историографическим наблюдениям, можно вполне определенно утверждать, что в основных своих контурах схема этнической истории финно-угорских народов Волго-Камья и Приуралья была разработана А.П. Смирновым, В.Ф. Генингом, А.Х. Халиковым 1950-е – 1980-е годы. Последующие исследования ничего принципиально нового в эту схему не привнесли. Следовательно, в настоящее время мы имеем дело с дилеммой: или предложенная схема верна, или проблема «заговорена». То есть, высказанные в свое время предположения или гипотезы, кочуя из работы в работу, постепенно очищаются от определений «возможно», «по-видимому», «можно предположить» и т.п., и приобретают характер аксиомы. Насколько это верно – вопрос, требующий детального рассмотрения. Но решать его необходимо комплексно, на междисциплинарном уровне. А главное – на основе современной, но так и не прижившейся в уральской археологии, методике анализа археологического материала.

Список литературы:

Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск: Удм. кн. изд-во. – 191 с.

Генинг В.Ф., 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. – Труды Казанского филиала Академии Наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып.2. – Казань: КФ АН СССР. – С.157-219.

Генинг В.Ф., 1970. История Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. – ВАУ. Вып.10. – Свердловск-Ижевск: Уд ИИЯЛ УрО АН СССР. – 224 с.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. – М.: Наука. – 240 с.

Голдина Р.Д., 1987. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) – Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов: НИИ при СМ УАССР. – С.6-36.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: УдГУ. – 464 с.

Голдина Р.Д., 2007. Население Камско-Вятского междуречья в эпоху камня и бронзы – История Удмуртии с древнейших времен до XV века – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – С.49-120.

Иванов В.А., 1978. Население Нижней и Средней реки Белой в ананьинскую эпоху / Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М. – 26 с.

Иванов В.А., 1994. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала. С-Пб.: ТОО «Грань» – УНЦ РАН. – 125 с.

История башкирского народа, 2009. – Т.1. – М.: Наука. – 400 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. 2009. История Башкортостана. Древность, средневековье. – Уфа: Китап. – 496 с.

Останина Т.И., Иванов А.Г., Иванова М.Г. 2007. Древнеудмуртское население в эпоху средневековья // История Удмуртии с древнейших времен до XV века – Ижевск: Уд ИИЯЛ УрО РАН. – С.185-290.

Смирнов А.П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА №28. – М.: АН СССР. – 276 с.

Смирнов А.П. 1957. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // СА, №3. – С.20-30

Халиков А.Х. 2011. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань: АН РТ. – 336 с.

Черных Е.М., Останина Т.И. 2007. Население Удмуртии в эпоху раннего железа // История Удмуртии с древнейших времен до XV века. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – С.123-182.

Е.Л. Лычагина
РАБОТЫ А.Х. ХАЛИКОВА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О
НЕОЛИТЕ ВОЛГО-КАМЬЕ

В статье анализируется вклад А.Х. Халикова в изучение неолитических культур Волго-Камья; делается вывод о том, что, не взирая на значительный прогресс в исследовании неолита региона с применением новейших методик, уточнение хронологии, выработка новых представлений об этнокультурной истории данной эпохи, выводы А.Х. Халикова, в частности, о периодизации неолита Волго-Камья, не утратили своей актуальности.

Ключевые слова: археология, неолит, Волго-Камье, историография, труды А.Х. Халикова

E.L. Lychagina
A.KH. KHALIKOV'S WORKS AND CONTEMPORARY CONCEPTIONS OF THE NEOLITHIC
ERA IN THE VOLGA-KAMA REGION

Analysis of A.Kh. Khalikov's contribution to the research of Neolithic cultures of the Volga-Kama region shows that no matter the advance in the studies of the Neolithic Era in the region by means of up-to-date methodologies, more accurate chronology and new conceptions of the ethnocultural history of the era, the findings of A.Kh. Khalikov, in particular, on the Neolithic periodization, have not lost their value.

Key-words: archaeology, the Neolithic Era, the Volga-Kama region, historiography, works of A.Kh. Khalikov

В обширном научном наследии А.Х. Халикова важное место занимают труды по неолиту Волго-Камья. Возглавив в 1956 г. Марийскую Археологическую Экспедицию, А.Х. Халиков уделил большое внимание исследованию памятников эпохи неолита. Им были исследованы как памятники с ямочно-гребенчатой керамикой (балахнинская культура), так и с гребенчатой керамикой камского типа (Халиков, 1960).

Раскопки, проведенные А.Х. Халиковым и другими исследователями в 1950-60-ые гг. на территории Нижней Камы и Средней Волги, позволили ему предложить собственную концепцию развития неолита на территории региона.

В частности, А.Х. Халиковым была предложена периодизация волго-камской культуры. По этой схеме неолит Волго-Камья делился на 5 этапов, из которых три относилось к раннему периоду и два к позднему (Халиков, 1969).

Первый этап так называемого докерамического неолита датировался второй половиной V тыс. до н.э. Для него были характерны: аморфные нуклеусы, крупные пластины, асимметричные долота и тесла, шлифованные орудия.

На втором этапе появлялась накольчатая керамика. Он датировался первой половиной – серединой IV тыс. Вместе с накольчатой керамикой встречались орудия на отщепах и крупных пластинах.

На третьем этапе, который автор относил ко второй половине IV тыс. до н.э., помимо накольчатой керамики появлялась гребенчатая. И та, и другая посуда имела одинаковую форму – котловидные сосуды с коническим дном. На данном этапе были изучены полуземлянки подквадратной формы с очагами.

Два других этапа были отнесены автором к позднему неолиту и повторяли периодизацию О.Н. Бадера. Четвертый этап совпадал с боровоозерским, а пятый – с хуторским (Халиков, 1969).

В этой же работе Халиков отметил, что наибольшее сходство у волго-камской культуры наблюдается с днепро-донецкой, но это автор объяснял не инфильтрацией населения, а тем, что обе культуры входят в одну область неолитических культур Евразии. Особый интерес представляла идея А.Х. Халикова о перерастании накольчатой керамики в гребенчатую посуду.

Выход в свет описанной выше работы привел к началу дискуссии о месте накольчатой керамики в неолите Волго-Камья, в которой приняли участие практически все специалисты в этой области – В.П. Третьяков, Р.С. Габяшев, В.В. Никитин, И.В. Калинина, А.А. Выборнов, В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук и др.

В одной из своих последних работ, посвященных неолиту региона, А.Х. Халиков уточнил предложенную концепцию. В частности, выделяя волго-камскую неолитическую культуру, он говорил о том, что наиболее ранними были котловидные сосуды с накольчато-прочерченной орнаментацией. Их появление он связывал с южным влиянием. Кремневая индустрия была преемницей местных мезолитических традиций и носила макро-микролитический характер. На развитом этапе южное влияние исчезало, а на смену накольчатой приходила гребенчатая орнаментация все тех же котловидных сосудов. В дальнейшем, на базе Волго-Камского неолита формировались волосовские и гаринско-борские культуры с финноязычным населением (Халиков, 1986. С.4-6).

Исследования, проведенные на территории Волго-Камья в конце XX – начале XXI вв., позволили по-новому взглянуть на концепцию А.Х. Халикова. Работы по радиоуглеродному датированию неолитических памятников Волго-Камья были проведены в начале XXI в. группой исследователей под руководством А.А. Выборнова (Выборнов, 2008а; Выборнов, 2008б. С.15-24; Выборнов, Габяшев и др., 2008. С.36-45; Выборнов, Гусенцова и др., 2008. С.88-94). Эти работы, с одной стороны, удревнили время существования неолитических культур в регионе до VI-V тыс. до н.э. (в калибровочных значениях), с другой стороны, подтвердили многие тезисы А.Х. Халикова.

В частности, была подтверждена точка зрения А.Х. Халикова на более раннее, по сравнению с гребенчатой керамикой, появление посуды с накольчато-прочерченным орнаментом и влияние на ее появление южного импульса из степных районов Нижней Волги. В то время как каменная индустрия во многом продолжает местные позднемезолитические традиции.

Также справедливо отнесение гребенчатой керамики камского типа к лесным культурам Волго-Камья, а время их широкого распространения к развитому и позднему неолиту. Не находит подтверждения только идея о перерастании накольчатой керамики в гребенчатую. Требуется дополнительных исследований вопрос о роли местных неолитических культур в формировании гаринской и волосовской культуры.

Таким образом, мы можем констатировать, что работы А.Х. Халикова по неолиту Волго-Камья являются основой для исследований современных археологов, а многие положения его концепции не потеряли своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня.

Список литературы:

- Выборнов А.А., 2008а. Неолит Волго-Камья. – Самара: СамГУ. – 490 с.
- Выборнов А.А., 2008б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 4. – С. 15–24.
- Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В., 2008. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. – Вып. 2. – Пермь: ПГПУ. – С. 36–45.
- Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В., 2008. К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья / *Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии*. – Ижевск: УдГУ. – С. 88-94.
- Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху неолита и бронзы // *Труды Марийской археологической экспедиции*. Т.1. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. –188 с.
- Халиков А.Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука. – 395 с.
- Халиков А.Х. 1986. Этнокультурная ситуация в Среднем Поволжье и Приуралье в эпоху неолита // *Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы*. – Оренбург: ОГПИ. – С.4-6.

А.М. Белафин АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ И ИДЕИ А.Х. ХАЛИКОВА

В статье рассматриваются особенности научного подхода А.Х. Халикова, многогранность его научных интересов. Поднятые им проблемы способствовали возникновению дискуссий, прослуживших толчком к развитию научной мысли. Влияние его идей и творческого научного метода благотворно сказалось на становлении археолого-этнографической научной школы в Пермском педагогическом университете.

Ключевые слова: Халиков, научный метод, дискуссии, археология Поволжья и Предуралья

A.M. Belavin

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE PERM CIS-URALS AND IDEAS OF A. KH. KHALIKOV

The paper explores specific features of A. Kh. Khalikov's scientific approach and versatility of his research interests. The questions he raised determined discussions and were a powerful spur for the advance of scientific research. Archaeological and ethnographic school of thought at Perm State Pedagogical University considerably benefited from his ideas and research methodology.

Key-words: Khalikov, scientific method, discussions, archaeology of the Volga region and the Perm Cis-Urals

Пытаясь оценить роль Альфреда Хасановича в исследованиях археологии того или иного региона Волго-Камья, сталкиваешься с тем, что сложно найти направление археологических исследований, на котором бы не отразилось влияние его идей, научных методов, тех или иных его гипотез.

Безусловно, это связано с тем, что А.Х.Халиков, был одним из немногих "ки-тов" археологической науки, которые в эпоху "директивной истории" могли мыслить категориями не локальными, местечковыми, привязанными к той или иной административно-территориальной единице или национальной автономии, а рассматривать проблему на евразийском фоне, вне отрыва от постоянной готовности к полемике, без мелочной оглядки (за редким исключением) на свои собственные ранние высказывания, которые никогда не были для него чем-то "забронзовелым" или "вытесанным из гранита науки". Круг научных интересов А.Х.Халикова был весьма обширен. Его творческое внимание привлекали проблемы палеолита и мезолита, неолитические культуры Восточной Европы, памятники эпохи бронзы, раннего железа и средневековья, этногенез народов Поволжья и Приуралья, история Казани, история известных в российской культуре татарских династий и пр. А.Х. Халикова в меньшей степени интересовало какое-либо создание теоретических схем или методологические исследования, важнейшей задачей археолога он считал введение в научный оборот новых материалов, их живое обобщение, он был ярым сторонником права археологии на реконструкцию культурно-исторических и этнических процессов, причем в реконструкции этнического процесса в древности право "первой скрипки" он отдавал именному археологическому материалу. При этом в своих работах он активно использовал данные лингвистики, антропологии, палеозоологии, исторической географии и т.д.

По сию пору считаю для себя важной заповедь, которую произнес Альфред Хасанович, обсуждая со мной заключительный вариант моей кандидатской диссертации. Он сказал, что самым важным в поведении исследователя он считает возможность отказать себе в слепом следовании однажды выдвинутой самим собой гипотезе. "Поймите, появление новых фактов заставляет нас пересматривать свои собственные высказывания, не бояться выдвижения новых гипотез, даже если они противоречат твоим же собственным идеям, высказанным прежде, на ранее известных материалах. Не нужно пытаться приспособливать новые факты к старым идеям, пусть даже эти идеи вам очень нравятся". Эта постоянная готовность к научной полемике, эта "небоязнь" дискуссии, стремление к комплексному подходу в исследованиях позволяло ему высказывать новые, зачастую казавшиеся чрезмерно смелыми, но при этом весьма жизнеспособные и весьма плодоносные научные гипотезы. Причем эта черта проявлялась во всех научных областях, за которые брался А.Х. Халиков.

Для археологии Пермского Предуралья такой стиль научного поведения оказался весьма важен, так как результатом многих идей А.Х.Халикова стали многовекторные дискуссии, которые, в ряде случаев, хотя и не приблизили нас к достижению истины, но позволили в значительной степени пересмотреть устоявшиеся, казалось бы, взгляды, и создать стимулы к следующему уровню анализа новых и старых материалов.

Так, одной из наиболее сложных и интересных проблем в археологии каменного века Предуралья и Волго-Камья в целом, является проблема соотношения памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой. А.Х. Халиковым в монографии "Древняя история Среднего Поволжья" в 1969 г. (Халиков, 1969) была предпринята одна из первых попыток решить эту проблему. Им была высказана идея, что накольчатая керамика является более ранней относительно гребенчатой, и гребенчатая традиция орнаментации посуды возникает на базе накольчатой традиции и сменяет ее. По мнению А.Х. Халикова, продвижение на север носителей накольчатой керамики, хотя и относительно неспешное, было связано с изменением климатических условий и смещением ландшафтных зон в эпоху неолита (Халиков, 1986. С. 4-6). При этом им же отмечалось и обратное, встречное, движение носителей гребенчатой керамики (Хуторского типа).

Возникшая по поводу идей Халикова активная дискуссия, отразившаяся в публикациях 1970-90-х гг., на мой взгляд, не закончилась по сию пору, продолжая оставаться достаточно острой. Вероятно, общего ответа на поднятые А.Х. Халиковым вопросы не будет, так как на разных территориях взаимоотношения носителей этих двух культурных традиций выстраивались по-разному. Керамика позднего неолита отражает определенные этнокультурные изменения, связанные со слиянием разных этнокультурных групп и формированием той своеобразной основы, на которой формируется угро-финское население Пермского Предуралья. Оно стало основным вмещающим этнокультурным образованием этой территории на все последующее время вплоть до массового расселения здесь тюрок и славян в эпоху позднего железа.

Возможно, что в позднем неолите Пермского Предуралья, как и Волго-Камья в целом, происходит консолидация населения, лежащая в основе формирования волосовской культурно-исторической общности III - начала II тыс. до н.э. (Белавин, Лычагина, 2001. С. 10-14). Однако если в западной части волосовского ареала в основе формирования его населения лежало некое протоволосовское образование с чертами

волго-окского (гребенчато-ямочного) и камского (гребенчатого) неолита, то в его восточной части в основе такого формирования было слияние населения с накольчатой керамической традицией и населения камского (гребенчатого) неолита. При этом ведущую роль в данном слиянии сыграло автохтонное население, а носители накольчатой керамики, возможно, придали дополнительный импульс развитию новых форм хозяйственной деятельности. В любом случае, пришлое население было достаточно быстро ассимилировано, о чем свидетельствует отсутствие накольчатой керамики на энеолитических памятниках Пермского края. Стоит также отметить, что на эту часть протоволосовского ареала определенное влияние в результате хозяйственных, брачных связей и идейно-культурной инфильтрации оказало население Западной Сибири (Приобья), которое также принимает участие в сложении восточного ареала волосовской общности. Решающую роль в такой этнокультурной интеграции сыграли близкие природно-географические показатели Предуралья и Зауралья. Вероятно, можно считать, что восточный вариант волосовской общности в дальнейшем был основой для этногенеза угорских этнических групп Предуралья и Среднего Урала, тем более, что все последующее развитие гребенчатой традиции в Предуралье позволило многим исследователям уверенно связывать её с протоугорским населением (Викторова, Морозов, 1993).

Важным этапом в рассмотрении периода поздней бронзы и формирования культур раннего железного века в Поволжье и Приуралье были исследования, предпринятые А.Х. Халиковым, и описанные в указанной выше монографии и ряде других работ (Калинин, Халиков, 1954). По сию пору не утихают споры о приказанской культуре, её ареале, этнокультурных составляющих, о её значении в последующих этногенетических процессах, с самого начала выделение приказанской культуры было воспринято неоднозначно. По мнению А.Х. Халикова, приказанская культура, особенно на её маклашеевском этапе распространилась на огромную территорию – от Ветлуги на западе до Осинского и Пермского районов на востоке. При этом многие локальные культуры рассматривались как некие варианты приказанской. Эти положения вызвали сначала сдержанную, а затем все более бурную дискуссию. Против расширенного толкования приказанской культуры выступили Ю.А. Краснов и А.П. Смирнов. Многие тезисы оспаривались и продолжают оспариваться различными исследователями. Памятники Камско-Бельского междуречья А. В. Збруевой отнесены к луговской культуре, средне и верхнекамские В. П. Денисовым – к ерзовской, бассейна реки Белой К. В. Сальниковым – к культуре курмантау. В последнее время из приказанских древностей выделены маклашеевская (В. Н. Марков, А. А. Чижевский), ахмыловская (В. С. Патрушев), буйская (Р. Д. Голдина) культуры.

Для археологии Пермского Предуралья важными являются споры вокруг ерзовской культуры, которую ряд авторов вслед за А.Х. Халиковым включали в приказанскую культуру как вариант. В.П. Денисовым (1967) ерзовский вариант был выделен в отдельную культуру XII-VIII вв. до н.э. с тремя этапами. М.Ф. Обыденнов полагает, что к собственно маклашеевской культуре будут относиться первые два этапа, и стоит присоединиться к выводу А.Х. Халикова, включавшего ерзовку в качестве локального варианта в единую культуру. Основой формирования ерзовского этапа могли стать пришлые элементы типа населения Заосиновское VII, которое отражало процесс взаимодействия послегаринского и зауральского угорского черкаскульского населения,

однако проследить данный процесс трансформации на имеющемся сегодня материале в полном объеме невозможно (Обыденнов, 1998. С.72). Тем не менее, в дискуссии, вызванной А.Х. Халиковым, сложилось весьма важное и остро воспринимаемое рядом коллег мнение об этнической принадлежности населения позднего бронзового века Урала как о древнеугорской. Это позволяет выделить особый угорский этап в формировании этнической карты Урала и Приуралья в конце II до н.э. - начале I тыс. н.э.

Отдавая должное вкладу А.Х. Халикова в изучение ананьинской историко-культурной общности, именьковской археологической культуры, отмечу, что для археологии Пермского Предуралья все же большую роль сыграли исследования А.Х. Халикова в области булгароведения, которое обрело в его лице нового активного лидера. Начав с исследований Больше-Тарханского и Танкеевского могильников, А.Х. Халиков все больше и больше погружался в проблемы булгарской археологии. Важнейшим этапом для него и для булгароведения стали масштабные работы на Билярском городище, начатые им в конце 1960-х гг.

Огромный организационный потенциал и опыт А.Х. Халикова позволил организовать комплексные исследования Биляра, когда в его изучении наряду с археологами работали историки, антропологи, остеологи, карпологи, архитекторы, искусствоведы. Была организована аэрофотосъемка, проведены почвоведческие анализы, в итоге Биляр стал одним из наиболее хорошо изученных эталонных памятников домонгольской Булгарии. В процессе обобщения материалов Билярских экспедиций, А.Х. Халиковым была фактически спровоцирована дискуссия о "столичности" Биляра, которая велась на протяжении 5 лет на страницах журнала "Советская археология". И хотя дискуссия имеет и современное продолжение, её важным результатом стало понимание особого места, которое занимал "Великий город булгарский" не только в истории и экономики Волжской Булгарии, но и в истории, экономике и культуре Восточной Европы в целом.

Под влиянием развития булгароведения были начаты исследования "булгарской эпохи" в Предуралье. Под пристальное внимание ученых попали как ранее накопленные, так и свежие материалы, характеризующие взаимодействие народов Предуралья с Волжской Булгарией. Под влиянием булгароведческих исследований возникло несколько новых направлений исследований: так, развернулись работы по проблемам урбанизации средневекового Предуралья, вопросам взаимодействия Предуралья с Сибирью и Западом, проблемам миграций и колонизаций, роли народов Предуралья в евразийском "концерте народов и культур". Рядом авторов (А.М. Белавин, А.Г. Иванов, Н.Б. Крыласова, Е.П. Казаков, М.Г. Иванова, И.Ю. Пастушенко и др.) были опубликованы обобщающие работы, в которых ярко демонстрировалась роль Булгарии в социально-экономическом развитии народов Предуралья, а также место Предуралья в евразийских процессах эпохи средневековья.

Стало ясным, что булгары впервые познакомились с предуральско-прикамскими племенами еще в период своего расселения по Среднему Поволжью. Начиная с VIII в. носители угорских неволинской, ломоватовской и полумской археологических культур Прикамья, находившихся на территории современных Пермского края и республики Удмуртия, частично переселяются на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму, в определенной мере предшествуя здесь волжским болгарам, а в дальнейшем участвуя в формировании этноса и культуры государства волжских болгар.

Вероятно, не позже начала X в. болгары познакомились и собственно с Предуральем (Прикамьем). Во всяком случае, уже в первой трети X столетия на прикамских землях появились торговые фактории болгарских купцов – опорные пункты транзитной международной торговой системы, послужившей основой для многовекового экономического, культурного и политического сотрудничества народов Поволжья и Прикамья. Болгары не только появились в Прикамье с торговыми целями, но и вошли в состав населения региона.

Важную роль в истории взаимодействия Булгарии и Предуралья сыграли торговые связи, в том числе, Камский торговый путь, ставший частью мировой системы Восточной торговли как особая часть Великого Волжского пути. Болгары стремились закрепить торговый путь по Каме за собой, препятствуя проникновению иноземных купцов в эти районы. Они осуществляли посредническую транзитную торговлю между Средней Азией, Кавказом, Русью и Прикамьем, в которую все больше вливались изделия болгарского ремесла.

Булгарское ремесло оказало огромное влияние на развитие производства в предуральских землях в эпоху раннего средневековья. Под его влиянием развивается местное бронзолитейное производство, более того, прикамские бронзолитейщики и металлурги стали поставщиками меди и бронзы для болгар, на ряде памятников найдены формы-изложницы для отливки товарных бронзовых слитков. Местное косторезное производство, позаимствовав у болгар технологические приемы и часть инструментария, уже к XI-XII вв. фактически превратилось в ремесло.

Многочисленность и выраженное своеобразие скано-зереневых и черненых ювелирных изделий из Уральского Прикамья связаны не только с импортом из болгарских ювелирных центров, но и с возможным возникновением под болгарским влиянием и при участии болгарских мастеров собственного ювелирного сереброкузнечного центра (центров) в Предуралье. Многие детали бусинных колец, декор перстней из Прикамья имеют определенные отличия от аналогичных изделий, найденных в Волжской Булгарии, тем не менее, их общий облик выдает в них болгарские изделия. Кроме производства серебряных и бронзовых (более дешевых и распространенных) ювелирных изделий в Прикамье могло быть налажено под болгарским влиянием и собственное бусинное производство. Следы такого производства, в том числе, в виде неиспользованной стеклянной массы (стеклянная палочка-заготовка), найдены на Рождественском городище.

О непосредственном проживании болгар в Прикамье кроме находок болгарских гончарных горнов на Рождественском и Кыласовом городище, болгарской кухонной посуды и многочисленных бытовых вещей и этнических украшений, свидетельствуют и захоронения, совершенные в домонгольское время по мусульманскому обряду, носителем которого в Прикамье этого времени могли быть только переселенцы-болгары. Такие захоронения изучены у трех крупнейших городищ Прикамья, которые, вероятно, были средневековыми торговыми и ремесленными городами – опорными пунктами болгарского экономического и политического влияния в регионе – Рождественское, Анюшкар и Иднакар. Эти города были крупными, узловыми торговыми станциями на Камском торговом пути, в них, безусловно, наряду с финно-угорским населением Прикамья жили и болгары, и выходцы из иных территорий: Западной Сибири, Севера (вымская археологическая культура на территории республики Коми), представители западных и волжских финнов.

Таким образом, можно говорить о периоде X-XIII вв., как о времени активного взаимодействия Волжской Булгарии и народов Предуралья. Волжская Булгария к XI-XII вв. фактически присоединила земли Предуралья. Это дало право царю болгар собирать в Прикамье налоги: джизью и харадж.

Своими действиями Булгария способствовала и процессам оформления у предуральских народов основ нового общества, отходящего от принципов первобытного устройства.

Исследования процессов тюркизации Поволжья и Приуралья, проблем "угорского наследства" (исследования Больше-Тиганского могильника, предпринятой Е.А. Халиковой и поддержанное А.Х. Халиковым), проблемы буртас вызвали новую волну жарких дискуссий, время от времени вспыхивающих вновь и в XXI веке.

В рамках этих дискуссий особое место занимает проблема "угорского наследства".

Выделить археологическую культуру мадьярских племен перед переселением на Дунай позволило открытие Больше-Тиганского могильника. На материалах могильника Е.А. Халикова убедительно показала наличие общих элементов в погребальном обряде этого могильника и ранневенгерских могильников начала X в., а также смогла установить принадлежность памятников кушнаренковской и караякуповской культур к территории легендарной Magna Hungaria. Точка зрения Е.А. Халиковой, высказанная ею на IV Международном конгрессе финно-угроведов в 1975 г., практически не встретила возражений (Халикова, 1975). После кончины Е.А. Халиковой исследования Больше-Тиганского могильника продолжил А.Х. Халиков. Полученные им в 1978-1985 гг. новые материалы показали, что могильник функционировал и в X в., т.е. после ухода основной массы древневенгерского населения на Запад. А.Х. Халиковым было высказано предположение о смешении остатков древневенгерского населения с населением ломоватовской культуры (Халиков, 1984. С. 130). А.Х. Халиков считал, что в относительно безопасных северных районах Западного Приуралья и Южного Прикамья до начала IX в. существовало племенное объединение - полукочевое государство, известное под легендарным именем "Великой Венгрии" с которым современные исследователи соотносят кушнаренковскую, караякуповскую и неволинскую культуры. Ломоватовская и ряд других раннесредневековых культур Предуралья, по мнению А.Х. Халикова, высказанному им на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре, представлены смешанными угорско-тюркскими племенами, которые попали в письменные источники как "народ эсегель" (старые племена).

Развивая идеи А.Х. Халикова, многие исследователи отмечают, что начиная с V-VI вв. наблюдается концентрация угорского населения в Урало-Поволжье и Предуралье. Это было вызвано очередным массовым сдвигом угров с востока на запад в результате бурных событий в Азии, сопровождавших образование Первого тюркского каганата (Казаков, 1987. С.68-69), а также явилось результатом многовекового присутствия угорского населения в составе угро-финнского населения Прикамья, усилившегося после указанной массовой миграции (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, В.А. Иванов). Вплоть до XI-XII вв. Предуралье входило в Урало-Сибирскую угорскую ойкумену.

Какую бы из актуальных проблем археологии Волго-Камья и Предуралья мы не вспомнили, везде обнаруживается большой или малый "след" А.Х. Халикова, чья

творческая активность не позволяла оставаться в стороне от обсуждаемых актуальных научных проблем. И хотя в Перми А.Х. Халиков бывал не часто (по моим подсчетам, всего 4 или 5 раз: при сборе материалов для ряда исследований, участвуя в двух Уральских археологических совещаниях – 1964 и 1988 гг. и в Бадеровских чтениях) влияние его идей и, главное, творческого научного метода благотворно сказалось на становлении археолого-этнографической научной школы в педагогическом университете.

Список литературы:

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: ИПК БГПУ "Вагант". – 285 с., ил.

Белавин А.М., Лычагина Е.Л., 2011. Этнокультурная ситуация в среднем (Пермском) Предуралье в эпоху позднего неолита // Труды КАЭЭ. Вып. I-II. – Пермь: ПГПУ. – С.10-14

Денисов В.П., 1967. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. №148. Труды IV Уральского археологического совещания. – Пермь: ПГУ. – С. 29-50

Казаков Е.П., 1987. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа: ИИЯЛ БНЦ РАН. – С.67-75

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. // Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук. – Казань: Таткнигоиздат. – С.96-104

Обыденнов М.Ф., 1998. Межовская культура. – Уфа: Башк. экон.-юр. колледж. – 116 с.

Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука. – 396 с.

Халиков А.Х., 1986. Этнокультурная ситуация в Среднем Поволжье и Приуралье в эпоху неолита // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. – Оренбург: ОГПИ. – С.4-6

Халиков А.Х., 1980. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степной Евразии. Материалы I всесоюзной археологической конференции. – Кемерово: КГУ. – С. 122-133.

Халикова Е.А., 1975. Magna Hungaria // ВИ. № 7. – С. 37-42.

Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов.
А.Х. ХАЛИКОВ И ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ТАТАРСТАНА

Статья посвящена вкладу А.Х. Халикова в охрану историко-культурного наследия Татарстана. Основными направлениями его деятельности в этой области являлись: выявление и учет памятников, составление карт археологических памятников Татарстана, организация масштабных исследований в зоне Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ, вклад в организацию музеев-заповедников на территории Биляра и его округа, Казанского кремля и Елабужского («Чертова») городища, работа в области популяризации достижений археологической науки.

Ключевые слова: археология, историко-культурное наследие, Татарстан, археологическая карта, археологические исследования

F.Sh. Khuzin, A.G. Sitdikov
A.KH. KHALIKOV AND PROTECTION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE
OF TATARSTAN

The paper is devoted to A.Kh. Khalikov's contribution to the protection of historical and cultural heritage of Tatarstan. The main dimensions of his work in this domain were the following: identification and registration of sites; mapping archeological sites of Tatarstan; organization of large-scale research projects in the areas of Kuibyshevskoe and Nizhnekamskoe water-storage reservoirs; contribution to the development of museum-reserves on the territory of Bilyar and the surrounding area, the Kazan Kremlin and Elabuga ("Chyortovo") settlement; work for the promotion of archaeological science.

Key-words: archaeology, historical and cultural heritage, Tatarstan, archaeological map, archaeological research

Активная и плодотворная деятельность А.Х. Халикова в области охраны историко-культурного наследия Татарстана заслуживает специального изучения. В предлагаемом сообщении, не претендуя на всесторонний анализ его научно-практической деятельности в этом направлении, мы намерены вкратце остановиться лишь на некоторых аспектах данной проблемы. Актуальность ее не требует доказательств: практически каждый археолог, открывший во время разведок новые памятники и причастный к исследованию их путем раскопок, чувствует, прежде всего, моральную ответственность не только в дальнейшем сохранении, но и, по возможности, использовании их в качестве объектов историко-культурного наследия. Значительное количество археологических музеев, музеев-заповедников, заповедных территорий, созданных в последние десятилетия в разных регионах России, возобновление деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) с его региональными отделениями, принятие новых законов об историко-культурном наследии народов РФ, обостренный интерес специалистов к проблемам консервации и реставрации памятников архитектуры и т.д. – все это лишний раз свидетельствует о заинтересованности и готовности общества в целевом использовании огромных потенциальных возможностей древних памятников, являющихся объектом изучения археологов, не только в туристических целях, что уже немаловажно для развивающейся экономики страны, но и в воспитании у молодого поколения исторического самосознания, чувства патриотизма, морально-этических и нравственных качеств характера.

© Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г., 2012

Весьма не простые проблемы охраны археологических памятников начинаются с момента их выявления. Планомерное выявление первобытных и средневековых поселений, могильников, святилищ, монетных и вещевых кладов, каменных надгробий, других видов памятников и составление археологических карт – первый этап археологических исследований, ставящий проблему их надлежащей охраны. Начало его в нашем регионе относится еще к XIX в., когда появляются первые сводные работы типа археологических карт, составленных К.И. Невоструевым (1871), Н.Н. Вячеславом (1874), С.М. Шпилевским (1877), В.Н. Поливановым (1900) и др.

Научная деятельность А.Х. Халикова разворачивается в середине прошлого столетия, когда перед археологами Татарстана стояла задача создания Археологической карты республики в рамках составления общего Свода памятников истории и культуры народов СССР. Данная проблема, поставленная перед археологами страны на Первом Всесоюзном археологическом совещании в Москве, прошедшем в марте 1945 г., начала разрабатываться у нас по инициативе Н.Ф. Калинина, учителя А.Х. Халикова, создателя казанской школы археологии. Первые результаты проведенных в этом направлении исследований были изложены в книге этих двух авторов «Итоги археологических работ за 1945-1952 гг.» (Калинин, Халиков, 1954), где были обобщены материалы 447 памятников, обследованных в 21 районе республики, в том числе, и в зоне затопления будущего Куйбышевского гидроузла на Волге (см. также: Смирнов, Тихомирова, 1948; Талицкая, 1952; Калинин, 1952; 1957; Каховский, 1957; Степанов, 1962). Позднее П.Н. Старостин, О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым и Р.Г. Фахрутдиновым были опубликованы своды балановских, приказанских, именьевских и болгаро-татарских памятников (Старостин, 1967; Бадер, Халиков, 1976; Халиков, 1980; Фахрутдинов, 1975). Результатом многолетних разведочных исследований, планомерно и систематически проводимых с 1945 г., стала Археологическая карта Республики Татарстан в шести томах, составленная коллективом исследователей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР под руководством А.Х. Халикова (1981; 1984; 1986; 1988; 1989; 1990). В эти тома включены сведения о 4358 памятниках, хронологически относящихся к периоду от эпохи позднего палеолита до Казанского ханства включительно.

Особенностью описания этих памятников была группировка их по речной системе без учета административных границ районов, что в некоторой степени затрудняло (особенно музейным работникам и учителям истории) использование Карты в практических целях. По инициативе А.Х. Халикова в 1987 г. была предпринята попытка составления «Археологической карты Татарстана» по районам, с учетом пожеланий массового читателя, но в нее вошло немногим более 500 объектов (Казаков, Старостин, Халиков, 1987).

Продолжая начатое своим учителем дело, А.Х. Халиков упорно добивался сплошного археологического обследования территории Татарстана. Помимо самого Халикова «удачливыми разведчиками» проявили себя его ученики Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, Р.Г. Фахрутдинов, открывшие львиную долю новых памятников.

Попутно заметим, что начало систематических обследований территории соседней Марийской республики с целью создания ее археологической карты также связано с именем А.Х. Халикова и молодых сотрудников возглавляемой им Марийской археологической экспедиции (Архипов, Халиков, 1960).

В 1990 – начале 2000-х годов значительная работа по учету памятников археологического наследия Татарстана проводилась сотрудниками Главного управления

государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры при Министерстве культуры РТ. В сборнике «Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан», изданном под редакцией И.М. Нестеренко в 2004 г., учтено всего 1257 объектов, находящихся на государственной охране. И, наконец, в 2007 году увидел свет составленный на основе вышеуказанных томов Археологической карты «Свод памятников археологии Республики Татарстан» (с учетом новых данных), содержащий сведения о 3492 памятниках, распределенных по районам с учетом речной системы их описания.

В последние годы сотрудниками Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани продолжаются целевые археологические разведки в ряде районов Республики Татарстан (по трассе строящихся дорог, газопроводов, в округе крупных средневековых городов и т.д.), а также проводится мониторинг памятников с фиксацией их степени сохранности. Составлен список не разрушающихся в данный момент археологических объектов (преимущественно это городища и курганы), на раскопки которых наложен временный запрет. Открытые листы на раскопки выдаются лишь на те памятники, которые сильно разрушаются в силу разных причин и находятся под угрозой уничтожения.

Велика заслуга А.Х. Халикова в организации масштабных исследований в зоне Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.

Развернувшееся в середине прошлого столетия строительство одной из крупнейших гидроэлектростанций на Волге – Куйбышевской ГЭС им. В.И. Ленина и последующее заполнение огромного ложа водохранилища от Жигулевских гор на юге до Чувашско-Марийского Поволжья на северо-западе и почти до устья р. Вятки на Каме привело к катастрофическому разрушению и гибели огромного количества археологических памятников. Как известно, работы по выявлению и изучению этих памятников начались еще в предвоенные годы и особенно активно проводились в первой половине 1950-х годов Куйбышевской экспедицией под общим руководством А.П. Смирнова.

В период подготовки ложа водохранилища к заполнению казанским отрядом этой экспедиции были впервые обнаружены и частично исследованы стоянки неолитического и энеолитического времени, эпохи бронзы, проводились раскопки Именьковского городища, материалы которого послужили основой для выделения особой, до сих пор «загадочной» культуры предбулгарского времени, а также подгорной части городища «Великие Болгары», в том числе, знаменитого «Ага-Базара» (результаты работ опубликованы: МИА. – 1954. – № 42; 1958. – № 62; 1960. – № 80; 1962. – № 111).

Практически с начала функционирования в 1956 г. Куйбышевского водохранилища, поглотившего сотни еще не выявленных памятников древности, казанские археологи становились невольными свидетелями гибели тех из них, которые частично еще сохранились по берегам искусственного моря и беспощадно вымывались его волнами, особенно весной в период половодья и осенью, когда происходил спад воды, оголяя размытые края надлуговых террас, дюны, гривы. Культурные отложения поселений были уже размыты, но при спадах воды удавалось фиксировать остатки хозяйственных и жилых построек в виде ям различной формы и подпрямоугольных в плане котлованов, а также собрать в значительном количестве вещевой материал (Халиков и др., 1967; 1977; Габяшев и др., 1974, с. 4-5; 1976, с. 3-34). Для науки были спасены уникальные памятники эпохи камня, бронзы, раннего железа,

раннего средневековья и болгаро-татарского времени. Среди них отметим лишь Новомордовский могильник, при исследовании которого были использованы поиски каменных стел под водой и раскопки ранней весной, когда на поверхности могильника лежал еще не растаявший лед (Халиков, 1977, с. 118-123). Не иначе как самоотверженностью и научным подвигом не назвать ежегодные, на протяжении более полувека, инициированные А.Х. Халиковым исследования старейшего нашего археолога Е.П. Казакова на Измерском селище – одного из крупнейших торгово-ремесленных поселений волжских болгар X–XI вв. на Великом Волжском пути (Казаков, 1991).

Накопленный опыт полевых исследований в зоне Куйбышевского водохранилища был удачно использован позднее археологами Татарстана при работах в зоне Нижнекамского водохранилища, начавшихся в конце 1960-х годов. Татарский отряд Нижнекамской экспедиции Института археологии АН СССР (рук. О.Н. Бадер), в составе которого работали П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, Р.С. Габяшев, М.Г. Косменко, обследовал десятки новых памятников преимущественно эпохи камня, бронзы и раннего железа. На некоторых из них производились довольно широкие раскопки, материалы которых нашли отражение в двух выпусках «Отчетов» НКАЭ (Отчеты, 1972; 1978).

На этих двух водохранилищах археологические исследования охранно-спасательного характера не прекращаются до сих пор.

Еще одно направление ярко вырисовывается в научно-практической деятельности А.Х. Халикова по охране историко-культурного наследия Татарстана – он был одним из инициаторов организации музеев-заповедников на территории Биляра и его округа, Казанского кремля и Елабужского («Чертова») городища.

Широкомасштабные раскопки Билярского городища – одного из крупнейших археологических памятников Восточной Европы эпохи средневековья – А.Х. Халиков начал в 1967 г. Первые рекогносцировочные раскопки проводились им на территории городища, занятой современным селом – так осторожно, буквально с трепетом относился он к древностям Биляра, не рисковал, до конца не разобравшись в характере культурного слоя, начать углубленные исследования в незастроенной части памятника. Искренне огорчился, увидев варварское отношение местного населения, да и руководителей местной власти, к бесценному наследию предков. Выступал с лекциями по радио, перед учащимися и молодежью в сельском клубе, публиковал статьи в районной газете, короче, использовал все возможности, чтобы доступно объяснить широкой публике значение археологических открытий в Биляре для науки и, в чисто практическом плане, для будущего самого села.

Наряду с планомерными исследованиями на городище проводились раскопки охранно-спасательного характера в местах, где рылись траншеи для газо- и водопровода, строились дороги, копались котлованы под фундамент будущих зданий. Полученные материалы использовались для реконструкции историко-социальной топографии средневекового города.

Параллельно с полевыми исследованиями широко развернулись в Биляре работы по консервации и частичной реконструкции вскрытых архитектурных сооружений: кирпичного здания в районе «караван-сарая», остатков Соборной мечети, состоявшей из деревянной и белокаменной частей, «дома знатного феодала» (бани) поблизости этой мечети и еще одной общественной бани, исследованной на раскопе XXVII (Айдаров, 1990).

Огромный археологический материал, накопленный за десять полевых сезонов в Биляре, нашел свое место в экспозициях временной выставки, созданной руками

А.Х. Халикова и приуроченной к 100-летию выдающегося химика-органика, академика АН СССР А.Е. Арбузова (1877–1968), дом которого, где он родился, был перевезен в Билярск из соседнего села Арбузов Баран. Через несколько лет на базе этой выставки был создан Археологический музей Билярского городища, в фондах которого хранится в настоящее время более 70 тыс. единиц предметов.

А.Х. Халиков достойно завершил свои исследования в Биляре созданием в 1992 г. Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника, занимающего площадь около 3840 гектаров! Постановлением Кабинета министров РТ был утвержден проект охранной зоны, включающий территории «Святого ключа», бывшей усадьбы ученого-химика, академика А.М. Бутлерова и кладбища с его часовней-склепом.

А.Х. Халиков, посвятивший в 1970-х годах ряд полевых сезонов раскопкам на территории Казанского кремля и исторической части города, был основным автором «Научной концепции сохранения, развития и использования ансамбля Казанского кремля», в котором были четко обозначены конкретные меры по исследованию, проектированию и производству работ, связанных с комплексной реставрацией и рациональным использованием территории этого выдающегося памятника. Указанный документ послужил концептуальной основой при создании Указом Президента РТ от 22 января 1994 г. Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль». Можно сказать, что раскопки 1994–2005 гг., на материалах которых был определен 1000-летний возраст Казани, проводились с учетом конкретных рекомендаций А.Х. Халикова, учитывающих не только особенности культурного слоя памятника, но и его значение в истории татарского и русского народов, специфику раскопок в условиях функционирующего города.

В заключение считаем необходимым упомянуть активную работу А.Х. Халикова в области популяризации достижений археологической науки, в том числе и историко-культурного наследия народов Среднего Поволжья, на страницах республиканских газет и журналов (см. библиографию трудов: Кузьминых, Старостин, Хузин, 1999, с. 33–57). До сих пор настольной книгой экскурсоводов и краеведов являются путеводитель «Казань», составленный совместно с В.В. Кузьминым и Ю.И. Смыковым (1977), свод памятников истории и культуры Казани, включающий в себя подробное описание 335 объектов археологии, архитектуры и искусства (Казань в памятниках, 1982). Проблемам консервации и реставрации памятников средневековой архитектуры Болгара, Биляра и Казани посвящена научно-популярная книга «Память поколений», написанная совместно с С.С. Айдаровым и Н.З. Юсуповым (1980).

Нет сомнения, что положительный опыт организации охраны археологических памятников, накопленный коллективом исследователей под руководством А.Х. Халикова, нашими старшими коллегами, востребован и сегодня, ибо сохранение и использование историко-культурного наследия наших предков является, в конечном счете, одним из приоритетных направлений в практической деятельности каждого археолога.

Список литературы:

Айдаров С.С., 1990. Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности). Автореф. дисс... док. архитек. – М. – 27 с.

Айдаров С.С., Халиков А.Х., Юсупов Н.З., 1980. Память поколений. Научно-популярные очерки о памятниках истории и культуры Татарии. – Казань: Тат. кн. изд-во. – 104 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / отв. ред. А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1981. – 212 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1984. – 115 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье / отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1986. – 282 с.

Археологические памятники Центрального Закамья / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1988. – 98 с.

Археологические памятники Восточного Закамья / отв. ред. Е.П. Казаков. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1989. – 100 с.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан / отв. ред. А.Х. Халиков. – ИЯЛИ КФ АН СССР, 1990. – 112 с.

Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. – 132 с.

Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В1-25. – М.: Наука. – 168 с.

Вячеслав Н., 1874. Заметки о городищах, курганах и других земляных насыпях в Казанской губернии. – Казань: Губерн. тип. – 33 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н., Казаков Е.П., Халиков А.Х., 1974. Из опыта работ на функционирующих водохранилищах Волжско-Камского каскада // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Тезисы. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР. – С.4-5

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А., 1976. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР. – С.3-35

Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан, 2004. Вып. 4. Археологическое наследие / отв. ред. И.М. Нестеренко. – Казань: «Мастер Лайн». – 144 с.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Таткнигоиздат. – 176 с.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987. Археологические памятники Татарской АССР / отв. ред. и сост. А.Х. Халиков. – Казань: Тат.кн.изд-во. – 240 с.

Казань в памятниках истории и культуры, 1982 / отв. ред. и сост. А.Х. Халиков. – Казань: Тат. кн. изд-во. – 282 с.

Калинин Н.Ф., 1952. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. (Из материалов Куйбышевской экспедиции) // КСИИМК. Вып. XLIV. – Л.: ИИМК. – С.52-66

Калинин Н.Ф. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года / Изв. КФАН СССР. Серия гуманитар. наук. Вып. 2. – Казань, 1957.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. (Тр. КФАН СССР, серия истор. наук). – Казань: Тат. кн. изд-во. – 126 с.

Каховский В.Ф., 1957. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. – 122 с.

Кузьмин В.В., Смыков Ю.И., Халиков А.Х., 1977. Казань. Путеводитель. – Казань: Тат. кн. изд-во. – 255 с.

Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш., 1999. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. – Казань: ИИ АНРТ. – 60 с.

Невоструев К.И., 1871. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I Археологического съезда. Т. II. – М. – С.551-553

Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. – М.: Знание, 1972. – 156 с.

Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 2. Древности Иксско-Бельского междуречья. – Казань: ИА АН СССР, 1978. – 152 с.

Поливанов В.Н., 1900. Археологическая карта Симбирской губернии – Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева. – 71 с., карт.

Свод памятников археологии Республики Татарстан / отв. ред. А.Г. Ситдинов, Ф.Ш. Хузин. В 3 т. – Казань, 2007. – (2887)

Смирнов А.П., Тихомирова В.Н., 1948. Археологические памятники правобережья Волги (Ульяновск–Майна) // Историко-археологический сборник. Тр. Ин-та краеведения и музейной работы. – М.

Старостин П.Н., 1967. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32. – М.: Наука. – С.9-29

Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1978. Из опыта работы по составлению общей и тематических археологических карт (по материалам Среднего Поволжья) // О научной конференции по памятникам археологии. – М.

Степанова П.Д., 1962. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА. № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV). – М.: АН СССР. – С.221-272

Талицкая И.А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // МИА. № 27. – М.: АН СССР. – 224 с.

Фахрутдинов Р.Г., 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Таткнигоиздат. – 219 с.

Халиков А.Х., 1972. Памятники истории и культуры Татарии // Памятники Отечества. № 1. – С.181-187

Халиков А.Х., 1977. Пятый Новомордовский могильник // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука

Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура // САИ. Вып. В1-24. – М.: Наука. – 128 с.

Халиков А.Х., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., 1967. Изучение археологических памятников Нижнего Прикамья в пределах Куйбышевского водохранилища в 1965–1966 гг. // 5-е Уральское археологическое совещание. Тез. док. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во

Халиков А.Х., Косменко М.Г., Старостин П.Н., 1977. Работы казанских археологов на водохранилищах Волго-Камского каскада // Развитие гуманитарных наук в Татарии. – Казань: КФ АН СССР. – С.77-82

Шпилевский С.М., 1877. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань. – 585, XVI с.

ВОЛГО-КАМЬЕ И УРАЛ ОТ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ДО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

И.Н. Васильева, А.А. Выборнов
К РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО
ГОНЧАРСТВА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Статья посвящена результатам изучения керамики неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья, проведенного в рамках комплексного исследования неолитического гончарства Поволжья, основанного на методах морфологической группировки, радиоуглеродного датирования, технико-технологического анализа. Делаются выводы о том, что гончарные традиции средневолжского неолитического населения, изготавливавшего керамику с накольчатым и гребенчатым орнаментом, отличаются от традиций прикамского населения с гребенчатой посудой. Но сравнительный анализ данных по технологии изготовления керамики с гребенчатым и накольчатым орнаментом позволяет говорить не только о сосуществовании и взаимодействии этих групп неолитического населения, но и их смешении.

Ключевые слова: археология, неолит, Прикамье, накольчатая и гребенчатая керамика, технико-технологический анализ

I.N. Vasilyeva, A.A. Vybornov
ON THE RESEARCH OF NEOLITHIC POTTERY PRODUCTION IN THE UPPER AND
MIDDLE KAMA REGION

In the framework of the complex research of Neolithic ceramics, pottery from the Neolithic archeological sites of the Upper and Middle Kama Region were analyzed by means of morphologic grouping, radiocarbon dating, technique and technological survey. The findings show that ceramic traditions of the Middle Volga region population, which produced pottery with stroke and combed ornament, differ from the Kama region population's traditions of combed ceramics. But comparative analysis of the production technology of pottery with combed and stroke ornament shows that these Neolithic population groups did not only coexisted and interacted, but also mixed.

Key-words: archaeology, the Neolithic Era, the Kama region, stroke and combed pottery, technique and technological analysis

Статья посвящена результатам изучения керамики неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья, проведенного в рамках комплексного исследования неолитического гончарства Поволжья. Прикамье являлось составной частью территории и культурного пространства Поволжья в эпоху неолита, поэтому без изучения керамических материалов данного региона невозможно понимание механизмов зарождения и ареалов распространения различных гончарных традиций в Поволжье в неолите; выявление этапов их развития и особенностей в разных районах; определение характера взаимоотношений неолитических культурных групп Поволжья с населением сопредельных регионов, а также процессов их смешения, преемственности и инноваций. Методика исследования включала: 1) морфологическую группировку керамики, основанную на технике нанесения орнамента и особенностях формы сосудов; 2) радиоуглеродное датирование конкретных культурных типов керамики; 3) технико-технологический анализ керамики.

Вопросы периодизации, хронологии и взаимодействия культур неолита Прикамья после работ О.Н. Бадера (Бадер, 1970; 1978) продолжают разрабатываться

и в настоящее время (Выборнов, 1992, 2000, 2008; Лычагина, 2004, 2006, 2011; Мельничук и др., 2001, Мельничук и др., 2006). Было предпринято также исследование технологии изготовления керамики накольчатого типа Верхнего Прикамья (Ощепков, 2006).

Одним из основных источников для решения данных проблем является неолитическая керамика, представленная, в основном, гребенчатым и накольчатым комплексами. В развитии камской культуры, для которой была характерна керамика с гребенчатой орнаментацией, исследователи выделяют три этапа. Для раннего этапа характерны прямостенные сосуды без наплывов на венчиках, использование длинного мелкозубчатого штампа, небольшое количество простых композиций в орнаментации. На втором (хutorском) этапе посуда приобрела закрытую форму, толстостенность, значительный процент наплывов на венчиках, конусовидность днищ, доминирование среднезубчатого штампа, увеличение числа разнообразных узоров, большое количество «шагающей гребенки», присутствуют признаки влияния зауральских культур. Для заключительного (лѐвшинского) этапа присущи следующие показатели: прямостенная и профилированная форма сосудов без наплывов на венчике, ряд ямок под его срезом, уменьшение толщины стенок до 0,8–1 см, округлодонность днищ, относительная разреженность в нанесении узоров, применение крупнозубого и косозубого штампов, появление вертикальной зональности, сокращение числа орнаментальных композиций.

Керамика с накольчатой орнаментацией в данном регионе подразделяется на две группы. К ранней группе относятся прямостенные и профилированные, плоскодонные, тонкостенные (0,6–0,8 см) сосуды без орнамента, редко украшенные наколами в отступающей технике. По срезу венчика порой нанесены насечки. Орнаментальное поле разреженное, а узоры просты. Вторая группа характеризуется увеличением толщины стенок сосудов до 1 см, разнообразием форм, появлением округлых днищ, густым заполнением орнаментального поля, усложнением композиций.

Группировка керамики, предшествовавшая технико-технологическому анализу, осуществлялась с учетом вышеперечисленных морфологических признаков. Всего микроскопическому изучению было подвергнуто 175 образцов (фрагментов верхних и донных частей, а также стенок сосудов) из коллекций 21 неолитического памятника Верхнего и Среднего Прикамья. Из них к гребенчатому комплексу относится 101 образец, к слабо или не орнаментированному – 24 образца, к накольчатому – 47 образцов, к инокультурным группам керамики – 3 образца.

Изучение технологии изготовления сосудов Прикамья было проведено в рамках историко-культурного направления, разработанного А.А. Бобринским, основанного на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании (Бобринский, 1978; 1999). Выделение информации производилось в рамках гребенчатого и накольчатого керамических комплексов Прикамья по стадиям и ступеням структуры гончарной технологии. Изложение результатов исследования в данной статье построено таким же образом.

1. ГРЕБЕНЧАТЫЙ КОМПЛЕКС (101 обр.)

1. Подготовительная стадия (отбор, добыча и подготовка исходного сырья, составление формовочных масс). Исходным пластичным сырьем (ИПС) в гончарстве называются природные материалы, которые могли применяться в качестве самостоятельного пластичного сырья для изготовления посуды (Бобринский, 1999. С.17).

Многолетнее исследование нео-энеолитической гончарной технологии Поволжья и сопредельных регионов, а также проведение экспериментальных работ позволили выделить 3 вида ИПС, использовавшегося в производстве древнейшей керамики региона: илы, илистые глины и глины (Васильева, 1994; Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999; Васильева, 2006; Васильева, 2011). По изученным материалам Прикамья выявлено два вида ИПС: илистые глины и глины. К илистым глинам отнесено сырье, в котором единично, но встречаются мелкие углефицированные обрывки растительных тканей (детрит менее 1 мм), отпечатки нитевидных растений (водорослей), отдельные включения чешуи и костей рыбы. В нескольких черепках зафиксированы разрушенные обломки раковины (менее 1 мм). Во втором виде ИПС – глинах выше обозначенные признаки близости сырья к водоемам полностью отсутствуют.

Важным элементом характеристики навыков отбора ИПС является определение запесоченности сырья, прямо влиявшей на его пластичность. На основе изучения многочисленных этнографических и археологических данных А.А. Бобринским была замечена зависимость между различными уровнями представлений о глине как сырье для производства керамики и определенными свойствами самого сырья, а именно его «жирностью» и «отошенностью», т.е. запесоченностью (Бобринский, 1978. С.73-76).

Требования к чистоте или отошенности глин в среде современных гончаров носят устойчивый характер и меняются только со сменой их места жительства, поскольку каждая глина требует выработки особых навыков работы с ней. Несомненно, что неолитические гончары делали свой выбор сырья также осознанно и четко разделяли сырье, практически чистое от песка, и сырье, насыщенное песчаной примесью, т.к. этот выбор оказывал большое влияние на весь производственный процесс. При изучении прикамской неолитической керамики были выделены две группы ИПС: «жирные» (незапесоченные и слабозапесоченные) и «тощие» (среднезапесоченные и сильнозапесоченные). Все глины были ожелезненными.

На современном методическом уровне можно выделять следующие приемы подготовки исходного пластичного сырья: 1) дробление ИПС в сухом виде (фиксируется по наличию в формовочной массе не растворившихся до конца комочков сухой глины, а линз и вытянутых слоев чистой глины); 2) использование ИПС в естественно увлажненном состоянии (при отсутствии признаков его дробления).

В результате изучения пластичного сырья неолитической керамики Прикамья были определены следующие уровни выделения информации:

1. Виды ИПС: ИГ – илистые глины и Г – глины. Данный уровень характеризует общие представления групп населения о сырье для изготовления бытовой посуды.

2. Виды ИПС подразделяются на группы: «жирные» и «тощие», отражающие культурные традиции отбора сырья.

3. Навыки подготовки пластичного сырья. Как выяснилось в ходе исследования неолитической керамики Прикамья, данные приемы имеют большое значение для характеристики гончарства региона. Выделяются два способа: дробление ИПС в сухом состоянии и использование естественно увлажненного сырья.

Результаты изучения исходного пластичного сырья прикамской гребенчатой керамики раннего, хutorского и левшинского этапов представлены в таблице 1.

Табл. 1. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики гребенчатого комплекса

этапы, памятники, абсолютные даты (некалиброван.)	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:
	Илистые глины				Глины				
	жирные		тощие		жирные		тощие		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
Ранний этап									
1. Зиарат 6110±80						6			6
ВСЕГО:					6/100%				100%
Второй (хуторской) этап									
2. Бор I					2	2			4
3. Боровое озеро I 5760±90				1		1	1	2	5
4. Васюково II	1	1					1		3
5. Кряжская 5620±90	1				2	3			6
6. Чирва II	1				2				3
7. Хуторская 5930±80			6	1	5	5	1	2	20
8. Чашкино озеро VI 5695±80	3				4		1	2	10
ВСЕГО:	6	1	6	2	15	11	4	6	51
	15/29%				36/71%				100%
Третий (левишинский) этап									
9. Левшинская 4850±100			3				1		2
10. Непряха							1		1
11. Заюрчим I							1		1
12. Протока			1				1		2
13. Усть- Залазнушка 5880±80					1	6			7
14. Посер					8	2			10
15. Чернушка 5960±80;5400±70					2				2
16. Чернашка	2				3				5
17. Красное плотбище	1		1		1				3
18. Заборное озеро I 5970±80	3	1			2	1			7
19. Чашкино озеро VI	1					1	2		4
ВСЕГО:	7	1	3		17	10	6		44
	11/25%				33/75%				100%
Сокращения: увл. – увлажненное состояние ИПС; др.с/с – дробление ИПС в сухом состоянии. Ед.измерения – изученный образец									

Сравнительный анализ данных о навыках отбора и подготовки пластичного сырья гребенчатой керамики разных хронологических периодов, представленных в таблице 1, показал (далее в тексте используются результаты подсчета данных

в процентах, не указанные в таблицах, т.к. они значительно бы их усложнили. Подсчет процентов производился: в случае определения доли видов ИПС – от общего количества образцов керамики конкретного этапа и комплекса; в случае определения доли жирного и тощего сырья и приемов дробления – от количества изученных сосудов, изготовленных из данного вида ИПС).

1). Для раннего керамического комплекса стоянки Зиарат – массовое распространение взглядов на глину как сырье для производства бытовой посуды; использование только жирных ожелезненных глин; дробление сырья в сухом виде и применение сухих смесей.

2). Для хуторского этапа – преобладание глин в общем объеме ИПС (71%), вместе с тем существование взглядов на илистые глины как сырье для посуды (29%); почти равное использование жирных (47%) и тощих (53%) илистых глин и преобладание навыков работы с жирными (72%) над тощими (28%) глинами. Всего 20% сосудов из илистых глин показали дробление сырья в сухом состоянии, в то время как 47% керамики из глины имело признаки изготовления ее из сухих смесей.

Табл. 2. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики гребенчатого комплекса

Комплексы этапы, памятники	Формовочные массы (ФМ)						Итого:	
	Ш+ОР					ОР		
	Ш 1/1-3		Ш 1/4		Ш 1/5			
	Ш<2 мм	Ш<3- 5мм	Ш<2 мм	Ш<3- 5мм	Ш<2 мм			Ш<3- 5мм
Ранний этап								
1. Зиарат	2	4					6	
ВСЕГО:	6/100%						100%	
Второй (хуторской) этап								
2. Бор I	1	3					4	
3. Боровое озеро I		5					5	
4. Васюково II		1	1	1			3	
5. Кряжская	3	3					6	
6. Чирва II		1	1	1			3	
7. Хуторская	4	11		5			20	
8. Чашкино озеро VI	1	8	1				10	
ВСЕГО:	9	32	3	7			51	
	41/80%		10/20%		-		100%	
Третий (левшинский) этап								
9. Левшинская				2			2	
10. Непряха			1				1	
11. Заюрчим I	1						1	
12. Протока			1	1			2	
13. Усть-Залазнушка		7					7	
14. Посер		6		4			10	
15. Чернушка				2			2	
16. Чернашка	1	4					5	
17. Красное плотбище	1	1				1	3	
18. Заборное озеро I		3		2	2		7	
19. Чашкино озеро VI		3		1			4	
ВСЕГО:	3	24	2	12	2	-	44	
	27/61%		14/32%		2/4,6%		100%	
Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор								

3). Для левшинского этапа – показатели примерно такие же, как и на хуторском этапе, но фиксируются и некоторые различия: соотношение видов ИПС – илистых глин (25%) и глин (75%); в рамках традиций отбора илистых глин увеличилась доля жирного сырья (73%) и уменьшилось применение способов дробления илистых глин до 9%; в рамках традиций отбора глин – также увеличилась доля жирных глин до 82% и сократилось применение приемов дробления до 30%.

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс (ФМ) привлечены данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки. В качестве таковых были выявлены следующие примеси: 1) шамот (порошкообразная минеральная примесь, полученная в результате дробления старых сосудов); 2) органические растворы (различные клеящие природные вещества растительного и животного происхождения) (Бобринский, Васильева, 1998. С.212; Бобринский, 1999. С.85).

Исследование прикамской неолитической керамики показало важность выделения информации о приемах составления ФМ на уровне концентрации и размерности шамота. Поэтому в таблицу 2 были включены все перечисленные позиции: рецепт, концентрация шамота и размерность этой примеси. Концентрация минеральной примеси подсчитывалась по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1999. С.38). В таблице 2 приняты следующие обозначения: Ш 1/1-3, что означает – шамот в концентрации 1:1-3, т.е. на 1-3 части глины – 1 часть шамота; или Ш 1/4: т.е. на 4 части глины – 1 часть шамота и т.д. В изучаемом гончарстве использовался некалиброванный шамот, поэтому в таблице указаны наиболее крупные размеры зерен шамота, прослеженные в черепке: 2 и 3-5 мм. По существу нами было зафиксировано использование: 1) более мелкой фракции шамота, наиболее крупные частицы которого достигали 2 мм (остальные в изучаемом черепке были меньше); 2) более крупной фракции с зернами шамота, достигающими 3-5 мм (остальная часть включений шамота в этой фракции также была меньше этих крайних значений). Шамот был представлен разноцветными остроугольными включениями. Следует отметить, что в крупных частицах шамота довольно часто встречались включения же шамота, т.е. старые раздробленные сосуды также были сделаны из масс с шамотом. Эти данные свидетельствуют о большой устойчивости в прикамском гончарстве традиции составления ФМ с шамотом.

Органические растворы фиксировались по присутствию в черепке прикамской керамики плоскостных и аморфных пустот размером от 1 мм до 1 см, а также налета и пленок определенной плотности и цвета по стенкам пустот и вокруг включений шамота и сухой глины. Стенки пустот покрыты веществом рыжевато-белого цвета или густым маслянистым, иногда матовым коричневатого-черным налетом. Наблюдались также следы пропитки этим веществом мелких пор на значительных участках излома черепка. Пустоты-полости были рассредоточены по всей толще черепка и не связаны с проникновением нагара в поверхностные поры черепка. По мнению А.А. Бобринского, они могли образоваться при введении органических растворов в формовочные массы во время замеса. Добавка органических растворов была направлена на придание керамике полезных свойств: вязкости, влагонепроницаемости, прочности (Бобринский, Васильева, 1998. С.212; Бобринский, 1999. С.85). Данный технологический прием А.А. Бобринский связывал с «холодными» способами придания прочности гончарным изделиям. Проведенные нами экспериментальные исследования позволяют предполагать использование в замесе формовочных масс

вместе с водой рыбьего клея (?) или скорее желе, образовавшегося при варке рыбы. Нужно отметить, что в большей части изученных образцов прикамской керамики отмечена очень значительная концентрация органического раствора.

Из таблицы 2 очевидно, что практически единственным рецептом ФМ в производстве гребенчатой керамики был следующий: ИПС+шамот+органический раствор (всего лишь один сосуд с морфологическими признаками гребенчатого комплекса из коллекции Красное плотбище был изготовлен без примеси шамота). Однако если обратиться к статистике технологических данных по хронологическим периодам, то можно обнаружить определенную динамику изменений состава трудовых навыков прикамских гончаров.

1). На раннем этапе (стоянка Зиарат) мы наблюдаем 100-процентное распространение составления ФМ из сухих смесей: дробленой глины и шамота в концентрации 1:1, 1:2, 1:3, которые буквально «склеивались» органическим раствором. При этом доля использования крупной фракции шамота (менее 3-5 мм) составляла 70%.

2). На хutorском этапе – доля этих навыков на ступени подготовки ФМ составляла 80%, а также появилась традиция подготовки ФМ с шамотом в концентрации 1:4. При этом фиксируется некоторое увеличение приемов использования крупной фракции шамота – до 76%.

3). На левшинском этапе – процент рецептов ФМ, в соответствии с которыми шамот вводился в концентрации 1:1-3, сократился до 61%. Рецепты с концентрацией 1:4 увеличились до 32%, также появились рецепты с меньшей концентрацией шамота 1:5 (6,8%). На этом этапе наблюдается еще большее увеличение приемов использования крупной фракции шамота – до 84%. Как уже выше отмечалось, один сосуд с гребенчатым орнаментом из коллекции Красного плотбища не содержал шамота. Он был изготовлен из илистой «тощей» заталькованной глины. В черепке фиксировались мелкие пустоты с коричневым налетом на стенках, свидетельствующие о введении какого-то органического раствора. Особенности технологии изготовления указывают на зауральское происхождение посуды такого типа.

2. Созидательная стадия (конструирование начина, полого тела и придание формы, обработка поверхностей сосудов). В нашем распоряжении оказались в основном мелкие фрагменты сосудов, что не позволило сделать полные заключения о навыках труда прикамских гончаров на созидательной стадии гончарной технологии. Можно констатировать, что вся керамика являлась продукцией домашних производств. Конструирование сосудов производилось способами скульптурной лепки. Наиболее вероятным из них можно считать лоскутный налеп, о чем свидетельствует зафиксированная в ряде случаев многослойность строительных элементов в продольном и поперечном изломах сосудов. Обращает на себя размерность строительных элементов: длина некоторых в поперечных изломах превышала 4 см. Возможно, для лепки сосудов использовались короткие жгуты. На внутренней поверхности ряда сосудов имелись небольшие, плохо заглаженные участки поверхности со складками, морщинками, статическими отпечатками единичных мелких волос, что может говорить о применении мягких прокладок. Такие прокладки использовались при конструировании сосудов на твердых формах-основах.

Массовыми приемами обработки поверхности неолитических сосудов Прикамья были простое заглаживание и сплошное уплотнение-лощение поверхности. Заглаживание, по-видимому, производилось мягкими материалами. На некоторых со-

судах левшинского этапа на плохо уплотненных участках внутренних поверхностей сосудов имеются следы заглаживания твердыми предметами. Сплошное уплотнение и лощение могло осуществляться отполированными гальками или костью. Оно производилось по высушенной, но смоченной перед данной операцией поверхности. Этому способу подвергались, как правило, одновременно внешние и внутренние поверхности верхних частей сосудов. Часть изученных образцов имела тщательно уплотненную внешнюю поверхность и внутреннюю поверхность с неровностями и статическими отпечатками, частично заглаженную мягкими материалами.

3. Закрепительная стадия (придание сосудам прочности и устранение влагонепроницаемости). Данные приемы работы изучались по механической прочности и следам изменения первоначальной окрашенности поверхности и изломов сосудов под действием разных температур. Часть сосудов подвергалась костровому обжигу с низкотемпературным режимом и с кратковременным пребыванием в температурах каления (650-700?). Об этом свидетельствует низкая механическая прочность сосудов и трех-и-двухслойная окрашенность изломов сосудов, с темно-серой сердцевинной черепка. Однако больше половины изученных образцов имеют бурый слоистый или полностью светло-коричневый излом. Эти признаки указывают на длительность пребывания сосудов в температурах каления.

В целом, гончарная технология населения, оставившего основную массу керамики с гребенчатым орнаментом, с раннего этапа (Зиарат) до позднего (лёвшинского) этапа характеризуется определенной однородностью и устойчивостью навыков труда. Все изученные сосуды изготовлены с помощью простой структуры гончарной технологии, которая состояла из 10 обязательных и 1 дополнительной (орнаментирование) ступеней. Вычленяется совокупность наиболее массовых технологических приемов, использовавшихся в процессе изготовления большей части данной керамики:

- на подготовительной стадии: 1) использование глин в качестве ИПС для производства посуды; 2) отбор «жирного» ожезненного пластичного сырья; 3) дробление ИПС в сухом состоянии; 4) применение в качестве искусственных примесей шамота и органического раствора (причем преобладали рецепты с шамотом и ОР в большой концентрации, использовался некалиброванный шамот, наиболее крупные частицы которого достигали 3-5 мм).

- на созидательной стадии: 1) вероятное распространение приемов лоскутного налепливания и применение форм-моделей; 2) простое заглаживание и уплотнение-лощение поверхностей сосудов;

- на закрепительной стадии: использование термических приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам.

Появление и распространение других, не столь массовых технологических приемов, их процентное изменение во времени и т.д. должны рассматриваться в рамках обсуждения процессов смешения с другими неолитическими коллективами.

II. НАКОЛЬЧАТЫЙ КОМПЛЕКС (71 обр.)

Для получения сравнительных данных по гончарной технологии накольчатый комплекс был разделен на две группы керамики: 1) слабо-и-неорнаментированную и 2) собственно накольчатую.

1. Подготовительная стадия. В рамках накольчатого комплекса были выделены два вида ИПС: илестые глины и глины, которые в свою очередь разделены на «жирные» и «тощие». При составлении таблицы 3 учитывались также способы обработки ИПС:

Табл. 3. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики накольчатого комплекса

Комплексы этапы, памятники	Исходное пластичное сырьё (ИПС)								Итог о:
	Илистые глины				Глины				
	жирные		тощие		жирные		тощие		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
<i>Слабо-и-неорнаментированная керамика</i>									
1. Заборное озеро I	2								2
2. Чашкино озеро VI			3		3	1	2	2	11
3. Чашкино озеро VIII 6310±90	1		3			2	5		11
ВСЕГО:	3		6		3	3	7	2	24
	9/37,5%				15/62,5%				100%
<i>Накольчатая керамика</i>									
4. Грот Камень Дыроватый	1								1
5. Красное плотбище			1						1
6. Васюково II						1			1
7. Заборное озеро I 4930±90	3		3					1	7
8.Хуторская					2		2		4
9. Чашкино озеро IV 5920±80 6160±70	4	3	1		6	4	2		20
10. Чашкино озеро VI 5755±90 6030±140 6230±160	4		2		3	2	2		13
ВСЕГО:	12	3	7		11	7	6	1	47
	22/47%				25/53%				100%
Сокращения в таблице: увл. – увлажненное состояние ИПС; др.с/с – дробление ИПС в сухом состоянии. Ед.измерения – изученный образец									

дробление его в сухом виде и использование естественно увлажненного сырья.

Сравнительный анализ данных о навыках труда на подготовительной стадии показал следующее:

1). В рамках первой группы слабо-и-неорнаментированной керамики преобладающими были навыки отбора глин (62,5%). Доля илистых глин – 37,5%. Среди илистых глин «тощее» сырье составляло 67%, «жирное» – 33%. Фиксируется также преобладание отбора тощего сырья в рамках традиции использования глин (60%). Приемы дробления илистых глин в сухом виде не отмечены, в то время как 33% глин подвергались дроблению.

2). Для второй накольчатой группы выявлено почти равное распространение представлений об илистых глинах (47%) и глинах (53%). В составе навыков отбора илистых

Табл. 4. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики накольчатого комплекса

Комплексы этапы, памятники	Формовочные массы (ФМ)						Итого:	
	Ш+ОР					ОР		
	Ш 1/1-3		Ш 1/4		Ш 1/5			
	Ш<2 мм	Ш<3- 5мм	Ш<2 мм	Ш<3- 5мм	Ш<2 мм			Ш<3- 5мм
Слабо-и-неорнаментированная керамика								
1. Заборное озеро I		1		1				2
2. Чашкино озеро VI	1	6	2	2				11
3. Чашкино озеро VIII		2		3	1	5		11
ВСЕГО:	1	9	2	6	1	5		24
	10/42%		8/33%		6/25%		-	100%
Накольчатая керамика								
4. Грот Камень Дыроватый		1						1
5. Красное плотбище							1	1
6. Васюково II		1						1
7. Заборное озеро I		2		4	1			7
8.Хуторская		3		1				4
9. Чашкино озеро IV		16		3		1		20
10. Чашкино озеро VI		12		1				13
ВСЕГО:		35		9	1	1	1	47
	35/75%		9/19%		2/4%		1/2%	100%
Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор. Единица измерения – изученный образец керамики								

глин доля «тощего» сырья существенно снижается по сравнению с первой группой – до 32%. Обращает на себя внимание появление приемов дробления илистых глин в сухом состоянии (14%) в рамках производства керамики с накольчатым орнаментом. Среди навыков использования глины в качестве сырья для изготовления бытовой посуды отбор «жирного» сырья составлял 75%, «тощего» сырья – 25%, т.е. также наблюдается уменьшение приемов отбора такого сырья (по сравнению с 60% в первой группе). Процент дробленых глины в сухом состоянии такой же, как в первой группе, – 33%.

Результаты исследования формовочных масс керамики накольчатого комплекса подведены в таблице 4.

1) Состав традиций составления формовочных масс в среде производителей слабо-и-неорнаментированной керамики, как видно из таблицы 4, имел отличия от гребенчатого комплекса: доля рецептов с большой концентрацией шамота составляла всего 42% (ср.: Зиарат – 100%; на хуторском этапе – 80%, на лёвшинском – 61%), в то время как распространенность рецептов с шамотом в концентрации 1:4 и 1:5 была существенно выше – 33% и 25%, в целом 55%. При этом преобладали приемы использования крупной фракции шамота (размером менее 3-5 мм) – 83%.

2) В рамках накольчатого комплекса фиксируются определенные изменения: доля рецептов с большой концентрацией шамота увеличивается до 75%, соответственно

уменьшается доля рецептов с концентрацией шамота 1:4 и 1:5 до 23%. Один сосуд из коллекции Красное Плотбище был изготовлен без шамота. Обращает на себя внимание практически полное распространение приемов введения в ФМ крупной фракции шамота (менее 3-5 мм) – 98%.

2. Созидательная стадия. Сохранность изученных образцов аналогична гребенчатому комплексу, поэтому информация о способах конструирования и обработки поверхностей сосудов очень ограничена. Изучение изломов неорнаментированной керамики показало использование приемов лоскутного налепливания, причем у значительной части образцов со стоянок Чашкино озеро VI и VIII выявлено применение крупных строительных элементов длиной более 4-5 см. Достоверные данные об использовании форм-моделей в процессе формообразования не получены. Хотя у небольшой части сосудов были зафиксированы небольшие незаглаженные участки на внешней и внутренней поверхностях со статическими отпечатками волос, свидетельствовавшие о возможности использования прокладок из плохо очищенной кожи или шкуры животных. На срезе венчика одного сосуда из Чашкина озера VIII наблюдались многочисленные песчинки, вдавленные при уплотнении в поверхность сосуда. Этот факт говорит об определенной этапности работы по изготовлению сосуда, в процессе которой (до окончательной обработки поверхностей) сырой сосуд иногда мог устанавливаться на подсыпку песка. Основная часть изученных сосудов была подвергнута тщательному уплотнению поверхностей (внутренних и внешних), иногда – лощению по подсушенной поверхности.

В изготовлении керамики с накольчатым орнаментом также можно предполагать использование лоскутного налета. Причем зафиксировано применение как мелких строительных элементов – лоскутков 2 x 2 см и 2,5 x 2,5 см, так и более крупных (коротких жгутов?) длиной до 5 см. Среди приемов обработки поверхностей преобладали способы уплотнения-лощения обеих поверхностей. Иногда уплотнению подвергались лишь внешние поверхности, а внутренние просто заглаживались мягким материалом и очень редко – деревянным ножом. Сосуд из грота Камень Дыроватый, орнаментированный горизонтальным рядом округлых наколов диаметром 1 мм, весьма близок елшанской стилистике, хотя ямки на елшанской керамике имеют размеры не менее 2-4 мм и всегда сопровождаются негативами на противоположной поверхности сосудов. Сосуд с внешней стороны был подвергнут сплошному лощению по подсушенной поверхности, внутренняя его поверхность была заглажена твердым предметом, а верх нанесено полосчатое горизонтальное лощение. На венчике данного сосуда имелись следы красной краски.

3. Закрепительная стадия. Придание сосудам прочности и устранение влагопроницаемости керамики накольчатого комплекса достигались с помощью термической обработки, а именно кострового обжига. Механическая прочность сосудов невысокая. Окраска изломов и поверхностей фрагментов сосудов представлена, в основном, 3 видами: 1) изломы с темно-серыми прослоями или сердцевинной; 2) изломы пятнистые; 3) насквозь прокаленные, коричневые. Полученные данные позволяют предполагать костровый обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления (650-700?). Наличие насквозь прокаленных изломов сосудов свидетельствуют о существовании также способов термической обработки с довольно длительной выдержкой при высоких температурах.

Сосуды без орнамента были изготовлены в рамках простейшей структуры

гончарной технологии, состоявшей из 10 обязательных ступеней. Производства керамики с накольчатым орнаментом имели простую структуру (11 ступеней). Для гончарной технологии населения, оставившего неорнаментированный и накольчатый керамический комплексы, в целом характерна значительная неоднородность навыков труда:

- на подготовительной стадии: 1) использование илистых глин и глин в качестве ИПС для производства посуды; 2) отбор «жирного» и «тощего» ожелезненного пластичного сырья; 3) использование естественно увлажненного ИПС и его дробление в сухом состоянии; 4) распространение массовых рецептов ФМ: ИПС+шамот+-органический раствор (с некоторым преобладанием рецептов с шамотом и ОР в большой концентрации, в которых использовался некалиброванный шамот, наиболее крупные частицы которого достигали 3-5 мм; хотя сосуществовали и рецепты с меньшей концентрацией шамота).

- на созидательной стадии: 1) вероятное распространение приемов лоскутного налепливания и применение форм-моделей; 2) простое заглаживание и уплотнение-лощение поверхностей сосудов;

- на закрепительной стадии: использование термических приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам.

3. ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ КЕРАМИКИ (3 обр.).

К данной морфологической группе отнесены немассовые типы керамики с особенностями формы и орнамента, не характерными для двух основных прикамских керамических комплексов. В данную группу включены один фрагмент сосуда с коротким гребенчатым штампом из коллекции Хуторской стоянки и два фрагмента с прочерченным орнаментом из Чашкино озеро VI.

Первый сосуд был изготовлен из илистой тощей глины с примесью мелкой фракции шамота (менее 2 мм) в концентрации 1:5 и органического раствора, посредством лоскутного налепливания. Поверхности сосуда были подвергнуты сплошному уплотнению. Трехслойный излом черепка с черной сердцевинкой свидетельствует о низкотемпературном обжиге с короткой выдержкой при температурах каления. Все морфологические и технологические особенности данного сосуда указывают на его связь со средневожским неолитическим керамическим комплексом. Два сосуда, происходящие из коллекции Чашкино озеро VI, по морфологическим признакам относятся к зауральскому неолитическому комплексу. Один из них представляет собой верхнюю часть сосуда с напылом и прочерченным орнаментом. Он был изготовлен из жирной глины с примесью тальковой дресвы и органического раствора. Второй сосуд представлен крупной стенкой, орнаментированной прочерченным орнаментом и насечками. Он был сделан из среднезапесоченной глины с примесью шамота (менее 3 мм) в концентрации 1:3 и органического раствора, посредством лоскутного комковатого налёпа. Внешняя поверхность сосуда была подвергнута сплошному лощению по подсушенной основе. Можно отметить, что технологические традиции изготовления второго сосуда близки прикамским.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переходя к обобщению результатов исследования, необходимо отметить, что количество образцов неолитической керамики Прикамья, подвергнутых абсолютному датированию и технико-технологическому анализу весьма ограничено и не позволяет претендовать на однозначность и завершенность полученных заключений. В то же время, основные нижеприведенные выводы базируются на изучении

выборки керамики разных морфологических групп из 21 отдаленных друг от друга памятников региона, что дает возможность предполагать определенную общность и объективность зафиксированных нами процессов, происходивших в неолитическом гончарстве данного региона.

Во-первых, можно констатировать факт выявления нового ареала неолитических гончарных традиций в поволжском регионе (в широком смысле этого понятия). Данный ареал был связан с населением камской культуры Прикамья. Для него было характерно распространение специфичных представлений об исходном пластичном сырье для изготовления бытовой посуды, а именно использование сухих смесей: «жирных» глин, дробившихся в сухом состоянии, которые затем смешивались с шамотом почти в равных долях и буквально «склеивались» органическим раствором (рыбьим клеем или желе рыбного бульона?). Вполне вероятно изначальная связь этих технологических традиций с орнаментальными традициями нанесения орнамента штампованием (гребенчатым или зубчатым штампами). Хронология камской культуры опирается на радиоуглеродные даты, полученные по органике в керамике (Выборнов и др., 2008). На современном уровне радиоуглеродного датирования нижняя граница данной культуры определяется последней четвертью V тыс. до н.э., а верхняя – третьей четвертью IV тыс. до н.э. Нижний предел материалов накольчатой керамики – третья четверть V тыс. до н.э., а верхний рубеж – первая четверть IV тыс. до н.э. (в рамках некалиброванной системы датировки).

Во-вторых, происхождение этих гончарных традиций невозможно связывать непосредственно с двумя известными к настоящему времени ареалами раннеолитических гончарных традиций Поволжья, которые удалось оконтурить в ходе предшествовавших исследований. К ним относятся: 1) ареал древнейшего гончарства, основанного на илах (культуры керамики с прочерченно-накольчатым орнаментом Нижнего Поволжья). К нему можно отнести также некоторые неолитические культуры Украины и юга восточноевропейской части России (VI-V тыс. до н.э.) и 2) ареал елшанских гончарных традиций, связанный с использованием илистых глин и «шамотной» традицией составления формовочных масс (Среднее Поволжье: начало VI тыс. – первая половина V тыс. до н.э.) (Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999; 2011). Кратко напомним о специфике гончарных традиций этих ареалов.

В первом ареале (Северный Прикаспий и степное Поволжье) наиболее ранняя керамика, изготовленная из илов, датируется первой половиной VI тыс. до н.э. (Выборнов, 2008). В степном Поволжье уже в развитом неолите происходил переход к новым видам пластичного сырья – илистым глинам и глинам (Варфоломеевка). Неолитическое население этого региона использовало в основном «жирные» виды сырья (Васильева, 2009), но совершенно не было знакомо с приемами составления формовочных масс с шамотом. Параллельно с переходом к илистым глинам и глинам формировалась одна культурная традиция – составление формовочных масс с искусственной примесью дробленой раковины.

Во втором «елшанском» ареале древнейшего гончарства Поволжья были распространены взгляды на илистые глины как сырье для производства посуды; преобладали приемы отбора в основном запесоченного ожелезненного сырья без раковины; существовали две традиции составления формовочных масс: ИПС+органический раствор (ОР) и ИПС+ОР+Ш (шамот). Единичные рецепты с шамотом зафиксированы в материалах всего нескольких стоянок елшанской культуры. Наиболее массово

они представлены в керамическом комплексе Ивановской стоянки (Васильева, 2007). Преобладал рецепт, в котором доля шамота 1:4 или чаще 1:5-6 и менее. Использовался некалиброванный шамот, хотя его размеры в целом менее 1-2 мм. Нами было сделано предположение, что данная традиция в рамках елшанской культуры изначально имела ритуальный, а не технологический характер.

Все дальнейшее развитие неолитического гончарства Поволжья во многом было обусловлено смешением гончарных традиций этих двух ареалов и их развитием. Особого рассмотрения заслуживают материалы средневолжской культуры, памятники которой непосредственно предшествовали и какое-то время сосуществовали с камскими. В период средневолжской культуры (с середины V тыс. до н.э.) «шамотная» традиция получила более широкое распространение в среде неолитического населения Самарского Поволжья. Зафиксирован процесс увеличения доли рецептов с шамотом в позднеелшанском (вторая четверть V тыс. до н.э.) гончарстве (до 22% – по материалам стоянки Лебяжинка IV). Керамика с накольчатым орнаментом некоторых стоянок, относящаяся к позднему комплексу (конец V – начало IV тыс. до н.э.) до 54% уже сделана из формовочных масс с шамотом. Шамот содержится в 14-36% посуды с коротким гребенчатым штампом и в 22-41% керамики с длинным гребенчатым штампом (по материалам стоянок Виловатое и Лебяжинка IV). Однако, следует подчеркнуть, что концентрация шамота в керамике средневолжской культуры, как правило, не превышала 1:3 (при этом преобладали концентрации 1:4 и 1:5), а размерность частиц шамота соответствовала «мелкой» фракции (менее 2 мм, и редко – до 3 мм). На основании этих данных можно предполагать, что в рамках средневолжского гончарства продолжали бытовать и развиваться елшанские гончарные традиции.

В связи с этим, обращает на себя внимание, что динамика изменения «шамотной» традиции в неолитическом гончарстве Прикамья противоположна той, которая была выявлена по материалам Самарского Поволжья. В последнем регионе данная традиция появилась уже на раннем этапе елшанской культуры, но имела, как уже говорилось, скорее ритуальный характер: шамот не превышал 1-2 мм и вводился в концентрации 1:5-6, а иногда и еще меньше. К поздним этапам елшанской культуры и накольчатого комплекса средневолжской культуры доля рецептов с шамотом увеличивалась, сама традиция приобретала технологический характер: концентрация шамота достигала 1:4-5, реже 1:3, в основном, использовались мелкие фракции шамота (1-2 мм, реже до 3 мм). В производстве гребенчатой керамики Прикамья наблюдается совершенно другая динамика: на раннем этапе (Зиарат 1 – последняя четверть V тыс. до н.э.) фиксируется 100-процентное распространение традиции составления формовочных масс из сухих смесей: дробленой глины и шамота в концентрации 1:1, 1:2, 1:3, которые «склеивались» органическим раствором. При этом доля использования крупной фракции шамота (менее 3-5 мм) составляла 70%. На хуторском этапе – доля этих навыков на ступени подготовки ФМ составляла 80%, а также появилась традиция подготовки ФМ с шамотом в концентрации 1:4. При этом фиксируется некоторое увеличение приемов использования крупной фракции шамота – до 76%. На левшинском этапе – процент рецептов ФМ, в соответствии с которыми шамот вводился в концентрации 1:1-3, сократился до 61%. Рецепты с концентрацией 1:4 увеличились до 32%, также появились рецепты с меньшей концентрацией шамота 1:5 (6,8%). На этом этапе наблюдается еще большее увеличение

приемов использования крупной фракции шамота – до 84%. Можно предположить, что за этими количественными изменениями стояли определенные тенденции развития представлений о сырье, а именно переход шамота из составной части сухих смесей ИПС в разряд искусственной добавки к сырью.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что гончарные традиции средневожского неолитического населения, изготавливавшего керамику с накольчатым и гребенчатым орнаментом, имеют большие отличия от традиций прикамского населения с гребенчатой посудой. Поиск ответов на вопрос о происхождении прикамских неолитических традиций, безусловно, требует расширения географических рамок исследования. В связи с этим представляют интерес заключения, сделанные по зауральским керамическим материалам (Васильева, 2011?). Приемы дробления глин в сухом состоянии, составление сухих смесей с шамотом и использование органических растворов в большой концентрации зафиксированы в материалах Кокшаровского холма (полуденский культурный тип) и стоянки Амня в Зауралье. Примечательно наличие на керамике амнинского типа наплыва на внутренней стороне сосуда и ее датировка первой четвертью V тыс. до н. э. (Стефанов, Борзунов, 2008).

В-третьих, очень важным является вопрос о соотношении гребенчатого и накольчатого керамических комплексов Прикамья, их различиях и общих чертах по данным изучения морфологии и технологии сосудов. По морфологическим признакам прослеживаются признаки взаимодействия групп неолитического населения, изготавливавших сосуды с гребенчатым и накольчатым орнаментом. Так, на развитии памятников камской культуры на гребенчатой керамике встречаются наколы, на позднем этапе фиксируются плоскодонность и ряд ямок под венчиком. Для посуды накольчатого типа можно указать признаки камской культуры: наплывы на внутренней стороне венчика, округлодонность. Имеются случаи сочетания на одном сосуде накольчатой и зубчатой орнаментации.

Сравнительный анализ данных по технологии изготовления керамики с гребенчатым и накольчатым орнаментом позволяет говорить не только о сосуществовании и взаимодействии этих групп неолитического населения, но и их смешении. К сожалению, немногочисленность изученных образцов керамики раннего периода гребенчатого комплекса (Зиарат) не дает оснований рассматривать процессы смешения уже в это время. Но уже на хуторском этапе в производствах гребенчатой керамики (при массовом распространении обозначенных выше гончарных традиций) появляются отличные от них навыки труда: применение илстых глин в увлажненном состоянии, отбор «тощего» сырья (среди илстых глин – 53%, среди глин – 28%), рецепты формовочных масс с концентрацией шамота 1:4 (20%). На лёвшинском этапе доля этих традиций на ступени отбора, добычи и подготовки сырья несколько сокращается, но увеличивается процент гребенчатой посуды, сделанной по рецепту: ИПС+ОР+Ш в концентрации 1:4 (61%) и появляется рецепт: ИПС+ОР+Ш в концентрации 1:5 (хотя, возможно, это было связано с эволюционными изменениями взглядов на сырье, как было отмечено выше).

В целом, гончарная технология населения, изготавливавшего керамику без орнамента и с накольчатым орнаментом, по изученным материалам очень неоднородна, что может объясняться существенной смешанностью этого населения. Значительная часть такой посуды изготовлена в соответствии с «местными» прикамскими традициями, характерными для производства гребенчатой керамики. Так из глин

изготовлено 62,5% слабо-и-неорнаментированной посуды и 53 % накольчатой керамики. Практически вся посуда накольчатого комплекса содержит шамот. В то же время, в гончарстве данной группы населения выделяются некоторые отличия: по сравнению с гребенчатым комплексом – большее распространение представлений об илестых глинах как сырье для изготовления бытовой посуды, больший процент использования «тощего» сырья, и наоборот меньший процент приемов дробления ИПС. В рамках «шамотной» традиции также прослеживаются определенные отличия: всего 42% слабо-и-неорнаментированной посуды изготовлено из формовочных масс с большой концентрацией шамота (1:1-3), остальная часть этой посуды содержит шамот в концентрации 1:4 и 1:5. В целом же, можно констатировать следующее: если накольчатая орнаментальная традиция и была привнесена в Прикамье группами неолитического населения из более южных районов Поволжья, то по изученным материалам мы видим их практически полностью ассимилированными «местным» населением, изготавливавшим гребенчатую керамику. Почему в этих условиях сохранилась техника нанесения накольчатого орнамента? – вопрос о большем консерватизме орнаментальных традиций по сравнению с технологическими остается открытым и нуждается в дальнейшей разработке.

В-четвертых, механизм появления посуды с морфологическими особенностями не-прикамских (средневожской, зауральских и т.д.) культур в Прикамье требует специального изучения. Очевидно одно, что ее присутствие в слоях неолитических стоянок данного региона позволяет предполагать существование определенных связей местного населения с неолитическими коллективами сопредельных территорий (в том числе в форме их проникновения на территорию Прикамья) и, возможно, процессов смешения разнокультурных групп населения (по данным изучения второго сосуда со стоянки Чашкино озеро VI).

В заключение хотелось бы выразить надежду, что введение в научный оборот систематизированного блока информации о гончарной технологии неолитического населения Прикамья и постановка связанных с ней вопросов будут способствовать дальнейшей разработке проблем неолита данного региона и в целом Поволжья.

Список литературы:

Бадер О.Н., 1973. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА, № 172. – Л.: Наука. – С.99-106.

Бадер О.Н., 1978. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. Вып.153. – М.: АН СССР. – С.72-74.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука. – 272 с.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. – Самара: изд-во СамГПУ. – С.5-109.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. 1998. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: СамГПУ. – С.193-214.

Васильева И.Н., 1994. Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Тезисы международной конференции по применению методов

естественных наук в археологии. Т. II. – СПб.: ИИМК РАН. – С. 111.

Васильева И.Н., 1999. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. – Самара: СамГПУ. – С. 72-96.

Васильева И.Н., 2006. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара: СамГПУ. – С. 426-439.

Васильева И.Н., 2007. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. – Оренбург: ОГПУ. – С. 23-38.

Васильева И.Н., 2009. Об эволюции представлений о пластическом сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург: ОГПУ. – С. 65-77.

Васильева И.Н., 2011. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. №2 (48). – Новосибирск: СО РАН. – С. 70-81.

Васильева И.Н., 2011. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Вып. 26. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан. – С. 103-124.

Выборнов А.А., 1992. Неолит Прикамья. – Самара: СГПИ. – 148 с.

Выборнов А.А., 2000. Неолит Прикамья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск: УдГУ. – С. 62-66.

Выборнов А.А., 2002. Неолит лесостепного Поволжья и лесные культуры // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. – Ижевск: УдГУ. – С. 64-69.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. – Самара: СамГПУ. – 490 с.

Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В., 2008. Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. – Пермь: ПГПУ. – С. 36-45.

Лычагина Е.Л., 1999. Взаимоотношения пришлого и местного населения в эпоху неолита // XIV Уральское археологическое совещание. – Челябинск: ЧНЦ УрО РАН. – С. 30-31.

Лычагина Е.Л., 2002. Взаимодействие разнокультурных групп населения в эпоху неолита // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. – Ижевск: УдГУ. – С. 70-78.

Лычагина Е.Л., 2006а. Проблемы периодизации и хронологии неолита Пермского Предуралья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 1. – Пермь: ПГПУ. – С. 11-24.

Лычагина Е.Л., 2006б. О связях «леса» и «лесостепи» в эпоху неолита // Пятые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Св. обл. краев. Музей. – С. 121-124.

Лычагина Е.Л., 2011. Проблемы хронологии и периодизации неолита Пермского Предуралья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. 1. – Тверь. – С. 193-195.

Мельничук А.Ф., Бординский Г.А., Мокрушин В.П., Дегтярева М.И., Лычагина Е.Л., 2001. Новые позднемезолитические и ранненеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники. – С. 142-162.

Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В., Чурилов Э.В. 2006. Стоянка Усть-Залазнушка II – новый памятник хutorского типа в камском неолите // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара: СамГПУ. – С.120-125.

Ощепков А.А., 2006. Опыт технико-технологического анализа неолитической керамики (по материалам поселения Чашкинское озеро VIII) // Оборинские чтения. Вып. 4. – Пермь: ПОКМ. – С.28-32.

Стефанов В.И., Борзунов В.А., 2008. Неолитическое городище Амня I // Барсова гора. Древности таежного Приобья. – Екатеринбург-Сургут: УрГУ. – С.93-111.

Г.Н. Поплевко, Е.Л. Лычагина.
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

В процессе работ по изготовлению экспериментальных эталонов орудий из кремня и кварцита были получены пластинчатые заготовки для орудий, которые в дальнейшем использовались для проведения экспериментов по моделированию различных хозяйственных операций. В итоге создана часть коллекции эталонов, которая ляжет в основу создания базы данных экспериментальных микроследов, необходимых для изучения и обучения начинающих трасологов.

Ключевые слова: археология, трасология, неолит, каменные орудия

G.N. Poplevko, E.N. Lychagina
EXPERIMENTAL TRASOLOGICAL EXAMINATION OF STONE TOOLS

In the process of producing experimental models of tools of flint and quartzite lamellar intermediates for tools were obtained. Later they were used for experiments on modeling different daily practices. As a result another addition to the collection of models was produced. The collection will be the main source for the database of experimental micro-traces necessary for research and training of trasologists.

Key-words: archaeology, trasology, the Neolithic era, stone tools

В августе-октябре 2011 г. при поддержке РФФИ под руководством Г.Н. Поплевко проводились работы Экспериментально-трасологической экспедиции ИИМК РАН по изготовлению экспериментальных эталонов орудий из кремня и кварцита. В составе экспедиции работала группа студентов Пермского государственного педагогического университета во главе с Е.Л. Лычагиной – участником экспедиционного проекта.

Экспериментальные исследования 2011 г. включали 3 основных направления:

- 1 – эксперименты по физическому моделированию процессов расщепления кремня и кварцита;
- 2 – эксперименты по созданию коллекции эталонов микроследов;
- 3 – эксперименты по обработке кости-рога и изготовлению орудий из кости для обработки поверхности керамики: шпателей, орнаментиров, лопаточек, лоцил, а также проколов для шкур.

1 направление.

В 2011 г. в экспедиции проводились эксперименты по моделированию процессов расщепления кремня и кварцита, характерных для материалов нижних ранне-неолитических слоев поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону. Одной из задач экспериментальных исследований по расщеплению кремня было получение пластинчатых заготовок для орудий, т.к. для нижних слоев поселения Ракушечный Яр характерна пластинчатая техника расщепления кремня. Подробный технологический и трасологический анализ кремня пока не проводился, но проведен морфологический анализ заготовок и сделана сводная таблица распределения изделий из кремня по слоям (Белановская, 1995).

Эксперименты выполнили А.В. Цыбрий и В.В. Цыбрий. Расщепление кремня и кварцита проводилось с помощью каменных и роговых отбойников ударной тех-

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 10-06-00096-а; № 11-06-10020к
© Поплевко Г.Н., Лычагина Е.Л., 2012

ников скола. На ударных площадках таких сколов можно проследить следы применения каменных и роговых отбойников, признаки которых были описаны ранее (Поплевко, 2003.С.73-80; Поплевко, 2007). В итоге были получены пластинчатые заготовки и отщепы, которые в дальнейшем использовались для проведения экспериментов по моделированию различных хозяйственных операций.

При проведении экспериментов по расщеплению кремня были получены заготовки в виде аморфных отщепов, пластинчатых отщепов и пластин и их фрагментов. Часть заготовок фрагментировалась в процессе расщепления, из-за применения сильного удара каменным отбойником. Основной заготовкой при расщеплении с помощью каменных отбойников были отщепы и пластинчатые отщепы, большей частью массивные. Тонкие пластинки у данных экспериментаторов получались реже. Заготовки, полученные с помощью рогового отбойника, меньше фрагментировались, получалось большее количество пластин, в том числе тонких.

2 направление.

Это направление работ экспедиции было связано с продолжением экспериментов для получения коллекции эталонов различных орудий и создания базы данных микроследов – микрофотографий экспериментальных орудий. Для работы были использованы экспериментально полученные заготовки из кремня и кварцита из источников сырья, обнаруженных на территории Ростовской области. Такие эксперименты необходимы для лучшего понимания процессов формирования микроследов и интерпретации обрабатываемого сырья на неолитических памятниках.

Выше указанная группа участников экспедиции выполнила серию из 84 экспериментов. В экспериментах каменные орудия использовали для работ по разному материалу: дереву, кости, камню, ракушке. Так, были проведены эксперименты по обработке сухого (20) и сырого (13) дерева – 33, мягкого камня (сланца) – 13, ракушки – 15, размоченной кости – 14. Проводились эксперименты по срезанию камыша – 8.

Основные хозяйственные операции, по которым проводились экспериментальные исследования: скобление – 10, строгание – 12, сверление – 20, пиление – 22, прорезание паза – 12, срезание растений – 8.

Наибольшее количество экспериментов было сделано по обработке дерева (табл. 3). Были проведены следующие эксперименты: пиление сырого (табл. 3/1) и сухого (табл. 3/7) дерева, строгание сырого дерева (табл. 3/2, 5), скобление сухого (табл. 3/4) и сырого (табл. 3/8) дерева, прорезание паза (табл. 3/3), сверление сухого дерева (табл. 3/6).

Другая серия экспериментов была проведена по обработке ракушки – сверление (табл. 4/1-2), скобление (табл. 4/3). Третья серия экспериментов связана с работами по мягкому камню, в частности – распиливанию (табл. 4/5-6), сверлению (табл. 4/8) или изготовлению зубчатых штампов для работ по керамике (табл. 4/7-8). Время проведения эксперимента фиксировалось до 3 часов, редко больше. Этого времени достаточно, чтобы на рабочем лезвии орудия сформировалась заполировка и линейная направленность микроследов.

Исследование микроследов проводилось с увеличением от 10 до нескольких сот раз. Основное количество экспериментов проведено по использованию кремневых орудий – 75, а 9 экспериментов выполнено на кварцитовых орудиях. В таблице 1 представлены экспериментальные кремневые орудия, использованные в различных операциях – как пилки для дерева (табл. 1/1, 11), сверла для раковин (табл. 1/2, 5), сверла для камня (табл. 1/3-4), пилка для камня (табл. 1/6), строгальные ножи для

сырого (табл. 1/7-8) и сухого дерева, скребок для дерева (табл. 1/9), скребок для ракушки (табл. 1/10).

В таблицах с 5 по 12 представлены микроследы, сформировавшиеся на поверхности рабочей кромки орудия после 3 часов не очень интенсивной работы. Можно отметить микровыкрашивание рабочей кромки и формирование заполировки на наиболее выступающих микроучастках кромки. При более интенсивном использовании орудия либо при более продолжительном эксперименте микроследы были более выразительными, а площадь распространения заполировки увеличилась.

Следует обратить внимание на схожесть на этом этапе микроследов у орудий для работ по мягкому камню (табл. 6/2; 7/1; 8/1) и ракушке (табл. 5/1-2; 6/1; 11/2; 12/1-2). В начале формируется микровыкрашивание кромки рабочего лезвия, а затем на ее выступающих микроучастках образуются пятна плоской яркой заполировки. Микроследы от работ по дереву имеют менее выкрошенную кромку рабочего лезвия, ее зубчики заполированы, сглажены с обеих сторон, заполировка более объемная – куполообразная. У скребка заполировка только на единичных межфасеточных ребрах кромки с микроретушью (табл. 8/2; 9; 10; 11/1).

3 направление.

Направление исследований связано с экспериментами по обработке кости. Это одно из самых важных направлений, т.к. все попытки других исследователей воспроизвести обработку кости, аналогичную древней, не давали положительного результата. Это связано с тем, что ими часто использовались современные металлические ножи и шлифовальные станки для первичной и последующей обработки кости. В задачу наших исследований входило воспроизведение древних способов обработки кости и рога. Для этого были использованы разные варианты вымачивания материала. Затем кремневыми орудиями проводилось распиливание (табл. 2/5-6) или прорезание кости (табл. 2/4, 7).

В 2011 г. проводилась работа с разделыванием лопатки и трубчатой кости крупного рогатого скота (табл. 2/1-2, 4). Из них было изготовлено несколько зубчатых штампов и лопаточек для керамики (табл. 2/5). Наиболее выступающие участки кости в местах крепления мышц выравнивались строгальными ножами из кремня (табл. 2/8) и скобелями (табл. 2/3). Все результаты экспериментов были зафиксированы и проанализированы. Еще одной задачей данного направления являлось изготовление орудий из кости – экспериментальных образцов, аналогичных древним изделиям.

Итоги.

За время работы экспедиции 2011 г., участниками выше названной группы экспериментаторов было проведено 84 эксперимента по моделированию различных хозяйственных операций. Получены эталоны орудий с микроследами как на пластинчатых заготовках, так и на аморфных отщепах, как из кремня, так и из кварцита. Именно в экспедиции 2011 г. была создана основная часть коллекции по пиленнию и сверлению ракушки и сланца. Усилиями всех участников экспедиции создана часть коллекции эталонов, которая ляжет в основу создания базы данных экспериментальных микроследов, необходимых для изучения и обучения начинающих трапологи.

В экспериментах были использованы изделия из кремня и кварцита без специальной подправки ретушью рабочего края. Следует отметить, что в процессе интенсивного использования орудий макроретушь на рабочем лезвии формируется редко.

В основном визуально можно отметить небольшие единичные микрофасетки на рабочих участках. Макроретушь формируется на рабочем лезвии лишь в том случае, если оно было очень тонкое, тогда происходит интенсивное выкрашивание до стабилизации рабочего лезвия.

Эксперименты 2010-2011 гг. убедительно показали, что формирование выкрошенности и ретуши утилизации при интенсивном использовании орудия происходит медленно или едва заметно. Это опровергает устоявшиеся тезисы Г.Ф. Коробковой об интенсивном формировании на рабочем лезвии макровыкрошенности и макроретуши в процессе работы орудиями (Коробкова, 1987). Интенсивное образование ретуши происходит чаще всего при нарушении условий проведения эксперимента, а именно при резком изменении угла наклона орудия в ходе выполнения той или иной операции. Образование макроретуши на орудиях, скорее, связано с подправкой рабочего лезвия после его затупления в процессе использования.

Основной тезис, который можно уже сейчас извлечь из проведенных экспериментов 2010-2011 гг. (более 200 экспериментов) и принять как аксиому – это обязательное сочетание приемов макро- и микротрасологии при исследовании древних коллекций. Второй тезис – необходимость исследования всей коллекции, включая технологические сколы, т.к. трасологически можно зафиксировать использование различных заготовок в качестве орудий даже при отсутствии на их поверхности какой-либо ретуши, видимой визуально.

Список литературы:

Белановская Т.Д., 1995. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. – СПб.: СПбГУ. – 199 с.

Коробкова Г.Ф., 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л.: Наука. – 320 с.

Поплевко Г.Н., 2003. К методике определения технических приемов ударных техник скола каменных индустрий (на материалах мезолитической стоянки ВышегораI) // Контактная зона Евразии на рубеже эпох: тезисы докл. конф. – Самара: Сам. обл. краев. музей. – С. 73-80.

Поплевко Г.Н., 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий. Труды ИИМК РАН. Т. XXIII. – С-Пб.: «Дмитрий Буланин». – 388 с.

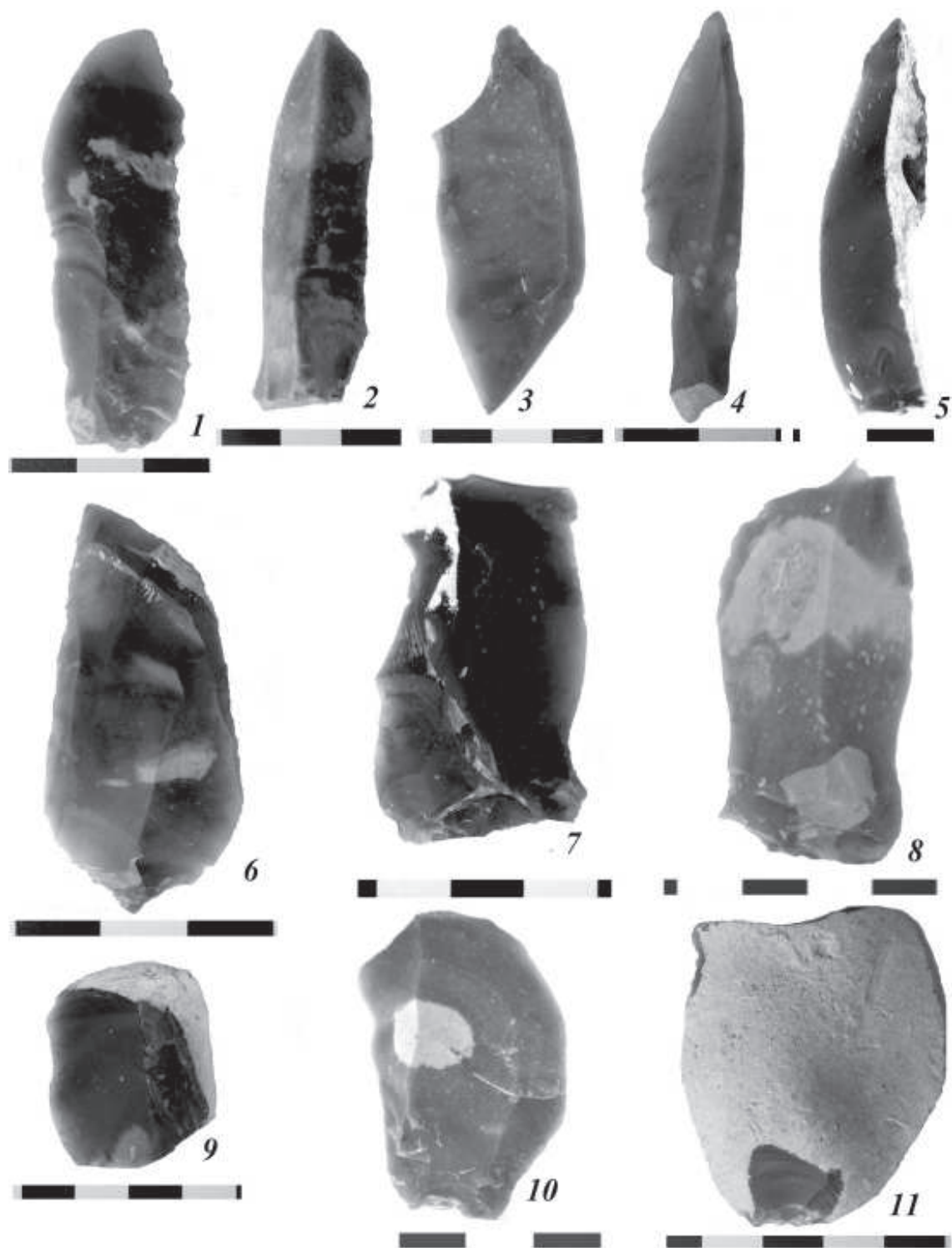

Табл. 1 Экспериментальные кремневые орудия. 1, 11 – пилки для раковин; 2, 5 – сверла для раковин; 3-4 – сверла для камня; 7-8 – строгальные ножи для сырого дерева; 9 – скребок для дерева; 10 – скребок для ракушки

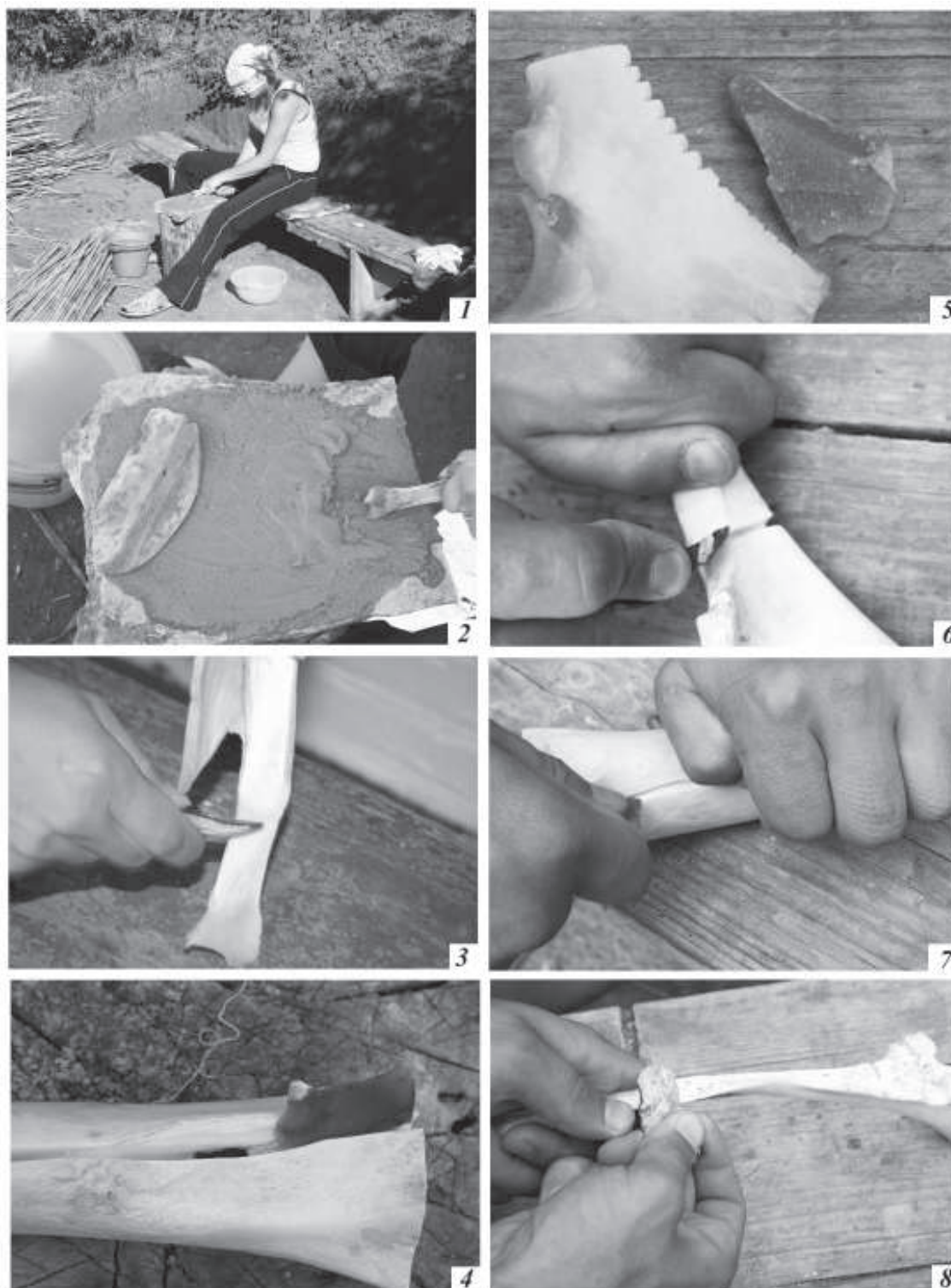

Табл.2 Эксперименты по обработке кости. 1-2, 5 – изготовление лопаточек и зубчатых штампов; 3 – скобление кости; 4, 7 – прорезание паза на трубчатой кости; 6 – пиление кости; 8 – строгание кости

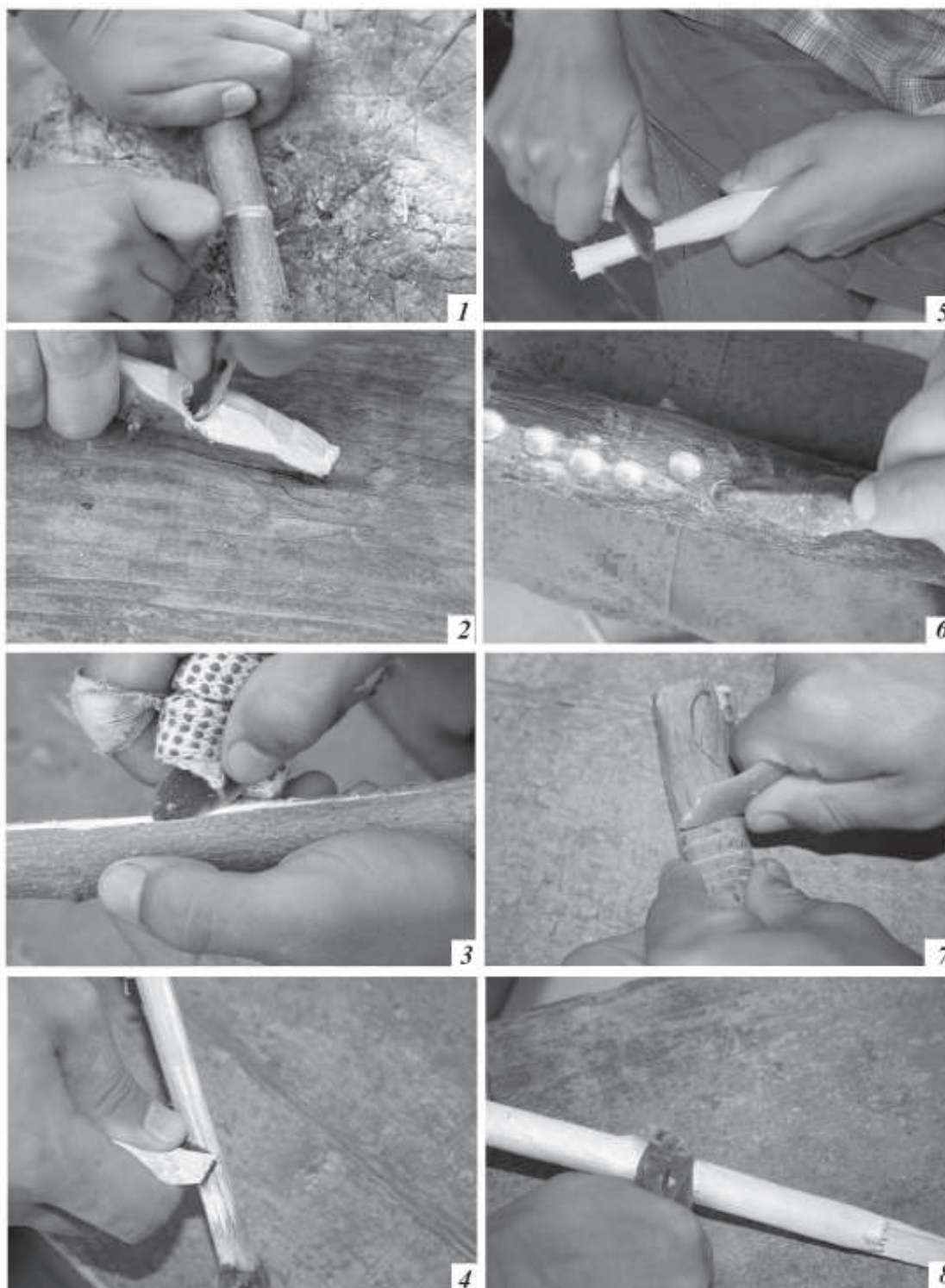

Табл.3 Эксперименты по обработке дерева. 1 – тление дерева кремневым орудием; 2, 5 – строгание дерева; 3 – прорезание паза; 4 – скобление сухого дерева; 6 – сверление; 7 – тление сухого дерева кварцевым орудием; 8 – скобление сырого дерева

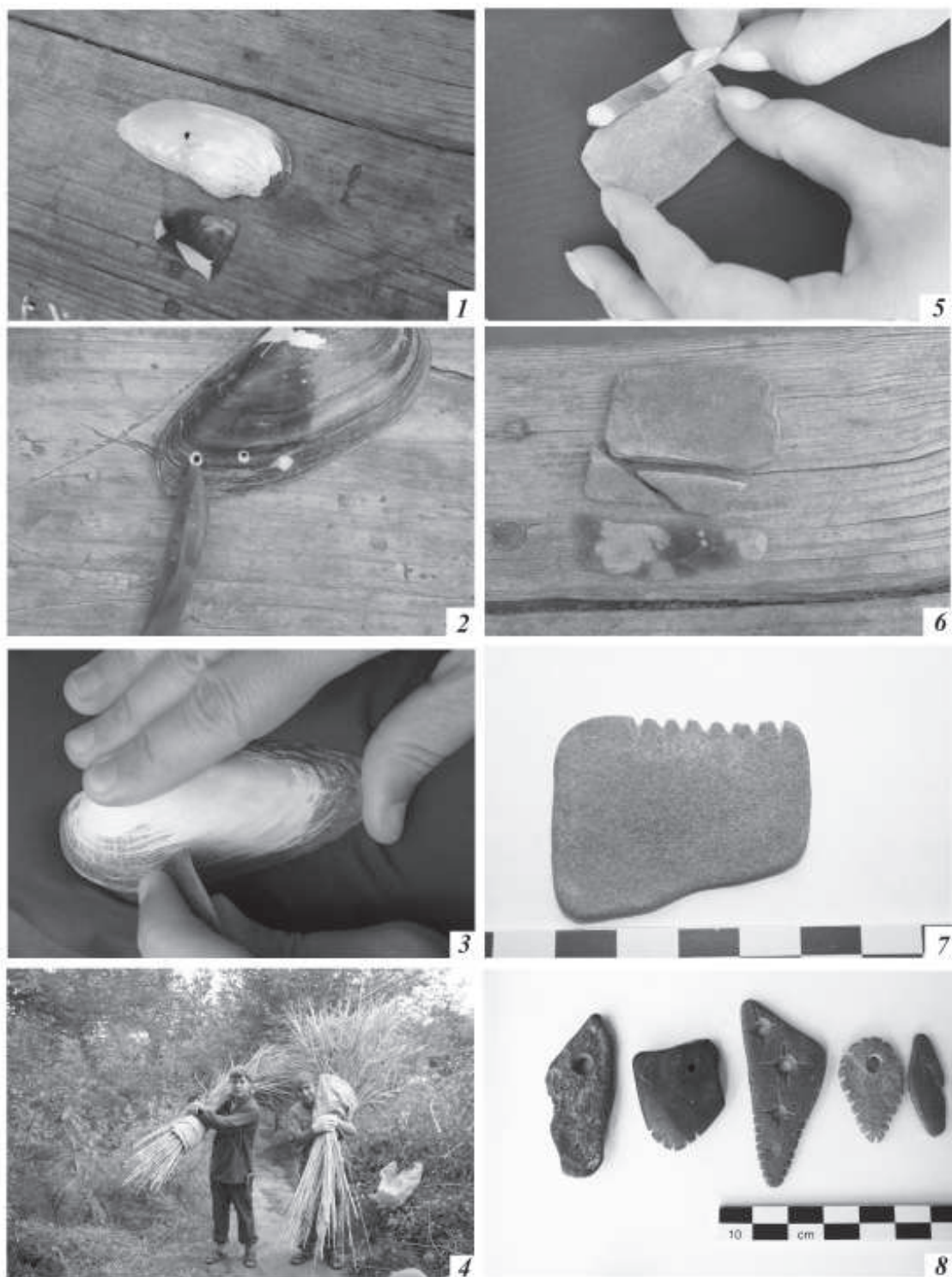

Табл.4. Эксперименты по ракушке и камню. 1-2 – сверление ракушки; 3 – скобление ракушки; 4 – срезание камыша; 5-6 – пиление мягкого камня; 7-8 – зубчатые штампы для керамики и подвески

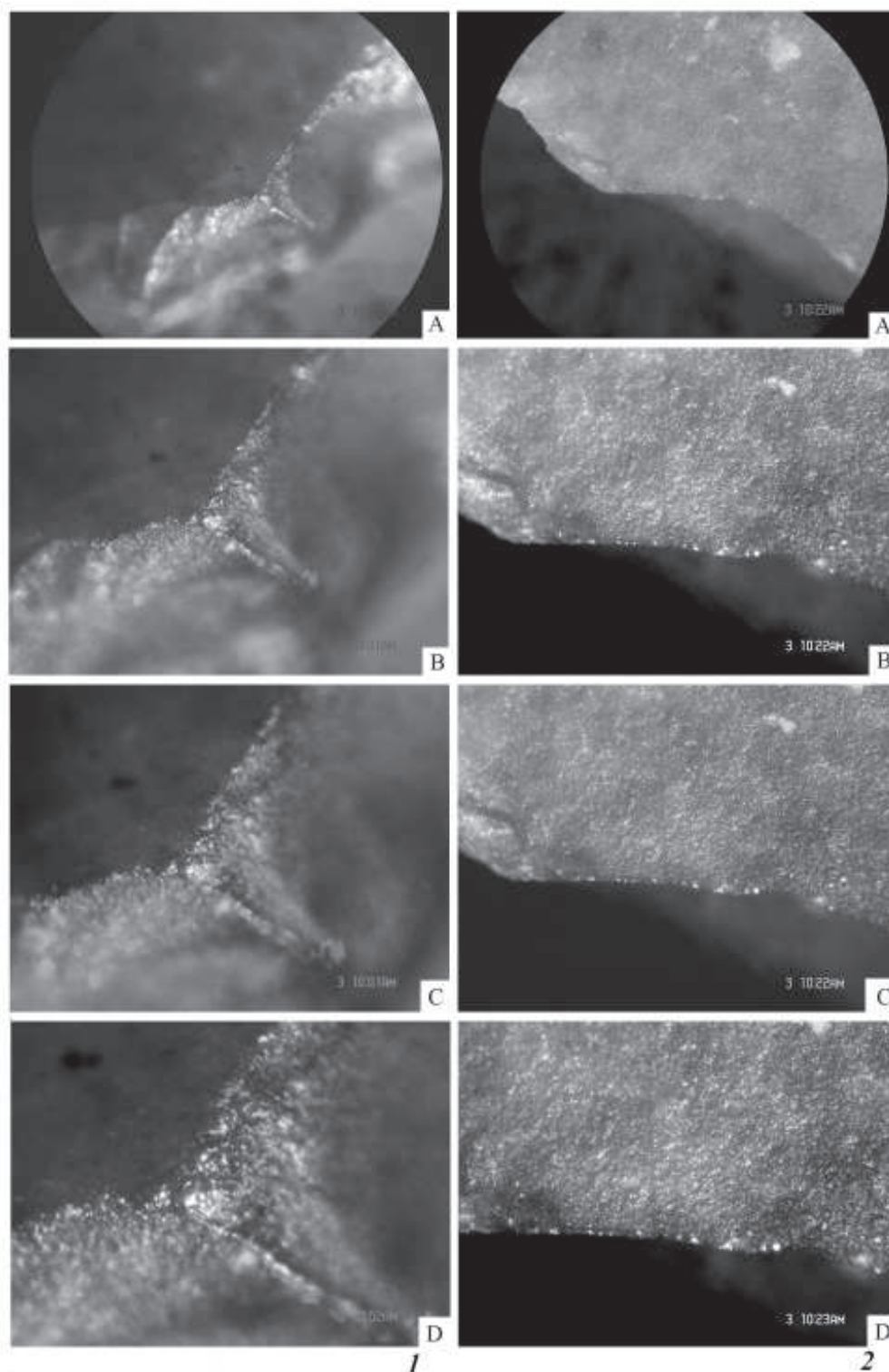

Табл.5. Экспериментальные кремневые орудия. 1 – пилка для раковин; 2 – сверло для раковин. Увеличение: Ах80; Вх160; С-240; Dх400. Вид с брюшка.

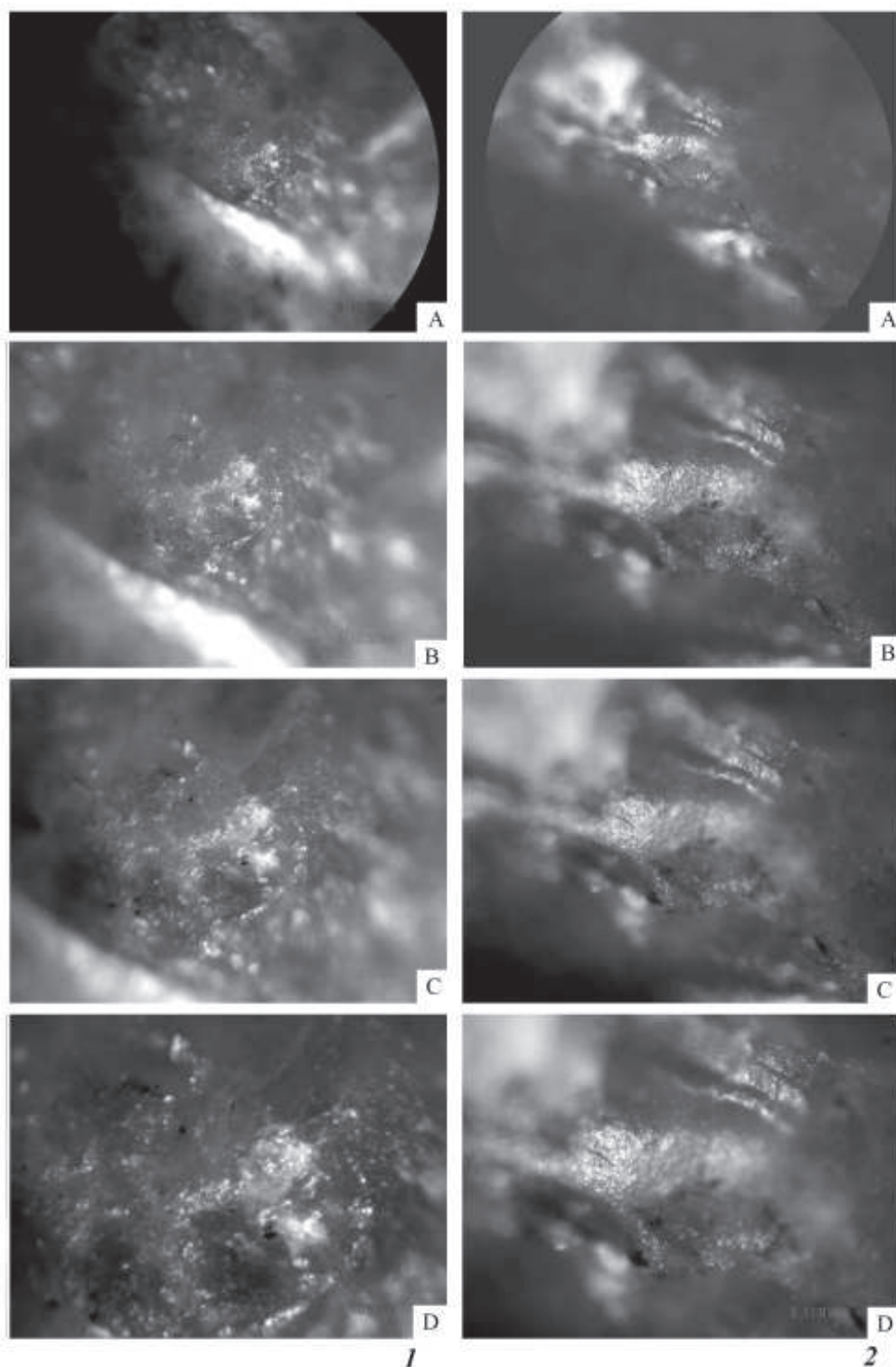

Табл.6. Экспериментальные кремневые орудия. 1 – вершушка сверла для раковин; 2 – вершушка сверла для камня. Увеличение: Ах80; Вх160; С-240; Dх400.

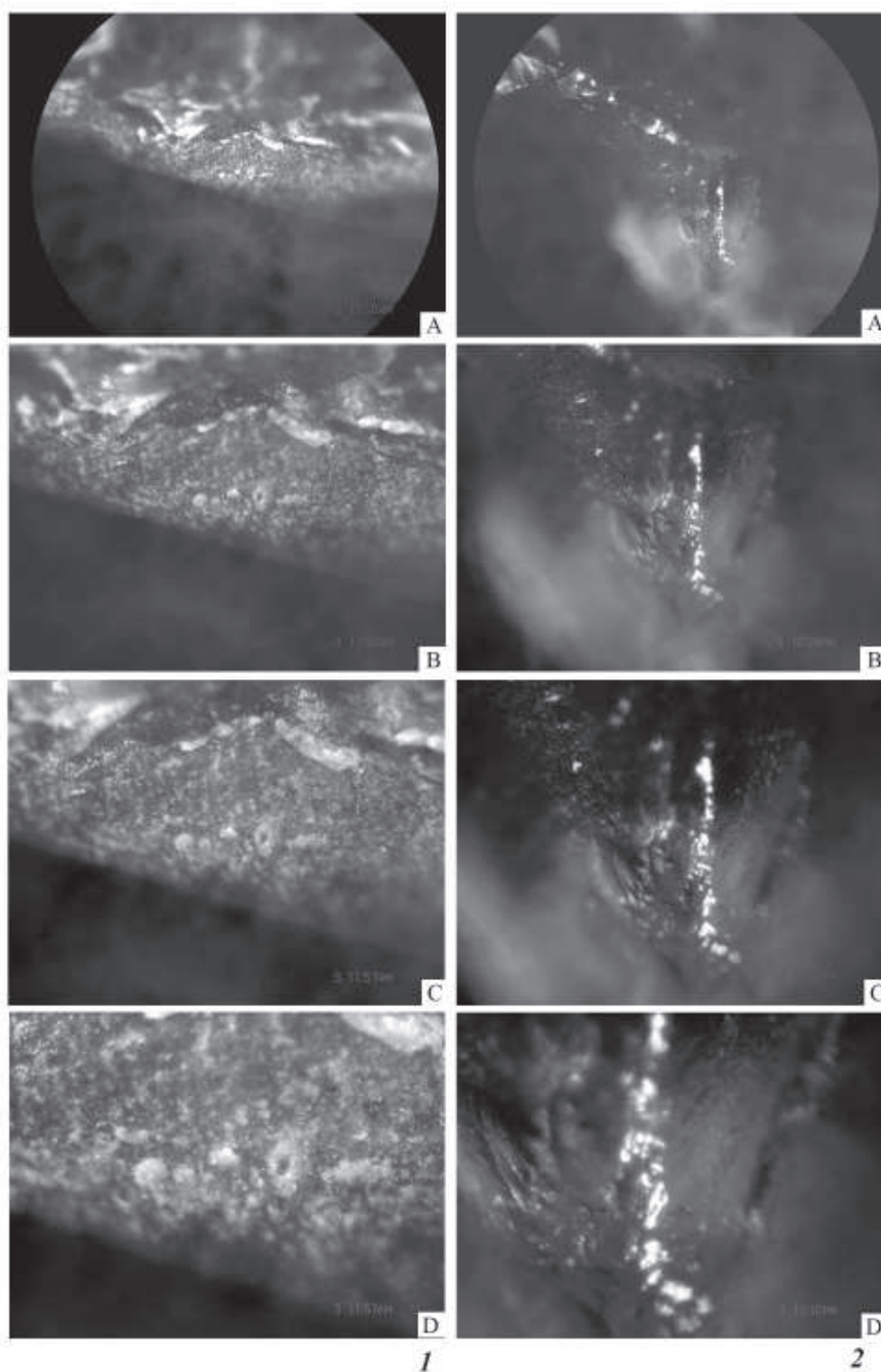

Табл.7. Экспериментальные кремневые орудия. 1 – боковое ребро верхушки сверла для камня; 2 – боковое ребро верхушки сверла для раковин. Увеличение: Ах80; Вх160; С-240; Dх400.

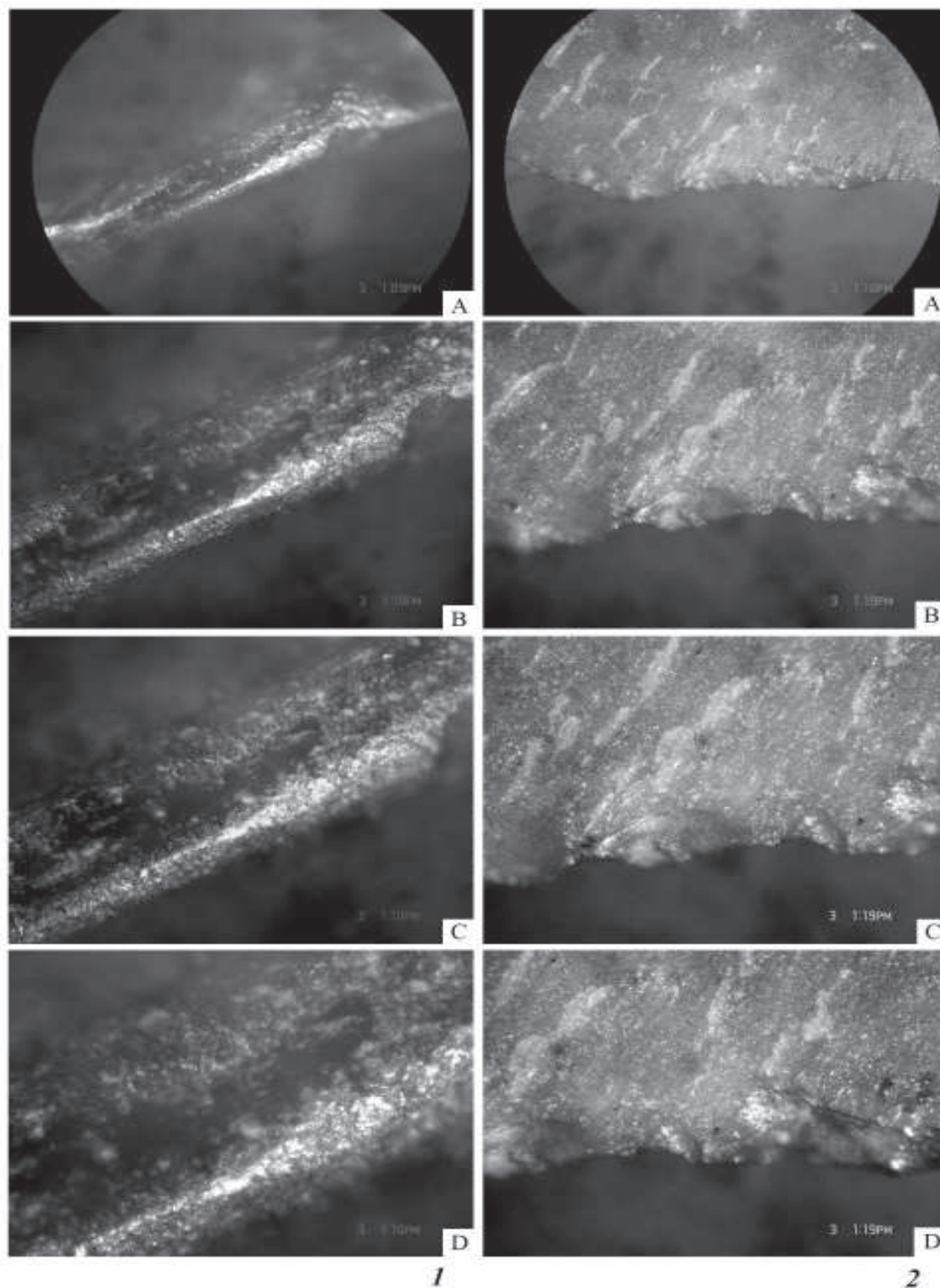

Табл.8. Экспериментальные кремневые орудия. 1 – пилка для камня; 2 – строгальный нож для сырого дерева. Увеличение: Ах80; Вх160; С-240; Dх400.

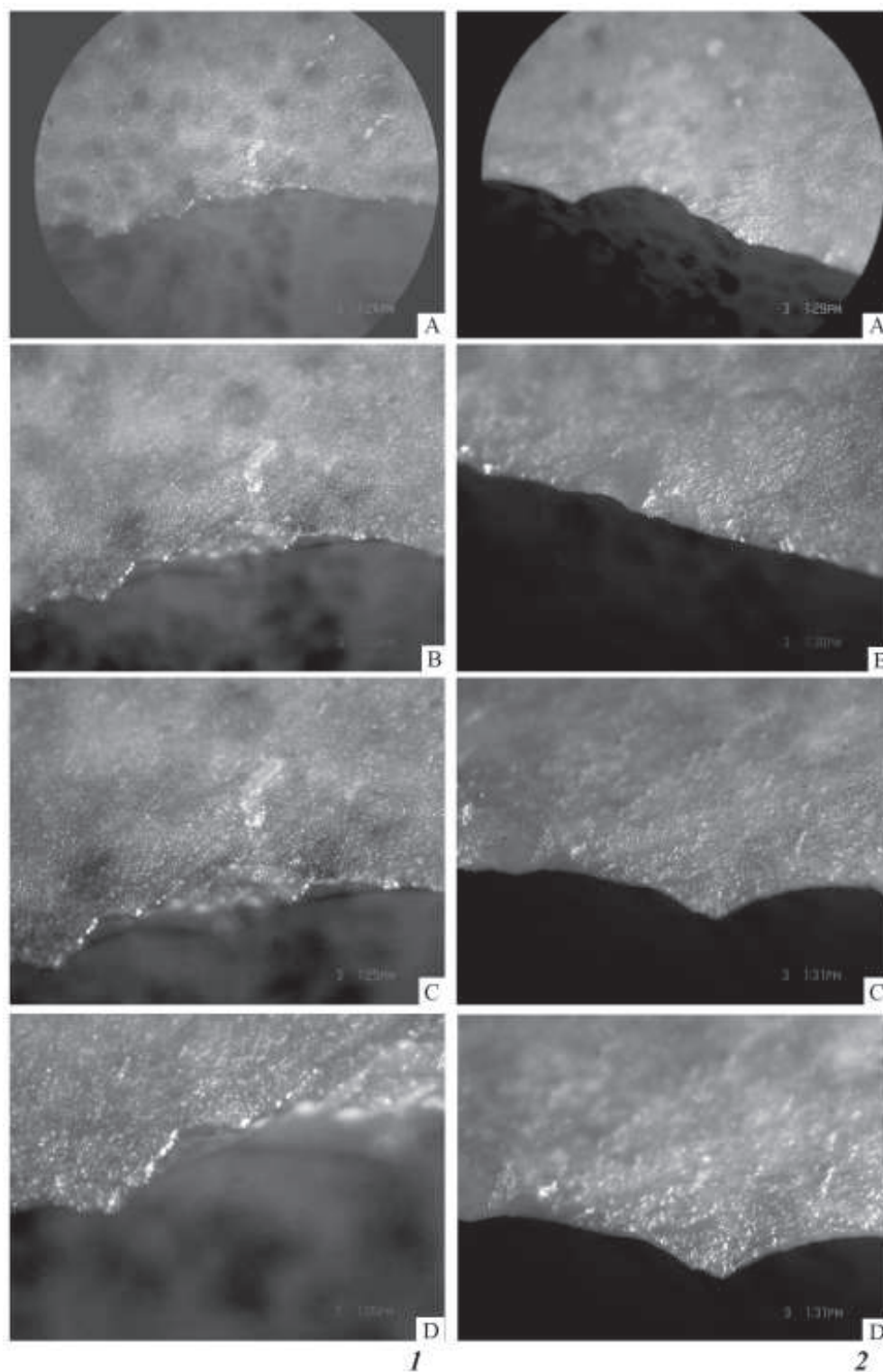

Табл.9. Экспериментальные кремневые орудия. 1-2 – кромка рабочего лезвия
строгального ножа для сырого дерева. Вид со стороны спинки. Увеличение: Ах80; Вх160;
С-240; Dх400.

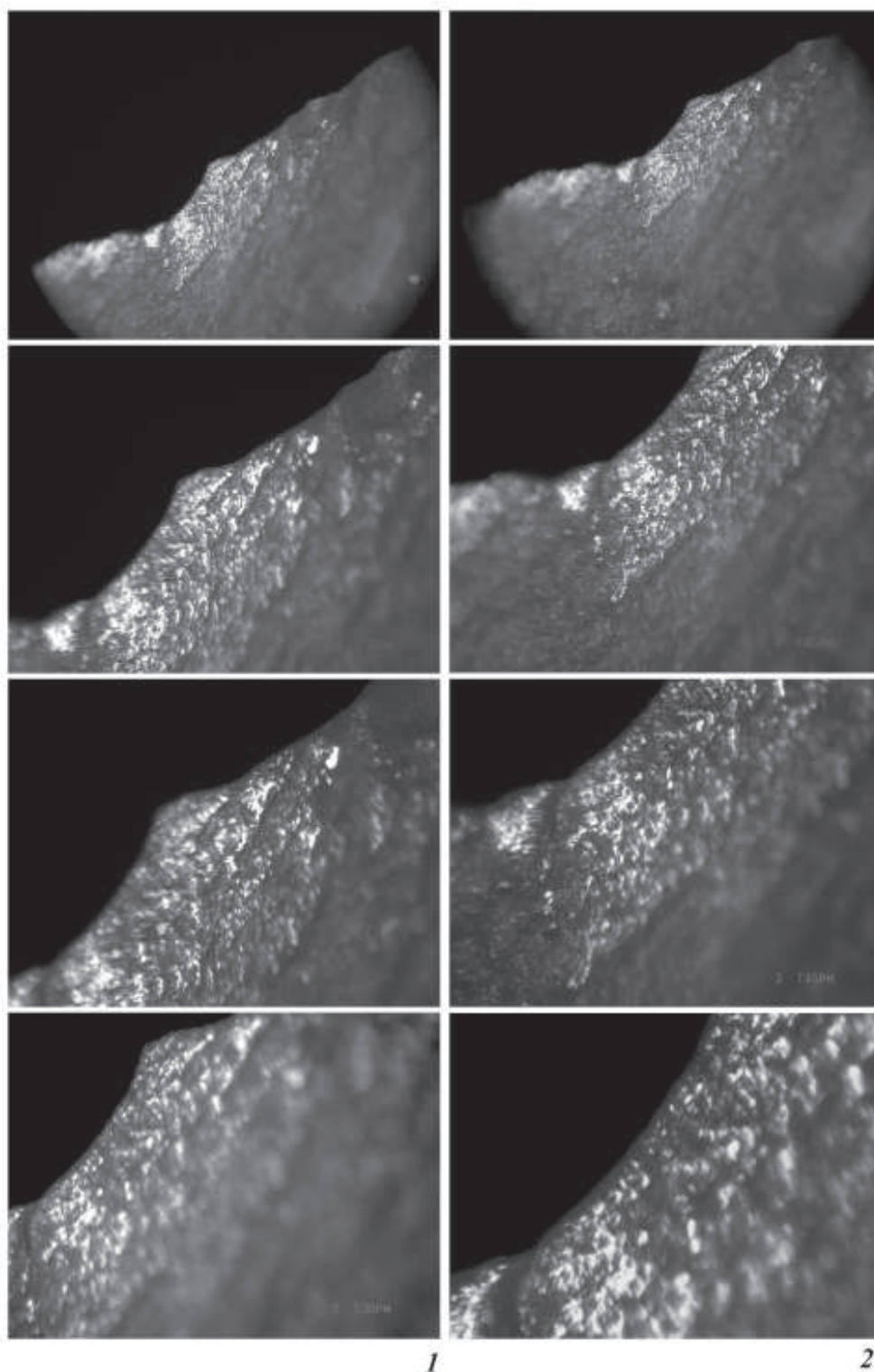

Табл. 10. Экспериментальные кремневые орудия. 1-2 – кромка рабочего лезвия
строгального ножа для сырого дерева. Вид с брюшка. Увеличение: Ах80; Вх160; С-240;
Dx400.

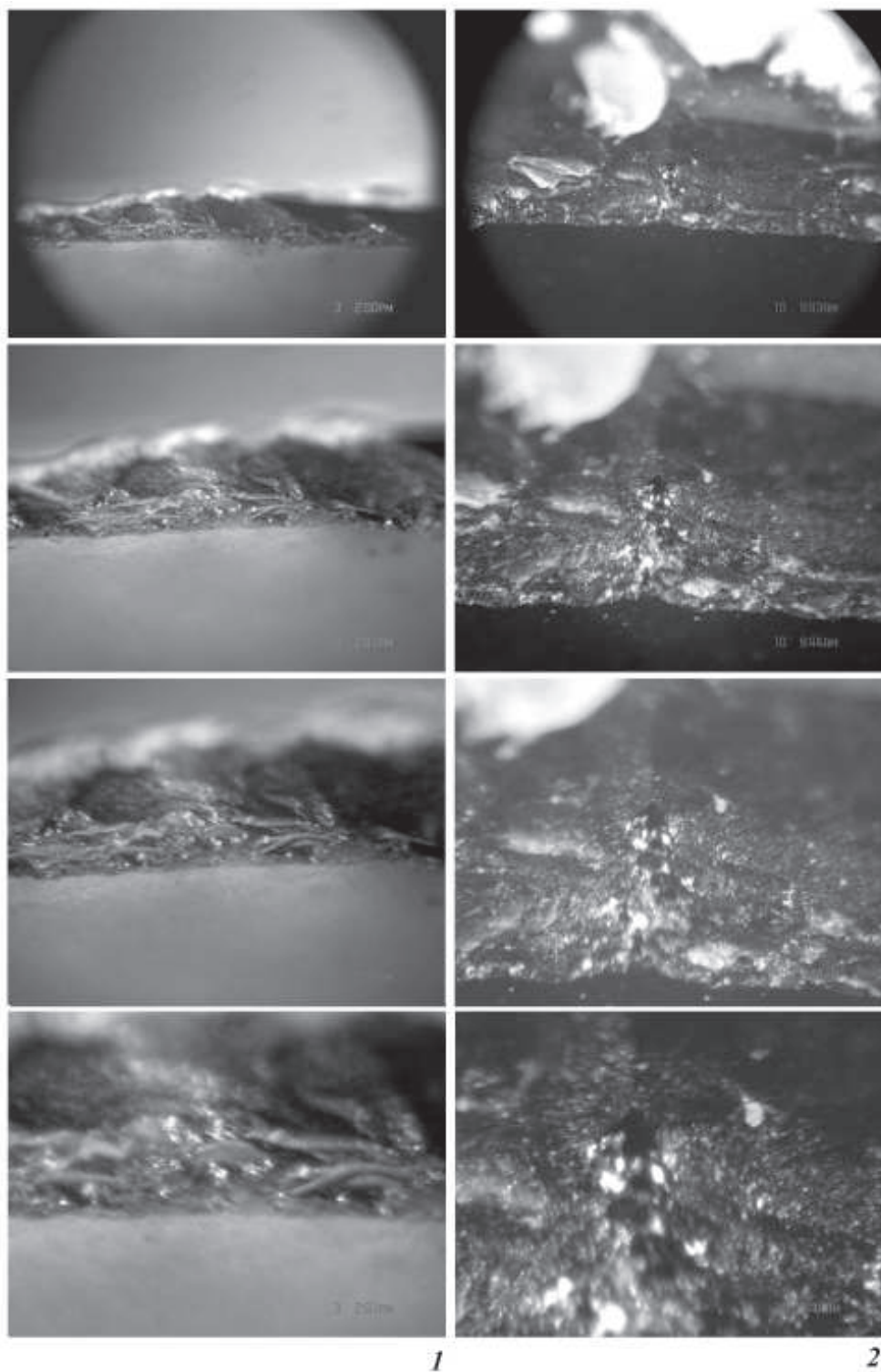

Табл. 11. Экспериментальные кремневые орудия. Кромка рабочего лезвия: 1 – скребка для дерева; 2 – скребка для ракушки. Увеличение: Ах80; Вх160; С-240; Dх400.

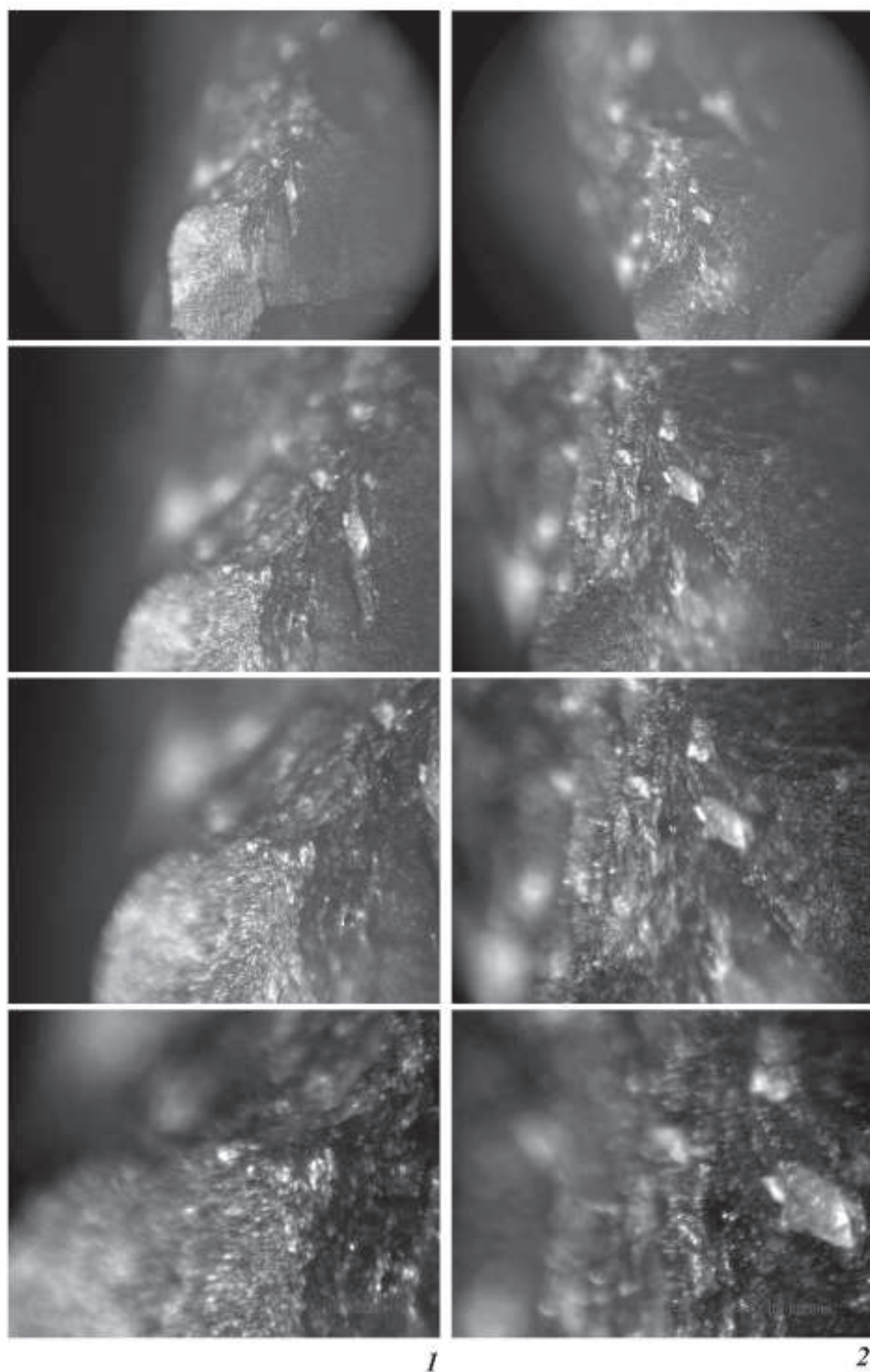

Табл.12. Экспериментальные кремневые орудия. 1-2 – два участка верхушки рабочего конца сверла для ракушки. Увеличение: Ах80; Вх160; С-240; Dх400.

В.В. Никитин.
ЛЕСНАЯ ПОЛОСА ВОЛГО-КАМЬЯ НА РУБЕЖЕ НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА

В статье рассматриваются археологические культуры Волго-Камья, связанные с переходным периодом от неолита к энеолиту, их хронология и периодизация, вопросы взаимовлияния и внешних воздействий, определяются возможные истоки новых культурных традиций

Ключевые слова: археология, неолит-энеолит, переходный период, Волго-Камье, хронология

V.V. Nikitin
FOREST BELT OF THE VOLGA-KAMA REGION IN TRANSITION FROM THE NEOLITHIC TO THE ENEOLITHIC ERAS

Archeological cultures of the Volga-Kama region in the transition period from the Neolithic to the Eneolithic Eras are viewed in terms of their chronology and periodization, their mutual and external influences. Possible sources of new cultural traditions are discussed.

Key-words: archaeology, Neolithic-Eneolithic, transition period, the Volga-Kama region, chronology

Энеолит (меднокаменный век) является переходным этапом от каменного к бронзовому веку. Под этим термином в отечественной литературе понимается эпоха внедрения и использования медных изделий, вызвавших постепенную деградацию каменных орудий. Это первоначальный, предшествующий появлению бронзы, период распространения металлических изделий, существовавших с развитой и полностью сохранившей свое значение каменной индустрией.

Рубеж двух эпох – эпоха камня и меднокаменного века в Волго-Камье выделяется условно и приходится на культуры пористой керамики: гаринско-борской на р. Каме и волосовской на р. Оке и Волге.

Процесс нового источника сырья (меди) для производства орудий труда и украшений, видимо, начинается еще в эпоху неолита в районах, содержащих природную медь или медесодержащие песчаники. Одной из причин, почему медь стала первым металлом, использованным человеком, явилась ее сравнительно низкая температура плавления (1084°), достичь которую можно было при нагревании в обычном костре. Кроме этого, самородную медь можно было обрабатывать холодной ковкой.

Четкой хронологической границы между неолитом и энеолитом нет, и первоначальное знакомство человека с металлом в лесной полосе в условиях присваивающего хозяйства особых изменений в жизни и деятельности общества не вызвало. Энеолитическая эпоха на ранней стадии развития в лесной зоне Волго-Камья не имела принципиальных отличий от позднего неолита и выделяется условно по археологической систематике.

В Поволжье энеолит связывается с памятниками протоволосовского типа, хотя этот тип, как и ранневолосовский период исследователями отнесен к позднему неолиту (Цветкова, 1953; Крайнов, 1987; Третьяков, 1990; Никитин В.В., 1996). В бассейне р. Камы к энеолиту относится новоильинская культура (Наговицын, 1984. С. 89-105; Лычагина, 2008. С. 85-103). К этому же периоду отнесена и гаринско-борская культура. Ряд археологов высказали мнение о принадлежности волосовской культуры целиком к эпохе раннего металла (Бадер, 1953; Халиков, 1969).

© Никитин В.В., 2012

Контактная зона культур пористой керамики востока (новоильинская и гаринско-борская) и запада (волосовская) обозначилась междуречьем рек Илети и Вятки. Предшественниками новоильинской и гаринско-борской культуры являлись неолитические комплексы хуторского типа, а волосовской – носители посуды с гребенчато-ямочным орнаментом и племена с посудой гребенчатого орнамента на востоке камского, а на западе – валдайского облика.

Развитый и поздний неолит занимают период с середины V (слои с посудой с гребенчатым орнаментом типа старомазиковских стоянок и поздних формирований с гребенчато-ямочной посудой) до развитого этапа волосовской культуры, датированного первой четвертью IV тыс. до н.э.

Данный период имеет целый ряд абсолютных дат (даты по керамике получены в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н.Н. Ковалюха и представлены нам профессором А.А. Выборновым): слои с гребенчатой посудой по керамике датированы: Старое Мазиково III – 5635 ± 80 BP, 4550-4360 BC, 4690-4330 BC (Ki 14442); Нижняя стрелка V – 5510 ± 90 BP, 4460-4310 BC, 4550-4210 BC (Ki 14421); Отарское VI – 5890 ± 80 BP, 4850-4670 BC, 4950-4540 BC (Ki 14423).

Для слоев с гребенчатой ямочной посудой имеются даты: Галанкина гора II – 5610 ± 80 BP, 4500-4350 BC, 4620-4320 BC (Ki 15733), 5430 ± 90 BP, 4360-4220 BC, 4460-4040 BC (Ki 15734); Отарское VI – 5810 ± 90 BP, 4730-4540 BC, 4860-4450 BC (Ki 14425), 5930 ± 80 BP, 4860-4710 BC, 5000-4590 BC (Ki 14449); Дубовское III – 5930 ± 80 BC, 4860-4710 BC, 5000-4590 BC (Ki 14535); Дубовское XII – 5970 ± 90 BP, 4960-4720 BC, 5250-4600 BC (Ki 15737).

Наиболее поздняя дата для комплексов с гребенчато-ямочной посудой получена по углю из очага на Починковском VII поселении – 4730 ± 40 BP (Ki 3150). Хотя она может быть несколько омоложена ввиду того, что очаг был разрушен береговым обрывом и находился почти на поверхности, хотя допускается возможность доживания таких комплексов до прото и ранневолосовских материалов, датированных по керамике: протоволосово – Дубовское VIII (верхний слой) – 5270 ± 80 BP, 4230-4190 BC, 4170-3980 BC, 4260-3950 BC (Ki 15758); Дубовское III (верхний горизонт) – 5295 ± 80 BP, 4230-4180 BC, 4260-3960 BC (Ki 16168); Красный Мост – 5260 ± 90 BP, 4230-4190 BC, 4350-3800 BC (Ki 16172). Волосовские керамические комплексы укладываются во время: Паратское XII – 5080 ± 70 BP, 3960-3790 BC, 3990-3700 BC (Ki 16294); 4970 ± 80 BP, 3810-3650 BC, 3960-3640 BC (Ki 16295); 4930 ± 70 BP, 3780-3640 BC, 3950-3630 BC (Ki 16296); 4820 ± 70 BP, 3700-3510 BC, 3760-3490 BC (Ki 16297); Отарское XVIII – 5130 ± 80 BP, 3990-3790 BC, 4050-3700 BC (Ki-15729); 4950 ± 80 BP, 3800-3640 BC, 3960-3630 BC (Ki15730); Майданская 4825 ± 80 BC (Ki 16215); Сутыри V (ранний) – 4900 ± 80 BP, 3790-3630 BC, 3820-3510 BC (Ki 16298); 4880 ± 80 BP, 3770-3630 BC, 3950-3500 BC (Ki 16299).

Судя по имеющимся датам, хронологические рамки развитого и позднего неолита в Марийском Поволжье выглядят следующим образом.

Культуры носителей посуды с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом существуют в пределах первой четверти-середины V тыс. до н. э.

С середины IV тыс. до н. э. в комплексах развитого этапа волосовской культуры появляются свидетельства освоения меди на ряде поселений: Рутка, Барские Кужеры III, Мазары и др. (Никитин, 1991. С.34-36), а на рубеже IV-III тыс. до н. э. металлообработка получает дальнейшее развитие, и на поселениях появляются тигли для

плавки металла и металлические изделия из меди – орудия труда и украшения (Архипов, Никитин В.В., 1977. С. 5-40; Никитин В.В., 1977. С. 41-62). Для поздневолосовского этапа по керамике имеются даты: Сутырское V – 4610 ± 70 BP, 3520-3330 BC, 3650-3050 BC (Ki 16300); 4500 ± 70 BP, 3350-3090 BC, 3370-3000 BC (Ki 16301), 4690 ± 80 BP, 3630-3580 BC, 3650-3300 BC (Ki 16302); 4600 ± 70 BP, 3520-3410 BC, 3650-3050 BC (Ki 16303); 4710 ± 80 BC, 3630-3570 BC, 3700-3300 BC (Ki 16304); 4650 ± 80 BC, 3530-3340 BC, 3650-3100 BC (Ki 16305); Удельный Шумец VI (в публикации 2010 г. ошибочно указано Удельный Шумец VII) – 4720 ± 80 BP, 3640-3550 BC, 3660-3340 BC (Ki 15731) (Никитин В.В., 2010. С. 41); Дубовское VIII (раскоп в западной части) по углю из слоя – 4360 ± 50 BP (Ki 3151).

Финал волосовских древностей на Средней Волге определяется датами поселения Удельный Шумец VII – 3710 ± 30 BP (Ki 3151) и близких ему по керамике Волосовско-Даниловского – 3650 ± 80 BP и Ново-Сюрбеевского I – 3985 ± 40 BP могильников общности боевых топоров (Соловьев, 2007. С. 179).

Вопросы формирования волосовской культуры, в принципе, были сформулированы и частично разработаны российскими археологами еще во второй половине XX века (Бадер, 1953; Третьяков, 1966; Халиков, 1958, 1960, 1969; Цветкова, 1953). Особое внимание уделялось истокам формирования и распространения культур пористой керамики, в том числе и волосовской. К концу 80-х годов XX столетия был выделен и изучен ряд вариантов культуры, объединенных в одну культурно-историческую общность (Крайнов, 1987. С. 10?28). К этому времени в научной литературе сложились, в основном, две гипотезы формирования культуры: восточная (О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, считавшие в основе этого образования волго-камские неолитические древности и миграцию волосовского населения на запад) и западная (в основе которой лежал тезис Д.А. Крайнова о верхне-волжской и ямочно-гребенчатой подоснове волосовской культуры).

По мнению Д.А. Крайнова, волосовская культура могла возникнуть только на основе местного гибридного «протоволосовского» этапа позднего неолита, явившегося следствием смешения верхневолжской культуры с культурами ямочно-гребенчатой посуды. Это предположение нашло подтверждение в исследованиях В.В. Никитина по поводу истоков средневолжского варианта волосовских древностей (Никитин В.В., 1991. С. 48-54), и анализе материальной культуры протоволосовских комплексов (Никитин В.В., 1984. С. 31-43; 1996. С. 115-128).

Выделение протоволосовского этапа, анализ и сопоставление протоволосовских и ранневолосовских материалов показали перспективность разрабатываемой гипотезы. Было убедительно показано, что волосовские древности на Средней Волге сформировались в результате взаимовлияний двух культурных образований – волгокамской и волгоокской (балахнинской).

Подобная схема формирования культур волосовского круга разработана В.П. Третьяковым. Суть его схемы сводится к заключению, что волосовская культура по своему происхождению связана с камско-уральскими археологическими культурами. В процессе развития, восприняв некоторые черты красноостовского типа в Среднем Поволжье, имеркского в междуречье Суры и Мокши и протоволосовского в Волго-Окском бассейне, волосовские племена распространились по широкой территории Европейской части СССР (Третьяков, 1990).

Не соглашаясь с теорией восточной экспансии волосовских племен и отрицая ее как явление вообще, В.В. Сидоров в совместной статье с А.В. Энговатовой предла-

гает свою модель формирования и дальнейшего расселения носителей этой культуры путем все той же миграции, но только на базе валдайской неолитической культуры (Сидоров, Энговатова, 1996. С. 164-182), хотя в более ранних работах В.В. Сидоров усматривает в валдайской культуре дальнейшее развитие местного варианта верхне-волжской культуры, на территории валдайской культуры становление волосовской культуры не происходит, формирование ее происходит на периферии в зоне контактов с другими культурами (Сидоров, 1987. С. 87-89). Исходя из этого, следует понимать, что зона контактов состоит из культур льяловского круга, а сами обладатели этих древностей будут носителями одного из компонентов складывающейся культуры.

Принимая в целом концепцию В.В. Никитина о формировании средневолжского варианта волосовской общности на основе носителей гребенчато-ямочной и волгокамской культур, В.В. Сидорова смущала поздняя датировка этого процесса. Но все датировки волосовских древностей были основаны по аналогии с комплексами Волго-Окского междуречья, не имевших серий абсолютных датировок, хотя во второй половине 1980-х годов появились первые даты для нео- энеолитических древностей, уводящие их бытование в IV тыс. до н. э. и автоматически удреившие их по отношению к средневолжским на 1000 и более лет.

Следует отметить прибалтийскую гипотезу происхождения волосовской культуры, высказанную еще в 1970-е годы (Буров, 1974. С. 106; Никитин А.Л. 1974. С. 27-33) и возродившуюся в конце 1990-х и 2000-х годах (Костылева, Уткин, 1998; Жилин, Костылева и др., 2002; Уткин, Костылева, 2006. С. 124-125). Эта гипотеза была рассмотрена еще в середине 1970-х годов как несостоятельная (Третьяков В.П. 1975. С. 14-22; Никитин В.В., 1978. С. 21-26) и более развернуто в моей недавней статье (Никитин В.В., 2010. С. 27-55).

В Прикамье в настоящее время выделено три археологические культуры энеолитического времени: новоильинская, борская и гаринская (Лычагина, 2008. С. 86-103); новоильинская гаринско-борская и юртиковская (Наговицин, 1984. С. 89-123; 1987. С. 28-34). Гаринско-борская культура О.Н. Бадером называлась турбинской (1961 а).

Новоильинская культура открыта О.Н. Бадером в 1950-е годы. Им же дана культурная характеристика памятников и предложена периодизация энеолитических образований среднекамских поселений (Бадер, 1961а. С. 179-196; 1961б. С. 264-271). Энеолитические памятники Камско-Вятского междуречья изучались В.П. Денисовым (1958; 1967; 1972), Р.С. Габяшевым (1981, 1982; Габяшев, Старостин, 1978. С. 148-159), И.Б. Васильевым (Васильев, Габяшев, 1982), С.В. Ошибкиной (1980. С. 22-69), Т.М. Гусенцовой (1980. С. 70-95), Л.А. Наговициным (1978. С. 129-147; 1980. С. 96-117; 1987. С. 28 и сл.; 1990. С. 82-96), М.Ф. Обыденновым (1978. С. 160-169), А.А. Выборновым (1984), А.Ф. Мельничуком (1990. С. 97-104).

Краткая характеристика новоильинской культуры в последнее время приведена в совместной работе Е.Л. Лычагиной и А.А. Выборнова (2009. С. 33-36), в которой они излагают свои мысли по поводу происхождения культуры. В итоге делается вывод о правомерности точки зрения О.Н. Бадера и Л.А. Наговицина на ее происхождение в результате синтеза позднеэнеолитических памятников камской культуры (памятники левшинского типа) и волго-окских памятников с ямочно-гребенчатой керамикой (балахнинского типа) на территории Нижнего Прикамья (Бадер, 1961б. С. 269). Влияние волго-окского комплекса объясняется наличием в орнаментации новоильинской посуды вертикального и горизонтального зигзага, отсутствие шагающей гребенки,

широкое применение всевозможных вдавлений и ямок. Предполагается участие в этом процессе и носителей посуды с накольчатым орнаментом, выразившееся в наличии плоских днищ уже на раннем этапе (Чашкинское озеро I), использование насечек по торцу венчика. Допускается возможность формирования культуры и за пределами Нижнего Прикамья (Наговицин, 1993. С. 59-76).

Хронология культуры разработана недостаточно. Имеется даты для Кочуровского I две – (Ki 14787) – 3940±70 BP, 2500-2300 BC, 2620-2200 BC; (Ki 14788) – 3860±70 BP, 2460-2270 BC, 2500-2130 BA; Сауз II – (Ki 15071) – 3980±90 BP, 2630-2330 BC, C2900-2200 BC; две даты для Чашкинское озеро I – (Ki15618) – 5230±90 BP, 4230-4190, 4170-3960 BC, 4550-3800 BC; (Ki15619) – 5140±90 BP, 4040-3790 BC, 4250-3700 BC. Одна дата имеется для стоянки Усть-Очер I – (JE-2743) – 4640±40 лет назад. На сегодняшний день культура может быть датирована в пределах 5300 – 3800 л.н. При калибровке время ее существования может быть отнесено к концу V – середине III тыс. до н.э. (Лычагина, Выборнов, 2009. С. 35).

Отсутствие на территории Волго-Камья базовых поселений с гребенчато-ямочной посудой волго-окского типа (см. карту: Неолит северной Евразии, 1996. С. 174 и Халиков, 1969. С. 95, рис. 24), малочисленные сосуды на многослойных памятниках Камско-Вятского междуречья (Гусенцова, 1993. С. 81-108) свидетельствуют о кратковременном, эпизодическом посещении малочисленных групп носителей волго-окских керамических традиций. Территория, интенсивно осваиваемая носителями гребенчато-ямочной посуды, к востоку ограничивается казанским течением р. Волги (Халиков, 1969. С. 94; Неолит..., 1996. С. 175). Нет их в бассейне р. Вятки (Третьяков, 1972. С. 52; Гусенцова, 1993. С. 31). Неолитические сосуды с гребенчато-ямочным орнаментом в смешанных неолитических комплексах бассейна р. Вятки не могут утвердить мнение о массовом проникновении их носителей в среду местного населения, способных повлиять на дальнейшее развитие аборигенов.

Видимо, нет оснований включать в систему новоильинской культуры Прикамья памятники красномостовского (протоволосовского) типа. Если у первых доминируют все элементы керамической традиции местного волгокамского (хуторского) неолита, то на Средней Волге это синкретические образования с ярко выраженными чертами гребенчатой и гребенчато-ямочной керамических традиций (Никитин В.В., 1996. С. 115-128).

Кроме этого в материальных комплексах новоильинских памятников обнаружены свидетельства меднолитейного производства: III Ново-Ильинские (Бадер, 1961. С. 75; Лычагина, 2008. С. 92). Медные изделия обнаружены и среди комплексов борской культуры (стоянка Бор V), относящейся к раннеолитическому этапу. Металлообработка в среде прото- и волосовского населения начинается лишь в развитую пору волосовской культуры (Баркужеры III, Рутка, Мазары I и др.) и в этом отношении протоволосовские и ранневолосовские древности относятся еще к эпохе камня, а в хронологической шкале должны быть древнее новоильинских, что и подтверждается датировкой керамики.

Юртиковская культура.

Культура, выделенная С.В. Ошибкиной по одноименному памятнику, исследованному в бассейне р. Вятки в 1973-1978 годах. В начале 80-х годов М.И. Трефц провела раскопки на поселении Буй I, ряд памятников исследованы Удмуртской археологической экспедицией в 1973-1981 годах совместно с экспедицией Кировс-

кого областного музея. В эти же годы стоянки медно-каменного века изучает экспедиция Удмуртского НИИ (Л.А. Наговицин) и другие (историю изучения см. Наговицин, 1984. С. 90-94).

По вопросам происхождения культуры до сих пор нет единого мнения. С.В. Ошибкина, основываясь на материалах поселения Юртик, высказала предположение о том, что в бассейне р. Вятки в энеолите существовала самостоятельная культура, близкая турбинской культуре Прикамья и волосовской Средней Волги (Ошибкина, 1976. С. 191-192). В более поздней статье она пишет, что материалы поселения Юртик с памятниками турбинской культуры имеют мало общего и в то же время не могут считаться памятником волосовской культуры, хотя территориальная близость, общая природно-хозяйственная зона, сходные формы хозяйства и быта могли отразиться в материальной культуре населения в обширном регионе лесной зоны левобережных притоков р. Волги (Ветлуга, Вятка, Кама). Между соседствующими группами племен должны были существовать связи обменного характера и различного рода контакты. Поскольку предшествующий, неолитический период на Вятке пока слабо изучен, истоки энеолитической культуры не ясны (Ошибкина, 1980. С. 61-65).

Существует точка зрения, по которой новоильинские и юртиковские памятники объединяются в одну культуру, сложение которой происходило на местной неолитической основе при участии разноэтнических групп населения, в том числе и носителей балахнинской культуры (Гусенцова, Сенникова, 1980. С. 128).

По мнению В. Никитина, энеолит бассейна Вятки формируется в результате переселения части волосовских племен из Нижнего Прикамья ил Ветлужско-Волжского междуречья и представляет локальный вариант волосовской культурно-исторической области (Никитин В.В. 1978. С. 23). Основным исследователем энеолитических древностей Вятского бассейна Л.А. Наговицин считал, что формирование юртиковской культуры шло на базе вятского варианта новоильинских памятников (Наговицин, 1983. С. 18).

В Юртиковской культуре представлены не только медные изделия (нож, проколка, кольца, заготовки), но и куски медной руды – малахита, которые косвенно свидетельствуют о наличии собственной металлургии у населения памятников средневятского типа, хотя коллекция металлических изделий не велика и не так разнообразна, как волосовская и гаринско-борская (Кузьминых, 1980. С. 148-149).

Для датировки юртиковской культуры существуют 10 определений: Юртик – 3975±80 л.н. (ТА 937); 3530±60 л.н. (ТА 937), Аркуль III – 3750±50 (ЛЕ 1447); Чернушка I – 3480±40 л.н. (ЛЕ 1928); 3460±40 л.н. (ЛЕ 1928); 3460±40 л.н. (ЛЕ 1928); 2930±40 л.н. (ЛЕ 1929); 2960±40 л.н. (ЛЕ 1927); 4990±50 л.н. (ЛЕ 18175); 5350±60 л.н. (ЛЕ 1874); 6870±70 л.н. (ЛЕ 1876). Ранний этап культуры определяется последней четвертью III в. до н.э. (Наговицин, 1984. С. 116-117), хотя имеющийся разброс дат не дает представления об объективном хронологическом горизонте бытования культуры (Наговицин, 1983. С. 19).

Гаринская культура.

Гаринская (турбинская, по О.Н. Бадеру) культура была выделена в 1950-1960-е годы в результате археологических работ в Прикамье (Бадер, 1961 а; 1961 б; Бадер, Оборин, 1958). Бадер О.Н. и его ученики в своих публикациях турбинские поселения связывали с известным турбинским могильником. Учитывая отсутствие культурной

и этнической связи между могильником и поселением, Е.Н. Черных (1970. С. 9, 83-85) предложил называть культуру поселений гаринско-борской, поскольку доказано, что гаринско-борские металлические изделия приготовлены из «чистой» меди и существовали в досейминском хронологическом горизонте, т. е. до сложения металлургии бронзы и культур бронзового века в лесном Волго-Камье (Черных, 1970. С. 108). Термин был принят исследователями древностей Прикамья (Наговицы, 1987. С. 31 и сл.). А.Ф. Мельничук разграничил энеолитические памятники Прикамья на гаринский и борский типы, которые по совокупности всех показателей материальной культуры позволяют определить борские комплексы древнее гаринских, и датировать их первой половиной III тыс. до н.э. (Мельничук, 1990. С. 97-104).

А.Х. Халиков считал возможным определять гаринско-борские памятники просто гаринскими, поскольку борские памятники приустьевой части р. Чусовой являются лишь локальным образованием (Халиков, 1990. С. 11).

Несмотря на длительное изучение энеолита Прикамья, до сих пор основные вопросы происхождения, этапов развития, дальнейших судеб остаются или дискуссионными, или не решенными (Лычагина, 2008. С. 86-103). В.П. Третьяков (1984. С. 73-88) рассматривал вятские энеолитические памятники в качестве варианта гаринско-борской культуры. А.Х. Халиков считал возможным выделять обширную культурную общность, которую следует называть волосовско-гаринской, оставленной родственными группами финно-язычных племен, отделившихся в конце эпохи неолита от древних угров в результате распада волго-камско-уральской финно-угорской общности (1982; 1990). В настоящий момент мы можем говорить лишь о культурно-хозяйственной общности в зоне широколиственных лесов племенных объединений, возможно, говорящих на близкородственных финно-угорских языках. На рубеже неолита-энеолита в культурах населения с пористой керамикой должны присутствовать угорский и финский компоненты с доминантой того или другого в зависимости от степени участия носителей гребенчатой или гребенчато-ямочной гончарной традиции в украшении посуды и других элементов культуры ближайших соседей (Никитин В.В., 2003. С. 92).

Список литературы:

Архипов Г.А., Никитин В.В., 1977. Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 2. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 5-40.

Бадер О.Н., 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции // УЗ ПГУ. Труды Камской археологической экспедиции. Т. IX. Вып. 3. – Харьков: ХГУ. – С.3-87.

Бадер О.Н., 1961а. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99. – М.: Наука. – 196 с.

Бадер О.Н., 1961б. Поселение у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 2. – М.: ИА АН СССР. – С. 110-271.

Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958. На заре истории Прикамья. – Пермь: Пермск. кн. изд-во. – 244 с.

Буров Г.М., 1974. Археологические культуры севера Европейской части СССР (северодвинский край). – Ульяновск: УГПИ. – 119 с.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С., 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: КГПИ. – С. 3-23.

Выборнов А.А., 1984. Неолит и эпоха раннего металла правобережья нижней Белой. Автореф. дисс. канд. ист.наук. – Л. – 16 с.

Габяшев Р.С., 1981. Итоги раскопок III Русско-Азиебейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР. – С. 11-24.

Гусенцова Т.М., 1980. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск: УдНИИ – С. 70-95.

Гусенцова Т.М., Сенникова Л.А., 1980. Многослойное поселение Лобань I // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск: УдНИИ. – С.118-134.

Денисов В.П., 1958. Новые археологические памятники на р. Вятке // СА. №3. – С.111-119

Денисов В.П., 1967. Культуры эпохи бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // Ученые записки ПГУ. № 148. – Пермь: ПГУ. – С.29-50

Денисов В.П., 1972. Раскопки поселений эпохи бронзы на Нижней Каме // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып.1.– М.: Знание. – С. 75-77.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. – М.: Наука. – 345 с.

Костылева Е.Л., Уткин А.В., 1998. Керамика восточно-прибалтийского типа на поселении Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. – Иваново: ИГПУ. – С. 53-57.

Крайнов Д.А., 1987. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. – М.: Наука. – С. 10-27.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., 2009. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. № 2. – Казань. – С. 33-36.

Мельничук А.Ф., 1990. О памятниках борского типа // Энеолит лесного Урала и Поволжья. – Ижевск. – с. 97-104.

Наговицин Л.А., 1983. Энеолит бассейна р. Вятки // Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М.: ИА РАН – 25 с.

Наговицин Л.А., 1984. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск: УдНИИ. – С. 89-123.

Наговицин Л.А., 1987. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры / Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. – М.: Наука – С. 28-34

Наговицин Л.А., 1990. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. – Ижевск: УдНИИЛИ УрО РАН. – С. 82-96.

Наговицин Л.А., 1993. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. – Екатеринбург: УрГУ. – С.59-75

Неолит Северной Евразии. 1996. Археология. – М.: Наука. – 377 с.

Никитин А.Л., 1974. Существовала ли волосовская культура? // СА. №2. – М. – С. 27-33.

Никитин В.В., 1977. Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры воловских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. Вып.2. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 41-87.

Никитин В.В., 1978. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Вып. 3. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 21-63.

Никитин В.В., 1991. Медно-каменный век Марийского края (сер. III – нач. II тыс. до н.э.). – Йошкар-Ола: МарНИИ. – 152 с.

Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края. Труды МарАЭ. Том IV. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. – 177 с.

Никитин В.В., 2003. Культуры пористой керамики Волго-Камья эпохи раннего металла (к вопросу о волосовско-турбинской общности) // Международное (XVI) Уральское археологическое совещание. – Пермь: ПГУ. – С. 91-93

Никитин В.В., 2010. Поселение Красный Мост II и III (к вопросу о происхождении волосовских древностей) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.3. – Йошкар-Ола: МарГУ. – С. 27-55.

Ошибкина С.В., 1976. Поселение Юртик на Средней Вятке // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. – М.: Наука. – С. 176-192

Ошибкина С.В., 1980. Поселение Юртик. Результаты исследований // Памятники эпохи энеолита и ранней бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск: УдНИИ. – С. 29-69.

Обыденнов М.Ф., 1978. Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Вып.3. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 160-168.

Сидоров В.В., 1987. Отношение льяловской и волосовских культур // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. – Устинов. – С. 87-89.

Сидоров В.В., Энговатова А.В., 1996. Протоволосовский этап или культура? // ТАС. Вып.2. – Тверь: Тверской объединенный музей. – С. 164-182.

Соловьев Б.С., 2007. К вопросу об атликасинской культуре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (мат. научной конференции). – Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ. – С. 176-191.

Третьяков В.П., 1972. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. – Л.: Наука. – 136 с.

Третьяков В.П., 1975. В защиту волосовских древностей // СА. № 4 – С. 14-22.

Третьяков В.П., 1984. Энеолитические памятники в бассейне р. Вятки и гаринско-борская культура // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск: УдНИИ. – С. 73-87.

Третьяков В.П., 1990. Волосовские племена в Европейской части СССР в III-II тыс. до н.э. – Л.: Наука. – 211 с.

Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.-Л.: Наука. – 306 с.

Уткин А.В., Костылева Е.Л., 2006. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение центральной России. – Липецк: ЛипГПУ. – С. 124-126

Халиков А.Х., 1958. Неолитические памятники в Казанском Поволжье // МИА. № 61. – М.: Наука. – С. 11-44.

Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ. Т. 1. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 186 с.

Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука. – 395 с.

Халиков А.Х., 1982. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: КГПИ. – С. 24-28.

Халиков А.Х., 1990. Волосовско-гаринская энеолитическая общность // Энеолит лесного Урала и Поволжья. – Ижевск: УдНИИ УрОРАН. – С. 10-16.

Цветкова И.К., 1953. Волосовские неолитические племена // Труды ГИМ. Вып. 22. – М.: ГИМ. – С. 21-51.

Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. – М.: Наука. – 179 с.

В.В. Сидоров.
ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье продолжается полемика с В.В. Никитиным по вопросам происхождения и этнокультурных взаимодействий волосовской культурно-исторической общности. Делается вывод о различном происхождении средневолжских и волго-окских локальных вариантов волосовской культуры.

Ключевые слова: археология, неолит-энеолит, археологическая культура, культурно-историческая общность, волосовская культура

V.V. Sidorov
LOCAL VARIATIONS OF THE VOLOSOVSKAYA CULTURE

The paper develops the discussion with V.V. Nikitin on the question of origins and ethnocultural interactions of the Volosovskaya cultural and historical community. It is assumed that the Middle Volga and Volga-Oka local variations of the Volosovskaya culture are of different origins.

Key-words: archaeology, Neolithic-Eneolithic, archaeological culture, cultural and historical community, the Volosovskaya culture

Археологическая культура (АК) может рассматриваться как археологический след конкретной этнической общности. Как и этническая общность, она меняется со временем, и эти изменения отражают ее историю: изменение этнографического облика, хозяйственно-культурного типа, структуры общности. Они могут происходить как в результате собственного развития общества, так и под воздействием соседних культур. Задачей нашей науки и является реконструкция былого этнического облика, выяснение его динамики, причин и масштабов таких изменений. Археологическая культура, как и этническая общность, является полем циркуляции информации. И характер этих процессов отражает как структуру общности, так и характер взаимодействия с соседними общностями. Минимальной этнической общностью является та, в пределах которой максимально тесны родственные связи, то есть племя, обладающее единым диалектом, общей культурой, осознанием единства (что опять-таки есть проявление традиционных родственных связей). Выявив структуру локальных вариантов (ЛВ) археологической культуры, мы тем самым устанавливаем племенную структуру конкретного этноса. Она может меняться со временем – отдельные части племен могут изолироваться друг от друга, накапливая локальные особенности, могут устанавливать родственные связи с инокультурными общностями.

Смысл понятия культурно-историческая общность (КИО) не столь чётко, как АК и ЛВ. За ним может стоять как былое родство, что проявляется в близости архайчных пластов культуры, обеспечивающий потенциальную возможность их взаимодействия, так и нивелирующее влияние иной культуры – источника новаций при изменении хозяйственно-культурного типа.

Волосовская КИО проявляется в диффузии отдельных элементов культуры от Прибалтики до Приуралья. Такое распространение ее послужило основанием О.Н. Бадеру (Бадер, 1972), А.Х. Халикову (Халиков, 1990) видеть в ней тот компонент, который сформировал единство финских народов в лесной зоне Восточной Европы. Но на значительной части этой территории волосовская культура не является абориген-

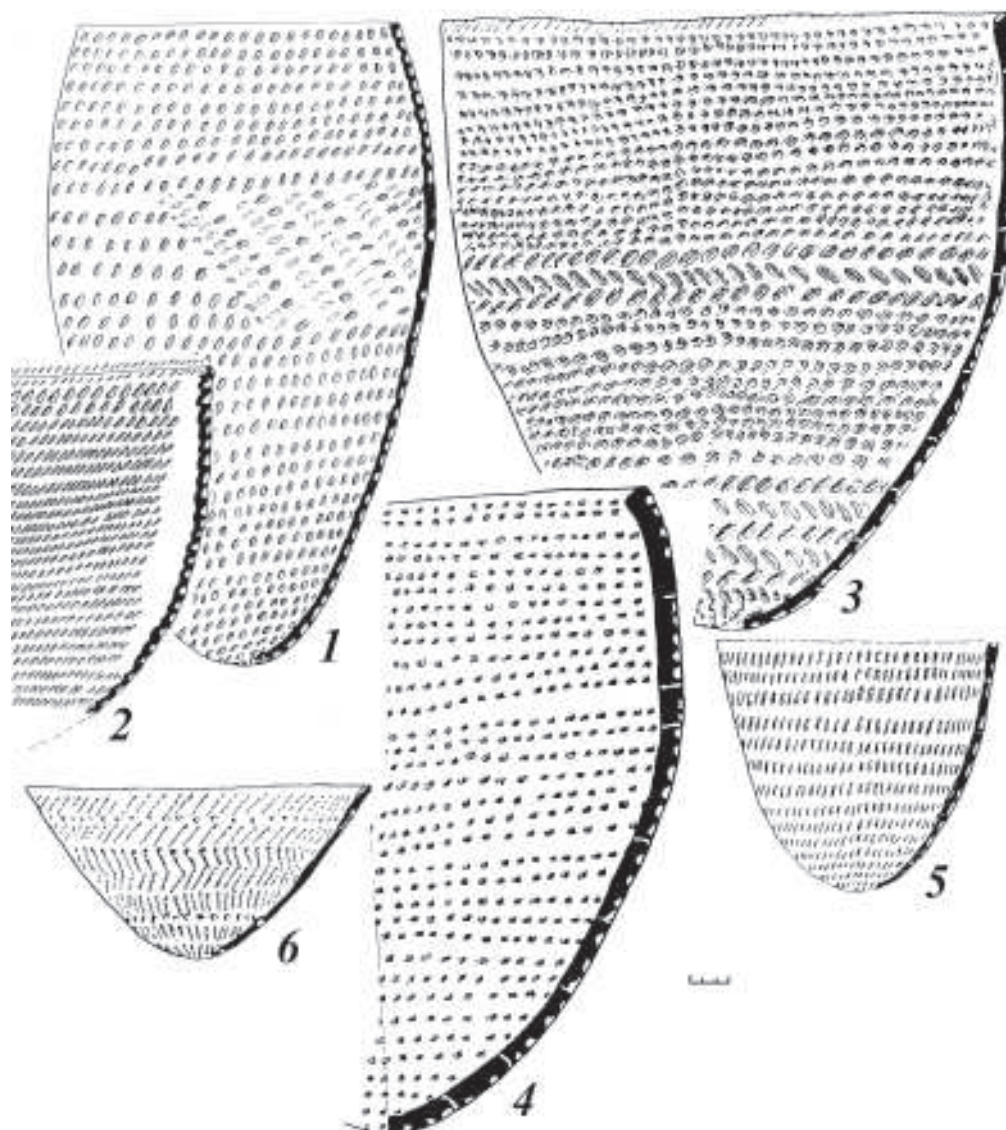

Рис. 1. Протоволосовская керамика верхневолжского локального варианта волосовской культуры: Замостье II, V, XIII.

ной – генетические корни ее в Волго-Окском междуречье, Среднем Поволжье, и вплоть до Белого моря отсутствуют. Здесь до конца IV тыс. до н.э. была сплошная территория племен льяловской культуры (культуры ямочно-гребенчатой керамики), насчитывавшей не менее 12 локальных вариантов, корни которых уходят в ранний неолит и далее. Западные соседи – племена Валдайской возвышенности и Верхнего Днепра – в эту пору почти не взаимодействовали с племенами льяловской культуры (единственное исключение – моложский локальный вариант (Сидоров, 1998), где контакты с валдайским наблюдаются и в мезолите, и в раннем неолите). Восточная граница льяловской культуры на позднем этапе не достигала Mokши и Ветлуги, здесь проходила линия контакта с камским гребенчатым неолитом.

Валдайская культура не ограничивается территорией собственно валдайской возвышенности. Аналогичные памятники распространены вплоть до Ладоги, а ее

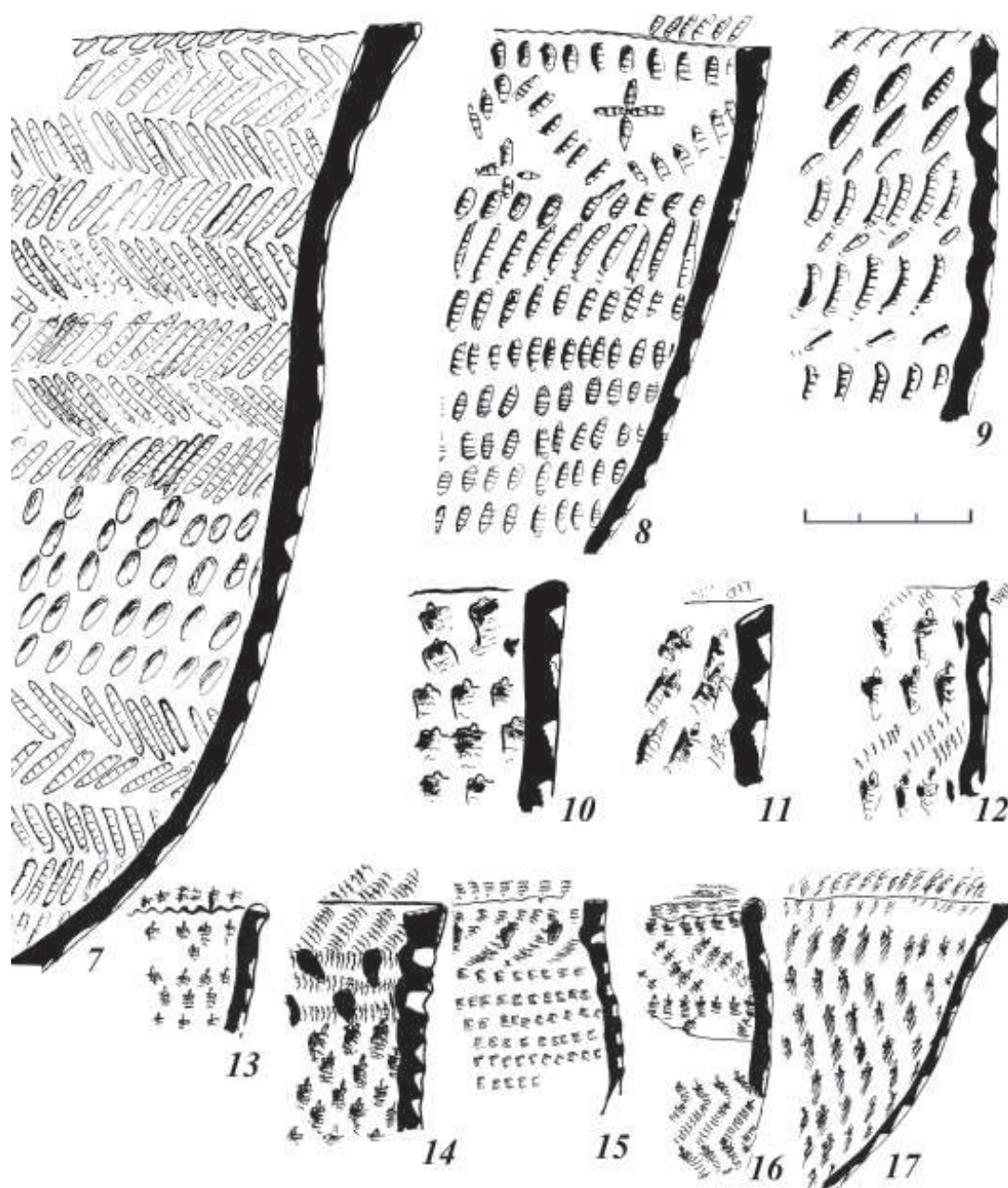

Рис.2. Протоволосовская керамика московско-клязьминского варианта волосовской культуры: Маслово Болото IV. Маслово Болото VIII. Верхнеднепровская керамика протоволосовского (10-12) и верхнего слоёв (13-17) Маслово Болото IV.

соседи в бассейне Даугавы и Ловати – и отнесены к руднянской культуре (Микляев, 1994). Отличия ее от валдайской незначительны, и их можно рассматривать как два ЛВ одной культуры. Весьма близок ей материал неманской культуры, но вопрос о соотношении этих локальных культур фактически ещё не ставился.

На рубеже IV-III тыс. до н.э. начинается экспансия с территории валдайской культуры на запад (на территорию нарвской культуры) и на восток – на территорию льяловской культуры. Ряд льяловских ЛВ прекращает своё существование. Исчезает московский вариант, единственный, который был в тесной связи с культурой белёв-

ской (его продолжение – это карельская культура ромбоямочной керамики). Многочисленные памятники дубненского ЛВ льяловской культуры сменяют валдайские протоволосовские комплексы, тождественными комплексам селигерской группы. Между ними нет следов взаимодействия. Исчезает льяловская группа на поселении Языково – здесь непосредственно на позднельяловский комплекс налегает слой с валдайской керамикой (Сидоров, 1992). Такая же картина на озёрах волжско-клязьминского водораздела, на озёрах Плещеево, Неро, Ивановское. Валдайские памятники распространяются вверх по р. Костроме. Исчезает льяловское население по р. Клязьме. Экспансия с Валдая не привела к смешению валдайской и льяловской культур. Но далее на восток начинает проявляться смешение в керамических технологиях и орнаментах. Это заметно на Сахтыше. На стоянках самого многочисленного рязанского ЛВ нет протоволосовских (валдайских) комплексов, но есть смешанные – признаки обеих культур встречаются на одном сосуде.

При этом новое население приходит с полным комплектом культуры: керамика, полностью аналогичная валдайской, специфические каменные орудия, не характерные для льяловской культуры, но существовавшие на Валдае с раннего неолита, тот же набор амулетов, фигурных кремней. Памятники с костяным инвентарём дают одинаковые наборы на стоянках Усвятской группы и Ивановского торфяника, Языково и других. Очень близок к волосовским комплексам и набор костяных изделий Кривинского торфяника. Но появление сосудов с примесью раковины и пуха относится к более позднему моменту, чем валдайская экспансия.

Но смена населения вызвана не только экспансией с озёр Селигерской группы. В это же самое время верхнеднепровская культура вытесняет белёвскую с Десны и Оки. А.С. Смирнов (Смирнов, 1991) смешанные комплексы с ромбоямочной и с лапчатой верхнеднепровской керамикой объединяет в деснинскую культуру, но доказательств их сосуществования нет, зато есть – их раздельного существования. Если ромбоямочные сосуды встречаются с позднельяловскими, то «лапчатые» верхнеднепровские – только с валдайскими и волосовскими.

Вытеснение льяловских групп происходило и в Западной Мещере. На стоянках Маслова болота тоже появились новые комплексы с гребенчатой круглодонной керамикой. Она близка валдайской, но не тождественна ей. Можно противопоставлять ее любым комплексам верхневолжского региона (Дубна, Неро, Языково, Галичское озеро), протоволосовский материал которых одинаков (рис. 1). Венчики большинства сосудов волжских протоволосовцев скошенные и приострѐнные, часто подчеркнуты строчкой глубоких ямок, оставляющих жемчужины внутри, такие в московско-клязьминских встречаются единично. В орнаментации до половины сосудов присутствуют элементы геометризма. Для московско-клязьминских характерен простой орнамент из однообразноглубоко вдавленных наклонных оттисков, геометрические – единицы (рис.2). Но самое существенное – вместе с гребенчатой керамикой тут появляется верхне-днепровская «лапчатая», которая входит с нею в один комплекс (рис.2:10-12). На Волге же верхнеднепровской керамики на этом этапе нет. Следовательно, в бассейн Москвы и Клязьмы приходит иная, более южная группа, чем те, что пришли на Верхнюю Волгу.

Удалось заметить, что жилища верхне-волжских и клязьминских волосовцев существенно отличаются. Жилища Ивановских стоянок, Языково, Ловцы 1 почти не углублены, имеют обвязку стен и углублённой центральной части, и, что осо-

бенно бросается в глаза, в них мало ям, заполненных очажным мусором. Жилища Маслова Болота, Стрелки, Заречья на р. Шерне углублены и пол их буквально изрыт многочисленными ямами. Такие же полы имеют жилища Центральной Мещеры, поречья Оки. Но так же смотрятся жилища имеркской культуры.

Таким образом, верхневолжский и клязьминский ЛВ волосовской культуры имеют разное происхождение, но не чужды друг другу. Исходный компонент верхнее-волжского ЛВ – селигерский вариант валдайской культуры, а клязьминского – верхнеднепровско-даугавский (руднянский). Максимум различий между ними фиксируется на протоволосовском этапе, но со временем, по-видимому, они сближаются. Если льяловские ЛВ развивались дивергентно, и на позднем этапе их различия максимальны, то для волосовской культуры характерно обратное – конвергентное развитие. Новации, возникающие в отдельных районах, в том числе как заимствования, очень скоро проявляются по всей общности.

Вариант волосовской культуры Валдайской возвышенности тоже не имел в своём составе ямочно-гребенчатого компонента. Нет его и в усвятском, и прибалтийском (пиестиня) ЛВ. Моложский, мещерско-окский и, возможно, нижне-клязьминский ЛВ кроме исходных компонентов включают примесь льяловской культуры. Территориально обособлен локальный вариант озёр Воже-Лача, Кубенино, выделяемые С.В. Ошибкиной (1979) в тип Модлоны. Здесь протоволосовский материал не известен, то есть только волосовская – экспансия захватила край несколько позднее.

Сомнение в том, что средневолжские (преимущественно марийские) памятники обоснованно относятся к той же культуре, что волго-окские и валдайские волосовские ЛВ, высказал впервые А.Л. Никитин (Никитин А.Л., 1972). Его позиция не встретила понимания. Точнее – здесь проявляются только разрозненные волосовские элементы, позволяют включать их в одну КИО, но не одну АК.

На отсутствие погребений на многочисленных исследованных марийских стоянках обратил внимание В.В. Никитин. Здесь совершенно иной тип поселений – на высоких участках террас и на дюнах, квадратные землянки, с минимальным количеством столбовых ям, соединены переходами. Такая конструкция объединяет марийские волосовские жилища с гаринскими, но никак не с волго-окскими.

Не характерны для волосовской керамики ни венчики с наплывом внутри, ни Г- и Т-образные, крайне редки шнуровые штампы, не характерны и плоские днища. Отдельные элементы – разреженность и небрежность орнамента крупными штампами встречаются и на волосовской западной, но только на поздней. Ещё больше различий в каменных орудиях. Единственное, что их сближает, это использование крупного плоского скола, но этого не достаточно для типологического сближения. Самым массовым орудием в волосовской технике, обязательно присутствующим во всех комплексах, является трапециевидный скребок с пологой ретушью. На марийских памятниках можно с трудом найти скребок, хоть чуть приближающийся к волосовским стандартам. Среди волосовских ножей можно найти аналогии марийским, но не типичным волосовским с пологой ретушью по выпуклому и вогнутому лезвиям. Не характерны для марийских стоянок и свёрла со стержневидным жалом, тоже обязательный волосовский элемент. По сути – это совершенно разные наборы типов.

В.В. Никитин (Никитин В.В., 1994) развивает идею В.П. Третьякова о формировании волосовской культуры из смешения балахнинского компонента с красномос-

товским, восходящим к камскому гребенчатому неолиту, который он и называет протоволосовским компонентом. Но никаких элементов балахнинской (ляловской) культуры не вошло в состав здешнего раннего волосова. Красностовский материал получил серию дат, значительно древнее (на 300 лет) западных протоволосовских комплексов. Но и они не соприкасаются с местными ляловскими памятниками, которые не доживают до середины IV тыс. до н.э. На роль соседей, с которыми могли контактировать камские группы, претендует хвалынская, памятники которой открыты на р. Суре, или самарская энеолитические культуры. Отсюда могли происходить и особенности керамического теста марийской волосовской керамики. Таким образом, марийская волосовская культура не имеет в своих источниках ни одного компонента, из которого формировалась западная волосовская.

Культуры не были изолированы друг от друга. Изредка элементы камского неолита проявляются и в волосовских западных комплексах. Это «шагающая гребенка», венчик с внутренним наплывом – явно восточные элементы, но они могли попасть в волосовскую и через имеркскую культуру. Рамчатый штамп и фигурные кремни гораздо раньше появляются именно на Валдае. Как заимствования в волосовской культуре начинают встречаться плоское дно, плотный орнамент, нанесенный тонким зубчатым, гладким и скобчатым (створка раковины) штампами в композициях, соответствующих катакомбной и/или примокшанской культурам.

Сложным было взаимодействие с верхнеднепровской культурой. Появившись на вновь осваиваемой территории вместе с валдайской, она затем вновь появляется здесь в середине III тыс. до н.э. на стоянке Ивановская IV. Возможно, в это же время она появляется и на Средней-Нижней Оке. Но здесь она смешивается не с волосовской, а с имеркской культурой (Сидоров, 2003). Имеркская же, в свою очередь, вытеснила волосовскую с р. Мокши (или ассимилировала). Если имеркская культура формируется из репинской, то сама репинская, вероятно, имела источником тоже культуру днепровского бассейна. Примесь птичьего пуха в тесте – это черта именно днепровской керамической традиции. Затем верхне-днепровская культура появляется на территории волосовской уже в финале и перекрывает слои поздневолосовские (рис.2:13-17). Её приход – результат давления культур шнуровой керамики. Распространяется она не во всех волосовских ЛВ. Так, ее нет на Валдае, озёрах Плещеево и Неро, на стоянках бассейна р. Дубны, но зато обильно представлена в Языково и в Центральной Мещере. Этническую структуру позднего этапа волосовской культуры приходится очерчивать по другим критериям, учитывая избирательность приятия мигрантов в лесную зону разных культур из лесостепи и южной кромки лесов.

Список литературы:

Бадер О.Н., 1972. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука. – С.10-31.

Микляев А.М., 1992. Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати /Автореф. канд дис. – С-Пб. – 24 с.

Никитин А.Л., 1974. Существовала ли волосовская культура? // СА. №2. – М. – С. 27-33.

Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края. Труды МарАЭ. Том IV. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. – 177 с.

Ошибкина С.В., 1978. Неолит Восточного Прионежья. – М.: Наука. – 234 с.

Сидоров В.В., 1992. Многослойные стоянки верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. – М.: ИА РАН. – С. 4-103.

Сидоров В.В., 1998. Мстинско-моложская культура как историко-этнографическая общность // ТАС. Вып.3. – Тверь: Тверской объединенный музей. – С. 247-258.

Сидоров В.В., Энговатова А.В., 1996. Протоволосовский этап или культура? // ТАС. Вып. 2. – Тверь: Тверской объединенный музей. – С. 164-182.

Сидров В.В., 2003. Керамика стоянки Ибердус (из раскопок Б.А. Куфтина) // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза: ПенГУ. – С. 179-195

Смирнов А.С., 1991. Неолит Верхней и Средней Десны. – М.: «Черметинформация». – 144 с.

Халиков А.Х., 1990. Волосовско-гаринская энеолитическая общность // Энеолит лесного Урала и Поволжья. – Ижевск: УдНИИ УрО РАН. – С. 10-16.

**А.Ю. Березин, Н.С. Березина, В.В. Ставицкий, В.В. Сидоров.
УТЮЖСКИЙ БУГОР – ЖЕРТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ
ЭНЕОЛИТА В СРЕДНЕМ ПОСУРЬЕ**

В статье обобщаются материалы, полученные в ходе раскопок энеолитического жертвенного комплекса Утюжский Бугор в Чувашии; прослеживаются особенности планиграфии и стратиграфии, проводится анализ костных останков медведей. Данный комплекс – крупнейший из известных культовых памятников эпохи энеолита Восточной Европы. Его материалы подтверждают представление о существовании культа медведя у племен волосовской культуры, и позволяют раскрыть культовые ритуалы и мировоззрение древних людей эпохи энеолита.

Ключевые слова: археология, эпоха энеолита, Среднее Посурье, жертвенный комплекс

**A.Y. Berezin, N.S. Berezina, V.V. Stavitskiy, V.V. Sidorov
UTYUZHSKIY BUGOR – SACRIFICIAL COMPLEX OF THE ENEOLITHIC ERA IN
THE MIDDLE SURA REGION**

The findings from the excavations of the Eneolithic sacrificial complex Utyuzhskiy Bugor in Chuvashia are summarized. The specific features of planigraphy and stratigraphy are traced and analysis of remnants of bear bones is performed. The given complex is the largest of the known cult sites of the Eneolithic Era in Western Europe. The materials prove the conjecture of the bear cult among the tribes of the Volosovskaya culture and allow revealing the cult rituals and world outlook of the ancient people of the Eneolithic Era.

Key-words: archaeology, the Eneolithic Era, the Middle Sura region, sacrificial complex

В 2010-2011 гг. совместной экспедицией Чувашского государственного института гуманитарных наук, Пензенского государственного педагогического университета, Самарского государственного педагогического университета и Института археологии РАН были проведены раскопки жертвенного комплекса Утюжский бугор. Работы проводились под руководством Н.С. Березиной (Чебоксары), В. В. Ставицкого (Пенза) и В. В. Сидорова (Москва).

Жертвенный комплекс Утюжский бугор находится в Алатырском районе Чувашии, южнее г. Алатырь, на правом невысоком берегу р. Утюж, правого притока Суры, юго-восточнее с. Стемасы (рис. 1). В этом месте еще в начале 1970-х гг. XX столетия директором Алатырского краеведческого музея Юрием Борисовичем Новиковым были открыты Утюжские стоянки каменного века (Каховский, 1978. С. 4). С 2006 г. здесь ведутся исследования большой совместной экспедиций. Кроме вышеназванных археологов работы велись под руководством Выборнова Александра Алексеевича (Самара), Королева А.И. (Самара), Вискалина Александра Викторовича (Ульяновск), Лоцмановой Ольги Владимировны (Чебоксары) (Михайлов, 2010. С. 26-28). Были исследованы многослойные поселения и стоянки Утюж 1, Утюж 5, Чёрненькое озеро 1-3, Вьюново озеро 1-3, Молебное озеро 1-2. Опубликованы статьи, посвященные итогам и анализу исследований этих памятников, в том числе опубликованы рисунки из отчета Ю.Б. Новикова (Березина и др., 2010. С 31-67).

Жертвенный комплекс Утюжский бугор датируется энеолитическим временем и относится к волосовской культуре. Наибольшее сходство керамический комплекс

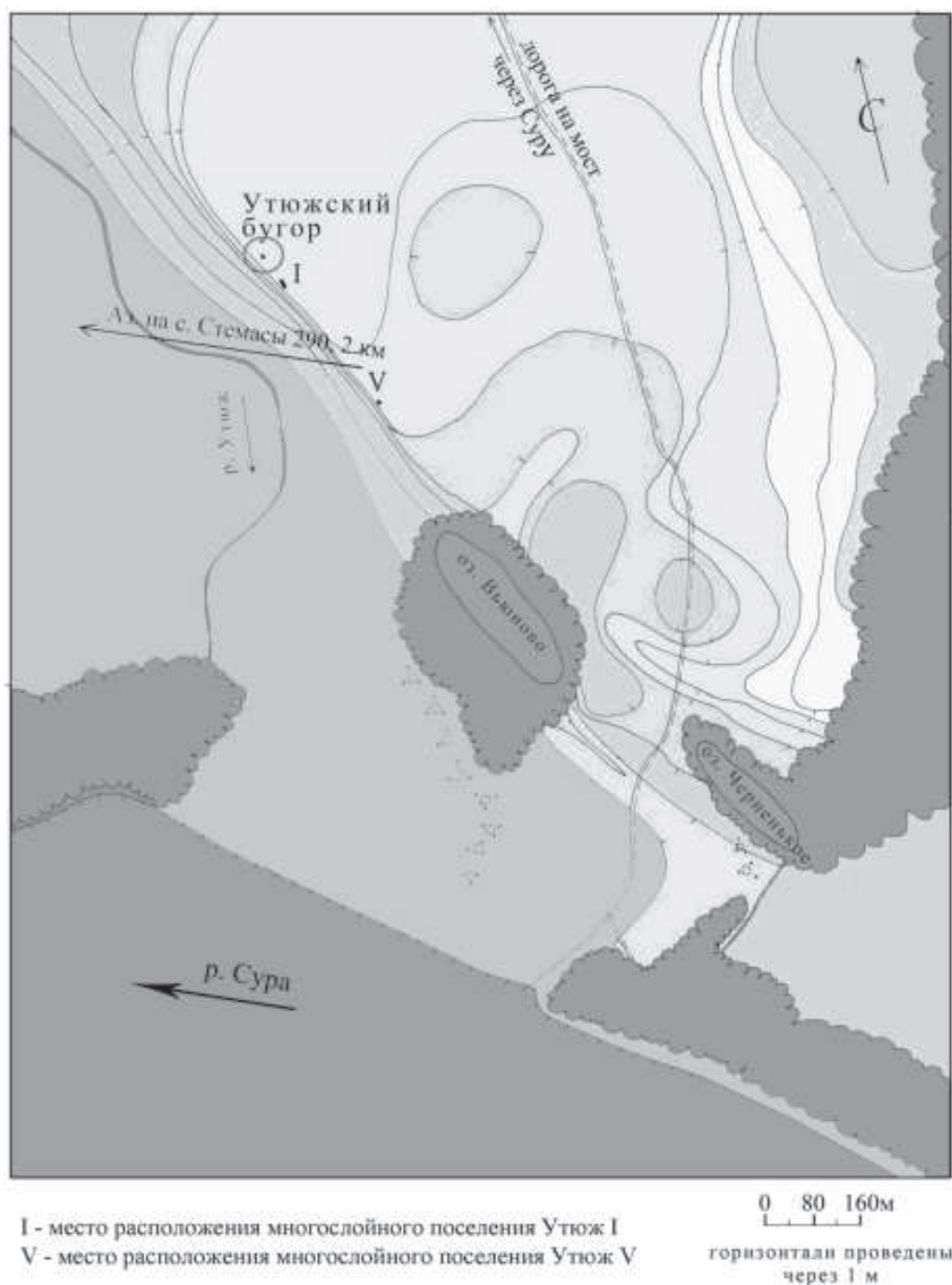

Рис. 1. План местности жертвенного комплекса Утюжский бугор в Алатырском районе Чувашии

костища прослеживает с Майданскими стоянками, расположенными в устье Ветлуги, исследованные В.В. Никитиным (Никитин, 1996. С.15-151). Можно реконструировать слегка прикрытые сосуды с небольшим утолщением венчика по наружному краю. В составе пластического сырья заметно насыщение органикой. Сохранившиеся фрагменты орнаментированы вертикальными оттисками среднезубого длинного штампа.

Волосовская культура является одной из самых ярких и наиболее хорошо изу-

Рис. 2. Карта распространения стоянок энеолитического времени, на которых изучены святилища и жертвенные комплексы: 1 – Стоянка Кончанское IV (Новг. обл.), 2 – Сахтышские стоянки (Ивановская обл.), 3 – стоянка Володары (Нижегор. обл.), 4 – жертв. место Утюжский бугор (Чувашия)

ченных археологических культур центра Русской равнины. В настоящее время большинство исследователей относят ее к периоду лесного энеолита (Крайнов, 1987). Основу экономики волосовцев составляло высокоэффективное присваивающее хозяйство – охота, рыболовство и собирательство, т.е. вся их материальная культура отражала дальнейшее развитие хозяйственного уклада, сложившегося в предшествующую неолитическую эпоху. По мнению ее исследователей, «духовная культура волосовцев качественно отличалась от духовной культуры неолитического населения».

Наиболее полно вся сложность и многогранность духовной культуры волосовцев отразилась в погребальном обряде. Он, судя по многолетним исследованиям Сахтышских и других могильников, включал в себя как собственно захоронение умерших, так и связанную с этим актом целую систему действий ритуального характера, материально засвидетельствованных в остатках кострищ и «кладов» сломанных орудий близ могил, в разбросанных вещах и костях животных на особых поминаль-

ных площадках и в своеобразных «святилищах» (Уткин, Костылева, 1996).

Известны волосовские погребальные святилища на Сахтышских стоянках, расположенных в Ивановской области на Волге (исследованы Д.А. Крайновым, А.В. Уткиным и Е.Л. Костылёвой). Святилище, обнаруженное на стоянке Сахтыш VIII в 1977 г., представляло собой слегка углубленную в землю постройку прямоугольной формы площадью около 50 кв. м. Внутри находилась овальная яма длиной около 3 м, в древности перекрытая деревянным настилом, на котором к моменту его обрушения располагалась кучка жженных птичьих костей и остатки истлевшего черепа медведя. На дне ямы в специальном углублении лежало скопление мелких отщепов и чешуек из желтого кремня. Аналогичный «клад» отщепов прослежен и у края ямы в пределах постройки (Уткин, Костылёва, 2003). В разные годы изучены еще три святилища на Сахтышских стоянках. Все они представляли наземные и углубленные постройки с ямами. В одной из них в яме найдены компактные скопления костей медведя, лося, бобра и куницы над развалом сосуда. Под сосудом лежала маска, изготовленная из цельного куска рога лося. К святилищам волосовского времени также причисляются раскопанная в 1946 г. И.К. Цветковой на стоянке Володары (Дзержинский р-н Нижегородской обл.) яма размером 260 x 80 см, и раскопанная в 1970-е гг. М.П. Зиминой постройка на стоянке Кончанское IV с могильником (Новгородская обл) (рис.2).

Исследователи волосовских древностей А. В. Уткин и Е. Л. Костылёва, проанализировав большой объем источников, сделали заключение, что все известные на сегодняшний день волосовские «святилища» имеют достаточно однообразную конструкцию: наземная постройка с ямой внутри, перекрытой деревянным накатом. Хронологически они четко распадаются на два типа. Наземная часть ранних святилищ имела вид капитального строения, а у поздних она была шалашевидной. «Святилища» располагались непосредственно на территории волосовских кладбищ и составляли с ними единое целое. Какие-либо признаки или даже слабые намеки на использование их в хозяйственных целях отсутствуют полностью, что доказывает их ритуальное назначение. Скорее всего, они были связаны с культом предков и с проведением каких-то погребальных ритуалов, а сами ямы могли имитировать могилы предков (Уткин, Костылёва, 2003).

Жертвенный комплекс Утюжский бугор представляет собой сложный памятник, состоящий из самого костяка – скопления жженных костей медведя размером 5,5 x 3 м, большого подпрямоугольного строения, размером примерно 8 x 8 м с углубленным на 0,3-0,4 м котлованом, и комплекса ям в северо-западной части раскопа. Все эти элементы располагаются рядом, но не прорезают друг друга, и создается впечатление их согласованного расположения. Каждый из этих элементов несет большой информационный пласт, поэтому в данной статье мы рассмотрим подробно лишь само костяк.

Отметим, что в строении, которое, по нашему мнению, является не жилым, а ритуальным, в центре располагается большое пятно прокала диаметром чуть более 2 м, насыщенное мельчайшими частицами жженных костей. В северной стенке строения отмечена яма с большим количеством кремневых отщепов и тленом от верхней челюсти с разрушенными зубами лося. Эта яма также имела ритуальное назначение. Подобные элементы ритуальных комплексов – т.н. «клады» отщепов отмечены исследователями на Сахтышских стоянках. В юго-восточном углу у входа отмечено два развала крупных сосудов, при отсутствии вообще фрагментов керамики в

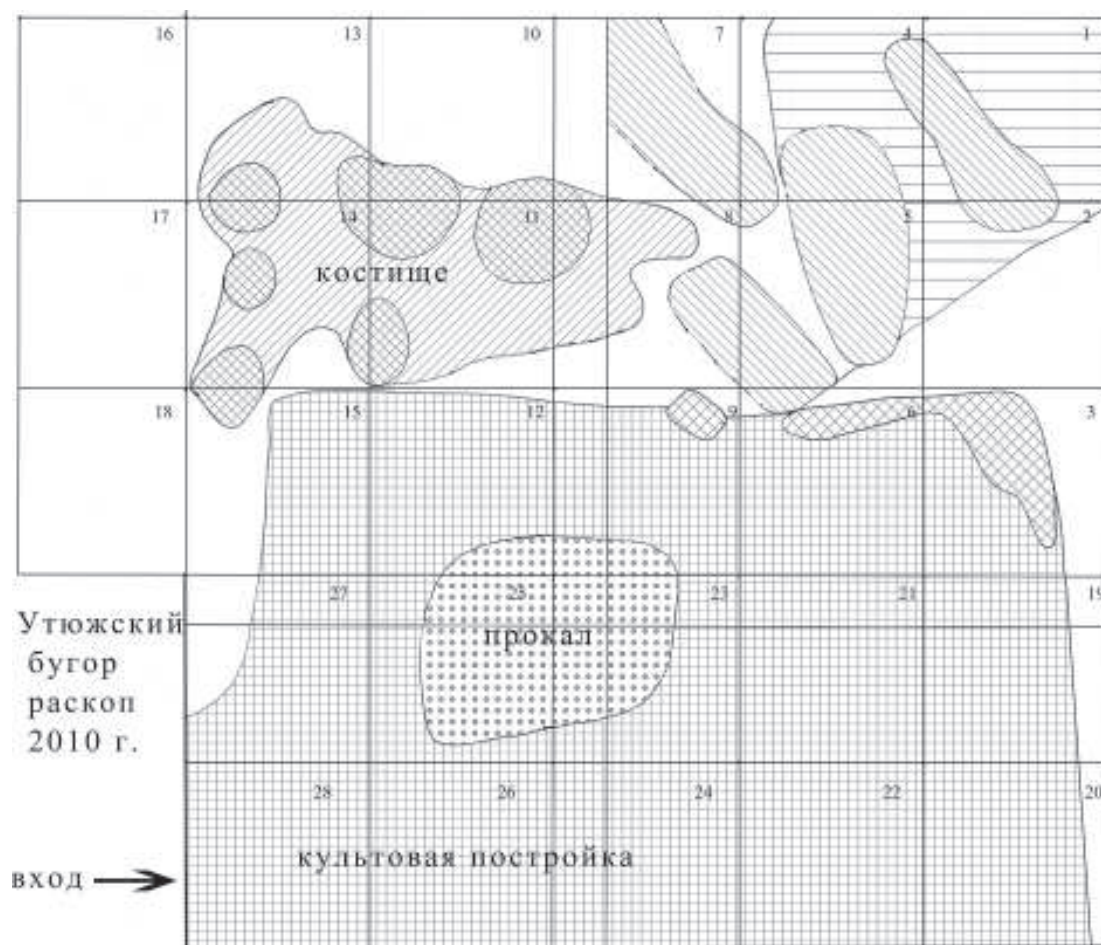

Рис. 3. Общая планиграфия жертвенного комплекса Утюжский бугор.

заполнении котлована.

Ямы, расположенные в северной части раскопа, вытянутые прямоугольной формы, длиной около 2 м, заполнены темным песком с углистыми включениями и единичными кальцинированными костями медведя. Эти ямы похожи на погребальные, но никаких предметов в них не обнаружено, возможно, в силу того, что необожженные костяки и другая органика не сохранились в песке.

Само костище расположено к западу от культового строения и почти вплотную примыкает к его стене (рис.3). Костище располагалось неглубоко от современной дневной поверхности, под почвой. Уровень древней дневной поверхности функционирования костища и ритуального строения одинаков, что является еще одним аргументом в пользу их синхронности. Костище формировалось на древней дневной поверхности путем подсыпки. При разборе костища были заметны отдельные скопления костей, отмеченные пятнами более углистого содержания, фрагментами керамических сосудов, располагающихся по краю, иногда скопление костей сохраняли анатомические связки. Эти скопления выделены нами на плане и пронумерованы. Сбор материала осуществлялся отдельно по каждому скоплению. Всего нами выделено 27 отдельных скоплений. Вероятно, их было больше, но часть из них была нарушена еще в древности последующими ритуальными «погребениями». К северу и западу от костища зафиксировано несколько глубоких столбовых ям. Значение этих столбов, вероятно,

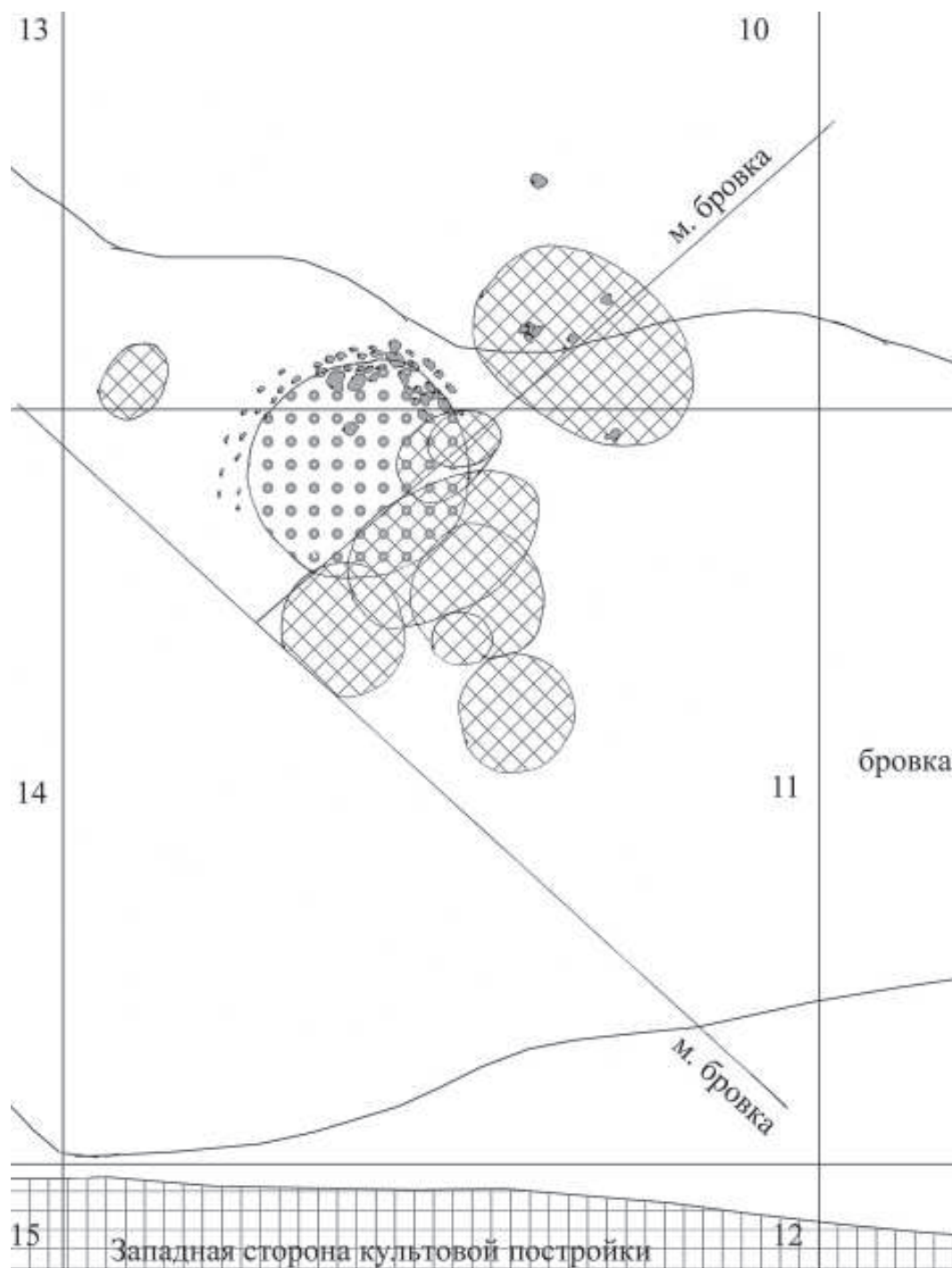

Рис. 4. Планиграфия нижнего уровня и первого этапа заполнения костяка в жертвенном комплексе Утюжский бугор.

носило сакральный смысл, поскольку именно к ним подносились останки медведя.

В стратиграфии костяка наблюдается очевидная многослойность, что отражает этапы его накопления. Отчетливо заметно, как одни ямы прорезают другие. Первый этап существования костяка связан с самым нижним стратиграфическим уровнем прокаленного песка с обожженными костями. Он распространяется локально, в виде большого округлого пятна диаметром примерно 0,6 м, распо-

ложенного в центральной части самого костяща и, вероятно, к нему же относятся и несколько более мелких пятен прокала, расположенных севернее и южнее основного пятна. Очевидно, на этом этапе ритуальное сжигание частей туш медведя происходило на этом месте (рис.4).

На следующем этапе накопление костяща происходило путем подсыпки сожженных уже на стороне частей туш медведя в небольшие ямки. Сожжение, по нашему мнению, происходило внутри ритуального строения, а обожженные кости выносились и «погребались» на самом костяще. Ямы, в которые сыпались кости, прорезали пятна прокала, и впоследствии сами оказались нарушенными более поздними ямами. Профили этих ям хорошо читаются, и свидетельствуют о многочисленных ритуальных актах. На этом этапе отмечается появление ритуала «погребения» останков медведя в глиняных горшках, остатки которых фиксируются по глиняной крошке и отдельным крупным фрагментам, обозначающим округлые края горшков или ям. Надо отметить, что керамика пористая с добавлением в формовочную массу органики, сохраняется плохо, а вот обожженные кости, положенные в горшки, часто имеют хорошую сохранность, иногда сохраняется их анатомическая последовательность. Костяще на этом этапе, вероятно, имело вид невысокой уплощенной горки размером 2 x 2 м, высотой, около 0,25 м (рис.5).

На среднем этапе существования костяща наблюдается перерыв в накоплении костей, отмеченный тонкой прослойкой 2-6 см углистого песка, содержащего единичные разрозненные кости и мелкие фрагменты керамики. Наблюдается некий эффект «растоптанности» этих находок в слое.

На последующем этапе накопление костяща происходило менее интенсивно, и изменился ритуал. Сожженные на стороне кости медведя клались без горшков, но кучно, образуя скопления, включенные в более темные углистые ямы. Таких ям нами зафиксировано около шести. Само же костяще приобрело вид большого расплывчатого углистого пятна, растянутого с севера на юг размером примерно 5,5 x 3 м.

Верхняя часть костяща была нарушена поздней распашкой и располагалась примерно на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности.

Нами проведена обработка собранных костей и их определение, данные, включая промеры, занесены в таблицу. Такая методика позволила детальнее реконструировать события, связанные с древними ритуалами. В нижней части костяща определены кости ног, обломки лопаток и тазовых костей, позвонки всех отделов, ребра и зубы. Следов разделки туш медведя, порезы на костях и характерные спирально-скрученные переломы, обнаружены не были. Характер фрагментарности костей и их сохранность свидетельствует о сжигании либо целых медведей, либо достаточно крупных фрагментов туши.

Все кости на костяще принадлежали по определению бурому медведю. Всего собрано и определено около 11 000 костей и их обломков, а также около 30 кг костяной крошки. Из всего материала были точно определены 3 400 костей и их обломков, из которых целых около 800 костей.

Все кости кальцинированные, большая часть белого каления, что показывает на высокие температуры горения около 1000°C на открытом огне. Такие температуры достигались при сгорании жировых тканей медведя. Есть кости обожженные при более низких температурах, они серо-бурого цвета с обугленными черными пятнами и заметно более крупные, их мало, и они найдены в отдельном скоплении под

Рис. 5. Планиграфия среднего слоя и второго этапа заполнения костница в жертвенном комплексе Утюжский бугор.

номером 25. Целыми сохранились кости передних и задних лап, грудины и некоторые тела позвонков. Длинные трубчатые кости, ребра и плоские кости переднего и заднего поясов, а также отростки позвонков фрагментарные. Имеются деформации на костях и их обломках в виде трещин усыхания и скручиваний. Костная ткань костей плотная, сильно и равномерно сжатая, поверхность костей гладкая имеются параболические растрескивания и плавные линии термических деформаций, что

Табл. 1 Количество сохранившихся целых определенных костей передних и задних конечностей медведей из жертвенного комплекса Утюжский бугор.

Фаланги передних и задних конечностей			кол.
когтевая фаланга			109
1 фаланга целая			191
1 фаланга проксимальный конец			92
1 фаланга дистальный конец			86
2 фаланга целая			191
2 фаланга проксимальный конец			38
2 фаланга дистальный конец			46
Кости передних конечностей	кол.	Кости задних конечностей	кол.
I пястная кость правая	7	I плюсневая кость правая	8
I пястная кость левая	10	I плюсневая кость левая	6
II пястная кость правая	7	II плюсневая кость правая	8
II пястная кость левая	8	II плюсневая кость левая	7
III пястная кость правая	11	III плюсневая кость правая	11
III пястная кость левая	17	III плюсневая кость левая	13
IV пястная кость правая	17	IV плюсневая кость правая	3
IV пястная кость левая	13	IV плюсневая кость левая	3
V пястная кость правая	18	V плюсневая кость правая	9
V пястная кость левая	14	V плюсневая кость левая	7
1 добавочная кость запястья правая	13	медиальная клиновидная кость правая	16
1 добавочная кость запястья левая	17	медиальная клиновидная кость левая	19
2 добавочная кость запястья правая	20	промежуточная клиновидная кость правая	7
2 добавочная кость запястья левая	19	промежуточная клиновидная кость левая	10
3 добавочная кость запястья правая	9	латеральная клиновидная кость правая	14
3 добавочная кость запястья левая	7	латеральная клиновидная кость левая	13
4,5 добавочная кость запястья правая	14	кубовидная кость правая	12
4,5 добавочная кость запястья левая	14	кубовидная кость левая	11
промежуточно-лучевая правая	10	ладьевидная кость правая	15
промежуточно-лучевая левая	11	ладьевидная кость левая	19
локтевая добавочная кость запястья правая	7	астргал правый	11
локтевая добавочная кость запястья левая	12	астргал левый	12
добавочная кость запястья правая	9	пяточная кость правая	16
добавочна кость запястья левая	4	пяточная кость левая	13
локтевая кость правая	5	малая берцовая кость проксимальный конец	6
локтевая кость левая	2	малая берцовая кость дистальный конец	10
лучевая кость правая	15	большая берцовая кость проксимальный конец	14

Табл. 2. Индивидуальный возраст медведей определенный по времени прирастания эпифизов костей передних и задних конечностей из костяка жертвенного комплекса Утюжский бугор.

Не приросшие эпифизы костей передних и задних конечностей	Количество использованных костей/особей с не приросшими (Н) и приросшими (П) эпифизами.			
нижний эпифиз 2 фаланги	Н - 1/1	П - 131/9		
верхний эпифиз 2 фаланги	Н - 27/3		П - 131/9	
нижний эпифиз 1 фаланги	Н - 1/1	П - 152/8		
верхний эпифиз 1 фаланги	Н - 31/3		П - 152/8	
нижний эпифиз метаподий	Н - 49/3			П - 147/8
Возраст	до 1 года	до 2 лет	до 3 лет	более 3 лет

указывает на сжигание на открытом огне останков, сохранивших прижизненный уровень содержания влаги и жировых веществ. Сжигали свежие туши медведей, вероятно, без их предварительного хранения и заморозки.

В скоплениях костей есть все кости посткраниального скелета: позвонки всех отделов, обломки ребер, фрагменты грудины, обломки плоских костей и суставные поверхности плечевого и тазового поясов, обломки трубчатых костей и их отдельные эпифизы, коленные чашечки и все кости кисти и стопы. Практически не найдены кости черепов и зубов медведей. Есть только 4 зуба и небольшой обломок нижней челюсти. Вероятно, головы медведя использовались в других ритуальных целях, как, например, на позднесредневековых и современных киреметях, где встречаются отдельные скопления черепов жертвенных животных в стороне от костяка с обожженными костями. Некоторые кости конечностей медведя найдены в анатомическом порядке, в основном, это кости лап и в одном случае кости передней ноги.

Для определения количества и состава медведей на костяке, мы использовали целые кости конечностей (табл. 1). По некоторым костям, имеющим наибольшее число, можно установить минимальное количество принесенных в жертву особей. Так мы всего имеем 20 правых вторых добавочных костей запястья и 19 левых. В стопах также сохранилось по 19 одинаковых косточек, это левая медиальная клиновидная косточка и левая ладьевидная. Сохранившиеся 1 и 2 фаланги соотносятся с более 15 особями медведя. Но в целом, можно сделать вывод, что кости принадлежали как минимум 20 особям медведя.

Многие кости на костяке не сохранились, поскольку рассыпались в крошку еще в древности, поэтому их число в табл.1 не соответствует этому количеству медведей. Поэтому для более точного подсчета количества медведей в основном костяке

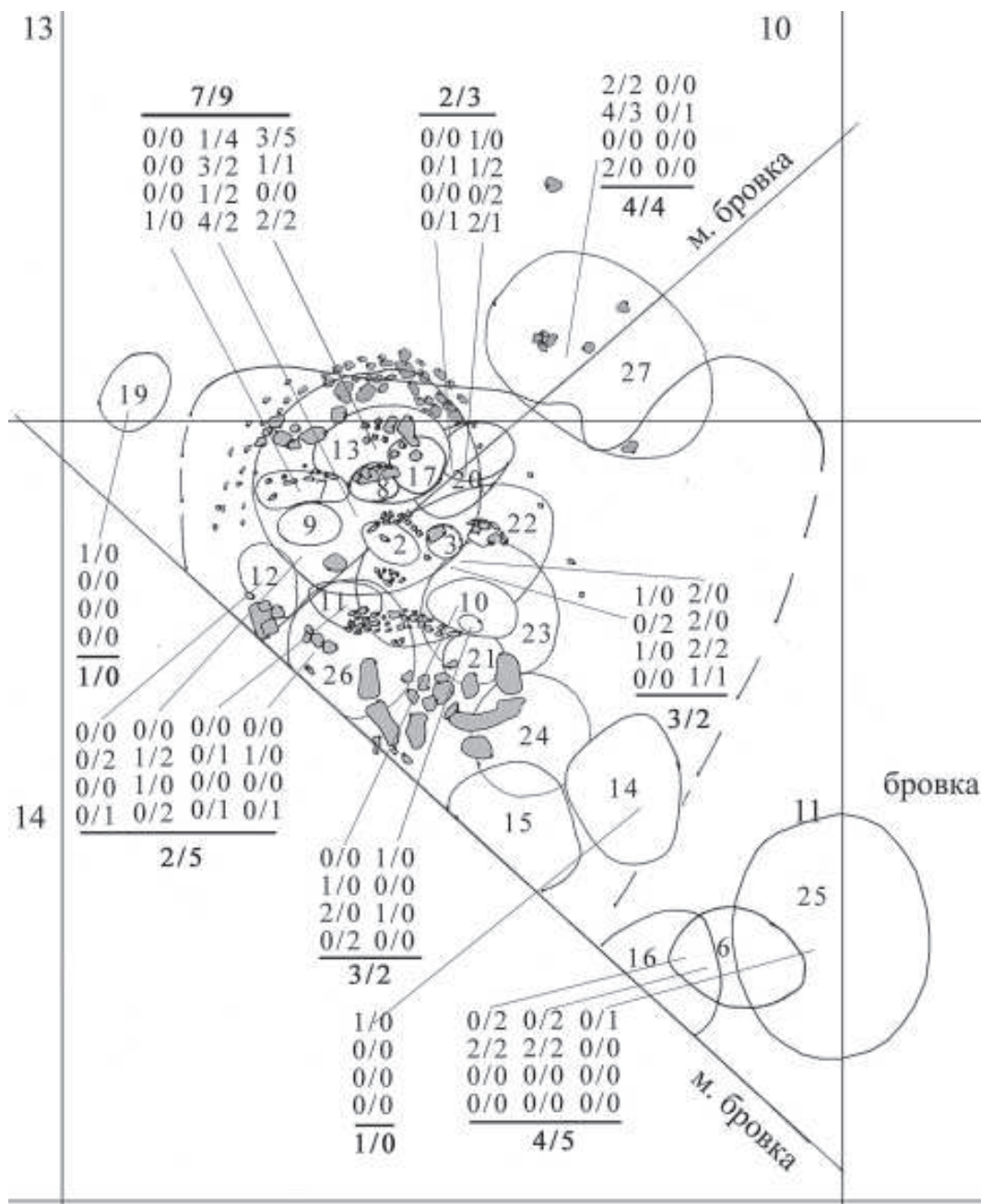

Рис. 6. Подсчет количества особей медведей по левым и правым костям запястья из разных скоплений в костнице жертвенного комплекса Утюжский бугор.

нами было нанесено на план скоплений общее количество запястных костей правых и левых передних лап (рис.6). Ближе расположенные скопления суммировались вместе. В итоге получилось всего запястных костей в основном костнице от 27 лап правых и от 30 левых передних лап медведей. Сюда не включены кости из верхних слоев костница и ям, расположенных в стороне. Таким образом, можно заключить, что в жертвенном комплексе сохранились останки более чем от 30 медведей.

Возрастные характеристики медведей мы определяли по возрасту прироста эпифизов в разных костях конечностей (табл. 2). За основу были взяты схемы Силь-

вера порядка сплавления эпифизов у многих крупных млекопитающих. Использовалась специальная статья Джакомо Вайнштока о времени приростания эпифизов у бурых медведей Гризли, которая рекомендована для использования определения возраста у ископаемых медведей (J. Weinstock, 2009). В таблице приведена схема примерно для 11 медведей, среди которых есть медвежонок до 1 года, два медвежонка до 2 лет и, как минимум, один медведь до 3 лет. Остальным медведям более 3-х лет. Более точное определение возраста возможно при сопоставлении всех костей друг с другом по разным скоплениям.

Были найдены совместно залегающие кости медвежонка до 1 года с неприросшими верхним и нижним эпифизами на метаподии и маленькая коленная чашечка диаметром около 1,5 см. Вероятно, эти кости принадлежат недавно родившемуся медвежонку – т.н. берложёнку. Медвежата рождаются чуть недоразвитыми в феврале месяце и три месяца до мая находятся в берлоге с матерью и иногда со своими старшими братьями. Таким образом, данная находка позволяет нам сделать вывод, что охота и ритуальные действия, в этом случае, могли происходить с февраля по апрель. С большей вероятностью в зимнее время осуществлялся поиск берлог. Обычно берлоги легко находятся в морозные дни по струйке пара, выходящего из-под ки, легче было осуществить ритуальную охоту для последующего жертвоприношения.

Размеры медведей напрямую связаны с возрастом животного, однако у современного бурого медведя известны большие и мелкие жизненные формы, обитающие на одной территории. У медведей самцы заметно крупнее самок. В нашей выборке мы отметили особей с неприросшими эпифизами фаланг и метаподий крупнее, чем у старших особей с приросшими эпифизами. Из 11 скоплений костища нами выявлен относительный рост медведей: 2 крупных медведя, 4 больших, 2 среднего роста, 5 относительно небольших особей и 1 медведь мелкий и медвежонок до 1 года.

Открытый в 2010 г. жертвенный комплекс Утюжский бугор – крупнейший на сегодня известный культовый памятник эпохи энеолита Восточной Европы. Исследованное костище подтверждает вывод, сделанный археологами на примере других памятников, о существовании культа медведя у племен волосовской культуры, и позволяет раскрыть культовые ритуалы и мировоззрение древних людей эпохи энеолита. В 2011 г. были продолжены раскопки этого памятника, и найдены два бруска из окаменевшего дерева с пазами для завязок. При ударе друг о друга они издают звенящий металлический звук. Возможно, они составляли своеобразную звенящую подвеску костюма шамана. На памятнике обнаружена керамика волосовской культуры, представленная ранним и развитым этапами ее существования. Это позволяет предположить, что жертвенный комплекс существовал на протяжении нескольких столетий, что также подтверждается стратиграфией памятника, и косвенно – достаточно большим количеством особей медведей в жертвеннике.

Определенный возраст маленького медвежонка позволяет нам восстановить один эпизод проведения ритуального действия, вероятно, в весеннее время.

Сравнение с уже известными жертвенными памятниками волосовской культуры обнаруживает как сходство, так и различия. Общее – это культ медведя, «погребение» его целых лап, а черепов отдельно, обряд сожжения жертвенных подношений, наличие «клада» кремневых отщепов. Различия – это сооружение костища на дневной поверхности без настила, большое количество особей медведя, принесен-

ных в жертву, «погребение» жертвенных подношений в виде ссыпания в ямки или в глиняных сосудах. Особую роль играло ритуальное сооружение, в котором происходило само сжигание туш медведя.

Очевидно, данный жертвенный комплекс являлся культовым центром и, вероятно, могильником большой группы родственных племен восточной части ареала волосовской культуры. Дальнейшее изучение уже раскопанного материала позволит раскрыть все информационные пласты этого памятника.

Список литературы:

Березина Н.С., 2010. Вклад краеведа Юрия Борисовича Новикова в изучение археологических памятников Присурья // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности: сб. тр. участников Межрегионального научно-практического семинара (Чебоксары-Алатырь, август 2008 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – С 31-67

Каховский Б.В., 1961. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии / Труды ЧНИИ. – Чебоксары: Чув. кни. изд-во. – Вып. 80. – С. 4

Крайнов Д.А., 1987. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. – М.: АН СССР. – С. 10-28.

Михайлов Е.П., 2010. Из истории изучения археологических памятников Алатырского района // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности : сб. тр. участников Межрегионального научно-практического семинара (Чебоксары-Алатырь, август 2008 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – С. 26-28

Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края: монография // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 4. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – 180 с.

Уткин А.В., 1996. К вопросу о волосовских коллективных погребениях / А.В. Уткин, Е.Л. Костылева // ТАС. Вып.2. – Тверь: Тверской объединенный музей. – С. 305-309.

Уткин А.В., 2002. Погребальные «святилища» эпохи энеолита в лесах Восточной Европы // ТАС. Вып.5. – Тверь: Тверской объединенный музей. – С. 342-347.

Weinstock, J., 2009. Epiphyseal fusion in brown bears: a population study of grizzlies (*Ursus arctos horribilis*) from Montana and Wyoming // International Journal of Osteoarchaeology. № 19(3). – P. 416-423.

Т.А. Цыгвинцева.
К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ И ТРАСОЛОГИЧЕСКОМ
АНАЛИЗЕ ОРУДИЙ НА ПЛАСТИНАХ КОЧУРОВСКОГО IV
ПОСЕЛЕНИЯ

В статье приводятся результаты трасологического анализа ножа и кинжала из материалов энеолитического поселения Кочуровское IV, выполненных на длинных кремнёвых пластинах. Делается вывод о том, что эти орудия использовались в течение долгого времени для рутинной работы.

Ключевые слова: археология, Удмуртия, энеолит, трасология, орудия на пластинах, ножи

T.A. Tsygvintseva
ON THE TECHNOLOGICAL AND TRASOLOGICAL ANALYSIS OF TOOLS ON THE
PLATES OF THE KOCHUROVSKOE IV SETTLEMENT

The paper summarizes the results of trasological analysis of a knife and a dagger, executed on long flint plates, from the materials of the Eneolithic settlement Kochurovskoe IV. It is assumed that these tools were used for a long period for daily chores.

Key-words: archaeology, Udmurtia, the Eneolithic Era, trasology, tools on plates, knives

Кочуровское IV поселение расположено в Увинском районе Удмуртской Республики, на левом берегу р. Нылги (бассейн р. Вятки). Памятник занимает песчаный останец в 600 м к СЗ от реки и датируется ранним энеолитом (новоильинская культура). Поселение было раскопано Т.М. Гусенцовой в 1977 году (Гусенцова, 1980). Площадь поселения составляет 1800 кв. м (раскопано 632 кв.м). Большая часть останца занята энеолитическим поселком с 2 соединенными жилищами и разнообразными ямами.

Следует отметить, что в северной части раскопа фиксируется слой неолитического памятника, но он не замечен на основной территории более позднего посёлка (Гусенцова, 1980. С. 70).

В коллекции поселения найдены 2 орудия, выполненные на длинных кремнёвых пластинах, которые отнесены автором раскопок к скобелям-стругам (Гусенцова, 1980. С. 86).

Первый инструмент изготовлен на удлиненном сколе, сколотом с плоского желвака серого цвета (рис.1/1). Одна из граней заготовки представляет собой боковое ребро нуклеуса с незначительным фрагментом желвачной корки и намеренными сколами оформления. Другая грань – это негатив предыдущего скалывания от длинной пластины. На боковом ребре отмечены следы редуцирования и абразивной подправки зоны расщепления, причем эти приёмы использовались при оформлении нуклеуса, поскольку следы оформления орудия наблюдаются поверх редуцирования и абразива. Оформление площадки не прослеживается из-за вторичной ретуши, ударный бугорок уплощался, его теперешняя толщина 1,4 см. Длина кинжала 16 см, ширина в основании – 1,9 см, на острие – 1,5 см, в середине – 2,9 см, угол схождения боковых граней 50°, толщина скола – 1,2 см, профиль довольно изогнутый. Основы-

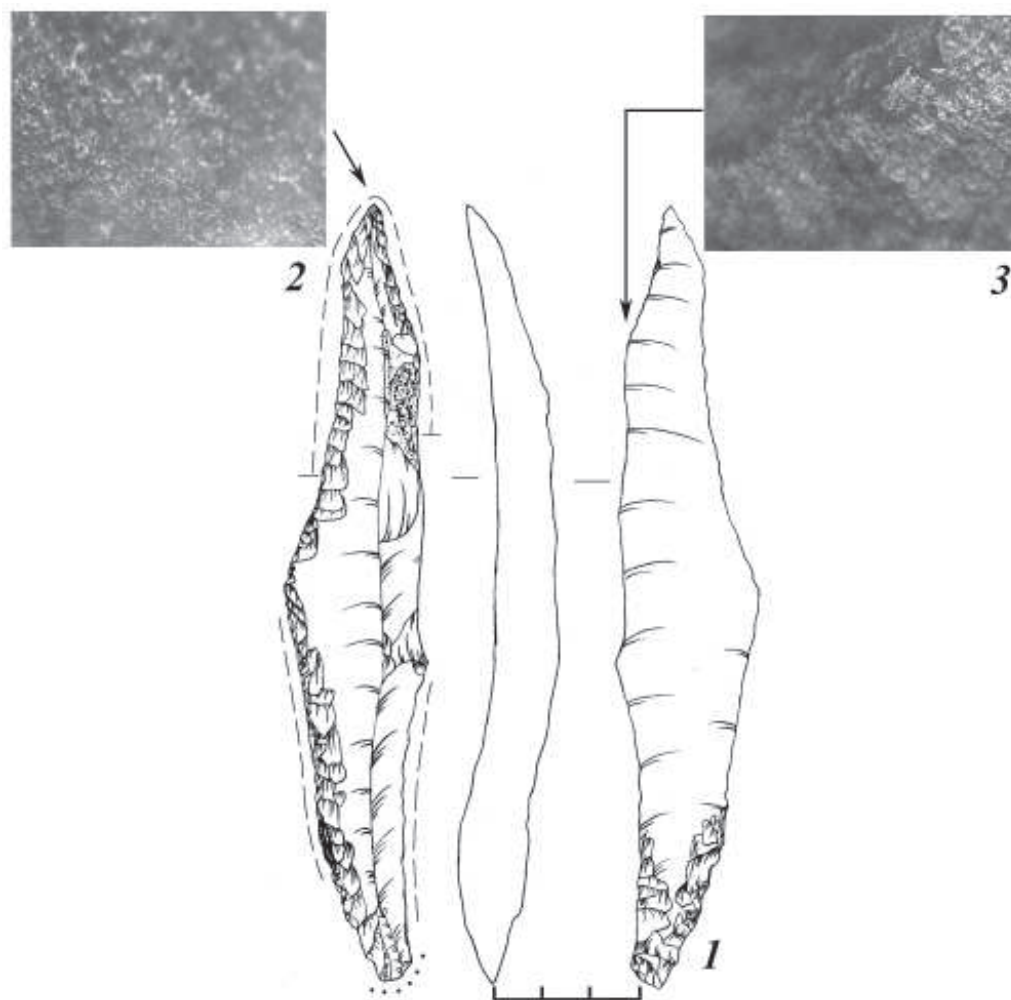

Рис. 1. Кочуровское IV поселение. 1 – кинжал для разделки мяса; 2 – кромка рабочего лезвия на острие, вид с брюшка; 3 – кромка рабочего лезвия, вид с брюшка. Увеличение $\times 200$.

ваясь на экспериментальных данных Е.Ю. Гири, можно предположить, что данная заготовка была сколота при помощи удара, скорее всего напрямую каменным отбойником (Гиря, 1997. С. 69-70).

Следы износа занимают всю верхнюю часть заготовки по обеим граням. Фасетки выкрошенности локализуются, в основном на спинке, они приостряющие кромку, на острие фиксируется выкрошенность от проникающего движения, края фасеток сглажены. Кромка мелкозубчатая, в поперечном сечении – приострённая со скруглёнными вершинками (рис.1/1). Рабочее лезвие в ходе использования подправляли приостряющей ретушью.

На стабилизированных участках рабочего лезвия со стороны спинки при увеличении $\times 100$ видны короткие царапины со сглаженными краями. Линейные следы располагаются параллельно и перпендикулярно кромке.

Заполировка от мяса – яркая, с жирным блеском, проникающая и сглаживающая микрорельеф (рис.1/3). В основном, она прикромочного типа, а на острие распространённая и фиксируется по всей поверхности брюшка (рис.1/2).

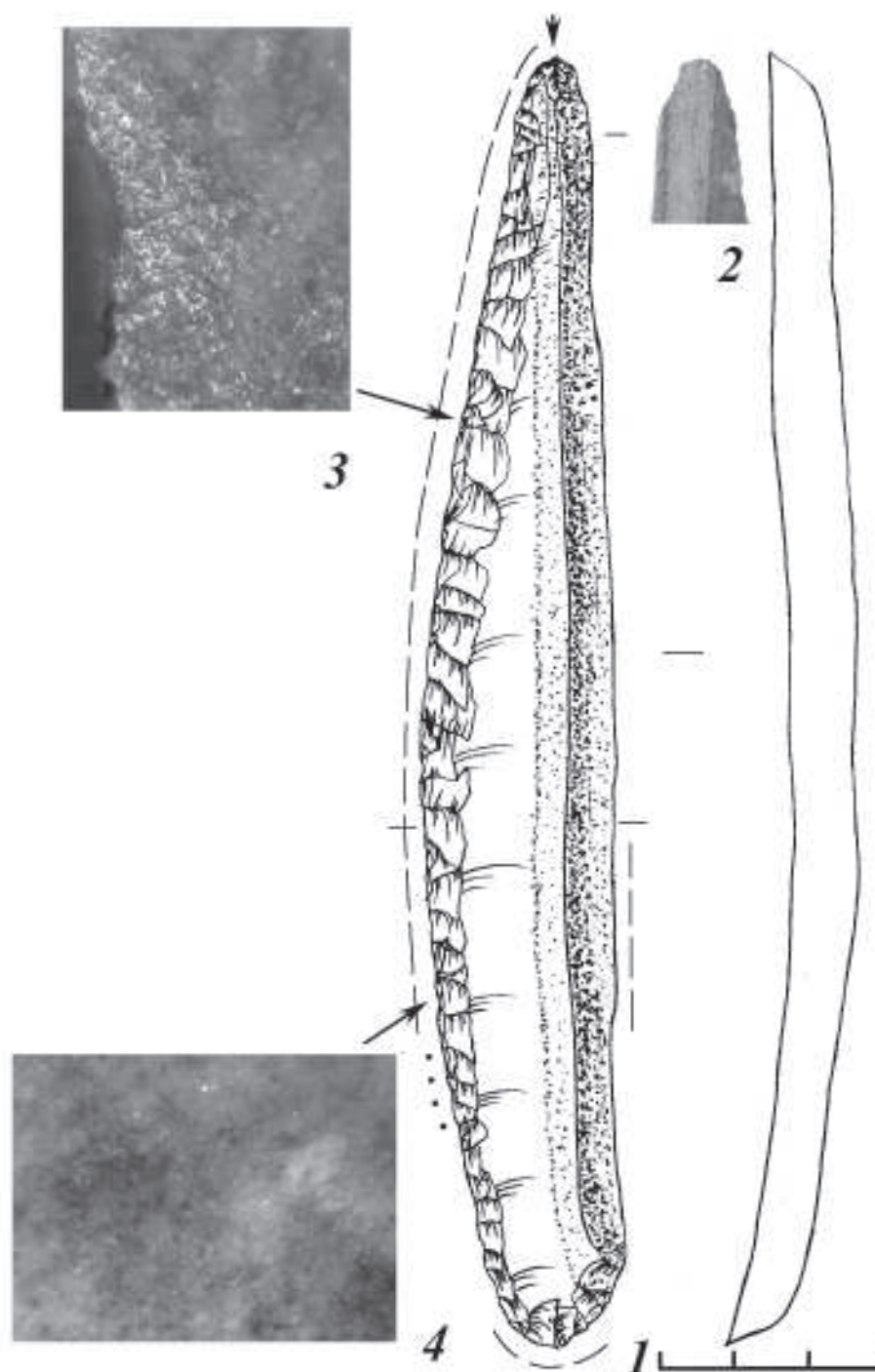

Рис. 2. Кочуровское IV поселение. 1 – нож для разделки мяса; 2 – «изъянец» на ударном бугорке, вид с брюшка; 3 – кромка рабочего лезвия, вид с брюшка; 4 – рукояточная часть орудия, вид с брюшка. Увеличение $\times 200$.

Основание заготовки скруглено абразивом, на поверхности наблюдается залощенность от руки.

Таким образом, следы сработанности свидетельствуют о том, что орудие имело проникающе-режущую кинематику, т.е. данный артефакт можно назвать кинжалом, который использовался для разделки добычи.

Второе орудие выполнено на сколе с пренуклеуса светло-серого цвета, одна грань покрыта желвачной коркой, на другой – негатив от предыдущего скалывания такой же длинной пластины. Желвачная корка по всей длине заглажена абразивом (рис.2/1). Ударный бугорок практически отсутствует, ударная площадка, скорее всего, была узкая, на брюшке виден «изъязнец» от удара (рис.2/2). Длина скола 17,5 см, ширина в основании – 2 см, в острие – 1 см, в середине – 2,7 см, толщина – 0,7-0,9 см, угол схождения боковых граней 45°. Общий профиль пластины, её параметры и невыраженный ударный бугорок говорят о том, что отщепление происходило, вероятнее всего, ударом через посредник (Поплевко, 2007. С.257-259).

Следы использования аналогичны износу первого орудия, но фиксируются в прикромочной части заготовки на одной грани (рис.2/1).

Линейные следы видны в зоне заполировки при увеличении $\times 100$ и $\times 200$, это царапины с заглаженными краями, часторасположенные, среди них есть наклонные кромки, а также перпендикулярные и параллельные. Заполировка мясная, на брюшке она располагается узкой полосой с размытыми границами, на спинке сохранилась только на стабилизированных вершинках и межфасеточных рёбрах (рис.2/3).

На рабочем лезвии видны следы подправки и вторичного использования. На основании некоторые вершинки заглажены абразивом, поверхность залощена от захвата рукой (рис.2/4). Данное орудие использовали как однолезвийный нож для разделки мяса.

Оба предмета были найдены в верхних слоях, в межжилищном пространстве, поэтому могли теоретически попасть из неолитического поселения, расположенного на другом конце дюны. Прямых аналогий на вятских поселениях этим артефактам не зафиксировано, однако технологические приемы изготовления этих инструментов свидетельствуют об энеолитической датировке. Так, на Кочуровском IV поселении больше 5% орудий изготовлено на сколах с пренуклеуса, и в основном это режущие инструменты. Характерны также приёмы оформления зоны расщепления, в частности сочетание редуцирования карниза с абразивной подправкой (Цыгвинцева, 2009. С.21-22).

Кроме того, ранее на основании трасологического анализа каменных орудий Кочуровского IV поселения были выделены функциональные зоны на территории посёлка (Цыгвинцева, 2007. С.123-125).

Кинжал был найден в северной части поселения, рядом с хозяйственной ямой XXVIII, причем она, по наблюдениям автора раскопок, являлась одновременной пристройкой к жилищу I (Гусенцова, 1980, с.76). Рядом с этим хозяйственным комплексом выделялась зона для первичной обработки добычи и дерева (Цыгвинцева, 2007. С.123-124). Таким образом, кинжал вполне вписывается в общую концепцию найденных здесь орудий.

Следующее скопление наблюдается рядом с северо-западным выходом из жилища II и ямой XLVI (Цыгвинцева, 2007. С. 125). Тут снова преобладают орудия по разделке добычи, среди которых найден и описываемый нож для мяса.

Таким образом, эти две индивидуальные находки ножа и кинжала можно рассматривать в общем наборе инструментария энеолитического посёлка. Безусловно, это были не рядовые орудия, ими пользовались долго и подправляли рабочие лезвия, но применяли эти ножи, главным образом, всё-таки для рутинной работы.

Список литературы:

Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда часть 2. Археологические изыскания. Вып. 44. – СПб: ООО «Академ Принт». – 198 с.

Гусенцова Т.М., 1980. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск: б/и. – С.70-96.

Поплевко Г.Н., 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий. Труды ИИМК РАН. Т.23. – СПб: «Дмитрий Буланин». – 388 с.

Цыгвинцева Т.А., 2007. Реконструкция внутренней структуры энеолитического поселка при помощи планиграфического, трасологического и технологического методов // XVII Уральское археологическое совещание: Материалы конференции. – Екатеринбург-Сургут: УрГУ. – С. 123-125.

Цыгвинцева Т.А., 2009. Особенности каменной индустрии новоильинских поселений бассейна р.Вятки // Финно-угры – славяне – тюрки опыт взаимодействия (традиции и новации) / Сб. мат. Всероссийской научн. конф. – Ижевск: УдГУ. – С. 18-25.

**Д.А. Майстренко, А.Ф. Мельничук, Э.В. Чурилов, П.А. Балыбердина.
НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ, УДАЛЕННЫЕ ОТ ДОЛИНЫ Р. КАМЫ**

В статье приводится обзор памятников и местонахождений эпохи неолита и энеолита, удаленных от левого побережья р. Камы в сторону Уральского хребта; делается вывод о том, что в этот период культурная специфика археологических объектов данных хронологических горизонтов мало чем отличалась от основного ареала их распространения.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, Северное Приуралье

**D.A. Maistrenko, A.F. Melnichuk, E.V. Churilov, P.A. Balyberdina
NEO-ENEOLITHIC SITES OF THE PERM CIS-URALS, SITUATED ON A DISTANCE
FROM THE VALLEY OF THE KAMA RIVER**

An overview of sites and their locations of the Neolithic and Eneolithic Eras, situated at a distance from the left bank of the Kama River towards the Urals, shows that cultural specificity of archaeological objects of the chronological horizons under discussion is of little difference from the main area of their distribution.

Key-words: archaeology, the Neolithic Era, the Eneolithic Era, Northern Cis-Urals

Памятники эпохи неолита и энеолита Северного Приуралья, в основном приурочены к долине р. Камы или к приустьевой части ее крупного левого притока р. Чусовой. К ним относятся поселения камской неолитической культуры и энеолитические объекты новоильинского, гаринского и борского типов с керамическими комплексами, в декорах которых, решительно преобладают гребенчатые узоры (Бадер, 1961; 1973). В связи с этим было интересно проанализировать характер памятников и местонахождений нео-энеолитического времени, расположенных на левобережных притоках р. Камы, но относительно удаленных от нее в сторону Уральского хребта.

Бассейн р. Вишеры.

Река Вишера, крупнейший приток р. Камы, наиболее богата средневековыми памятниками, расположенными в основном в ее нижнем течении. Памятники эпох камня и бронзы долгое время не были известны на берегах этого обширного водоема. В качестве основного источника по изучению данных исторических периодов в бассейне р. Вишеры долгое время использовались только материалы знаменитого жертвенного места у Камня Писаного, исследованного О.Н. Бадером (Бадер, 1954).

1. Неолитический комплекс жертвенного места у Камня Писаный. В ходе исследований 1949 г. в слое жертвенного места вместе с представительным кремневым комплексом найдены 3 фрагмента керамики камского неолита. Орнаментальное поле в одном случае заполнено коротким зубчатым орнаментом, в двух других – орнаментом в виде полос остроугольного «шагающего зигзага», нанесенного гладким штампом. Этот небольшой комплекс керамики О.Н. Бадер соотносил с лёвшинским периодом камского неолита (Бадер, 1954. С. 247, рис. 5/1-3; 6/2). «Шагающий» орнамент, выполненный

гладким штампом («качалка»), чрезвычайно редок в неолите Верхнего Прикамья. Сосуды с подобной орнаментацией выявлены на поселениях Чашкинское озеро VI (Мельничук, Пономарева, 1984. С. 50, рис. 2/1), Базов Бор (раскопки О.Н. Бадера 1954 г.). Данному керамическому комплексу сопутствовал каменный инвентарь со значительным числом узких ножевидных пластин.

В 1996-1998 гг. жертвенное место у Писаного Камня исследовалось А.Ф. Мельничуком. В ходе этих работ была изучена вся площадка святилища. Исследования показали, что основной комплекс жертвенного места, включая и создание подавляющего числа наскальных изображений, следует относить к периоду позднего камского неолита (Мельничук, Изосимов, Чурилов, 2001). В ходе раскопок изучены объекты сакрального характера, явно связанные с культом огня. Как и в ходе предыдущих раскопок, ранней керамики найдено крайне мало – несколько неорнаментированных мелких фрагментов с примесью песка и шамота. С поздненеолитическим временем мы связываем подавляющее число каменных изделий. Всего в 1996-1998 гг. на памятнике собрано 2721 предметов из кремня. Материалом для изготовления орудий служили темный кремнистый сланец, черный полупрозрачный кремень, серый непрозрачный кремень, кварц, халцедон, галечниковый кремень различной расцветки. Отходы кремневого производства составляют 88 % от всего материала. Такое большое количество необработанного кремня бросается в глаза, так как характер памятника никоим образом не связан с целенаправленным созданием орудий. О.Н. Бадер полагал, что столь значительный уровень колотого кремня в пределах святилища является «необходимой частью жертвенного ритуала как эмблема огня» (Бадер, 1954. С. 252).

Нуклеусы и нуклевидные куски составляют 6% от материала. Преобладают аморфные формы ядрищ, но встречаются призматические и крайне редко конические изделия с параллельным принципом скалывания. Техника скалывания пластин довольно небрежная, что типично для каменной индустрии позднего периода камского неолита. Ножевидных пластин в коллекции всего 2%. Уровень микролитизации пластин достаточно высок, почти мезолитический – 72%. Однако, учитывая крайне низкое геоморфологическое положение памятника по отношению к руслу р. Вишеры, мы считаем невозможным существование здесь раннеголоценовых культурных отложений эпохи мезолита. Соотношение в коллекции пластин и отщепов – соответственно 20% и 80%.

Орудий в коллекции крайне мало (3%), что определяется сакральным характером памятника. Среди них имеются пластины с ретушью, небольшое число овальных и подпрямоугольных скребков, а также аморфные режущие орудия (20). Интерес представляет унифасиальное рубящее изделие (Майстренко, Мельничук, Изосимов, Чурилов, 2011. С. 408, 409, рис. 1). С неолитическим – энеолитическим комплексом связаны костяные изделия, найденные в слое святилища: костяной нож? декорированный короткими параллельными насечками; ложило, фрагмент прямоугольной подвески с отверстием в центре и обломок гарпуна (Мельничук, Изосимов, Чурилов 2011. Рис. 410, 2).

2. Неолитический комплекс жертвенного места в гроте Дыроватый на р. Вишере. Памятник находится на левом берегу р. Вишеры восточнее бывшей д. Мартино, на высоте до 6 м в межень. Со стороны реки пещера имеет соединенные узкими расщелинами два входа, экспонируемые на запад. Памятник открыт в 1998 г. А.Ф. Мельничуком, обследовался им же в 2000, 2002 гг. (Мельничук, Косинцев, Фадеева, Болотов, 2001;

Мельничук, Изосимов, 2004. С. 34; Майстренко, Мельничук, Изосимов, Чурилов, 2011. С. 410-411, рис. 3). Святилище функционировало в неолитическую эпоху. В более позднее время оно посещалось людьми крайне редко. Над основным неолитическим слоем найден треугольный наконечник сейминско-турбинского типа из розовато-серого кремня. В расщелине, потревоженной туристами, найдены остатки позднеананьинского сосуда раннего железного века с ямочным орнаментом.

Слой неолитического святилища был приурочен к горизонтам серой карбонатной глинистой супеси и карбонатному алевроитовому серому песку на уровне 0,7–0,9 м от поверхности. В нем отмечены находки крупных млекопитающих: бобр – целая фаланга I; бурый медведь – 3 ветви нижних челюстей (2 правые, одна левая). У челюстей коронарные отростки искусственно сбиты по основанию. Найдена целая правая локтевая кость и фрагмент диафиза бедренной кости от особи в возрасте 2-2,5 года, а также когтевая фаланга от взрослой особи. Нижние челюсти медведя были искусственно отчленены от головы; лось – фрагмент верхней челюсти и фрагмент черепа, часть верхнего конца лучевой кости и верхняя половина фаланги I. Череп и кости конечностей лося были преднамеренно расколоты на части.

К скоплению костей был приурочен развал неолитического сосуда (рис. 1/1). Он имел классическую для камского неолита полуяйцевидную закрытую форму, венчик – округлый без утолщения на внутренней стороне. Под венчиком сосуд орнаментирован горизонтальным рядом небольших глубоких ямок. Стенки его сплошь покрыты гребенчатым орнаментом в виде наклонных оттисков, образующих в придонной части узор в виде ёлочки. Рядом с сосудом обнаружен фрагмент округлой плоской перламутровой бусины в виде полумесяца, преднамеренно сломанной в древности (рис. 1/2). Этот предмет уникален для неолита Пермского Приуралья. Ближайшие аналоги отмечены в материалах разрушенного неолитического Русско-Шуганского

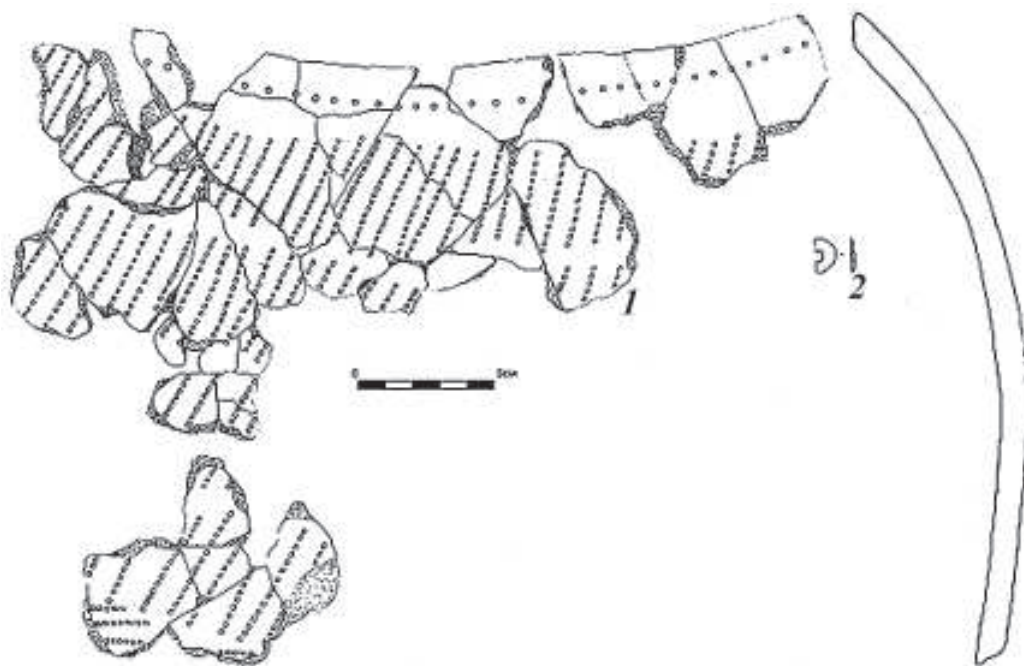

Рис. 1. Жертвенное место Камень Дыроватый. Неолитический комплекс (1- развал сосуда; 2- фрагмент перламутровой бусины).

могильника на р. Ик в Татарстане (Казаков, 2011. С. 40, 45, рис. 115). Территориально отдаленные аналогии имеются на памятниках мезолита и неолита Верхнего Приангарья (Медведев, Георгиевский, Михнюк, Савельев. 1971. С. 71, рис. 29/1).

3. Стоянка Говорливая I. Памятник расположен на западном склоне камня Говорливого, протянувшегося вдоль правого берега р. Вишеры, рядом с д. Говорливая, от которой ныне сохранилось несколько разрушенных бревенчатых построек и частично руинированная церковь. Он открыт в 1996 г. А.Ф. Мельничуком. В шурфе (1 x 1 м) в слое светло-серой оподзоленной супеси и коричневой супеси найдены находки эпохи неолита: 3 мелких фрагмента неолитической неорнаментированной посуды с примесью песка и шамота в глиняном тесте, 3 кремневых скола и 2 отщепа.

В 1998 г. разведочные раскопки (16 кв. м) на стоянке были проведены А.Ф. Мельничуком и А.В. Чашухиным. В ходе этих работ в нижней части светло-серой оподзоленной супеси и коричневой супеси было найдено 7 мелких неорнаментированных фрагментов неолитических сосудов с примесью шамота и песка в глиняном тесте и 24 кремневых предмета, представленных, в основном, сколами и отщепами из серого кремня и коричневого халцедона. Найден лишь один овальный скребок на отщепе. Общая мощность культурного слоя достигала 30 см. Памятник до проведения широких археологических работ пока трудно отнести к определенному этапу камского неолита (Майстренко, Мельничук, Изосимов, Чурилов, 2011. С. 411, 412).

В 2010 г. было продолжено изучение старичных образований р. Вишеры, начатое отрядом КАЭ ПГУ под руководством Д.А. Майстренко. В ходе разведки было выявлено 2 новых памятника эпохи неолита, приуроченных к болотному массиву, расположенному в 8 км к СЗ от пос. Усть-Язьва. Безымянный болотный массив представляет собой типичное верховое болото, расположенное в глубине левобережной первой надпойменной боровой террасы, высотой 10-12 м. Верховые болота, по данным пермских геоморфологов, являются остаточными позднеплейстоценовыми озерами. Активные биохимические процессы заболачивания в них начались в период голоценового климатического оптимума – 7700–5000 лет от н. дн. (Спирин, Шмыров, 1984. С. 110). Именно в данный период побережья этих озер начинают осваиваться древним населением Среднего Приуралья. Памятники были приурочены к краю невысокой (до 2 м над уровнем болотного массива) дюнообразной песчаной гряды. Наименование стоянок определено по старичному образованию Хомутовское озеро в левобережье р. Вишеры, расположенному в 3 км к ЮЗ (Майстренко, Мельничук, Изосимов, Чурилов, 2011. С. 413-414, рис. 4; 5).

4. Хомутовское болото I. Памятник открыт А.Ф. Мельничуком. На лесной дороге были обнаружены мелкие чешуйки и отщепы. В шурфе (2 x 2 м) в нижней части оподзоленного песка и светло-коричневого песка найдено 15 кремневых предметов, среди которых 13 чешуек и мелких отщепов, связанных с вторичной обработкой каменных орудий. Из более крупных индивидуальных находок отмечается фрагмент нуклеуса параллельного принципа скалывания из серого непрозрачного галечникового кремня и скобель на расщепленной гальке из серого кремня. Мощность культурного слоя достигает 30 см. Памятник отнесен к неолитической эпохе по аналогии со стоянкой Хомутовское болото II, которая содержала более выразительный материал, включая керамику.

5. Хомутовское болото II. Памятник открыт студентом-практикантом С. Черновым. В культурном слое (до 0,7 м) в виде светло-коричневого песка найден 101 предмет.

Фрагментов неолитической керамики – 27. Они небольших размеров и имеют

примесь песка и шамота в глиняном тесте. Выделяется два венчика. У первого сосуда отмечается приостренный венчик. Утолщение на внутренней стороне сосуда отмечено слабо. Под венчиком отмечаются наклонные ряды среднего двузубого штампа. У второго сосуда также имеется приостренный венчик без утолщения. Под венчиком отмечается декор в виде прочерченной горизонтальной линии, поверх которой фиксируются крупные насечки. Данный фрагмент близок к посуде евстюнихского типа, небольшие комплексы которой встречаются совместно с материалами камского неолита хutorского облика (Мельничук, 2009). Остальные фрагменты орнаментированы гребенчатым штампом. Орнаменты состоят из наклонных отпечатков среднего зубчатого штампа, плотных рядов мелкозубчатого штампа, образующих узоры в виде «елочки» и «шагающей» гребенки. Керамический комплекс стоянки Хомутовское болото II близок к хutorским комплексам камского неолита.

Кремневый инвентарь состоит из 74 предметов. Отходы производства представлены чешуйками (40), отщепами (15), сколами (3), пластинчатыми отщепами (2), расколотой галькой (1). Найден фрагмент нуклеуса из светло-серого кремня. В коллекции имеется 2 целые нерегулярные пластины из серого полупрозрачного кремня.

Орудий в коллекции – 11 экз. Среди них преобладает скребки – 3 экз. Выделяется подпрямоугольный скребок с дуговидным крутым рабочим краем из серо-коричневого кремня. Двусторонней подтеской подправлен правый край орудия, что характерно для долотовидных изделий. Второе орудие – обломок бокового скребка на крупной пластине из светло-серого кремня. Дорсальной скребковой ретушью оформлены боковые края пластины. Возможно, это обломок орудия на целой крупной пластине, которые, по определению О.Н. Бадера, называются «скребок-нож» и характерны для эпохи неолита и раннего энеолита (борская, новоильинская культуры) Среднего Приуралья. Найден еще один боковой скребок из серого плитчатого кремня. С вентральной плоскости отмечаются следы подтески. В коллекции имеется 3 однолезвийных долотовидных орудия на небольших прямоугольных отщепах. Рабочее лезвие изделий подработано мелкой чешуйчатой подтеской. Привлекает внимание орудие типа резака на обломке крупной пластины из серой непрозрачной породы. Лезвие орудия оформлено двусторонней приостряющей ретушью. Кроме того, в коллекции имеется ножевидная пластина с дорсальной ретушью и 3 отщепа с ретушью.

Таким образом, открытие новых памятников показало перспективность изучения неолита Вишеры. Особенно это связано с наличием «чистых» археологических объектов в регионе (стоянки Говорливое, Хомутовское Болото I и II), которые представляют эталонные неолитические комплексы для Северного Прикамья. С большой долей вероятности следует полагать открытие первого торфяникового археологического объекта в Пермском Приуралье на стоянке Хомутовское Болото II.

Общий облик материальной культуры неолитических памятников Вишеры свидетельствует об их принадлежности к камской неолитической культуре, которая доминировала в этот период на западном склоне Урала. В свое время В.Н. Чернецов полагал, что наскальные изображения Писаного камня имеют зауральские неолитические корни (Чернецов, 1964. С. 55). Однако современные материалы по неолиту р. Вишеры не дают серьезного основания для развития этого положения ученого.

Бассейн р. Яйвы.

В приустьевой части р. Яйвы в основном известны памятники раннесредневе-

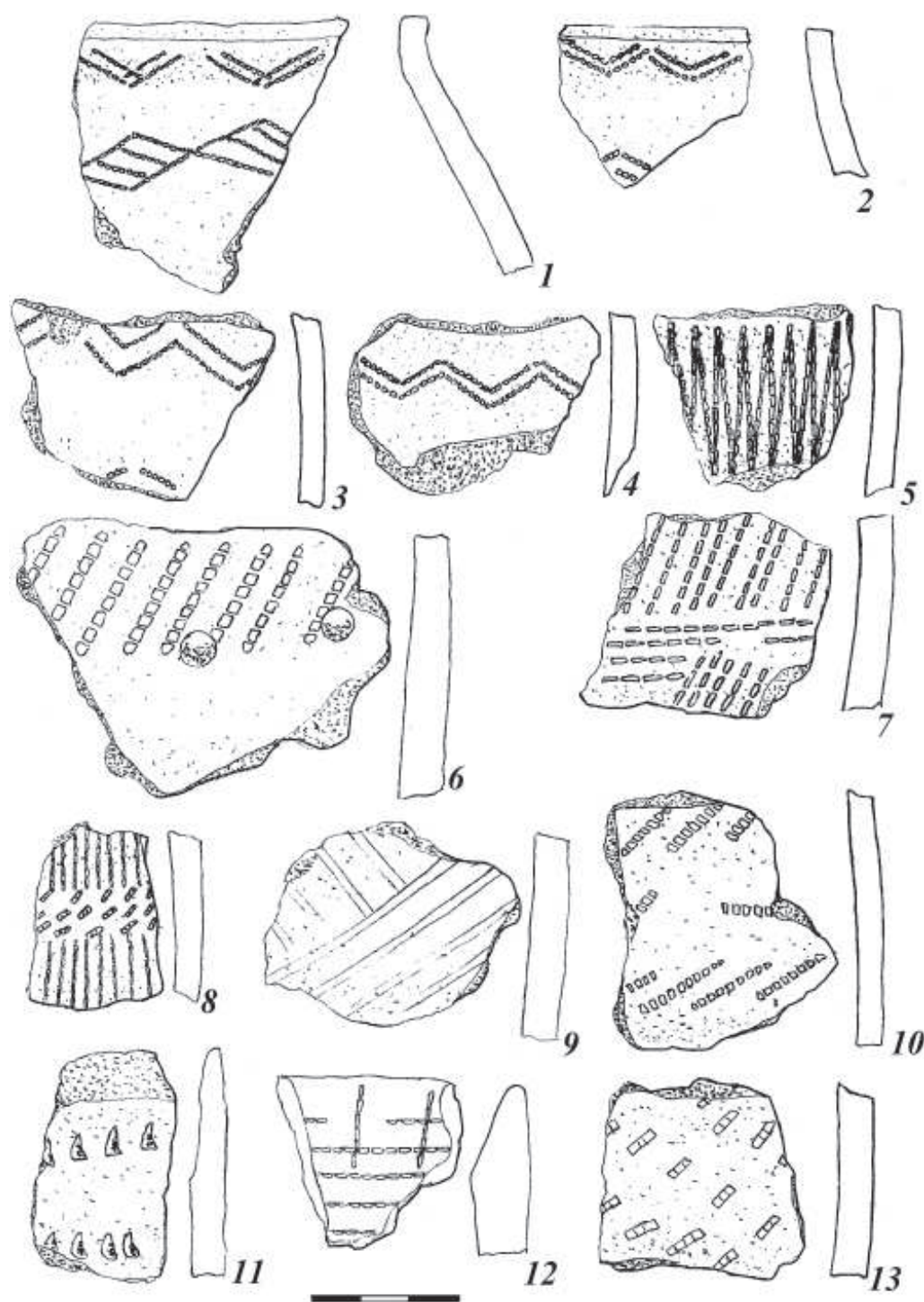

Рис. 2. Поселение Заборье. Керамика эпохи неолита и энеолита.

ковой ломоватовской культуры. В предгорной части бассейна этого водоема открыты карстовые полости, содержащие слои эпохи палеолита, мезолита и железного века. Памятники нео-энеолитического времени представлены отдельными местонахождениями керамики и каменных орудий:

1. Володин Камень II, поселение. В 1982 г. А.М. Белавиным при изучении ран-

несредневекового поселения, расположенного в глубине боровой песчаной террасы правого берега р. Яйвы близ д. Володин Камень был выявлен небольшой неолитический комплекс, состоящий из нескольких фрагментов керамики камского неолита с гребенчатым орнаментом и ряда кремневых изделий, включая отдельные скребки (Белавин, 1984. С. 142).

2. Кекурка, стоянка. Памятник выявлен А.Ф. Мельничуком в 2011 г. Он приурочен к невысокому песчаному берегу правого берега р. Кекурки, правого притока р. Яйвы и расположен между с. Романово и д. Малое Романово. На поверхности местонахождения собраны мелкие фрагменты толстостенной керамики с примесью песка и шамота, на которых орнамент не читался. С керамикой связаны каменные изделия: ножевидная пластина с отретушированными выемками, крупный отщеп из кварцитопесчаника и обломок плитки из крупнозернистого песчаника.

3. Чаньвенская пещера. В 1969 г. А.П. Близнецовым и Л.А. Балашенко при шурфовке предвходовой площадки в пещеру найден крупный фрагмент керамики новоильинского облика с разреженной крупногребенчатой орнаментацией. Ему сопутствовал кремневый наконечник стрелы с усеченным основанием. К настоящему времени местонахождение с новоильинской керамикой в Чаньвенской пещере является самым восточным пунктом распространения древностей этого культурного облика в Пермском Приуралье.

Бассейн р. Сылвы.

Долгое время реальных керамических комплексов эпохи неолита и энеолита в бассейне этого крупного левого притока р. Чусовой было неизвестно. Отдельные находки каменных орудий, которые здесь находили, начиная с дореволюционного времени, не имели четкого культурно-хронологического определения.

1. Невוליно, стоянка. Первый керамический комплекс эпохи неолита в бассейне р. Сылвы был выявлен в 1979 г. в ходе раскопок знаменитого раннесредневекового Неволинского могильника отрядом Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета под руководством Р.Д. Голдиной. Рядом с некрополем в правобережной пойме р. Ирень в мелиоративной траншее были обнаружены крупные фрагменты неолитической посуды с примесью песка и шамота в глиняном тесте. Поверхность керамики была покрыта разреженными наклонными отпечатками зубчатого штампа.

2. Заборье, поселение. Памятник открыт в 2010 г. П.Е. Максимовым. Он расположен на левом берегу р. Сылвы напротив с. Насадки. Площадка памятника приурочена к боровой песчаной террасе, ныне разрушающейся в ходе береговой абразии. Территория памятника занята постройками базы отдыха «Заборье». В ходе сбора материала с поверхности памятника была получена представительная коллекция керамики (до 200 фрагментов) и каменных изделий (до 1300 экз.). Керамический материал характеризует памятник как многослойный, содержащий культурные комплексы эпохи неолита, энеолита и бронзы. Каменный инвентарь поселения, происходящий из различных хронологических горизонтов, очень трудно распределить по определенным временным диапазонам.

Первый комплекс соотносится с традиционной керамикой камского неолита, поверхность которой декорирована разнообразными отпечатками гребенчатого штампа (рис. 2/5, 7, 8, 12, 13). Привлекает внимание фрагмент гребенчато-ямочной керамики (рис. 2/6) характерной для комплексов многослойного поселения Чернаш-

ка в Среднем Прикамье, которые О.Н. Бадер относил к позднему неолиту (Бадер, 1970. С. 167, рис. 114; Жукова, 2010. С. 238). Помимо поселения Чернашка, гребенчатомочный керамический комплекс выявлен в ходе изучения многослойного поселения Заюрчим I (исследования В.П. Денисова).

С керамикой камского неолита связаны фрагменты посуды с прочерченным декором типа Евстюниха (рис. 2/9), которые обычно встречаются с комплексами боровоозерско-хуторского типа – Чашкинское озеро VI, Боровое Озеро I, Бор I, Хомутовское болото II (Мельничук, 2009). Один из фрагментов прочерченной посуды имеет в глиняном тесте примесь слюды. Помимо посуды камского неолита, выявлен небольшой комплекс накольчатой посуды, декорированной разреженными рядами подтреугольных наколов (рис. 2/11). Фрагменты сосудов толстостенны и напоминают накольчатую посуду стоянки Чашкинское озеро VI.

Керамический комплекс эпохи энеолита, относящийся к гаринской культуре, представлен, из-за пористой структуры глиняного теста, только керамической крошкой. С ним явно хронологически сопрягаются фрагменты талькированной посуды аятской культуры (рис. 2/1-4), которые относительно часто встречаются на раннегаринских поселениях (Мельничук, 2009). С энеолитом связаны отдельные фрагменты новоильинской посуды, украшенные разреженными рядами среднезубчатого штампа (рис. 2/10).

Поселение Заборье, очевидно, является крупнейшим памятником нео-энеолитического возраста в бассейне р. Сылвы, и по своему значению и характеру напоминает классические памятники приустьевой части р. Чусовой в районе д. Гари и Борового озера (Бадер, 1961). К сожалению, данный важный памятник историко-культурного наследия Пермского края находится в настоящее время на землях частного освоения. В связи с этим стоит серьезная проблема его сохранения или проведения охранных мероприятий на нем.

Проанализированные нами материалы памятников и местонахождений эпохи неолита и энеолита, удаленных от левого побережья р. Камы в сторону Уральского хребта свидетельствуют о том, что в этот период культурная специфика археологических объектов данных хронологических горизонтов мало чем отличалась от основного ареала их распространения. Нам представляется, что В.Н. Чернецов был прав, когда писал, что для Западного Приуралья «выделение камской неолитической культуры знаменует собой выделение финно-пермской ветви из недифференцированной до того массы финно-угров» (Чернецов, 1963). Об этом может свидетельствовать достаточно резкое своеобразие культурных образований по обе стороны Уральского хребта.

Список литературы:

Бадер О. Н., 1954. Жертвенное место под камнем Писаным на р. Вишере // Советская археология. XXI. – М.-Л.: АН СССР. – С. 241-258.

Бадер О.Н., 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99. – М.: Наука. – 196 с.

Бадер О. Н., 1970. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. МИА. № 166. – М.: Наука. – С. 167-171

Бадер О. Н., 1973. Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР

в эпоху неолита. МИА. № 172. – М.: Наука. – С. 99-106.

Белавин А. М., 1984. Раскопки памятников средневековья в Верхнем Прикамье // АО. 1982 год. – М.: Наука. – С. 141-142.

Жукова О.В., 2010. Техничко-типологический анализ керамики поселения Чернашка // Известия СНЦ РАН. Т. 12. № 6. – Самара: СНЦ РАН. – С. 237-243.

Казаков Е. П., 2011. Памятники эпохи камня в Закамье // Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. – Казань: ИИ АН РТ. – 180 с.

Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А., Чурилов Э., 2011. В. Новое о неолите Вишеры // Экономико-правовые, социально-политические и культурно-исторические аспекты развития регионов. – Березники: Тип куп. Тарасова. – С. 425-430.

Медведев Г. И., Георгиевский Г. Н., Михнюк Г. Н., Савельев Н. А., 1971. Стоянки Ангара-Бельского района («Бадайский» комплекс) // Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. I. Памятники Ангара-Бельского и Ангара-Идинского районов. – Иркутск: ИИУ. – С. 33-90.

Мельничук А. Ф., 2001. Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области // Исследования археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. – Екатеринбург: Банк культ. инф-и. – С. 19-36.

Мельничук А. Ф., 2009. Зауральские керамические комплексы на памятниках неолита и палеометалла Среднего Приуралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: ЮУРГУ. – С. 14-17.

Мельничук А. В., Изосимов Д. А., 2004. Малые карстовые полости р. Вишеры – жертвенные комплексы, связанные с культом плодородия // Обороинские чтения. Вып. 3. – Пермь: ПКМ. – С. 32-38.

Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А., Чурилов Э. В., 2001. Новейшие исследования жертвенного места у наскальных изображений Камня Писаного на реке Вишере // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург: ОГПУ. – С. 51.

Мельничук А. Ф., Косинцев П. А., Фадеева Т. В., Болотов А. А., 2001. Пещера в камне Дыроватый – новый природно-исторический памятник на реке Вишере // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург: ОГПУ. – С. 135-136.

Мельничук А. Ф., Пономарева Л. В., 1984. Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск: Удм. ИЯЛИ УрО АН СССР. – С. 44-57.

Спирин Л. Н., Шмыров В. А., 1984. Основные черты голоценовой тектоники и палеогеографии Пермского Приуралья // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил Нечерноземного Урала. – Пермь: ПГУ. – С. 107-113.

Чернецов В. Н., 1963. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угоро-самодийской) общности // Congress Internationale Fenno-Ugristarum. – Budapest. – С. 20-24.

Чернецов В. Н., 1964. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. Вып. В4-12. – М.: АН СССР. – 120 с.

А.А. Лавров.
**ЭВОЛЮЦИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА-
БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

В статье рассматривается вопрос об изменениях в домостроительстве населения Среднего Предуралья в эпоху энеолита-бронзы. Морфология жилищ прослежена по 4 основным признакам: постройка, входы-выходы, очаг и столбовые ямы. В результате сравнительного анализа прослеживается влияние на изменения в строительстве жилищ в связи с переходом от присваивающего хозяйства к производящему.

Ключевые слова: археология, энеолит-бронза, Среднее Предуралье, жилища, домостроительство

A.A. Lavrov
**EVOLUTION OF HOUSE BUILDING IN THE ENEOLITHIC-BRONZE ERA OF THE
MIDDLE CIS-URALS**

Changes in house building among the population of the Middle Cis-Urals in the Eneolithic-Bronze Era are discussed. The morphology of dwellings was analyzed on 4 main characteristics: structure, entrances and exits, fireplace and pole pits. Comparative analysis shows that the transition from foraging to producing economy resulted in changes in house building.

Key-words: archaeology, the Eneolithic-Bronze Era, the Middle Cis-Urals, dwellings, house building

Период энеолита-бронзы характеризуется довольно значительными изменениями во всех сферах общества: социальной, социальной, духовной и т.д. В это время люди научились использовать металл и его сплавы, начался постепенный переход от присваивающего хозяйства к производящему. Изменения прослеживаются и в домостроительстве, но, к сожалению, данный вопрос в историографии рассмотрен плохо. К тому же проблема состоит еще и в том, что вопросы локального характера (а именно, Пермского Предуралья) вообще не рассматривались, либо рассматривались поверхностно. Именно поэтому данная тематика на сегодняшний день довольно актуальна.

В данной статье рассматривается большая часть памятников с исследуемым материалом эпохи энеолита и бронзы. К сожалению, не все данные раскопок были опубликованы, как следствие – проводить сравнительную характеристику построек изучаемых периодов довольно сложно. На сегодняшний день проанализированы 97 построек энеолита и 29 – бронзы.

Детальный сравнительный анализ морфологических элементов построек позволит нам выявить эволюцию домостроительства. Для этого проанализируем детали сооружений данного периода.

Анализ жилищ проводился по следующим признакам:

I. Постройка

1. Размеры и площадь. Размер и площадь построек характеризует относительное количество человек, проживающих в данной постройке. Так, по данным В.С. Бузина, в таких постройках могло проживать по 1 человеку на 2,5-3,5 кв. м (Бузин, 1990. С.32-43).

2. Форма (квадратная, прямоугольная, округлая). Обусловлена климатическими условиями (количество осадков, направление и сила господствующих ветров);

хозяйственным укладом – степенью оседлости и подвижности, требующих постоянных или временных жилищ (стационарных, сезонных, переносных и т.д.);

3. Углубление в подстилающий слой. Отношение основания жилища к уровню древней поверхности в рассматриваемый период встречается в 2-х вариантах: наземные и углубленные.

4. Ориентация постройки. По мнению Е.М. Черных, при возведении дома местное население учитывало местные условия инсоляции и господствующие в данной местности ветра. В этом случае признак ориентации приобретает пространственно-смысловое значение, предполагает не только его соотнесение со сторонами света, но и включение в целую систему соответствий пространственно-временного, социального, религиозного, экономического, мифологического, космологического, хозяйственного-бытового характера (Черных, 2008. С.28);

II. Выходы

1. Ориентация (рассматривалась по отношению к сторонам света и по отношению к реке);

2. Размеры. Влияют на создание благоприятных климатических условий внутри постройки;

3. Форма выхода (ровный, суженный или расширенный в начале, в середине, в конце)

III. Очаги

1. Местоположение (у выхода, у стенки, у стенки напротив выхода, в выходе, в центре, вдоль оси, вне постройки) характеризуют как выявление хозяйственного центра постройки;

2. Форма (округлая, прямоугольная, овальная);

3. Мощность прокаленного песка и размеры очага. Характеризует периодичность использования (постоянный и непостоянный) и важность очага внутри постройки, а также сезонность использования;

4. Содержание (керамика, кремь, кость, металлические изделия)

Выполняет функцию хозяйственного, организационного и социального центра; вокруг него концентрировалась вся жизнедеятельность обитателей жилища. Очаги в прикамских жилищах, как правило, были универсальны, они служили для отопления построек, приготовления пищи и освещения. Вполне возможно, что в много-очажных домах функции очагов были разграничены.

IV. Столбовые ямы

1. Максимальный и минимальный диаметр

2. Максимальная и минимальная глубина от дна постройки

3. Расположение в постройке. В том случае, когда мы имеем ряд столбов, вытянутых вдоль центральной оси жилища, в качестве несущих, возможно, использовались так называемые «сохи» – вертикальные столбы с развилкой в верхней части, на которые укладывалась продольная балка. Эта балка и верхний край стены, а иногда и грунт (если стена была недостаточно высокой и прочной) служили опорами для поперечных слег, игравших роль обрешетки перекрытия, на которую ставилась кровля. Иногда использовали два ряда таких столбов – сох, это обеспечивало дополнительную жесткость каркаса и уменьшало нагрузку на стены. В тех случаях, когда ряд столбов-опор был сдвинут к одной стене, можно реконструировать перекрытия с разновеликими скатами (Черных, 2008. С.29).

Перейдем к сравнительной характеристике построек данного периода:

Для сооружений эпохи энеолита характерна площадь в среднем от 31 до 46 кв. м. В таких постройках могли одновременно проживать от 8-12 до 17-24 человек. Большая часть жилищ бронзового века имела площадь от 60 кв. м. Но здесь надо осторожней относиться к подсчету численности человек, проживающих в данной постройке, так как некоторые сооружения являются хозяйственными.

Изменения были выявлены и в форме построек. Так, энеолитические жилища имели в плане прямоугольную (50 построек) и квадратную (37) форму. Для эпохи бронзы характерны прямоугольные постройки – лишь только 3 сооружения были нами отнесены к квадратным.

Изменения также обнаружены при рассмотрении углубления сооружений в подстилающий слой. По тем данным, которые у нас имеются, преобладающее количество построек медно-каменного века были заглублены на 0,3-0,5 м (20 построек) и более 0,5 м (13). Данное соотношение оставило свой след и в ерзовской культуре, где сохранился обычай углублять постройки более 0,5 м (всего 7 построек), но в большинстве случаев постройки бронзового века углублялись на 0,3-0,5 м (13) и менее 0,3 (9). Таким образом, постройки энеолита, как правило, были полуземлянками. Данный тип сохранился и в эпоху бронзы, но в то же время жилища ерзовской культуры начинают «подниматься из земли».

Изменения в ориентации построек по отношению к сторонам света не прослеживаются. Стремление человека энеолита строить свои дома в направлении ЮО сохраняется и в период бронзы. Сохранение традиций остается и по отношению к ориентировке ЮЗ-СВ – постройки, ориентированные в данном направлении, встречаются крайне редко.

Ориентация выходов построек бронзового века также сохраняет свои традиции от энеолитических. Стремление ориентировать выходы на север, юг и восток одинаково часто встречается в изучаемые периоды. В то же время прослеживается стремление в изменении размеров и форм выходов. Так, для большинства энеолитических жилищ характерны узкие удлиненные выходы (ширина в среднем от 0,8 до 1,2; длина от 3 до 5 м). Для бронзового века ширина выходов редко составляла менее 1 м, как правило, она равнялась 1,5-2 м. Еще более редки случаи, когда длина выходов жилищ ерзовской культуры доходила до 4-5 м, в основном она составляла 2,5-3 м. Ярко прослеживаются различия формы выходов – если на поселениях эпохи энеолита они были очень разнообразными, то в период бронзы существует одна постоянная форма – ровная.

Расположение очагов внутри построек в эпоху энеолита-бронзы сохраняется – как правило, у выхода, – вдоль оси и в центре. Отличительным признаком в конструкции очагов в эпоху бронзы является появление глинобитных очагов. Глинобитные очаги присутствуют на таких поселениях как: Заюрчим I, Ерзовка I, Заосиново VI и Чернушка (Денисов, 1957. С. 3-23, Лычагина, 2003. С.41-68). Кроме того, в эпоху бронзы появляются и другие усложненные конструкции очагов. Так, на поселении Чернушка в жилище №2 обнаружен очаг, в котором использовалась специальная обмазка из глины и мелкой гальки. А на поселении Шумково и Заюрчим I (жилище №1, 1988 г.) зафиксированы очаги, выложенные плитами песчаника (Коренюк, 1988. С. 8-19).

В постройках эпохи энеолита были обнаружены следы обработки металлов. Так,

на поселениях Бойцово III (жилище №1), Бойцово IV (жилище №1), Бойцово VII (жилище №3), Басенький Борок (жилище №3) и Новоильинское III (жилище №1) внутри очагов были найдены остатки медных предметов (Бадер, 1961. С.147-153; Бадер, 1961а.С.164-167, 183-188). Очень интересны очаги на поселении Басенький Борок, где были обнаружены глиняные сопла (Бадер, 1961. С.147-153). Наличие глиняных сопел внутри построек (тем более – внутри очага) свидетельствует о том, что плавкой металла занимались внутри самой постройки.

В эпоху бронзы внутри очагов изученных построек среди остатков материальной культуры не было обнаружено следов ни глиняных сопел, ни металла. Таким образом, можно утверждать, что в период ерзовской культуры выплавкой металла занимались вне построек.

Таким образом, мы можем говорить о значительном изменении построек от эпохи энеолита к эпохе бронзы. Жилища увеличиваются по площади, как правило, за счет хозяйственных пристроек. Прослеживается постепенный переход к наземным постройкам. Усложняется конструкция очагов. В размерах и по форме изменяются и выходы. Кроме того, сохраняются и другие элементы, а именно ориентация (ЮГ-СЕВЕР) расположение очагов и столбовых ям.

Список литературы:

Бадер О.Н., 1961. Поселения Турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. №99. – М.: АН СССР. – 196 с.

Бадер О.Н., 1961а. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчёты К(В)АЭ. Вып. 2. – М.: ИА АН СССР. – С.110-271

Бузин В.С., 1990. Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // СА. №5. – М.: АН СССР. – С.32-43

Денисов В.П., 1957. Отчет о работе КАЭ Пермского университета в июле-августе 1957 г. – Архив кабинет археологии ПГНИУ;

Жульников А.М., 2003. Древние жилища Карелии. – Петрозаводск: Скандинавия. – 200 с.

Коренюк С.Н., 1988. Отчёт о разведках и раскопках в южнотаёжной зоне Пермской обл. 1988. – Архив ИА РАН. Р-1. Д.13152

Лычагина Е.Л., 2003. Отчет об исследованиях поселения Посёр в Ильинском районе Пермской области и поселения Чернушка в окрестностях г. Чайковский в 2003 г. – Архив ЛАЭИ ПГПУ.

Соколова З.П. Стоянка Кама-Жулановская II // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. I. Труды Камской Археологической Экспедиции. – Пермь: ПГУ. – С.95-110

Черных Е.М., 2008. Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск: УдГУ. – 272 с.

Ширинкина А.М., 1960. Поселение Камский Бор II близ Оханска // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. I. Труды Камской Археологической Экспедиции. – Пермь: ПГУ. – С.80-94

**В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук, С.А. Тресков.
ПОСЕЛЕНИЕ РЫЧИНО III В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ И
ВАЛИКОВАЯ КЕРАМИКА В ПОЗДНЕГАРИНСКОМ КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

На поздних памятниках гаринской культуры изредка встречаются своеобразные плоскодонные сосуды с валикообразными выступами, отличающиеся от традиционной для этого времени посуды. Появление керамики с гофрированными валиками и с однородной мелкозубчатой ornamentацией на позднегаринских памятниках Среднего Приуралья явно имеет взаимосвязь с формирующимися сейминско-турбинскими древностями региона, обладающими восточной или юго-восточной культурной подосновой.

Ключевые слова: археология, гаринская культура, валиковая керамика

**N.P. Denisov, A.F. Melnichuk, S.A. Treskov
THE RYCHINO III SETTLEMENT IN THE UDMURT KAMA REGION AND ROLLED
POTTERY IN THE LATE GARINSKOE CULTURAL SPACE**

Late sites of the Garinskaya culture contain peculiar flat-bottomed vessels with rolled protrusions, which are different from the traditional tableware of that time. Pottery with goffered rolls and finely crenulated uniform ornament in the late Garinskoe sites of the Middle Cis-Urals has direct relation to the Seiminsk-Turbinsk antiquities of the region, which have eastern or south-eastern cultural sub-basis.

Key-words: archaeology, the Garinskaya culture, rolled pottery

На поздних памятниках гаринской культуры изредка встречаются своеобразные плоскодонные сосуды с валикообразными выступами, которые резко выделяются на фоне традиционной для этого времени мелкогребенчатой пористой посуды с округлым дном. Посуда данного типа, также имела пористую структуру (выщелачивание раковинной примеси из глиняного теста). Налепные валики на сосудах имели гофрированный облик. Гофрированный характер имели края венчиков. К данному типу, по нашему мнению, следует относить сосуды с налепными ушками.

Всего в ареале гаринской культуры известно 13 местонахождений валиковой посуды:

1. Позднеевское озеро II, поселение (Чердынский район, близ границы с Коми республикой, исследование В.П. Денисова, 1974 г.). Самое северное и единственное местонахождение валиковой керамики в Верхнем Прикамье. Найден один сосуд с гофрированным венчиком и налепным валиком. По шейке между валиком отмечается декор из косопоставленных рядов мелкозубчатого штампа. Он связан с гаринским комплексом.

2. Заосиново I, поселение (левый берег р. Камы, урочище «Красава» близ г. Перми, исследование К.М. Соболевой, 1966). Найден развал сосуда с налепными ушками. Характер гребенчатого орнамента из-за сильной пористости не читается. Связан с позднегаринским комплексом.

3. Заюрчим I, поселение (левый берег р. Камы, урочище «Красава» близ г. Перми, исследования С.Н. Коренюка, 2009 г.). В позднегаринском однокамерном жилище №11/09 выявлен развал сосуда с гофрированным валиком и венчиком. Орнамент в виде рядов разреженного косопоставленного мелко зубчатого штампа (Коренюк, Мельничук, 2010. С. 182, рис. 4/26).

© Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Тресков С.А., 2012

4. Забойное I поселение (левый берег р. Камы, напротив г. Оханска, исследования О.Н. Бадера, 1959 г.). В однокамерном жилище № 1 обнаружен один гофрированный венчик и плоское днище, очевидно, от одного сосуда. Часть шейки сосуда с валиком не сохранилась. Сосуд декорирован разреженными наклонными рядами мелкозубчатого штампа. Подобным орнаментом украшены и обычная позднегаринская посуда (Бадер, М., 2009. С. 37, рис. 14/3, 13).

5. Камский Бор II, поселение (правый берег р. Камы, близ г. Оханска, исследования А.М. Ширинкиной, 1957 г.). В позднегаринском однокамерном жилище № 5 выявлен развал сосуда с гофрированными валиком и венчиком. Декор сосуда составляют наклонные разреженные пояски зубчатого штампа. Мелкие фрагменты обычной позднегаринской сосуда также покрыты мелкозубчатым орнаментом (Коногорова (Ширинкина), 1961. с. 90, рис. 12/3).

6. Старушка I, поселение (левый берег р. Камы, напротив с. Частые, исследования А.И. Чистина, 1956, 1957, В.П. Денисова, 1959). По данным А.М. Коногоровой (Ширинкиной), в материалах памятника имелись фрагменты сосудов с гофрированными венчиками (Коногорова (Ширинкина), 1961. С. 90).

7. Гагарское I, поселение (левый берег р. Камы, напротив с. Частые, раскопки В.П. Денисова, 1959). В одном из гаринских жилищ найден фрагмент сосуда с налепными ушками, орнаментированный разреженными поясками наклонного зубчатого штампа (Липсон, 1961. С. 34, рис. 6/4).

8. Бойцово VII, поселение (левый берег р. Камы, напротив с. Частые, исследования О.Н. Бадера, 1959). В позднегаринском однокамерном жилище № 2 найден фрагмент сосуда с гофрированным венчиком и гофрированным валиком, в подобном жилище № 4 – фрагменты от 2 сосудов этого типа. Между валиками отмечается декор в виде наклонных рядов мелкозубчатого штампа. Сосуды данного типа между валиками орнаментированы наклонными отпечатками зубчатого штампа (Бадер, 1961. С. 190, 199, рис. 58/2; 64/3, 4.).

9. Тюремка II, поселение (левый берег р. Камы, напротив с. Частые, исследования О.Н. Бадера, 1959 г.). В позднегаринском однокамерном жилище № 1 найдены фрагменты от 2 сосудов с гофрированными венчиком и валиком. Между валиками отмечаются наклонные отпечатки гребенчатого штампа (Бадер, 1961. С. 229, рис. 90/1).

10. Тюремка III, поселение (исследование М.П. Шахматовой, 1959 г.). В однокамерных жилищах № 3-4 найдены фрагменты 2 сосудов с гофрированными валиками и венчиками с мелкозубчатыми наклонными рядами (Бадер, 1961. С. 237, рис. 99/1-2).

11. Нижнее-Раздорное, поселение (левый берег р. Камы, напротив с. Бабка, исследование О.Н. Бадера, 1953 г.). В одиночном гаринском жилище найдены фрагменты плоскодонного сосуда с гофрированными венчиком и валиками. Орнамент сохранился плохо, но, судя по известным фрагментам позднегаринской посуды, он представлял наклонные ряды разреженных гребенчатых отпечатков (Бадер, 1961а. С. 169, рис. 123/4-5).

12. Симониха II, поселение (левый берег, Удмуртское Прикамье, исследование В.П. Денисова, 1971). С гаринским комплексом найден фрагмент сосуда с гофрированным валиком. Орнамент не сохранился.

13. Рычино III, поселение (левый берег, Удмуртское Прикамье, исследование В.П. Денисова, 1971 г.). В пределах жилища найдено 3 развала сосудов с гофрированными венчиками и валиками вместе с традиционной гаринской посудой.

Поселение Рычино III в Удмуртском Прикамье дал к настоящему времени наиболее

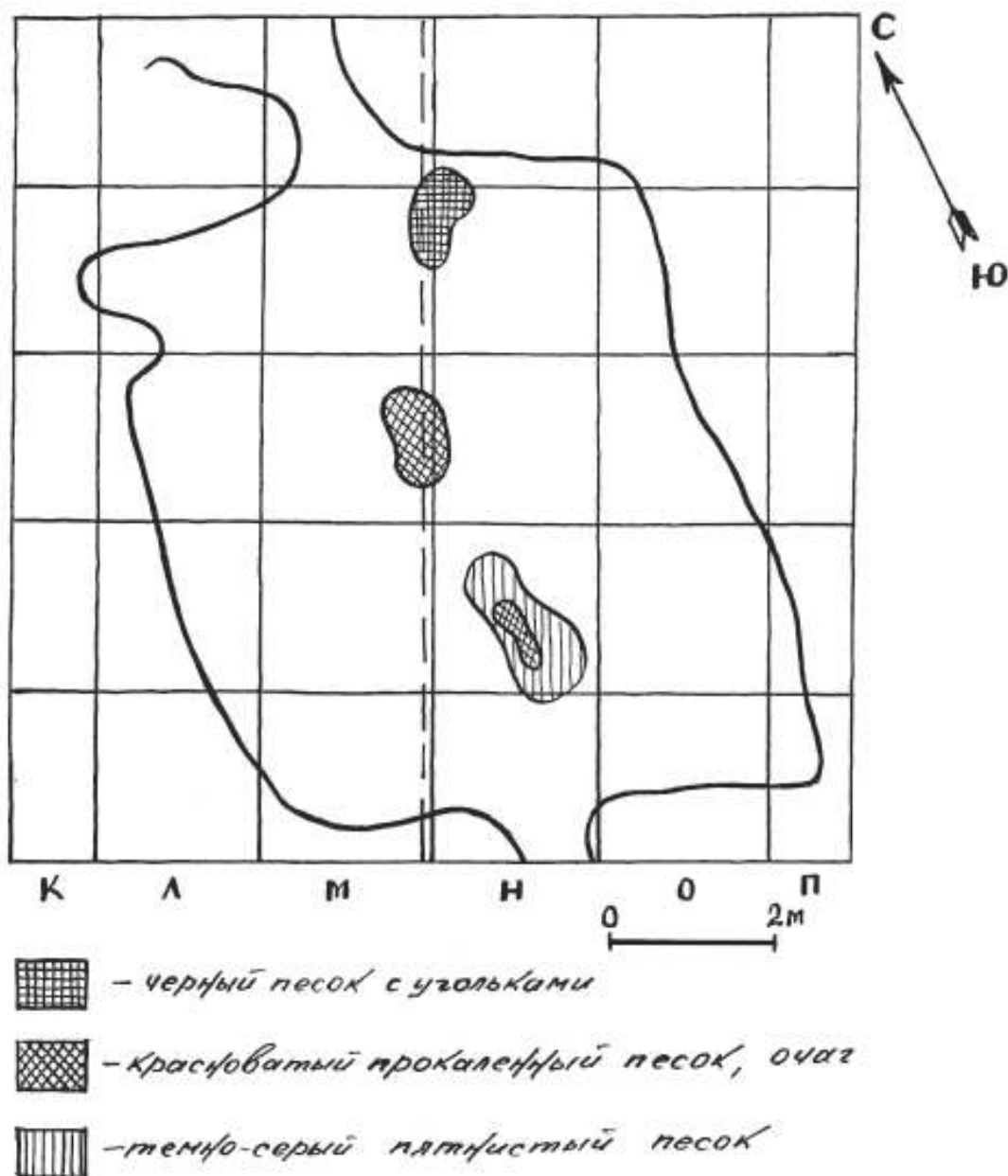

Рис. 1. Рычино III. План жилища.

выразительный комплекс (3 сосуда) с гофрированными валиками. Памятник выявлен Г.Т. Самодуровой в 1970 г. Он расположен в 0,8 км к востоку от д. Рычино Завьяловского района республики Удмуртия. Памятник приурочен к песчаной дюнообразной гряде левого берега р. Камы. На площади поселения зафиксировано 3 жилищных впадины, ориентированные в северо-восточном направлении. Одна из впадин была исследована в 1971 г. раскопом, площадью до 100 кв.м. Подпрямоугольное жилище обладало размерами 8 x 6,5 (рис.1). У сооружения отмечалось два выхода – северный (2,5 x 1,8-0,8 м) и южный, изученный не полностью. Пол жилища углублялся в материковый песок на 0,5-0,6 м. В центре сооружения отмечался открытый овальный очаг в виде прокаленного песка, мощностью до 0,1 м (1,1 x 0,6 м). У северного выхода изучена очажная яма овальной формы (1,2 x 0,6 м). Еще один грушевидный углубленный очаг (2 x 0,9-0,5 м)

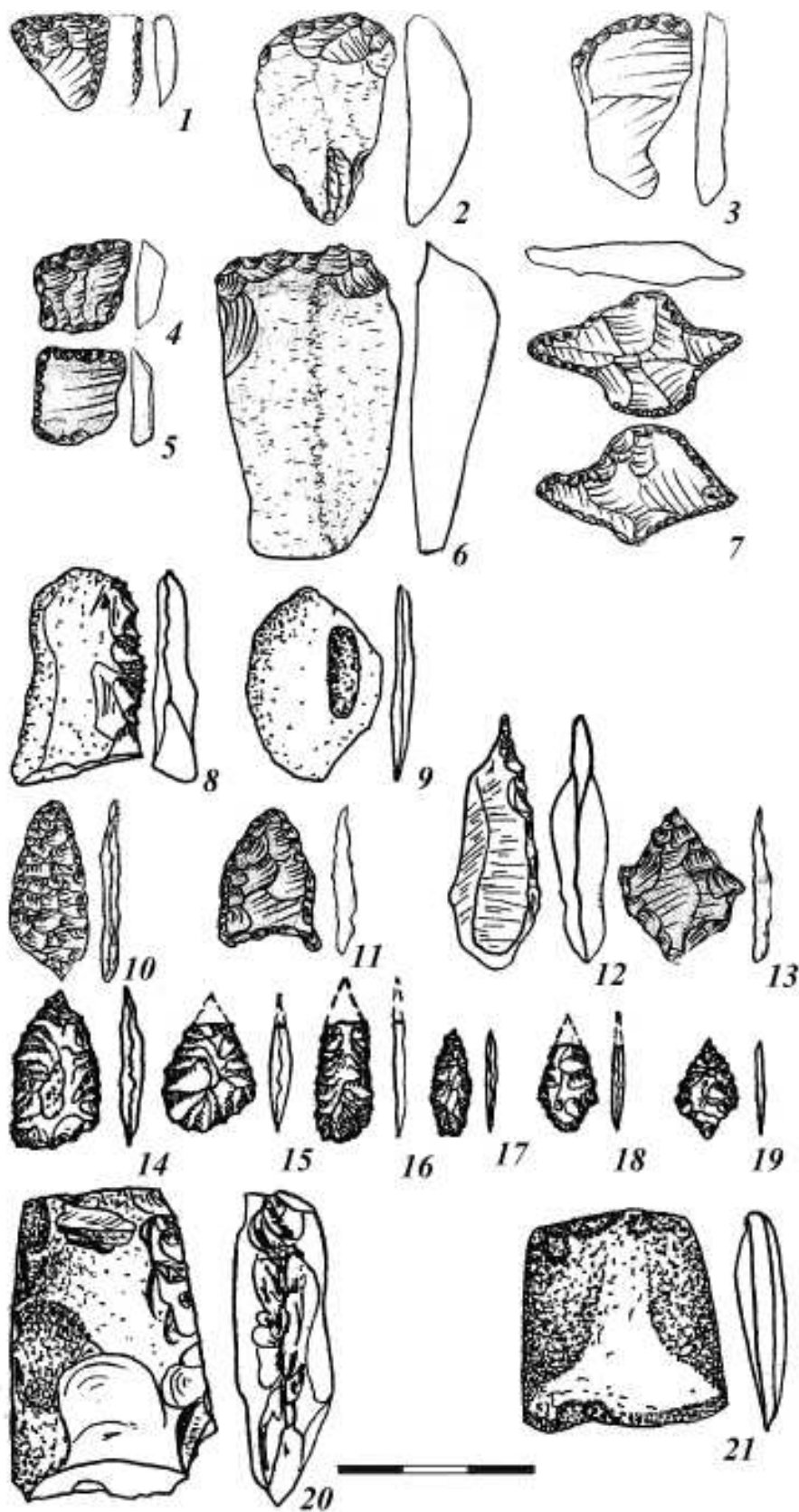

Рис. 2. Рычино III. Каменный инвентарь.

располагался в сторону южного выхода.

В пределах жилища найдено до 400 фрагментов пористой посуды. Позднегаринская посуда представлена слегка открытыми сосудами (5), которые декорировались мелкозубчатым орнаментом в виде наклонных разреженных отпечатков. Изредка в орнаментике использовался узор в виде «елочки» (рис. 3). Традиционная гаринская посуда имела округлое дно.

Среди позднегаринской посуды выделяются 3 сосуда с гофрированными вен-

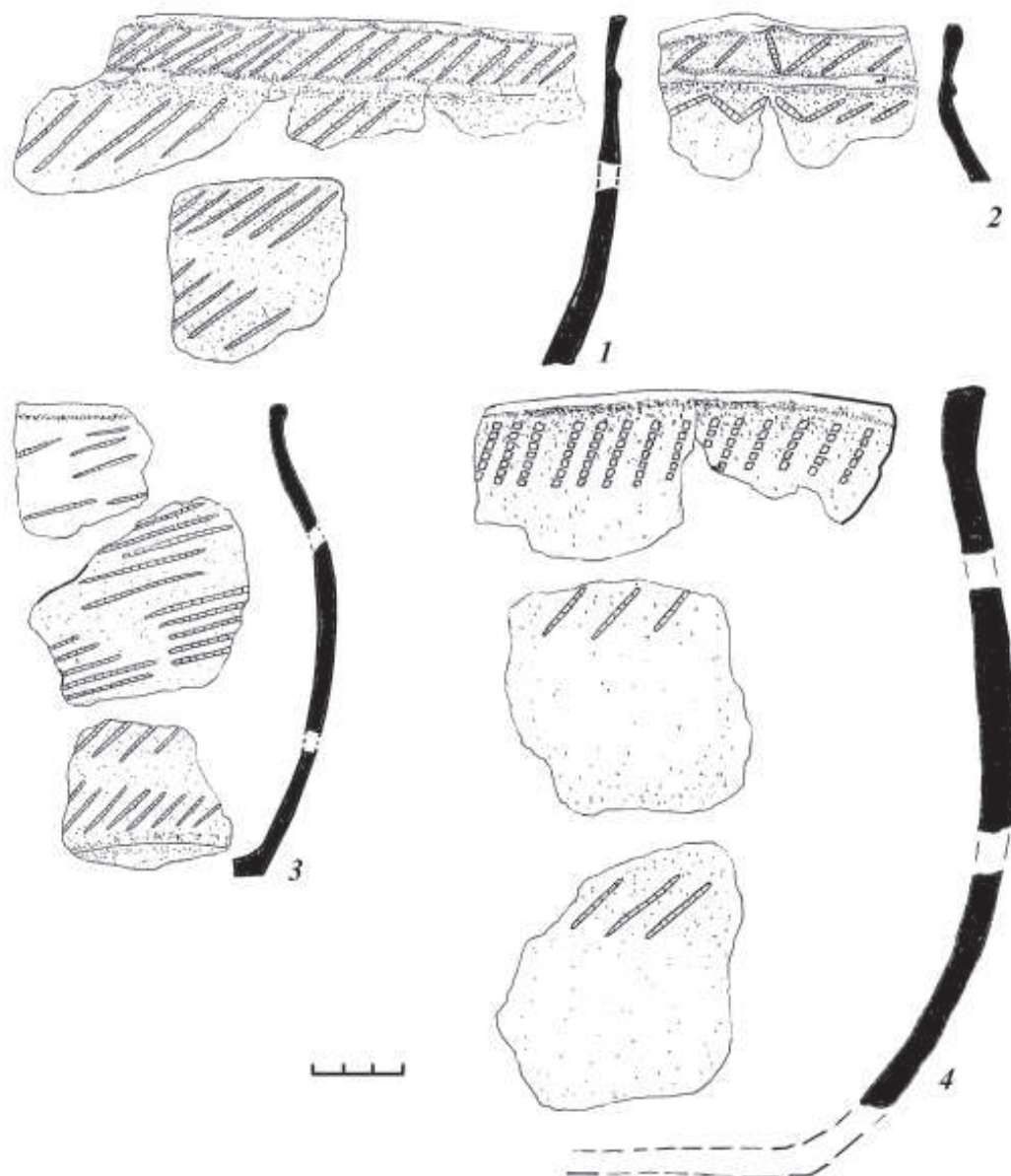

Рис. 3. Рычино III. Керамика.

и валиками О. Н. Бадер считал одним из отличительных признаков памятников гаринской культуры Осинского Прикамья от группы однокультурных чусовских поселений, полагая, что «гофрированные шейки, возможно, переходят здесь и к керамике более позднего этапа бронзы» (Бадер, 1961а, с. 188). А.Х. Халиков, наоборот, считал, что появление валиковой посуды в Среднем Прикамье является результатом обратного воздействия «ранней чирковско-сейминской керамики на гаринскую (ольховскую)» (Халиков, 1969. С. 190). В Удмуртском Прикамье комплекс валиковой посуды, помимо поселения Рычино III, выявлен в ходе изучения многослойного поселения Зуевы Ключи. В.Ф. Генинг этот керамический пласт соотносился с сейминско-турбинскими древностями и привязывался к памятникам чирковской культуры (Генинг, 1975. С. 216-217). Южнее, в Марийском Поволжье, отмечаются еще более значительные комплексы валиковой посуды — Чирково, Галанкина Гора и др., которые на основе синхронизации с зауральскими кротовс-

кими керамическими древностями Б.С. Соловьевым датируются концом первой четверти II тыс. до н. э. (Соловьев, 2000. С. 52). В настоящее время в связи с общим занижением датировок памятников сейминско-турбинского хронологического горизонта время появления в Волго-Камье посуды с гофрированными венчиками и валиками, возможно, относить и к началу II тыс. до н. э. (Соловьев, 2009. С. 96).

Появление керамики с гофрированными валиками и с однородной мелкозубчатой орнаментацией на позднегаринских памятниках Среднего Приуралья явно имеет взаимосвязь с формирующимися сейминско-турбинскими древностями этого региона, определенно обладающими восточной или юго-восточной культурной подосновой. Возможно, это и отражается в ее типологической близости с западносибирской кротовской посудой. Однако, по справедливому мнению исследователей, данное явление не свидетельствует о культурном единстве зауральской валиковой посуды с валиковой керамикой Волго-Камья по многим морфологическим признакам (Соловьев, 2009. С. 94). В связи с этим следует согласиться с мнением Б. С. Соловьева, что «появление «валикового» пласта с восточными зауральскими чертами», скорее всего, происходило в русле сейминско-турбинского феномена» (Соловьев, 2000. С. 98).

Список литературы:

Бадер О.Н., 1959. Поселение Забойное 1 // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 1. – М.: ИА АН СССР. – С.25-62

Бадер О.Н., 1961. Поселение у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 2. – М.: ИА АН СССР. – С. 110-271.

Бадер О.Н., 1961а. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА, № 99. – М.: АН СССР. – 198 с.

Генинг В.Ф., 1975. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Памятники древнейшей истории Евразии. – М.: Наука. – С.211-220

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., 1991. Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ. – С.102-113

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е., 2011. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново – Непряха – Партизаны эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург: Св. обл. краев. музей. – С.107-116

Коногорова (Ширинкина) А.М. 1961. Жилища 3 – 8 поселения Камский Бор II // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 2. – М.: ИА АН СССР. – С.76-94

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., 2010. Жилищные комплексы эпохи палеометалла поселения Заюрчим I (по материалам раскопок 2009 г.) // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. – Ижевск: УдГУ. – С.180-187

Липсон Г.М., 1961. Гагарское I поселение близ с. Частые // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 2. – М.: ИА АН СССР. – С.29-38

Соловьев Б.С., 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – 262 с.

Соловьев Б. С., 2009. Сейминско-турбинская проблема // Научный Татарстан. № 2. – С.91-102

Халиков А. Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука. – 396 с.

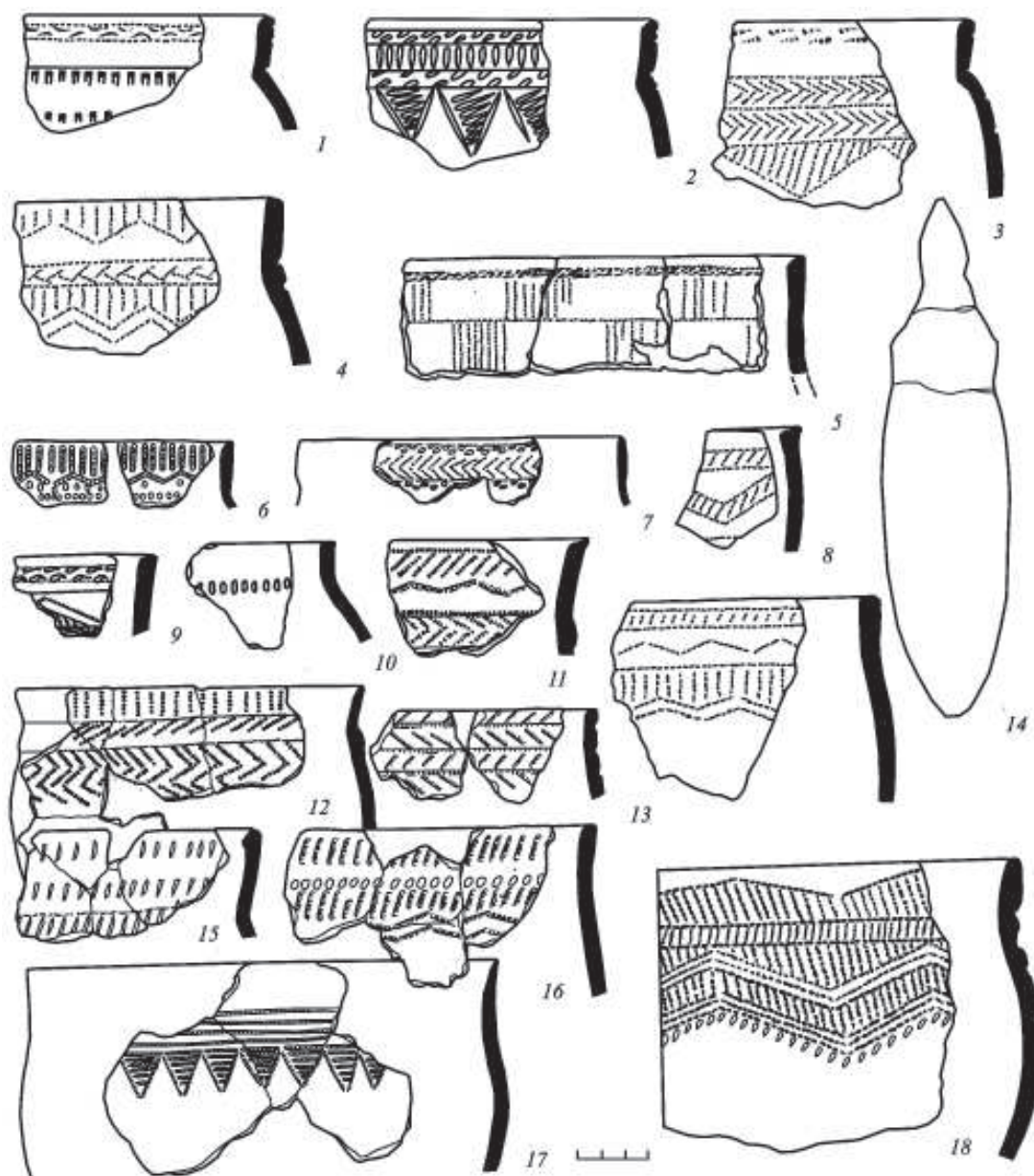

Рис. 1. 1?4, 8, 15, 19 ? Ройский Шихан (по А.Х. Халикову), 5, 14 ? Зуевы Ключи могильник, 6, 7, 9?13, 16?18 ? Зуевы Ключи поселение (по В.Ф. Генингу).

Б.С. Соловьев.

О

«ЧИРКОВСКИХ» ПАМЯТНИКАХ ПРИКАМЬЯ

Одним из ярких этнокультурных проявлений начала II тыс. до н. э. на юге лесной зоны Среднего Поволжья является синкретическая чирковская культура, к которой отнесены и некоторые прикамские памятники эпохи бронзы. По мнению В.Ф. Генинга, культура принадлежит неоднородному населению, близкому балановскому (чирковско-сейминскому), местному гаринско-борскому и, вероятно, абашевскому. Однако поиски ближайших аналогий приводят к материалам вольско-лбищенской культуры среднего бронзового века на Самарской Луке.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, Среднее Поволжье, Прикамье, чирковская куль-

тура, керамика

B.S. Solovyev

ON THE "CHIRKOVSKAYA CULTURE" SITES OF THE KAMA REGION

The syncretic Chirkovskaya culture (which also entails some sites of the Kama region of the Bronze Age) is one of the vivid ethnocultural manifestations of the beginning of the II millennium B.C. in the south of the forest zone of the Middle Volga region. According to V.F. Gening the culture is shared by heterogeneous population, which is close to the Balanovskaya (Chirkovsko-Seiminskaya), local Garinsko-Borskaya and, allegedly, Abashevskaya cultures. But the search for the closest analogies leads to the materials of the Volsko-Lbischenskaya culture of the Middle Bronze Age in the Samara Bend.

Key-words: archaeology, the Bronze Age, the Middle Volga region, the Kama region, the Chirkovskaya culture, pottery

Одним из ярких этнокультурных проявлений начала II тыс. до н. э. на юге лесной зоны Среднего Поволжья является синкретическая чирковская культура (Халиков, 1960. С. 74-137; 1969. С. 182-208; 1987. С. 136-139; Соловьев, 1991. С. 46-88; 2000. С. 25-59; Энциклопедия Марий Эл, 2009. С. 816), к которой отнесены и некоторые прикамские памятники эпохи бронзы.

Зуево-Ключевский комплекс. Республика Удмуртия, правый берег р. Камы, раскопки В.Ф. Генинга 1971?1972 гг. (Генинг, 1975. С. 217?220, рис. 1/4).

Могильник, располагавшийся вблизи юго-восточного края площадки эпонимного городища, содержал 25 подпрямоугольных и овальных могил (50-240 x 30-90 см, глубина от древней поверхности до 50 см), ориентированных по линии юго-запад – северо-восток, юго-восток – северо-запад. Частично сохранились три костяка, лежавшие вытянуто на спине или на правом боку с согнутыми ногами головой на северо-восток, юго-запад. Бедный погребальный инвентарь включал кремневые треугольно-усеченные наконечники стрел, разнообразные скребки; изготовленный из мышьяковой меди, медный «абашевский» (Денисов, Кузьминых, Черных, 1988. С. 56) нож с широким клинком, перекрестьем и ромбической пяткой черенка; обломки глиняного чашевидного тигля и пористого плавно профилированного сосуда со скошенным внутрь венчиком, мелкозубчатым «шахматным» орнаментом, дополненным рельефной «змейкой» (рис. 1/5, 14).

На соседнем мысу выявлено поселение, по мнению В.Ф. Генинга, одновременное могильнику. В культурном слое изредка встречались керамика, кремль, кости животных. Вскрыты остатки овальной землянки (6 x 4,5 м, глубина более 2 м) со ступенчатыми стенками, скоплениями углей на дне. Основная часть каменных предметов (130 экз.) представлена сколами, отщепами, чешуйками, ножевидными пластинами, нуклеидными кусками; немногочисленные орудия – грубо изготовленными скребками, ромбовидными, треугольно-черешковыми, треугольно-усеченными наконечниками стрел. Выделено 20 сосудов с примесью выщелочившихся толченых раковин, цилиндрическим и расширенным горлом, плавным, реже резким переходом шейки в плечико, плоскими, заостренными, овальными, скошенными, утолщенными воротничковыми венчиками, найдены фрагменты уплощенных днищ (рис. 1/6-7, 9-13, 16-18). Орнамент нанесен мелким гребенчатым штампом, реже насечками и овальными вдавлениями. Зональные композиции, занимающие шейку и верхнюю половину тулова, состоят из вертикальных, горизонтальных, наклонных линий, зигзагов,

Рис. 2. 1-9 – керамика вольско-лбищенской культуры (по И.Б. Васильеву и П.Ф. Кузнецову),
10-16 – керамика позднего этапа средневолжской чирковской культуры (по Б.С. Соловьеву).

«елочек», горизонтально заштрихованных равнобедренных треугольников, формованных волнистых и прямых широких валиков. Отдельные сосуды имеют абашевские черты (рис. 1/18).

Как считал В.Ф. Генинг (1975. С. 220), эти памятники, представляющие свое-

образный среднекамский вариант культуры Сеймы – Турбина, оставлены неоднородным населением, близким балановскому (чирковско-сейминскому), местному гаринско-борскому и, вероятно, абашевскому. Позднее А.Х. Халиков (1987. С. 136. Карта 27/15-16) включил их в третий – «юринский» этап чирковской культуры. Концепция сейминско-турбинской или чирковской принадлежности могильника не получила признания, В.П. Денисов, С.В. Кузьминых, Е.Н. Черных предполагают его связь с абашевскими древностями (Денисов, Кузьминых, Черных, 1988. С. 56-57; Соловьев, 2000. С. 32).

Городище Ройский Шихан. Кировская область, правый берег р. Вятки, раскопки Г.А. Архипова 1956 г. (Халиков, 1960. С. 130-131. Табл. LVII; Архипов, 1962. С. 203, табл. XLI). В нижнем горизонте раннеананьинского культурного слоя залегали немногочисленные разрозненные фрагменты крупных (диаметр горла 28-36 см) толстостенных (6-11 см) сосудов эпохи бронзы (рис. 1/1-4, 8, 15, 19). Прослежена примесь толченых раковин. Переход вертикальной или отогнутой желобчатой шейки в слабовыпуклое плечико – плавный или резкий с внутренним ребром; венчики – плоские утолщенные, округло-заостренные, скошенные внутрь. Горизонтальная резная и мелкогребенчатая орнаментация включает одинарные, сдвоенные, широкие штрихованные зигзаги; прямые линии, пространство между которыми заполнено «елочками», наклонными отрезками; опущенные вершинами вниз треугольники с вертикальной, горизонтальной, косой штриховкой; рельефные «змейки» и уплощенные бордюры. А.Х. Халиков (1960. С. 131; 1987. С. 139, карта 28/7, рис. 74/8, 10) отнес коллекцию к заключительному этапу чирковской культуры, датировав концом II – началом I тыс. до н. э.

Рассмотрим правомерность этих точек зрения.

Основные морфологические признаки подробно описанной и проанализированной чирковской посуды (Халиков, 1960. С. 110-121. Табл. LII, LV, LVI; Патрушев, 1978. С. 100-101, рис. 12, 13; Соловьев, 2000. С. 44-46, рис. 47, 49-51, 55, 57, 59; Никитин, Соловьев, 2003. С. 104-106, рис. 3, 4; Михеев, 2010. С. 282-283, рис. 4, 5; Михеев, Соловьев, 2012) выглядят следующим образом: округлое дно; цилиндрическое или раструбное, часто вздутое горло; резкий ребристый переход в плечико; разнообразные – округлые, плоские, заостренные, скошенные венчики (рис. 2/10-16). Наряду с преобладающими горшками средних и высоких пропорций известны низкие широкогорлые чаши. Типична примесь раковин. Прослеживается параллельное существование двух, как правило, не встречающихся вместе орнаментальных групп. Первая состоит из горизонтальных рядов овальных и каплевидных вдавлений (рис. 2/10, 16). Сложные зонально-геометрические гребенчатые композиции второй группы, сочетающиеся с волнистыми формованными валиками – «змейками», образованы горизонтальными и вертикальными линиями, «елочками», одинарными, многорядными, широкими заштрихованными зигзагами; прямыми и скошенными отрезками, заштрихованными прямоугольниками, изолированными, сливающимися равнобедренными и прямоугольными треугольниками, квадратами (рис. 2/11-15).

Посуду Зуевых Ключей, Ройского Шихана и поздних средневожских чирковских поселений сближают примесь ракушки, резкая профилировка части сосудов, схожие венчики и орнаментальные мотивы, в том числе, волнистые валики. Вместе с тем, налицо существенные различия. Главные из них – чирковским сосудам не свойственны плавнопрофилированные формы, утолщенный и воротничковый край

горла, плоские прямые валики, уплощенные днища. С мнением А.Х. Халикова (1960. С. 166, 184), объяснявшего своеобразие керамики бассейна р. Вятки взаимодействием с позднеприказанским населением, нельзя согласиться в виду значительного временного hiatus между срубно-андроноидными «приказанскими» и чирковскими древностями (Соловьев, 2000. С. 99). Отметим также полное отсутствие в последних кремневых треугольно-усеченных наконечников стрел (Соловьев, 2000. С. 32).

Поиски ближайших аналогий привели нас к материалам вольско-лбищенской культуры среднего бронзового века (предварительная датировка – XXV-XX вв. до н. э.), существовавшей в особой экологической нише – на Самарской Луке, юге лесостепного Заволжья, в лесистых горах Приволжской возвышенности (Васильев, Матвеева, Тихонов, 1987. С. 40-54; Васильев, 1999. С. 66-114; 2003. С. 107-115; Васильев, Кузнецов, 2000. С. 65-84; Кузнецов, 2007. С. 151-155; 2010. С. 154; Малов, Сергеева, Ким, 2009. С. 19-43; Мимоход, 2009. С. 276-278). Ее происхождение связывается с ямно-полтавкинской и западными «шнуровыми» фатьяновско-балановской, среднеднепровской, унетицкой культурами. Самые значимые памятники: поселения Лбище, Гундоровка, Вольское «Попово блюдечко», Царев курган, Лебяжинка IV, Чесноковка II; грунтовый Алексеевский III могильник; впускные захоронения курганного Тамар-Уткульского VII могильника.

Для нас представляют интерес диагностирующие признаки керамики данного типа: примесь раковины и органики; доминирование слабопрофилированных сосудов; многообразие венчиков – приотстренных, уплощенных, овальных, скошенных, воротничковых, утолщенно-валиковых; наличие плоских и уплощенных днищ; гребенчатый, реже ямочный орнамент в виде зигзагов, рядов наклонных, вертикальных, горизонтальных отрезков, «елочки» с разделителями, заштрихованных треугольников, меандра, бахромы, формованных волнистых и прямых уплощенных валиков (рис. 2/1-9). Несмотря на явные чирковские керамические «валиковые» параллели (Соловьев, 1988. С. 26; Бахарев, Овчинникова, 1991. С. 83; Васильев, 1999. С. 77; 2003. С. 110), правы исследователи, объясняющие присутствие на вольско-лбищенской посуде рельефных элементов катакомбным и позднеполтавкинским воздействием (Васильев, Кузнецов, 2000. С. 67-69; Кузнецов, 2007. С. 154; Ставицкий, 2005. С. 102). Умозрительная точка зрения С.В. Большова (2006. С. 126, рис. 7), связывающего появление вольско-лбищенских «валиковых» сосудов с сейминско-турбинским движением из Нижнего Прикамья в Самарское Поволжье, не выдерживает критики ввиду отсутствия ниже устья Камы не только некрополей, но и находок металлических изделий сейминско-турбинского облика: кельтов, наконечников копий с вильчатым стержнем, пластинчатых, ножей (Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 1, 2, 11, 21, 38. 52, 59).

Керамические аналогии дополняет наличие в зуево-ключевских и вольско-лбищенских материалах вытянутых и скорченных захоронений (Алексеевский III могильник), отчетливых абашевских проявлений, кремневых наконечников стрел с усеченным основанием, расположение поселений на высоких труднодоступных мысах (Генинг, 1975. Рис. 1/1-3, 5, 2, 1-7, 3, 5; Васильев, 1999. С. 72, рис. 25; 2003. С. 108, 110, рис. 3; Васильев, Кузнецов, 2000. С. 69).

На мой взгляд, наряду с находкой фрагментов валикового «чирковского» сосуда на городище Сорочьи горы (сборы А.М. Тальгрена, зарисовка А.Х. Халикова), Зуевы Ключи и, возможно, Ройский Шихан отражают миграцию отдельных вольско-лбищенских группировок в Прикамье. Касаясь значительного территориального

разрыва между этими и наиболее северными вольско-лбищенскими комплексами (Васильев, Кузнецов, 2000. Рис. 1), приведем высказывание И.Б. Васильева (1999. С. 75): «Вопрос о территории распространения памятников типа вольско-лбище крайне сложен из-за громадных лакун между более или менее изученными территориями». Учитывая расположение основного ядра памятников вольско-лбищенской культуры в залесенных районах Приволжской возвышенности и бассейна р. Сок (Васильев, Кузнецов, 2000. Рис. 1), появление ее носителей на юге лесной зоны не должно вызывать удивления. В этом плане показательны недавно выделенные В.В. Ставицким (2005. С. 93-110) аналогичные поселения Посурья и Примокшанья. Не исключено, что некоторые коллективы достигли Средней Вятки, где вступили в соприкосновение с восточным чирковским населением. Имеющие датировки свидетельствуют о частичной синхронности данных сообществ (Кузнецов, 2007. С. 151-155; Мимоход, 2009. С. 276-278; Соловьев, 2000. С. 25-59).

Список литературы:

Архипов Г.А., 1962. Ананьинские городища на р. Вятке // Железный век Марийского края. Труды МарАЭ. Том II. ? Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – С. 188-205.

Бахарев С.С., Овчинникова Н.В., 1991. Чесноковская стоянка на р. Сок // Древности восточно-европейской лесостепи. – Самара: СГПИ. – С. 72-93.

Большов С.В., 2006. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н. э.). – Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ. – 230 с.

Васильев И.Б., 1999. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: СГУ. – С. 66-114.

Васильев И.Б., 2003. Вольско-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары: ЧГИГН. – С. 107-115.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 2000. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: СНЦ РАН. – С. 65-84.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г., 1987. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Куйбышев: КГУ. – С. 40-54.

Генинг В.Ф., 1975. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Памятники древнейшей истории Евразии. – М.: Наука. – С. 211-220.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1988. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. – Казань: ИИЯЛИ КФАН СССР. – С. 46-79.

Кузнецов П.Ф., 2007. Вольско-лбищенская культура // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан. – С. 151-155.

Кузнецов П.Ф., 2010. Основные этапы раннего и среднего бронзовых веков Волго-Уралья во взаимосвязи с процессами культурогенеза Восточной Европы // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культу-

ры, хронология. – Уфа: БГПУ. – С. 154.

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г., 2009. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология восточно-европейской степи. Вып. 7. – Саратов: СГУ. – С. 19-43.

Мимоход Р.А., 2009. О верхней дате вольско-лбищенской культурной группы // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. – Воронеж: Научная книга. – С. 276-278.

Михеев А.В., 2001. Юльальское городище (материалам исследований 2008 года) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Йошкар-Ола: МарГУ. – С. 280-302.

Михеев А.В., Соловьев Б.С. Носельское поселение // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6. – Йошкар-Ола: МарГУ. – в печати.

Никитин В.В., Соловьев Б.С., 2003. Юринская стоянка (по раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. – Рязань: изд-во Поверенный. – С. 98-108.

Патрушев В.С., 1978. Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Вып.3. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 90-115.

Соловьев Б.С., 1988. Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Прикамье (к вопросу о сейминско-турбинском транскультурном феномене) // Этногенез и этническая история марийцев. АЭМК. Вып. 14. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 21-43.

Табл.1. Парные и коллективные погребения Среднего Поволжья

№№	А								Б								В			
	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I.	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
II.	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
III.	-	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
IV.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V.	-	-	-	2	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
VI.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
VII.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
всего	-	4	-	3	-	2	3	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	1	1	1

Аннотация к заголовкам таблицы.

I. Кураловский могильник; II. Екатериновский могильник; III. Лузановский могильник; IV. Лузановский IV могильник; V. Могильник Урень I; VI. Погребения у пос. Студёный VII. Могильник Девичий городок III. А – Двойные погребения; Б – Парные погребения; В – Коллективные погребения. 1. Двойное детское и ребёнка; 2 Двойное детское; 3 Двойное детское и подростка; 4. Двойное подростковое; 5. Двойное подростка и взрослого; 6. Двойное взрослое; 7. Двойное взрослого и ребёнка; 8. Не определено; 9. Коллективное взрослых и ребёнка; 10. Коллективное взрослых и подростка; 11. Коллективное взрослого, подростка, ребёнка; 12. Коллективное взрослое погребение.

Соловьев Б.С., 1991. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. АЭМК. Вып. 19. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 46-88.

Соловьев Б.С., 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды МарАЭ. Т. VI. – Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ. – 263 с.

Ставицкий В.В., 2005. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. – Пенза: ПенГПУ. – 146 с.

Ткачев В.В., 2005. Курганная стратиграфия и проблема относительной хронологии комплексов эпохи средней – начала поздней бронзы в Приуралье // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). АВЛ. Вып. 19. – Воронеж: ВГУ. – С. 121-128.

Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды МАЭ. Т. III. – Йошкар-Ола: Маар. кн. изд-во. – 186 с.

Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука. – 395 с.

Халиков А.Х., 1987. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука. – С. 136-139.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука. – 320 с.

Энциклопедия Марий Эл. 2009. – Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ. – 872 с.

А.С. Губин. НЕРЯДОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В погребальном обряде срубной культуры в Урало-Поволжье существует стандартный набор признаков; погребения, выходящие за рамки этого набора, относятся к нерядовым. Нерядовые погребения принадлежат к разным хронологическим периодам. Наличие таких погребений, возможно, связано с неоднородностью населения, влиянием пришлых групп.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, срубная культура, Среднее Поволжье, погребальный обряд, нерядовые погребения

A.S. Gubin

ATYPICAL BURIALS OF THE TIMBER GRAVE CULTURE OF THE MIDDLE VOLGA REGION

Burial rite of the Timber Grave culture in the Ural Volga region includes a standard set of characteristics. Burials, which go beyond this set, are considered atypical. Atypical burials belong to different chronological periods. Occurrence of such burials could be explained by the heterogeneity of population and influence of alien groups.

Key-words: archaeology, the Bronze Age, the Timber Grave culture, the Middle Volga region, burial rite, atypical burials

В погребальном обряде срубной культуры на территории Урало-Поволжья, сложился стандартный набор наиболее встречаемых признаков, указывающий на отношение погребений именно к этой культуре (Казаков, 1991. С. 99): одна могильная яма – одно трупоположение, костяк скорчен, уложен на левый бок, головой на север, допускаются некоторые отклонения к востоку, реже к западу. Основной сопровождающий материал – баночные сосуды, реже горшечные, первые чаще всего встречаются в детских погребениях. Количество сосудов варьирует от одного до трёх, последнее редко, первое чаще. Стандартное расположение сосудов – напротив черепа, рядом с руками, либо в ногах. Иной материал беден, в основном мелкие изделия из бронзы (пронизи, шилья), кости животных.

В связи с этим вызван интерес к тем признакам, которые имеют место быть в погребальном обряде срубной культуры, хотя встречаются редко. Нерядовые погребения. Под этим термином обозначаются погребения, выходящие из ряда (за рамки) набора стандартных признаков, указанных выше, и имеющих следующие черты:

1. Одна могильная яма – два трупоположения;
2. Одна могильная яма – три трупоположения;
3. Одна могильная яма – одно трупоположение + кремация;
4. Два трупоположения + кремация;
5. Кремация
6. Связывание трупа;
7. Обезвреживание трупа;
8. Вторичное погребение;
9. Кенотаф.

Для выделения этих признаков среди погребений срубной культуры на территории Среднего Поволжья была представлена серией погребальных памятников Самарской и

Таб.2. Погребения Среднего Поволжья с признаками обезвреживания.

№№	А	Б	В	Г	Д	Е
I.	-	3	6	11	2	-
II.	-	-	-	1	-	-
III.	-	-	1	-	-	-
IV.	-	-	5	-	1	-
V.	2	2	2	-	-	-
VI.	-	1	-	-	-	-
VII.	-	2	-	1	-	2
VIII.	-	-	1	-	-	1
IX.	-	-	-	1	3	-
X.	-	1	-	-	-	-
ВСЕГО	2	9	15	14	6	3

Аннотация к заголовкам таблицы.

I. Лузановский могильник; II. Лузановский IV могильник; III. Измерский XI могильник; IV. Курганы у с. Ягодное; V. Могильник Урень I; VI. Могильник Канадей V; VII. Могильник Канадей; VIII. Канадей IV; IX. Степановка III. X. Погребения у пос. Студёный. А – трупоположение + кремация; Б – кремация; В – связывание; Г – обезвреживание; Д – ингумация; Е – кенотаф.

Ульяновской областей, а также Республики Татарстан. Всего было взято тринадцать могильников, причём учитывалось наличие курганный насыпи: Лузановский, Лузановский IV могильники, курганные группы у с. Ягодное, Урень I, Канадей I, IV, V, Степановка III, Екатериновский могильники, погребения у пос. Студёный, Кураловский, Девицкий городок III, Измерский XI могильники. Было рассмотрено 40 курганных насыпей и изучено 336 погребений, 67 из которых, имели нерядовые черты.

На перечисленных могильниках, первые два признака нерядовых погребений, перечисленных выше, отмечены только в 18 (табл.1) случаях из 336, что составляет 5,3%. Чаще всего встречаются двойные погребения. Под этим определением, подразумевается захоронение в одной могильной яме двух индивидов, с расположением одного из них, лицевой частью черепа к затылку рядом лежащего костяка, либо спиной. Половозрастной состав здесь может разниться. Детские двойные погребения отмечены в четырёх случаях (1,1%), подростковые в трёх (0,8%), взрослые двойные в двух случаях (0,5%), погребения взрослого и ребёнка – три случая (0,8%).

Парные погребения были отмечены только в трёх случаях (0,8%). Под этим определением, подразумевается захоронение в одной могильной яме двух индивидов, расположенных лицевой частью черепа друг к другу. В первую очередь, это погребение взрослых индивидов, – мужчины и женщины, в могильнике у пос. Студёный (Стащенко, 2008. С. 181), подростковое парное погребение в Екатериновском могильнике (Зудина, Крамарев, 1993. С. 138), детское погребение в Лузановском IV могильнике (Лебедева, 2008. С. 196).

Коллективные погребения зафиксированы в трёх случаях (табл.1) из восемнад-

цати двойных/парных и коллективных (0,8%). Это погребение трёх взрослых индивидов в могильнике Девичий городок III (Казаков, 1991. С. 102), погребения двух взрослых и подростка в Лузановском могильнике (Васильев, 1977. С. 34), погребение взрослого, подростка и ребёнка в могильнике Урень I (автор благодарит Р.С. Багаутдинова за предоставленные материалы).

Далее, по порядку, были отмечены такие черты, как сочетание трупоположения и кремации в одной могиле (табл.2). В данном случае основной процент дал курганный могильник Урень I. Из 67 погребений этого могильника, в двух могилах фиксировалось сочетание трупоположения и кремации (Курган №1, Погр. 2). Известен случай сочетания в одном погребении захоронения по обряду ингумации и двух захоронений по обряду кремации (Курган №5, Погр. №8.) В кургане №3, этого же могильника, присутствуют отдельные погребения с кремацией – №№7,8. Три погребения с кремацией отмечено в могильнике у пос. Канадей (Багаутдинов, 1991. С. 41; Седова, 1991. С. 132). Памятники находятся в Ульяновской области. Четыре погребения, совершённых по обряду кремации, происходит с территории Самарской области: одно – с разрушаемого памятника у пос. Студёный (Сташенков, 2008. С. 187, рис. 3), три – с Лузановского могильника (Васильев, 1977. С. 41, рис. 16). Всего отмечено 11 погребений с присутствием кремации.

Погребения с признаками связывания трупа в количественном отношении занимают первое место (табл. 2). Основным показателем служат сильно скорченные костяки из погребений Лузановского могильника (Васильев, 1977. С. 35, рис. 3; С. 36, рис. 5), Измерского X, XI могильников (Губин, 2008. С.181-187), Урень I. Практически во всех погребениях присутствуют ранние черты, что выражается в нахождении керамики покровского типа. Исключением служат материалы Измерского X, XI могильников, где погребения относятся к последней четверти II тыс. до н.э. Всего отмечено 15 захоронений такого характера.

Обряд обезвреживания зафиксирован в 14 погребениях. В количественном отношении, основной материал происходит с Лузановского могильника. Примером служит погребение №1 кургана №7 (Васильев, 1977. С. 37, рис. 7). Левая малая берцовая кость скелета подростка была надпилена, а затем сломана. Кости правой ступни и нижних частей берцовых костей отсутствовали. В остальных случаях следы обезвреживания отмечены единично.

Вторичные погребения отмечены в шести случаях (Таб. 2). Здесь первое место занимает Степановский III могильник (Лифанов, Крамарев, Цибин, 2008. С. 138-141, рис. 5-8), на других некрополях следы эксгумации не многочисленны. Как отмечают исследователи некрополя Степановка III, на костяках следы зубов грызунов не отмечены, отсутствуют следы перекопов, вещи также не тронуты. В данном случае можно говорить о вторичности захоронения.

Рассматривая такой тип погребений, как кенотафы, в первую очередь, учитывалась степень сохранности костяков в других захоронениях на могильнике, где фиксировались кенотафы. Кости взрослых индивидов могли не сохраниться из-за природных факторов, например из-за кислотной или щелочной почвы. Учитывались размеры могильных ям. Маленькие ямы в оборот не принимались, так как могли содержать детские захоронения (костяки), наиболее подверженные разрушению.

Кенотафы зафиксированы только на могильнике Канадей I, IV (табл. 2). Как уже отмечалось выше, для выявления учитывались характерные особенности: размеры

могильных ям, костяков в соседних погребениях. Исходя из этого, было выявлено только 3 случая кенотафов. Кенотаф фиксируется в кургане №1 могильника Канадей IV. На древней поверхности выявлены остатки мощного кострища с включениями обожженной глины, угольков, супеси; к этому же комплексу относился бронзовый нож, найденный в норе (Зудина, 1991. С. 59). В кургане №3 могильника Канадей I отмечены два кенотафа. Костяки отсутствовали, но размеры ям подходили для взрослых индивидов.

Могильники, из которых происходили изучаемые погребения, исследователи относят к разным хронологическим этапам существования срубной культуры. В связи с этим возникает главный вопрос, касающийся нерядовых признаков в погребениях – сформировались ли они с возникновением срубных древностей, или это внешнее влияние? В основном материал происходит с Лузановского могильника, где в рассматриваемых погребениях встречается посуда андроновидного облика. Здесь же, из погребения №12 кургана №15 происходит женское головное украшение и подвески андроновского типа (Васильев, 1977. С. 42, рис. 18). Схож по материалам могильник Лузановка IV (Лебедева, 2008. С. 190-207), автор относит его к развитому этапу срубной культуры – середина второго тыс. до н.э. Основываясь на радиоуглеродном анализе материалов могильника Степановка III, исследователи выдвигают дату XVII-XVI вв. до н.э., а анализ керамики указывает на формирование общины, оставившей могильник, разными по происхождению группами населения (Лифанов, Крамарев, Цибин, 2008. С. 135). На неоднородность населения указывают погребения Екатериновского могильника, сочетающего потаповские и покровские черты (Зудина, Крамарев, 1993).

Основываясь на материалах могильника Канадей V (Багаутдинов, 1991. С. 36-58), можно говорить о сложном процессе этногенеза местного населения, включившего местные абашевские элементы, в значительной мере уже переработанные, а также пришлые андроновские. Бронзовые украшения из погребения №2 кургана №1 могильника Канадей I относятся к факту импорта из алакульской среды, где эти украшения имеют распространение в раннепетровско-алакульское время. На могильнике Канадей IV, как указывает автор, инокультурные черты отсутствуют, нет реминисценций предшествующих культур, что выявляется на анализе керамики в совокупности с погребальным обрядом. Как отмечает автор (Зудина, 1991. С. 67), население, оставившее могильник, продвинулось из северных районов Самарской области.

Материалы из районов Закамья отмечены поздними погребениями, прослеживается унификация обряда, упрощение погребального инвентаря, однако также присутствуют парные и коллективные погребения, погребения с признаками связывания (Губин, 2008. С. 182-183). Датировка бытования срубных племён в Закамье укладывается в пределы 3-й четверти II тыс. до н.э. Основываясь на этом, можно говорить о появлении нерядовых признаков на первом этапе её сложения, на основе разнородных компонентов, во второй четверти II тыс. до н.э. Во время продвижения срубных племён в районы Волго-Камья эти признаки сохраняются, поддерживаемые влиянием из алакульской культурно-исторической (КИО) общности, однако, это

явление носит не прямой характер, так как отсутствует собственно алакульская керамика на срубных памятниках Поволжья и алакульские черты в погребальном обряде. Уже на некрополях Закамья, при сохранении нерядовых черт в погребениях, сам обряд представлен унифицировано. Иными словами, на протяжении формирования и бытовании срубной культуры в Среднем Поволжье, нерядовые признаки также присутствуют, но в меньшей степени, чем в начале.

Список литературы:

Багаутдинов Р.С., 1991. Курганы бронзового века у с. Канадей // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Самара: СГУ. – С. 36-58.

Васильев И.Б., 1977. Лузановский курганный могильник // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев: Куйб. кн. изд-во. – С. 5-43.

Губин А.С., 2008. Охранно-спасательные работы у села Измери Спасского района Республики Татарстан // Материалы четвёртой научной конференции, посвящённой учёному и краеведу С.Л. Сытину. – Ульяновск: Корп. техн. продв-я. – С. 181-187.

Зудина В.Н., 1991. Курганный могильник Канадей IV // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Самара: СГУ. – С. 59-75.

Зудина В.Н., Крамарев А.И., 1993. Могильник эпохи бронзы у с. Екатериновка / Археологические исследования в Поволжье. – Самара: СГУ. – С. 128-155.

Казаков Е.П., 1991. Срубные могильники Закамья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Самара: СГУ. – С. 99-111.

Лебедева (Овчинникова) Н.В., 2008. Новые археологические исследования у села Лузановка // Актуальные проблемы Урала и Поволжья. – Самара: СГПУ. – С. 190-207.

Лифанов Н.А., Крамарев А.И., Цибин В.А., 2008. Исследование курганного могильника Степановка III в 2006 году // Актуальные проблемы Урала и Поволжья. – Самара: СГПУ. – С. 123-142.

Седова М.С. 1991. Курганный могильник на юге Ульяновской области // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Самара: СГУ. – С. 130-146.

Сташенков Д.А., 2008. Погребения эпохи бронзы в посёлке Студёный // Актуальные проблемы Урала и Поволжья. – Самара: СГПУ. – С. 179-189.

Исследования проведены при частичной поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (грант № 07-06-00169)

© *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисьяметдинова А.А., 2012*

**А.В. Лыганов, М.Ш. Галимова, Д.Г. Бугров, И.В. Аськеев, Л.В.
Мельников, А.А. Хисяметдинова**

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ
НОВОГО ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА
КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ**

Культурный слой стоянки Пестречинская IV, захороненный под толщей отложений высокого половодья, хорошо сохранился, и памятник стал опорным для комплексного изучения с применением ряда естественнонаучных методов. Археологические исследования позволяют сделать вывод о том, что стоянка заселялась неоднократно: в энеолите «новоильинским» населением, а в эпоху поздней бронзы носителями займищенской и текстильной керамики. В результате геолого-геоморфологических исследований установлено, что в период функционирования стоянки в долине р. Мёша существовало проточное озеро, слив из которого происходил в районе стоянки, что делало ее удобным местом для рыбной ловли. По археозоологическим данным, обитатели стоянки занимались также охотой и животноводством.

Ключевые слова: археология, эпоха раннего металла, Казанское Поволжье, стоянка, комплексные исследования

**A.V. Lyganov, M.Sh. Galimova, D.G. Bugrov, I.V. Askeev, L.V. Melnikov, A.A.
Khisyametdinova**

**PRELIMINARY RESULTS OF COMPLEX EXAMINATION OF NEW SITE OF THE
EARLY IRON AGE IN THE KAZAN VOLGA REGION**

Cultural layer of the Pestrechinskaya IV site, buried under the stratum of deposits from high water, was preserved in a good way and became a major site for complex examination by means of a range of scientific methods. Archaeological research shows that the site had been populated more than once: in the Eneolithic Era by the "Novoiyinsk" population, and in the late Bronze Age – by the bearers of the Zaimischenskaya and textile pottery. Geological and geomorphological examination shows that at the time the site was in use there was a flowing water lake in the valley of the Myesha River. Water drain was located near the site, which made it convenient for fishing. According to the archaeozoological data the inhabitants of the site were also into hunting and stock-breeding.

Key-words: archaeology, the Early Iron Age, the Kazan Volga region, site, complex examinations

Пестречинская IV стоянка открыта в 2008 г. К.Э. Истоминым при участии М.Ш. Галимовой и А.В. Лыганова в ходе исследований, проводимых разведочным отрядом Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (ИИ АН РТ) в районе Пестречинского торфяника в нижнем течении р. Мёша, правого притока Камы. Стоянка находится на правом берегу реки, на восточной оконечности п.г.т. Пестрецы. Поскольку ее культурный слой оказался захоронен под толщей отложений высокого половодья и достаточно хорошо сохранился, стоянка была выбрана опорным памятником для комплексного изучения с применением ряда естественнонаучных методов. Исследования памятника были начаты в 2009 г. в рамках проекта РФФИ «Первобытный человек и природная среда в Волго-Камье: методические аспекты реконструкции природопользования и хозяйственной деятельности в голоцене» (2007-09 гг.), который выполнялся археологами ИИ АН РТ с участием специалистов естественных наук (Археология и естественные науки... 2011. С.3-16). В мысовой части стоянки А.В. Лыгановым при участии М.Ш. Галимовой был заложен разведочный раскоп площадью 26 кв.м. В 2011 г.

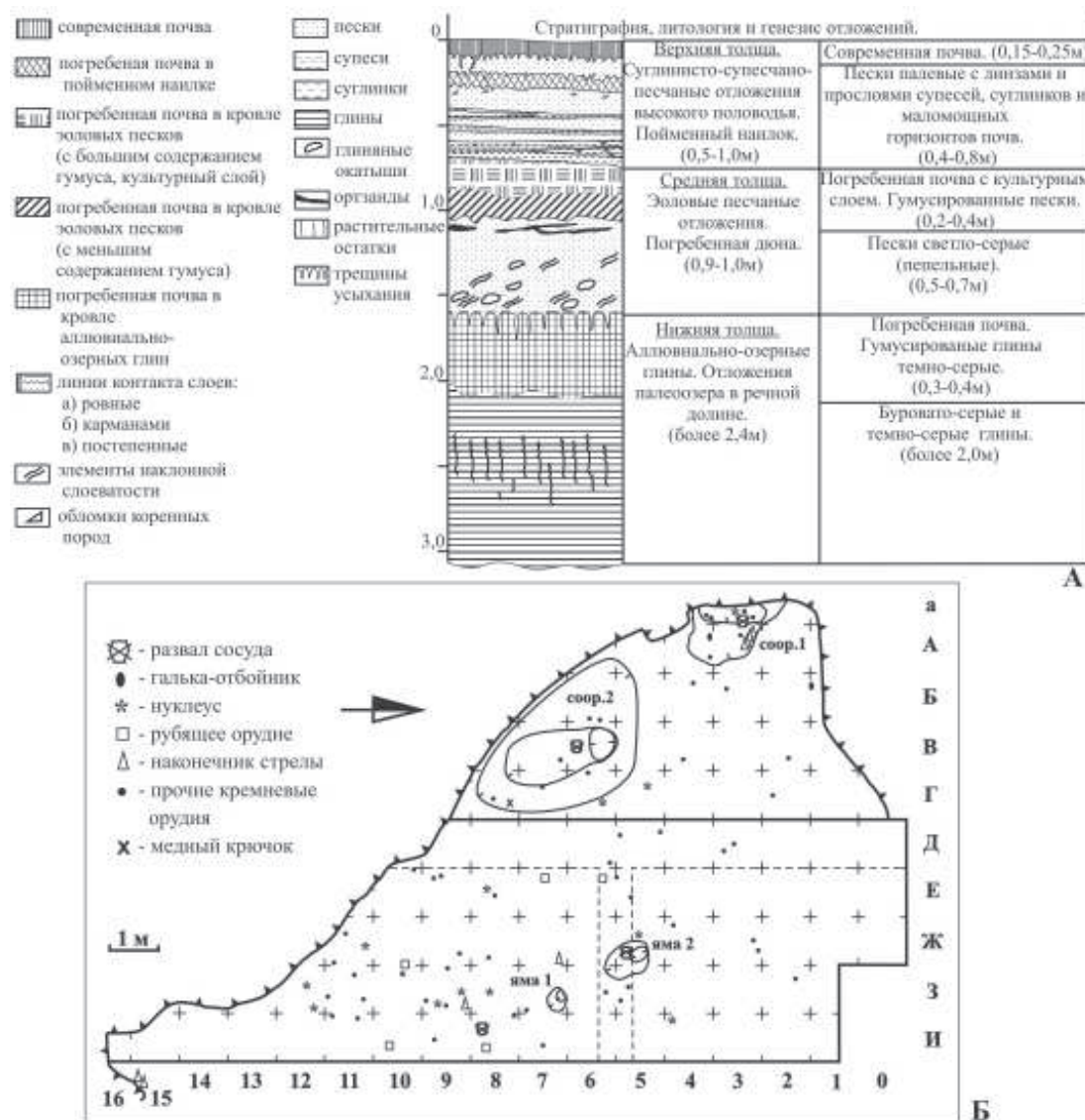

Рис.1. Сводный геологический профиль (А) и план раскопа (Б) Пестречинской IV стоянки.

исследования стоянки продолжились под руководством М.Ш. Галимовой при участии Д.Г. Бугрова и А.В. Лыганова. В целом на стоянке вскрыто 87 кв.м.

Данные геологии, геоморфологии и почвоведения. Стоянка располагается на крайней северной оконечности останца высокой поймы, под прикрытием коренного склона. Памятник разрушен эрозией реки и современной хозяйственной деятельностью. На данном участке долины р. Мёша в поперечном профиле наблюдается асимметрия: на левом борту развиты неоплейстоцен-голоценовые террасы высотой от 40 до 7 м, на правом имеет место только 7-метровая терраса, к которой и приурочена стоянка. К югу, вверх по течению реки поле развития этой террасы расширяется, образуя обширную зону аккумуляции. К западу, вниз по течению, река на протяжении 1-1,5 км подмывает крутой коренной склон. По литологии, цвету и генезису осадков разрез террасы в пределах вскрытой раскопками части подразделяется на

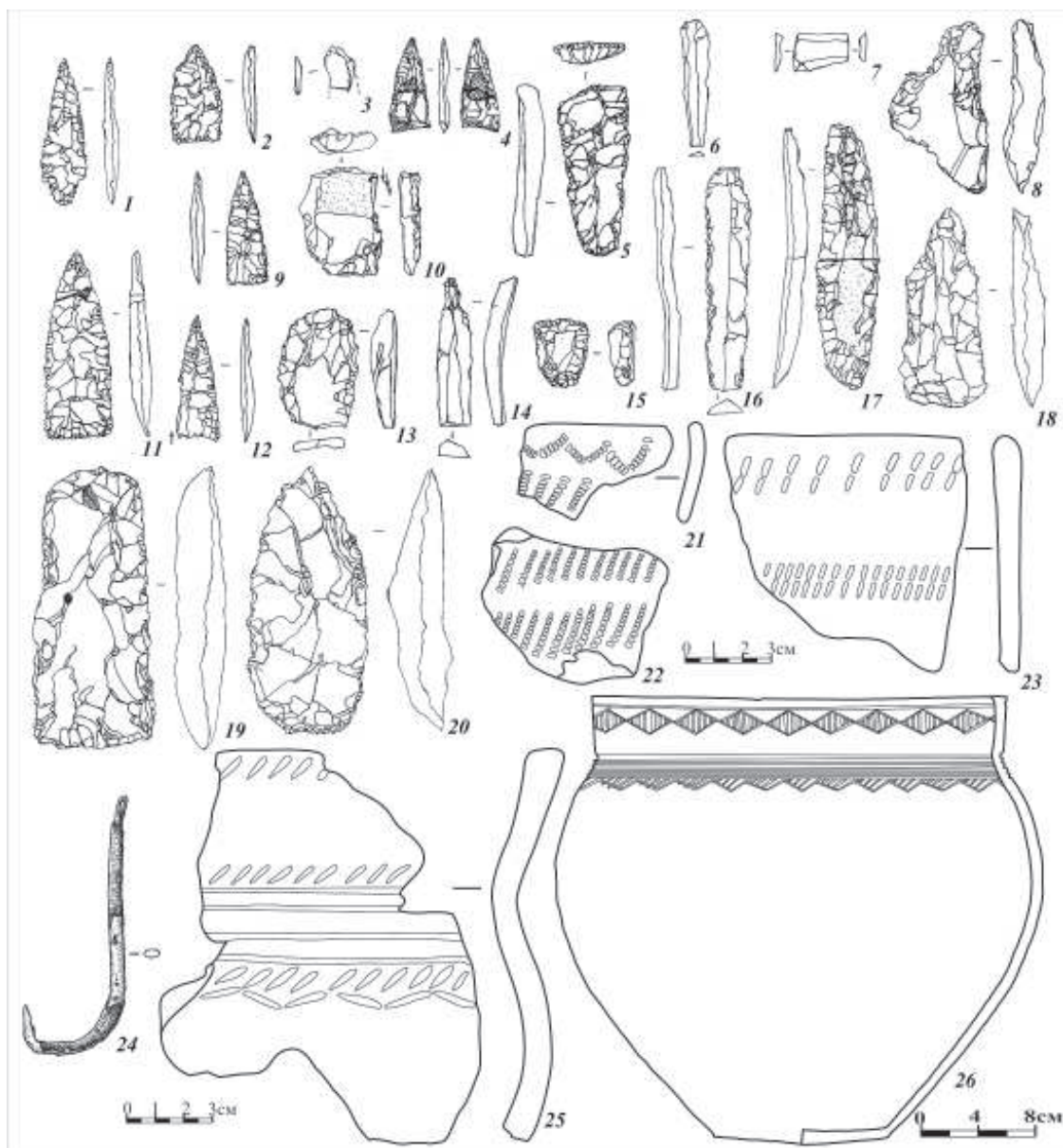

Рис.2. Находки из раскопа Пестречинской IV стоянки. Кремневые орудия – 1-20; керамика – 21-23, 25, 26; медный крючок – 24.

три толщи, отражающие три стадии осадконакопления, каждая из которых завершалась формированием характерной почвы (рис.1/А).

Нижняя толща сложена запесоченными глинами буровато-серого и тёмно-серого (почти сизого) цвета, пронизанными по вертикали корнями водной растительности, практически полностью замещёнными гумусом. Вскрытая мощность отложений составляет 2,4 м. Генезис осадков – аллювиально-озёрный, вероятно, это отложения застойного старичного озера, хотя, возможно, накопление донных осадков происходило в заводи проточного озера. Толща в кровле венчается погребенной почвой тёмно-серого (почти чёрного) цвета мощностью 0,3-0,4 м. На контакте с перекрывающими отложениями наблюдается вертикальная полосчатость клиновидной формы. «Клинья», сформированные песчаным материалом вышележащей

толщи, имеют ширину 0,1-1 см, глубину 5-10 см и расположены друг от друга на расстоянии от 2-3 до 7-10 см. Вероятно, образование этих структур связано с усыханием грунта. Строение данной почвы и её положение в разрезе высокой поймы обнаруживает черты сходства с самой древней (третьей) погребённой почвой р. Бизия (правый приток р. Улемы), возраст которой по С14 – 6780 ± 70 лет (КИГН-363) (Курбанова, 1991). Табл. 1 Распределение типов керамики по пластам.

Пласт	Новоильинская	Волосово-гарино	Займище	КТК	Неопределенная	Всего
6 пласт	14			3	13	30
7 пласт	72	11	8	13	73	177
8 пласт	45	6	49	2	57	159
9 пласт	23		8		77	108
Соор.1	6		165		9	180
Соор.2.	14		13		43	70
Всего	174	17	243	18	288	724

банова, 1991).

Средняя толща сложена светло-серыми (белёсыми) песками – отложениями погребённой дюны, мощностью 0,9-1 м. В верхней части толщи сформировалась погребенная почва, имеющая двучленное строение: верхняя почва (10-20 см), вмещающая культурный слой, с большим содержанием гумуса, в нижней почве (10-30 см) содержание гумуса меньше. Кровля почвы уплотнена на глубину 10-12 см, благодаря чему контакт с вышележащей толщей резкий, отчётливый, без следов размыва. Видимо, уплотнение и большая гумусированность верхней части данной погребенной почвы связаны с жизнедеятельностью обитателей стоянки.

Верхняя толща сложена переслаиванием суглинистых, супесчаных и песчаных отложений светло-коричневого (палевого) цвета мощностью 0,5-1 м. Характерной особенностью толщи является хорошо выраженная тонкая горизонтальная слоистость, включения неокатанных обломков коренных пород, наличие гумусированных слоёв (маломощных горизонтов палеопочв) и современной почвы. По генезису это осадки высокого половодья – пойменный наилок. Возраст наилка, по данным геоморфологов Казанского университета В.И. Мозжерина и С.Г. Курбановой, укладывается в интервал 30-700 лет. По их мнению, отложения пойменного наилка на достаточно высоких террасах связано с хозяйственной деятельностью человека в Новое время, когда была осуществлена масштабная вырубка лесов и распашка земель, что привело к значительному увеличению объёма половодий, увеличению их высоты и возрастанию твёрдого стока (Курбанова, 1991; Мозжерин, Курбанова, 2004). Дата формирования наилка подтверждается находкой в раскопе монеты 1811 г., залегавшей в подошве верхней толщи.

В результате палеопочвенных исследований выяснилось следующее. В разрезе стоянки наблюдаются сопряженные профили почв, представленные тремя типами. 1) дерново-слоистая почва, связанная с паводковыми осадками (верхняя толща); 2) светло-серая лесная погребенная почва, в которой содержится культурный слой (средняя толща); 3) темноцветная луговая погребенная почва (нижняя толща) (Фаткуллин, 1968; Розанов, 2004. С.95). В профилях погребенных почв установлено два максимума накопления органического вещества, связанных с формированием гумусовых горизонтов: 3,5% в светло-серой лесной (средняя толща, культурный слой) и

Табл.2 Результаты исследования остеологического материала.

Класс, Вид	Кол-во костных остатков, экз.	Минимальное кол-во особей	Соотношение вида (группы) в коллекции, %
<u>Костные рыбы</u>	2	2	1,4
1. Русский осётр (<i>Acipenser gueldenstaedtii</i>)	1	1	0,7
2. Стерлядь (<i>Acipenser ruthenus</i>)	1	1	0,7
Млекопитающие	138	121	98,6
1. Речной бобр (<i>Castor fiber</i>)	7	7	5
2. Заяц-беляк (<i>Lepus timidus</i>)	1	1	0,7
3. Домашняя собака (<i>Canis familiaris</i>)	2	2	1,4
4. Волк (<i>Canis lupus</i>)	1	1	0,7
5. Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	2	2	1,4
6. Рысь (<i>Lynx lynx</i>)	1	1	0,7
7. Домашняя свинья (<i>Sus scrofa f. domestica</i>)	8	7	5,7
8. Лось (<i>Alces alces</i>)	30	30	21,4
9. Сибирская косуля (<i>Capreolus pygargus</i>)	3	2	2,1
10. Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i>)	5	4	3,6
11. Домашняя овца (<i>Ovis aries</i>)	13	7	9,3
12. Домашняя коза (<i>Capra hircus</i>)	1	1	0,7
13. Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	37	32	26,4
14. Туп (<i>Bos primigenius</i>)	1	1	0,7
Неопределимые костные остатки представителей отряда парнокопытных (<i>Artiodactyla</i>)	8	8	5,7
15. Домашняя лошадь (<i>Equus caballus</i>)	18	15	12,8
ВСЕГО	140	123	100

1,6% в темноцветной луговой.

Культурный слой стоянки приурочен к верхнему горизонту светло-серой лесной погребенной почвы, он представлен плотной темно-серой супесью мощностью 40-60 см. Большая часть находок сконцентрирована в южной и западной частях раскопа (рис.1/Б). Выявлено разрушенное обрывом сооружение №1 глубиной 15-20 см, где найдены четыре кремневых (обоженных?) наконечника (рис.2/1,4), залегающие попарно друг над другом. Здесь же найден крупный развал плоскодонного сосуда с цилиндрической шейкой займищенского типа (рис.2/26), предположительно большого процента «пористой» керамики и полного исчезновения «пережитков» керамических традиций неолита, что выражается в изменении форм венчиков.

Керамика позднего бронзового века представлена посудой займищенского типа и текстильной керамикой (табл.1). Займищенская керамика (243 экз., 31%) представ-

лена в основном развалами сосудов из сооружений (рис.2/26). Вне сооружений один развал происходит из верхней части культурного слоя (рис.2/25). Это характерные плоскодонные горшки с выраженной и относительно высокой прямой или слегка отогнутой шейкой, переходящей в слабо раздутое тулово. Аналогии им можно найти в памятниках Среднего Поволжья, например, на Займищенской III (Халиков, 1980. С.68, табл.22) и Ошутьяльской III (Соловьев, 2000. С.80, рис.68/11-14) стоянках. Орнамент состоит из прочерченных линий, гладкого и мелкого гребенчатого штампа. По срезам венчиков также нанесен гребенчатый орнамент. Несмотря на неоднозначность понятия «приказанская культура», ее займищенский этап с характерным типом керамики уверенно датируется XVI-XV вв. до н.э. по аналогиям со срубно-абашевскими памятниками того же времени (Соловьев, 2000. С.89).

Наиболее поздней из представленных на стоянке является текстильная керамика. Было выявлено 18 фрагментов (2%) с ямками по шейке и характерными текстильными отпечатками. Керамика этого типа в сильно фрагментированном виде встречается преимущественно в юго-восточной части раскопа. Появление культуры текстильной керамики в Казанском Поволжье можно датировать временем не позднее XII в. до н.э., синхронизируя ее с атабаевским этапом приказанской культуры (Соловьев, 2000. С.91-92). Верхняя хронологическая граница культуры текстильной керамики уходит в начало раннего железного века.

Распределение типов керамики по пластам (табл. 1) свидетельствует о том, что культурный слой стоянки сильно перемешан, что не позволяет выявить хронологические горизонты на стоянке.

Каменный инвентарь разнообразен по материалу: 1) темно-коричневый пестроцветный кремнь высокого качества, сырьем для которого, судя по размерам пренуклеусов, были небольшие конкреции диаметром 3,5-5 см; 2) серый кремнь среднего качества, вероятная форма сырья – крупные конкреции; 3) окремнелый известняк и доломит; 4) красно-коричневый кварцит.

Общее число каменных артефактов из раскопов – 231 экз., в том числе, 9 галек-отбойников и ретушеров, 2 нуклевидных куска, 1 фрагмент нуклеуса, 8 нуклеусов в начальной стадии расщепления (в том числе один микронуклеус), 13 аморфных случайных сколов и осколков, 6 крупных осколков и фрагментов сколов, 38 чешуек и мелких фрагментов, 48 коротких сколов подправки, 27 отщепов, 5 длинных аморфных сколов подправки, 8 целых и 11 фрагментов пластин и 61 изделие с вторичной обработкой (орудие). Из сколов без вторичной обработки 45 экз. имеют на краях следы работы: пластины и отщепы с острым концом – разделочные ножи (рис.2/6-7); проксимальные фрагменты пластин – сломанные рукояти орудий; отщепы – скобели, резцы; на углах фрагментов пластин и отщепов – резчики.

Среди морфологически выраженных орудий представлены: рубящие орудия – 5 бифасов из окремнелого известняка (рис.2/18-20) и 5 грубых орудий из кремня – «чопперы» на фрагментах конкреций и топоры на пренуклеусах; наконечники стрел – небольшие тонкие бифасы (9 экз.) (рис. 2/1-2, 4, 9, 11-12) и чешуйка-вкладыш наконечника стрелы с краевой ретушью (рис.2/3); скребки для скобления шкуры и дерева (15 экз.) – концевые и боковые многолезвийные, угловой и стрельчатый (рис.2/5,13,15); резцы ретушные и на сломе пластин (6 экз.) (рис.2/10); ножи-«ложкари» (3 экз.) – полифункциональные орудия по дереву на массивных узких пластинах (рис.2/14,17); ножи (9 экз.) – пластины и отщепы с ретушированными краями

(рис.2/16); сверла на узких пластинах (2 экз.); индивидуальные формы орудий (6 экз.), в том числе, заготовка фигурного кремня в начальной стадии (рис.2/8).

В раскопе каменные орудия распределены относительно равномерно (рис.1/Б). Исключение составляет небольшое скопление, по-видимому, заготовок орудий и слабо утилизированных сколов (19 предметов), залежавших под развалом сосуда в сооружении №1. Хотя кремневый инвентарь включает достаточно выразительные типы орудий – наконечники стрел вытянутой листовидной формы с усеченным основанием, наконечник с округлым черешком, скребки, ножи, рубящие орудия и т.д., но данные типы бытуют широко и не могут быть однозначно связаны с выявленными комплексами керамики. В целом морфология кремневого инвентаря раскопа соответствует широкому хронологическому интервалу стоянки от энеолита до позднего бронзового века.

Среди артефактов стоянки выявлено также одно костяное орудие – нож из ребра животного, приостренного по одному краю.

Металлические изделия представлены медным крючком (рис.2/24) и небольшим фрагментом медного изделия неизвестного назначения. Крючок на основании аналогий в приказанских древностях (Халиков, 1980. С.89, табл.48, 10-13) может быть отнесен к эпохе поздней бронзы.

Остеологический материал распределен по площади раскопов равномерно, преимущественно на первых трех пластах культурного слоя, в заполнении сооружений его не зафиксировано. Анализ костных фрагментов из раскопа 2009 г. (46 экз.) показал наличие 26 определимых костей от 12 видов двух классов позвоночных животных: костных рыб (1 экз. костей, 3,8% от всей остеологической коллекции) и млекопитающих (25 – 96,2%); последние принадлежат 7 диким и 4 домашним видам. Все костные остатки являются т.н. «кухонными остатками» с высоким коэффициентом раздробленности – от 95% до 5% от полного размера кости (в среднем 65%). До 30% костей несут следы разделывания (рубки, резки и пр.). Анализ сохранности и соотношение в остеологической коллекции элементов от разных отделов скелета, следы разделки на костях демонстрируют преимущественно мясной характер использования как диких, так и домашних млекопитающих. Находка остатков крупной по размеру рыбы (русский осетр более 1 м в длину), а также медного крючка на крупную рыбу может свидетельствовать о значительных рыболовных навыках жителей стоянки.

Видовой состав животных предполагает приуроченность стоянки к лесным массивам и пойме реки.

Выводы. Пестречинская IV стоянка представляет собой поликультурный памятник эпохи раннего металла. Керамический комплекс отражает проживание на территории стоянки носителей культур эпохи энеолита и поздней бронзы. К сожалению, раскопками 2009-11 гг. не удалось стратиграфически разделить разновременные комплексы находок ввиду смешанного характера культурного слоя. Можно говорить о том, что стоянка заселялась неоднократно: в энеолите «новоильинским» населением, а в эпоху поздней бронзы носителями займищенской и текстильной керамики.

В результате геолого-геоморфологических исследований в районе стоянки установлено, что в период её функционирования в долине р. Мёша существовало проточное озеро, образовавшееся в результате внутреннего провала (карста?). Слив из него происходил в районе стоянки, что делало ее удобным местом для рыбной ловли, где в весенний нерест можно было перегораживать протоку сетями или запорами. Кроме того, участок защищен коренной террасой от северных ветров, что созда-

вало комфортные условия для проживания.

По археозоологическим данным обитатели стоянки занимались также охотой и животноводством. О зарождении животноводства в Волго-Камье в энеолите у исследователей нет единого мнения: одни полагают, что зачатки животноводства появились уже в финале неолита, и в энеолите оно было достаточно развито (Петренко, 2007. С.25-31), другие считают, что в энеолите у населения региона отсутствовали условия для перехода к производящему хозяйству (Наговицын, 1987а. С.29). Найденные на многослойной стоянке Сауз II отдельные кости коровы, лошади, свиньи исследователи памятника, в отличие от А.Г. Петренко, не склонны связывать с новоильинским (флажковым) комплексом (Выборнов, Овчинникова, 1981. С.49). Вместе с тем, в регионе известна единственная находка кости крупного рогатого скота в закрытом энеолитическом комплексе – погребении 128 Мурзихинского II могильника (Чижевский, 2008. С.367). В эпоху поздней бронзы в крае уже существовало развитое животноводство (Петренко, 2007. С.34-40). И, хотя археозоологические данные по памятникам займищенского типа практически отсутствуют, авторы предполагают связь останков домашних животных из Пестречинской IV стоянки, в первую очередь, с займищенским культурным слоем.

В перспективе предполагается продолжить геолого-геоморфологические изыскания на территории Пестречинской IV стоянки, а также аналитические почвенно-химические, палеоботанические и литологические исследования, анализ фаунистических остатков и трасологическое изучение каменного инвентаря, что поможет пролить свет на весьма слабо изученные первобытные древности южной части Волго-Вятского междуречья.

Список литературы:

Археология и естественные науки Татарстана. Кн.4. – Казань: ИИ АНРТ, 2011. – С.3-16.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С., 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: КГПИ. – С.3-23.

Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1984. Поселение Сауз I в устье реки Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев: КГПУ. – С.3-21.

Выборнов А.А., Овчинникова Н.В., 1981. Итоги изучения поселения Сауз II (1980г) // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: КГУ. – С.33-52.

Габяшев Р.С., 1978. Второе Татарско-Азиебейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. – С.40-66.

Габяшев Р.С., 1981. Итоги раскопок III Русско-Азиебейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. – С.11-24.

Курбанова С.Г., 1991. Палеогеографическое значение погребённых почв пойм малых рек бассейнов Вятки и Средней Волги // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил Нечернозёмного Урала. – Пермь: ПГУ. – С.118-122.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., 2009. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. № 2. – Казань. –

С. 33-37.

Мельничук А.Ф., 2011. Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. Вып.1 (15). – Пермь: ПГУ. – С.22-36.

Мозжерин В.И., Курбанова С.Г., 2004. Деятельность человека и эрозионно-русловые системы Среднего Поволжья. – Казань: Изд-во «Арт Дизайн». – 128 с.

Наговицин Л.А. 1984. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск: УДИИЯЛ. – С.89-123.

Наговицын Л.А., 1987а. О хозяйстве населения Вятского края в эпоху энеолита // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск: УДИИЯЛ. – С.26-43.

Наговицин Л.А., 1987б. Поселение юртиковской культуры Усть-Лудяна II и Аркуль III на р.Вятке. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск: УДИИЯЛ. – С.44-69.

Петренко А.Г., 2007. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Археология евразийских степей. Вып.3. – Казань: ИИ АН РТ. – 144 с.

Розанов Б.Г., 2004. Морфология почв. – М.: Акад. Проект. – 431 с.

Соловьев Б.С., 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – 264 с.

Фаткуллин А. Ш., 1968. Почвы пойм малых рек Татарии. – Казань: Изд-во Каз. ун-та. – 204 с.

Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура // Свод археологических источников. Вып. В1-24. – М.: Наука. – 129 с.

Чижевский А.А., 2008. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. – М.: ИА РАН. – С.367-370.

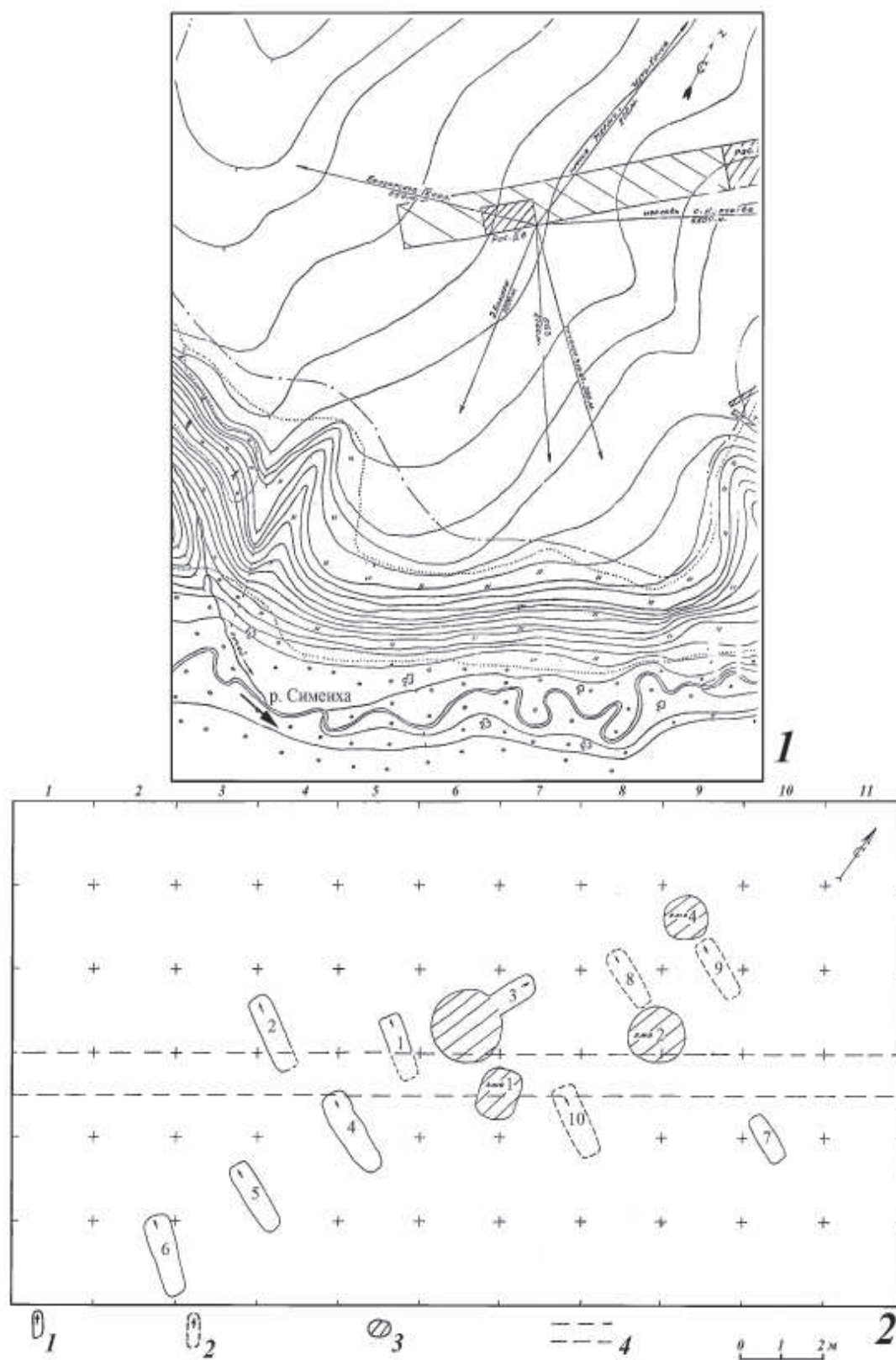

Рис. 1. Могильник Протасы. 1. План памятника; 2. План раскопа: 1. Очертания погребений. 2. Очертания разрушенных погребений. 3. Очертания культовых ям. 4. Створ строящейся дороги.

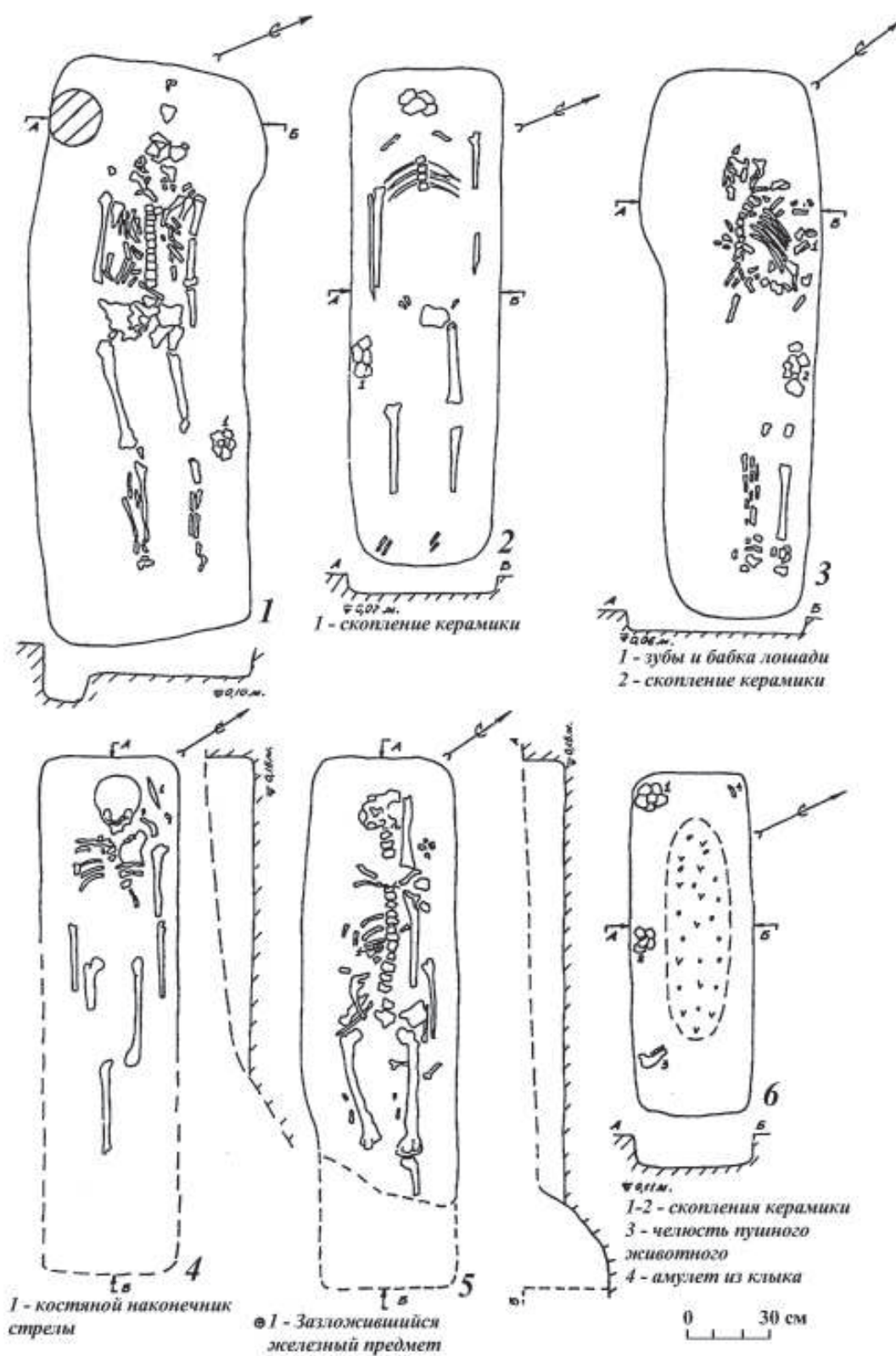

Рис. 2. Могильник Протасы. Планы погребений. 1. Погребение №4; 2. Погребение №5; 3. Погребение №6; 4. Погребение №1; 5. Погребение №2; 6. Погребение №7.

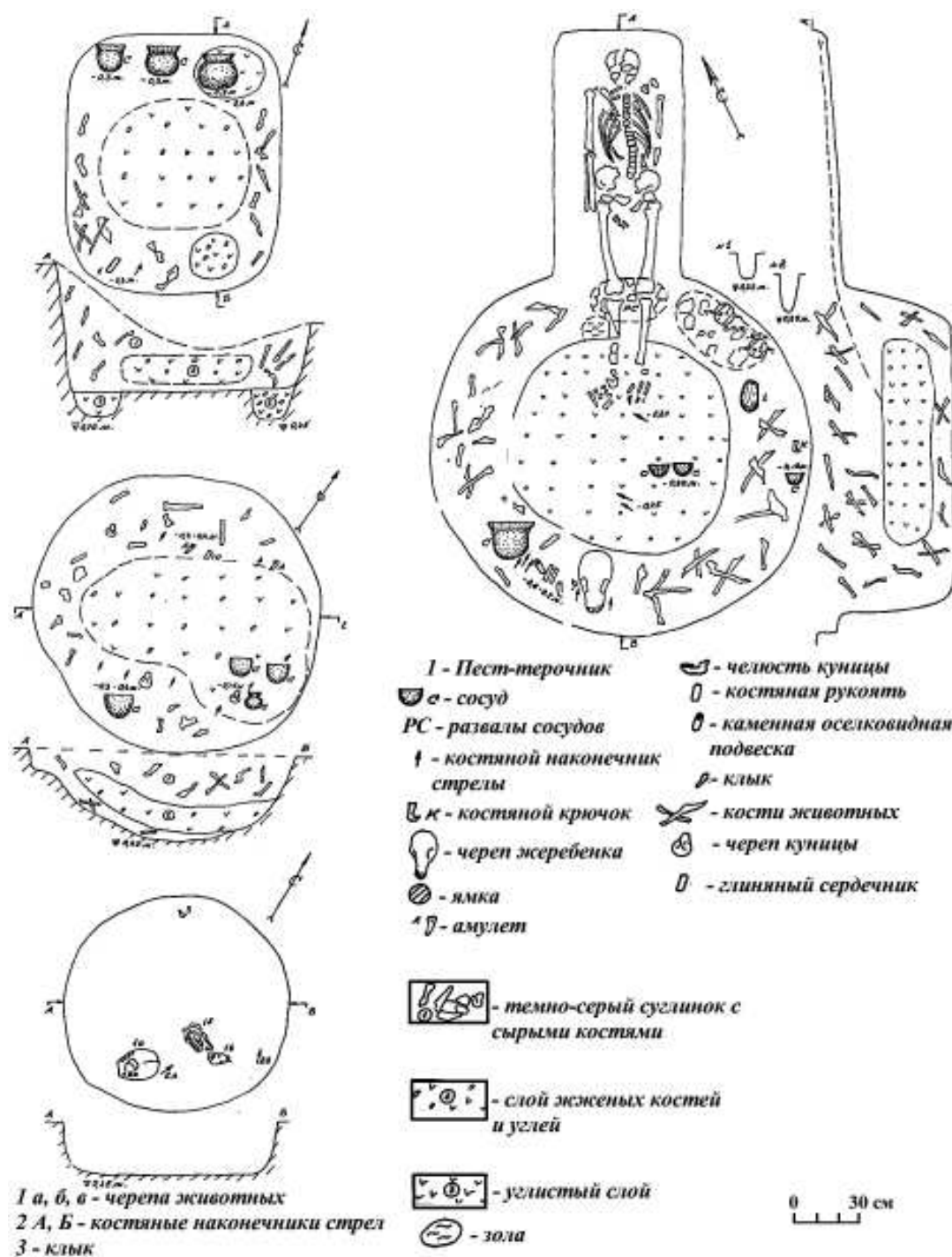

Рис. 3. Могильник Протасы. 1. Жертвенная яма №1; 2. Погребение №3; 3. Жертвенная яма №3; 4. Жертвенная яма №4.

С.Н. Коренюк. МОГИЛЬНИК «ПРОТАСЫ»

В статье вводятся в научный оборот материалы нового могильника, относящегося к переходному периоду от ананьинской культуры к гляденовской, который был обнаружен в процессе

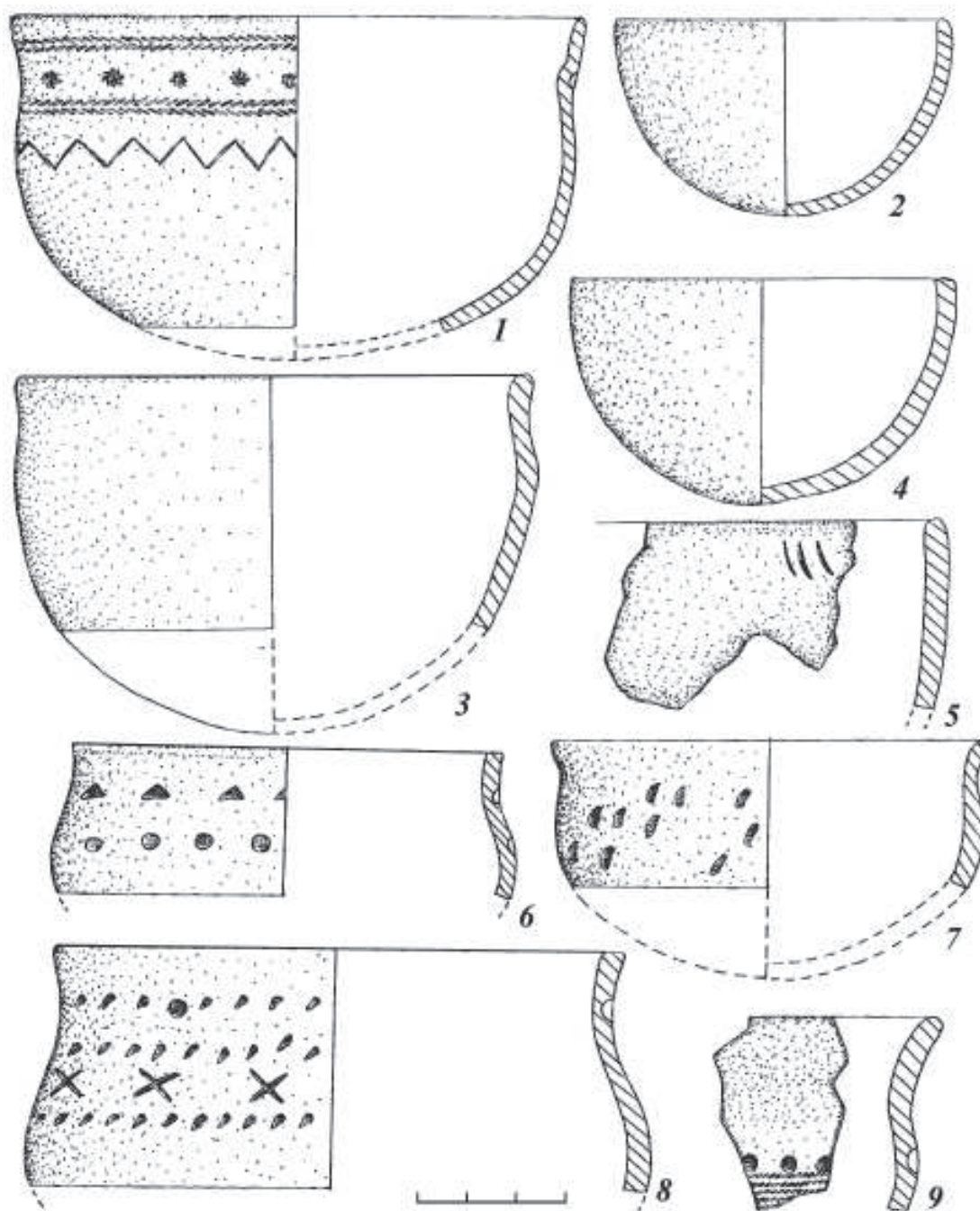

Рис. 4. Могильник Протасы. Керамика. 1-4. Яма №3; 5-9. Яма №1.

строительства дороги в п. Протасы. Изучено 10 погребений и ямы с интересными жертвенно-поминальным комплексами, включающими кости животных, керамическую посуду и вещевой материал.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, ананьинская культура, гляденовская культура, переходный период, могильник, Пермский край

S.N. Korenyuk
THE "PROTASY" BURIAL GROUND

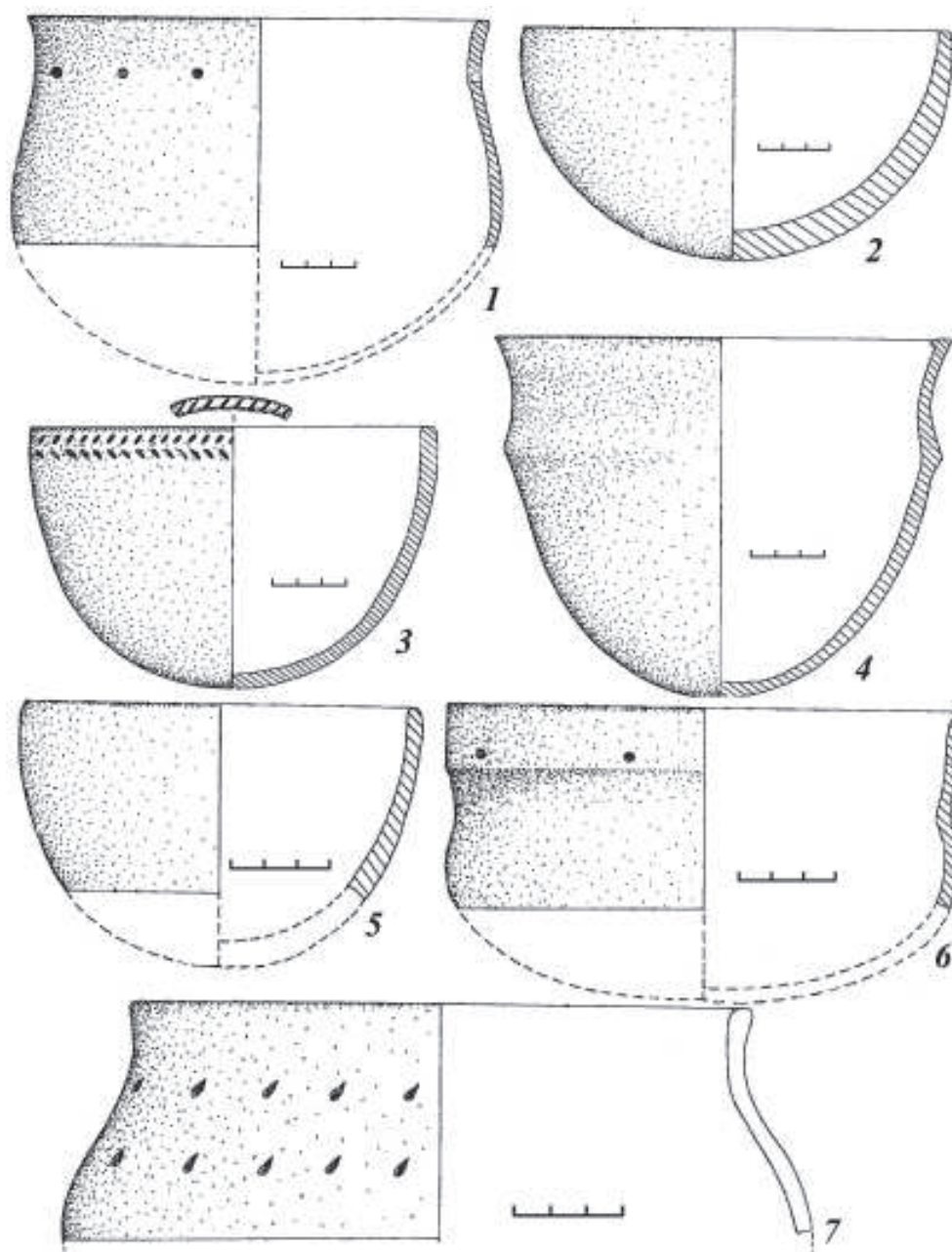

Рис. 5. Могильник Протасы. 1. Яма №4; 2-3. Погребение №7; 4, 6; Яма №3; 5, 7. Яма №1.

Material from the new burial ground, which belongs to the transition period between the Ananyinskaya and Glyadenovskaya cultures and was discovered during the construction of a road in the settlement of Protasy, is being introduced into scientific research. 10 burials and pits with interesting sacrificial and memorial complexes, which included animal bones, pottery and artifacts, were examined.

Key-words: archaeology, the Early Iron Age, the Ananyinskaya culture, the Glyadenovskaya culture, transition period, burial ground, Perm Krai

Могильник Протасы был открыт отрядом КАЭ ПГУ под руководством С.Н. Коренюка в августе 1993 г. во время раскопок Болгарского VIII селища позднего этапа

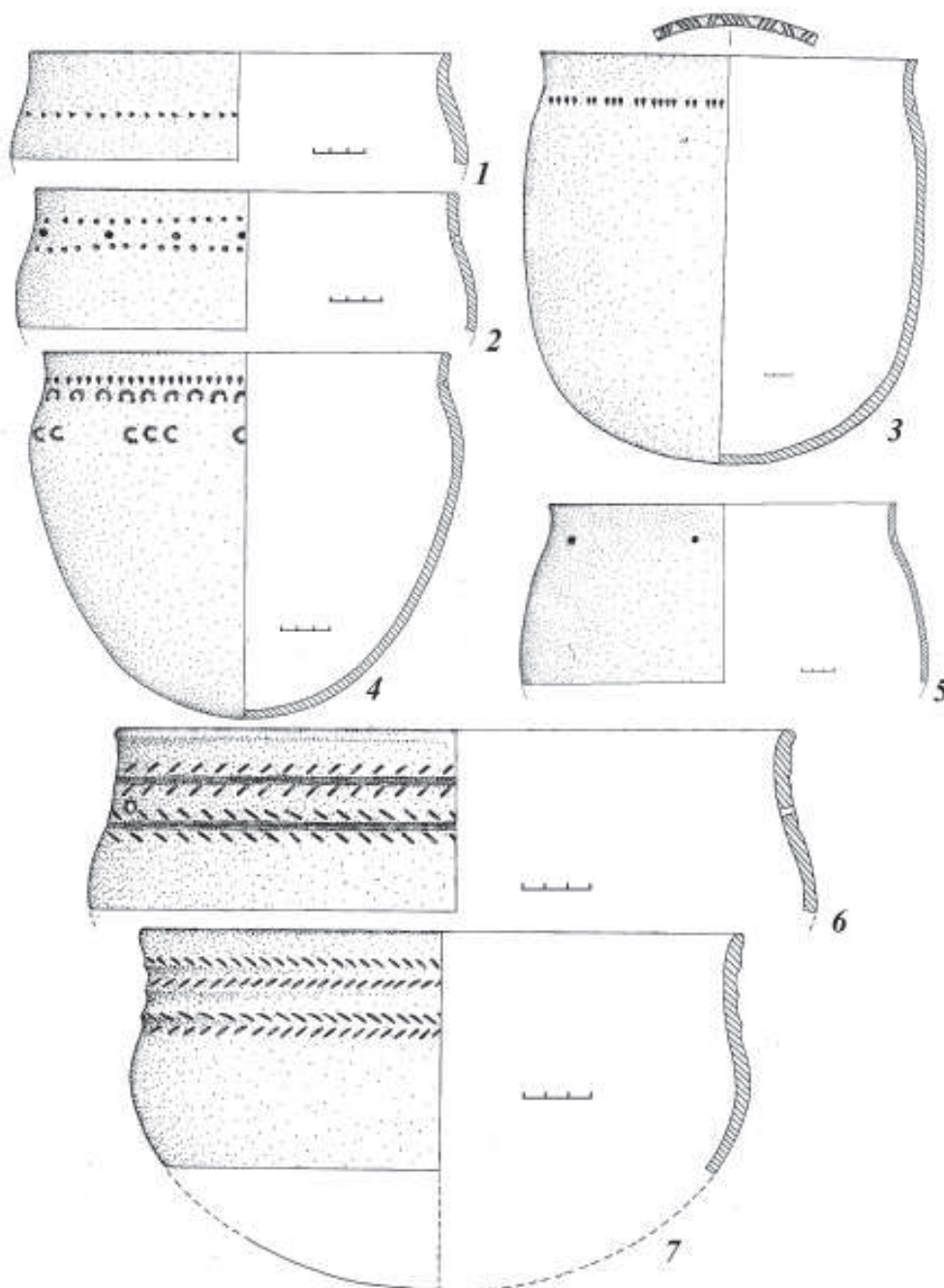

Рис. 6. Могильник Протасы. 1. Яма №2; 2. Яма №4; 3-5. Яма №1; 6-7. Яма №3.

гляденовской культуры.

Могильник расположен в 2 км к северу от д. Болгары Пермского района Пермского края и 0,9 км к юго-западу от шоссе Пермь-Усть-Качка. Памятник занимает мыс, образованный впадением безымянного ручья в р. Симеиху, которая является левым притоком р. Сарабаихи. Площадь селища ограничена с севера и востока обширным логом, заросшим еловым лесом с запада, юго-востока и юга – краем террасы и руслом ручья; с запада – также обширным логом с протекающим по дну ручьем, который впадает в основной водосток. Высота площадки селища над ручьем 15-20 м, она полого поднимается по направлению от края террасы к северо-западу. В настоящее время

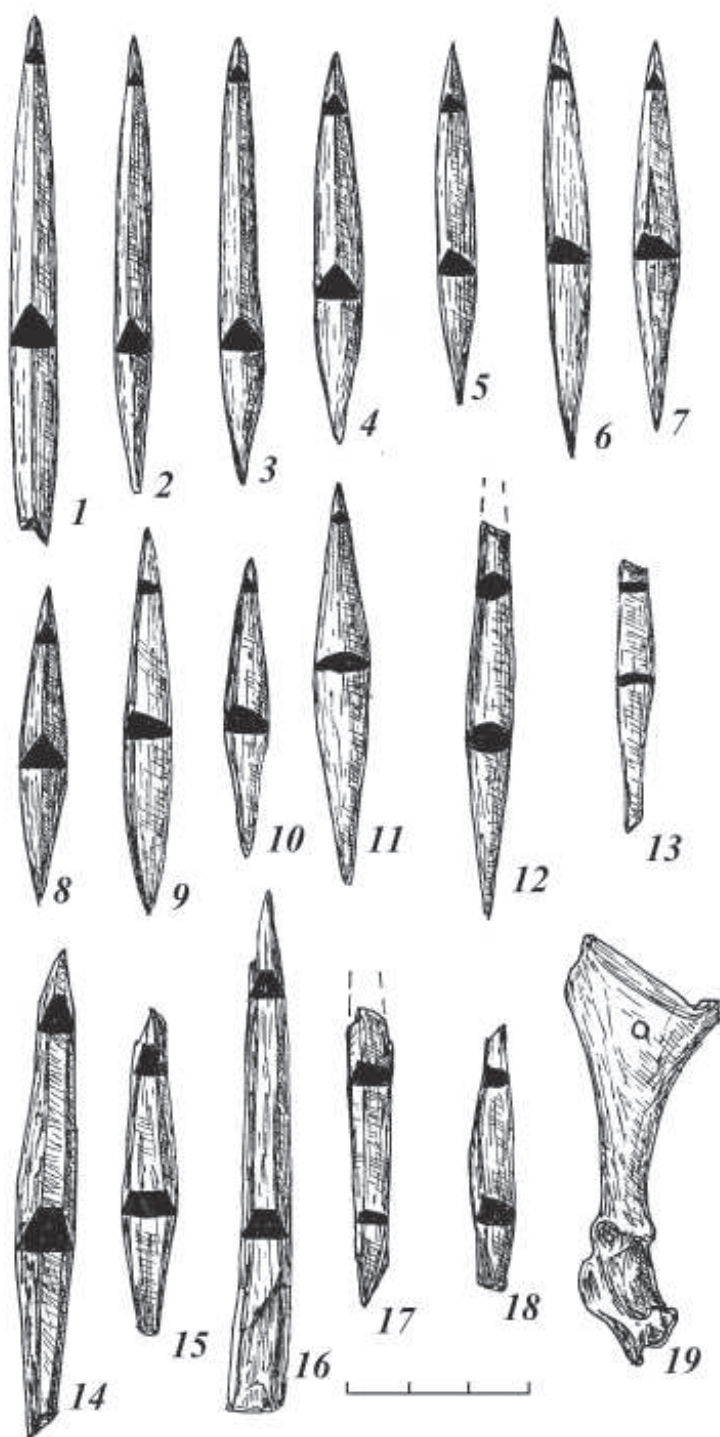

Рис. 7. Могильник Протасы. 1-18. Наконечники стрел; 19. Амулет из кости животного.
1-2, 4, 6-7, 8, 12. Погребение №3; 3. Погребение №1; 5, 9, 13, 14, 15, 17, 18, 19.
Жертвенная яма №2. 10. Жертвенная яма №1; 11, 16. Жертвенная яма №4.

площадка могильника почти полностью застроена коттеджами пос. Протасы.

Раскоп 2Б площадью 264 кв. м был разбит на участке строившейся межквартальной дороги в юго-западной части поселка (рис.1/1). Работы на этом участке позволили выявить и изучить новый могильник, относящийся к раннему железн

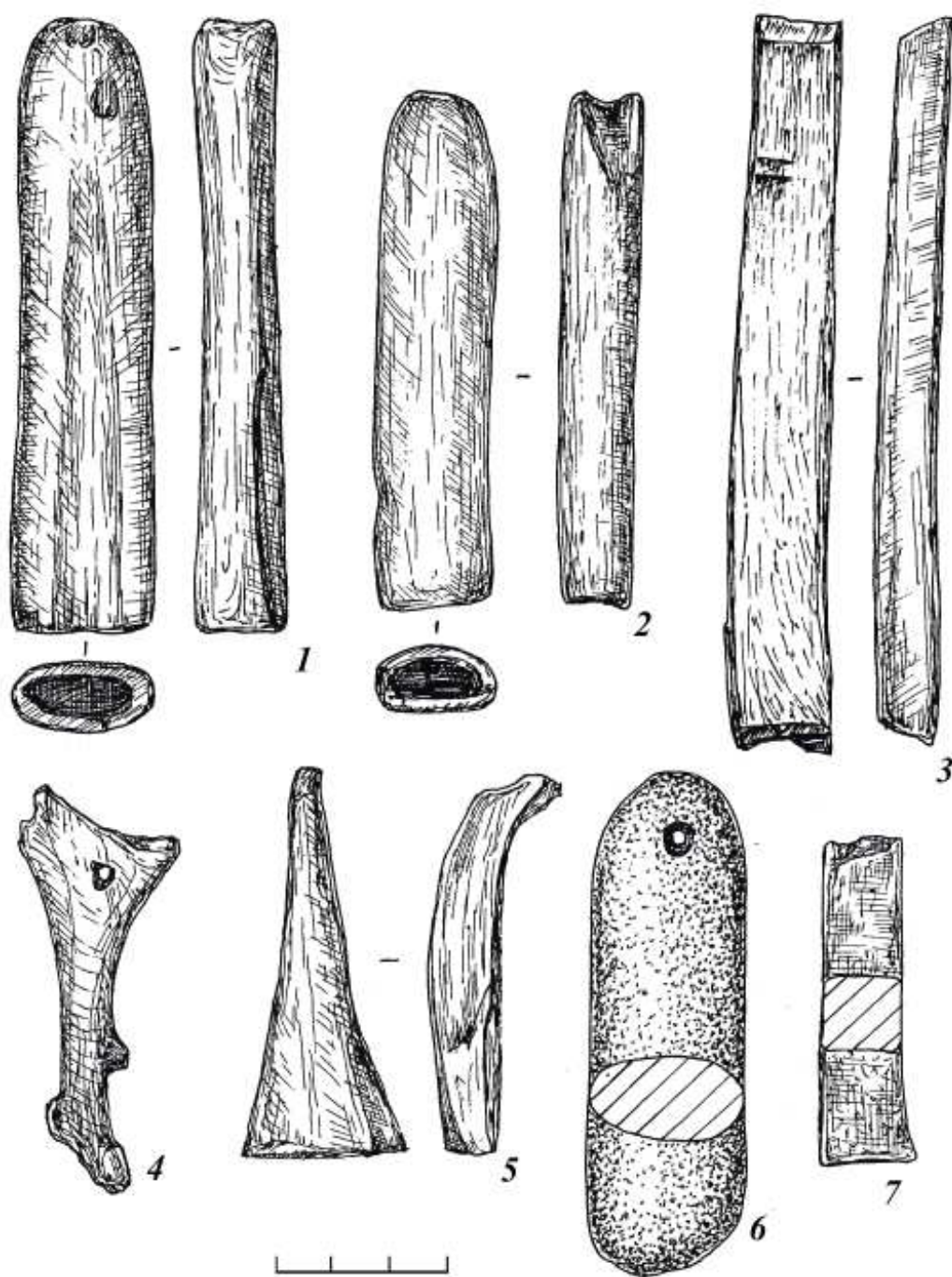

Рис. 8. Могильник Протасы. 1-2. Костяные рукояти. 3. Заготовка костяной рукояти. 4. Амулет из кости животного. 5. Костяной крючок; 6. Оселковидная подвеска. 7. Глиняный сердечник или фигурка. 1-2, 5-6. Погребение №3; 3. Жертвенная яма №1; 4, 7. Жертвенная яма №2

веку. При подготовке полотна строящейся дороги был снят культурный слой мощностью до 0,5 м, в результате чего часть могил была разрушена и по полотну дороги были разбросаны человеческие кости, что и позволило выявить могильник. Всего зафиксировано и вскрыто 10 могил и 4 жертвенных ямы, расположенных компакт-

ной группой (рис. 1/2).

Погребение 1 зафиксировано на участках ВС/5 (рис. 1/2; 2/4). Могильная яма ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Юго-восточная половина могилы сильно разрушена кюветом дороги. Длина могилы не превышала 185 см., ширина – 52 см, углубленность в материк – 15 см. От погребенного сохранился череп, грудная клетка, трубчатые кости ног и рук. Погребенный лежал в могиле в вытянутом на спине положении и был ориентирован головой на ЗСЗ. В северном углу могилы, близ черепа, найден костяной наконечник стрелы (рис. 7/3). Могильная яма была заполнена серым суглинком с вкраплениями угля.

Погребение 2 находилось на участках ВГ/3-4 (рис. 1/2; 2/5). Сохранность могилы несколько лучше. Разрушен кюветом юго-восточный конец могилы, при этом уничтожены кости голени, поврежден также череп. В остальном сохранность костяка удовлетворительная. Могильная яма имела размеры: длину 190 см, ширину 53-58 см, углублена в материк на 15 см. На позвоночнике в районе пояса расчищены остатки полностью коррозированного железного предмета, скорее всего, ножа. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Яма заполнена серым суглинком.

Погребение и яма 3 расчищены на участках ВГ/6-7 (рис. 1/2; 3/2). Комплекс имел колбовидную форму и представлял собой округлую яму диаметром 175 см, от которой в ССВ направлении отходил выступ могилы. Размеры выступа: длина 115 см, ширина 60 см, глубина в материке 7-15 см. Яма имела крутые стенки и плоское дно, углубленное в материк на 70 см. Вдоль края ямы шел уступ, в котором зафиксированы две круглые ямки диаметром 9 см, глубиной 22 и 29 см. В ямках находились по лошадиной бабке. В 10 см от дна, в центральной части ямы расчищена линза жженных костей, диаметром 100 см и мощностью 23 см. Остальной объем ямы заполнен темно-серым суглинком, насыщенным сырыми костями животных. В этом слое найдены принесенные в жертву вещи, керамика, целые сосуды. Причем, большинство находок располагалось у стен ямы. Наибольшее скопление их обнаружено в ЮЗ конце ямы и состояло из черепа лошади, 2 челюстей куницы, 5 костяных наконечников стрел (рис. 7/1-2, 4, 6/7), 2 костяных рукоятей (рис. 8/1-2), сосуда и каменной оселковидной подвески (рис. 8/6). Кроме них в яме найдены каменный пест-терочник, еще 3 костяных наконечника стрелы (рис. 7/8, 12), костяной крючок (рис. 8/5), 2 маленьких чашечки (рис. 4/2-3), развалы еще 6 сосудов (рис. 4/1-4; 5/6; 6/6-7). Скелет хорошей сохранности лежал в вытянутом на спине положении, головой на ССВ. Левая рука чуть согнута в локте, кисть лежала на тазе. Голени ног опущены в яму, ступни находились на слое жженных костей. В районе колен над костяком расчищен развал сосуда. Ноги погребенного перекрыты слоем, насыщенным костями животных. Длина костяка не превышала 165 см.

Жертвенная яма 1 расположена в 40 см юго-восточнее ямы 3 на участках В/6-7 (рис. 1/2; 2/1), имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, размеры ее 120x100 см, углублена в материк на 60 см. Верхняя ее часть сильно разрушена кюветом дороги. В придонной части в центре ямы расчищена линза жженных костей. Размеры линзы 60x70 см, мощность 12 см.

Остальное пространство заполнено темно-серым суглинком, насыщенным сырыми костями животных, фрагментами керамики от разбитых сосудов. У северной стенки ямы расчищены развалы трех крупных сосудов (рис. 6/3-5).

У южной стенки найдены костяной наконечник стрелы (рис. 7/10) и заготовка костяной рукояти (рис. 8/3). При зачистке дна ямы зафиксированы два углубления. Первое

из них находилось в СВ углу ямы, имело овальную форму размерами 32 x 25 см и углублялось ниже дна ямы на 12 см. Заполнено оно углистым слоем без находок. Второе углубление округлой формы диаметром 22 см и глубиной 15 см расчищено в ЮВ углу ямы. Заполнено оно углями и жжеными костями.

Погребение 4 обнаружено на участках БВ/4-5 (рис. 1/2; 2/1). Могильная яма имела следующие размеры: длину 198-210 см, ширину 75-80 см, глубину в материке 10 см. В западном углу могилы, близ продольной стенки прослежена столбовая яма от памятника, диаметром 20 см. Яма углублена ниже дна могилы на 10 см. Костяк удовлетворительной сохранности, за исключением черепа, сильно разрушенного скрепером. У северной стенки могилы, в районе левого колена, расчищено скопление керамики от сосуда. Погребенный лежал в вытянутом на спине положении и был ориентирован головой на ЗСЗ. Могильная яма заполнена серым суглинком, в котором встречались мелкие фрагменты керамики и угольки.

Погребение 5 зафиксировано на участках АБ/3-4 (рис. 1/2; 2/2). Размеры могильной ямы: длина 180 см, ширина 54-56 см, углублена в материк на 7 см. Костяк сильно разрушен грейдером. Судя по расположению костей, погребенный лежал в вытянутом на спине положении, головой на ЗСЗ. Кисть правой руки лежала на тазе. Между продольной стенкой могилы и правым бедром зафиксировано скопление керамики от разрушенного сосуда. Могильная яма заполнена серым суглинком.

Погребение 6 расчищено на участках А/2-3 (рис. 1/2; 2/3). Длина могилы 197 см, ширина 55 см, в верхней части (в районе головы) она расширялась и составляла 68 см, в материк могила углублена на 6 см. Костяк довольно плохой сохранности: снесена средняя часть скелета, сильно разрушен череп. У левой руки, близ СВ продольной стенки могилы, найдены зубы и бабка лошади. У этой же стенки, у левого бедра расчищено скопление керамики от разрушенного сосуда. Погребенный лежал в вытянутом на спине положении, головой на СЗ. В заполнявшем могилу сером суглинке встречались мелкие фрагменты керамики и угольки.

Погребение 7 находилось на участках БВ/10 (рис. 1/2; 2/6). Могильная яма длиной 133 см, шириной 45 см и глубиной в материке 11 см. Ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. По продольной оси ямы прослежена линза углистого слоя овальной формы, размерам 80x23 см, состоявшая из пережженных костей человека. В северном углу ямы найден амулет из клыка хищника, вдоль ЮЗ продольной стенки находились: в западном углу и в центральной части – два скопления керамики от разрушенных сосудов (рис. 5/2-3), ближе к южному углу ямы была положена челюсть куницы. В могиле 7 находились, по-видимому, остатки захоронения по обряду трупосожжения.

Погребение 8 обнаружено на участках ГД/8 (рис. 1/2). Очертания могильной ямы не прослежены. Сохранность костяка плохая. От него сохранились лишь трубчатые кости ног и руки, несколько позвонков, а также нижняя челюсть. Ориентировка лежавшего на спине погребенного ЗСЗ. Длина костяка не превышала 145-150 см. Находок возле погребения не обнаружено.

К погребению 8 примыкала жертвенная яма 2, расчищенная на участках ВГ/8-9 (рис. 1/2; 3/3). Она имела неправильно-округлую форму диаметром около 130 см. Котлообразное дно ямы углублено в материковую глину на 40 см. На дне ямы в ее центральной части расчищена линза жженных костей, размеры ее 110 x 50-70 см, мощность 13-15 см. По краям ее и сверху прослежен темно-серый суглинок с угольками, насыщенный сырыми костями животных. В этом слое, с двух сторон от скопления жженных костей, были

положены вещи, принесенные в жертву: развалы четырех сосудов (рис. 5/7; 6/1), 7 костяных наконечников стрел (рис. 7/2, 9, 13, 14, 15, 17, 18), глиняный сердечник или фигурка (рис. 8/7), 2 амулета (рис. 7/19; 8/4), 3 черепа куницы.

Погребение 9 обнаружено и расчищено на участках ГД/9 (рис. 1/2). Очертания могильной ямы не прослежены. Сохранность костяка плохая. От него сохранились лишь трубчатые кости ног и рук, фрагменты таза и прилежавшие к тазу позвонки. Погребенный лежал в вытянутом на спине положении и был ориентирован головой на ЗСЗ. Длина костяка не превышала 150 см. Находок возле погребения не обнаружено.

К головной части погребения примыкает жертвенная яма 4, расчищенная на участке Д/9 (рис. 1/2; 3/4). Яма имела округлую форму диаметром около 100 см, крутые стенки и уплощенное дно, углубленное в материк на 25 см. В заполнявшем яму темно-сером суглинке с угольками встречены кости животных и фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 5/1; 6/2). В южной части ямы расчищены три черепа животных: свиньи, зайца и куницы. Рядом с черепами найдены два костяных наконечника стрел (рис. 7/11, 16).

Погребение 10 расчищено на участках БВ/78 (рис. 1/2). Очертаний могильной ямы не сохранилось. Сохранность костяка плохая. Удалось расчистить лишь трубчатые кости рук и левой ноги, фаланги правой кисти, фрагменты таза, кости левой стопы. Судя по расположению костей, можно с уверенностью сказать, что погребенный лежал в могиле в вытянутом на спине положении и был ориентирован головой на ЗСЗ. Длина костяка не превышала 170 см. Возле погребения найдены обломки разрушенного сосуда.

Таким образом, изучено 10 могил. Все исследованные могилы – грунтовые, подпрямоугольной формы, со скругленными углами. По характеру помещения самого погребенного выделяются одиночные захоронения с целым труположением (9) и погребения по обряду трупосожжения (1). Размеры могил составляют 150-210 x 54-80 см. Могила с трупосожжением имела несколько меньшие размеры – 123 x 45 см.

Внутреннее устройство могил простое. Стенки вертикальные или слегка наклонные внутрь, дно, как правило, ровное, плоское, с учетом мощности снятых грейдером верхних слоев почвы (30-40 см) она не превышала 35-55 см. По-видимому, в древности место погребения отмечалось каким-то образом, в результате чего не встречены нарушения одной могилы другой, что возможно лишь при наличии каких-то внешних признаков. Надмогильные сооружения позволяли делать неглубокими и сами могильные ямы. В погребении 4 обнаружены следы надмогильного сооружения в виде темного пятна от сгоревшего дерева (бревна). По своему характеру он представляет столб-памятник. Подобные сооружения зафиксированы на марийском кладбище в Башкирии (Патрушев, 1984. С.148). О значительной роли огня в погребальном культе свидетельствует подсыпка угля в могилу, наличие обряда трупосожжения и большое количество жженных костей животных в жертвенных ямах.

Ориентация могильных ям довольно устойчивая, преобладает речная ориентация ям (перпендикулярно к ручью и речке). Погребенные лежали ногами к воде, что характерно для могильников ананьинской культуры. Сам могильник находился на мысу, образованном впадением одного ручья в другой. Такое расположение характерно для ананьинских могильников бассейна р. Кама (Скородум. Першино и др.).

Могилы расположены рядами. Погребения чрезвычайно бедны, лишь в некоторых находились остатки сосудов, в одной – костяной наконечник стрелы, в другой –

железный нож (?). Большинство же вещей найдено в жертвенных ямах. Главным элементом жертвенников являются остатки костей животных, в том числе, черепов, в первую очередь, – лошади. В центре ям находился обычно слой пережженных костей, по краям располагались в определенном порядке сосуды, наконечники стрел и другие вещи. По-видимому, ямы имели ритуальное назначение, и использовались для совершения погребальных и поминальных тризн.

Жертвенные ямы с черепами лошади найдены на Першинском могильнике IX-VIII вв. до н.э. (Коренюк, 1988. С. 25-27) и Заосиновском могильнике IV в. до н.э. – III в.н.э. (Поляков, 1967. С. 206-208). Ямы округлой или овальной формы с керамикой, жжеными костями и вещами найдены на Икском могильнике IV в. до н.э. – II в.н.э. (Ашихмина, Ключева, 1984. С. 44-52).

Всего на памятнике обнаружено 644 фрагмента керамики, из которых выделено 35 сосудов (рис. 4, 5, 6). По форме выделено 3 типа сосудов. К первому типу принадлежат сосуды с выраженной прямой или отогнутой наружу шейкой, диаметр венчика которых меньше наибольшего диаметра тулова. Такие сосуды составляют 42,8% от общего количества. Второй тип представлен сосудами с выраженной, слегка отогнутой наружу шейкой, диаметр венчика которых меньше или равен наибольшему диаметру тулова (20%). И, наконец, к третьему типу относятся чашевидные сосуды без шейки, с прямым или слегка отогнутым внутрь венчиком (31,7%). На двух сосудах прослежены слабовыраженные воротнички. Все сосуды круглодонные и содержат примесь толченой раковины в глиняном тесте. Орнаментировано 68,5% всех сосудов. Наиболее типичный элемент орнамента – каплевидные или продолговатые, реже – треугольные вдавления (66,7% орнаментированных сосудов). Реже встречаются ямки (41,7%) и оттиски шнура (20,8%). Единичны узоры в виде резного зигзага, резных крестов и «подковок». 41,7% сосудов орнаментированы только одним или двумя рядами вдавлений, 20,8% украшены рядами ямок, 8,3% – орнаментом, объединяющим ямки и вдавления. Помимо этого, есть отдельные сосуды, орнаментированные: оттисками шнура + рядами вдавлений + ямками; оттиском шнура + вдавлениями; оттиском шнура + рядом ямок + резным зигзагом; оттиском шнура + ямками; вдавлениями + ямками + резными крестами; и, наконец, просто оттисками шнура. Кроме того, 2 сосуда украшены продолговатыми вдавлениями по венчику. Венчики, как правило, плоские или уплощенные, реже – округлые. Наиболее близка данному комплексу керамики посуда нижнего слоя Калиновского городища (Оборин, 1964. С. 130-132) и верхнего слоя Гремячанского святилища (Вечтомов, 1962), которые датируются IV-II вв. до н.э. В целом, по форме сосудов и орнаментации керамика могильника «Протасы» более близка памятникам Осинско-Еловского Прикамья, нежели Пермского.

На могильнике найдено 13 костяных наконечников стрел. По сечению пера их можно разделить на следующие типы:

1. Четырехгранный – представлен одним экземпляром длиной 6,5 см, плавно переходящим в овальный в сечении черешок пером (рис. 7/11).

2. Трехгранные наконечники стрел, представлены 11 экземплярами (рис. 7/1-10). По характеру черенка делятся на 3 подтипа:

а) трехгранные с треугольным в сечении черенком, образованным срезами граней. Представлены тремя экземплярами длиной от 5,5 до 6,5 см;

б) трехгранный с овальным заостренным черешком длиной 7 см – 1 экз.;

в) трехгранные с четко выраженным овальным или круглым на конце череш-

ком, представлены 5 экземплярами длиной от 5 до 7,5 см;

3. Плоский в сечении наконечник с уплощенным черешком, представлен 1 экземпляром длиной 4,5 см (рис. 7/13).

4. Овальный в сечении наконечник, представлен 1 экземпляром, длиной сохранившейся части 6,3 см (рис. 7/12).

Найдено также 6 заготовок для наконечников стрел длиной от 4,5 до 8,5 см, все они из трубчатой кости (рис. 7/14-18).

Находки недоделанных наконечников обычны в жертвенных комплексах ананьинских святилищ. Все перечисленные типы костяных наконечников стрел обычны для ананьинской культуры (Коренюк, Посохин, 1991. С. 26-27; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006. С. 26-34). Каменные оселковидные подвески (рис. 8-6) встречается в ананьинских могильниках, их нет в могильниках послеананьинского времени, например, в пьяноборских (Халиков, 1977. С. 158).

Таким образом, анализ погребального обряда и материальной культуры могильника «Протасы» позволяет отнести его к переходному периоду от ананьинской к гляденовской культуре, и предварительно датировать его III-II вв. до н.э.

Список литературы:

Ашихмина И.Л., Ключева Г.И., 1984. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: УдГУ. – С.44-52.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. н.э. до н.э.). – Ижевск: МИИ КВАЭ. – 220 с.

Вечтомов А.Д., 1962. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // ВАУ. Вып.2. – Свердловск: УрГУ. – С.85-89.

Коренюк С.Н., 1988. Культовые комплексы раннеананьинского времени в Пермском Прикамье // Перестройка и актуальные проблемы общественных и психолого-педагогических наук. – Пермь: ПГУ. – С.25-27.

Коренюк С.Н., Посохин А.Ю., 1991. Классификация костяных наконечников стрел Гремячанского поселения-святилища. Областная научная конференция. Секция исторических наук. – Пермь: ПГУ. – С.26-27.

Оборин В.А., 1964. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с Племенами Башкирии в эпоху железа // АЭБ. Том.II. – Уфа: Баш. кн. изд-во. – С.130-135.

Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. – Йошкар-Ола. Мар. кн. изд-во. – 230 с.

Поляков Ю. А., 1967. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. №148. – Пермь: ПГУ. – С.197-215.

Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в эпоху раннего железа. – М.: Наука. – 264 с.

**С. Н. Кореньюк, А. Ф. Мельничук, М.Л. Перескоков.
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ НАЧАЛА РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА**

В продолжение дискуссии об угорской проблеме в Предуралье в статье приводятся конкретные факты, доказывающие, что находки материальных свидетельств присутствия на территории Пермского Предуралья групп лебяжского и гамаюнского населения весьма незначительны, соответственно существенного влияния на изменение этнокультурной ситуации в регионе эти группы оказать не могли.

Ключевые слова: археология, дискуссия, этнокультурная ситуация, эпоха бронзы, ранний железный век

**S.N. Korenyuk, A.F. Melnichuk, M.L. Pereskokov
DISCUSSION QUESTIONS OF ETHNOCULTURAL HISTORY OF THE PERM CIS-
URALS AT THE BEGINNING OF THE EARLY IRON AGE**

In the development of the discussion on the Ugric problem in the Cis-Urals concrete facts show that material evidence of the presence of the Lebyazhsk and Gamayun population is very insignificant. It means that they could not have a considerable impact on the changes of the ethnocultural situation in the region.

Key-words: archaeology, discussion, ethnocultural situation, the Bronze Era, the Early Iron Age

Данная работа является продолжением дискуссии об этнокультурной ситуации в Пермском Прикамье в раннем железном веке и средневековье, активно развернувшейся в археологии Урала в последние годы. В предлагаемой работе мы обратимся к анализу материалов более узкого хронологического периода, связанного с раннеананьинской эпохой Среднего Приуралья. Раннеананьинское население Верхнего и Среднего Прикамья наши уважаемые оппоненты продолжают представлять, используя противоречивые и хронологически слабо документированные источники, только в системе преобладающего «угорского этнокультурного компонента» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 259). Параллельно авторы с поражающей легкостью разрешают проблему формирования раннеананьинских комплексов со шнуровой и шнуро-гребенчатой орнаментацией в Среднем Приуралье (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 43-44). Однако имеющиеся на сегодняшний день археологические материалы никоим образом не дают основания для завершения изучения этого сложного вопроса в археологии раннего железного века обширного региона.

Мы уже отмечали, что отнесение нашими оппонентами памятников «классического ананьино» Среднего Приуралья к угорскому этносу, в первую очередь, связано с тем, что древнее население этой культурной системы декорировало свои сосуды преимущественно шнуровым и шнуро-гребенчатым орнаментом (Мельничук, Кореньюк, Перескоков, 2009. С. 112). А.М. Белавин и его коллеги до сих пор беспартийно утверждают в литературе точку зрения о монополии в Среднем Приуралье угорского этноса на шнуровой декор в орнаментации керамической тары на всем протяжении железного века (Белавин, Крыласова, 2009. С. 124). Можно смело утверждать, если бы декор среднеприуральских сосудов был значительно обеднен, как

на памятниках волжских ананьинцев (постмаклашеевцы), то этническая атрибуция среднекамских и верхнекамских ананьинских общин со всей очевидностью связывалась бы авторами с прафинским этносом.

Таким образом, А.М. Белавин и В.А. Иванов при защите своих положений были вынуждены обратиться к проблеме формирования классических раннеананьинских шнуровых и шнуро-гребенчатых комплексов в Среднем Приуралье. Естественно, при изучении генезиса «классического ананьино» они сосредоточились не на анализе и хронологии материалов конкретных археологических памятников (вещественный материал, кроме керамики, стратиграфия, жилища, погребальный обряд), а на ряде историографических позиций отдельных исследователей, которые, как и все гипотезы, носят вероятностный, а не априорный характер. По мнению наших коллег, среднеприуральские памятники «классического ананьино» формировались под влиянием миграций «сюда праугорских групп с керамикой лебяжского типа» и «протоугорских переселенцев» гамаюнской культуры. Именно эти мигрирующие в Среднее Приуралье группы населения в их этнокультурных построениях «стали первопричиной складывания единого праугорского пространства на... западных склонах Среднего Урала в последующий период раннего железного века, и открыли угорскую колонизацию Предуралья» (Белавин, Крыласова, 2002. С. 98; Белавин, Крыласова, 2009. С. 120; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 259).

К сожалению, незнание конкретных археологических материалов по поздней бронзе и началу раннего железного века Верхнего Прикамья и Северного Приуралья, кроме опубликованных данных в научных трудах, сразу же проявляется в характеристике памятников лебяжского и гамаюнского культурных кругов этих регионов, которые наши оппоненты априорно пытаются представить в «угорской окраске». Для чего это необходимо? А именно для того, чтобы доказать преобладающую угорскую этническую принадлежность памятников с раннеананьинской шнуровой и шнуро-гребенчатой керамикой в Среднем Приуралье.

Мы уже аргументировали, правда, в статье широкого хронологического диапазона, совершенную неправомерность столь далеко идущих в историографическое небытие положений оппонентов о выдающейся «первопричиной роли» памятников лебяжского и гамаюнского кругов в становлении «классического ананьино» с шнуровой и шнуро-гребенчатой керамикой в Среднем и Северном Приуралье (Мельничук, Коренюк, Перескоков, 2009. С. 110-112).

Нас просто поражает удивительное незнание лебяжской проблемы в археологии Северного Приуралья и Верхнего Прикамья, которую демонстрируют уважаемые коллеги. Создается впечатление, что они никогда не держали в руках посуду этого культурного круга, и следуют во многом ошибочным взглядам Г.М. Булова, который в среде раннеананьинских древностей совершенно неоправданно вывел гипотетический позднелебяжский тип посуды, в который были включены сосуды с гребенчатым, шнуровым, шнуро-гребенчатым декором (Булов, 1967. С. 122-123. Табл. XXV-XXVI; 1983). Как всегда наши оппоненты не любят ссылаться на работы своих коллег, чья точка зрения не совпадает с их постулатом о «миграции сюда в Среднее Приуралье праугорских групп лебяжского типа».

Впервые лебяжской проблемой в Среднем Приуралье занялся один из авторов настоящей статьи в 90-х гг. XX в., когда, с открытием стоянки Усть-Лемва, обратился к вопросу от историко-культурной ситуации в Верхнем Прикамье (выше

устья р. Чусовой) в постгаринскую эпоху, обширные регионы которого, в отличие от Среднего Прикамья, в тот период представляли собой малозаселенную территорию (Мельничук, 1996. С. 5-8). Лишь сейчас можно говорить, что в этой области с середины II и до начала I тыс. до н.э. обитали разрозненные группы постгаринского лебяжского населения (Мельничук, 2007; Мельничук, Майстренко, 2010). На сегодняшний день в Верхнем Прикамье имеются крайне скудные материалы лебяжских древностей с очень непредставительной и измельченной посудой (6 пунктов) – Усть-Лемва (раскопки А.Ф. Мельничука, 1980 г.), Усть-Онолва (раскопки К.М. Русановой, 1975 г.), Глубокое озеро II (раскопки Д.А. Майстренко, 2009 г.), Ораловское озеро II (раскопки Д.А. Майстренко, 2009 г.), Подбобыка (раскопки В.П. Денисова, 1957 г.), Черное Озеро (раскопки А.В. Рублева, 1984 г.) (рис.1). К настоящему времени на этих памятниках найдено всего около десятка небольших черепков керамики с мелкозубчатой орнаментацией этого культурного горизонта. Лишь на поселениях Северного Прикамья вблизи границ с Коми республикой отмечается несколько больший комплекс лебяжской посуды, насчитывающий около 5 сосудов (Васюково II, Молог I, раскопки В.П. Денисова, В.А. Оборина). Ни одного фрагмента лебяжской посуды с гребенчатой орнаментацией в Верхнем Прикамье ниже устья р. Яйвы, левого притока р. Камы, не обнаружено.

Северное Прикамье, как и Северное Приуралье, являлось естественным ареалом обитания подвижных охотников лебяжского культурного круга, обитавшего в Верхнекамско-Печоро-Вычегодском регионе, которые совершали по его просторам внутренние миграции, обусловленные, в первую очередь, спецификой их хозяйственно-культурной деятельности. Это и объясняет то, что по своему характеру памятники лебяжских групп населения напоминают промысловые стоянки мезолитических охотников (малая площадь стоянок, площадки по изготовлению каменного охотничьего вооружения, нередко из ножевидных пластин, крайне малое число сооружений, в основном сезонного характера). О подвижности лебяжского населения свидетельствует крайняя малочисленность и фрагментарность глиняной посуды.

Более современные выводы исследователей (Л.И. Ашихмина, В.С. Стоколос), которые непосредственно занимались хронологией и культурной атрибуцией лебяжских памятников Северного Приуралья, наших коллег совершенно не интересуют. Они продолжают упорно следовать давним взглядам Г.М. Булова на хронологию и этническую природу лебяжского культурного круга (Булов, 1967; 1983). Взгляды В.Н. Маркова, последователя Г.М. Булова в атрибуции типичной раннеананьинской керамики с шнуровым, шнуро-гребенчатым и гребенчатым орнаментом Северного Приуралья, как позднелебяжской или постлебяжской, и о ее влиянии на формирование керамических комплексов «классического ананьино» в Прикамье, ими принимаются за истину явно априорно (Марков, 2007. С. 56-57. Рис. 23-29; Белавин, Крыласова, 2009. С. 120 – 121; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 259).

Однако В.С. Стоколос определяет, что «на бесспорно лебяжской керамике позднего этапа, включающей крестовидный элемент – шнур, змеевидный штамп и пр. поздних элементов – нет нигде» (Стоколос, 1997. С.259). Критика позиции В.Н. Маркова на формирование шнуро-гребенчатой керамики в Среднем Приуралье в результате миграций т.н. «позднелебяжского или постлебяжского населения» даны Л.И. Ашихминой и И.О. Васкулом: «Следуя логике В.Н. Маркова, раннеананьинские племена с территории ЕСВ приходят на Унжу, Ветлугу и Вятку. Однако в керамических комплексах поселений на этих территориях нигде не встречается в качестве примеси к глине

дресва, а только раковина. Керамика с примесью раковины и гребенчато-шнуровой орнаментацией изготавливалась населением Верхнего Прикамья (Васюковские стоянки). Видимо, именно с этим регионом следует связывать появление сосудов с гребенчато-шнуровой орнаментацией на указанных выше территориях» (Ашихмина, Васкул 1997. С. 333). Так называемую позднелебяжскую керамику Г.М. Букова исследователи оправданно относят к ранней стадии развития ананьинской культурной общности – керамический тип Ластва (Буков Г.М., 1967. Рис. XXV, XXVI; Ашихмина, Васкул, 1997. С. 325. Рис. 5, 7-8). Таким образом, следуя В.Е. Лузгину, до сих пор «вопрос о поздней хронологической границе лебяжской культуры остается открытым» (Лузгин, 1967. С. 97). Определенным хронологическим маркером позднелебяжских комплексов с гребенчатым орнаментом служит появление на памятниках этого культурного круга явно зауральской посуды с крестово-струйчатой орнаментацией, аналоги которой В.С. Стоколос видит не традиционно в гамаюнской культуре, а в материалах молчановского типа Западной Сибири, относящихся к завершающей фазе эпохи бронзы (Ашихмина, 1984; Стоколос, 1997. С. 253).

Следует отметить, что раннеананьинская посуда Северного Прикамья (Чусовское озеро) чрезвычайно близка к т.н. «позднелебяжской или постлебяжской посуде». В настоящее время по керамическим комплексам раннего железного века Северного Прикамья археологами Пермского государственного университета готовится ряд статей, где этот вопрос будет объемнее раскрыт. Однако уже ясно, что керамические комплексы различных периодов этого хронологического диапазона в Северном Приуралье и Верхнем Прикамье (до устья р. Чусовой) фиксируют не мощные миграции северного населения на юг, а ареал обитания небольших общин первобытных охотников и рыболовов с определенным хозяйственно-культурным типом, который и сказывался на некоем своеобразии облика их материальной культуры. Постоянные передвижения древнего населения в этом ареале в эпоху раннего железного века, в первую очередь, были связаны со способами его жизнедеятельности и адаптации к окружающей среде, а не с попыткой создания «единого праугорского пространства» в Среднем Приуралье. Не более того. Естественно, северное ананьинское население контактировало с родственными в этническом плане более южными оседлыми ананьинскими общинами Среднего Прикамья, что хорошо освещают материалы поселения Скородум, расположенного несколько выше от устья р. Чусовой. (Мельничук, Майстренко, 2010).

В этнической интерпретации памятников лебяжского культурного круга, как «угорских», наши оппоненты пытаются также следовать давним взглядам Г.М. Букова (Буков, 1967. С. 183). Однако в насыщенном источниками, но историографически устаревшем (термины турбинская и синдорская культуры) труде Г.М. Букова «Древний Синдор» прямо ничего об угорской принадлежности лебяжской культуры не говорится. Исследователь в своей работе лишь отмечает «в синдорско-ванвиздинских племенах заманчиво усматривать каких-то угров, в том числе, предков современных угорских народов. С ванвиздинской культурой, по-видимому, связана гидронимика на -ым -им. Можно предполагать, что более древнее население, родственное носителям этой культуры (синдорское и лебяжское), создало гидронимику на -еньга, -онга, -уга, -юга в долине Северной Двины, на ее притоках в Онежско-Двинском междуречье» (Буков, 1967. С. 183). Однако исследователь совершенно не рассматривал вопрос о том, откуда и какие угроидные культуры эпохи бронзы Западной Сибири принесли на Европейский Северо-Восток Европы шнуровую орнаментацию.

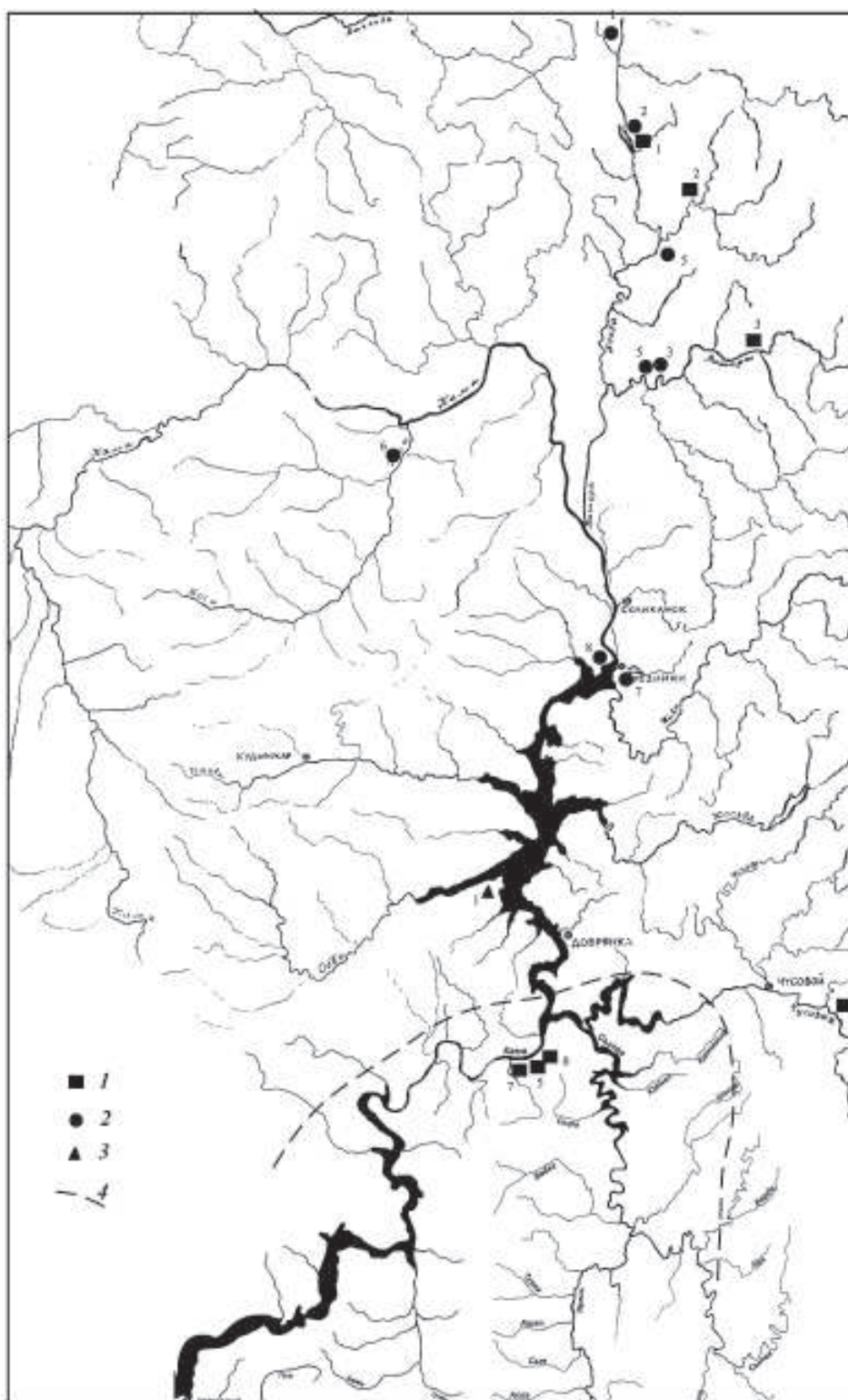

Рис. 1. 1. Находки гамаюнской керамики: 1. Васюково II; 2. Камень Варыш; 3. Камень Бычок; 4. Камень Филин; 5. Заюрчим I; 6. Заосиново VI; Крохово II. 2. Находки лебяжской керамики: 1. Молог I; 2. Васюково II; 3. Глубокое Озеро II; 4. Орловское озеро II; 5. Подбобыка; 6. Усть-Онолва; 7. Усть-Лемва; 8. Черное Озеро. 3. Селище Скородум. 4. Северная граница ареала ерзовской культуры.

Тем более все якобы «угорские» гидронимические построения, указанные Г.М. Буровым, в современной ономастике не разделяются авторитетными специалистами (См: Мельничук, Чагин, 2010. С. 149; Самарова, 2010. С. 26).

Следует констатировать, что никаких позднелебяжских или постлебяжских комплексов с шнуро-гребенчатым декором в Северном Приуралье не существует. Все так называемые шнуро-гребенчатые комплексы «позднего лебяжья» Северного Приуралья относятся к ранней стадии ананьинской общности (тип Ласта) и, естественно, синхронны памятникам «классического ананьино» Среднего Приуралья. Таким образом, никакого заметного движения северных позднелебяжских групп в Прикамье и участия «в сложении «классического» (шнурового) варианта ананьино в реальности не было. В связи с этим, крайне некорректна ссылка в контексте защиты «угорской» принадлежности «позднего лебяжья» (Белавин, Крыласова, 2009. С. 121) на мнение С.В. Кузьминых, который рассматривает лебяжские комплексы как постгаринские с гребенчатой орнаментацией и отмечает, что «на севере и северо-востоке Европы появляются памятники типа Ласта, в керамике продолжается развитие лебяжской (гребенчатой) орнаментальной традиции, а появление шнуровых и змеевидных отпечатков рассматривается в контексте взаимодействия с прикамскими и зауральскими (очевидно, с носителями крестово-струйчатой посуды) группами населения (Кузьминых, 2007. С. 43).

Взгляды С.В. Кузьминых на сложную культурногенетическую основу генезиса шнуровых и шнуро-гребенчатых комплексов «классического ананьино» в Северном и Среднем Приуралье вполне оправданны. В финале эпохи бронзы в Пермском Приуралье на памятниках ерзовской культуры появляется талькированная керамика с крестово-струйчатым декором, которая ассоциируется у исследователей с носителями гамаюнской культуры, под влиянием которой, по мнению В.П. Денисова, шло изменение облика ерзовской культуры, в результате чего «пришельцы были быстро ассимилированы местными племенами, которые, однако, восприняли от них некоторые орнаментальные узоры» (Денисов, 1967. С. 48; Денисов, 1969. С. 324). При обсуждении доклада В.П. Денисова на IV Уральском совещании в Перми, ему было сделано справедливое замечание о том, что «гамаюнский элемент в Прикамье был слаб, чистых комплексов нет...» (Оборин, 1967. С. 217).

Нас привлекает неожиданное мнение В.Д. Викторовой, прозвучавшее при обсуждении докладов на IV Уральском совещании, и на которое не обратили серьезного внимания. Исследователь отметил то, что «наиболее важную роль во влиянии на Прикамье сыграли не столько гамаюнские, сколько племена с бархатовским типом керамики» (Оборин, 1967. С. 219). Современные материалы раскопок ерзовских памятников подтверждают наличие взаимосвязей между ерзовским и бархатовским населением (Заюрчим I, Заозерье IV). Характерно, что по современным радиоуглеродным данным, полученным на материалах Красногорского городища в Притоболье (жилище № 6), в котором находились развалы сосудов бархатовского и гамаюнского типов, контакты между носителями этих керамических традиций относятся к концу Х в. до н.э. (Аношко, 2003. С. 260; 2007. С. 120). Очевидно, именно в этот период происходит оформление новых керамических традиций, знаменующих переход к раннему железному веку в Среднем Приуралье.

Ссылка на давнюю научно-популярную книгу О.Н. Бадера и В.А. Оборина ничего существенного в «угорскую концепцию» наших оппонентов не вносит. Авторы

этой книги справедливо определяли, что «классическое ананьино» складывалось выше устья р. Вятки, т.е. на о территории всего Среднего Приуралья (Бадер, Оборин, 1958. С. 95). Однако гипотетический «толчок из-за Урала», принудивший раннеананьинское население со шнуровой и шнуро-гребенчатой керамикой, мигрировать на запад, Нижнюю Каму, Среднюю Волгу, не подтверждается современными археологическими материалами. Неужели наши оппоненты верят в то, что это серьезное побуждение к обширным миграциям, якобы, создали мизерные группы гамаюнского населения, оставившие в районе г. Перми на поздних ерзовских памятниках несколько сосудов.

По нашим подсчетам, на территории Среднего Приуралья найдено не более десятка талькированных сосудов гамаюнского облика, которые, как отмечают стратиграфические наблюдения, хронологически относятся к переходной поре от поздней бронзы к раннему железному веку (финальная бронза, исход бронзового века). Наибольшая их концентрация выявлена на позднеерзовских памятниках близ г. Перми, где они представляют крайне незначительную примесь к местному культурному горизонту финальной бронзы (Заюрчим I, Заосиново VI, Крохово II). В остальных частях Пермского Предуралья она найдена в предгорных районах (жертвенное место Камень Бычок на р. Вишере, камень Варыш на р. Березовая, камень Филин на р. Чусовая). Еще один небольшой комплекс гамаюнского облика выявлен на поселении Васюково II (Чусовское озеро) в Северном Прикамье на границе Пермского края с Коми Республикой (рис. 1). Судя по дисперсности местонахождений гамаюнской керамики в регионе, ее носители могли проникать в Верхнее и Среднее Прикамье не только с восточного склона Урала, но и из Северного Приуралья. Например, между гамаюнскими местонахождениями Васюково II (Северное Прикамье) и Усть-Волосница (бассейн Печоры) расстояние по прямой не более 50 км (Денисов, 1969. С. 324).

Под влиянием гамаюна возникает мода на украшение шейки сосудов пояском ямок с «отворотиками». Эта мода была кратковременной, и характерна только для начального этапа ананьинской культуры (3 тип «ерзовки» по В.П. Денисову). В это же время на раннеананьинской керамике изредка встречается резной крестовый орнамент. Таким образом, носители зауральской талькированной посуды могли играть определенную роль только в формировании раннеананьинской керамической традиции в Среднем Приуралье. Однако трудно предположить, что примитивные охотники и рыболовы, коими являлись малочисленные гамаюнские группы населения, могли оказывать существенное влияние на развитую культуру с производящей экономикой среднекамских позднеерзовских общин. Они как неожиданно появились, так и быстро растворились в среде местных намного более многочисленных обитателей в начале I тыс. до н. э.

Что касается нашей собственной этнокультурной оценки гамаюнских древностей, то мы солидаризируемся с осторожным мнением основного их исследователя В.А. Борзунова (Борзунов, 1992. С. 143), и склоняемся к точке зрения В.С. Стоколоса, основного исследователя памятников эпохи палеометалла Северо-Востока Европы, который считает, что в этот регион именно «на исходе бронзового века из-за Урала проникают самодийские группы с крестовой керамикой» (Стоколос, 1997. С. 276). Сам В.С. Стоколос, очевидно, опирался на положение М.Ф. Косарева, который считал что для территории Западной Сибири «мы вправе рассматривать население с крестово-ямочной и струйчато-ямочной керамикой, с одной стороны, и носителей гре-

бенчато-ямочного орнаментального комплекса, с другой стороны, в русле единой развивающейся самодийской общности» (Косарев, 1997. С. 317).

Непонятно какую роль, по мнению оппонентов, играет локальный чаркобожский керамический тип в генезисе раннеананьинских памятников Среднего Приуралья (Белавин, Крыласова, 2009. С. 120). В данном регионе не найдено ни одного черепка посуды этого культурного явления. В Северном Приуралье нет никаких данных по их относительной хронологии. Исследователи лишь констатируют, что сосуды типа «Чаркабож» лишь в этом регионе обитания их носителей «зафиксировали контакты зауральского и ананьинского населения и последующее смешение традиций». Эти керамические комплексы предположительно синхронны раннеананьинским материалам с шнуро-гребенчатой керамикой типа Ластва (Ашихмина, Васкул 1997. С. 326, 333). Отдельные находки крайне небольшого числа раннеананьинской керамики с резным крестовым орнаментом известны в бассейне р. Вятки и Нижней Камы (Чутайские I и II городища, городище Черепашье, поселение Курган) (Марков, 2007. С. 57. Рис. 30, 1-4; 31). Можно лишь полагать, что появление столь незначительных керамических комплексов в Вятском бассейне и на Нижней Каме есть результат сезонных миграций северных ананьинских охотников или обыкновенной культурной взаимосвязи. Сомнительно, что эти явления оказывали какое либо влияние на изменение этнической обстановки в регионе.

Заданность «угорского вектора» во взглядах уважаемых коллег на этнокультурную ситуацию в Среднем Приуралье столь очевидна, что им совершенно не принципиальны проблемы хронологии ананьинских древностей, особенности погребального обряда древнего населения Волго-Камья, а «прежде всего, интересует этнокультурный аспект формирования ананьинской общности» (Белавин, Иванов, Крыласова. С. 32). Никто не отрицает, что в разных районах Волго-Камья и Приуралья процесс генезиса древностей АКЮ носил своеобразный характер, обусловленный территориальной и природной спецификой отдельных регионов. В этом нет ничего удивительного. Однако культурная и этническая многокомпонентность в сложении ананьинского культурного мира не является постулатом, допускающим «складывания единого праугорского пространства на западных склонах Среднего Приуралья» в раннем железном веке. По С.В. Кузьминых мы видим, что в процессе формирования АКЮ участвовали маклашеевские, «текстильные», лебяжские и другие постгаринские популяции на исходе бронзового века. Взаимодействие данных групп населения и привели в разных частях обширного ананьинского мира к созданию несколько обособленных в культурном плане образований в виде акозинских, постмаклашеевских и классических ананьинских древностей со шнуровой и шнуро-гребенчатой керамикой (Кузьминых, 2007. С. 43).

Наши оппоненты в качестве аргумента для определения угорской принадлежности памятников Среднего Приуралья с шнуровой и шнуро-гребенчатой керамикой подчеркивают суждение А.А. Чижевского, о том, что «культуры входящие в состав АКЮ, несмотря на наличие у них некоторых общих черт, весьма специфичны и отражают, вероятно, существование разных этнических групп в пределах единой культурной области» (Чижевский, 2008. С. 86). На наш взгляд, они искренне заблуждаются. Всем известно, что в древности этничность могла определяться и в ареале родственных по языковой принадлежности племен, обладающих наличием у них некоторых общих черт

и весьма специфических отличий. Например, культуры восточных славян в раннем средневековье до образования Древней Руси связаны с племенами вятичей, кривичей, радимичей, новгородских словен и др., каждые из которых рассматривались В.В. Седовым в качестве «отдельной этнографической единицы славянства» (Седов, 1982. С. 270). Подобные примеры можно привести, используя археологические материалы скифо-сарматского мира Евразии.

Мы не отрицаем, что в период сложения ананьинского культурного мира в Среднем Приуралье существовали связи с культурами Зауралья и Западной Сибири (например, бархатово и гамаюн), связанными с уграми или самодийцами, но никакого существенного влияния на надуманный процесс «вмещения» прапермского этноса в «праугорское пространство» в силу их малочисленности и более низкого уровня развития первобытной экономики они оказать не могли.

В связи с этим позиция С.В. Кузьминых о том, что «многими исследователями (и мною в том числе) ананьинская культурно-историческая общность (в широком понимании этого термина) рассматривается как колыбель предков прибалтийских, волжских финнов и пермских народов» намного предпочтительнее (Кузьминых, 2007. С. 450).

Серьезной источниковедческой несурезицей является тезис наших коллег о том, что «своим появлением в регионе носители «классического ананьино» вызвали в начале продвижение среднекамского (ерзовского) населения вниз по долине р. Камы до низовьев Белой. Но затем, сюда же, продвигаются и носители раннеананьинской ямочно-шнуровой керамики «классического» типа» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 43). Интересно откуда могли прийти в Среднее Прикамье носители «классического ананьино», если до сих пор «истоки керамики, украшенной сложной шнуровой орнаментацией, остаются во многом пока неясными»? (Марков, 2007. С. 56).

Мы уже в недавней в своей статье отмечали, что позднеерзовское население Средней Камы, относящееся к концу эпохи бронзы, которое наши оппоненты пытаются связать типологически то с маклашеевцами, то с курмантаусцами, никоим образом хронологически не совмещаются с носителями «классического ананьино», что доказывается чистыми жилищными комплексами и хроностратиграфией расположения жилищ на многослойных памятниках близ г. Перми (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 179-180). В виду этого нам, неоднократно изучавшим комплексы этих периодов в Среднем Прикамье, совершенно непонятно, как носители «классического ананьино» раннего железного века вызвали миграцию позднеерзовского населения поздней бронзы из под Перми в низовья р. Белой, а затем, в силу каких-то неизвестных причин, это раннеананьинское сообщество со шнуро-гребенчатой керамикой продвинулось вниз по Каме, и в результате этого процесса в регионе «как бы раздвинуло предананьинское население» (Белавин, Иванов, Крыласова. С. 43). На наш взгляд, у авторов этой концепции, что-то неладное с хронологическим восприятием памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века Среднего Приуралья.

Прежде чем говорить о серьезных миграциях, необходимо изучить их причины, относительную демографическую ситуацию в зоне исхода мигрантов и в зоне колонизируемой ими территории, отметить цепочку памятников и местонахождений, связанных с миграционным потоком по пути его движение (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 183-184). Никаких конкретных аргументов по этому поводу наши оппоненты не приводят, и их выводы носят явно декларативный характер.

Таким образом, ананьинский культурный мир, следуя С.В. Кузьминых, складывался

под действием внутренней интеграции и относительных внутренних миграций разнообразных культурных систем эпохи поздней бронзы лесной полосы Восточной Европы (Кузьминых, 2007. С. 43). Если внешние миграции в начале I тыс. до н.э. и присутствовали (зауральское гамаюнское население), то они не представляли собой серьезного миграционного потока, который мог бы в корне изменить этническую картину Северного и Среднего Приуралья и создать здесь классический ананьинский мир в виде «угорского пространства».

Исследователям, работающим по изучению проблем переходной поры от поздней бронзы и раннего железного века Северного и Среднего Приуралья предстоит еще значительные усилия в более реальном познании культурогенетических процессов, протекавших в этих обширных районах. Для этого необходим не только детальный анализ уже добытых археологическими раскопками источников, но и поиск новых, в первую очередь, однородных в хронологическом контексте древних объектов, которые будут исследованы с новейших методических научных позиций.

Список литературы:

Аношко О. М., 2003. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железного века в Притоболье // Проблемы изучения эпохи поздней бронзы и переходного времени Южной и Западной Сибири. – Барнаул: АГУ. – С.259-263.

Аношко О. М., 2007. Общая характеристика бархатовской культуры позднего бронзового века Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. – Курган: КурГУ. – С.114-121.

Ашихмина Л. И., 1984. Керамика гамаюнского типа на поселениях бассейна Печоры // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Труды Института языка, литературы и истории. Вып.33. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. – С.112-122.

Ашихмина Л. И., Васкул И. А., 1997. Памятники ананьинской культурной общности // Археология республики Коми. – М.: «ДиК». – С. 314-348.

Бадер О. Н., Оборин В. А., 1958. На заре истории Прикамья. – Пермь: Пермск. кн. изд-во. – 244 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ. – 285 с, ил.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2002. Эпоха бронзы в Пермском Предуралье // Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – С.89-100.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2009. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа! // Труды КАЭЭ. Вып. VI. – Пермь: ПГПУ. – С.118-124.

Борзунов В. А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: УрГУ. – 188 с.

Буров Г. М., 1967. Древний Синдор. – М.: Наука. – 220 с.

Буров Г. М., 1983. О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры // СА. № 2. – С.34-50.

Денисов В. П., 1967. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ, № 148. Труды IV Уральского археологического совещания. – Пермь: ПГУ. – С.29-50.

Денисов В. П., 1969. Свидетели древности – камень, бронза, железо // На западном Урале. Вып. 5. – Пермь: ПОКМ. – С.312-327.

Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., 2011. Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территориях Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // Труды КАЭЭ. Вып. VII. – Пермь: ПГПУ. – С.175-187.

Косарев М. Ф., 1987. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. – М.: Наука. – С.314-317.

Кузьминых С. В., 2007. Этно- и культурогенетические процессы на севере Восточной Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УРО РАН. – С.41-47

Лузгин В. Е., 1967. Предананьинское время на Печоре // УЗ ПГУ, № 148. Труды IV Уральского археологического совещания. – Пермь: ПГУ. – С.93-100.

Марков В. Н., 2007. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинских общности). – Казань: ИИ АН РТ. – 136 с.

Мельничук А. Ф., 1996. Усольское Прикамье в эпоху бронзы // Усольская старина. Коноваловские чтения. Вып. 2. – Березники. – С.5-8.

Мельничук А. Ф., 2007. Верхнее Прикамье в эпоху бронзы // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан. – С.160-161

Мельничук А. Ф., Коренюк С. Н., Перескоков М. Л., 2009. Шнуровой орнамент – этнический индикатор в культурах железного века Среднего Приуралья? // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Труды КАЭЭ. Вып. VI. – Пермь: ПГПУ. – С.109-117.

Мельничук А. Ф., Майстренко Д. А., 2010. Культурно-хозяйственный тип населения Северного Прикамья в эпоху бронзы-раннем железном веке // III Северный международный конгресс. – Ханты-Мансийск-Екатеринбург: «ИздатНаукаСервис». – С.113-114.

Мельничук А. Ф., Чагин Г. Н., 2010. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. История. Вып. 2(14). – Пермь: ПГУ. – С.140-153.

Оборин В. А., 1967. Обсуждение докладов и сообщений по проблемам происхождения ананьинской культурной области и ее локальных вариантов // УЗ ПГУ. Труды IV Уральского археологического совещания. №148. – Пермь: ПГУ. – С.216-223.

Самарова М.А., 2010. Топоформанты в гидрологии Удмуртии // Вестник Удмуртского университета: история и филология. Вып.2. – Ижевск: УдГУ. – С.22-28.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. – М.: Наука. – 328 с.

Стоколос В.С., 1997. Энеолит и бронзовый век // Археология республики Коми. –М.: «ДиК». –С. 213-313.

Чижевский А. А., 2008. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового-раннем железном веке: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области. – Казань: РИЦ «Школа». – 172 с.

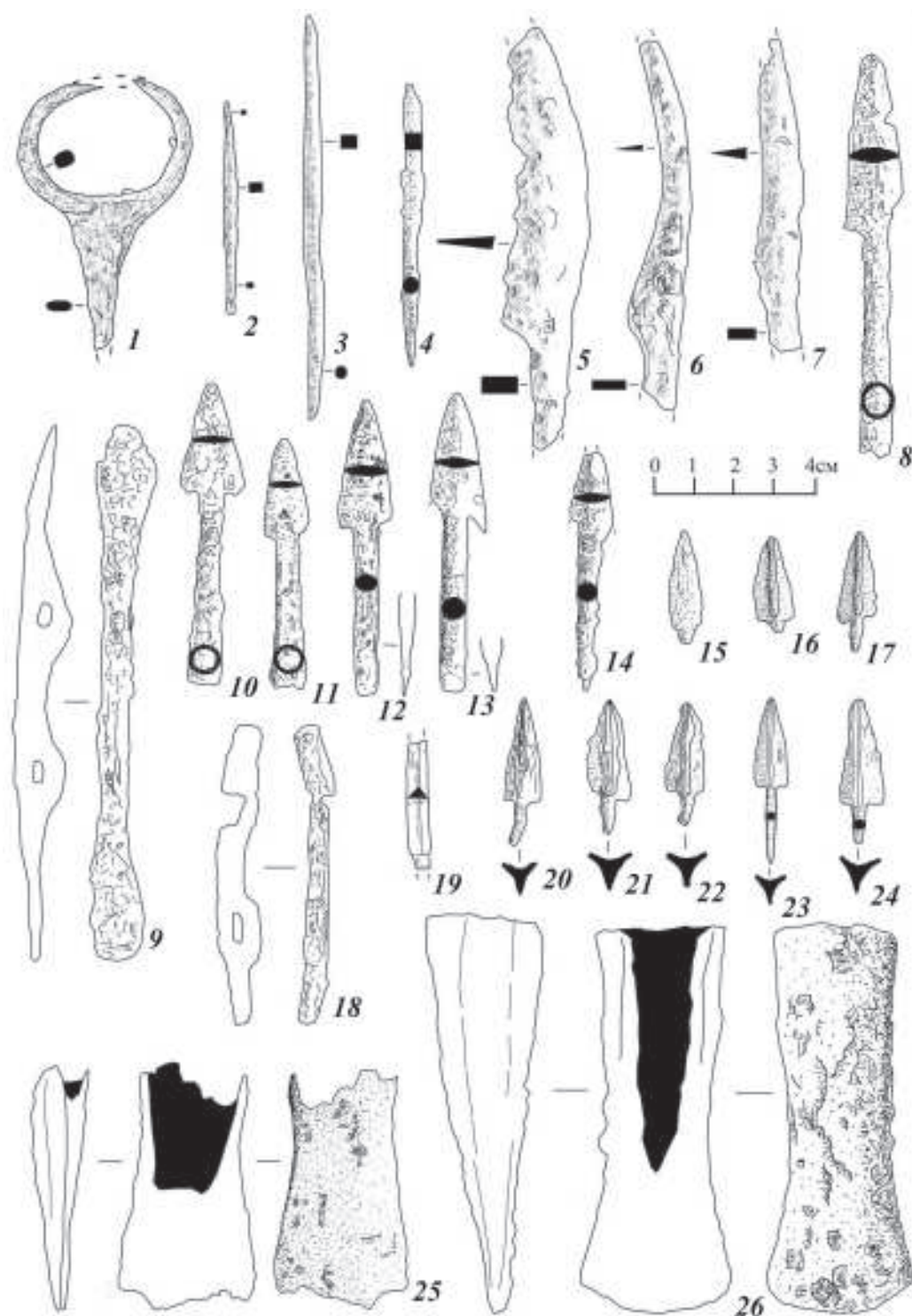

Рис. 1. Вооружение, детали конского снаряжения и орудия труда: 19 – кость, остальное – железо.

Н.С. Мясников.

ГОРОДИЩЕ ПИЧКЕ САРЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

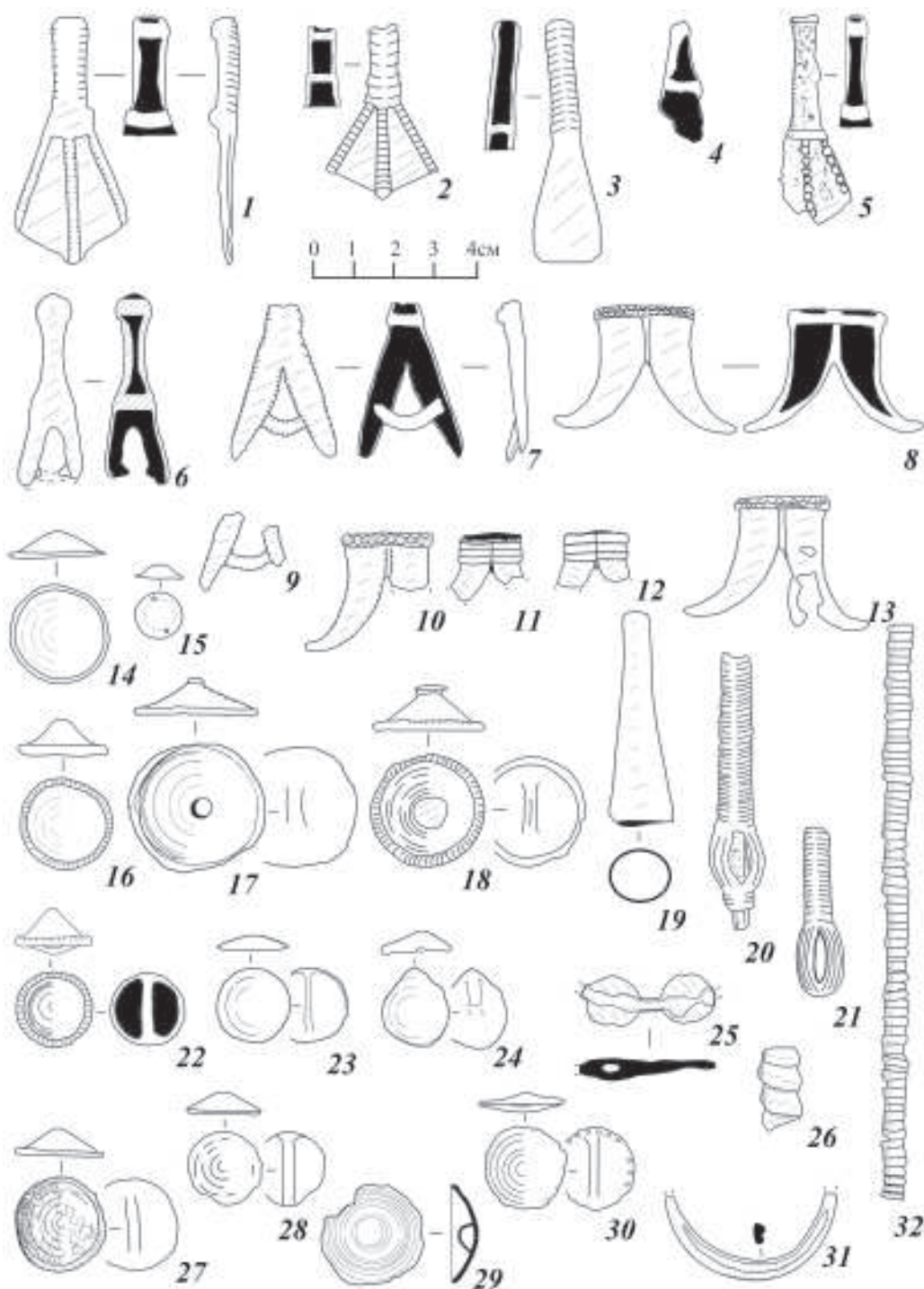

Рис. 2. Украшения. 5, 30 – железо, бронза, 20 – бронза и дерево, остальное – бронза.

Статья посвящена введению в научный оборот вещевого материала из второго слоя городища Пичке Сарче, к которому относятся оборонительные сооружения, постройки и большая часть вещевого материала. Проведенные исследования подтвердили датировку Н.В. Трубниковой второго слоя городища I–III вв. н.э., его связь с поздним этапом городецкой культуры, а также сильное пьяноборское влияние в культуре населения, оставившего его.

Ключевые слова: археология, эпоха поздней бронзы, ранний железный век, средневековье, Чувашия,

городище, материальная культура

N.S. Myasnikov

THE SETTLEMENT OF PICHKE SARCHI: ON THE HISTORICAL AND CULTURAL INTERPRETATION

The paper introduces artifacts from the second layer of the settlement of Pichke Sarche, which includes fortification constructions, buildings and a considerable part of the artifacts. Research proved the dating by N.V. Trubnikova, who attributed the settlement to the I-III centuries A.D., its relation to the late period of the Gorodetskaya culture, as well as considerable influence of the Pyanoborskaya culture on the life of the settlement population.

Key-words: archaeology, the Late Bronze Age, the Early Iron Age, the Middle Ages, Chuvashia, settlement, material culture

Ягаткинское городище Пичке Сарче – известный многослойный археологический памятник эпохи поздней бронзы, конца раннего железного века и позднего средневековья. (Трубникова, 1964. С. 163-195). Расположен между дд. Ойкас-Абаши и Ягаткино в Моргаушском районе Чувашии, в 100 м к ССВ от первой деревни на длинном мысу.

Несмотря на то, что городище Пичке Сарче было почти полностью исследовано Н.В. Трубниковой, а материалы раскопок своевременно опубликованы (Трубникова, 1964. С. 163-195), мы считаем, что источниковедческая работа над памятником незакончена. Так, керамический комплекс получил лишь общее освещение и рассматривается автором в др. публикации [Мясников, 2011]. Целью же данной работы является более полное введение в научный оборот и анализ с современных позиций индивидуальных находок второго слоя рассматриваемого памятника, к которому относятся оборонительные сооружения, постройки и большая часть вещевого материала.

Вооружение и конское снаряжение

Все наконечники стрел могут быть представлены четырьмя типами.

Железные трехлопастные мелкие наконечники стрел (рис. 1/16-17, 20-24). Известны по сарматским погребениям II в. до н.э. – III-IV вв. н.э. (Хазанов, 1971. С. 37-40), встречаются в пьяноборских и кара-абызских древностях (Пшеничнюк, 1973. С. 187, рис. 6, 11; Агеев, 1992. С. 46, табл. 14/14), в материалах Андреевского 1 кургана (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 18-21).

Железные двушипные наконечники стрел: 1 тип – втульчатые (рис. 1/8, 10, 11); 2 тип – с округлым длинным черешком с расплюснутым концом (рис. 1/12-14). Представленные наконечники имеют линзовидное сечение, однако сильно корродированны, и в ряде случаев могли быть ромбическими. Двушипные черешковые наконечники Троицкого городища соотносятся с верхним и нижним горизонтами верхнего слоя (Крис, 1970. С. 163, табл. 9/19-21), которые датируются II-V вв. н.э. (Дубынин, 1970. С. 54-60). На Щербинском городище А.Ф. Дубынин определял время их бытования IV-III в. до н.э. – I в. н.э. (Дубынин, 1970. С. 228-229, 249-250). Подобные наконечники известны по материалам Андреевского 1 кургана (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 18/16). Уплотненные, вырубленные из пластины, черешковые наконечники на дьяковских памятниках К.А. Смирнов относил к I-IV вв. н.э., а кованые экземпляры с линзовидным сечением пера определял «несколько» более ранним временем (Смирнов К.А., 1974. С.33-34). Втульчатые двушипные наконечники известны по материалам Писеральских курганов (Халиков, 1962. Табл. XXIV/1-5. С. 135), Кошибеевского могильника (Спицын,

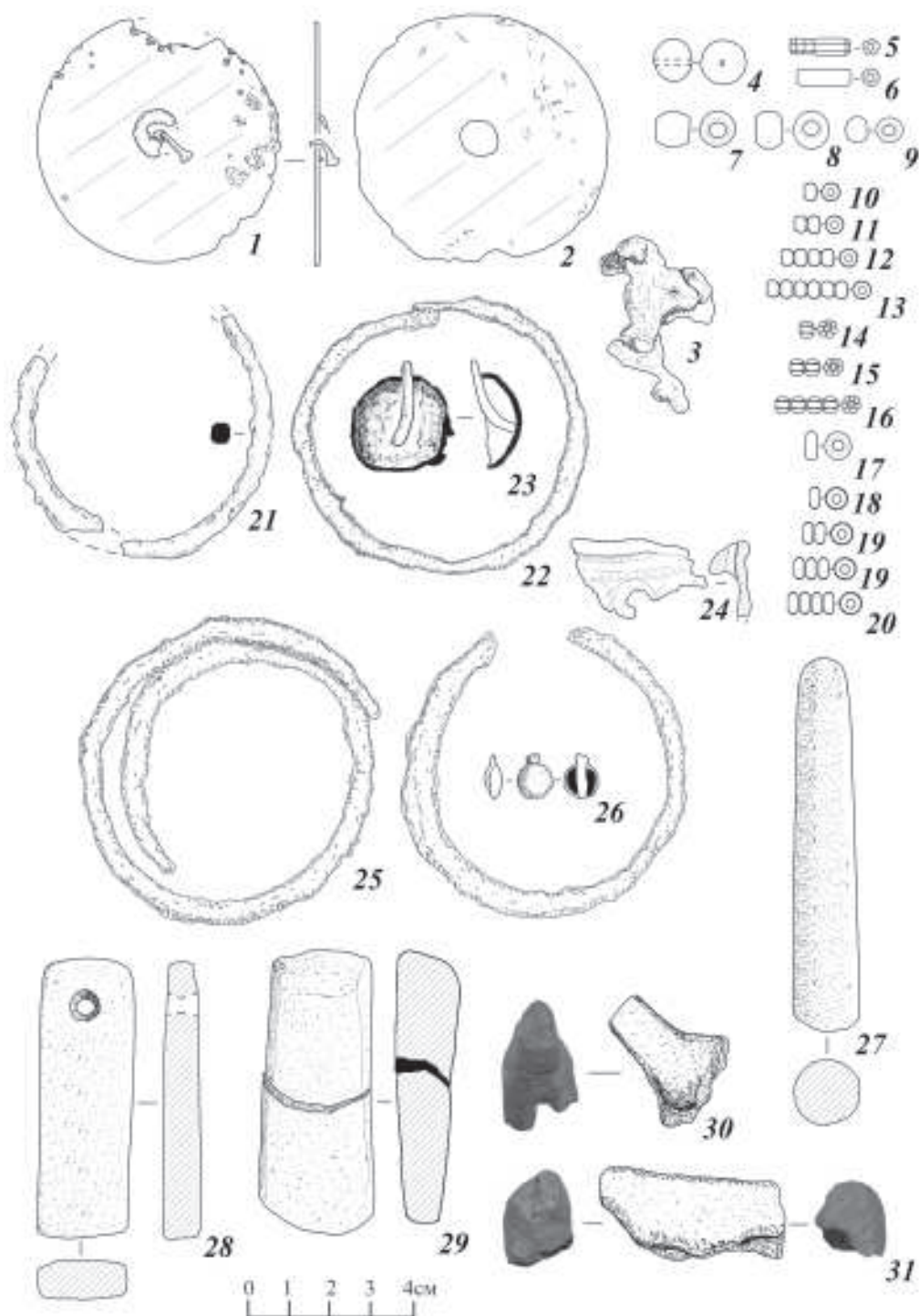

Рис. 3. Украшения, игрушки, орудия труда. 1-3, 22 – бронза; 5-18 – стекло; 19-21, 23 – железо; 24-26 – камень; 4, 27, 28 – глина. Типы бус (по Е.М. Алексеевой): золоченые трехслойные: 5 – тип 12; 6 – тип 4; 7 – тип 26; 8, 17 – тип 1а; 9, 10-13, 18-21 – тип 1б; 14-16 – тип 10; одноцветные: 10 (синие) – тип 15; 10 (темно-лиловая) – тип 4.

1901. Табл. VI/27), Андреевского 1 кургана (Гришаков, Зубов, 2009. Рис. 18/18) и др.

Железный мелкий черешковый наконечник с листовидным пером (рис. 1/15). Известен по фотографии из отчета (Трубникова, 1960, рис. 44). Аналогичен наконеч-

нику из 21 погр. Андреевского 1 кургана (Гришаков, Зубов, 2009. Рис. 18/19).

Обломанный костяной трехгранный наконечник треугольного сечения с округлым в сечении черешком с выделенным упором (рис. 1/19; инв. №97095). Костяные трехгранные наконечники на кара-абызских памятниках характерны для II-III вв. н.э. (Пшеничнюк, 1993, рис. 18/10, 19/16). Известны на Городецком, Троице-Пеленецком городищах (Смирнов, Трубникова, 1965, табл. 11/1-2, 12-23, 25), в материалах Андреевского 1 кургана была обнаружена полная аналогия такому наконечнику (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 18/5).

Железное обломанное кольцевое навершие меча или кинжала (рис. 1/1). Н.В. Трубникова считала данный предмет навершием (Трубникова, 1960. Л. 19), хотя, возможно, он является фрагментом шарнирных ножниц из слоя XVI-XVII вв. Кольцевые навершия встречаются в пьяноборских (Агеев, 1992. Табл. 16, рис. 6-11), сарматских (рубежа эр – II в. н.э.) (Хазанов, 1971. С. 9-10) погребальных комплексах.

Железные стержневидные псалии с двумя боковыми выступами с отверстиями (рис. 1/9,18). Известны в погребениях пьяноборской культуры, где датируются I-II вв. по В.Ф. Генингу (Генинг, 1970. С. 84, 92) и II-III вв. по Б.Б. Агееву (Агеев, 1993. Рис. 3/17. С. 69). Встречены во рву на глубине III слоя Троицкого городища (Смирнов, 1970. С. 176. Табл. 14/21, 24. Рис. 16/25), датированном II-III вв. н.э. (Дубынин, 1970. С. 54-60), в Андреевском 1 кургане (Гришаков, Зубов, 2009. Рис. 22/6-8). Их происхождение, связано, видимо, с сарматским миром, где они известны по комплексам Дона (I-II вв. н.э.) (Медведев, 1990. Рис. 12/4, 18/2, 33/6, 40/2), Северного Приазовья (II-III вв. н.э.) (Шепко, 1987. Рис. 8/4) и др.

Предметы труда и быта

Два железных кельта (рис. 1/25,26). Подобные предметы встречаются среди пьяноборских (Агеев, 1993. Табл. 19, рис. 7), азелинских (Генинг, 1963. С. 27, рис. 9) зарубинецких (II в. до н.э. – II в. н.э.) (Максимов, Русанова, 1993. Табл. IX-1) древностей. 186 кельтов данного типа были найдены в кладе пьяноборского времени с Буйского городища. Л.И. Ашихмина отмечала, что они встречаются также на городецких, дьяковских и сарматских памятниках I-III вв. н.э. (Ашихмина Л.И., 1987. С. 117-118).

Короткие железные ножи серповидной формы с плавно выгнутой спинкой клиновидные в сечении с небольшим уступчиком при переходе лезвия в прямой черенок (рис. 1/5-7) и железные шилья, изготовленные из четырехгранного прута, ближе к концам круглые в сечении (рис. 2/2-4) типичны для раннего железного века.

Оселки каменные: 1 – круглый в сечении, вытянутый, пестовидный (рис. 3/27). 2 – прямоугольный в плане и в сечении, с просверленным с двух сторон отверстием для подвешивания в верхней части (рис. 3/28). 3 – прямоугольный в сечении, трапециевидный, вытянутый в плане (рис. 3/29).

Украшения

Круглые бронзовые бляхи плоские без орнамента представлены двумя типами: 1 – с частично сохранившимися петлей и умбоном в центре (рис. 3/1); 2 – с отверстием в центральной части (рис. 3/2). В пьяноборских древностях такие предметы использовались в качестве нагрудных женских украшений (Агеев, 1992. С. 36-37), в кара-абызских – как центральное поясное украшение (Пшеничнюк, 1973. С. 184, рис. 13; 14), на памятниках писеральско-андреевского типа и в Кипчаковском I могильнике для украшения ножен мечей и кинжалов (Гришаков, Зубов, 2009. С. 86, рис. 21/1,4). В.Ф. Генинг датировал их I-II вв. н.э. (Генинг, 1970. С. 92, рис. 20-69. Табл. VI/7). В кара-абызских комплексах

они относятся ко II-III вв. н.э. (Пшеничнюк, 1993. Рис. 18/10, 19/16).

Литые бронзовые парные одночастные сапожковидные привески с двумя планками сзади для привешивания и валиками у основания (рис. 2/8, 10-13), в 2-х случаях оформленными в виде ложного жгута (рис. 2 – 11,12). Часть привесок, видимо, 2 экз. (рис. 2/11,12), Н.В. Трубникова определяла как серебряные (Трубникова, 1960. Л. 21). Возможно, они выполнены из «белой» оловянистой бронзы. Известны по материалам Климкинского и Писеральского могильников, где в женских погребениях использовались в качестве нагрудного украшения, а в мужских – в составе поясного набора (Зубов, Михеев, 2006. С. 10). В системе оформления поясов выявлены также в погребениях Андреевского 1 кургана (Гришаков, Зубов, 2009. Рис. 25/3). По данным Б.Б. Агеева, этот тип привесок представлен 36 экз. из погребений Афонинского, Икского, Ново-Сасыкульского, Нырғындынского и Чегандинского II могильников (Агеев, 1992. С. 38, 114, табл. 3, 6). Датируются I-III вв. н.э. (Халиков, 1962. С. 174; Зубов, Михеев, 2006. С. 17), II в. н.э. (Генинг, 1970. С. 92-93). Прототипом привесок могли быть соединенные клыки медведя (погр. 37 Андреевки, погр. 32 Кипчаковского I мог.) (Гришаков, Зубов, 2009. Рис. 25/7).

Бронзовые умбоновидные литые бляшки-накладки с поперечной планкой на обороте (рис. 2/14-18, 22-24, 27-30; 3/30), иногда с валиком по краю (рис. 2/14, 16/18, 22, 27), в трех случаях с веревочным орнаментом по валику (рис. 2/16, 18, 22). В одном случае бляшка имеет два отверстия (рис. 2/15), в другом – кружковой орнамент по краю (рис. 2/30), у двух других в центре имеется пуговковидная выпуклость (рис. 2/17, 18). Одна бляшка – железная (рис. 3/26), еще одна – биметаллическая железно-медная (рис. 2/27). Подобные бляшки представлены в материалах Андреевского 1 кургана (Гришаков, Зубов, 2009. Рис. 25/15-18), пьяноборского Ошкинского (Лещинская, 2000. С. 34, рис. 12/6-19, 21; рис. 26/1-4. С. 48.), Кошибеевского (Шитов, 1988. С. 33, табл. III/3), Писеральского и Климкинского (Зубов, Михеев, 2006. С. 11) и др. могильников.

Кожанный ремешок, обжатый бронзовыми обоями (рис. 2/32). Обнаружен в составе клада украшений и, возможно, использовался в комплексе с бляхой и трубчатой гофрированной привеской. В материалах Андреевского 1 кургана использовался в качестве детали наконечника вместе с лапчатыми привесками (Гришаков, Зубов, 2009. С. 26-27, рис. 20/10).

Бронзовые литые лапчатые подвески (рис. 2/1-3, 5) представлены 3 типами: 1) с рельефным изображением перепонки, оформленным насечками (рис. 2/1-2); 2) с плоской поверхностью лапки (рис. 2/3); 3) с перепонкой, оформленной округлыми выпуклостями (рис. 2/4). Лапчатые подвески известны очень длительный период времени в составе шумящих финно-угорских украшений. Впервые появляются в материалах пьяноборской культуры (Генинг, 1970. Табл. XIX/17).

Бронзовые подвески типа «цикад» (рис. 2/6-7, 9, возможно, 4). Находят аналогии в Пьяноборском могильнике (Спицын, 1901. Табл. III/11), на Буйском городище в слое пьяноборского времени (Лещинская, 2009. Рис. 3/7).

Бронзовый колокольчик (рис. 2/19). Подобные предметы применялись в качестве привески в пьяноборских древностях (Агеев, 1993. Табл. /11).

Фрагмент бронзовой многовитковой трубицы (рис. 2/26). Предположительно, является фрагментом височной подвески. Находит многочисленные аналогии в погребальных комплексах пьяноборской культуры (Агеев, 1993. Табл. 1/27).

Две трубчатые подвески с гофрированной поверхностью и расширением в средней части из двух полос (рис. 2/20-21). Подобные подвески, только с расширением

из 4-х полос, известны по материалам Писеральского могильника (Зубов, Михеев, 2006. Рис. 3/34). Близка к ним подвеска из 28 погр. Ошкинского могильника на Вятке, датированного I-II вв. н.э. (Лещинская, 2000. Рис 27/11).

Фрагмент железного круглопроволочного браслета (рис. 3/22) и фрагменты от другого железного многовиткового браслета (рис. 3/24), судя по описанию Н.В. Трубниковой, плоского (Трубникова, 1960. Л. 20) имеют аналогии в материалах пьяноборской культуры (Агеев, 1993. Табл. 13/22, 30).

Железный предмет (подвеска/накладка?) в виде колпачка со стержнем (рис. 3/23). Н.В. Трубникова относила их к подвескам «таврского» типа и связывала с I-IV вв. н.э. (Трубникова, 1960. Л. 20).

Обломок подвески-лунницы (рис. 2/31) Н.В. Трубникова сопоставляла с пьяноборскими лунницами первой пол. I тыс. н.э. (Трубникова, 1960. Л. 23). Предмет явно обломан на концах. Вероятно, это часть круглой бронзовой пряжки либо кольцевой застежки.

Фрагмент бронзового предмета, украшенный выпуклостями и веревочным орнаментом вдоль края (рис. 3/25) Н.В. Трубникова считала обломком бронзового сосуда (Трубникова, 1960. Л. 23). Возможно, что это деталь от эполетообразной застежки либо застежки с неподвижной иглой. Подобное оформление весьма характерно для украшений пьяноборской культуры и памятников писеральско-андреевского круга.

Фрагмент бронзового изделия с сохранившимися двумя пуговковидными выступами, припаянными к круглой проволоке. Может быть частью ажурной нагрудной или эполетообразной застежки либо сюльгамы (рис. 2/25). Подобное оформление часто фиксируется как в пьяноборских древностях, так и на писеральско-андреевских памятниках.

Бусы: из глины – 1 шт. (рис. 3/4); стеклянные: трехслойные золоченые (практически все) и одноцветные из голубого и темно-лилового бисера (всего – 362 шт.): (рис. 3/5) – 1 шт., (рис. 3/6) – 4 шт., (рис. 3/7) – 1 шт., (рис. / 8) – 6 шт. (рис. 3/9) – 7 шт. (из них 1 – голубая), (рис. 3/10-13) – 125 шт. (из них 5 одинарных – голубые, 1 одинарная – темно-лиловая), (рис. 3/14-16) – 34 шт., (рис. 3/17) – 3 шт., (рис. 3/18-21) – 174 шт. Практически все бусы были обнаружены в кладе женских украшений в постройке №6. Бусы указанных типов (см. рис. 3) датируются очень широко: с III в. до н.э. по III в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 29-31, 63-64). Наибольшее количество бус относится к типу 1б, характерному только для римского времени (Алексеева, 1978. С. 30). Интересно присутствие в комплексе обломанного экз. бусины типа 12 (рис. 3/5), датирующегося II в. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 31).

Глиняные поделки

Фрагменты глиняных фигурок животных (рис. 3/30-31). Фигурки выполнены достаточно небрежно из теста с примесью шамота мелкой-средней консистенции. Поверхность заглажена, но шершавая, неровная, обжиг неравномерный. П.Н. Старостин отмечает, что подобные скульптурки встречаются очень широко: именковская культура, зольники у с. Островерховки на Северном Донце, Потчевашские курганы Сибири и др. Исследователи обычно относят их к типичным артефактам древних скотоводческо-земледельческих культур (Старостин, 1967. С. 21, табл. 22).

Наши исследования подтверждают датировку Н.В. Трубниковой второго слоя городища Пичке Сарче I-III вв. н.э. Исследователь связывала памятник с поздним этапом существования городецкой культуры, а также отмечала сильное пьяноборское влияние в культуре населения, оставившего его (Трубникова, 1960. Л. 29). Позже

она предлагала включить городище в состав кошибеевской культуры (Трубникова, 1965. С. 53). В этом с ней был солидарен А.В. Циркин (Циркин, 1995). Интерес к данному городищу обусловлен актуальностью изучения археологических памятников писеральско-андреевского типа. А.Х. Халиков, который сформулировал данную проблему, относил городище Пичке Сарче к данному культурному кругу (Халиков, 1987. С. 9). Культурную близость Андреевского, Писеральского курганов и городища Пичке Сарче отмечали также В.Н. Шитов (Шитов, 1988. С. 20) и И.В. Белоцерковская (Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 202). Наши исследования вполне убедительно подтверждают данную точку зрения. Из 21 категории вещевого комплекса Ягаткинского городища (без учета глиняных фигурок и фрагментарно сохранившихся вещей) 15 находят полные аналогии в материалах Климкинского, Писеральского, Андреевского курганных могильников. Комплекс керамической посуды городища также находит ближайшие параллели в материалах Андреевского I кургана и Андреевского селища, при этом на памятнике нет ни одного фрагмента пьяноборской круглодонной керамики с примесью раковины и некоторых характерных пьяноборских вещей (листовидные подвески-серьги, эполетообразные застежки).

Таким образом, вполне подтверждается мысль А.И. Ахмедова, И.В. Белоцерковской и др. исследователей о том, что андреевский круг памятников стал общей основой для развития нескольких групп поволжских финнов (Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 135; Вихляев, 2001. С. 226-227), а городище Пичке Сарче представляется пока единственным укрепленным поселенческим памятником писеральско-андреевского типа.

Список литературы:

- Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. – Уфа: БНЦ УрО РАН. – 140 с.
- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. – М.: Наука. – 120 с.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., О.С. Румянцева, 2007. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 9). – М.: ИА РАН. – С. 133-175.
- Ашихмина Л.И., 1987. Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала: межвузовский сборник научных трудов. – Ижевск: УдГУ. – С. 103-120.
- Вихляев В.И., 2001. Происхождение древнемордовской культуры. Дис. ... докт. ист. наук. – Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева. – 250 с.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // Тр. УАЭ. Т. II. – Ижевск-Сведловск: УрГУ. – 160 с.
- Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10. Труды УАЭ. Т. III. – Свердловск-Ижевск: УрГУ. – 158 с.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. – Казань: ИИ АН РТ. – 173 с.
- Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // МИА № 156. Древнее поселение в Подмоскowie. – М.: Наука. – С. 5-98.
- Зубов С.Э., Михеев А.В., 2006. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хроно-

логии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничного. – Уфа: Гилем. – С. 204-225.

Крис Х.И., 1970. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. МИА. № 156. – М.: Наука. – С. 145-169.

Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: УдГУ. – С. 88-128.

Лещинская Н.А., 2000. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Вып. 2. – Ижевск: УдГУ. – 56 с.

Лещинская Н.А., 2009. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. – Казань: ИИ АН РТ. – С. 111-121.

Максимов Е.В., Русанова И.П., 1993. Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. – М.: Наука. – С. 20-39.

Медведев А.П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ. – 220 с.

Мясников Н.С., 2011. Комплекс керамической посуды I-III вв. н.э. городища Пичке Сарче в Нижнем Присурье // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века, III Всероссийская науч. конф. – Саранск: МГПИ. – С. 35-45.

Мясников Н.С. Керамические грузила и пряслица городища Пичке Сарче (к вопросу о развитии прядения и ткачества в Нижнем Присурье в первые века н.э.) [в печати]

Пшеничный А.Х., 1973. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. – Уфа: БФ АН СССР. – С. 162-243.

Пшеничный А.Х., 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ РАН. – С. 32-61.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14. М.: Наука. – 40 с.

Смирнов К.А., 1970. Железные изделия Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. МИА. № 156. – М.: Наука. – С. 170-178.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. – М.: Наука. – 282 с.

Старостин П.Н., 1967. Памятники именковской культуры // САИ. Вып. Д 1-32. – М.: Наука. – 97 с.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Т. 25. Вып. 1. – 120 с.

Трубникова Н.В., 1960. Раскопки городища Пичке-Сарче (Пичке-Сорче) в Чувашии // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 2049. – 61 л.

Трубникова Н.В., 1964. Раскопки городища «Пичке сарче» в Чувашии // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. Ученые записки ЧНИИ. Вып. XXV. – Чебоксары: ЧНИИ. – С. 99-116.

Трубникова Н.В., 1965. Древние мордовские племена в начале I тысячелетия н.э. / Н.В. Трубникова // Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии

8-10 декабря 1964 г.). – Саранск: Морд. книжн. изд-во. – С. 53-61.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука. – 169 с.

Халиков А.Х., 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Труды МАЭ. Т. II. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 7-187.

Халиков А.Х., 1987. Памятники писеральско-андреевского типа в волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. АЭМК. Вып. 12. Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 8-24.

Циркин А.В., 1995. В защиту кошибеевской культуры // РА. № 1. – С. 81-90.

Шепко Л.Г., 1987. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. № 4. – С.158-173

Шитов В.Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н.э. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. – Саранск: Морд. книж. изд-во. – С. 4-43.

А.С. Проценко.
ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНИХ
ОБЩЕСТВ В АРХЕОЛОГИИ ПРИКАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В РАННЕМ
ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются методические подходы к реконструкции социальной организации древних обществ Прикамья и Приуралья в эпоху раннего железного века в историографии советского и постсоветского периода. Сделан вывод что современная методика мало отличается от советской, ведущее место уделяется не цельной модели социально-экономических отношений прошлого, а дифференциации вещественного материала.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, социальная организация древних обществ, методика реконструкции, историография

A.S. Protsenko
ON SOCIAL RECONSTRUCTION OF ANCIENT SOCIETIES IN THE
ARCHAEOLOGY OF THE KAMA REGION AND THE CIS-URALS IN THE EARLY IRON
AGE. HISTORIOGRAPHIC ASPECT

Methodological approaches of the soviet and post-soviet historiography to the reconstruction of social organization of ancient societies of the Kama region and the Cis-Urals in the Early Iron Age. It is claimed that contemporary methodology has much in common with soviet, where the central place is given to the differentiation of artifacts, rather than to the development of a whole model of the social and economic relations of the past.

Key-words: archaeology, the Early Iron Age, social organization of ancient societies, reconstruction methodology, historiography

Проблемы реконструкции социальной организации древних обществ, методики исследования общественных структур по археологическим данным относятся к числу наиболее сложных и актуальных. За большой срок изучения археологических культур эпохи раннего железного века в Прикамье и Приуралье накоплен огромный археологический материал, который в полной мере не интерпретирован археологами. Вскрываются большие площади поселений, могильников и селищ древних культур, реконструируются древние жилища, проводится анализ керамики, но лишь небольшое число исследователей занимались и занимаются вопросами социальной структуры древних обществ.

Особенностью источниковедческой базы данной эпохи является отсутствие письменных источников, связанных с населением региона. В связи с этим изучение социальных отношений возможно лишь на основе археологических данных, в частности, на материалах погребальных памятников как наиболее социоинформативных, что неоднократно обосновывалась разными исследователями (Генинг, 1990. С.8-11).

В 20-х гг. в советской археологии господствовал формационный подход к изучению истории, согласно которому, всемирный исторический процесс представляется как процесс последовательной смены общественно-экономических формаций, различающихся между собой, прежде всего, по способу производства и соответствующей ему социально-классовой структуре.

Именно с этого времени начинается выработка методики социальной реконструкции в археологических исследованиях. Первым, кто обратился к этой проблеме в уральской археологии, был А.В. Шмидт. Именно он в своих работах выстроил строго

научную методологию реконструкции социально-экономических и идеологических структур ископаемых обществ на основе социологической схемы К. Маркса. В статье А.В.Шмидта племена ананьинской эпохи трактуются как общество, находящееся на начальной стадии разложения родовых отношений. Анализируя материал ананьинских могильников и городищ, исследователь обнаружил у «ананьинцев» все признаки социального расслоения: выделение родовых и племенных вождей, наличие богатых и бедных семей, зависимых племен данников и патриархального рабства (Шмидт, 1964. С.27).

На протяжении всей второй половины XX в. шло накопление археологического материала. И с начала 50-х по конец 80-х гг. выходят работы, в которых давалась попытка детально изучить социальную структуру древних археологических культур. Эту работу начала А.В. Збруева, которая была первым исследователем, попытавшимся воссоздать социальную структуру ананьинского общества, опираясь только на существующий на тот момент археологический материал. Исследователь, основываясь на погребальном инвентаре погребений (с одинаковыми основными орудиями труда и оружием), выделяет 7 групп погребений у мужчин и 4 группы женских погребений. Все типы погребений существовали как в самых ранних, так и в самих поздних ананьинских могильниках (Збруева, 1952. С.148).

А.П.Смирнов характеризует ананьинскую эпоху, как культуру, которая пришла на смену открытым стоянкам с сетчатой керамикой эпохи бронзового века. Это – эпоха патриархальных отношений, хотя, несомненно, черты матриархата в виде пережитков продолжали существовать в обществе племен, населявших эту территорию. В могильниках встречаются погребения и богатых членов рода, и бедных, что говорит о формировании родовой знати, выделении экономически сильных вождей и о сложении института военных дружин. Таким образом, – это время распада родовых отношений (Смирнов, 1952. С. 61-62).

А.П. Смирнов занимался изучением памятников пьяноборской культуры. По сравнению с ананьинской, пьяноборская культура, по мнению исследователя, представляет собой как бы дальнейшее развитие и завершение того же культурного этапа. В пьяноборское время значительно выросли производительные силы и, в первую очередь, уровень развития техники. Рост производительных сил вызвал и соответствующее углубление процесса распада первобытнообщинных отношений. Исследователь также говорит о создании в Прикамье и Поволжье союзов племен, которые сложились в первые века нашей эры. Доказательством этому служит широкое распространение одних и тех же частей костюма на значительной территории (Смирнов, 1952. С.109).

На рубеже 50-80-х гг. XX в. к вопросам социальных реконструкций древних обществ Урала и Прикамья обратился В.Ф. Генинг. Свои наблюдения он обобщил в монографии «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху». Исследователь считал основной социально-экономической ячейкой пьяноборского (чегандинского) общества родовую общину. Вся дальнейшая история не только чегандинского, но и всего прикамского населения, уже связана с разделением родовой общины и окончательным разложением первобытно-родовых отношений.

А.В. Збруева, А.П. Смирнов и В.Ф. Генинг, опираясь на археологический материал, сделали вывод, что ананьинская и пьяноборская культура на период своего существования находились на стадии разложения первобытнообщинных отношений.

На более обширном археологическом материале особенности погребального

обряда рассматривал А.Х. Халиков, в своей работе исследователь не ставил цель воссоздания социальной структуры общества. Исследователь приходит к выводу, что ананьинское общество VIII-VI вв. до н.э. уже прошло стадию перехода от матриархата к патриархату, и находилось на стадии патриархального родового строя (Халиков, 1977. С.56).

А.Х. Пшеничнюк, проанализировав состав погребального инвентаря и планиграфию погребений кара-абызской культуры, пришел к выводу, что материалы кара-абызских могильников полностью подтверждают традиционное мнение исследователей, согласно которому «оседлые племена раннего железного века Урало-Волжского региона находились на стадии разложения родового строя с наметившимся имущественным и социальным расслоением» (Пшеничнюк, 1981. С.96).

Вопросы социальной реконструкции племен эпохи раннего железного века Приуралья на примере воинских захоронений рассматриваются в монографии В.А. Иванова «Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа». Исследователь использовал метод планиграфического анализа погребений с различными наборами предметов вооружения и пришел к выводу, что «планиграфия воинских погребений не дает оснований для вывода о наличии у поздне- и послеананьинских племен региона привилегированного слоя воинов (военной знати), могилы которых отличались бы от основной массы захоронений богатством инвентаря (оружия) и которые могли бы рассчитывать на особые места погребений (Иванов, 1984. С.82).

С распадом Советского Союза начинается новый этап в развитии отечественной науки, в том числе, и археологии. Повсеместно происходит отход от старых методов, и исторический процесс начинают рассматривать с точки зрения цивилизационного подхода к изучению истории. Происходит смена парадигмы. Как во всей отечественной науке, так и в археологии страны и региона. Но такой выход археологических исследований из рамок идеологии, возможность сравнивать и строить различные концепции, по большей части остаются лишь потенциальными, нереализованными на практике перспективами. Преобладают работы, в которых фактически подтверждается методология социальных реконструкций, которая была заложена еще А.В. Шмидтом и развивалась в течение всего XX столетия. В период 1990-2010 гг. – нового в методике и методологии по вопросу социальной реконструкции древних обществ не появилось. Мало того, что не происходит выработка новых методов и приемов – наиболее актуальный аспект археологического исследования, который выражается в реконструкции, и в особенности в восстановлении общественных отношений, находится в состоянии стагнации.

В 1992 году выходит работа Б.Б. Агеева «Пьяноборская культура», в которой впервые был обобщен материал всех пьяноборских могильников. Что касается внутренней социальной стратификации пьяноборских племен, то этот вопрос Б.Б. Агеев решал с помощью планиграфии погребений с различными наборами инвентаря на территории могильников. Исследователь выделяет на пьяноборских могильниках (Чеганда II, Старо-Киргизовском, Меллятамакском, Кушулевском и др.) участки больших семейных групп, также он выделяет по наборам предметов вооружения погребения мужчин с различным воинским статусом. Таким образом, по мнению исследователя, приведенные данные свидетельствуют о значительном имущественном и социальном расслоении в пьяноборском обществе (Агеев, 1992. С.100).

К несколько другим выводам относительно глубины социального расслоения ананьинских племен Волго-Камья по результатам анализа погребальной обрядности приходит А.А. Чижевский. Используя данные могильников как предананьинского (маклашеевской культуры), так и ананьинского времени, исследователь, во-первых, приходит к выводу об их типологической преемственности; во-вторых, выделяет элементы погребальной обрядности, заимствованные «ананьинцами» у их южных кочевников – киммерийцев, скифов и савроматов; в-третьих, прослеживает постепенное усложнение структуры погребальных памятников от простых маклашеевских к более сложным ананьинским. Полученные результаты приводят исследователя к выводу о том, что «на протяжении всей истории развития памятники предананьинской и ананьинской культурно-исторической общности демонстрируют социальное равенство погребенных». Хотя небольшой процент захоронений (1,5-2%), отличающихся богатством состава и качеством сопровождающего инвентаря, свидетельствует о начале процессов социальной дифференциации (Чижевский, 2008. С.78-82).

Своеобразным индикатором современного состояния социальных реконструкций является выход в начале XXI века обобщающих работ по истории отдельных субъектов региона.

В коллективной монографии «История Удмуртии: С Древнейших времен до XV в.» под редакцией М.Г. Ивановой не последнее место занимает исследования социальной структуры, по каждой культуре дан раздел о социальных отношениях. Но весьма показателен тот факт, что авторы этой работы лишь повторяют и обобщают выводы советских исследователей по вопросу социальной реконструкции. Какого-либо нового взгляда на эту проблему не наблюдается.

В 2009 г. вышло научное издание «История башкирского народа» в семи томах. В первом томе в главе о раннем железном веке, написанной В.В. Овсянниковым, раскрывается этнокультурная ситуация на Южном Урале в древнейший период. По материалам могильников ананьинской общности реконструируется слабо дифференцированное эгалитарное общество. У пьяноборцев крупные размеры отдельных погребальных камер, большое количество вещевого инвентаря указывает на существование социальной дифференциации, в частности, на процесс обособления родоплеменной аристократии. В работе содержится социологическая интерпретация вещественного материала, которая основана на достижениях советской науки.

В 2002 г. в Казани вышел первый том обобщающего труда «История татар». В работе рассматриваются культуры эпохи раннего железного века, в частности ананьинская, пьяноборская и карабызская. Указываются важнейшие признаки инвентаря, которые служат критериями для атрибуции этих культур. Рассмотрен этногенез и взаимовлияние культурных традиций. По культурам раннего железного века содержатся реконструкции базовых черт хозяйственной деятельности, но самостоятельная социальная реконструкция отсутствует.

Таким образом, в современных обобщающих трудах по древней истории региона содержатся социальные реконструкции. Однако они мало чем отличаются от интерпретаций, существовавших в советской археологии. Ведущее место уделяется не цельной модели социально-экономических отношений прошлого, а дифференциации вещественного материала.

ВОЛГО-КАМЬЕ И УРАЛ ОТ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Список литературы:

- Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. – Уфа: БНЦ УрО РАН. – 140 с.
- Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1: Чегандинская культура III в. до н.э. II в.н.э. // ВАУ. Вып. 10. – Свердловск-Ижевск: УрГУ. – 224 с.
- Генинг В.Ф., 1990. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев: Наук. Думка. – 304 с.
- Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. – М.-Л.: АН СССР. – 326 с.
- Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (1 тыс. до н.э. – первая половина 1 тыс. н.э.). – М.: Наука. – 88 с.
- История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. – М.: Наука, 2009. – 400 с.
- История татар с древнейших времен, 2002. Т.1. – Казань: Рухият. – 551 с.
- История Удмуртии, 2007. С древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – 304 с.
- Пшеничнюк А.Х., 1981. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: БФ АН СССР. – С. 93-94.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. №28. – М.-Л.: АН СССР. – 254 с.
- Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). – М.: Наука. – 266 с.
- Чижевский А.А., 2008. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). – Казань: Школа. – 172 с.
- Шмидт А.В., 1932. Жертвенные места Камско-уральского края // Изв. ГАИМК. Т.ХII. Вып. 1-2. – Л.: ГАИМК. – 44 с.

Рис. 1.1 Карта распространения мечей типа 1.
1. Варны, 2. Бурговский, 3. Митинский, 4. Кудамевский,
5. Мокшский, 6. Калитинковский, 7. Бродовский,
8. Старо - Мунитинский, 9. Кумулевский III,
10. Тарасовский, 11. Туревский

Рис. 1.2 Карта распространения мечей типа 2.
1. Туревский, 2. Кумулевский III, 3. Нырганда II
4. Чеганда II, 5. Тарасовский, 6. Покровский, 7. Ижевский,
8. Красновский, 9. Мокшский, 10. Калитинковский

Рис. 1.3 Карта распространения мечей типа 3.
1. Нырганда II, 2. Чеганда II
3. Тарасовский, 4. Афонский

Рис. 1.4 Карта распространения мечей типа 4.
1. Ижевский, 2. Ижевский, 3. Афонский,
4. Тыл - Тыл, 5. Суворовский, 6. Рождественский I

Рис. 1. Карты распространения мечей различных типов

О.О. Малых.

К

ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ДЛИННОКЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ ПРИКАМЬЯ II-VII ВВ. Н. Э.

Статья посвящена характеристике длинноклинкового оружия (мечи, палаши), получившего распространение в Прикамье в период раннего средневековья. В итоге проведенного анализа сделан вывод о том, что несмотря на наличие особенностей в развитии оружия в данном регионе, не вызывает сомнения, что в целом в Прикамье длинноклинковое оружие развивается в условиях внешнего влияния и, вероятнее всего, большая его часть является импортом из других регионов.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Прикамье, мечи, палаши, сабли

О.О. Malykh

ON THE TYPOLOGY OF LONG BLADE WEAPONS OF THE KAMA REGION IN THE
II-VII CENTURIES A.D.

The paper addresses the characteristics of long blade weapons (swords and broadswords), which were spread in the Kama region in the Early Medieval period. The analysis shows that though there were peculiar features in the development of weapons in the given region, in general long blade weapons of the Kama region were formed by external influences and most probably were imported from other regions.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Kama region, swords, broadswords, sabres

Прикамье – регион с богатой и весьма своеобразной историей, понимание которой не возможно без изучения наследия, оставленного нам минувшими эпохами. Археологическое изучение региона насчитывает более чем столетнюю историю. За этот период открыто огромное количество памятников, и накоплен значительный объем материалов, отражающих различные стороны жизни древних обществ.

По имеющимся в нашем распоряжении данным, за все время проведения археологических исследований на территории Верхнего и Среднего Прикамья было обнаружено порядка 160 единиц длинноклинкового оружия, представленного мечами, палашами, саблями или их фрагментами. Из этой массы оружия 120 единиц относятся к периоду II-VII вв., что составляет примерно 75% от всего известного нам оружия. Такое количество оружия, бытовавшего в относительно непродолжительный период, объясняется тем, что часть данного периода приходится на эпоху Великого переселения народов. Миграционные процессы усложняют военную обстановку в регионе и приводят к тому, что в среде местного населения появляется потребность в значительном количестве оружия. В ходе процессов, происходящих в эпоху ВПН, в регион вместе с пришлым населением попадает большое количество оружия и вооружения.

Традиционно принято считать, что Прикамье не являлось центром исторических событий. Тем примечательнее наличие в периферийном регионе такого количества оружия. На основе прикамских находок длинноклинкового оружия, имеет смысл разработать типологию, дабы определить, развивается ли вооружение в нашем регионе в контексте общих тенденций своего времени, или в развитии вооружения присутствует своя региональная специфика?

Под влиянием современных требований философии и методологии науки меняет-

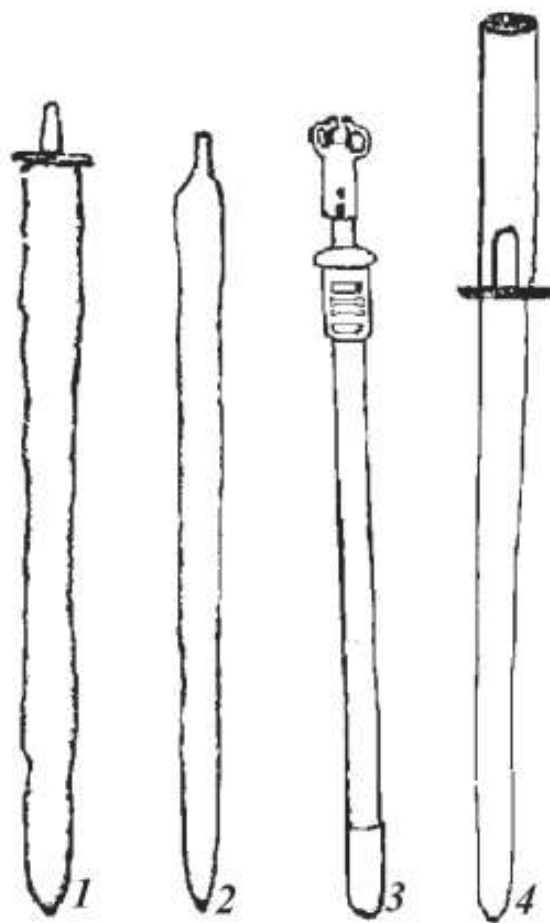

Рис.2 Основные типы Прикамских мечей:
1 – тип 1 (Голдина, Водолаго, 1990. С. 149, табл. ЛП-2); 2 – тип 2 (Останина 1992. С.96, рис. 2); 3 – тип 3 (Генинг. 1971. С.154, табл. XI-1) ; 4 – тип 4 (Останина. 1971. С.104, табл. V-1)

ся парадигма построения типологии. Если ранее типы выделялись на основании формальных признаков, чаще всего типы клинкового оружия выстраивались на основе конструктивных элементов рукояти, наличия или отсутствия перекрестия и намерших их форм – признаков, изменение которых не всегда оказывает влияние на функциональные свойства оружия или специфику его применения.

Выделяемые типы должны отражать функциональное назначение сопоставимых объектов исследования. Функциональные свойства должны определяться на основании анализа всего предмета, а не только его частных элементов.

При выделении типов клинкового оружия мы руководствовались следующими параметрами и конструктивными особенностями оружия: длина клинка и его ширина у основания, угол сужения клинка, наличие или отсутствие перекрестия, длина рукояти.

Тип 1. Представлен мечами с прямым клинком, переходящим к хвостовику под прямым углом, что подразумевает наличие перекрестия или его аналога. Средняя длина клинка составляет около 75 см, длина клинка варьируется от 53 до 93,4 см. Средняя ширина основания клинка около 5 см при ширине от 3,4 до 5,7 см. Угол сужения клинка от основания к острию около 40 градусов. Клинок либо практически не сужается от основания к острию, либо сужение происходит в последней трети клинка. Средняя длина хвостовика составляет около 9 см. Длина рукояти оружия, по всей видимости, колебалась в пределах 15 см, следовательно, общая длина оружия составляла от 80 до 100 см.

Перекрестие прямое, изготовленное из железа, в нескольких случаях медное или бронзовое. Длина перекрестия на 3-4 см превышает ширину основания меча. Перекрестие, вероятнее всего, выполняет функцию упора при колющем ударе, нежели защищает руку владельца при парировании удара.

Степень развитости грады отражает специфику фехтования того времени, когда клинком предпочитали не блокировать оружия противника, а уходить с линии атаки или встречать удар каким-либо другим предметом. Подтверждает данное предположение факт того, что самым распространенным типом мечей в период ВПН являются те мечи, у которых конструкция не предусматривает наличие металлического перекрестия. К сожалению, мы не можем достоверно судить о свойствах металла, и о том, мог ли клинок без особого ущерба выдерживать удары другим клинком при блокировании. Как следствие, подобная защита становится не целесообразной. К тому же, при парировании опасность для рук представляет в основном блокирование другого клинка, но, видимо, клинковое оружие в данный период – редкость на поле боя, и не так часто возникает необходимость в его блокировании, что нашло отражение в конструкции оружия и тактике его применения.

Вероятнее всего, большинство мечей не имело намерших. Нам известно всего несколько серебряных намерших, имеющих рюмкообразную форму: одно халцедоновое намершие и несколько железных набалдашников.

В рамках статьи мы не можем упомянуть обо всех находках мечей, относящихся к этому типу, ограничившись несколькими примерами. К типу 1 относятся мечи из кургана 5 Тураевского могильника (Генинг, 1976. С. 70), кургана 24 погребения 4 Бродовского могильника (Голдина, Водолаго, 1990. С. 149, табл. ЛП-1).

Параметры большинства мечей, относящихся к типу 1, рассчитывались для нанесения ударов рубящего характера, для которого необходим относительно длинный и широкий клинок, что обеспечивает массу оружия. Подобные мечи вытесняют все

остальные виды длинноклинкового оружия в результате своей универсальности, как для атакующих действий, так и для защитных.

Мечи первого типа известны в Прикамье начиная с III-II вв. до н.э. и заканчивая периодом VII-IX вв. н.э. При этом не исключено, что и в дальнейшем подобные мечи могли находиться в употреблении, но широкого распространения не получили.

В рамках интересующего нас периода мечи типа 1 получают свое основное распространение в период V-VII вв. н.э., вытеснив остальные виды клинкового оружия до распространения средневековых палашей.

На момент написания статьи нам известно о факте обнаружения 29 мечей, относящихся к типу 1. Не вызывает сомнения, что в употреблении находилось в разы больше оружия, чем фиксируется археологически. Относительно небольшое количество мечей типа 1, известных науке, вероятно, следует, объяснять следующими факторами. Во-первых, к VI в. миграционные процессы постепенно затухают, что приводит к нормализации военной обстановки, как следствие – к снижению значимости оружия и предметов вооружения и потребности в них. Во-вторых, прекращение миграций приводит к тому, что из других регионов в Прикамье существенно сокращается поступление оружия. Это приводит к повышению его стоимости. Роскошь – поместить клинок в состав погребального инвентаря – могут позволить себе только очень богатые люди. Снижение числа военных столкновений приводит к изменению психологии общества, воинский культ постепенно будет отходить на второй план, что найдет свое отражение в погребальном обряде, в рамках которого исчезает традиция помещения клинкового оружия в состав погребального инвентаря.

Распространение мечей первого типа в Прикамье не стоит связывать с влиянием какого-либо одного этноса или археологической культуры. Данные мечи распространены на территории всего континента вследствие простоты изготовления и эффективности применения оружия. Появление этих мечей в нашем регионе отражает общие тенденции своего времени.

Большая часть известных нам мечей происходит из могильников Верхнего Прикамья, оставленных населением, позднее сформировавшим неволинскую культуру. Часть этого населения, по-видимому, представлено выходцами с территории Западной Сибири и связывается рядом исследователей с носителями саргатской культуры (Белавин, Крыласова, 2002. С.143).

Наибольшее количество мечей на одном памятнике обнаружено в погребениях Кудашевского могильника. В результате раскопок, проводимых под руководством О.А. Казанцевой, обнаружено 11 мечей. Не вызывает сомнения, что часть захоронений оставлено местным населением, часть погребений принадлежит населению, попавшему в Прикамье в ходе миграционных процессов эпохи ВПН. Р.Д. Голдина высказывала предположение о том, что воинские погребения Кудашевского могильника могли быть оставлены носителями вельбарской культуры (Голдина, 2000. С. 234).

Далее речь пойдет о весьма специфических видах оружия, которое бытовало ограниченное время, и так или иначе связано с Великим переселением народов, либо предшествовало этой эпохе.

Тип 2 объединяет под своей номенклатурой весьма своеобразное оружие, усредненные параметры которого представлены следующими значениями. Средняя длина клинка составляет около 69 см, длина клинка варьируется от 52 см до 83 см. Ширина основания клинка варьируется в районе 3,9 см, ширина варьируется от 3,2 см

до 5,1 см. Клинок сужается под углом около 36 градусов. При обнаружении оружия сечение мечей в большинстве случаев определяется как линзовидное. Длина хвостовика составляет от 17 до 8,5 см, следовательно, средняя длина рукояти должна варьироваться в пределах 15-20 см.

Характерной особенностью мечей типа 2 является переход от клинка к хвостовику под тупым углом, при котором основание клинка имеет подтреугольную форму. Подобный переход исключает возможность использования металлического перекрестья. Защиту руки и функции упора могло выполнять расширение деревянной части рукояти или, к примеру, кожаная обмотка рукояти.

К характерным особенностям мечей с подтреугольным основанием клинка является использование халцедоновых дисков в качестве навершия. Навершие крепилось при помощи штифта, продеваемого через отверстие в центре навершия и вбивавшегося в верхнюю часть деревянной рукояти.

На основании усредненных параметров оружия можно предполагать, что мечи типа 2 являются разновидностью колюще-режущего оружия. Оружие с максимальной шириной клинка около 3,9 см и относительно коротким клинком не будет обладать необходимой массой для рубящего удара, но клинок прекрасно подойдет для нанесения проникающих повреждений.

Мечи типа 2 получили основное свое распространение в Верхнем и Среднем Прикамье в период III-IV веков. Мечи встречаются и в материалах V в., но данный тип вытесняется мечами типа 2, потому что их конструкция в большей степени отвечает потребностям своего времени.

Всего нам известно об обнаружении 44 мечей, которые могут быть отнесены к типу 2, что составляет более 50 % от оружия, тип которого можно определить. Примером данного типа могут послужить мечи из погребения 129 Тарасовского могильника (Голдина 2004, Т.2. С. 245, табл.45-4), погребение 171 Тураевского могильника (Голдина, Бернц, 2000. С.158).

Сложно делать выводы о том, являлся ли данный тип самым распространенным видом длинноклинового оружия или нет. Столь широкое распространение мечи данного типа получили в связи с тем, что их бытование приходится на III-V вв. н.э. – период, в который происходят основные события эпохи ВПН. Вследствие масштабных миграций увеличивается количество военных столкновений а, следовательно, потребность в оружии резко возрастает. В регион вместе с переселенцами попадает большое количество оружия, так как часть населения переселяется из районов, где меч играл весьма большое значение в военном деле. Примером могут послужить сарматы, представители которых могли осесть в Прикамье. По торговым каналам в регион также поступает оружие, причем в больших объемах, нежели ранее, так как повысилась потребность в нем и его значимость. Часть оружия может быть местного производства, так как потребность в нем высока, что могло заставить местных мастеров заняться изготовлением мечей. После того как будут завершены основные миграционные процессы в регионе, потребность в оружии пойдет на убыль, и в последующие периоды будет фиксироваться относительно небольшое его количество.

Мечи данного типа принято называть позднесарматскими, хотя данное утверждение не совсем верно. Мечи с подтреугольным основанием клинка встречаются от Центральной Азии до Британских островов. Основное свое распространение мечи получили в степной зоне, и связываются с поздней стадией развития сарматской

культуры. Безусловно, часть оружия проникает в регион с носителями сарматской культуры или под их влиянием, так как при прохождении через степи гуннов часть сармат вынуждена переселиться севернее в более безопасные районы. Однако не стоит связывать мечи второго типа исключительно с сарматским влиянием, так как в искомый период в лесостепной зоне Евразии это самый распространенный тип мечей, так что в Прикамье эти мечи поступают практически со всем населением, оказавшимся в нашем регионе в период III-V вв.

Традиционно считается, что палаш – оружие, появившееся в эпоху средневековья как результат развития клинкового оружия под влиянием изменения тактики ведения конного боя. Однако прикамские и поволжские материалы эпохи РЖВ опровергают это предположение.

Тип 3 представлен оружием с прямым однолезвийным клинком, которое традиционно принято называть палашами. Об усредненных параметрах этого оружия весьма сложно судить, так как опубликованные материалы отрывочны, и не позволяют составить целостного представления о ранних палашах.

К характерным особенностям оружия относится наличие следующих конструктивных элементов: однолезвийный клинок, наличие перекрестия и навершия в виде двух антенн, образующих незамкнутый овал или круг, концы его имеют утолщения, которые могут быть оформлены в виде головок змей, противостоящих друг другу.

В качестве примера палаша мы приведем клинок из погребения 1317 Тарасовского могильника. Длина клинка составляет 77 см, при ширине основания клинка 3,2 см, откованная как продолжение клинка рукоять длиной 11 см. Железное навершие, откованное вместе с рукоятью, оформлено в виде двух противостоящих друг другу змей. Перекрестие представлено железной полосой, обернутой вокруг основания клинка и склепанной на концах (Голдина Т.2. С.301, табл. 509-10).

Палаш из п. 1317 – весьма интересное оружие, ширина и геометрия клинка позволяют сделать предположение, что перед нами колющее оружие. В то же время палаш обладает достаточной массой для рубящего удара – за счет длины клинка и расширения обуха клинка. Таким образом, получается, что клинок рассчитан на нанесение колюще-режущих повреждений.

Не исключено, что палаши, не снабженные перекрестием и навершием, необходимо выделить в отдельный подтип, так как отсутствие этих элементов окажет влияние на применение оружия.

Ранние палаши в Прикамье распространены в период II-III вв. н.э. Возникает вопрос о происхождении прикамских палашей. Всего нам известно 11 палашей, относящихся к данному периоду. Ближайшие аналоги имеются в погребениях Андреевского кургана, расположенного на территории республики Мордовия (Гришаков, Зубов. 2009. С. 151, рис. 26-3). Палаши Тарасовского могильника и Андреевского курганов, на наш взгляд, весьма близки, прежде всего, по особенностям наверший, которые составляют единое целое с металлической рукоятью, отковываясь заодно с ней, или крепясь при помощи раскованного штифта. Возможно, первыми в регион попали палаши с «железными» рукоятями с территории Поволжья, и именно они могли заложить в Прикамье традицию ранних палашей.

Часть палашей имеет насадные навершия, отлитые из бронзы или меди. Если судить по стилю изготовления наверший, то они аналогичны обоямам палашей Охлебнинского могильника караабызской культуры. Не исключено, что палаши с медными

навершиями являются продукцией местных мастеров.

Основная масса прикамских палашей, видимо, локализуется в среде носителей чегандинской культуры в районе устья р. Белой, что крайне интересно, так как это один из немногих случаев, когда какой-либо предмет материальной культуры можно локализовать в определенных географических рамках.

Эпоха ВПН отличается своеобразием как защитного, так и наступательного вооружения. На территории Камско-Вятского междуречья получил распространение тип двуручных мечей, который может быть соотнесен с конкретной археологической культурой.

Тип 4. представлен мечами со средней длинной клинка около 81 см, длина клинка от 76 до 88 см. Ширина основания клинка 5 см, данный параметр варьируется от 4,4 см и до 5,6 см. Угол сужения большинства клинков составлял примерно 40 градусов. На основании сохранившихся рукоятей и местоположения наверший в погребении можно утверждать, что длина рукоятей составляла 30-40 см. Длина хвостовика составляла около 12 см. Следовательно, общие параметры оружия варьировались в пределах 110-120 см. Не все «азелинские» мечи снабжались перекрестием. Мы полагаем, что нецелесообразно выделять мечи с перекрестием в отдельные подтипы. В данном случае перекрестия не оказывают существенного влияния на специфику применения оружия.

Для мечей данного типа характерно использование металлических набалдашников в качестве навершия рукояти. Набалдашники, вероятно, не случайно выбраны в качестве наверший, ибо они предохраняют верхнюю часть деревянной рукояти от разрушения.

Мечи, относящиеся к данному типу, вероятнее всего, стоит рассматривать, как разновидность рубящего оружия, так как благодаря своим габаритам это оружие будет иметь необходимую массу для эффективного удара. Подобное оружие могло понадобиться либо для борьбы с противником, защищенным тяжелым доспехом, либо как оружие противодействия всаднику. Существует мнение, что мечи, относящиеся к типу 4, могли использоваться как режущее оружие, так как благодаря длинной рукояти и клинку возможно наносить глубокие резаные раны.

Оружие, относящееся к типу 4, распространено в период III-V вв. н.э. Сложно судить о том, является ли традиция длинных мечей местной, или она возникла под внешним влиянием. Без сомнения, подобное оружие могло встречаться в любом регионе, но только в Прикамье археологически удастся зафиксировать такие мечи, и локализовать их в рамках конкретной археологической культуры. Мечи четвертого типа характерны для азелинской культуры, но встречаются и на периферии территории, занимаемой этой культурой.

Примером мечей данного типа могут послужить находки из погребений №17 Нивского могильника (Останина, 1971. С.104, табл. V) и №1 Суворовского могильника (Генинг 1963. С.109).

Несмотря на то, что Прикамье многими рассматривается как «периферийный» регион, тем не менее, имеет свою богатую и своеобразную историю развития длинноклинкового оружия. В целом вооружение региона отражает общие тенденции развития вооружения своего времени, насколько это возможно в отсутствии промышленного производства, но вместе с тем имеет свои особенности. Самыми распространенными мечами в Прикамье были тип 1 и 2. Вследствие своей простоты и универсальности

это оружие используется практически на территории всего континента. Нет ничего удивительного, что в нашем регионе это самое массовое длинноклинковое оружие.

К особенностям оружия можно отнести тип 4, который на сегодняшний день локализуется в среде азелинской археологической культуры и на ее периферии. Нельзя исключать, что данная традиция могла сформироваться в среде местных племен.

Из общего ряда выбивается тип 3, представленный ранними палашами. Появление этого оружия стоит рассматривать как внешнее влияние, которое могло привести к появлению устойчивой традиции просуществовавшей в период II-III вв.

Несмотря на наличие особенностей в развитии оружия в нашем регионе, не вызывает сомнения, что в целом в Прикамье длинноклинковое оружие развивается в условиях внешнего влияния и, вероятнее всего, большая часть известного нам оружия является импортом из других регионов.

Клинковое оружие Прикамья – весьма важная и сложная проблема развития материальной культуры региона. Данная проблема требует всестороннего изучения.

Список литературы:

Белавин А. М., Крыласова Н.Б., 2002. Проблемы периодизации археологического средневековья в Пермском Предуралье; Предуралье в эпоху раннего средневековья // Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – С. 129-162

Генинг В.Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. – Казань: КФ ФР СССР. – С.55-108

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: ИИУ. – 176 с., ил.

Голдина Р.Д., 2000. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: УдГУ. – 234с.

Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме: в 2-х т. – Ижевск: УдГУ. – 724 с.

Голдина Р.Г., Бернц В.А. 2004. Предварительные итоги раскопок бескурганной части Тураевского могильника. // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – С.140-162.

Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века восточной Европы. – Казань: ИИ АН РТ. – 173 с.

Останина Т.И., 1992. Покровский могильник IV-V вв. Каталог археологической коллекции. – Ижевск: УКМ. – 94 с.

Останина Т.И., 1971. Нивский могильник III-V в. // Материалы по ранней истории населения Удмуртии. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР. – С.92-117

Е.В. Бубнель.
ПРОБЛЕМА «MAGNA HUNGARIA» НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В
ТРАКТОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ АРХЕОЛОГОВ

В статье анализируется развитие представлений российских и венгерских исследователей по вопросу локализации легендарной прародины венгров в период конца XX – начала XXI вв. Работы отечественных и венгерских исследователей в целом строятся на разной методологической основе, поэтому их выводы не всегда совпадают. Наиболее устойчивой является гипотеза о локализации прародины венгров на Южном Урале.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, проблема прародины венгров, историография

E.V. Bubnel
THE PROBLEM OF MAGNA HUNGARIA IN THE SOUTHERN URAL FROM THE
CONTEMPORARY ARCHAEOLOGICAL PERSPECTIVE

Russian and Hungarian archaeological conceptions of the end of XX – beginning of the XXI centuries on the localization of the legendary Hungarian ancestral home are being reviewed. Russian and Hungarian works are based on different methodology, hence the difference in the outcomes. The most settled hypothesis claims the Hungarian ancestral home is located in Southern Ural.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, ancestral home of Hungarians, historiography

На сегодняшний день тезис о восточной «прародине» венгерского этноса является объектом пристального внимания со стороны историков, этнографов, и археологов. В данном контексте очень важен вопрос о длительном проживании в период Средневековья и формировании венгерского этноса на территории Урала – проблема «Magna Hungaria» («Великая Венгрия»).

Важно определить, как трактуют понятие «Magna Hungaria» современные отечественные и зарубежные археологи. В отечественной науке она трактуется как этно-территориальное понятие, обозначающее реально существовавший ареал расселения мадьярского этноса на территории Урала, подтвержденное археологическими и письменными материалами. Часть венгерских ученых рассматривают ее, прежде всего, как историографическую концепцию (И. Зимони, Д. Синор, Д. Габор, Ч. Балинт), другая группа венгерских исследователей (И. Фодор, А. Тюрк) подчеркивает, что данная проблема – археологическая и историческая реальность.

В ходе XX в. наблюдается тенденция неоднократного пересмотра венгерскими учеными своих взглядов на данную проблему под влиянием накопления археологического материала. В этом плане важную роль играет деятельность отечественных археологов, которая постепенно, по мере роста археологических доказательств, способствует утверждению положения о реальном существовании венгерской прародины «Magna Hungaria» на Южном Урале. В 1970-е годы после интенсивных археологических исследований Е.А. Халиковой, А.Х. Халикова, И. Фодора, Ч. Балинта, Е.П. Казакова в археологической литературе утверждается точка зрения, стержневыми моментами которой являются признание угро-мадьярской этнокультурой ряда археологических памятников в Приуралье, например, кушнаренковского и караякуповского типов, и отождествление их ареала (Южный Урал) с «Magna Hungaria».

В 1990-е годы и в первое десятилетие XXI века исследования российских архе-

ологов – Е. П. Казакова, В. А. Иванова, С.Г. Боталова и других исследователей – играют важную роль также в постановке вопроса о приуральской истории венгров. Сторонником данной концепции географической локализации «Magna Hungaria» на Южном Урале является Е.П. Казаков, считающий областью первоначального расселения мадьярского племенного союза степи Южного Урала, и предполагающий возможность их меридиональных перекочевок от Урала до Арала (Казаков, 2007. С. 110), постоянно ставящий вопрос об этнической принадлежности кушнаренковско-караякуповских памятников Южного Урала в прямую зависимость от решения вопроса об этносе носителей общности западносибирских средневековых культур со штампо-гребенчатой керамикой, западную периферию которой составляют памятники кушнаренковского и караякуповского типов (Казаков, 1992. С. 244-245).

Н.А. Мажитов, известный башкирский археолог, проводивший раскопки на большинстве могильников вышеуказанных археологических культур, декларирует в своих работах тюрко-башкирскую принадлежность этих памятников (Мажитов, 2007).

В 1999 г. впервые непосредственно древней истории мадьяр посвятил монографию В. А. Иванов, в которой он отождествляет кушнаренковскую культуру с «древними уграми-мадьярами» и подчеркивает, что «...Проблема локализации и археологического содержания Magna Hungaria перестает быть региональной проблемой, поскольку, во-первых, «Древняя или Великая Венгрия», в каком бы районе Урало-Волжского региона она ни находилась и какой бы смысл ни вкладывали в это понятие средневековые и современные авторы, являлась начальным пунктом пребывания древних мадьяр-протовенгров в Восточной Европе, пунктом, в котором древнемадьярская культура, в самом широком смысле этого слова, какое-то время сохранялась в максимально чистом виде...» (Иванов, 1999. С. 20).

Автор на основе обширного археологического материала, подтверждающего, по его мнению, факт широкого распространения по обе стороны Южноуральского горного хребта однотипных археологических культур, доказывает наличие единого венгерского этнокультурного ареала, который, по его мнению, образуют памятники кушнаренковской, караякуповской, бакальской, неволинской культур, занимающие лесостепную зону Южного Урала, Приуралья и Зауралья, от Камы на западе до Иртыша на востоке и объединяющиеся по следующим признакам:

- Лесостепной ландшафт, предопределяющий занятие полукочевым скотоводством;
- Обряд захоронения под курганами, содержащими по несколько захоронений.
- Керамика, украшенная резным и штампо-гребенчатым орнаментом.

Освещая данную тему, ни в коем случае нельзя обойти вниманием работы представителей современной венгерской археологии. Особенно важно это во многом потому, что конец 1980-х – 1990-е гг. были временем упадка сотрудничества российских и венгерских коллег. И на сегодняшний день взаимодействие отечественных и зарубежных археологов затруднено по различным причинам, которые подробно раскрывает в своей работе венгерский археолог Чанад Балинт: языковые различия, финансовые причины, разная методологическая направленность венгерской и российской археологии, политическая конъюнктура (Balint Csanad, 2009. Р. 157).

Трактовки венгерскими учеными вопроса «Magna Hungaria» изменились в 1990-е гг. в силу смены парадигм в венгерской археологии. В середине 1990-х гг. в венгерской исторической науке появляются критические взгляды на возможности археоло-

гии в плане этнической реконструкции со стороны Дьюлы Кришто. В ходе дискуссии на страницах журнала «Сазадок» Дьюла Кришто отстаивал точку зрения, что археология не является этническим маркером.

Чанад Балинт в своих работах также настойчиво утверждает, что археология не может служить этническим маркером (Balint Csanad, 2009. Р. 173). Чанад Балинт приводит пример, что не только политические, но и другие (региональные, этнические, культурные), группы не были до сих пор успешно выделены в археологическом материале Венгров десятого столетия (Balint Csanad, 2009. Р. 176). По мнению исследователя, не только остатки этих семи племен не могли быть идентифицированы, но даже материал племени Каваров неотличим от остальной части Венгров-завоевателей. Относительно «Magna Hungaria» он отмечает, что поиск и локализация ее в Восточноевропейском регионе были бы возможны только при условии игнорирования значительных этнических изменений на ее территории, а аргументация на основе источников недостаточна и слишком гипотетична. Кроме того, в силу отсутствия, по его мнению, серьезного сравнительного статистического анализа археологического материала венгерских памятников в Восточной Европе и памятников в Карпатском бассейне, преждевременно однозначно высказываться о «Magna Hungaria».

Денис Синор также отмечает чрезмерную, по его мнению, гипотетичность этнических построений на основе археологического материала. Невозможность выделить социальные или этнические группы он объясняет этнической незначительностью археологического материала в материальной культуре Периода Завоевания в Карпатском бассейне. Что касается географических рамок «Magna Hungaria», исследователь считает, что она находилась в Волжско-Камском бассейне (Sinor, 1977. Р. 527).

Другая группа исследователей считает возможным говорить об убедительности возможностей археологии в плане реконструкции этнических процессов. По мнению, Иштван Фодора (Fodor I., 1996. р. 14) и А. Тюрка, памятники кушнаренковской культуры убедительно свидетельствуют о факте проживания венгров в VI-IX вв. на территории Южного Урала, что подтверждают и лингвистические материалы (Тюрк А., 2007. С. 357)

Таким образом, большинство современных российских исследователей признает достаточными основания говорить о существовании «Magna Hungaria» на Южном Урале с оговоркой, что угорскую и вместе с тем протомадьярскую прародину можно локализовать в лесостепной зоне: в Зауралье и Западной Сибири. Большая часть венгерских исследователей локализует этногенез мадьяр в Приуралье (И. Фодор, А. Тюрк, Я. Харматта, А. Рона-Таш)), а некоторые – в Поволжье (И. Зимони).

В целом в работах отечественных и венгерских исследователей в последние годы все более наблюдается разная методологическая направленность, в частности, при сохранении важной роли исследований материальной культуры в отечественной исторической науке, в венгерской историографии все чаще высказывается мнение, согласно которому характер этнической интерпретации имеющихся археологических материалов слишком гипотетичен. Опора идет в основном на лингвистические данные. В отечественной историографии археологические данные, наоборот играют значительную роль.

Список литературы:

Иванов В.А., 1988. Magna Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа: Баш. кн. изд-во. – С.53-66

Иванов В.А., 1999. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем. – 123 с.

Иванов В.А., 2008. Археологические культуры Южного Урала второй половины I тыс. н.э. в контексте концепции об уральской прародине древних мадьяр // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН. – С. 84-88

Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука. – 344 с.

Казаков Е.П., 2007. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. – Казань: ИИ АН РТ. – 208 с.

Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-IX вв. – М.: Наука. – 163 с.

Тюрк А., 2007. О вопросе башкиро-венгерских отношений и проблеме «Великой Венгрии» (Magna Hungaria) // Материалы Международной конференции «Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900-1966): Сб. ст. – Уфа: Китап. – С. 346-357.

Balint Csanad, 2009. A contribution to research on ethnicity: a view from and on the east. The state of research. – Budapest. – 347 с.

Fodor I., 1996 The Hungarian Conquest // The Ancient Hungarians. – Budapest. – 256 с.

Kristo Gy., 1995. A Magyar alam megszületese. – Szeged. – 383 с.

Sinor, Denis. 1977. The Outlines of Hungarian Prehistory // Journal of World History. № 4 (3). – P. 513-540

**Т.В. Чичко (Барынина).
НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ИМПУЛЬСОВ В ПРИУРАЛЬЕ И
ПРИКАМЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.**

Прикамско-Приуральский регион – место максимального сосредоточения восточной серебряной посуды. Прежде чем попасть сюда, восточная тореэтика находилась в среде среднеазиатских кочевых племен-хионитов, эфталитов, тюрок и на подвластных им территориях Согда и Хорезма. Появление ее в Приуралье объясняется переселением угорских племен с территорий лесостепного Зауралья и Западной Сибири, которые были включены в систему контактов с населением Средней Азии в эфталитский период. Серебряная посуда в угорской среде использовалась в ритуальных целях, и при переселении носители неволинской культуры принесли ее в Прикамье с собой. Позднее начиная с VII в. массовое поступление восточного импорта в Прикамско-Приуральский регион происходило по степному торговому пути из Средней Азии.

Ключевые слова: археология, Прикамско-Приуральский регион, раннее средневековье, восточная серебряная посуда, Средняя Азия

**T.V. Chichko (Barynina)
DIRECTION OF CULTURAL IMPULSES IN THE CIS-URALS AND THE KAMA
REGION IN THE SECOND HALF OF THE I MILLENNIUM A.D.**

The area of the Cis-Urals and the Kama region is the place of maximum concentration of eastern silverware. Before getting to the area, eastern tioritics had been spread among the Central Asian nomadic tribes of Xionites, Hephthalites and Turks and on the territories of Khwarezm and Sogdiana under their control. Its occurrence in the Cis-Urals could be explained by the migration of Ugric tribes from the forest-steppe territories of the Trans-Urals and Western Siberia, which were included in the systems of interactions with the population of Central Asia in the Eththalitian period. Silver tableware in the Ugric environment was used for ritual purposes. In the course of migration the bearers of the Nevolinskaya culture brought it over to the Kama region. From the VII century mass supply of western import to the area of the Cis-Urals and the Kama region took place along the steppe trade route from Central Asia.

Key-words: archaeology, the Cis-Urals and the Kama region area, the Early Middle Ages, eastern silverware, Central Asia

Эпоха Великого переселения народов принесла заметные изменения в этно-политическую и этнокультурную карту Прикамско-Приуральского региона. Проявилось это в переселении из лесостепного Зауралья и Западной Сибири значительной части угорских племен, входивших в состав некогда единого угорско-самодийского этнокультурного ареала (Иванов, 2006. С.25). Археологически это выражается в распространении неволинской и ломоватовской культур на территории Прикамья, и куш-наренковской культуры на территории Южного Приуралья. В этническом отношении это родственные, но не идентичные по отношению друг к другу племена, с характерными для них культурными признаками.

Общими для них признаками материальной культуры является геральдическая поясная гарнитура, некоторые элементы женских украшений, принадлежности конского снаряжения и использование восточной посуды в культовых целях. В этой связи необходимо отметить, что материальная культура Прикамско-Приуральского населения во второй половине I тыс. н. э. формировалась на основе нескольких компонентов: местного – угорского (принадлежности женского убранства), кавказского и среднеазиатского (геральдическая поясная гарнитура и некоторые типы женских украше-

ний, тюркские поясные наборы, среднеазиатская посуда), переднеазиатского (сасанидская посуда и монеты). Определенное влияние происходило и со стороны Византийской империи, что проявилось в распространении у Прикамско-Приуральского населения византийской посуды и монет, обнаруженных наряду с сасанидскими в составе кладов.

Одну из наиболее ярких категорий материальной культуры средневекового населения Прикамья и Приуралья составляет восточная посуда III-IX вв. (сасанидская, византийская и среднеазиатская). Начало ее притока в Прикамье и Южное Приуралье исследователи относят к середине – второй половине VII в., хотя можно допустить и более раннюю дату. В этой связи, А.Г. Иванов полагает, что отдельное поступление восточного импорта могло начаться раньше и могло быть связано с процессом продвижения пришлых племен в V-VI вв. в Прикамье, оставивших памятники харинского типа (Иванов, 1998. С. 49-52).

Произведения восточной торевтики входили в состав кладов, которые в массе своей локализуются в Лесном Приуралье на территории Верхнего и Среднего Прикамья (в пределах Кунгурской лесостепной полосы, в районе рек Обвы, Иньвы, а также Вятки и Чепцы). Отдельные находки восточного серебра известны на территории лесостепной полосы – современного Оренбуржья и Башкортостана (в среднем и верхнем течении р. Белой). Из 47 учтенных в работе пунктов находок восточной торевтики (кладов и единичных находок) III-IX вв. н.э., большинство локализовано в районе Верхней Камы – 46,5%; с территории Средней Камы происходит 23,2% кладов и единичных находок торевтики; современного Башкортостана – 13,9%; 11,05% – с территории бассейна рек Вятки и Чепцы.

Некоторые клады были найдены в пределах селищ и городищ ломоватовской (Вереинский клад находился недалеко от Малышатского городища, Мальцевский, Климовский клад, и пр.) и неволинской (Бартымский, Шахаровский клад, находки у с.Стрелка, с.Курилова, и пр.) культур Прикамья. Несколько кладов восточной торевтики известно на территории современного Башкортостана – ареала распространения кушнаренковской и караякуповской культур (Стерлитамакский могильник, Уфимский могильник, Аврюзтамакский клад, находки у с.Алкино, Чишминского района, и пр.).

Всего в Прикамье и Южном Приуралье известно 112 находок восточной посуды, представленной несколькими географическими и хронологическими пластами, что позволяет наметить исходные районы поступления торевтики в Прикамско-Приуральский регион. Они располагаются следующим образом: сасанидская торевтика III-VII вв.; византийская торевтика VI-VII вв.; торевтика прикаспийских провинций Ирана, выполненная в сасанидских традициях конца VII – первой половины VIII вв.; торевтика Восточного Ирана (Хорасан) VIII – первой половины IX вв.; среднеазиатская торевтика (согдийская, фергано-семиреченская группы; территории, прилегающие к Западнотюркскому каганату и Восточному Туркестану) VIII-X вв. (географическая и хронологическая атрибуция торевтики постсасанидского времени – по типологии В.П. Даркевича).

Обращает на себя внимание синхронность собственно сасанидских и византийских образцов, объясняющаяся, видимо, военно-политическими коллизиями в Персидской Азии накануне арабского завоевания (ирано-византийские войны и причастность к ним кочевников евразийских степей). В количественном же отношении пре-

обладают среднеазиатская торевтика (46,4%) и торевтика прилегающих к Средней Азии районов Восточного Ирана периода VIII – первой половины IX вв. (7,07%), что также может объясняться военно-политической ситуацией, сложившейся в Евразии после арабского завоевания (падение Сасанидского Ирана, появление на Средней Волге первых болгар в конце VII в., усиление Западного Тюркского каганата и складывание на территории среднего течения р. Белой угро-мадьярского племенного союза (*Magna Hungaria* по В.А. Иванову в конце VII – IX вв.).

Прикамско-Приуральский регион является местом максимального сосредоточения восточной торевтики, но далеко не единственным. Так, несколько иранских сосудов VI-VII вв. были обнаружены на территории Армении – г. Нор-Баязет (совр. г. Камо); Дагестана, Северной Осетии (Урздонское ущелье); в г. Грозном (Даркевич, 1976. Табл. 145; Тревер, 1940. С. 126-127). Клады, содержащие Сасанидскую торевтику, были обнаружены и на Украине – с. Лимаровка, Павловка, Малая Перещепина, Глодосы, Хомяково (Даркевич, 1976. Табл. 145; Тревер, 1940. С. 126-127). Всего на территории Украины известно девять сосудов эпохи Сасанидов. Помимо сасанидских, на Украине были найдены византийские сосуды с клеймами. Это блюдо, обнаруженное у с. Павловка Харьковской губернии последней четверти IV в.; два блюда с клеймами Маврикия (582 – 602 гг.) и одно – Ираклия (629/30 – 641 гг.) из Перещепинского клада Полтавской губернии (Кропоткин, 1967. Табл. 75). Кроме того, на территории Украины были найдены несколько фрагментов византийских серебряных сосудов VI – VII вв., у с. Нескребовка на Днепропетровщине; у с. Мартыновцы на Киевщине (Мацулевич, 1940. С.140). По мнению Л.А. Мацулевича, с учетом фрагментарных находок серебряных блюд, количество византийских сосудов, найденных на Украине можно довести до 14-15 (Мацулевич, 1940. С.140). Два серебряных византийских блюда последней четверти IV в. происходят из Керчи (Кропоткин, 1967. Табл.75). Одно византийское блюдо с клеймом Ираклия (613 – 629/30) было найдено на Кавказе в Пятигорье (Кропоткин, 1967. Табл.75). Кроме того, можно отметить несколько блюд и чаш сасанидского производства, купленных в свое время в разных районах Кавказа, но место находок которых неизвестно. Согласно описаниям, происходят они из Терской области, Дагестана, Грузии (Тревер, Луконин, 1987. С.127).

В целом на территории Кавказа известно 7 блюд сасанидского времени, датированных VI-VII вв., одно византийское 613 – 629/30 г, и одно хорезмийское – VII в. Хронологически кавказские и украинские находки синхронизируются с Прикамско-Приуральскими, большая часть которых относится к VI – первой половине VII вв. Кроме того, на лимаровском блюде из Харьковской губернии имеются две надписи – среднеперсидская и согдийская самаркандским письмом, как и на многих блюдах, найденных на Урале (Тревер, Луконин, 1987. С.112-113, 121-122). Это свидетельствует о том, что прежде чем попасть на Украину, блюдо находилось на территории Средней Азии.

На территории Восточной Европы известны также клады и отдельные находки византийских солидов IV-VII вв., клады серебряных византийских монет VII в., отдельные находки медных византийских монет IV-VII вв. (Кропоткин, 1967. С.115). Отдельные находки византийских монет VII в. известны на Северном Кавказе, в Молдавии, в Прибалтике (Кропоткин, 1967. С.115).

Отдельные находки иранского производства эпохи сасанидов известны в Сибири. Это, прежде всего, серебряное навершие сасанидского штандарта VII в., а также находки

в настоящее время утраченные, но известные по описаниям (Тревер, 1940. С.167-168, 179).

Еще одним регионом распространения сасанидской торевтики являются районы Средней Азии, Индии и Афганистана. Это блюдо с изображением Варахрана V (421-438), обнаруженное в Индии (Тревер, Луконин, 1987, 63), сасанидское блюдо с изображением Пероза (457-484) в составе Чилекского клада на территории Узбекистана.

Обращает на себя внимание то, что из 25 сасанидских сосудов, обнаруженных в Прикамско-Приуральском регионе, 11 имеют надписи VII-VIII вв., из которых 4 написаны согдийским письмом, одно серебряное блюдо 390-420 г.г. из Керчевского клада имеет согдийскую надпись самаркандским письмом V-VI вв., одно блюдо, найденное у д. Стрелки, имеет эфталитскую надпись. Кроме того, средне-персидская и согдийская (самаркандская) надписи имеются на серебряной бутылке, обнаруженной у с. Лимаровка Харьковской губернии (Тревер, Луконин, 1987. С.112-113, 121, 122). Л.А. Мацулевич также отмечает, что на одном из византийских блюд второй четверти VI в. была вырезана позднейшая надпись хорезмийским и согдийским шрифтом (Мацулевич, 1940. С.146). Хронологический диапазон надписей на сасанидских сосудах (VI-VIII вв.) может дополнительно свидетельствовать о запаздывании ввоза значительной части сасанидской торевтики в Прикамье. Также обращает на себя внимание наличие среди Прикамских находок двух блюд, изготовленных в районе Афганистана – Северо-Западной Индии – в частности, серебряное блюдо (IV-V вв.) из Вереинского клада. Все это еще раз подтверждает, что восточная торевтика, прежде чем попасть в Прикамско-Приуральский регион, находилась в среде среднеазиатских кочевых племен-хионитов, эфталитов, тюрок и на подвластных им территориях Согда и Хорезма.

Серебряная посуда, как и многие другие памятники эпохи Сасанидов, относится к жанру придворного, прокламативного искусства, и в эпоху Сасанидов не могла являться предметом торговли. Она была гордостью царей и знати, украшением и знаком особого отличия. На сосудах изображались чаще всего шахи и божества зороастрийского пантеона в образе животных. За определенные заслуги на торевтике могли сделать изображение какого-либо знатного лица (Тревер, Луконин, 1987. С. 38-39). Поэтому в отношениях сасанидских шаханшахов со своими соседями, посуда могла выступать в качестве драгоценного дара с одной стороны, либо захватываться как трофей, привлекая внимание металлом, из которого она изготовлялась – с другой. Именно таким образом она могла попасть в среднеазиатские степи.

Возможно, что в результате активных взаимоотношений персов с эфталитами торевтика попадала на территорию Средней Азии вместе с монетами. Во всяком случае, те немногочисленные находки торевтики – блюдо с изображением Пероза из Чилекского клада в Узбекистане, блюдо с изображением Варахрана V из Британского музея, обнаруженное в Индии, – происходят с тех территорий, которые входили в состав государства эфталитов. Их небольшое, по сравнению с Прикамьем, количество можно объяснить тем, что Средняя Азия ощущала нехватку серебра, поэтому тяжеловесная сасанидская торевтика использовалась в качестве сырья. Нехваткой сырья объясняется и тот факт, что в некоторых областях эфталитского государства в качестве платежных средств использовались сасанидские дирхемы, поскольку они были достаточно полноценны и охотно принимались на рынках (Массон, 1971. С.231).

В целом, в раннесасанидский период среднеазиатские территории испытывали на себе влияние со стороны Ирана. Это выразилось в распространении здесь не

только персидских монет, но и характерных для Ирана IV-V вв. гемм, обнаруженных в памятниках джетыасарской культуры Приаралья и в погребениях на территории Отрарского оазиса (Левина, Никитин, 1991. С.53-65; Смагулов, 1993. С.163-167). По мнению Е.А. Смагулова, на территорию Средней Азии иранские геммы могли попасть не только посредством торговли, но и в результате военных действий сасанидских правителей на северо-восточных границах, во время которых отряды хионитов, кидаритов и эфталитов неоднократно грабили и облагали данью Иран (Смагулов, 1993. С. 167).

Таким образом, сасанидская торевтика попадала на территорию Средней Азии в результате взаимоотношений сасанидских шаханшахов с их северо-восточными соседями, в том числе и с эфталитами, которые в V-первой половине VI вв. были здесь хозяевами положения. И здесь вполне правомерно может возникнуть вопрос о том, могла ли сасанидская торевтика в этот период времени попасть на территорию Прикамья и Приуралья? И если да, – то при каких обстоятельствах?

В состав эфталитского государства входили Согд, на территории которого находились основные города Средней Азии – Самарканд, Ривдад и др., а также Хорезм. Кроме того, эфталиты являлись хозяевами значительной части «северной» трассы Великого шелкового пути и владели торговыми портами на Каспийском море (История Узбекской ССР, 1955. С.110). Большую роль, в качестве посредников в торговле между Китаем и Византией играли согдийские купцы, основавшие свои колонии в Семиречье. Известны их торговые операции, связанные с покупкой шелка, конопляных тканей, перца, парфюмерных веществ, покупкой и продажей серебра (Кляшторный, Лившиц, 1990. С. 10).

Северная ветвь Великого шелкового пути проходила через города Хорезма, население которых также занималось торговой деятельностью. В настоящее время имеется немало фактов, свидетельствующих о широком развитии торговых связей Хорезма в древности с кочевниками на севере, северо-востоке и западе от низовьев Амударьи. В этой связи можно упомянуть хорезмийскую гончарную керамику, которая известна в погребениях Южного Приуралья и Башкирии IV-II вв. до н.э. (Вайнберг, 1991. С.30). Хорезмийские сосуды VI – первой половины VIII вв. и согдийские сосуды VIII-IX вв. в массе своей известны в Прикамье и Южном Приуралье. Соответственно, можно предположить наличие каких-либо связей между населением Прикамско-Приуральского региона, с одной стороны, и населением Согда и Хорезма – с другой.

Также обращает на себя внимание ассортимент Сасанидских монет, обнаруженных в Прикамье. В регионе отсутствуют монеты, чеканенные ранее времени правления в сасанидской Персии шаханшаха Пероза (456-486). Так, например, монеты чекана Пероза, характерны для погребений харинской стадии (конец V-VI вв.) ломоватовской культуры Верхнего Прикамья (Голдина, 1985. С. 126). В погребениях агафоновской стадии (конец VI-первая половина VII вв.) ломоватовской культуры известны монеты Пероза (456-486), Кавада (488-531), Хосрова (531-579) (Голдина, 1985. С. 128). Монеты чекана Хосрова II (590-628) характерны для Деменковской стадии ломоватовской культуры (Голдина, 1985. С. 131). Монеты Пероза и Кавада известны также в погребениях памятников верх-саинской стадии (500-575 гг.) неволинской культуры Прикамья (Голдина, Водолаго, 1990. С.92). Обращает на себя внимание синхронность монет, обнаруженных в погребениях Прикамья, и монет,

известных нам на территории Средней Азии.

В то же время на Кавказе преобладают византийские монеты Ираклия и Константина (615-629 гг.) и сасанидские монеты Хормизда IV и Хосрова II (591-628 гг.) (Noonan, 1982, 271-271). Здесь отсутствуют монеты чекана Пероза, Кавада I и Хосрова I, а из ранних монет известны только монеты чекана Йездигерда I (399-420 гг.) (Noonan, 1982, 271-272). Это обстоятельство является еще одним доказательством в пользу того, что в начальный период своего поступления восточный импорт двигался не по Волге из Закавказья, а степным путем из Средней Азии.

Сложно предположить, при каких обстоятельствах монеты Пероза, характерные для харинской стадии ломоватовской культуры и верх-саинской стадии неволинской культуры попадали в Прикамье, однако, по мнению Р.Д. Голдиной, распространены здесь они были уже на рубеже V-VI вв. (Голдина, 1985. С.126). Это можно объяснить массовым переселением угорских племен с территорий лесостепного Зауралья и Западной Сибири – этнической территории угорских народов в V в. В Приуралье угры двигались по двум направлениям – на запад и северо-запад, и расселились в двух районах: в Кунгурско-Месягутовской лесостепи (неволинская культура), а затем – в VI в. и в бассейне среднего и нижнего течения р. Белой (кушнаренковская культура). Они, по мнению В.А. Иванова, «представляли собой две, хотя и родственные, но этнографически различающиеся группы угорских племен» (Иванов, 2006, 409). Очевидно, еще до своего переселения на территорию Прикамья и Южного Приуралья, носители неволинской и кушнаренковской культур составляли часть этнокультурного ареала культур лесостепного Зауралья и Западной Сибири, занимавшего во второй половине – конце I тыс. н.э. обширную территорию от Среднего Приобья на востоке, до Прикамья на западе, являвшейся этнической территорией древних угров еще с эпохи раннего железного века.

Угры-кушнаренковцы и неволинцы обитали где-то на этих территориях и, вероятно, были включены в систему контактов с населением Средней Азии в эфталитский период. Возможно, что среднеазиатские народы, входившие в состав государства эфталитов, были связаны торговыми отношениями с угорским населением Западной Сибири. В этой связи необходимо отметить, что уже в середине I тыс. н.э. лесостепное Зауралье и Западная Сибирь представляла собой ареал расселения племен саргатской (Обь-Иртышское междуречье) и гороховской (от Иртыша до восточных склонов Южного Урала) культур, вместе составлявших угорско-самодийский этнокультурный ареал. Известно так же, что угры-самодийцы были тесно связаны с кочевниками сако-массагетского мира Казахских и Южносибирских степей, что нашло отражение в облике их материальной культуры (саргатская и гороховская археологические культуры) (Иванов, 2006, 408). Кроме того, будучи вовлеченными в этнополитическую орбиту сако-массагетского мира, «саргатцы» и «гороховцы» познакомились с цивилизацией Средней Азии – Согдианой, Бактрией, и Хорезмом (Иванов, 2006. С.408). Известно также, что еще в кангюйский период хорезмийцы наложили дань пушниной своих северных соседей – лесные племена янь, в которых С.П. Толстов видит лесное население Приуралья (Толстов, 1948. С. 146).

Посредством среднеазиатских торговцев изделия средневековых восточных мастеров попадали в Сибирь в угорскую среду. В этой связи необходимо упомянуть сообщения о находках на территории Западной Сибири золотых и серебряных изделий импортного производства, известных в остяцких и вогульских святилищах (Тревер, 1940. С.179).

До недавнего времени в науке изучались лишь находки восточного импорта, происходящие преимущественно из районов Прикамья и Южного Приуралья. Од-

нако известное количество подобных находок известно и на территории Нижнего Приобья в святилищах ханты и манси (Бауло, 2002. С. 14). В массе своей это восточно-иранские, согдийские, хорезмийские и пр. серебряные изделия, которые имеют достаточно широкий хронологический разброс – от VI до XII вв. Среди прочих находок на территории Сибири можно отметить серебряное блюдо, обнаруженное в июле 2001 г. у р. Сыня в ходе экспедиционных работ Приполярного этнографического отряда (Бауло, 2002. С. 14). По мнению исследователей, на блюде с охотничьим сюжетом изображен сасанидский шаханшах Йездигерд I (399-421); оно было изготовлено в Иране в начале V в. (Бауло, 2002. С. 14). На обратной стороне блюда имеется надпись IX-X вв., выполненная курсивом арабскими буквами, видимо, «на новоперсидском языке одним из поздних среднеазиатских или иранских владельцев сосуда» (Бауло, 2002. С. 14). Поздняя датировка надписи явно свидетельствует о том, что блюдо это попало в Сибирь не ранее IX века. Возможно, что какие-то связи между населением Средней Азии и Западной Сибири существовали в период раннего средневековья.

Согдийские и хорезмийские торговцы могли поставлять сасанидскую торевтику и монеты населению Западной Сибири в обмен на пушнину, которая пользовалась большой популярностью у среднеазиатских правителей. Поэтому носители неволинской и кушнаренковской археологических культур познакомились с произведениями сасанидского декоративно-прикладного искусства и монетами еще задолго до того, как в V – конце VI вв. они появились на территории Прикамья и Южного Приуралья. Серебряная посуда в угорской среде использовалась в ритуальных целях, и имела сакральное назначение, и при переселении носители неволинской культуры принесли ее в Прикамье с собой. Поэтому, учитывая исторические обстоятельства, мы вполне правомерно можем предположить, что первоначально некоторые экземпляры сасанидской торевтики могли попасть в Прикамье вместе с пришедшим сюда неволинским населением. Этим же можно объяснить наличие раннесасанидских монет в памятниках верх-саинской стадии неволинской культуры и в памятниках синхронной ей харинской стадии ломоватовской культуры Прикамья, и отсутствие аналогичных монет в погребениях кушнаренковской культуры Южного Приуралья. Соответственно, нижняя хронологическая рамка времени начала проникновения сасанидской торевтики в Прикамско-Приуральский регион снижается до V в.

Массовое же поступление восточного импорта в Прикамско-Приуральский регион начинается с VII в. – по степному торговому пути из Средней Азии, тогда, когда на южноуральских территориях обосновалось кушнаренковское, а затем и караякуповское население, характеризующееся кочевым образом жизни, а в Прикамье продолжали развиваться носители неволинской и ломоватовской археологических культур.

Список литературы:

Бауло А.В., 2002 Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межатнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН – С. 12-27.

Вайнберг Б.И., 1991. Роль кочевников в развитии экономики и торговли Хорезма в древности // Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. –

Ургенч.

Голдина Р.Д., 1985 Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск.: ИИУ. – 280 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск.: ИИУ. – 176 с.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: УдГУ. – 464 с.

Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука. – 198 с.

Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск: УДИ-ИЯЛ УрО РАН. – 309 с.

Иванов В.А., 2006. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Болгария и Великая степь. – Казань: Рухият.

История Узбекской ССР, 1955. Т.I. Книга первая. – Ташкент.

Кропоткин В.В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. – М.: ИА АН СССР. – 135 с.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1990. Согдийцы в Центральной Азии // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. – Ташкент.

Левина Л.М., Никитин А.Б., 1991. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ. № 4. – С. 53-65.

Массон М.Е., 1971. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии // История Иранского государства и культуры. – М.: Наука. – С.219-236

Мацулевич Л.А., 1940. Византийский антик в Прикамье // МИА. №1. – М.-Л. – С.139-158.

Морозов В.Ю., 1998. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара: «Самара» – С. 295-302.

Смагулов Е.А., 1993. Находки сасанидских гемм в Отрарском оазисе // Археологические памятники на Великом шелковом пути. – Алматы. – С. 163-167.

Толстов С.П., 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л.: АН СССР. – 322 с.

Тревер К.В., 1940. Серебряное навершие сасанидского штандарта // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. – Л.: ГЭ. – С. 172-180.

Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро – М.: Искусство. – 155 с.

Noonan Th. S. Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area // Archivum Eurasia Med II Aevi. – Wiesbaden, 1982. II. – P. 269-302.

В.Н. Кузнецова.
ИЗОБРАЖЕНИЯ КОНЕЙ НАЧАЛА II ТЫС. Н.Э. (К ВОПРОСУ О
СТИЛИСТИКЕ ВОЛГО-КАМЬЯ)

С XI-XII вв. в Прикамье происходит схематизация образа коня, распространяется имитация косоплетки и проволочной техники, что связывается исследователями с влиянием волжско-финской изобразительной традиции. В статье обосновывается, что в Прикамье в этот период складывается собственная стилистика, основанная на переработке волжско-финских, западно-сибирских и древнерусских изобразительных приемов. Причем данные процессы имели двусторонний характер – прикамские изделия оказывали влияние на развитие древнерусских украшений.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Волго-Камье, металлические украшения, образ коня

V.N. Kuznetsova
IMAGES OF HORSES IN THE BEGINNING OF THE II MILLENNIUM A.D. (ON THE
STYLISTICS OF THE VOLGA-KAMA REGION)

Along with the imitation of braiding and wire technique, which scholars claim to explain by the influence of the Volga-Finnish visual tradition, schematization of the horse image occurs in the Kama region from the XI-XII centuries. The paper shows that the Kama region develops its own stylistics, based on Volga-Finnish, Western Siberian and Old Russian visual techniques. The processes were of two-way character: the Kama region products also influenced the development of Old Russian jewelry.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Volga-Kama region, metal jewelry, horse image

Фигуры коней являются одним из ярких элементов в изобразительной традиции средневекового населения Волго-Камья. В.Н. Чернецов в работе 1957 г., говоря о ломоватовской и родановской культурах, отмечал сокращение зооморфных сюжетов в последней (Чернецов, 1957). А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова также констатировали сокращение «ассортимента вещей с оформлением в зверином стиле» после XII в. (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 176). Биконьковые подвески в Верхнем Прикамье и на Средней Волге исчезают, до недавнего времени считалось, что в XII в. на их основе возникают стилизованные биякорьковые подвески, «дополненные массивными грушевидными привесками на проволочных цепочках» (Голубева, 1966. С. 98) (рис. 1/1, 2, 7). Однако, как отмечала Н.Б. Крыласова, генетическая связь между биконьковыми и биякорьковыми подвесками отсутствует. Силуэты морд коней просматриваются на якорьках в исключительных случаях (Крыласова, 2001. С. 69). Кроме того, одноякорьковые подвески синхронны биконьковым и дополняются такими же лапчатыми привесками, что и первые (Талицкий, 1951. С. 58, рис. 26), в то время как биякорьковые подвески встречаются с подвесками в форме массивных колокольчиков со жгутовым орнаментом. Схематичное изображение конских голов в большей мере характерно для волжско-финской изобразительной традиции эпохи средневековья (рис. 1/12). Стоит отметить, что А.М. Белавин связывал распространение изделий с имитацией косоплетки и проволочной техники в Пермском Предуралье в XII-XIV вв., в частности, биякорьковых подвесок, с «потоком мигрантов из волжско-финских земель» (Белавин, 2002. С. 172-173). По всей вероятности, в результате соприкосновения двух изобразительных традиций произошел перенос зооморфного образа на ранее функциональные предметы (якорьковые подвески). По стилистическому

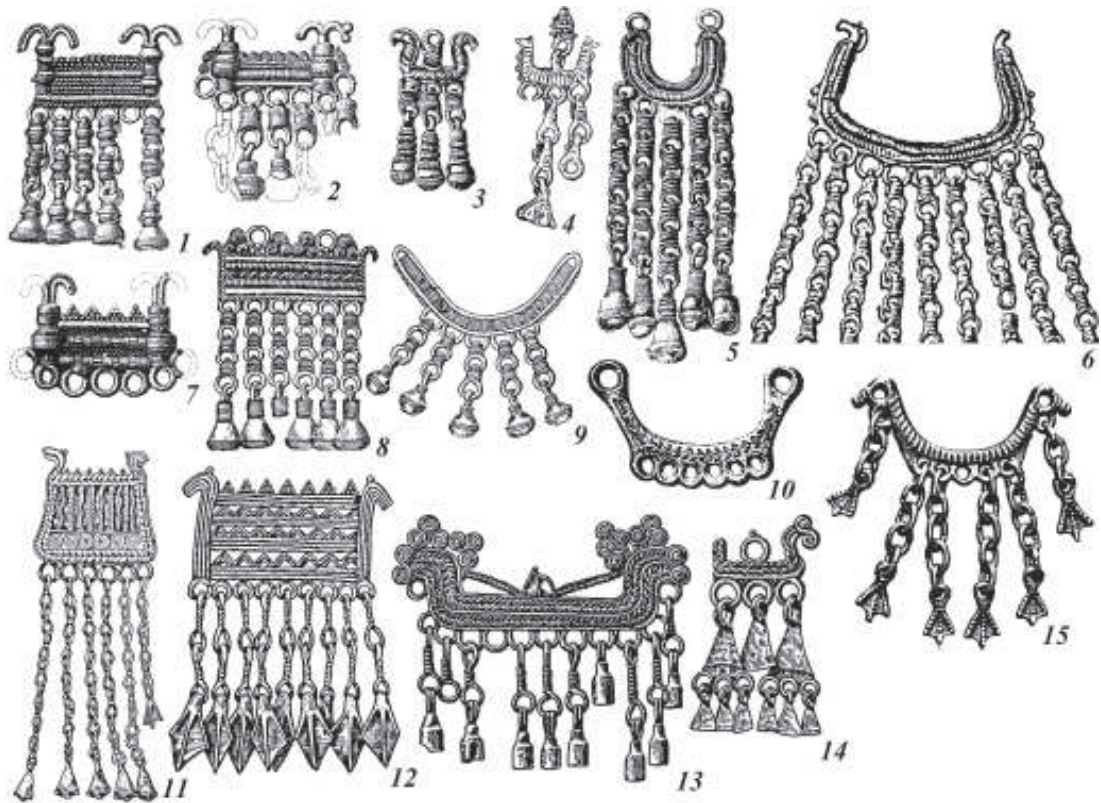

Рис. 1. Биякорьковые, биконьковые и скобовидные подвески.

1 – д. Мазунина (По: Спицын, 1902. Табл. XL, 1); 2 – д. Куча (По: Спицын, 1902. Табл. XL, 2); 3 – Модороб (По: Спицын, 1902. Табл. XIII, 9); 4 – Весьякарский могильник (По: Иванов, 1998. Рис. 55, 17); 5 – д. Вочь (По: Спицын, 1902. Табл. XIII, 2); 6, 10 – д. Елева (По: Спицын, 1902. Табл. VIII, 14; XXXIII, 4); 7 – д. Вакина (По: Спицын, 1902. Табл. XL, 17); 8, 9 – Ликийский могильник (По: Викторова, 1973. Табл. XII, 1, 5); 11 – Танкеевский могильник; 12 – Пановский могильник (По: Голубева, 1979. Табл. 21, 9, 7); 13 – бывш. Владимирская губ.; 14 – Вознесенский посад (По: Рябинин, 1981. Табл. XV

решению своего рода промежуточное положение между ажурными коньковыми и биякорьковыми подвесками занимают находки из Танкеевского (Голубева, 1979. Табл. 21/9) и Ликийского могильников (Викторова, 1973. Табл. XII/1) (рис. 1/8, 11). Заметим, что схематизация отличает и орнитоморфные изделия: в начале II тыс. н.э. в Предуралье получают распространение полые подвески, головы которых обозначены лишь половинкой якорька (Белавин, 2000. Рис. 74/9; Голдина, Ютина, 1987. Рис. 2/134; Оборин, Чагин, 1988. Кат. 195; Спицын, 1902. Табл. X/3) (рис. 2/1-2).

Редуцирование зооморфного образа фиксируется благодаря подвескам со скобовидными щитками, концы которых завершаются зооморфными головками (рис. 1/3-4, 6). Находки происходят с памятников XI-XII вв. родановской, чепецкой, вымской культур (Иванов, 1998. Рис. 55/17-18; Народное искусство Коми, 1992. Истоки, рис. 13; Оборин, Чагин, 1988. Кат. 134, 185; Первухин, 1886. Табл. XIV/9; Спицын, 1902. Табл. VIII/14). М.Г. Иванова при публикации подобных коньков из городища Иднакар отмечала близость находок наборным изделиям, «известным у волго-окских финнов» (Иванова, 1995. С. 15). А.М. Белавин включал изделия из Пермского Предуралья в раздел

Рис. 2. Полые и пластинчатые зооморфные подвески.

1 – д. Данилова (По: Спицын 1902. Табл. X, 4); 2 – д. Мало-Аниковская (По: Оборин, Чагин, 1988. Кат. 195); 3 – бывш. Чердынский уезд (По: Спицын, 1902. Табл. XXII, 8); 4 – Антыбарский могильник (По: Белавин, 2000. Рис. 68, 5); 5 – д. Михалева (По: Спицын 1902. Табл. X, 4); 6 – Залогино (По: Рябинин, 1981. Табл. XX, 6); 7 – Ликинский могильник (По: Викторова, 2008. Рис. 174, 383); 8 – Весилахти (Хирвилуото, 1979. Рис. 5); 9 – Тимонино (По: Рябинин, 1981. Табл. XX, 4); 10 – д. Чажегова (По: Спицын, 1902. Табл. VI, 22); 11, 12 – Верхнее Прикамье (По: Оборин, Чагин, 1988. Кат. 139, 137); 13, 14 – Барсова гора (По: Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994. Кат. 285; 14 – Арне, 2005. Рис. 51); 15 – Ягодино (По: Рябинин, 1981. Табл. VIII, 5); 16 – Боршево (По: Рябинин, 1981. Табл. VIII, 13); 17 – Карлуха (По: Рябинин, 1981. Табл. X, 7); 18, 19 – Воскресенское; 20 – Чухново (По: Рябинин, 1981. Табл. VIII, 3, 1, 8); 21 – бывш. Тихвинский уезд; 22 – Забредняжье; 23 – Руболдино (По: Рябинин, 1981. Табл. XI, 11, 5, 3).

волжско-финских импортов: «Принадлежащими к культуре муромы, мещеры, мари, мордвы являются украшения, выполненные в наборной технике с использованием гладкой проволоки и «косоплетки» (Белавин, 2000. С. 145). В то же время все описанные М.Г. Ивановой и А.М. Белавиным изделия не встречаются на территории Поволжья. Данные биконьковые подвески хоть и повторяют форму щитка и орнамент наборных изделий X–XI вв. (рис. 1/13, 14), но дополняются уже характерными родановскими петлевидными щитковыми привесками. Судя по всему, финальную стадию бытования этих украшений иллюстрируют находки, скобовидные щитки которых оканчивается уже не зооморфными изображениями, а отверстиями (Викторова, 1973. С. 160. Табл. XII/5; Спицын, 1902. Табл. XIII/2; XXXIII/4; Карачаров, 2003. Рис. 102) (Рис. 1, 5, 9, 10). Такое предположение подкрепляется подвеской из п. Мужа на Малой Оби с круглыми отверстиями, расположенными в головах коней (Бауло, 2002. Рис. 5). А.В. Бауло связывает изделие с Прикамьем, и датирует XIII–XIV вв. (Бауло,

2002). Однако к этому времени лапчатые привески, которыми дополнена подвеска, на обозначенной территории уже не встречаются, а, судя по тому, что головы коней на концах щитка не редуцированы, можно говорить о более ранней дате находки (рис. 1/15).

По абрису головы со скобовидными биконьковыми подвесками схожи некоторые полые родановские (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 204/19; Вострокнутов 2009. Рис. 1/15; Спицын 1902. Табл. X/4). Зачастую выступы на головах последних трактуются как рожки. В пользу возможной интерпретации «рогатых» подвесок как коньковых ярче всего свидетельствует находка из д. Михалева (рис. 2/5). На подвеске вдоль всего корпуса проходит изображение гривы, причем манера передачи такая же, как на древнерусских полых коньках. Из материалов Ликинского могильника происходят несколько подвесок, выполненных в родановской стилистике, одну из них, с длинной мордой и «рожками», В.Д. Викторова интерпретирует как изображение коня (Викторова, 2008. С. 106. Рис. 174/383) (рис. 2/7).

В литературе довольно распространено обозначение «коньки-птицы» или «коньки-барашки» для древнерусских украшений, которые Е.А. Рябинин объединил в тип XIX. В качестве основного ареала распространения для этих изделий обозначено Костромское Поволжье. На землях Предуралья также зафиксированы подвески-«барашки», не только импортные, но и местные. Подобные изделия происходят из Антыбарского могильника (Белавин, 2000. Рис. 68/5) и Чердынского уезда (Спицын, 1902. Табл. XXII/8) (рис. 2/-4). В решении так называемых «рогов» угадывается крайне стилизованное изображение ушей, присутствующих на древнерусских коньках (рис. 2/6, 9). Примечательно, что аналогичный вариант стилизации зафиксирован и в более западных землях (Голубева, 1987. Табл. XX/2). Подвеска из Весилаhti, обозначенная А.-Л. Хирвилуото как «птичка», оснащена не только гривой, но и «рогами» (Хирвилуото, 1979. С. 106. Рис. 5) (рис. 2/8).

В XII–XIII вв. на Урале встречаются массивные полые фигурки коньков (Викторова, 2008. Рис. 174/400; Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994. Кат. 285, 286; Оборин, Чагин, 1988. Кат. 137, 139; Спицын 1902, Табл. VI/22) (рис. 2/10-13). Построение фигуры и ряд деталей, например, прорези и планка, соединяющая передние и задние ноги, являются характерными элементами колоколовидных зооморфных изображений, распространенных в Западной Сибири (Викторова, 2008. Рис. 165/319; Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994. Кат. 125, 126; Арне, 2005. Рис. 51). Находки с памятников кинтусовского типа, юдинской, усть-ишимской культур, зачастую интерпретируемые как рукояти кресал, могли послужить прототипами для массивных прикамских коньков начала II тыс. н.э. (рис. 2/14). О генетической связи говорит и схожий контекст некоторых находок. Так, изделия из Чежтыгского (Истомина, 1992. С. 132–133. Рис. 4/4) и Сайгатинского VI могильников являлись частью составных украшений (Карачаров, 2003. Рис. 112/1), а внутри подвесок находились остатки кольчуги.

В конце I – начале II тыс. н.э. в Прикамье складывается интересная стилистика, основанная на переработке волжско-финских, западно-сибирских и древнерусских изобразительных приемов. Впрочем, данные процессы, вероятно, имели двусторонний характер. К примеру, происхождение пластинчатых подвесок, распространенных в начале II тыс. н.э. на территории Древней Руси, Е.А. Рябинин и Л.А. Голубева связывали с поступавшими из Прикамья биконьковыми изделиями.

Хотя в древнерусских образцах образ коня подвергнут сильной стилизации,

Е.А. Рябинин полагал, что подвески местных типов представляют собой «дегенерирующую форму» украшения из двух конских голов с фигурой человека между ними, характерного для памятников I тысячелетия н.э. Камского бассейна (Рябинин, 1975. С. 36). Л.А. Голубева придерживалась схожего мнения: «Коньковые подвески Прикамья оказали несомненное влияние на формирование местных типов коньковых подвесок и пряжек у мари и мордвы, хотя техника исполнения тех и иных была различной. Сюжет «человек между двумя конями» повторяется в стилизованных коньковых подвесках, бытовавших между Приладожьем и Костромским Поволжьем в XII в.» (Голубева, 1979. С. 44). Однако, как отмечали сами исследователи, датировки биконьковых подвесок, поступивших из Прикамья на территории Приладожья и Поволжья, укладываются в X – начало XI в., в то время как древнерусские изделия появляются в XII в. (Голубева, 1979. С. 44; Рябинин, 1981. С. 20-21). Л.В. Королькова также указывала на хронологическую лауну между прикамскими «подвесками-всадниками» X – начала XI в. и считавшимися производными от них коньками варианта 2 типа XI середины–второй половины XII в. (здесь и далее типы приводятся по работе Е.А. Рябина «Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв.» – В.К.) (Королькова, 1998. С. 54). С учетом того, что мотив двухголового коня присутствовал и в культуре поволжских финнов, нельзя утверждать безусловное копирование прикамских образцов, тем более, что был повторен только сам сюжет, но не стилистика и не орнамент. Вероятно, имело место «удвоение» пластинчатых коньков типа XI и XIII (Рябинин, 1981. Табл. XI) (рис. 2/18-22). Возникновение пластинчатых двуглавых подвесок на базе местных образцов подтверждается редкими находками типа IX. Подвески украшены двумя разнонаправленными зооморфными головками с «роговидными отростками» (Рябинин, 1981. С. 23, табл. II/11-15; X/3-8), в качестве основы для них могли послужить одиночные изображения типа III или XII (рис. 2/15-17).

В начале II тыс. н.э. разнообразие зооморфных образов сокращается, однако изображение коня неизменно присутствует в культуре населения Волго-Камья. В то же время фигуры становятся все более стилизованными. На заре исследования финно-угорских древностей Аспелин писал, что «всякий, кто видел несколько пермских или мерянских подвесочных украшений... без сомнения отличит украшения одной группы от украшений другой» (Аспелин, 1884. С. 9). Заметим, что изделия XII–XIV вв., несмотря на сохранение регионального своеобразия, отличаются весьма синкретичной стилистикой. Так, в прикамских подвесках можно наблюдать сочетание местной базы с привнесенными волжско-финскими и древнерусскими орнаментальными приемами, а иногда и с западносибирскими композиционными решениями.

Список литературы:

Аспелин И.Р., 1884. О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии этих форм в доисторических временах // Труды IV Археологического съезда. – Казань: Тип. Императ. ун-та. – С. 5-18.

Бауло А.В., 2002. Древний металл из святилищ обских угров (новые находки) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (10). – Новосибирск: ИАЭ СО РАН. – С. 144-155.

Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 195 с.

Белавин А.М., 2002. Культурные связи финнов Прибалтики и Поволжья с угро-финским

населением Пермского Предуралья и вопросы этнической истории Прикамья // Древние этнокультурные связи финно-угров. Материалы российской археологической конференции, посвященной 30-летию Марийского государственного университета и 10-летию Центра археолого-этнографических исследований. – Йошкар-Ола: МарГУ. – С. 171-175.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ. – 285 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – 603 с.

Викторова В.Д., 1973. Ликийский могильник // ВАУ. Вып. 12. – Свердловск: УрГУ. – С. 137-168.

Викторова В.Д., 2008. Древние угры в лесах Урала: страницы ранней истории манси. – Екатеринбург: Квадрат. – 207 с.

Вострокнутов А.В., 2009. Култ водоплавающей птицы в Верхнем Прикамье в эпоху средневековья // Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. – Пермь: ПГПУ. – С. 29-37.

Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1995. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX-XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск: УдНИИ. – С. 39-61.

Голубева Л.А., 1966. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. № 3. – С. 8-98.

Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. – М.: Наука. – 112 с.

Голубева Л.А., 1987. Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. – М.: Наука. – С. 52-64.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург. – 160 с.

Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 308 с.

Иванова М.Г., 1995. Городище Иднакар IX – XIII вв.: материалы исследований территорий между валами (1989 – 1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX – XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – С. 4-55.

Истомина Т.В., 1992. Комплекс погребения 37 Чежтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: Материалы совещания, посвященного памяти А.П. Смирнова, дек. 1989 г. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. – С. 127-136.

Карачаров К.Г., 2003. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучимское IV в 2002 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. № 27379.

Королькова Л.В., 1998. Об одном редком типе коньковых подвесок XII в. // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников пятого colloquium. – СПб: ГЭ. – С. 53-54.

Крыласова Н.Б., 2001. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – 260 с.

Народное искусство Коми: Альбом. 1992. – Сыктывкар: Респ. центр «Ветераны за мир», 1992. – 190 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н., 1988. Чудские древности Рифея: Пермский звериный

стиль. – Пермь: Пермск. кн. изд-во. – 184 с.

Первухин Н.Г., 1896. По следам Чуди. У верховьев реки Камы // МАВГР. Т. II. – СПб. – С. 128-173.

Рябинин Е.А., 1975. Зооморфные украшения Костромского Поволжья // Средневековые древности Восточной Европы. КСИА. Вып. 144. – М.: ИА АН СССР. – С. 35-39.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–60. – Л.: Наука. – 124 с.

Спицын А.А., 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием члена ИАК А.А. Спицына. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко. – 110 с.

Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X – XIV вв. // МИА. № 22. – М.: АН СССР. – С. 33-96.

Хирвилуото А.-Л., 1979. Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. – Л.: Наука. – С. 103-109.

Чернецов В. Н., 1957. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. – М.: АН СССР. – 238 с.

В. П. Мокрушин.
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ОБВА

В статье обобщаются сведения о средневековых памятниках в контактной зоне между ломоватово-родановской и поломо-чепецкой археологическими культурами; приводятся материалы из раскопок Бажинского селища в данном микрорайоне.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, памятники верхнего течения р. Обва
V.P. Mokrushin

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE OBVA RIVER UPSTREAM

The paper summarizes data on medieval sites in the contact zone between Lomovatovo-Rodanovskaya and Polomo-Chepetskaya archeological cultures. Materials from the excavations of the Bazhino settlement in the area are introduced.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, sites of the Obva River upstream

Верхнее течение р. Обва вместе с многочисленными притоками (Буб, Полва, Ласьва, Сива, Сепыч и др.) в административном отношении принадлежит двум районами Пермского края – Сивинскому и Верещагинскому. Далекое прошлое этой весьма значительной (4138 кв. км) территории, граничащей с Удмуртией и Кировской областью, остается малоизвестным, хотя еще в 1891-92 гг. отсюда (дд. Оношата и Гутова) поступили в Эрмитаж серебряные столовые приборы с позолотой: блюдо, кружка и чаша, украшенные чеканкой и художественной резьбой (Даркевич, 1976. С. 20-22, табл. 4/1; 8/1-4; 25/3-4). В одном из кладов оказалось 4 гривны конца IX – середины XI вв. так называемого «глазовского типа». Подобные шейные украшения, представляющие собой круглый в сечении дрот с винтовой нарезкой, весьма широко распространены в лесной полосе Восточной Европы (вплоть до берегов Балтики), однако чаще всего встречаются в междуречье Вятки и Камы. Считается, что такого рода уникальные вещевые комплексы «маркируют святилища», где хранились предметы, «использовавшиеся во время шаманских обрядов» (Очерки..., 2002, С. 160). Конечно, такая информация не могла остаться незамеченной, и в период с 1983 по 2001 гг. сотрудниками государственного университета (В. П. Мокрушин, С. Бородулин), а также пединститута (Н. Б. Крыласова, А. В. Старков) здесь осуществлялись археологические изыскания, в основном разведочного характера, позволившие зафиксировать более 30 объектов историко-культурного наследия (Государственный список..., 2001. С. 32, 94-95).

В первую очередь, обследованию подверглось Усть-Бубинское городище, площадью 1700 кв.м, упоминавшееся в известном своде И. А. Талицкой, но специалистами никогда не осматривавшееся. Пробными раскопками (16 кв. м) на нем выявлены культурные остатки «конца I – начала II тыс. н. э.» – преимущественно мелкие фрагменты глиняной кухонной утвари, иногда с оттисками решетчатого штампа, характерными для поломо-чепецкого круга памятников (Крыласова, 1989. С. 71). Небогатые коллекции идентичной керамики из Афанасьевского р-на Кировской области и с верховьев Обвы А. Г. Иванов оценивает, как отражение «тесных связей» ломоватово-родановского населения данного региона с их ближайшими западными соседями, вполне понятных в силу «географической близости». В целом, историки, решая проблемы освоения человеком южно-таежного Приуралья и бассейна Чепцы

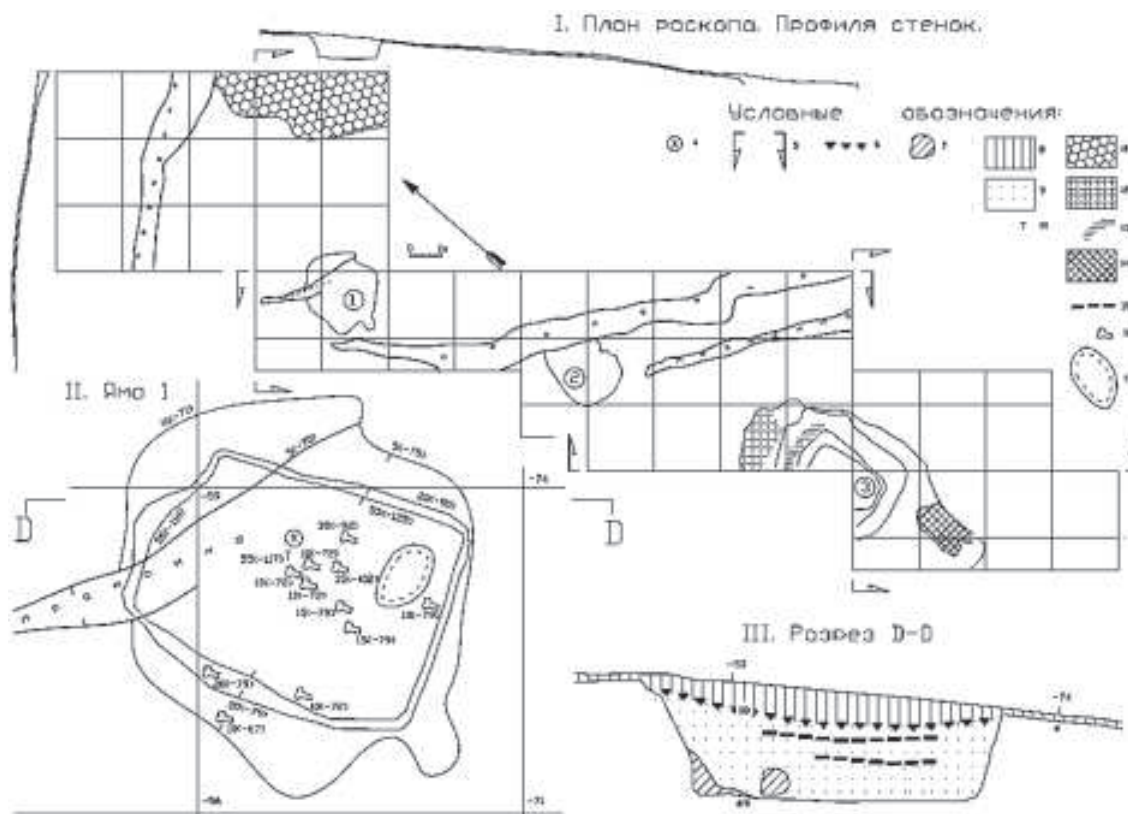

Рис. 1. Бажинское селище. I. План раскопа. Профиля стенок. II-III. Яма 1. План. Разрез D-D. Условные обозначения: 1 – Яма 1; 2 – остатки производственное сооружение; 3 – Яма-кладовка; 4 – галька, величиной с кулак, гл. 35 см (-97); 5 – линии стратиграфических разрезов; 6 – углистая линза; 7 – нора грызуна; 8 – переотложенные темноокрашенные культурные отложения; 9 – почва рыжего цвета; 10 – обожженный песчаник, колотый кварцит; 11 – несележавшаяся, относительно мягкая осыпь; 12 – скопление остеологических остатков; 13 – серая полоса, изобиловавшая жженной (?) глиняной крошкой оранжевого цвета; 14 – следы очажного прокала; 15 – бледно-коричневая прослойка; 16 – кость животного; 17 – керамический развал.

накануне сложения Булгарского государства, констатируют факт «активного этнокультурного и экономического сотрудничества» аборигенных племен, наличие «значительного пласта однотипных элементов материальной культуры» (Иванов, 1998. С. 79-80).

Следует упомянуть также о большом селище, открытом Н. Б. Крыласовой у д. Ершата. На расположенном рядом могильнике при зачистке стенки свежего грабительского шурфа, прорезавшего захоронение, обнаружены осколки глиняного сосуда с пальцевыми отпечатками по округлому венчику (Мокрушин, Кудрявцев, 2011. С.433, рис. 4.). Фрагменты почти аналогичного гончарного изделия с широкой шнуровой полосой на плечике, дополненной снизу гребенчатыми оттисками, были разбросаны «по всей площади» погребения №67 Рождественского могильника X-XI вв. При зачистке, помимо керамических обломков, засвидетельствованы 4 медные штампованные сердцевидные накладки, крепившиеся к поясу парой шпеньков, напаянных с оборотной стороны. Одна из них – удлиненная (размер по вертикали 2,1 см), три другие – укороченные (1,6-1,7 см), с единственным круглым отверстием в верхней части или по центру, почти идентичные накладкам из погр. 90 указанного некропо-

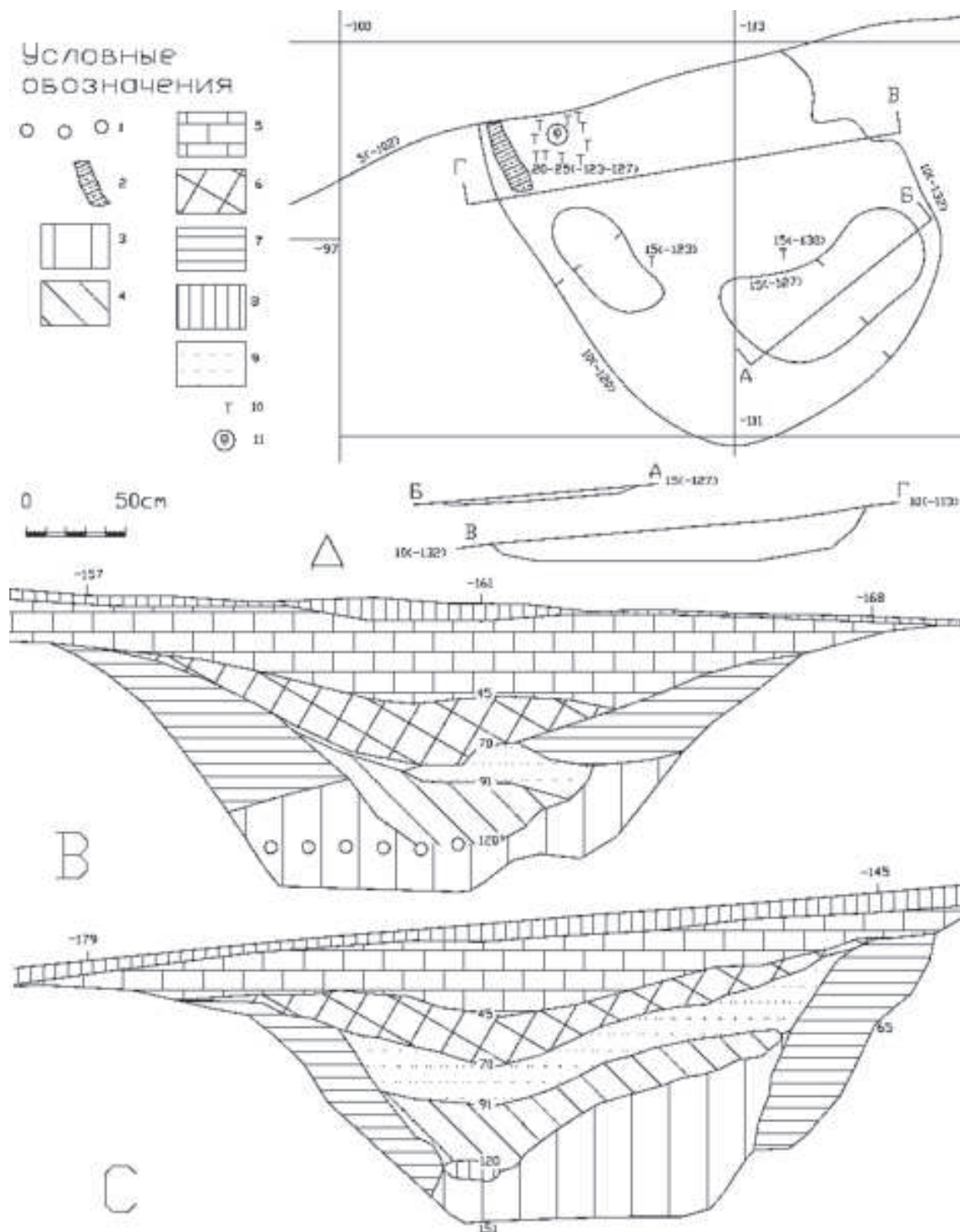

Рис.2. Бажинское селище. А. Остатки производственного сооружения. План. Разрезы. В. Разрез Ямы-кладовки. Вид с Ю-В. С. Разрез Ямы-кладовки. Вид с С-В. Условные обозначения: 1 – темная прослойка; 2 – углистая полоса; 3 – рассыпчатый буровато-сероватый слой; 4 – темный суглинок, не содержащий культурных остатков; 5 – черный нанос; 6 – черный нанос с легким желтоватым оттенком; 7 – темно-серый нанос; 8 – переотложенные темноокрашенные культурные отложения; 9 – почва рыжего цвета; 10 – обожженный песчаник, колотый кварцит; 11 – крупный фрагмент керамики.

ля (тип 8.1, вариант 1, по классификации Крыласовой-Белавина, – одна из наиболее распространенных категорий предметов (146 экз.) на Рождественском археологическом комплексе (Белавин, Крыласова, 2008. С. 108, 417, 590, рис. 65; 129/10; 199/74).

Наиболее значительные работы проведены на Бажинском селище, открытом автором в 1997 г. на правом берегу р. Обва к югу от одноименной деревни, в устье маленького ручейка, протекающего по дну обширного глубокого лога (Мокрушин, Андрюшин, 2000. С. 37-39). Покатая площадка памятника (угол падения 5 градусов), используемая под скотопрогон, сложена весьма плотным суглинком, заполнявшим в основном и все расчищенные объекты. Она поднята над прилегающей с северо-востока поймой на 1-4 м, и интенсивно разрушается копытами животных, а весной – тальми водами, создавшими сеть узких промоин, врезанных в грязновато-буроватый материк и ориентированных вниз по склону.

Среди выявленного здесь сильно измельченного подъемного материала есть изделия, вероятнее всего, датируемые эпохой камня (мезолит-неолит – VIII-IV тыс. до н. э.). Стоянки этого времени известны в обоих изучавшихся районах, правда, лишь благодаря сборам с поверхности (Памятники..., 1996. С. 38-41, 185). Прежде всего, обращает на себя внимание клин из продолговато-уплощенной кварцевой гальки, размерами 127 x 47 x 28 мм. Две ее противолежащие стороны оформлены крупными сколами; широкая приостренная с боков пятка закруглена, с одного угла сбита. Зауженный (19 мм), почти тупой (около 90 градусов) и практически прямой рабочий конец орудия подправлен крупной ретушью. Заслуживает упоминания и кремневый скребок на тонком листовидном отщепе, размерами примерно 30 x 40 мм. Его изогнутое лезвие подработано микроретушью, фасетирован и один из прилегающих краев.

Заложенный нами неправильный в плане раскоп (188 кв. м), был ориентирован по линии СЗ-ЮВ, вниз по склону, с перепадом высот 221 см. Его северо-восточный край, вплотную примыкавший к достаточно круто наклоненному уступу террасы, оказался перекрыт осыпью, толщиной до 54 см, еще не слежавшейся, относительно мягкой, сформировавшейся в результате постепенного поверхностного смыва грунта. На остальных участках мощность переотложенных темноокрашенных культурных отложений почти нигде не превышала 10 см.

В северном секторе раскопа, на гл. 5-10 см (-71 – -75) (здесь и далее цифры перед круглыми скобками обозначают глубину от поверхности, а внутри скобок – от нулевой отметки, в качестве которой принята самая верхняя точка раскопа в его северо-западном углу), оконтурилось неправильно округлое темное пятно, до 2,5 м в поперечнике, которое на гл. 20 см (-79 – -90) превратилось в подпрямоугольную Яму 1 (115–130 x 165–195 см) с почти отвесными стенками. Ее очертания отчетливо просматривались благодаря просевшей внутрь тонкой (2-3 см) углистой линзе, с которой связано около десятка косточек, принадлежавших животным и концентрировавшихся большей частью в центре (рис. 1/II). В юго-западном углу Ямы 1, в неоднородной рыжей довольно рыхлой почве с гумусными пятнами, на гл. 25-30 см (-90 – -100), расчищен небольшой эллипсовидный (30 x 45 см) керамический развал, приуроченный к маломощной (2-3 см), плохо выраженной бледно-коричневой прослойке, изобиловавшей культурными остатками (углистые вкрапления и зольные включения, остеологические материалы, отдельные камни, галька величиной с кулак). Ниже фиксировалась еще одна похожая прослойка, также вмещавшая обломки древней посуды (рис. 1/III. Разрез D-D). На гл. 57-69 см (-123 – -126) почти горизонтально

залегало плоское дно Ямы 1, а в 5-10 см выше – кусок розоватого обожженного песчаника, величиной до 18 см в поперечнике. Там же найдено колесовидное глиняное пряслице диаметром 38 мм. Его толщина и величина отверстия одинаковы – 12-13 мм.

Немногим более 5 м к югу, на гл. 10 см (-120 – -132) исследовано овальное в плане понижение, размером не менее 215 см в поперечнике, северо-восточный край которого срезан промоиной. Вероятно, тут размещалось производственное сооружение неясного назначения. В нем на гл. 15-25 см (-123 – -137) на неровном бугристом дне засвидетельствованы куски колотого кварцита. В северном конце объекта они составляли круглую (диаметром 30-35 см) вымостку, в составе которой отмечены плитки покрасневшего от огня песчаника, а также – крупный фрагмент керамики (рис. 2/А). Рядом протянулась углистая полоса (10 x 40 см).

В 5,2-5,8 м к югу частично расчищена Яма-кладовка, в заполнении которой по всей толще присутствовали мелкие осколки керамики, отдельные гальки, косточки животных, обильные глинистые включения красного цвета. После прекращения использования, ее стенки в верхней части обрушились внутрь, что привело к образованию обширного (свыше 8 м в поперечнике) вытянутого понижения, которое на гл. 20-30 см (-161 – -245) приобрело подпрямоугольные очертания с длиной сторон не менее 4 м. Его постепенно заполнил черный нанос мощностью до 73 см, вмещавший в северной половине вытянутого понижения, на гл. 5-10 см (-141 – -161), скопление остеологических остатков (95 x 200 см) подтреугольной формы. С юга к скоплению почти вплотную примыкала неровная серая полоса длиной около 180 и шириной до 30 см, залегавшая на гл. 15 см (-160 – -174) и изобиловавшая жженной (?) глиняной крошкой оранжевого цвета (рис. 1/Г). Черный нанос в низах был почти стерильным и имел легкий желтоватый оттенок. Он перекрывал мощную пачку отложений, насыщенных углистыми вкраплениями: сначала – рыжей окраски, толщиной 21-25 см; потом – темного цвета, не содержавших культурных остатков и глинистых включений; и, наконец, – буровато-сероватых, с рассыпчатой структурой, развалами сосудов, костями животных, прослойками и пятнами беловатой известковой крошки (рис. 2/В,С). На гл. 60-120 см (-271 – -275) Яма-кладовка имела почти прямоугольные контуры с закругленными углами и достигала в длину 275 см. Плоское дно ее залегало на гл. 146-155 см (-307 – -312); вдоль северной стенки и в северо-восточном углу фиксировался крутой ступенчатый уступ высотой 19-34 и шириной до 40 см.

Еще южнее выявлена выкладка из песчаника, а вплотную с ней – следы очажного прокала (160 x 100 см) неправильно прямоугольной формы, максимальной толщиной 20 см, с обильными мелкими ярко-алыми включениями и пятнышками.

Добытая в процессе работ керамика – вся ломоватовская, изготовлена вручную, с добавлением в гончарную массу толченой раковины, которая со временем могла подвергаться выщелачиванию, вследствие чего черепок становился пористым. Как правило, гончарные изделия (около 30 сосудов) несут выраженную, отогнутую наружу шейку. У некоторых уцелело округлое или слегка уплощенное дно. Венчики преимущественно плоские и аморфные, иногда округлые или приострѐнные; в основном украшенные широкими нарезками или защипами, изредка – ямками и гребѐнкой.

Больше половины глиняных емкостей орнаментировано по плечикам и шейке. Преобладали оттиски крупной веревочки (не менее 6 сосудов), завитой против часовой стрелки, иногда заплетенной наподобие косички. Применялись также штампы шириной 2-6 мм: 1) прокатанный (1 экз.), из частых узких поперечных рубцов; 2) гребен-

чатый (не менее 4 сосудов), длиной 10-20 мм; преимущественно с удлиненными зубцами, ориентированными поперек оси штампа, обычно тесно сомкнутыми.

Единично встречались круглые ямки и наколы, диаметром 3 и 1-1,5 мм, соответственно; узкие короткие (10-12 мм) насечки; широкие длинные (свыше 15 мм) нарезки; гребенчатые подковки; решетчатые оттиски; мелкие (3 мм) кольцевые отпечатки с точкой в центре.

Засвидетельствованы следующие виды узоров, размещавшихся на теле глиняных емкостей горизонтально: 1) линия, выполнявшаяся шнуром, прокатанным штампом или часто расставленными кольцевыми отпечатками; 2) зигзаг – составной (из круглых ямочных вдавлений) и простой (выполнявшийся насечкой), одно и много-рядный; 3) резная елочка; 4) полоса из подковок или вертикальных гребенчатых оттисков.

Для описываемого комплекса посуды характерны простые декоративные композиции, когда один и тот же узор повторялся многократно, но отмечены и сочетания из шнуровых линий с зигзагом или полосой вертикальных гребенчатых оттисков.

Решению вопроса о датировке памятника способствует наличие среди подъемного инвентаря бронзового восьмёрковидного стержня с тонким витым перехватом, имеющего многочисленные аналогии в прикамских некрополях VIII-IX вв., в частности, в Агафоновском I (погр. 160, 223) (Голдина, Королева, 1980. Табл. XXX/2; XXXIV/15). Обычно изделия такого типа являются составной деталью шумящих украшений с верхней основой нескольких разновидностей, например, в виде простой прямоугольной планки. Таковые, в частности, представлены в древностях ломовского круга (весьякарская стадия, конец VII-VIII вв.); среди предметов знаменитого собрания Теплоуховых (в составе большой вещевой коллекции из д. Грудята); в могильниках – Неволинском (погр. 81) и Бартымском (богатое коллективное захоронение 11, датируемое второй половиной VII в.) (Голдина, 1995. С. 19-20, рис. 5/56. Смирнов, 1952. Табл. XXXVIII-3. Голдина, Водолаго, 1984. Табл. XXXVII/34. Приложение 3. Голдина, Водолаго, 1984а. С. 24, табл. 2/43.).

Восьмёрковидными звеньями зачастую снабжены также биконьковые и арочные подвески. Первые весьма многочисленны в сылвенских (21 экз.) и ломоватовских (21 экз.) погребальных комплексах: Неволинском (погр. 33, 99), Бродовском (погр. 61), Деменковском (погр. 127), Урьинском (погр. 10). На тех же памятниках засвидетельствованы и арочные подвески: Неволينو (погр. 97, 225), Броды (погр. 27), Аверино II (погр. 78, 330, 368), Урья (погр. 5) (Голдина, Водолаго, 1984. С. 83, табл. XXXVI/1, 4-5, 7; Голдина, Кананин, 1989. Рис. 51/10, 12-13. Голдина, 1985. С. 43-44, табл. XIV/6,8; XV/17; XVII/33).

Объекты, расчищенные на раскопе, тянулись длинной цепью (22 м) вдоль меридиана, с чуть заметным отклонением к западу и примерно с одинаковыми интервалами – 5-6 м. Совершенно очевидная планиграфическая связь между ними, возможно, отражает их функциональную взаимозависимость. Не исключено, что исследованные остатки представляли собой единый хозяйственно-бытовой комплекс. При этом срок функционирования углубленных в землю конструкций вряд ли мог превышать суммарно 30 лет – период средней продолжительности жизни человека на тот момент. Деревянные крепления ям, думается, не имело смысла обновлять. Впрочем, эти соображения, если и соответствуют действительности, то пока не позволяют сузить абсолютную датировку памятника, ввиду весьма ограниченного числа исследованных поселений с предполагаемой «узкой» хронологией.

Всего в 5-7 км к юго-востоку изучено еще одно селище – Макарята (Мокрушин,

Кудрявцев, 2011. С. 431-432). При сравнении керамики двух данных памятников бросаются в глаза явные признаки сходства. В обеих коллекциях отмечено присутствие сложных декоративных композиций из линий и зигзага; при орнаментации шеек и плечиков, наряду с линиями из толстого шнура и одинарным зигзагом, наносившимся с помощью гребенчатого штампа, использовались длинные широкие нарезки; последние, наряду с зашипами (а иногда и ямками) украшали также венчики большей части гончарных изделий.

Фиксируются и отличия. На Макарятах нет такого разнообразия оттисков; плечики и шейки сосудов орнаментированы реже; много (свыше 30%) закрытых непрофилированных чаш и немало глиняных емкостей со слабо отогнутыми шейками средней высоты. Эти особенности сближают указанный памятник с двумя другими, расположенными в районах, примыкающих к устью Чусовой. Имеются в виду Коновалытское селище и Опутятское городище, относящиеся к харинскому этапу – V-VI вв. (Поляков, 1960. С. 207-218. Генинг, 1980. С. 129-131). Возможно, Макарята принадлежат к числу наиболее ранних средневековых памятников на обследованной территории.

Таким образом, на верхнюю Обву человек проникает уже в каменном веке, не менее 6000 лет тому назад. В домонгольскую эпоху, в период существования Хазарского каганата и Булгарского царства (VII-XII вв.) этот регион, судя по всему, был хорошо освоен людьми. Вероятно, население оставалось здесь и после XIII в., но достоверные памятники этого времени пока остаются неизвестны.

Список литературы:

Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ. – 602 с.

Даркевич В. П., 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М: Наука. – 198 с.

Генинг В. Ф., 1980. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-ая половина V – I-ая половина VI вв. н. э.) // ПЭСВП. – Ижевск: УдГУ. – С. 92-135.

Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: ИИУ. – 280 с.

Голдина Р. Д., 1995. О датировке ломовской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Межвуз. сб. научн. трудов. – Ижевск: УдГУ. – С. 16-30.

Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1984. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: ИИУ. – 173 с.

Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1984а. Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Межвуз. сб. научн. трудов. – Ижевск: УдГУ. – С. 3-35.

Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: УрГУ. – 215 с.

Голдина Р. Д., Королева О. П. и др., 1980. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // ПЭСВП. – Ижевск: УдГУ. – С. 3-66.

Государственный список памятников истории и культуры Пермской области.

Официальное издание. 2001. – Пермь: Пушка. – 351 с.

Иванов А. Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.). – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 308 с.

Крыласова Н. Б., Старков А. В. и др., 1989. Разведки в Сивинском, Чусовском и Горнозаводском районах Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР. – С. 70-72.

Мокрушин В. П., Андриюшин А. В., 2000. Средневековое селище у д. Бажино Сивинского района // Оборинские чтения. Материалы археолог. конференций. В. 1. Пермь: ПОКМ. – С. 37-39.

Мокрушин В. П., Кудрявцев Ю. А., 2011. Археологическое изучение средневековых памятников на территории Сивинского и Карагайского районов Пермского края // Экономика-правовые, социально политические и культурно-исторические аспекты развития регионов (материалы Международной научно-практической конференции). Березники: Уральск. гос. экономический ун-т. Перм. ин-т экономики и финансов. – С. 425-434.

Очерки археологии Пермского Предуралья / под ред. д.и.н., проф. А. М. Белавина. 2002. – Пермь: ПГПУ. – 253 с.

Памятники истории и культуры Пермской области. Т. 1 (материалы к археологической карте Пермской области). 1996. – Пермь: Арабеск. – 299 с.

Поляков Ю. А., 1960. Коноваловское селище // УЗ ПГУ. Т. XII. В. I. Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. – Пермь: Пермск. кн. изд-во. – С. 207-218.

Смирнов А. П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР №28. – М.: АН СССР. – 275 с.

Вяч. С. Кулешов.
**КОМПЛЕКС УМАЙЙАДСКИХ МОНЕТ ЭЛМЕДСКОГО КЛАДА И ЕГО
ВЫДАЮЩЕЕСЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Статья посвящена одному из ключевых памятников нумизматики и истории ранней Волжской Булгарии – Элмедскому кладу серебряных куфических монет VIII–IX вв. Впервые в научный оборот вводятся сведения о комплексе умаййадских дирхамов и отмечается выдающееся историко-культурное значение этого комплекса.

Ключевые слова: археология, нумизматика, эпоха средневековья, Волжская Булгария, монетный клад, умаййадские дирхамы

V.S. Kuleshov
**THE COMPLEX OF THE Umayyad COINS OF THE ELMED HOARD AND ITS
OUTSTANDING HISTORICAL AND CULTURAL SIGNIFICANCE**

The paper is devoted to one of the key sites of numismatics and history of early Volga Bulgaria – the Elmed hoard of silver Kufic coins of the VIII–IX centuries. Information on the complex of Umayyad dirhams is being introduced and the outstanding historical and cultural significance of this complex is discussed.

Key-words: archaeology, numismatics, the Middle Ages, Volga Bulgaria, coin hoard, Umayyad dirhams

Предлагаемая публикация посвящена одному из ключевых памятников нумизматики и истории ранней Волжской Булгарии – Элмедскому кладу серебряных куфических монет VIII–IX вв. Впервые в научный оборот введены сведения об интереснейшей фракции этого клада – комплексе умаййадских дирхамов – и отмечено выдающееся историко-культурное значение этого комплекса.

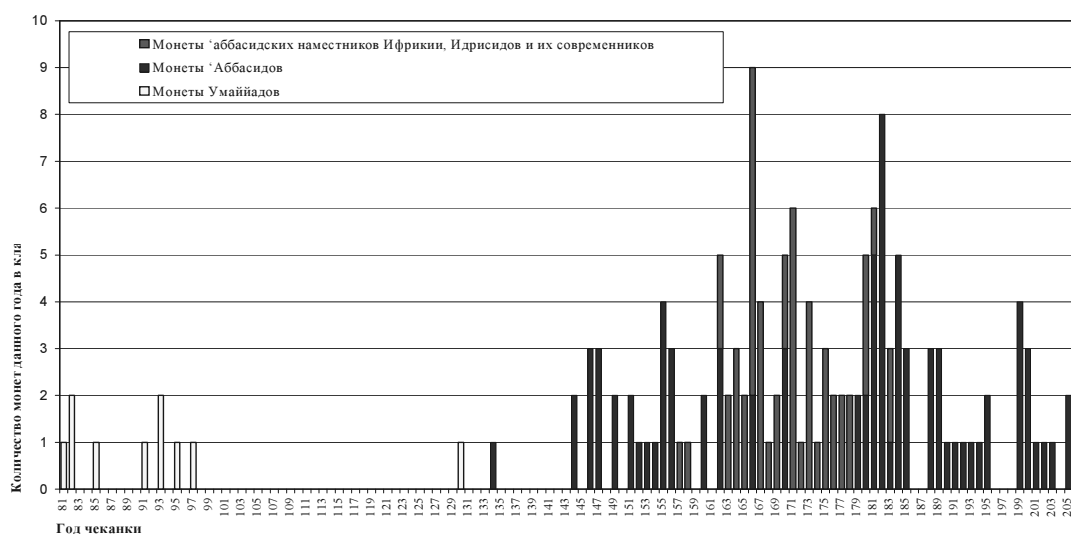
Краткие сведения о времени и месте находки Элмедского клада и его композиционные параметры неоднократно публиковались в специальной литературе (Фасмер, 1926. С. 289, Казанская губ., кат. № 12; Фасмер, 1931. С. 17; Кропоткин, 1971. С. 88, кат. № 123; Noonan, 1981. P. 93, cat. No 26; Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991. С. 9), но они в одних деталях неточны, в других — ненадёжны.

Клад серебряных куфических монет был найден в 1906 г. в Чистопольском уезде Казанской губернии в «дер. Элмед близ Билярска» (Фасмер, 1926. С. 289), что «в верховьях р. Черемшан, левого притока Волги» (Кропоткин, 1971. С. 88). В действительности топонима *Элмед не существует: речь, очевидно, должна идти о татарском названии одного из двух близко расположенных населённых пунктов – Нового Альметева (татарск. Ja?a Almat) и Старого Альметева (татарск. Iske Almat) (Казанская губерния, 1866. С. 165); в настоящее время эти сёла называются Новое и Старое Альметьево. Р. М. Валеев предпринял попытку переименовать Элмедский клад в Альметьевский: «Одним из наиболее древних кладов, найденных на территории Булгарии, является клад около с. Альметьево в 20 км от Билярска» (Валеев, 1995. С. 93; 2009. С. 36). К сожалению, остаётся неясным, о каком из двух сёл должна идти речь. Первое из них – Новое Альметьево – расположено в 22 км к югу от Билярска (татарск. Bilar) на левом берегу речки Амзи (татарск. Amza) при её впадении справа в речку Марасу/Мурасу (татарск. Morasa). Второе село – Старое Альметьево – расположено на противоположном левом берегу Марасы/Мурасы. Мараса – левый приток р. Малый Черемшан (татарск. Kесе Cirmesan), являющейся левым притоком р. Большой Черемшан в бассейне Волги. В

соответствии с современным административным делением оба села относятся к Нурлатскому району Республики Татарстан.

Итак, Элмедский клад был найден или в дер. Новое Альметьево, или в дер. Старое Альметьево. Оба варианта в равной степени правдоподобны — и вот почему. Во-первых, в том же 1906 г. году в Старом Альметьеве «при разрытии бугра в поле близ села» был найден клад в 167 серебряных куфических монет, сокрытый в конце 980-х гг. (этот клад не имеет ничего общего с Элмедским: хронологический разрыв между ними — порядка полутора веков) (Arne, 1914. Р. 65; Кропоткин, 1970. С. 147, прим. 8; 1971. С. 87, кат. № 120). Во-вторых, к настоящему времени стали доступны новые сведения о микротопографии археологических памятников булгарского времени в окрестностях Старого и Нового Альметьева (Постановление, 2002), благодаря которым выявляется необходимость рассматривать место находки Староальметьевского клада 1906 г. в контексте двух селищ X–XIII вв.: Староальметьевского (к северу от современного села) и Старорусскоальметьевского (к югу от современного села). Вероятно, оба селища представляют собой единый археологический комплекс, перекрытый и нарушенный зоной поселенческой активности позднего средневековья и Нового времени, а «бугор в поле близ села», возможно, — остатки укреплений. Что касается Нового Альметьева, то к его северо-восточной окраине примыкают большое Новоальметьевское городище X–XIII вв. (Губайдуллин, 2002. С. 119, кат. № 100) и два селища того же времени (Новоальметьевское II и III). Таким образом, Элмедский и Староальметьевский клады должны быть с непереложностью трактованы как памятники монетного обращения соответствующих булгарских поселенческих агломераций. Таковы все прочие известные сейчас монетные клады Волжской Булгарии X – начала XI в. (разновременные Билярские и Болгарские клады, Матвеевский, Маклашеевский, Даниловский, Татарско-Толкишский, Суварский, Чистопольский, Крещёно-Барановский и другие). Элмедский клад — самый ранний комплекс этого типа.

Единственным препятствием к трактовке Элмедского клада как чисто волжско-булгарского памятника является принадлежащая Ю. К. Кузьменко атрибуция граффито в виде знака И на 'аббасидском дирхаме из этого клада (инв. № ОН-В-КК-57, 'аббасидские наместники Ифрикии, Йазид ибн Хатим, ал-'Аббасийа, 167 г. х. = 783/784 г.) как скандинавской руны sol 'солнце' (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991. С. 9, кат. № 1). В качестве контраргумента я хотел бы привести одно из наиболее ранних восточноевропейских граффити — надпись на 'аббасидском золотом динаре 143 г. х. (760/761 г.) из погребения раннесалтовского (хазарского)

времени на Ордынском бугре в Нижнем Поволжье (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991. С. 9-10, кат. № 3) — это одна из весьма немногих находок золотых куфических монет в Восточной Европе (см. о них: Кулешов, 2009б). Надпись представляет собой соединение того же самого знака И со знаком М. Сами по себе эти знаки действительно могут быть трактованы как германские старшие руны (**ṣfwīlf* ‘солнце’ и **ehwaz* ‘лошадь’), но мешает сугубо кочевническая принадлежность погребения. Гораздо естественнее видеть в знаках И и М варианты орхон-енисейских (тюрских) рун **a* и **lt*, (Щербак, 2001. С. 138-140) а саму лигатуру ИМ интерпретировать в соответствии с тюрк. **altun* ‘золото; золотая монета; золотой’ (Древнетюрский словарь, 1969. С. 40). Кроме того, знаки И и М многократно засвидетельствованы в виде граффити на византийских солидах из Славянского (Анастасиевского) клада золотых монет VIII в. — ярчайшего нумизматического памятника Хазарии (Гурулёва, Кулешов, Юрченко, 2011). Таким образом, граффито в виде руны И из Элмедского клада, очевидно, всё же тюркского, а не скандинавского происхождения. Если фонетическое соответствие этой руны орхон-енисейскому знаку **a* верно, то граффито на монете из Элмедского клада может быть сокращённым написанием тюрк. **aq* ‘белый’ (согласно «Анонимной записке», дирхамы Халифата высоко ценились в Волжской Булгарии именно за белизну), откуда далее — тюрк. **aqsa* ‘серебряная монета’.

Вопреки ранее публиковавшимся сведениям, первоначальное число монет Элмедского клада, строго говоря, неизвестно, поскольку информация о нём получена не из «первых рук». В первом базовом упоминании о кладе (устное сообщение Н. П. Лихачёва Р. Р. Фасмеру 1921 г.) нет сведений ни об обстоятельствах его обнаружения, ни о размере — ясно сказано лишь, сколько монет были приобретены Н. П. Лихачёвым. Ни сам Н. П. Лихачёв, ни воспроизводящий его сведения Р. Р. Фасмер не уточняют, приобретён ли клад целиком, или же те 150 монет, о которых идёт речь, и которые сохранились до настоящего времени, отражают только размер предложенной на продажу партии монет. Число «150» настолько неудачно и неправдоподобно для целого кладового комплекса (тем же самым заведомо ложным числом, согласно отрывочным данным А. А. Быкова, измеряется объём полностью расхищенного Кёнигсбергского клада 1945 г. (Кропоткин, 1968. С. 76; 1971. С. 80, кат. № 29), что при отсутствии прямого указания на комплектность этого набора нет возможности считать его размер достоверным. Здесь и далее я буду говорить лишь о выборке монет Элмедского клада, не впадая в противоречие ни терминологически, ни по существу.

В Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа хранятся 150 монет Элмедского клада (инв. кн. 2702, №№ ОН-В-КК-1–150). Композиция выборки такова:

Умайяды — 10 экз. (6,67 %). Монетные дворы: Арминийа, ал-Ахваз, ал-Басра, Васит, Дарабджирд, Димашк, ат-Таймара, Хамадан

‘Аббасиды — 85 экз. (56,67 %). Монетные дворы: Арран, ал-Басра, Ифрикийя, Кирман, ал-Куфа, Ма‘дин Баджунайс, Мадина́т Балх, Мадина́т Джайй, Мадина́т Зарандж, Мадина́т Самарканд, Мадина́т ас-Салам, ал-Мухаммадийя, ар-Райй

‘Аббасидские наместники Ифрикии — 46 экз. (30,67 %). Монетные дворы: ал-‘Аббасийя и Ифрикийя

Идрисиды — 4 экз. (2,67 %). Монетные дворы: Валила и стёртое место чеканки.

Губернаторы Тудги — 4 экз. (2,67 %). Монетный двор: Тудга

Правители Тилимсана — 1 экз. (0,67 %). Монетный двор: Тилимсан

Общее типохронологическое распределение монет клада имеет следующий вид: Несмотря на значительное количество монет африканской чеканки (59 экз. или

39,33 %, в том числе 4 экз. халифских монет Ифрикии), композиционно и хронологически определяющими являются монеты азиатских монетных дворов 179-205 гг. х. (их общая доля – 51 экз. или 34,0 %). На этом основании клад должен быть отнесён к ступени С моей хронологической системы (Кулешов, 2011), соответствующей восточноевропейскому монетному обращению 810-840-х гг. Младшие монеты клада – два ‘аббасидских дирхама, битые в Мадина́т ас-Саламе и Ма’дин Баджунайсе в 205 г. х. (820/821 г. Клад сокрыт в пределах второй четверти IX в.

Комплекс умаййадских монет Элмедского клада (10 экз.) весьма своеобразен:

ал-Басра, 81 г. х. Инв. № ОН-В-КК-3. В. 2,73. Д. 26,0
ал-Ахвaz, 82 г. х. Инв. № ОН-В-КК-2. В. 2,43. Д. 26,5
Димашк, 82 г. х. Инв. № ОН-В-КК-6. В. 2,81. Д. 25,5
Димашк, 85 г. х. Инв. № ОН-В-КК-7. В. 2,89. Д. 28,0
Димашк, 91 г. х. Инв. № ОН-В-КК-8. В. 2,13. Д. 26,0
ат-Таймара, 93 г. х. Инв. № ОН-В-КК-4. В. 2,39. Д. 26,0
Дарабджирд, 93 г. х. Инв. № ОН-В-КК-5. В. 2,36. Д. 26,5
Арминия, 95 г. х. Инв. № ОН-В-КК-1. В. 2,59. Д. 27,5
Хамадан, 97 г. х. Инв. № ОН-В-КК-9. В. 2,28. Д. 25,5
Васит, 130 г. х. Инв. № ОН-В-КК-10. В. 2,94. Д. 25,0

Все монеты целые, без признаков вторичного формообразования, сохранность рельефа надписей хорошая. Представлена продукция монетных дворов Сирии (Димашк/Дамаск), Ирака (ал-Басра, Васит), Ирана (ал-Ахвaz/Сузы, ат-Таймара, Дарабджирд, Хамадан) и Закавказья (Арминия). Как видно из приведённого списка, хронологический разрыв между 9 монетами 81-97 гг. х. и младшей монетой умаййадского комплекса составляет треть столетия. В соответствии с предложенной мною периодизацией чеканки умаййадского серебра (Кулешов, 2009а) представленные типы распределяются следующим образом:

I период (78/79–82/83 гг. х.) – 3 экз. (30,00 %)
II период (83/84–89 гг. х.) – 1 экз. (10,00 %)
III период (90–98/99 гг. х.) – 5 экз. (50,00 %)
IV–VI периоды (99/100–126 гг. х.) – монеты не представлены
VII период (127–132 гг. х.) – 1 экз. (10,00 %)

Единственной восточноевропейской аналогией этому комплексу является набор умаййадских дирхамов из погребений могильника ломоватовской культуры Мыдлань-Шай в Удмуртии (раскопки В. Ф. Генинга 1957-1958 гг.) (Янина, 1962). По младшим монетам (саманидский фалс, битый в Самарканде в 206 г. х. = 821/822 г., и ‘аббасидский дирхам, битый в Мадина́т ас-Саламе в 208 г. х. = 823/824 г.) в качестве верхней хронологической границы функционирования могильника может быть указана вторая четверть IX в., хотя основу нумизматического комплекса составляют монеты из несколько более ранних погребений (последних десятилетий VIII – начала IX в.). Структура мыдлань-шайского набора, насчитывающего 14 умаййадских дирхамов, такова:

Васит, 85 г. х. Дважды пробит

ар-Райй, 90 г. х. Дважды пробит
Хамадан, 90 г. х. Пробит
Дарабджирд, 91 г. х. Пробит
Васит, 92 г. х. Пробит, ушко
Истахр, 95 г. х. Следы ушка
Васит, 95 г. х. Пробит
Васит, 95 г. х. Следы ушка
Арминийа, 105 г. х. Пробит
Васит, 109 г. х. Пробит, следы ушка
Васит, 111 г. х. Пробит
ал-Мубарака, 117 г. х.
Васит, 127 г. х. Пробит
Сиджистан, 130 г. х. Дважды пробит

Монеты – со следами вторичного формообразования, превращены в подвески. Представлена продукция монетных дворов Ирака (Васит), Ирана (Истахр, Дарабджирд, ар-Райй, Сиджистан, Хамадан), Закавказья (Арминийа) и Северной Африки (ал-Мубарака). Распределение по периодам эмиссии:

I период (78/79–82/83 гг. х.) – монеты не представлены
II период (83/84–89 гг. х.) – 1 экз. (7,14 %)
III период (90–98/99 гг. х.) – 7 экз. (50,00 %)
IV период (99/100–102/103 гг. х.) – монеты не представлены
V период (103–114 гг. х.) – 3 экз. (21,43 %)
VI период (115–126 гг. х.) – 1 экз. (7,14 %)
VII период (127–132 гг. х.) – 2 экз. (14,29 %)

Этот набор в целом несколько «моложе» элмедского (не представлены редкие монеты I периода, около половины монетного набора относится в поздним периодам V–VII), но с последним его роднит значительная доля монет III периода, чеканенных на территории центральных провинций бывшего Сасанидского Ирана (в обоих комплексах – по 50,00 %).

В чём состоит необычность этих структур по сравнению с «нормой» восточно-европейского обращения умаййадских монет в первой половине IX в.? Рассмотрим эту «норму» на примере четырёх крупных кладовых комплексов IX в. – умаййадских фракций Ягошурского (ступень С), Выжегшского (ступень С), Большого Тимерёвского (ступень D) и Шумиловского (ступень D) кладов.

В Ягошурском кладе 1865 г. (младшая монета бита в 229 г. х. = 843/844 г.) (Марков, 1910. С. 8, кат. № 39) зафиксированы 204 умаййадских дирхама (16,25 % от общей численности монет клада), следующим образом распределяющиеся по периодам чеканки:

I период (78/79–82/83 гг. х.) – 8 экз. (3,92 %)
II период (83/84–89 гг. х.) – 13 экз. (6,37 %)
III период (90–98/99 гг. х.) – 61 экз. (29,90 %)
IV период (99/100–102/103 гг. х.) – 14 экз. (6,86 %)
V период (103–114 гг. х.) – 22 экз. (10,78 %)

VI период (115–126 гг. х.) – 64 экз. (31,37 %)

VII период (127–132 гг. х.) – 22 экз. (10,78 %)

В Выжегшском кладе 1983 г. (младшие монета биты в 227 г. х. = 841/842 г.) (Фомин, 1988) зафиксированы 96 умаййадских дирхамов с читающимися годами чеканки (7,54 % от общей численности монет клада), следующим образом распределяющиеся по периодам чеканки:

I период (78/79–82/83 гг. х.) – 5 экз. (5,21 %)

II период (83/84–89 гг. х.) – 4 экз. (4,17 %)

III период (90–98/99 гг. х.) – 31 экз. (32,29 %)

IV период (99/100–102/103 гг. х.) – 3 экз. (3,13 %)

V период (103–114 гг. х.) – 9 экз. (9,38 %)

VI период (115–126 гг. х.) – 34 экз. (35,42 %)

VII период (127–132 гг. х.) – 10 экз. (10,42 %)

Распределение монет в обоих этих комплексах практически полностью совпадает: монеты III и VI периодов представлены в примерно равных долях (около 1/3 от общего объёма умаййадской фракции), а в сумме с монетами VII периода составляют примерно 3/4 от общего объёма умаййадской фракции.

В Большом Тимерёвском кладе 1973 г. (младшая монета бита в 251 г. х. = 865 г.) (Добровольский, Дубов, 1975) отмечены 100 экз. целых умаййадских дирхамов с читающимися годами чеканки (около 3,50 % от общей численности монет клада), следующим образом распределяющиеся по периодам:

I период (78/79–82/83 гг. х.) – 2 экз. (2,00 %)

II период (83/84–89 гг. х.) – 4 экз. (4,00 %)

III период (90–98/99 гг. х.) – 21 экз. (21,00 %)

IV период (99/100–102/103 гг. х.) – 2 экз. (2,00 %)

V период (103–114 гг. х.) – 8 экз. (8,00 %)

VI период (115–126 гг. х.) – 44 экз. (44,00 %)

VII период (127–132 гг. х.) – 19 экз. (19,00 %)

Наконец, умаййадская фракция Шумиловского клада 1927 г. (младшие монета биты в 257 г. х. = 870/871 г.; в Новгородском музее-заповеднике хранятся 24 экз. умаййадских дирхамов клада — около 1,91 %) (Кулешов, 2011б; Быков, Добровольский, 2011) предельно редуцирована, представлена продукция единственного монетного двора – иракского Васита:

I–V периоды (78/79–114 гг. х.) – монеты не представлены

VI период (115–126 гг. х.) – 17 экз. (70,83 %)

VII период (127–132 гг. х.) – 7 экз. (29,17 %)

Примерно такая же картина характерна и для малых комплексов умаййадских монет. Так, в состав небольшого Ножай-Юртовского клада 1987 г. (16 целых и фрагментированных серебряных монет), представляющего монетное обращение Хазарии начала 810-х гг. (младшая монета клада – ‘аббасидский дирхам 192 г. х. = 807/808 г.), входили 5 умаййадских дирхамов, из которых 4 были биты в Васите в первой

половине 120-х гг. х. (первая половина 740-х гг., период VI), а пятый не мог быть определён ввиду сильной фрагментации (Виноградов, Мамаев, Фёдоров-Давыдов, 1992). При раскопках в 1991 г. Нетайловского могильника салтовской культуры была получена серия из 6 серебряных монет-подвесок (погр. 137, 143 и 146), 5 из которых, в соответствии с моим определением по плохим фотовоспроизведениям (Крыганов, Чернигова, 1993), – умаййадские дирхамы. Качество изображений не позволяет прочесть на каждой из монет место и год чеканки; тем не менее, один из дирхамов в погр. 146 (Крыганов, Чернигова, 1993, рис. 3/4] бит в 87 г. х. (705/706 г., II период), два дирхама в погр. 137 (Крыганов, Чернигова, 1993, рис. 3/1-2] по облику эпиграфики могут быть предположительно отнесены к III периоду (90–98/99 гг. х. = 710-е гг.) и ещё два, чеканенные в Васите (Крыганов, Чернигова, 1993, рис. 2/1; рис. 3/3], – к VI периоду (115–126 гг. х. = 733–744 гг.).

В крупнейшем из известных к настоящему времени умаййадских комплексов с территории Халифата – Дамасском кладе (см. о нём (al-‘Ush, 1972; Кулешов, 2009)), в составе которого насчитывалось 1309 эпиграфических дирхамов халифата Умаййадов (младшая монета 131 г. х. = 748/749 г., клад сокрыт предположительно около 750 г.), соотношение хронологических групп таково (Кулешов, 2009: с. 94, ил. 7):

- I период (78/79–82/83 гг. х.) – 2,15 %
- II период (83/84–89 гг. х.) – 1,77 %
- III период (90–98/99 гг. х.) – 16,18 %
- IV период (99/100–102/103 гг. х.) – 1,52 %
- V период (103–114 гг. х.) – 14,03 %
- VI период (115–126 гг. х.) – 57,12 %
- VII период (127–132 гг. х.) – 7,22 %

Ещё один крупный клад с умаййадскими монетами – клад из ал-Джазиры (Верхняя Месопотамия; младшая монета – ‘аббасидский дирхам, битый в Ма‘дин Баджунайсе в 208 г. х. = 823/824 г.; дата сокрытия клада – не позднее начала 830-х гг.) – насчитывал в своём составе 293 умаййадских дирхама (Gyselen, Negre, 1982):

- I период (78/79–82/83 гг. х.) – 13 экз. (4,44 %)
- II период (83/84–89 гг. х.) – 28 экз. (9,56 %)
- III период (90–98/99 гг. х.) – 106 экз. (36,18 %)
- IV период (99/100–102/103 гг. х.) – 31 экз. (10,58 %)
- V период (103–114 гг. х.) – 40 экз. (13,65 %)
- VI период (115–126 гг. х.) – 42 экз. (14,33 %)
- VII период (127–132 гг. х.) – 33 экз. (11,26 %)

Несмотря на пониженный процент монет VI периода, в норме наиболее частотных, на периоды IV–VII суммарно приходится 49,83 % монет умаййадской фракции.

Итак, в норме обращения умаййадских дирхамов в середине VIII – середине IX в. монеты IV–VII периодов либо доминируют над монетами I–III периодов, либо составляют не менее половины комплекса. В комплексе же Элмедского клада они составляют лишь десятую часть, тогда как в норме низкочастотные монеты I периода – третью часть. Объяснение этого факта может быть получено на пути сопоставления

элмедского комплекса с комплексами умаййадского серебра из Средней Азии. Я располагаю данными всего о двух кладах, зато один из них – первоклассный. Первый клад был найден в 1962 г. при раскопках А. М. Беленицкого на городище Пенджикент в юго-восточном углу помещения № 33 объекта XIII (Беленицкий, 1966; Давидович, 1979. С. 89–91, кат. № 22). Клад насчитывал 12 бухархудатских драхм и 6 умаййадских дирхамов следующих типов:

Димашк, 85 г. х.
Васит, 90 г. х.
Васит, 91 г. х.
Кирман, 90 г. х.
Истахр, 91 г. х.
ал-Баб, 117 г. х.

В этом наборе доминируют монеты II–III периодов (83,33 %) и лишь одна монета – VI периода, причём не самого частотного типа, она же – младшая датированная монета клада (117 г. х. = 735/736 г.). Сокрытие клада можно предположительно отнести к концу 730-х – 740-м гг.

Второй клад найден в 1965 г. «недалеко от горного кишлака Вашан в верховьях р. Зеравшан» (Давидович, 1979. С. 92–117, кат. № 23]. Доступны данные о 58 умаййадских дирхамах, составляющих 31,01 % от общей выборки в 187 экз. (из них 128 экз. – бухархудатские драхмы). Младшая монета – ‘аббасидский дирхам, битый в ал-Куфе в 133 г. (750/751 г.). Сокрытие клада можно предположительно отнести к 750-м гг. Композиция умаййадского комплекса Вашанского клада 1965 г. такова:

I период (78/79-82/83 гг. х.) – 3 экз. Монетные дворы: ал-Басра, Марв
II период (83/84-89 гг. х.) – 5 экз. Монетный двор: Димашк
III период (90-98/99 гг. х.) – 36 экз. Монетные дворы: Ардашир Хурра, Истахр, ат-Таймара, Джундай Сабур, Дарабджирд, Дастува, Димашк, Сиджистан, Суррак, ас-Сус, Сук ал-Ахваз, Кирман, Манадир, Махи, Нахр Тира, Васит
IV период (99/100-102/103 гг. х.) – 4 экз. Монетные дворы: ал-Басра, Димашк, Марв
V период (103-114 гг. х.) – 9 экз. Монетные дворы: Димашк, Марв, Васит
VI период (115-126 гг. х.) – 1 экз. Монетный двор: Васит
VII период (127-132 гг. х.) – монеты не представлены

Монеты I–III периодов (44 экз.) составляют 75,86 % комплекса, монеты IV–VII периодов – лишь 24,14 %.

Итак, приведённые данные свидетельствуют о несомненной близости умаййадских комплексов Элмедского клада и могильника Мыдлань-Шай комплексам умаййадского серебра из обращения Мавараннахра середины VIII в., существенно отличающимся от обращения центральных и северных провинций Халифата – Сирии, Ирака и Закавказья (с денежным обращением последнего генетически связаны монетные поступления предсалтовского и раннесалтовского времени на территорию Хазарии и на речные пути ранней руси). Этот вывод подкрепляет точку зрения, согласно которой наиболее ранняя волна поступлений монет Халифата в Среднее Поволжье и Прикамье,

связанная с караванным путём из Хорезма в Волжскую Булгарию (хорошо известным по памятникам арабской письменной традиции IX–XI вв.), должна датироваться не позднее середины VIII в.

Список литературы:

al-'Ush M. A. F., 1972 The Silver Hoard of Damascus (Sasanian, Arab-Sasanian, Khuwarizmian and Umayyad) Kept in the National Museum of Damascus. – Damascus: National Museum of Damascus.

Arne T. J., 1914. La Suede et l'Orient. Etudes archeologiques sur les relations de la Suede et de l'Orient pendant l'age des Vikings. These pour le doctorat presentee a la Faculte des Lettres d'Upsala et publiquement soutenue. – Uppsala.

Gyselen R, Negre A., 1982. Un trésor de Gazora (Haute Mésopotamie): monnaies d'argent sasanides et islamiques enfouies au début du IIIe siècle de l'Hégire/IXe siècle de notre ère // Revue numismatique. VIe serie. T. XXIV. – Paris: Revue numismatique. — P. 170–205.

Klat M. G., 2002. Catalogue of the Post-Reform Dirhams. The Umayyad Dynasty. – London: Spink.

Noonan Th. S., 1981. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History. (BAR International Series, 122.). – Oxford: Oxford University; BAR Publishers.

Беленицкий А. М., 1966. Клад серебряных монет из Пенджикента // Эпиграфика Востока. XVII. – М.; Л.: Наука. – С. 92–100.

Быков А. А., Добровольский И. Г., 2011. Список монет Шумиловского клада // Нумизматика и эпиграфика. XVIII. – М.: Памятники исторической мысли. – С. 195–230.

Валеев Р. М., 1995. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII в. – Казань: «Фест». – 157 с.

Валеев Р. М., 2009. Булгарские клады как источник по развитию товарно-денежных отношений в Волжской Булгарии (IX–XIII вв.) // Известия Алтайского государственного университета. № 4. Т. 2 (64). – Барнаул: АлтГУ. – С.32–39

Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., Фёдоров-Давыдов Г. А., 1992. Клад куфических монет из Ножай-Юрта (Чечено-Ингушетия) // РА. № 2. – С. 274–278.

Губайдуллин А. М., 2002. Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань: ИИ АН РТ. – 232 с.

Гурулёва В. В, Кулешов Вяч. С., Юрченко Т. В., 2011. Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. – М.: Памятники ист. мысли. – С. 136–186.

Давидович Е. А., 1979. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. – М.: Наука. – 464 с.

Добровольский И. Г., Дубов И. В., 1975. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерёво под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник ЛГУ. Сер. № 2 (история, язык, литература). Вып. 1. – Л.: ЛГУ. – С. 65–71.

Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1991. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: ЛГУ. – 189 с.

Древнетюрский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 678 с.

Казанская губерния, 1866. Список населённых мест по сведениям 1859 года. –

СПб. – 322 с.

Кропоткин В. В., 1968. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. – М.: Наука. – С. 72-79.

Кропоткин В. В., 1970. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи. МИА. №176. – М.: Наука. – С. 146-150.

Кропоткин В. В., 1971. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. IX. – М.: Наука. – С. 76-97.

Крыганов А. В., Чернигова Н. В., 1993. Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры // Вестник Харьковского университета. № 374. История. Вып. 27. – Харьков: «Основа». – С. 35-42.

Кулешов Вяч. С., 2011а. Хронология обращения монет Халифата в Восточной Европе (VIII–IX вв.) // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 года): Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ГЭ. – С. 46-48.

Кулешов Вяч. С., 2011б. Шумиловский клад // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. – М.: Памятники ист. мысли. – С. 191-194.

Кулешов Вяч. С., 2009а. Периодизация чеканки куфических дирхамов в Халифате Умаййадов (по данным нумизматических источников) // Материалы и исследования Отдела нумизматики (Труды Государственного Эрмитажа. XLVIII.) – СПб.: ГЭ. – С. 86-97 + табл. 1–2 на отд. вклейке.

Кулешов Вяч. С., 2009б. О распространении золотых куфических монет VIII в. в Восточной Европе // XV Всероссийская нумизматическая конференция (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 года): Тезисы докладов и сообщений. – М.: Нумизматическая литература. – С. 59-61.

Марков А. К., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб.: Тип. Имп. АН. – 155 с.

Постановление Кабинета министров Республики Татарстан № 456 от 30.07.2002 г. «О включении дополнительно выявленных объектов в Государственный охранный реестр недвижимых памятников археологии республиканского значения». [Казань, 2002.]

Фасмер Р. Р., 1926. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. I. – Л.: ГАИМК. – С. 281-324

Фасмер Р. Р., 1931 Завалишинский клад куфических монет VIII–IX в. // Известия ГАИМК. VII: 2. – Л.: ГАИМК. – 20 с.

Фомин А. В., 1988. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX века // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). – М.: ИА АН СССР, 1988. – С. 103-131.

Щербак А. М., 2001. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования. – СПб.: Наука. – 143 с.

Янина С. А., 1962. Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. – Свердловск: УрГУ. – С. 129-139 + ч.-б. фото на вклейке.

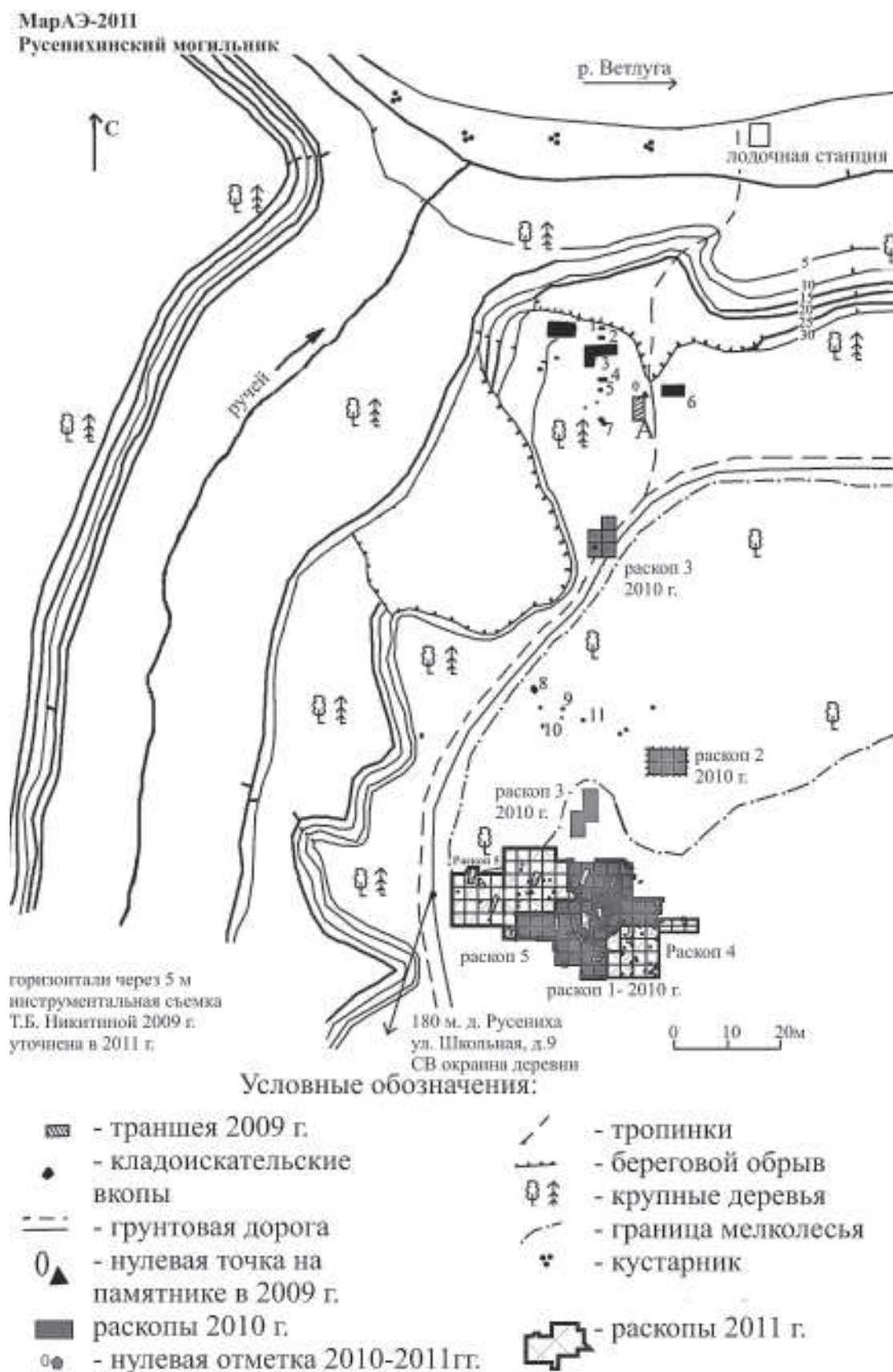

Рис. 1. Ситуационный план Русенихинский могильника.

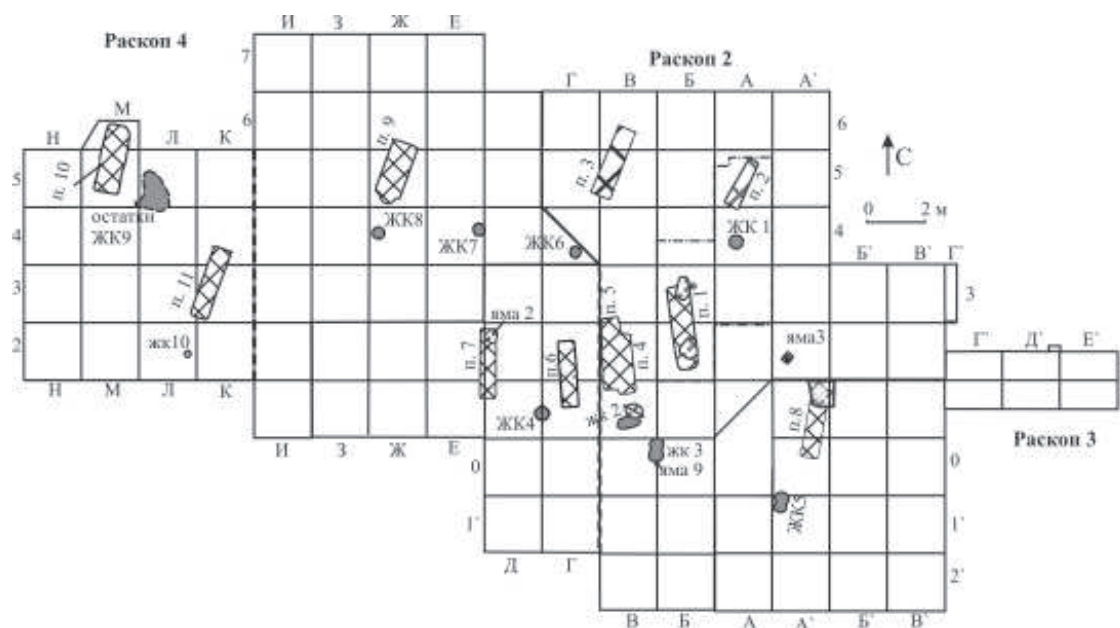

Рис. 2. План расположения объектов на Русенихинском могильнике.

Д.Ю. Ефремова, Т.Б. Никитина.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РУСЕНИХИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В статье вводятся в научный оборот данные, полученные в ходе раскопок Русенихинского марийского могильника, который отличает нетипичное топографическое расположение, особенности в погребальном обряде, отсутствие трупосожжений, наличие большого количества жертвенных комплексов. Возможно, эти особенности связаны с тем, что памятник относится к переходному периоду от хорошо изученных могильников IX-XI вв. к следующим XII-XIII вв.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, древнемарийская культура, могильник

D.Yu. Efremova, T.B. Nikitina

CHARACTERISTICS OF THE BURIAL RITE OF THE RUSENIKHINSKIY BURIAL GROUND

The paper introduces data, retrieved from the excavations of the Rusenikhinskiy burial ground of Mari, which is atypical due to its topography, peculiarities of the burial rite, no signs of cremations, and occurrence of a considerable number of sacrificial complexes. These peculiarities could be explained by the fact that the site belongs to the transition period from the well-studied burial grounds of the IX-XI to the XII-XIII centuries.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Old Mari culture, burial ground

На протяжении нескольких лет Третьим отрядом Марийской археологической экспедиции Государственного гуманитарного научного учреждения при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева» проводились раскопки Русенихинского марийского могильника IX-XI вв. в Воскресенском районе Нижегородской области. Финансирование работ осуществлялось за счет средств РГНФ в рамках проектов 10-

01-18045е «Русенихинский могильник – новый памятник древнемарийской культуры IX-XI вв.», 11-01-18023е «Русенихинский могильник древнемарийской культуры IX-XI вв: междисциплинарный подход к изучению памятника.

Русенихинский могильник располагается в 180 м к ССВ от северо-восточной окраины д. Русениха в Воскресенском районе Нижегородской области на высокой коренной террасе правого берега р. Ветлуги на мысу, образованном берегом реки и правым берегом глубокого оврага, выходящего на р. Ветлугу (рис. 1).

Памятник открыт в 2009 г. отрядом Т.Б. Никитиной и установлено, что место в течение нескольких лет разрушается черными «археологами», о чем свидетельствуют траншеи, многочисленные ямы от ограбленных могил и «закопушки» различных размеров, образованные при извлечении отдельных вещей. Опрос местных жителей также показал, что на этом месте регулярно каждую осень и весну появляются незнакомые люди с металлоискателями, а также копают местные мальчишки из любопытства (Никитина, 2009). В 2010-2011 гг. начаты археологические раскопки. На территории памятника вскрыто 508 кв.м.: 48 кв. м в северной части раскопа и 460 кв. м в южной части раскопа. Северная часть полностью разрушена обрывом реки, кладоскательскими вкопками и здесь не обнаружено ни одного погребения. На территории раскопа в южной части памятника изучен 21 комплекс эпохи средневековья, среди которых выделяется 11 погребений и 10 жертвенных комплексов (рис. 2).

Памятник относится к марийской культуре X-XI вв. Культурная принадлежность определена преимущественно по женским украшениям головного убора, груди и ног, а также отдельным деталям костюмного комплекса и погребального обряда. При этом особое внимание уделено не только типу украшения, но и его месту в составе костюмного ансамбля.

В состав костюма входили: браслетообразные височные кольца, калачевидные серьги и серьги со змеевидным окончанием, коньковые подвески с трапециевидной основой или литые с прорезью в центре, круглые ажурные подвески, очковидные подвески, наборные пояса. Головные цепочки, височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет утолщение, сочетание обувных умбоновидных и очковидных подвесок, трапециевидные нагрудные коньковые украшения соответствуют находкам из известных марийских средневековых могильников IX-XI вв. (Архипов, 1973. С. 12-16, 19, 20; Никитина Т.Б., 2002. С. 61-88, 97-98) и являются этноопределяющими признаками марийского костюма.

Значительный интерес представляет погребальный обряд.

Погребения зафиксированы на глубине 26-35 см от уровня современной дневной поверхности. Угли в могильной засыпи зафиксированы только в пп. 1, 2, 8.

Из 11 раскопанных погребений в 9 обнаружены слабый тлен и небольшие фрагменты костей, что подтверждает обряд ингумации. В 2-х погребениях: пп. 3 и 8 кости не обнаружены, но, возможно, из-за плохой сохранности костной ткани. Расположение и особенности залегания вещей свидетельствуют в пользу того факта, что вещи (браслеты, кольца) были одеты на погребенного, а не положены ему в дар. Положение рук вытянутое или одна из них имеет небольшой изгиб в локтевом суставе.

При расчистке погребений выявлено, что погребенные лежат в лубяной колоде или плотно завернутые в луб, поэтому заполнение внутри лубяной оболочки и вещи располагаются очень компактно. Под верхним слоем луба всегда находится слой меха. Это может быть одежда или дополнительное покрытие погребенного. Умершие были

одеты в специальный расшитый бронзовой нитью костюм с полным набором украшений (вероятно, обрядовый).

В каждом погребении обнаружены дополнительные комплексы вещей: в изголовье и ногах – пп. 1, 3, 5, 7, 8, 9, 11; в изголовье – пп. 2, 4, 6. Погребение 10 частично разрушено корнями деревьев, но, судя по всему, в ногах стоял котел. Дополнительные комплексы состоят из производственного и бытового инвентаря в женских погребениях; бытового инвентаря и оружия (топоров, наконечников стрел, копья) в мужских погребениях.

Жертвенные комплексы вещей в межмогильном пространстве устраивались в небольшой яме диаметром до 20 см, в большинстве случаев на небольшой глубине до 20 см, иногда могла быть более значительная глубина до 40 см (жк 6 и 7). Ямы имели отвесные стенки и ровное дно. Три комплекса (жк 2, 3, 5) представляли две спаренные ямы одинакового диаметра, каждая из которых имела свой набор украшений, которые не дополняли друг друга, а часто и повторяли (например, в обоих комплексах поясные наборы или их детали и т.д.). Внутри ям помещался туес, в котором лежали вещи, преимущественно украшения, завернутые в одежду из ткани, меха, кожи. Сверху туес закрыт деревянной чашей. По составу инвентаря комплексы можно разделить на мужские и женские. Состав комплексов очень богат и большинство из них содержат украшения, которые соответствуют этномаркерам средневековой марийской культуры. Во время раскопок удалось обнаружить большое количество вышивки на одежде и впервые проследить орнаментальные мотивы. Уникальной находкой являются расшитые красной ниткой войлочные подстилки.

Основные черты погребального обряда находят аналогии в погребальных памятниках Ветлужско-Вятского междуречья. Особенно выразительными являются жертвенные комплексы в межмогильном пространстве. Состав комплексов, их устройство и частое распространение являются особенностью погребального обряда средневековых могильников Ветлужско-Вятского междуречья, которые мы связываем с древнемарийской культурой (Никитина, 2001; 2002. С. 80-83; Никитина, Ефремова, 2010. С. 55-57).

При общем сходстве в погребальном обряде и инвентаре с могильниками Ветлужско-Вятского междуречья X-XI вв. Русенихинский могильник имеет ряд отличий.

Во-первых, могильник отличается топографическими особенностями. Это единственный могильник, расположенный на правобережной коренной террасе, все остальные ранее изученные средневековые марийские могильники располагаются в левобережных поймах рек Ветлуги, Волги и, как правило, на малых притоках этих рек. Известные ранее могильники (Веселовский, «Черемисское кладбище», Юмский, «Нижняя стрелка») находятся на небольших возвышениях донного характера, границы их ограничены топографически, основная масса могил занимает край возвышенности со стороны водоема (это может быть река, небольшой ручей или болотина). Ручьи и болотины были более предпочтительными, чем открытое течение реки. Могильники помещаются преимущественно в небольшом удалении от реки. На коренных террасах или высоких гривах марийские могильники начинают располагаться только с XII в. (Руткинский на очень высокой доне и Починковский на коренной террасе) (Архипов, 1986. Рис. 6).

Во-вторых, судя по расположению вещей и сохранившимся фрагментам костей, погребенные были положены в вытянуто головой в южном направлении (178-210 градусов). Среди известных марийских синхронных захоронений известно лишь несколько случаев с южной ориентировкой: пп. 1, 11, 14, 31, 32 Веселовского могильника. Судя по расположению вещей можно считать, что головой на ЮВ было совершено п. 7

Юмского могильника. По погребальному инвентарю и другим особенностям погребального обряда такие захоронения ничем не отличаются от остальных на этих же могильниках. Все указанные погребения, включая могилы Русенихинского могильника, совершены вдоль небольших пологих склонов. Вероятно, при устройстве этих могильных ям учитывался рельеф местности, потому как голова погребенного размещалась выше, чем ноги.

На Русенихинском могильнике есть одно захоронение (п. 10) с северной ориентировкой. Оно сильно повреждено корнями деревьев, но явных отличий по инвентарю от остальных погребений не обнаружено. При анализе костного материала методом атомной абсорбции, проведенном доцентом кафедры биохимии и физиологии МарГУ, кандидатом биологических наук Е.А. Пузаткиной и инженером кафедры химии МарГТУ В.И.Таланцевым, установлено завышенное содержание стронция, что является свидетельством в пользу растительного питания индивида. Остальные костяки на этом могильнике в костной ткани имели стронция намного меньше (от 13,35 до 67,8 единиц), что соответствует низкой или средней (нижняя ее граница) норме. Из чего можно заключить, что члены этой общины имели животный рацион питания. Следует отметить, что п. 10 располагается на западной окраине раскопанной части могильника. Дальнейшие исследования позволят выяснить, является северная ориентировка случайным исключением или знаменует начало новой группы захоронений.

В-третьих, отличительной особенностью погребального обряда Русенихинского могильника является обилие жертвенных комплексов: почти 50 % от раскопанных объектов. Жертвенные комплексы на могильнике имеют определенное местоположение: размещаются с южной стороны от погребений, образуя самостоятельные ряды. Расположение их от погребений на значительном расстоянии позволяет считать, что они могут быть не связаны с последними, а представлять самостоятельные объекты.

Во-четвертых, на данном памятнике не обнаружено ни одного трупосожжения.

Датировка памятника произведена на основании находок монет и привозных вещей, имеющих достаточно четкие хронологические рамки на территории их основного распространения. Нумизматический материал определен старшим научным сотрудником Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, кандидатом исторических наук Д.Г. Мухаметшиным. Обнаруженные монеты и подражания монетам в количестве 19 экз. относятся X в. Наиболее ранние из них датируются периодом правления Джафара бин Абдаллаха 10 – первой половиной 20-х годов X века. На наиболее поздних читается имя Ат-Таи биллаха (974-991 гг.) чекана 980 и 989 гг.

В п. 6 в качестве датирующего материала могут быть использованы бусы. Полосатая лимоновидная бусина имеет аналогии в бусах 1 группы Мининского археологического комплекса (Захаров, Кузина, 2008. Табл. 168/1, с. 196), которые относятся ко второй половине X – началу XI в., что соответствует датировке аналогичных бус в Старой Ладоге (Львова, 1968. С. 85)

В п. 7 обнаружен витой с завязанными концами браслет. Аналогичные изделия наиболее широко бытовали на Руси в X-XI вв., но известны и в памятниках XII в. (Арциховский, 1930. С. 144-145; Левашова, 1967. С. 219; Седова, 1997. С.74). Витые завязанные браслеты из серебра встречаются в русских кладах X-XI вв., в погребении на Старорязанском городище XI в. (Даркевич, 1974. С. 73).

В п. 8 датировке подлежат гривна «радимичского типа» и завязанный перстень, украшенные орнаментом «волчий зуб». Гривны «радимичского типа» в основном бытовали в бассейне р. Сожа (Седова, 1997. С. 66) и датируются XI в. (Фехнер,

1967. С. 64). Завязанные перстни появляются в конце X в. и бытуют до XII в. (Комаров, 2002. С. 158, рис. 6/16, 7/8; Недошивина, 1967. С. 256, 257).

В п. 11 Русенихинского могильника в состав комплекса входит витой браслет из трех проволок с несомкнутыми обрубленными концами. По данным В.П.Левашовой, находки браслетов данного типа концентрируются в древнерусских памятниках северо-запада Новгородской земли (Левашова, 1967-а. С. 20). Многочисленны их находки в Новгороде в напластованиях от последней трети XI в. до начала XIV в., время наибольшего употребления приходится на 70-е годы XII в. – 60-70 годы XIII вв. (Седова, 1981. С. 96). Много таких браслетов в курганах на Ижорском плато и восточном Причудье (Рябинин, 2001. С. 71-72). Аналогии имеются в курганах Залахтовья в наземных захоронениях XII-XIII вв. (Хвощинская, 2004. С. 89, 141). Аналогичные браслеты обнаружены на территории Латвии (Мугуревич, 1965. С. 92.), в небольшом количестве в Пскове (Королева Э.В. 1996. Табл. X/4-5), в Изборске (Седов, 2007. С. 374). В.В. Седов считал, что находки таких браслетов отчетливо указывают на связи с Новгородом. Один браслет можно отнести к широким ленточным браслетам с расширяющимися концами. Имеют аналогии в курганах Залахтовья второй половины XI в. и XI-XII вв. (Хвощинская, 2004. С. 135-140. Табл. XII/16, 27, 31; XIX/13, 18; XXXIX/18, XLI/7). Один браслет относится к типу пластинчатых с расширенными концами, аналогии которым встречаются в курганах Южного Приладожья, Тверского, Угличского и Ярославского Поволжья XI-XII вв., Белозера (Левашова, 1967. С. 237; Макаров, 1997. С. 342. Табл. 130/10; Зайцева, 2008. С. 118). В курганах Плешково браслеты с расширенными концами залегают совместно с монетами X в., начала XI в., но, в целом, по вещевому комплексу курганы датируются XI-XII вв. (Комаров, 2002. Рис. 7, 8). В могильнике Оленино на Верхней Волге аналогичные браслеты встречены во второй половине XI в. (Кашкин, 2003. Рис. 1/22; с. 121).

В п. 11 обнаружена гривна с плоскими концами, в основе которой находился железный дрот, сверху аккуратно перевитый тонкой, чуть выпуклой бронзовой лентой. Близкие аналогии обнаружены в кургане 20 могильника Залахтовье, датированного Н.В.Хвощинской рубежом XI-XII вв. (Хвощинская, 2004. С. 138), в котором подобная гривна найдена в одном комплексе с широким ленточным браслетом с расширяющимися концами. От нашей она отличается только наличием плетеного перевития (Хвощинская, 2004. С. 64. СХХ/19). Похожие гривны (из-за плохой сохранности мы их не можем точно идентифицировать), покрытые бронзовой пронизью частично или по всей длине, обнаружены в пп. 31 и 41 могильника Нефедьево не позднее третьей четверти XI в. (Макаров Н.А. 1997. С. 125-126). В п. 41 вместе с гривной был ленточный браслет, аналогичный браслетам из Залахтовья. В п. 31 такая гривна находилась совместно с гривной радимичского типа.

Таким образом, п. 11 можно отнести ко второй половине XI в. или к рубежу XI-XII вв.

Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что на исследованном участке могильника погребения датируются второй половиной X – XI вв., при этом наибольшая часть объектов второй половиной XI в., п. 11, возможно, – рубежом XI-XII вв. Вероятно, что памятник (или его часть) относится к переходному периоду от хорошо изученных могильников IX-XI вв. к следующим XII-XIII вв. Возможно, этой хронологической позицией объясняются такие особенности в обряде, как расположение на высокой коренной террасе и отсутствие трупосожжений.

Полученные в результате изучения Русенихинского могильника органические материалы позволили провести ряд лабораторных исследований. Образцы меха от одеж-

ды и подстилок проанализированы доцентом кафедры зоологии МарГУ В.И. Дроботом и криминалистом Н.С. Курочкиным. Для анализа взято 13 образцов из трех погребений (пп. 3, 5, 6) и жертвенного комплекса 2. Исследования показали, что образцы волос обладают диагностическими признаками, характерными для волосяного покрова Бобра (*Castor fiber*). В полевых отчетах 1957-58 гг. и публикациях о раскопках аналогичных могильников указывалось, что найденные в погребениях фрагменты кафтанов были из овчины и телячьей (или молодой лосиной) шкуры (Халиков, Безухова, 1960. С. 32, 33, 45). Следует сделать замечание, что ни в одном отчете нет ссылки на заключения специалистов. Вероятно, определения проводилось археологами визуально. Для уточнения результатов, полученных по материалам Русенихинского могильника, были проведены анализы фрагментов меха еще из двух марийских могильников IX-XI вв.: Нижняя стрелка на левобережье Волги и «Черемисское кладбище» в верховьях Ветлуги, которые также оказались остатками бобровых шкур. Это обстоятельство дает новые данные для характеристики погребального обряда и раскрытия значения и места бобра в духовной культуре средневекового марийского населения.

Определение образцов древесины от погребальных конструкций и покрытий произведено профессором кафедры управления природопользования и лесозащиты МарГТУ по специальности «Защита растений и древесиноведение», доктором сельскохозяйственных наук И.А. Алексеевым. Для анализа взято 7 образцов из пп. 4, 5, 6. По результатам заключения следует, что подстилки изготовлены из коры дуба (*Quercus robur* Lin), липы мелколистной (*Tilia cordata* Lin) и ивы древовидной (ветлы) (*Salix alba* Lin). В отчетах предшественников о раскопках аналогичных могильников в качестве подстилок обычно указывалась береста, реже дуб; ссылок на лабораторные исследования нам найти не удалось. Возможно, за бересту (березовая кора) была принята липовая кора. Значение липы в верованиях марийцев довольно обстоятельно подтверждается данными этнографии.

Полученные результаты существенно дополняют духовную культуру марийского населения эпохи средневековья новыми ранее не изученными данными: роли бобра и липы в представлениях о потустороннем мире.

Список литературы:

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 198 с.

Архипов Г.А., 1986. Марийцы XII-XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 115 с.+60 ил.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. – М.: РАНИОН. – 222 с.

Даркевич В.П., 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. – М.: Наука, 1974. – С. 19-71.

Зайцева И.Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X-XIII веков. Т. 2. – М.: Наука. – С. 57-142.

Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X – XIII вв. Т. 2. – М.: Наука. – С. 142-215.

Кашкин А.В., 2003. Могильник Оленино на Верхней Волге // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Сборник статей. – Ярославль. – С. 112-121.

Комаров К.И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области) // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. – Тула. – С. 141-184.

Королева Э.В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып: Раскопки в древней части части Среднего города (1967-1991): Материалы и исследования. – Псков. – С. 229-300.

Левашова В.П., 1967-а. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М.: «Советская Россия». – С. 207–252.

Фехнер М.В., 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Труды ГИМ. Вып. 43. – М.: «Советская Россия». – С. 55-87.

Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть 1 // Археологический сборник. Вып. 10. – Л.: Советский художник, 1968. – С. 64-94.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: Скрипторий. – 368 с.

Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями: Пути сообщения. – Рига: «Зинатне». – 145 с.

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М.: «Советская Россия» – С. 253-274.

Никитина Т.Б., 2001. Жертвенно-поминальные комплексы как этноопределяющий признак погребального обряда марийцев в эпоху средневековья // Древности Поволжья и Прикамья. АЭМК, вып. 25. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ – С. 42-51.

Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ – 430 с.

Никитина Т.Б., 2009. Отчет о работах III отряда МарАЭ в 2009 г. / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. I, д. 1143.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., 2010. Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Поволжья // Культ предков вождей, правителей в погребальном обряде. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – М.: ИА РАН. – С. 55-56.

Рябинин Е.А., 2001. Водская земля Великого Новгорода: (результаты археологических исследований 1971-1991 гг.). – СПб: ИИМК. – 262 с., илл., табл.

Седов В.В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука. – 413 с.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). – М.: Наука. – 193 с.

Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. – М.: Наука. – С. 63-78.

Хвоцинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. – СПб.: ИИМК РАН. – 290 с., табл.

Н.Б. Крыласова.
ПОЯСНЫЕ СУМКИ X-XI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК
РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА В 2008-2009 ГГ.)

В статье публикуются новые экземпляры остатков поясных кошельков и сумочек из раскопок Рождественского могильника X-XI вв. Здесь кроме кошельков, имевших широкое распространение в Восточной Европе, выявлена серия женских кожаных сумочек со стандартными наборами металлических украшений. Возможно, эти сумки являлись продукцией местных ремесленников.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, поясные кошельки и сумки

N.B. Krylasova
BELT BAGS OF THE X-XI CENTURIES (ON THE MATERIALS OF THE
ROZHDESTVENSKIY BURIAL GROUND EXCAVATIONS IN 2008-2009)

The paper introduces new specimen of the remnants of belt purses and bags from the excavations of the Rozhdestvenskiy burial ground of the X-XI centuries. Apart from the purses, widely spread in Eastern Europe, a series of female leather bags with standard sets of metal adornments was discovered. It is probable that these bags were produced by local craftsmen.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Perm Cis-Urals, belt purses and bags

В эпоху средневековья, когда еще не была изобретена такая полезная деталь костюма, как карманы, для того, чтобы постоянно иметь при себе необходимые под рукой вещи (нож, огниво, универсальные инструменты) использовался пояс. Некоторые предметы, например, ножны, футляры для шильев, крепились непосредственно к поясу с помощью специальных петель, а для переноски кресала и кремней, других мелких предметов служили поясные кошельки и сумочки. Вероятно, самым распространенным видом таких сумочек были обычные мешочки и кошельки из ткани или кожи, которые крайне редко удастся зафиксировать в погребениях. С конца IX в. в Восточной Европе получили распространение поясные кошельки с металлическими деталями (обкладками по краю, лицевыми пластинами), что обеспечило их сохранность и позволило изучить данную категорию бытовых предметов.

На территории Пермского края наиболее представительные серии поясных кошельков и сумочек были получены при раскопках Рождественского и Баяновского могильников. При этом если на Баяновском могильнике были распространены преимущественно кошельки известных типов, то на Рождественском могильнике помимо таких кошельков зафиксированы сумки, которые были больше кошельков по размерам и отличались разными вариантами оформления. Классификация этих сумочек представлена в ряде публикаций (Крыласова, 2000. С.26-29; 2007. С.223-229; Белавин, Крыласова, 2008. С.346-347).

В 2008-2011 гг. раскопки Рождественского могильника были продолжены, и в ряде погребений были обнаружены новые экземпляры сумочек, которые, с одной стороны, укладываются в уже выделенные типы, с другой стороны, имеют некоторые новые детали, позволяющие нам углубить представления о данной категории предметов.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на некоторых особенностях методики

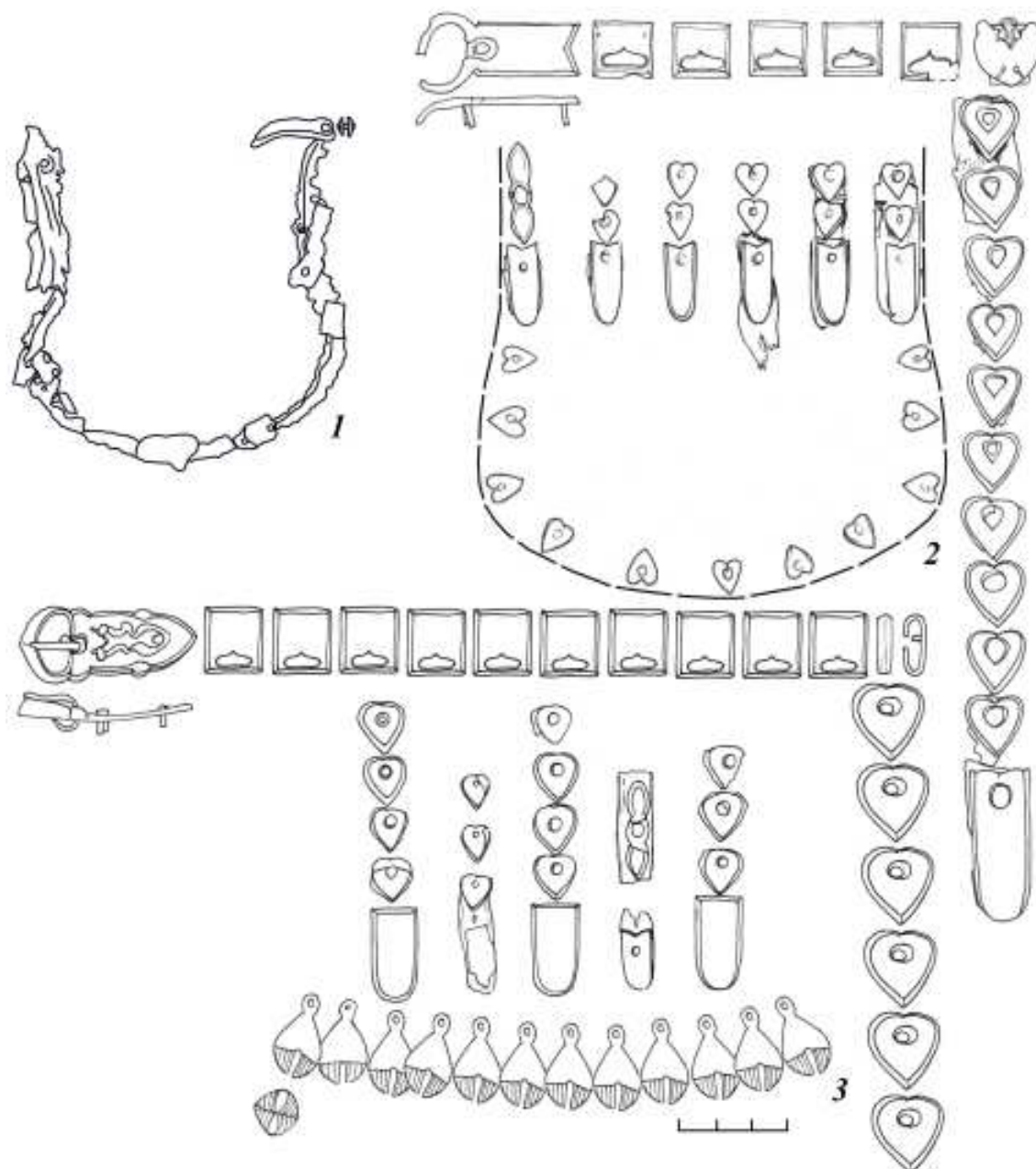

Рис. 1. Детали поясных сумочек из Рождественского могильника: 1 – погр.196;
2 – погр.129; 3 – погр.167

фиксации деталей сумочек поясных в погребениях, позволяющей произвести их реконструкцию. Рождественский могильник принадлежит к числу довольно характерных для X-XI вв. прикамских памятников, в которых по каким-то причинам кости почти не сохраняются. В ряде погребений Рождественского могильника наблюдался обряд погребения на помостах, при котором останки покойного помещались не на дне могильной ямы, а на дощатом настиле над ямой. Когда настил прогнивал, он переламывался посередине и останки вместе с погребальным инвентарем обрушивались в яму, концентрируясь в ее центральной части на разной глубине. Это хорошо прослеживается по профилям разрезов могильных ям. В этом случае судить

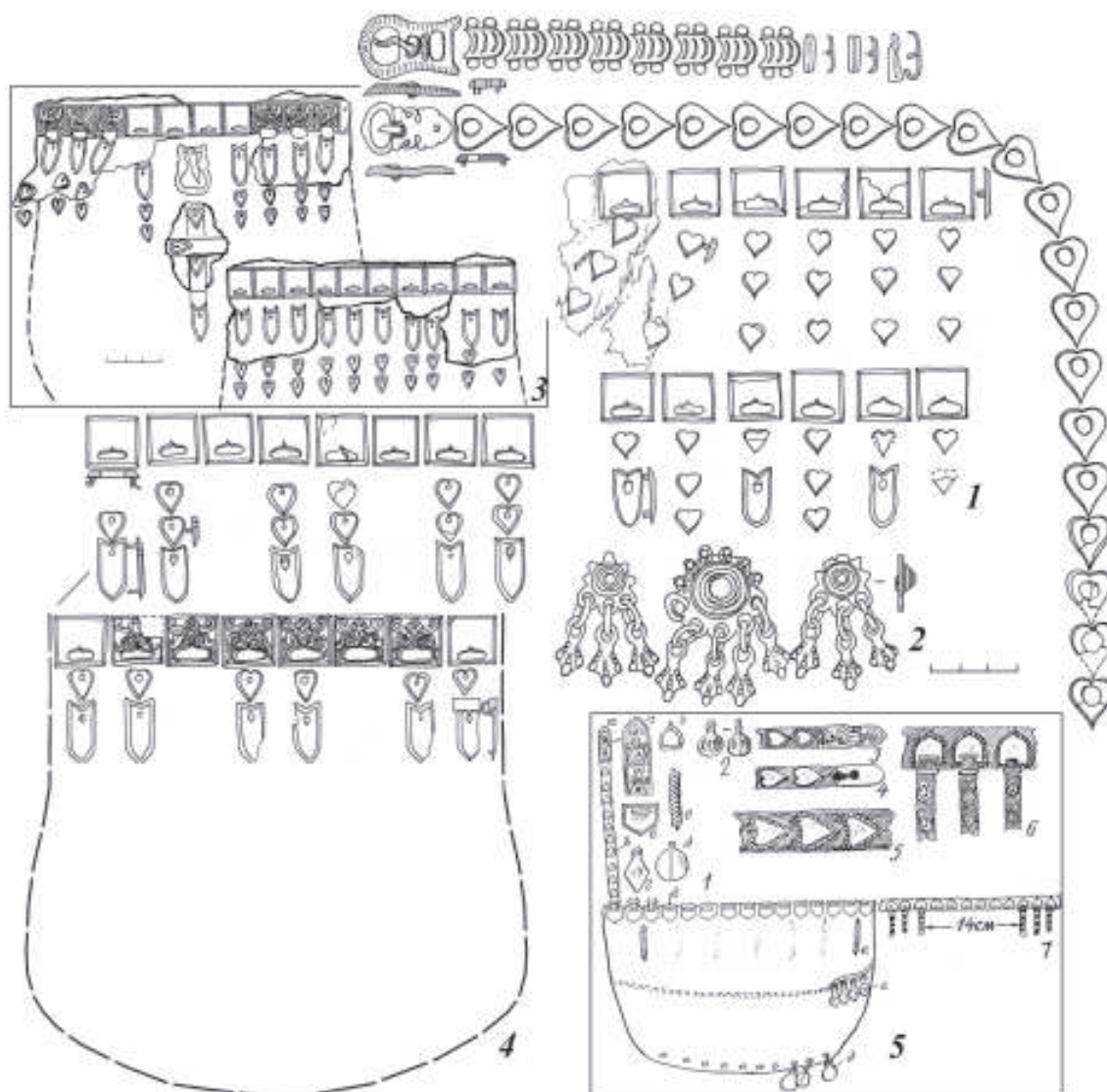

Рис. 2. Детали поясных сумочек из Рождественского могильника: 1-2 – погр.178;
3 – погр.48; 4 – погр.181.

Аналогия из Дубовского могильника: 5 (по Г.А. Архипову)

о порядке расположения деталей костюма довольно сложно. Однако на могильнике имеются и погребения с обычным обрядом труположения на дне могильной ямы. В этом случае после истлевания костяка детали костюма располагаются в порядке их ношения, но на разной глубине, как если бы они находились на останках погребенного. Мы применяем метод расчистки погребений, при котором вещи остаются *in situ*, что позволяет более точно проследить последовательность расположения украшений и реконструировать отдельные детали костюма, в том числе, поясные сумочки.

За указанный период полевых исследований Рождественского могильника выявлено 6 экз. поясных кошельков и сумочек.

В погребении №196 обнаружены остатки кошелька самого известного типа – в виде двух кожаных пластин, скрепленных по краям медными обоймочками (рис.1/1). На горловине кошелька с одной стороны сохранился фрагмент медной петли, служившей, очевидно, для крепления кошелька к поясу. Состав погребального инвентаря не

позволяет однозначно определить принадлежность погребения, поскольку в нем присутствуют и «мужские» вещи – наконечники стрел, кресальный кремь, и женские – стеклянные и каменные бусы, бронзовые украшения. Но обычно подобные кошельки встречаются в мужских погребениях.

Подобные кошельки широко представлены в могильниках на территории Татарстана, Удмуртии, республики Марий-Эл, Венгрии. По мнению Е.П.Казакова, «мода» на такие кошельки возникла в конце IX в. в регионе между Волгой и Уралом, отсюда с переселенцами проникла в Паннонию, а также путем торговли по Волжскому торговому пути в западные регионы вплоть до Скандинавии (Казаков, 1992. С.144).

Интерес представляет поясная сумочка из погребения №129 (рис.1/2). В этом погребении присутствовал поясной набор, где основной ремень был украшен квадратными неорнаментированными накладками, которые располагались в центральной части погребения в ряд, вытянутый поперек могильной ямы (т.е. в соответствии с естественным расположением пояса на погребенном). От основного ремня к югу располагался ряд сердцевидных накладок, вытянутый вдоль осевой линии погребения – остатки поясной привески. Левее (т.е. на погребенном справа) находились остатки поясной сумочки – мелкие сердцевидные накладки, располагавшиеся по дуге (т.е. – по краю сумочки), чередуясь острым углом наружу и вовнутрь. Ближе к накладкам поясного ремня выявлены остатки шести узких кожаных ремешков, каждый из которых украшался парой мелких сердцевидных накладок и миниатюрным наконечником. Порядок их расположения и наблюдения, полученные в ходе предыдущих исследований, позволяют судить о том, что эти ремешки в виде своеобразной «бахромы» украшали край горловины сумочки или ее клапан. Судя по составу погребального инвентаря, погребение, вероятнее всего, женское. Сумочки с аналогичным оформлением горловины уже встречались на рассматриваемом могильнике, причем отметим, что миниатюрные неорнаментированные сердцевидные накладки и наконечники, использовавшиеся для оформления сумочек, обычно не применялись для украшения поясных ремней (Крыласова, 2007. С.226).

Остатки сумочки с подобным оформлением горловины, но дополнительно увешанной по нижнему краю бубенчиками, выявлены в погребении №167 (рис.1/3). Сумочки с бубенчиками по краю также уже известны на данном памятнике (Белавин, Крыласова, 2008. С.346). Погребение принадлежит женщине, умершей в возрасте старше 25 лет. Кроме остатков сумочки здесь представлен богатый погребальный инвентарь, включающий детали костюмного убранства и остатки керамического сосуда. В состав украшений костюма входили височные подвески, ожерелье, наконечники с зооморфными подвесками, перстень и пояс с многочисленными поясными привесками. Сумочка, как и в предыдущем случае, располагалась на поясе справа. В погребении также была обнаружена редкая монета, которая Р.Ф. Вильдановым отнесена к пробным выпускам монет Булгара с именем эмира Мумина Бен аль-Хасана, год чеканки – 370 (980/981). Таким образом, дата погребения может быть определена как конец X – рубеж X-XI вв.

В погребении №178 (рис.2/1) обнаружен комплект накладок для украшения сумки, которая, вероятно, была уложена сверху на покойного, и частично разрушена в процессе хозяйственной деятельности жителей д. Постаногово. Большинство деталей этой сумочки концентрировалось возле поясного ремня, украшенного сердцевидными накладками, который, очевидно, был надет на погребенного. Комплект укра-

шений сумочки включал неорнаментированные квадратные накладки с прорезями, сквозь которые были продеты узкие ремешки с миниатюрными гладкими сердцевидными накладками и наконечниками ремней. Сохранился довольно крупный фрагмент кожи, на котором можно проследить порядок расположения накладок. Аналогичная сумочка, но лучшей сохранности была изучена в 1991 г. в погребении №48 Рождественского могильника (рис.2/3) (Белавин, Крыласова, 2007. С.346, рис.176/5).

В этом же погребении между правой бедренной костью и остатками пояса под слоем органики были обнаружены остатки второй сумочки (рис.2/2), вероятно, прикрепленной к поясу: фрагменты кожи с тремя шумящими умбоновидными подвесками – в центре крупная, по бокам более мелкие. Сумки с таким оформлением неоднократно встречались на памятнике (Белавин, Крыласова, 2008. С.346-347, рис.176/8-11).

Погребение принадлежит женщине, умершей в возрасте 18-25 лет, оно сопровождалось довольно богатым погребальным инвентарем. Кроме деталей пояса, надетого на погребенную, обнаружены накладки и пряжка от второго ремня, уложенного вдоль осевой линии могильной ямы. В состав украшений костюма входило ожерелье из стеклянных бус и бисера, поясные привески из бронзовых пронизок и бус, завершающиеся колокольчиками. На пояс был подвешен нож.

И, наконец, в погребении №181 обнаружены остатки еще одной сумочки (рис.2/4), украшенной по верхнему краю квадратными накладками, к которым крепились ремешки с миниатюрными сердцевидными накладками и наконечниками ремней. Эта сумка имеет еще больше сходства с сумочкой из погребения №48 (рис.2/3), так как на ее лицевой части помещались квадратные накладки с пышным растительным орнаментом, которые в целом довольно редки, но здесь в обоих случаях они аналогичные. Примечательно, что оба погребения располагаются в одном ряду. Судя по погребальному инвентарю, в состав которого входили стеклянные бусы, бубенчики, пояс с привесками, нож, оселок и сосуд, погребение женское.

Таким образом, вновь выявленные на могильнике поясные сумочки, с одной стороны подтверждают правомерность выделенных ранее типов, делают их более представительными, с другой стороны, позволяют сделать вывод о том, что, вероятно, на Рождественском городище было налажено серийное производство сумок со стандартными наборами накладок и подвесок. Поясные сумочки, украшенные накладками, «бахромой» из кожаных ремешков, бубенчиками, шумящими умбоновидными подвесками, являлись исключительно женскими.

Кроме Рождественского могильника подобная женская поясная сумочка выявлена пока только на одном памятнике – Дубовском могильнике в Ветлужско-Вятском междуречье (рис.2/5 – по Г.А. Архипову, 1984, рис.22). Г.А.Архипов, вероятно, не найдя аналогий данной находке, обнаруженной в межмогильном пространстве на раскопе VI 1980 г., не дал ее описания, но привел рисунок, где детально показал все элементы оформления сумочки – размещенные по горловине накладки с прорезями, сквозь которые продеты ремешки с сердцевидными накладками и наконечниками, ряд ромбовидных привесок в центральной части и шаровидные привески по нижнему краю сумочки (Архипов, 1984. Рис.22). (Заметим, правда, что при обсуждении доклада в ходе Халиковских чтений, Т.Б. Никитина выразила сомнения в том, что указанный комплекс из Дубовского могильника связан с сумочкой, по ее мнению – это был свернутый пояс).

На Рождественском могильнике наибольшая концентрация погребений с пояс-

ными сумочками наблюдается в центре его изученной части. Эта часть по многочисленным монетным датам может быть отнесена ко второй половине X – рубежу X-XI вв. Вероятно, именно этот период является пиком распространения данного элемента костюма.

Список литературы:

Архипов Г.А., 1984. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Археология и этнография Марийского края. Вып.8. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С.113-159

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ. – 603 с., ил.

Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука. – 335 с.

Крыласова Н.Б., 2000. Реконструкция поясных сумочек прикамских племен (по материалам могильников X-XI вв.) // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. – Пермь: ПОКМ. – С.26-29.

Крыласова Н.Б., 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – 352 с.

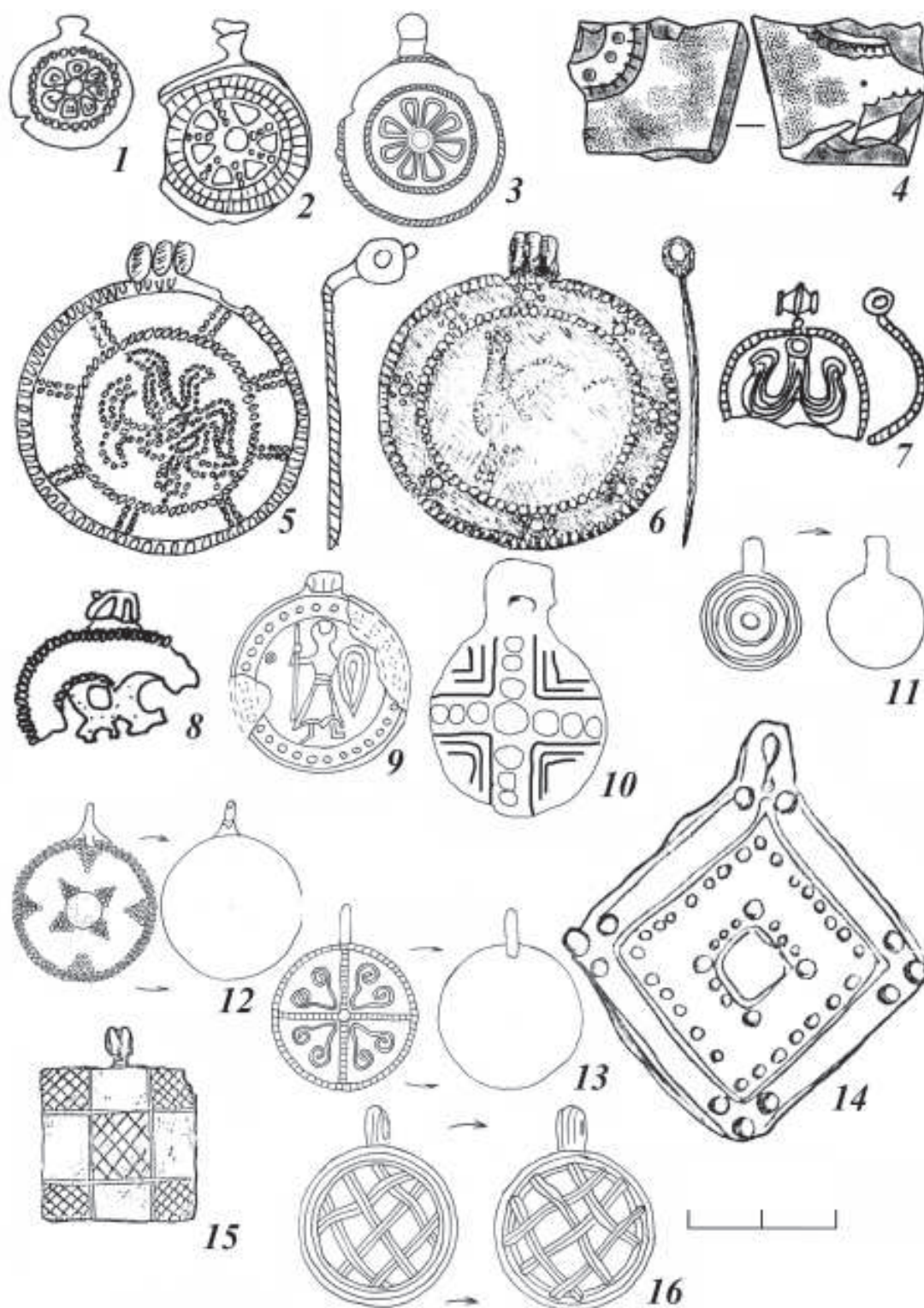

Рис. 1. Шейные подвески Верхнего Прикамья первой половины II тыс. н.э. 1 – 3: Телячий Брод, могильник, Телячий Брод, селище, Саламатово, городище, Антыбары, могильник; 4: Телячий Брод, селище; 5, 7 – 8: Плотниково, могильник; 6: коллекция М.Н. Зеликмана; 9: Рождественское городище; 10: д. Михалёва; 11: д. Михалёва, г. Кудымкар; 12: Вакино, селище, Купрос. Городище, Городищенское городище, Рождественское городище, д. Малая Аникова; 13: д. Лимеж; 14: Антыбары, могильник; 15: Телячий Брод, могильник; 16: д. Модороб, Д. Михалёва, Аверинский I могильник

А.В. Вострокнутов.
ШЕЙНЫЕ ПОДВЕСКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. Н.Э. НА
ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

В статье представлена типология шейных подвесок с территории Верхнего Прикамья. Эта категория артефактов представляет особый интерес вследствие того, что благодаря этим украшениям мы можем датировать комплексы начала II тыс. н. э., находимые при раскопках памятников, более узко, иногда до века. Кроме этого в статье представлен картографический анализ распределения находок по указанной территории. Выделены центры концентрации подвесок.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Верхнее Прикамье, подвески, украшения, серебро, оловянистый сплав

A.V. Vostroknutov
NECK PENDANTS OF THE FIRST HALF OF THE II MILLENNIUM A.D. ON THE
TERRITORY OF THE UPPER KAMA REGION

The paper introduces a typology of neck pendants from the territory of the Upper Kama region. This category of artifacts is of special interest, because these adornments could help perform more accurate dating (sometimes up to a certain century) of the complexes found on the sites of the beginning of the II millennium A.D. In addition the paper maps the distribution of the findings on the given territory. The centres of pendant concentration are marked out.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Upper Kama region, pendants, adornments, silver, tin-base alloy

При всём разнообразии украшений, находимых на средневековых памятниках Верхнего Прикамья, особо можно выделить группу шейных подвесок. Те украшения, речь о которых пойдёт ниже, мы относим именно к шейным достаточно условно – они, в большинстве своём, происходят либо из случайных сборов, либо из погребений, в которых сложно судить о порядке расположения элементов костюма на умершем. В п. 97 Антыбарского могильника два ромбических украшения (№14 на рис.1) были найдены в области черепа лежащими друг на друге (Ленц, 1987. С. 41). На том же памятнике в п. 62 круглая подвеска с розеткой (рис. 1/2) являлась составной частью ожерелья, найденного около черепа (Ленц 1987. С. 19). Кроме того, на всех рассматриваемых украшениях этой категории присутствует ушко для продевания шнура. Также имеющиеся аналогии на территории Руси трактуются исследователями именно как медальоны и подвески. Одна из аналогий для рассматриваемых ниже украшений была найдена в п. 74 могильника на Осинкинской доне (Алтайский край). Располагалось это украшение на груди (Савинов, Новиков, Росляков 2008. С. 19). Всё вышеуказанное позволяет нам трактовать данную категорию украшений как шейные подвески.

Имеющиеся в нашем распоряжении украшения можно чётко разделить по форме на круглые и квадратные. В каждой из этих групп присутствуют украшения, выполненные из разного материала и в разной технике – сохраняется лишь форма изделий. Общее количество их невелико, поэтому проводить какую-либо подробную классификацию не следует, так как многие из изучаемых подвесок имеют индивидуальные черты, которые требуют отдельного описания.

Группа 1. Круглые подвески. (27 экз.)

Вариант а) (6 экз.). Подвески с розеткой из 7 или 8 лепестков внутри (рис. 1/1-3).

Края подвесок украшены двумя рядами псевдозерни, внутри второго пояса и находится розетка. Такие медальоны найдены в Чусовском районе Пермского края при раскопках могильника Телячий Брод (№ 2 на карте; п. 9, 56а – Белавин, 1986. Рис. 67/7; Белавин, 2000. Рис. 83/5; медальон весьма плохой сохранности, но, видимо, тоже с «розеткой» найден в межмогильном пространстве – Белавин, 1986. 69/5), селища Телячий Брод (Белавин, 2000. Рис. 83/10), Саламатовского городища (№ 1 на карте; МАЭ: инв. № СГ11/71) и могильника Антыбары (п. 62, Ленц, 1987. С. 19; № 3 на карте). Такие же украшения, найденные в Новгороде, датируются 20 – 30-ми годами XIII в. Полоцкие аналогии – XIII в. (Седова, 1981. С. 41, рис. 14/12). Аналогичная подвеска была найдена в п. 74 Осинкинского могильника (Савинов, Новиков, Росляков, 2008. С. 37, рис. 10/6, табл. XXV/2).

Примечательно, что все памятники Верхнего Прикамья, где были найдены эти медальоны, составляют компактную группу, а на селище Телячий Брод была обнаружена формочка для отливки подобного украшения (рис. 1/4). Материал изготовления – оловянистый сплав.

Вариант б) (2 экз.). Этот вариант представлен подвесками с орнитоморфным изображением. Найдены они в п. 7 Плотниковского могильника (Крыласова, 2007. С. 11, рис. 47-48; рис. 1/5, № 7 на карте), ещё одно украшение находится в коллекции М.Н. Зеликмана (ПКМ: инв. № 19497/78; рис. 1/6). Подвеска представляет собой круглую бляшку диаметром около 4,5 см, окаймлённую по краю ложной сканью. Такая же сканевая окружность есть и внутри медальона. Она «соединяется» с первой восьмью парными полосками (в случае с подвеской из коллекции М.Н. Зеликмана – розетками) выпуклых точек. В центре второй окружности располагается фигура птицы, выполненная такими же точками. Материал изготовления – оловянистый сплав.

Аналогии подобным подвескам имеются в Новгородских древностях, и датируются там началом XIV в. (Седова, 1981. С. 45, рис. 15/1,3). Правда, выполнены они из серебра. Рядом с п. 281 Жигановского могильника на р. Выми также был обнаружен фрагмент подобной подвески (Савельева, 2010. С. 69, 111 – 112, рис. 281, II – 1).

Вариант с) (4 экз.). Подвески с христианскими мотивами. Из материалов могильника близ деревни Плотниково происходят ещё несколько медальонов. Один из них (Крыласова, 2009. С. 17, рис. 63/8, 64/8; рис. 1/7) представляет собой круглую бляшку диаметром около 3 см. Нижний край её обломлен, сам медальон согнут. Имеет петлю для привешивания. По краям медальон обрамлён ложной сканью. В центре медальона располагается изображение «процвётшего креста». Найден он в погр. 15.

Для данного артефакта имеются новгородские аналогии из слоёв начала XIII – начала XIV вв. Подобные подвески из Полоцка датируются XIII в. (Седова, 1981. С. 41, рис. 14/6).

Следующий медальон (Брюхова, 2011. С. 17, рис. 23 – 24/3, рис. 26-27) – фрагмент эллипсоидной бляшки диаметром около 2,5 см (рис. 1/8). Сохранилось примерно 2/3 от украшения. По краю подвески проходит валик из ложной скани; в центре – прорезной орнамент из кружков, образующих фигуру, подобную букве «Ж» (с другой стороны, прорезные кружки образуют крест). Медальон снабжён точно такой же петлёй для привешивания, как и в первых двух случаях. Это украшение найдено в п. 23 Плотниковского могильника.

Прямых аналогий для этого украшения нам найти не удалось, однако подвески, подобные ему, встречаются среди новгородских древностей 30-х годов XII в. (Седова, 1981. С. 37, рис. 14/13), хотя они являются цельнолитыми, в то время как у рассматриваемого украшения орнамент прорезной. Оба этих медальона также изготовлены из оловянистого сплава.

Подвеска, на которой изображена человеческая фигура со щитом в левой и копьем (жезлом) в правой руке (рис. 1/9) из коллекции Теплоуховых, найденная на Рождественском городище (ПКМ: инв. № 11375/686; № 4 на карте). А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова считают, что на украшении изображён «Федор-воин» (Белавин, Крыласова, 2008. С. 384, рис. 188/15). Имеет круглую форму. Диаметр 6 см. Материал изготовления, как в предыдущих случаях, – оловянистый сплав. Имеется петля для привешивания в виде бусины. Подвеска цельнолитая. По краю проходит «бордюр» из округлых вздутий, имитирующих крупную зернь. В центре расположена окружность диаметром 2 см, в неё помещена антропоморфная фигура. С правой геральдической стороны находится маленькое округлое изображение. Украшение сломано по краям – сохранилось около 2/3.

Подвески со схожим иконографическим мотивом есть в древностях Новгорода (только у фигур на них отсутствует щит, но имеются крылья), где они датируются XIII в. (Седова, 1981. С. 62, рис. 20/8, 12). Четыре экземпляра практически полных аналогий найдены на Золотаревском поселении, верхняя дата которого относится к XIII в. (Белорыбкин, 2001. Рис. 35/3-6).

Ещё одно украшение (рис.1/10), найденное близ деревни Михалёва (Спицын, 1902. Табл. VII/21), имеет выпуклую каплевидную форму. По центру украшения выпуклостями нанесён крест. По краям окружности медальона находятся четыре уголка, также выделяющие крест из окружности. Прямые аналогии этому украшению мы находим в Новгороде, где он датируется серединой XII – серединой XIII вв. (Седова, 1981. С. 42, рис. 12/4 – 5). Материал изготовления, возможно, серебро.

Вариант d). Косорешётчатые подвески (7 экз.). Имеют круглую форму диаметром 2,5-2,7 см, одна подвеска меньше – диаметр её составляет 1,6 см. Две подвески (ПКМ: инв. № 11338/31; Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Рис. 64/8) – литые, остальные (ПКМ: инв. № 11352/62, 63; 19187/290; 19497/369,370) сделаны путем напайки на проволочную круглую основу решётки из переплетенных проволок (рис. 1/16). Материал, из которого изготовлена данная группа украшений – бронза. Найдены эти украшения (у некоторых отсутствует адрес) близ деревень Модороб (№ 11 на карте), Михалёва и в п. 12 Аверинского I могильника (№ 12 на карте).

Косорешётчатые подвески Древнего Новгорода и вообще Северо-Западной Руси в целом, датируются концом XII – началом XIV вв., по курганным данным – XII-XIII вв. (Седова, 1981. С. 42, рис. 10/1-2). В древностях Перми Вычегодской такие украшения (кстати, тоже спаянные из частей) найдены в погребениях Кичилькосьского I и Кокпомъягского могильников, относящихся к XII-XIII вв. (Археология республики Коми, 1997. С. 607, VI часть, рис. 19/12, 16). Такие же подвески найдены в 16 слое городища Асоте в Латвии, датируемого, главным образом, XIII в. (Шноре, 1961. С. 45, рис. 143/31). Тринадцатым веком, вслед за М.В. Седовой, датирует косорешётчатые украшения юго-восточного Приладожья и С.И. Кочкурина (Кочкурина, 1973. С. 34, рис. 3/4). На карельском городище Паасонвуори, которое датируется XII-XIII вв. (начало XIV в.), также найдены эти украшения (Кочкурина, 1981. С. 86, табл. 9/15). В материалах Твери косорешётчатые подвески датированы при помощи дендрохронологии: 1296 – 1300 гг. (Лапшин, 2009. С. 98, рис. 95/6-7). В Костромском Поволжье такие подвески Е.А. Рябинин относит к XII-XIV вв. (Рябинин, 1986. С. 73, табл. IV/20).

Вариант e) (2 экз.). Подвески с вписанными окружностями (ПКМ: инв. № 11352/

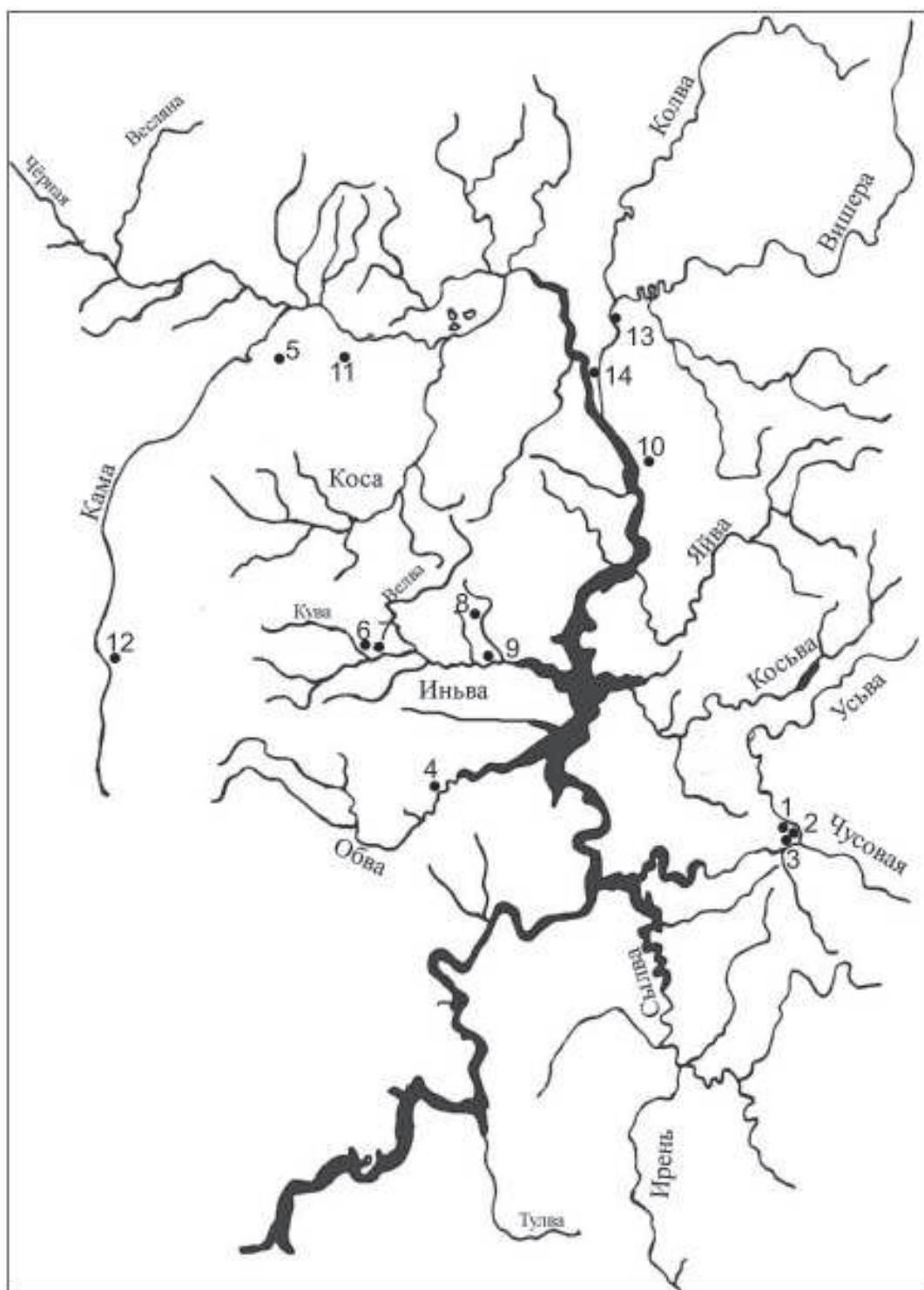

Рис.2. Карта. Места находок шейных подвесок первой половины II тыс. н.э.:

1: Саламатово, городище; 2: Телячий Брод, селище и могильник; 3: Антыбары, могильник; 4: Рождественское городище; 5: д. Михалёва; 6: г. Кудымкар; 7: Плотниково, могильник; 8: Вакино, селище; 9: Купрос, городище; 10: Городищенское городище; 11: д. Модороб; 12: Аверинский I могильник; 13: д. Малая Аникова; 14: д. Лимеж

153, 11376/6-11). Небольшие круглые подвески диаметром 1,7 см. В центре располагается выпуклость, окруженная тремя рядами окружностей. Имеется петелька для привешивания. Материал изготовления – оловянистый сплав (рис. 1/11). Происходят они из д. Михалёва и Кудымкарского селища (очевидно, имеется в виду могильник) (г. Кудымкар; № 6 на карте).

Аналогий к этим подвескам найти не удалось, но материал изготовления позволяет предположить их условную дату – XII – XIII вв.

Вариант f) (1 экз.) Подвеска с узким крестом в окружности (ПКМ: инв. 19187/286). Диаметр подвески – 2,7 см. Край обозначен «бордюром» из насечек (рис. 1/13). Такими же насечками в украшение вписан крест, делящий его на четыре части. В каждой из них находится V образная фигура, выполненная растительным орнаментом. Украшение снабжено петлёй для подвешивания. Материал изготовления, возможно, серебро. Для выделения рисунка использовалось чернение. Адрес находки – д. Лимеж (№ 14 на карте; Белавин, 2000. Рис. 41/12).

В Костромском Поволжье такие украшения известны в материалах XII-XIII вв. (Рябинин, 1986. С. 73, табл. IV/13).

Вариант g) (5 экз.). Подвески с пирамидками зерни внутри (ПКМ: инв. № 11365/15-1; Белавин, 2000. Рис. 41/17, 18, 20; Белавин, Оборин, Сарапулов, 2012. Рис. 44/9). Диаметр украшения – 2,7 см (рис. 1/12). По краю подвески проходит косичка из скани. В центре находится выпуклая окружность диаметром 0,5 см, окруженная четырьмя пирамидками зерни. Такие же пирамидки направлены к окружности от бордюра из скани. Украшение снабжено петлёй для подвешивания. Материал изготовления – серебро (?). Такие подвески найдены на Вакинском селище и Купросском городище (№ 8 и № 9 на карте соответственно), Городищенском городище (№ 10 на карте), могильнике близ д. Малой Аниковой (№ 13 на карте) и на Рождественском городище.

Аналогичные подвески были найдены в погребении 10 Починковского могильника (республика Мари Эл) XII-XIII вв. и в Омутницком могильнике XI-XIII вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 383, рис. 188/1).

Группа 2. Квадратные подвески (3 экз.; Ленц, 1987. С. 41; Белавин, 2000. Рис. 83/18). Выполнены они из оловянистого сплава. Происходят из п. 97 могильника Антыбары (2 экз.) и п. 41 могильника Телячий Брод. Антыбарские медальоны (рис. 1/14) имеют петлю для привешивания на уголке (вследствие чего украшение в подвешенном виде представляет собой ромб). По углам артефакта находятся по три круглых выпуклости. Внутри медальона «выделяется» ещё один ромб, в нём – ромб из псевдозерни, а внутри поля, ей отделяемого – ещё один ромб. Подобные привески найдены в слоях XIII в. на городище Асоте в Латвии (Шноре, 1961. С. 41-46, рис. 143/14, 20-22), куда они, по мнению автора раскопок, попали с территории русских княжеств. Третий медальон (Телячий Брод, могильник; рис. 1/18) петлю для привешивания имеет на стороне квадрата. Внутри украшения выделяются в шахматном порядке заштрихованные (5 шт.) и не заштрихованные поля (4 шт.). Аналогий для данного медальона мне найти не удалось, но металл изготовления и манера позволяют предположить условную дату – XIII в.

Исходя из имеющихся аналогий, мы можем утверждать, что вышеперечисленные подвески появились на территории Верхнего Прикамья вследствие русского импорта либо через территорию Поволжья, либо с Севера – с Вычегды или с Вятской земли (Белавин, 2000. С. 155). Возможно, они не были предметом одной лишь торговли, а могли

производиться на месте, на что указывает находка формочки для литья подвесок с розетковидным орнаментом на селище Телячий Брод. Скорее всего, прикамские мастера просто начали копировать имеющиеся оригиналы. Не исключена возможность появления вышеописанных украшений и вследствие русской колонизации (Белавин, 2000. С. 139).

Обратимся к картографированию этой категории украшений. Местонахождений шейных подвесок не много – всего 14 пунктов. Из них можно выделить две группы: памятники Иньвенско-Обского поречья (входящие в две территориальные группы памятников XI-XIV вв.), и три памятника, расположенных в бассейне реки Чусовой. Применительно к последним можно сказать, что только на данной территории обнаружены подвески с розетковидным орнаментом, а также формочка для литья подобных украшений. На территории этой же группы найдены подвески необычной квадратной формы.

Для первой же группы характерны остальные вышеописанные подвески. Причём ещё шесть местонахождений (Рождественское городище, № 4 на карте, д. Михалёва и д. Модороб, № 5 и № 11 на карте, могильник Авериного I, № 12 на карте и д. Лимеж и Малая Аникова, № 14 и № 13 на карте соответственно) находятся на своеобразной периферии. Памятники Иньвенско-Обского поречья являлись территорией, наиболее удобной для торговых отношений. Географически эти памятники близко расположены к средневековым поселениям бассейна р. Чепца, через которые и мог осуществляться ввоз украшений из бассейна р. Вятки.

Большая часть рассмотренных подвесок укладывается во временную шкалу с XII по XIV вв.

К XII в. относятся: медальон с орнаментом в виде буквы «Ж», и круглые подвески с пирамидками зерни внутри. К XII-XIII вв. можно отнести украшения с вписанными окружностями, с узким крестом внутри и медальон каплевидной формы. Более узкую дату, XIII в., имеют подвески с розетковидным орнаментом внутри, с фигурой Архангела, квадратные и ромбовидные подвески и подвеска с изображением процветшего креста. В XIV в. мы наблюдаем появление шейных подвесок с орнитоморфным изображением. Для косорешётчатых подвесок характерна широкая дата – XII-XIV вв.

Подобные украшения представляют собой неплохую группу «датирующих» артефактов (XII-XIV вв.), учитывая тот факт, что для верхнекамских древностей позднеродановского времени до сих пор не разработана хронологическая шкала, и «узко датирующих» артефактов нет. В основном все вещи, характерные для материальной культуры этого времени, исследователи относят к XII-XIV (XV) вв. Благодаря анализу медальонов, у нас появляется хорошая возможность «вычленять» комплексы XII, XIII и XIV вв. с точностью до столетия.

Список литературы и источников:

Белавин А.М., 1986. Отчёт о полевых исследованиях в Чусовском районе Пермской области в 1986 г. – Архив ИА РАН, ф. Р – 1, д. 11529

Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и торговых связях. – Пермь: ПГПУ. – 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ – 603 с.

- Белорыбкин Г. Н., 2001. Золотаревское поселение. – СПб.-Пенза: ПенГПУ. – 198 с.
- Брюхова Н.Г., 2011. Отчёт о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в августе 2011 г. – Архив ЛАЭИ ПГПУ
- Кочкурина С.И., 1981. Археологические памятники Корелы V-XV вв. – Л.: Наука. – 160 с.
- Кочкурина С.И., 1973. Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. – Л.: Наука. – 150 с.
- Крыласова Н.Б., 2007. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в июне 2007 года. – Архив ЛАЭИ ПГПУ
- Крыласова Н.Б., 2009. Отчёт о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в августе 2009 года. – Архив ЛАЭИ ПГПУ
- Лапшин В.А., 2009. Тверь в XIII-XIV вв. (по материалам раскопок 1993 – 1997 гг.). – СПб.: СПбГУ. – 534 с.
- Ленц Г.Т., 1987. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1987 году. – Архив ЛАЭИ ПГПУ
- Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л. – Наука. – 161 с.
- Савельева Э.А., 2010. Жигановский могильник. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. – 454 с
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). – Новосибирск: ИАЭ СО РАН. – 424 с.
- Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X – XV вв.). – М: Наука. – 196 с.
- Спицын А.А., 1902. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием члена Императорской археологической комиссии А.А. Спицына. СПб: Типография В. Безобразова и Ко. – 110 с.
- Шноре Э.Д., 1961. Асотское городище. – Рига: АН ЛССР. – 235 с.

А.М. Губайдуллин
КОМИНТЕРНОВСКОЕ II ГОРОДИЩЕ

В статье описывается Коминтерновское II городище, особенности его планировки, оборонительных сооружений. Городище относится к неподчиненным рельефу местностям. Его планировка несет в себе традиции довольно раннего времени, болгарские городища подобного типа также датируются не только домонгольским периодом, но и первой его половиной, т.е. X веком. Не исключено, что похожие планировочные особенности могут, в какой-то мере, являться одним из датирующих факторов при определении времени возникновения того или иного укрепленного поселения.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Волжская Булгария, город, оборонительные сооружения

A.M. Gubaidullin
THE KOMINTERNOVSKOE II SETTLEMENT

The paper presents the settlement of Kominternovskoye II, its planning and fortification constructions. The settlement belongs to the sites, unrelated to the relief. Its planning has signs of the traditions of earlier periods. Bulgarian settlements of the type date back not only to the Pre-Mongolian period, but also to its first half, i.e. the X century. It is possible that the mentioned planning peculiarities could serve as one of the dating factors, while determining the time of occurrence of this or that fortified settlement.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Volga Bulgaria, town, fortification constructions

Определение времени возникновения и существования городов средневековья до сих пор остается одной из актуальных задач исторической науки. Внимание к этому далеко не случайно, т.к. выводит нас к осмыслению различных процессов градостроительства, происходивших в ту эпоху, дает новые материалы для определения характера поселений городского типа. Причины, время и место их появления были различны. Данный процесс

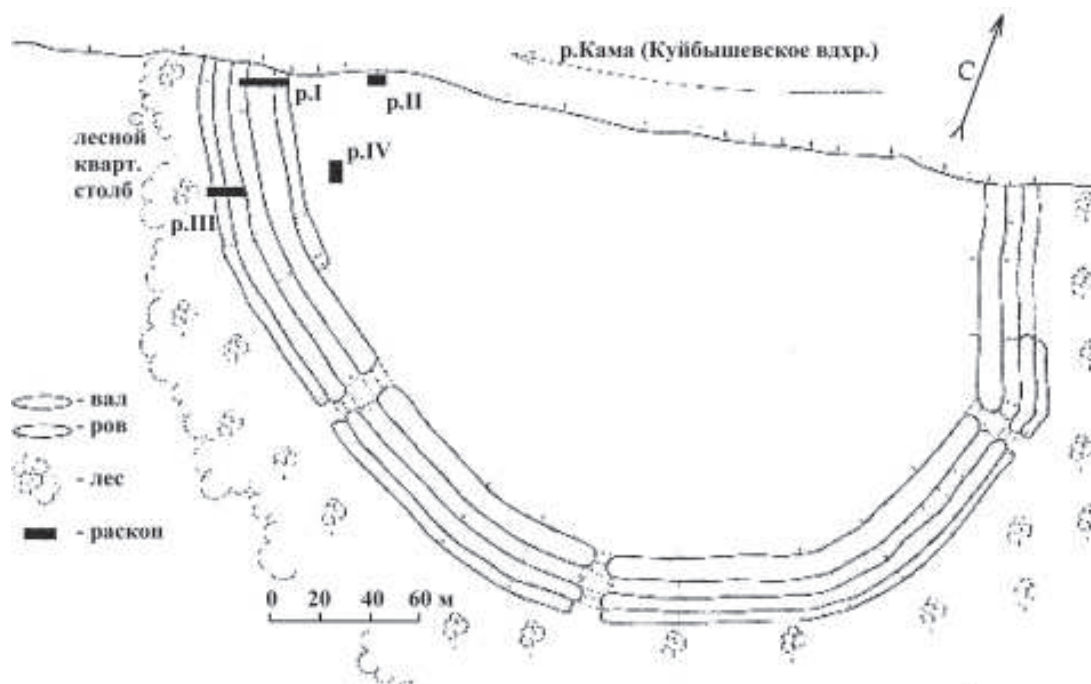

Рис. 1. План Коминтерновского II городища.

на территории многих государств протекал неодинаково. Так, некоторые города возникали на пустом месте, где не было, или почти не было, оседлых поселений. Они строились сразу, в течение короткого промежутка времени. В то же время, продолжали развиваться большинство городов, которые существовали еще в древности. Они возникали в результате длительного экономического развития оседлого населения, в результате отделения ремесла от сельского хозяйства. В связи с этим, отличались и традиции их развития.

На территории Среднего Поволжья самые ранние поселения городского типа возникают уже в X веке, не позже первой его половины. Например, нужно отметить Великий город – Биляр, Сувар, Болгар и др. Они строятся на новых незаселенных участках, точнее – пустующих уже к этому времени. Мы знаем, что в данных местах в предшествующие времена существовали как укрепленные, так и не укрепленные поселения. Таким образом, болгарские городища основываются или непосредственно на месте более ранних, или рядом с ними. И это не случайно, т.к. все известные нам районы в природно-географическом и топографическом планах были удобны для проживания, каковыми, зачастую, остаются и по сей день.

Немаловажным фактом являются и строительные традиции населения. Некоторые укрепленные поселения болгар сразу при своем основании подчинены рельефу местности, в то же время другие – нет. Ко вторым, например, относится и Коминтерновское II городище.

Данное болгарское поселение находится в Спасском районе Республики Татарстан, в левобережье р. Камы, в 400 м к северу от поселка Коминтерн. Памятник ежегодно интенсивно разрушается водохранилищем. Он расположен на краю высокой обрывистой террасы высотой ок. 16 м. С трех сторон городище ограждено линией обороны ломаной формы в виде двух валов и двух рвов общей шириной ок. 30 м (рис. 1). Высота внутреннего вала – 2-2,5 м, внешнего – 1-1,5 м. Ширина 10-12 м и 6-8 м соответственно. Ширина внешнего рва – 4-5 м, глубина – 0,8-1 м; ширина внутреннего – 6-7 м, глубина – 1,5 м. В настоящее время площадь памятника составляет ок. 3,8 га (ранее памятник занимал территорию в 4,48 га).

Городище известно с XIX века. Впервые его отметил К.С. Милкович, работавший в Казанской межевой конторе. На базе собранных им в конце XVIII – нач. XIX вв. данных, основанных на результатах Генерального межевания, появляется информация о нескольких десятках археологических памятниках. Так, например, К.С. Милковичем были отмечены Кокрятское, Старокамкинское, Балымерское, Старонохратское I, Коминтерновские I-II и другие городища (приведены современные названия – А.Г.) (Порфирьев, 1904). Ранее считалось, что укрепленные поселения у современного поселка Коминтерн

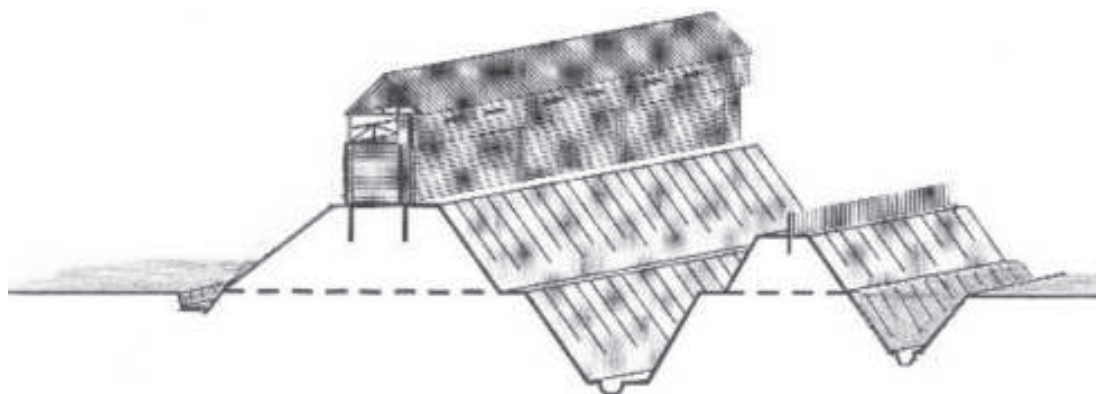

Рис. 2. Реконструкция оборонительных сооружений Коминтерновского II городища.

открыты относительно недавно. Однако думается, что в процессе работ по Генеральному межеванию такие исторические объекты не могли быть не замечены и, тем более, не отмечены. Это и подтверждается нижеследующим: «По сторонам р. Ахтая верстах в 2-3 ниже по течению от дер. Измери (Христофоровки) в атласе изображены два городка, в расстоянии не более полуверсты один от другого, оба четверугольного очертания, каждый обведен чертой вала только с трех сторон» (Порфирьев, 1904, с. 8).

Вторично городище было открыто в 1964 г. Е.П. Казаковым, впоследствии им же с охраняемыми целями проводились его разведочные обследования (Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986. С. 83. № 544). В 1993 г. памятник и прилегающий район исследовался археологической разведкой автора, а в 2007-2009 гг. археологическими раскопками.

Фортификационные сооружения нами были изучены в западной части поселения – внутренний и внешний валы, а также внешний ров.

Проведение исследования внутреннего вала позволили проследить несколько слоев, из которых состояла насыпь. Общая мощность их достигала на раскопе 220 см.

Остатков внутривальных деревянных конструкций, а также каких-либо находок выявлено не было. Однако в профилях стенок были прослежены канавки, которые, возможно, являются следами от оборонительных сооружений. Кроме того, в восточной части раскопа выявлена траншея шириной 155-170 см и глубиной ок. 85 см от современной поверхности. Судя по внешним признакам, она прослеживается в длину на 85 м от обрыва реки вдоль внутренней подошвы вала. Назначение ее неясно. Возможно, она образовалась вследствие выборки грунта для подсыпки оборонительной насыпи или же в дренажных целях.

Изучалась также и внешняя линия укреплений памятника. Исследования ее также позволили проследить несколько слоев, из которых состояла оборонительная насыпь. Общая мощность их достигала на раскопе 170 см.

В тулове вала, в северной и южной стенках раскопа, были выявлены три ямы, являвшиеся следами от находившихся здесь деревянных конструкций шириной от 25 до 45 см. Заполнением их служила темно-серая рыхлая супесь. С внешней стороны оборонительной насыпи во рву был также выявлен дренажный ровик.

Основываясь на результатах исследований, можно, предположительно, реконструировать оборонительные сооружения городища следующим образом: вдоль внешнего вала проходила стена в виде тыновой ограды, возможно с боевой площадкой позади. На внутреннем же валу стояла более мощная конструкция, которая представляла собой городни (рис. 2).

Здесь, таким образом, можно провести аналогию фортификационных сооружений с Суварским городищем (г. Сувар). Это касается способов устройства линий обороны, правда с той лишь разницей, что Коминтерновское II городище имеет меньшие масштабы в плане площади и значительно меньшую мощность укреплений. Также оба памятника относятся к неподчиненным рельефу местности (Раппопорт, 1961. С. 215-220; Губайдуллин, 2002. С. 27-29).

Археологический материал с городища представлен многочисленными фрагментами керамики общеполгарского типа, а также несколькими фрагментами типа «Джукетау». Кроме них были выявлены различные железные предметы бытового назначения и фрагменты медных котелков. Имеются находки именковоского времени (керамика, напярса, «пест»), а также фибула V в. н.э. Наличие последней

неудивительно, т.к. именно с этого района происходил т.н. «Бураковский клад», найденный в сер. 80-х годов XX в. и относящийся к раннему средневековью.

Датирующие находки представлены обрезами саманидских дирхемов 1 и 2 пол. X в., а также медными монетами 40-50 гг. XIII века, чеканенных от имени Насир лид-Дина и Менгу каана в Болгаре. Самые же поздние из них относятся к правлению Джанибек-хана, чекан Сарая ал-Джадид (40-50 гг. XIV в.).

Сама планировка городища несет в себе традиции довольно раннего времени, к которым относятся как строительство укрепленных поселений на ровной местности, так и расположение их у края террасы, берега или обрыва. Следует также отметить, что все болгарские городища подобного типа также датируются не только домонгольским периодом, но и первой его половиной, т.е. X веком. Не исключено, таким образом, что похожие планировочные особенности могут, в какой-то мере, являться одним из датирующих факторов при определении времени возникновения того или иного укрепленного поселения.

Возможным примером чему может являться и Рождественское городище, расположенное на территории Верхнего Прикамья (Белавин, Крыласова, 2008). Характер его определяется как торгово-ремесленный и административный центр. То же самое можно сказать и о Коминтерновском II городище, с той лишь разницей, что оно, возможно, несло административные функции, а сам посад располагался западнее него. Остатками последнего и являются современные Измерские и Семеновские селища. В непосредственной близости от них находилось и городище «Девичий городок», но оно по мнению П.Н. Старостина построено только в XI в (Старостин, 1985. С. 38).

В результате можно констатировать, что, судя по своей планировке и найденному археологическому материалу, Коминтерновское II городище возникло не позже 1-ой пол. X в. и существовало до середины – 2-ой пол. XIII в.

Список литературы:

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. Ч. 1. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. – 112 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ. – 604 с.

Губайдуллин А.М., 2002. Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань: ИИ АН РТ. – 232 с.

Порфирьев С.И., 1904. Древности казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ. Т. XX. Вып. 1-3. – Казань: Типо-лит.Имп.Ун-та. – 16 с.

Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X-XV вв. // МИА. № 105. – М.-Л.: АН СССР. – 242 с.

Старостин П.Н., 1985. Об остатках башен «Девичьего городка» // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР. – С. 34-41.

И.Л. Измайлов.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ БУЛГАРСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ДЕЛО: ФАКТЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

История болгарского вооружения и военного дела определялась тем, что Булгария, с одной стороны, боролась с кочевниками, с другой – с Русью. Поэтому оружие и снаряжение болгар несут отпечаток влияния обеих противников, оставаясь своеобразным, «булгарским»: более тяжелым, чем степное, и более легким, чем древнерусское. На основе изученных материалов выявлены этапы и характер развития отдельных видов оружия, доказано, что определяющим для их эволюции являлся набор рыцарского вооружения. В статье критикуются методические подходы К.А. Руденко к анализу болгарского вооружения.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Волжская Булгария, вооружение и военное дело, полемика

I.L. Izmailov

MEDIEVAL BULGAR WEAPONRY AND MILITARY SCIENCE: FACTS AND FALLACIES

The history of Bulgar weaponry and military science was determined by Bulgar struggle with the nomads on the one hand, and Russia on the other. Weapons and ammunition of both enemies influenced those of the Bulgars. Yet Bulgar weaponry retained its peculiar features – it was heavier, that nomadic, but lighter, than the weaponry of the Old Russia. The examined material helped determine the stages and character of the development of different types of weapons. It is proven that the determinant factor of their evolution was the knightly set of armament. The paper criticizes the methodology applied by K.A. Rudenko to the analysis of Bulgar weaponry.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Volga Bulgaria, weaponry and military science, discussion

Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии в эпоху средневековья было достаточно ярким и самобытным явлением в истории военного искусства Восточной Европы, представляющим сплав ряда неоднородных и разнохарактерных элементов. Это во многом объясняется географическим положением Волжской Булгарии, чья военная организация испытывала влияние военной техники из различных регионов Евразии и выработала свою, во многом оригинальную, систему военного дела.

Вплоть до конца 80-х гг. XX в. проблемы изучения археологического оружия и снаряжения, их систематизация, а также выявление закономерностей развития комплексов вооружения не были объектом специального изучения. Объяснялось это многими причинами, в первую очередь, идеологического характера. Хотя предметы оружия постоянно находились и публиковались, их интерпретация отличалась субъективностью и часто была связана с концептуальными пристрастиями авторов (Подробнее см.: Измайлов, 2000. С.254-262). Постепенно пришло понимание того, что только комплексное изучение проблемы позволит изменить ситуацию. Особо следует подчеркнуть роль А.Х. Халикова, который поддержал программу этих исследований и был ее научным руководителем.

В результате была выполнена работа (Основные итоги этих исследований см.: Измайлов, 1988. С. 87-102; Измайлов, 1993. С.77-106; Измайлов, 1997; Измайлов, 1998. С. 198-205; Измайлов, 2001. С.73-81; Измайлов, 2006. С.336-367; Измайлов, 2008), позволившая представить многомерную и развернутую картину истории вооружения и военного дела

населения средневековой Волжской Булгарии. Анализ предметов вооружения и письменных источников позволил наметить два этапа в истории военного искусства булгар X-XIII вв., которые в целом совпадают с развитием всего болгарского общества: раннесредневековый (X – первая половина XII вв.) и развитый феодальный (вторая половина XII – XIII вв.). Разумеется, соотношение комплекса вооружения и степени социально-экономической эволюции общества могло быть весьма различным и многофакторным. Нельзя отрицать и обратного влияния развития оружия на совершенствование ремесленного производства. Однако определяющим фактором, несомненно, является зависимость военного дела от уровня развития вооружения и социальной структуры общества. Все это наглядно подтверждает история болгарского военного искусства.

Истоки болгарского вооружения и военного дела домонгольского периода уходят корнями в раннебулгарское время, когда на Средней Волге начал формироваться из разрозненных этноплеменных объединений болгарский союз племен с соответствующими институтами и характерным набором оружия. Дальнейший прогресс болгарского военного дела был связан с внутренней трансформацией общества, приведшей к созданию в начале X в. раннефеодального государства. Это способствовало значительному изменению набора вооружения булгар и выработке арсенала боевых средств, которые в последующие века определяли облик военного дела. Многие виды вооружения появились у булгар впервые именно в этот период: мечи, булавы, некоторые формы копий и топоров, щиты с полусферовидными умбонами и др. Определяющее значение в комплексе боевых средств, тем не менее, продолжал сохранять привычный набор оружия и снаряжения, хотя и в несколько модифицированном виде.

Выделяется особый арсенал дружинного боевого снаряжения, который в X-XI вв. состоял из сабель, мечей, пик, топоришков-чеканов, булав, кольчуг и пластинчатых доспехов. Анализ источников по данной проблеме позволил установить, что уже в X в. основу военного могущества правителя булгар – эльтебера составляла его дружина. Она не была однородной и даже на начальном этапе своего оформления заметно дифференцировалась. На одном ее полюсе скапливается слой знатных дружинников, постепенно превращающихся в военно-служилую знать, земельных собственников, а на другом – «младшие» дружинники – военные слуги, воины-профессионалы.

В военном отношении дружина являлась сложным организмом, составляя ядро войска и его высший командный состав. Часть знатных дружинников, в свою очередь, имела свои воинские отряды. В результате оформления новой военной организации в X-XI вв. окончательно выделяются тяжелая и легкая конницы, а также имевшая вспомогательное значение пехота. В состав болгарской армии входили и ополчения зависимых племен. Подобная система существовала в X-XI вв. у ряда народов Восточной Европы и Азии, и сочетала, наряду с феодальными, черты племенной организации.

Смешанная военная система (феодално-племенная), когда основу военной организации составляли дружины князей и ополчения племен, диктовала построение войск и тактику на поле боя. Боевое построение имело чаще всего трехчленное деление, а само сражение представляло собой последовательное введение в бой легкой кавалерии в расчете на решающий удар тяжеловооруженных воинов. Стратегически войны велись за завоевание новых территорий и захват военной добычи. Идеологическим оправданием войн служило стремление распространить ислам среди других народов Поволжья и Приуралья.

К середине XII в. появляются новые тенденции в военно-политической обстанов-

ке в стране. Видимо, в этот период Болгария становится средневековым государством и усиливается настолько, что начинает соперничать за влияние в Среднем Поволжье с Владимиро-Суздальской Русью. Быстротечные войны, боевые походы и набеги этого периода велись не за овладение территорией, а за захват политической власти, добычи и пленников. Эти войны вызвали изменения в наборе вооружения и структуре войска.

Комплекс вооружения болгар XII-XIII вв. характеризует основной костяк войска как тяжеловооруженную рыцарскую дружину, имевшую разнообразный арсенал оружия и снаряжения, включавший пики, сабли, булавы, чешуйчатые доспехи, круглые или миндалевидные щиты, шлемы (иногда с маской-забралом), стремяна и изредка шпоры. Такой рыцарский набор мог сложиться в условиях боевой практики, когда исход боя решался в столкновении тяжеловооруженных воинов, применявших таранный удар копьем. Вместе с тем, наличие сабель, луков, кольчуг и плетей для управления конем говорит о мобильности дружины, ее способности вести борьбу с кочевнической конницей. Именно такая рыцарская кавалерия составляла ядро болгарского войска и своим ударом решала исход сражения.

Кроме профессионального вооружения выделяется набор оружия легковооруженных всадников и пехотинцев, включающий лук и набор стрел, боевой топор, копье, кистень, щит, а иногда также кольчугу, кожаный доспех и шлем. Как удалось установить, благодаря усовершенствованию массового оружия и снаряжения увеличивалось значение легкой конницы, выполнявшей на поле боя особые задачи (разведка, завязка боя, действие на коммуникациях противника). Постепенно возрастала роль пехоты и в полевом бою, и, особенно, в боевых действиях при защите укреплений и речных походах.

Усложняется в XII-XIII вв. структура военной организации. Несмотря на некоторую децентрализацию, правитель Болгарии – эмир продолжал оставаться организатором и командующим во время военных походов и обороны страны. Эмир осуществлял свою военную политику через «ближнюю» дружину (хашам). Военно-служилая знать (носившая, судя по эпиграфическим данным, титул «йори» («чури»)), связанная иерархической системой феодального вассалитета и сосредоточившая в своих руках основные воинские контингенты, являлась основой военной организации. Кроме собственной дружины, военно-служилая знать в зависимости от ранга в государственной иерархии и размеров землепользования, выставляла, очевидно, ополчения воинов с находившихся в ее власти земель. В состав болгарской армии также вливались наемные отряды кочевых народов (кыпчаков, венгров). Охрану границ осуществляли также ополчения зависимых пограничных народов: мордва, прикамские народы.

Анализ материала позволил приблизительно определить численность болгарского войска в домонгольский период. Подсчеты на основе разрозненных данных исторических источников и аналогий показывают, что численность болгарской армии достигала в среднем 50 тыс. воинов. Рыцарство («йори») составляло, очевидно, 15-20 тыс. человек. Одновременно доказано, что число воинов в подразделениях (полках) постепенно менялось: от 10-20 тыс. в X в. до 3-5 тыс. воинов в XII-XIII вв. Только для отражения монгольского нашествия была собрана многочисленная объединенная армия (до 50 тыс. воинов). Все эти данные подчеркивают тенденцию к сокращению в XII-XIII вв. численности отдельных воинских контингентов, увеличению количества профессиональных военных дружин и дробности войска, а также к общему уменьшению вооруженности населения.

Войско, будучи основанным на иерархически организованной системе феодальных дружин, складывается из более мелких подразделений. Соответственно и боевые порядки стали более дробными, что сделало их гибкими и устойчивыми, позволило вводить войска в бой по частям, постепенно наращивая силу удара. Исход сражения решался в ближнем бою с применением всего набора оружия, который особенно у дружинников отличался специализированностью. Вероятно, к середине XII в. выкристаллизовываются особенности тактики боя и обороны, которые позволили максимально использовать сильные стороны болгарской армии. В полевом бою – это применение различных маневров, засад, тактических отступлений с последующей контратакой. Особенно ярко эта тактика проявилась в борьбе против русских в 1172 г. и монголов в 1223 г.

Характерной чертой военного искусства Волжской Булгарии является выработка своеобразной тактики обороны, которая сочетала опору на хорошо укрепленный город и оперативные маневры в тылу врага с использованием конницы, пехоты и речных судов. Целью этих действий было измотать противника, лишить его инициативы и подготовить контрудар. Сильные стороны такой тактики активной обороны и полевого боя позволили булгарам долгое время противостоять не только русским войскам (1172, 1183 гг.), но и армиям монгольских ханов (1223, 1229, 1232 гг.). Одновременно булгары сами осуществляли военные экспедиции и походы: завоевание буртас, постоянное давление на прикамские народы, походы булгар на русские города (X-XIII вв.). Данные военные операции чаще всего осуществлялись небольшими мобильными отрядами по рекам. Анализ стратегии и тактики булгар позволяет сделать вывод о высокой боевой выучке войск и их военного мастерства.

Уровень развития болгарского военного дела можно определить только на фоне военной техники всей Восточной Европы X-XIII вв. Анализ вооружения булгар показывает, что в этот период оно значительно отличается от оружия финно-угров, которые переживали упадок дружинной культуры, особенно заметный у мордовских племен. Определенное сходство боевых средств булгар наблюдается с оружием населения степей Восточной Европы, но отсутствие у последних пехотных видов «орудий войны» и некоторых типов доспеха показывает их не полную адекватность. Наибольшее соответствие обнаруживается в оружии и всей системе военного дела у оседлых феодальных государств – Булгарии и Руси. Особенно ярко общие черты проявляются в этапах эволюции основных видов вооружений и, что важно отметить, целых наборов снаряжения воинов-рыцарей.

История болгарского вооружения еще раз убедительно доказывает, что наиболее динамично развиваются виды оружия, характерные для привилегированного передового рода войск – тяжеловооруженной кавалерии. По ее снаряжению можно определить уровень военной техники того времени и выяснить тенденции ее развития. Универсальные виды и формы «орудий войны» позволяют судить о военнотехническом оснащении основной массы простых воинов. Как и на Руси, в Булгарии ведущими формами рыцарского вооружения были сабли, мечи, боевые топоры-чеканы (в том числе, орнаментированные), граненые пики и узколезвийные копья, бронзовые золоченые булавы и сложнофигурные кистени, кинжалы, металлические панцири и шлемы. Для остального войска были более характерны широкие удлиненно-треугольные и листовидные копья, топоры универсальных форм, лук и стрелы, железные и бронзовые кистени, кожаные доспехи и щиты. В развитии болгарс-

кого оружия и снаряжения в конце XII – начале XIII вв. заметна тенденция к постепенному их утяжелению, которая в этот период была характерна для многих народов Европы (в том числе, Руси), Ближнего Востока и Центральной Азии. Именно тогда в ряде стран появляются на вооружении шлем с маской и бармицей, стальной чешуйчатый доспех, длинная сабля, узколезвийная пика, массивная рогатина, булава-клевец и шестопер. Усиление защитного вооружения выдвинуло почти одновременно у многих народов Евразии (в частности на Руси и Булгарии) на первый план прием таранного удара копьем. Это потребовало изменения традиционного болгарского конского снаряжения (наряду с плетью появились шпоры, новые виды стремян и удила) и создания новых типов оружия с большей проникающей способностью (пики, бронебойные стрелы), а также средств оглушения, «ошеломления» одетого в доспехи противника (булавы, кистени) и средств локального разлома брони (булавы-клевцы, шестоперы). Однако болгарские дружинники были вооружены и снаряжены, видимо, несколько легче, чем западноевропейские и древнерусские войны. Например, они не использовали кольчуги с длинными рукавами, кольчужные чулки и перчатки, наручи, налокотники, поножи и т.д. Такое сравнительно облегченное вооружение болгар, вероятно, объясняется как необходимостью борьбы со степной кочевнической конницей, так и с русским войском. Противостоять им болгары могли за счет сбалансированного набора вооружения, маневренности и гибкой тактики.

Вся история болгарского вооружения и военного дела со всеми ее особенностями и спецификой во многом определялась тем, что Булгария, с одной стороны, боролась с кочевниками, с другой – с Русью. Именно поэтому оружие и снаряжение болгар носят отпечаток влияния обеих противников, оставаясь своеобразным, «болгарским»: более тяжелым, чем степное, и более легким, чем древнерусское. Причем, если на территории Древней Руси были заметны региональные отличия в наборе вооружения Севера и Юга, то в Булгарии они пока не прослеживаются. Это можно объяснить компактностью территории и сравнительно небольшой численностью населения и интенсивностью торговых связей внутри страны. Возможно, только в западной части Булгарии, заселенной бургасами, в результате контактов с финно-угорскими племенами вооружение приобрело некоторое своеобразие.

Анализ вооружения показывает, что болгарские ремесленники обеспечивали оружием всю страну. Разнообразие и качество боевых средств свидетельствуют о мастерстве и умении болгарских ремесленников. Высокий уровень развития металлообрабатывающего ремесла позволил булгарам экспортировать оружие в соседние страны.

В целом, значительное тождество болгарской и русской военной техники и организации военного дела не может быть объяснено только постоянным заимствованием и импортированием оружия. В действительности, прежде чем перенимать какое-либо современное вооружение, надо уметь его применять и иметь возможность использовать. Только находясь на сопоставимых уровнях общественного развития Русь и Булгария могли обмениваться и взаимообогащаться новинками вооружения и тактики. Изучение историко-археологических данных, позволило сделать вывод о том, что военное искусство Булгарии являлось развивающейся системой. Булгары постоянно усваивали военно-технические достижения и с Запада и с Востока и применяли их, преломляя через призму своих традиций и потребностей. Непрерывно пополняя арсенал боевых средств, главным образом, за счет оружия собственного изготовления, булгары следовали в русле общего развития средневековой военной тех-

ники. Особо следует подчеркнуть, что комплекс вооружения болгар не был набором из разнородных и случайных заимствований. Он постепенно выкристаллизовывался в результате целенаправленного и непрерывного накопления различных средств ведения боя. Видимо, для болгар наряду с приобретением некоторых видов вооружения, большое значение имело освоение чужого опыта. Отталкиваясь от него, они создавали собственные образцы сабель, копий, топоров, кистеней, булав, стрел, которые наиболее адекватно отвечали потребностям местной боевой практики.

Высокий уровень развития военного дела Булгарии подтверждается и фактами военной истории. Булгария не только долгое время противоборствовала с древнерусскими княжествами, но и почти 13 лет отражала следовавшие один за другим походы монгольских войск. Поэтому, вся совокупность данных позволяет с уверенностью говорить о том, что болгарское военное дело, характеризуемое совершенной техникой и сложной военно-социальной структурой, достигло значительного прогресса.

Заключая все вышесказанное, можно отметить, что на основе изученных по выработанной методике материалов удалось выявить не только этапы и характер развития отдельных видов оружия, но и выявить наборы боевого снаряжения, а также доказать, что определяющим для их эволюции являлся набор рыцарского вооружения. Основой болгарского войска были иерархически соподчиненные феодальные дружины, применявшие в бою различные тактические маневры и охваты, с целью подготовить удар тяжеловооруженных всадников. Накопление оперативно-тактического опыта позволило болгарам во второй половине XII в. выработать и неоднократно применять тактику активной обороны, которая неоднократно приводила болгар к победам в войнах с соседями.

Таким образом, болгарское военное искусство домонгольского периода достигло значительного уровня прогресса, сопоставимого с рядом других развитых феодальных стран средневековой Евразии, и оказало решающее влияние на все последующие стадии эволюции вооружения и военного дела народов Поволжья и Приуралья.

Вместе с тем, по мере развертывания исследований и увеличения количества находок, а также усложнения наших представлений о Булгарии, как средневекового государства, стали появляться новые интерпретации предметов вооружения. Некоторые из них, например, исследования Золотаревского комплекса, которые ведутся Г.Н. Белорыбкиным, не только подтверждают выводы об особенностях оборонительной тактики болгар, но и дополняют ее новым конкретным содержанием. К числу таковых следует отнести детальное изучение крепостных сооружений и дополнительных предмостных сооружений («волчьи ямы»).

Весьма серьезно обогатили наши знания о технологии производства оружия труды Ю.А. Семькина, сделавшего вывод о местном производстве подавляющего ассортимента предметов вооружения. Его исследования позволили отбросить восходящие еще к XIX в. мнение о зависимости болгар от импорта оружия. Исключения, по-видимому, можно сделать лишь для некоторых видов специфического оружия – каролингских мечей, русского орнаментированного топорика, некоторых типов сабель (в первую очередь, начала XIII в.), которые появились в результате военных контактов с монгольскими войсками. Эти исключения только подтверждают правильность мысли о прямой и непосредственной связи между производством оружия, ее использованием и характером военного дела.

Вместе с тем, в последнее время стали появляться труды, в которых не прямо, но исподволь не только ставятся под сомнение результаты многолюдных исследований многих археологов, но и выдвигается своя интерпретация истории оружия.

В первую очередь, это касается целого ряда книг и статей К.А. Руденко, рассматривающего некоторые предметы и категории оружия и снаряжения в рамках своей логики их развития. Поскольку сделано это было неоднократно, а пересмотр трудов предшественников сделан им без какой-либо аргументации, следует подробнее на них остановиться и выяснить концептуальное ядро его рассуждений.

По его мнению, важную роль в наборе болгарского вооружения играло заимствованное оружие, например, «защитное вооружение, часть образцов которого (к примеру, лицевые маски) заимствовались у кочевников или русских воинов. В целом импорт предметов вооружения был нередким. Именно благодаря нему у болгар появились пластинчатый панцирь, каролингские мечи, хотя ареал импортируемых изделий был гораздо шире, включая и территорию Приочья – мордовские земли (Шокшинский могильник)» (Руденко, 2007. С.58). Этот пассаж показывают, что автор абсолютно не разбирается в истории вооружения и плохо представляет собой тенденции его развития в Евразии. Например, замечание о том, что болгары заимствовали каролингские мечи у населения Поочья просто смешны. Дурную шутку с ним, очевидно, сыграло то, что географически этот регион ближе к Балтике, чем Волго-Камье, но в истории действует не природная, а социальная логика. Дело в том, что сами погребения Шокшинского могильника, где обнаружены указанные мечи, представляют собой инокультурное включение в местную среду, датируются второй половиной X в. и знаменуют социальные подвижки в среде поволжских финнов.

Мечи, которые обнаружены на территории Булгарии, а также весь связанный с ними «варяжско-русский» комплекс – более раннего происхождения, чем материалы Поочья. В Булгарии они относятся к первой трети X в. Кроме того, сами эти находки не результат обычных торговых контактов и не случайный набор заимствований, а свидетельство прямого проникновения викингов-варягов («русов») в Булгарию и их значительной роли в развитии Великого Волжского пути и маркер социальных изменений в болгарском обществе, что подтверждается также целым рядом письменных источников (Подробнее о русах в Булгарии и дискуссиях вокруг этой проблемы см.: Измайлов, 1991. С. 130-138; И.Л. Измайлов, 1995. С.1-23; Измайлов, 2000а. С. 70-86; Кирпичников, Измайлов, 2000. С. 190-206; Измайлов, 2003. С.127-141).

Примерно так же обстоят дела и с боевыми маскам-забраками, которые несколько раз публиковались и интерпретировались. Дело не только в том, что на Руси подобных масок также найдено всего две, а в том, что сам этот тип оголовья, несомненно, связан с Передней Азией и Ближним Востоком. Если следовать «географической» логике оппонента – они также результат заимствования, но не из Руси, а наоборот. Отсутствие должного времени и места не позволяет еще раз рассмотреть все факты, связанные с историей масок-забрал в Восточной Европе, их боевого назначения и хронологии. Достаточно сказать, что эта новинка военной техники появляется здесь, очевидно, в самом конце XII – начале XIII в. и является показателем общего утяжеления воинского доспеха и вооружения профессиональных воинов – аристократов.

Еще более нелепо с точки зрения истории оружия выглядит фраза о том, что «Под влиянием сибирских образцов начинается производство сабель» (Руденко, 2007. С.58). Дело даже не в том, что производство сабель, судя по всему комплексу источников,

не прекращалось, по крайней мере, с VIII в., а в том, что автор знает, что они производились конкретно по «сибирским образцам». Но все, что мы знаем об оружии, свидетельствует о единстве форм центральноазиатских сабель и отсутствии такой категории, как «сибирские» сабли. Судя по ссылке на рисунок (сабли из Золотаревки), автор имеет в виду все же не все болгарские сабли, а только одну конкретную форму. Анализ этих находок не так прост, как может показаться на первый взгляд, и проблема отнюдь не исчерпывается находками из окрестностей Золотаревского городища. Подобные же сабли известны из сборов на Билярском городище, а также из погребений могильника Татарская Лака. Характерным отличием этой формы является наличие обоймицы в верхней части клинка, примыкающей к перекрестию с узким язычком, опускающимся на лезвие до 3-5 см. Подобные сабли довольно хорошо известны в Центральной Азии, где наибольшее распространение получили в XII-XIII вв., а после монгольских завоеваний широко известны вплоть до Ближнего Востока, где зафиксированы на миниатюрах. В Восточной Европе они однозначно связаны с взрывом военно-политической активности в Центральной Азии в период возникновения империи Чингиз-хана в самом конце XII – первой трети XIII в. В Болгарии они имеют такое же происхождение. Часть их, как и значительное количество другого вооружения, была утрачена, очевидно, во время сражения под стенами болгарской крепости (Золотаревское городище), а другая является трофеями, собранными на месте этой битвы, а некоторая часть (особенно, билярские находки) в XIII в. производилась по этим образцам. О том, что часть этого оружия попала к болгарам именно таким образом, свидетельствуют материалы того же могильника Татарская Лака (до середины XIII в.), где в массе обнаружено передовое оружие (пики, золоченые стремяна), в том числе, и подобная сабля. Нет никаких оснований полагать, что болгары заимствовали навыки производства этих сабель из Южной Сибири, поскольку подобные сабли не были характерны для Дашт-и Кыпчака. Появление их – это феномен военно-политической активности, но не сибирских народов, а монгольских ханов, которые широко использовали контингенты кыргызов, хори-туматов и татар в своих военных кампаниях.

Автор также делает целый ряд дилетантских ошибок в типологии и хронологии топоров и наконечников копий. Его фраза о том, что «Происходит и определенная модификация топоров. В русле общеевропейских традиций развиваются наконечники копий и дротиков» (Руденко, 2007. С.58) опровергается им же самим. Так, он, в частности, абсолютно неправоммерно датирует шпильевидные граненые пики XI-XII вв., резко удревняя их дату и в своем стиле игнорируя аргументацию предшественников и оппонентов. Тем самым он фактически отвергает убеждение отечественных оружейников в том, что подобные наконечники пик – новое и передовое явление для предмонгольского времени.

Отсутствие элементарной научной логики и знаний в области вооружения сквозит в анализе К.А. Руденко набора наконечников стрел с территории Волжской Булгарии.

Он пишет, что «Наконечники стрел. Долотовидные. Распространяются наконечники этого комплекса со второй трети XI в. Истоки этих наконечников связаны с лесной полосой Зауралья и шире – Западной Сибири. Здесь они выступали в качестве приспособления для охоты на крупных лесных зверей, в первую очередь лося (Руденко, 2007. С.59).

Плоские наконечники в виде вытянутой лопаточки, имеющие устойчивое название «срезень». Традиция их использования исходит из Зауралья, Западной и Южной Сибири, и связана с охотничьими приемами народов лесной, лесостепной и степной

зон. Наиболее распространены с середины XI в., хотя к концу XII в. их употребление становится менее широким. Широко распространились в ордынское время (Руденко, 2007. С.59).

Восьмой комплекс – пирамидальные или близкие к ней формы. Распространяются в XII в., хотя встречаются и ранее. Есть наконечники с выемками на гранях головки. В этом, видимо, сказалась как сила традиции, идущая от трехлопастных наконечников VI-IX вв. в материалах ранеобулгарского времени, так и та же традиция, но в южносибирском исполнении, достигшая Булгарии в XI в.

«Приведенные данные позволяют предполагать, что формирование ассортимента наконечников стрел XI-XIV вв. оказали влияние как внутренние (развитие системы булгарского вооружения), так и внешние (заимствование новых видов вооружения) факторы. Следствием первого фактора стало развитие универсальных по применению наконечников стрел с общей тенденцией к утяжелению веса ударной части (восьмой и девятый комплексы)... Результатом этнических контактов и стимулирования традиционных форм хозяйства стало формирование локальных комплексов (вероятно, связанных с природными особенностями конкретного района и местности). Примером такого рода могут быть первый и второй комплексы наконечников. Своеобразным характером отличается четвертый комплекс, основа которого сформировалась в местной среде (наконечники для самострелов, предназначенные для охоты на крупного зверя) и развивались под влиянием привозных образцов (наконечники к боевым самострелам (арбалетам?)) (Руденко, 2007. С.61).

Иными словами, получается, что самые передовые для того времени орудия дистанционного боя, включающие крупные пирамидальные, долотовидные, боеголовковые и шиповидные наконечники стрел предназначались ... для охоты. Очевидно, по этой логике, что и арбалеты также в первую очередь использовались в охоте на лося. Если речь шла о каком бы то ни было неизвестном обществе, то и тогда подобный вывод следовало бы подкрепить, например, анализом остеологического материала, где кости лосей должны были главенствовать, поскольку, судя по количеству и качеству наконечников стрел, на них в средние века в Поволжье была развернута промышленная охота. Однако кости лося, включая и рог, составляют довольно незначительный процент находок диких животных. Нет никаких исторических оснований полагать, что самострелы и арбалеты использовались исключительно для охоты на лося. Наоборот все этнографические параллели из Сибири и Северной Америки показывают, что на лося охотились с легкими луками, наносившими болезненные раны, истощавшие его силы, и добивали копьями, в позднесредневековой Европе – рогатинами. Арбалет был исключительно специализированным боевым оружием, а наконечники стрел для него резко выделяются из общей массы наконечников.

Против «охотничьей» логики автора протестуют и все известные нам факты. Например, в Новгороде, как и вообще на Руси, подобные наконечники также встречаются довольно часто. Но никто из исследователей не связывал их с охотой на лосей. Другой факт. Ни в могильниках поволжских финнов, ни в погребениях Западной Сибири нет ничего подобно крупным граненым наконечникам стрел из Булгарии, хотя, казалось, там-то они и должны быть, раз речь идет об охоте. Однако их там нет. Следовательно, речь идет не об охоте, а о специализированных орудиях войны – бронебойных наконечниках стрел, часть из которых пускалась мощными сложносоставными луками, а часть – наиболее тяжелые вытянутые пирамидальные – из арбалетов, в том числе, очевидно, стационарных. Среди других фактов, подтверждающих эту мысль, является коллекция подобных

наконечников стрел из верхнего слоя запустения городища ананьинского времени «Гремячий Ключ», изученного В.Н. Марковым. Автор открытия совершенно справедливо интерпретировал их, как результат стрельбы с соседнего мыса, на котором находится болгарское городище Капан. Расстояние между ними сейчас более двухсот метров, а вес некоторых наконечников достигал 100 г, что заставляет думать, что орудие которое их запускало – был не простой лук. Кроме того, никаких лосей в таком количестве на этом мысу не водилось. Все это заставляет думать, что все эти выдумки про охоту на лосей и заимствование этих наконечников из Сибири, где их не было – квазинаучные догадки.

Точно так же широколопастные наконечники стрел являлись, главным образом, не охотничьим оружием, а специализированным боевым. При этом нет нужды указывать, что те или иные наконечники были заимствованы в Центральной Азии, поскольку сами болгары, как и другие тюркские племена, обитавшие на их южных и юго-восточных границах, использовали эти традиционные наконечники с различными вариациями в типах. Но разнообразие это диктовалось не случайными заимствованиями из евразийских степей, а диктовалось особенностями своего собственного стрелкового вооружения, в первую очередь, типами лука, а также тактикой использования оружия дистанционного боя. Проблема не в наличии того или иного типа стрел и в Сибири и в Булгарии, а в количестве их в наборе стрел.

Судя по всем, имеющимся в нашем распоряжении фактам, развитие стрелкового оружия в этих регионах в X-XIII вв. шло в разных направлениях. Если в степях Центральной Азии большую роль играли более легкие луки, позволявшие обрушивать на противника массу широколопастных стрел, то в Булгарии упор делался на развитие мощных луков, стреляющих бронебойными наконечниками. Соответственно, сама тактика использования этих наконечников было совершенно другой. С одной стороны, массовый запуск стрел в расчете на поражение и ранение противника и его коня, а с другой – индивидуальный выбор цели и возможность нанесения ранения латнику. Тем самым разные военные обстоятельства вели к выработке особых тактических приемов использования оружия. Все это подчеркивает одно – только комплексный анализ вооружения способен адекватно реконструировать тактику использования оружия, а случайные наскоки только плодят заблуждения и иллюзию научности.

Обсуждаемая проблема, однако, гораздо шире ошибок и заблуждений отдельного автора в области истории вооружения. Главное достижение отечественного оружейведения состоит в том, что вопрос не в месте, откуда идея того или иного типа или формы вооружения попала в тот или иной культурно-исторический фон, а была ли эта находка случайной или стала частью местного комплекса вооружения. Например, среди нескольких сотен топоров с территории Волжской Булгарии нет ни одной находки топора русской формы с ладьевидным оформлением обуха и двумя парами выступающих щековиц. Торговые связи же между двумя странами были весьма обширными. Казалось бы, логично, если бы обмен включал и эту категорию орудий. Но нет! Единственная подобная находка орнаментированного топорика лишь подтверждает эту закономерность. Другой пример. В мордовских могильниках XII-XIII вв. резко сокращается количество вооружения и ни в одном из них (исключение – могильник Татарская Лака в Пензенской области – зоне влияния Булгарии) нет наконечников пик. Хотя и на Руси, и в Булгарии количество их весьма существенно. Иными словами, проблема не в приобретении того или иного вида оружия, а в правильном и регулярном его использовании. Мордовские земли не просто попали в зависимость от соседних средневековых стран, но и в социальном плане переживали

период стагнации. Небольшие племенные владения не были в состоянии содержать значительные военные контингенты профессиональных воинов, имеющих передовое для того времени вооружение.

Вместе с тем, есть целый ряд фактов, свидетельствующих, что в Восточной Европе подобные новшества стали неотъемлемой частью комплекса вооружения только на Руси и в Булгарии. И это делает все рассуждения о заимствованиях ненаучными догадками, низводящими уровень современной археологии к примитивному вещеведению позапрошлого века.

Нельзя понимать развитие болгарского вооружения как неперенное и постоянное скрещение или чередование только иноземных влияний. Это был не конгломерат случайных заимствований, а неповторимый по своим особенностям комплекс боевых средств, который, обогащаясь достижениями различных народов, оставался цельным и системным.

По сути дела под видом того, что он якобы следует за археологическим материалом, К.А. Руденко фактически пытается пересмотреть основы болгарской истории и археологии. Во-первых, автор, игнорируя труды предшественников и коллег, старается представить болгарское общество более архаичным и примитивным, чем оно было в действительности, и что было доказано скрупулезным трудом поколений ученых. В этих его построениях история вооружения играет важную роль. Поскольку война, как известно, – это продолжение политики другими средствами, а политика – концентрированное выражение экономики, то высокий уровень вооружения и военного дела автоматически ставит средневековую Булгарию в один ряд с самыми передовыми странами тогдашней Евразии. Это и заставляет нашего оппонента всячески принижать этот уровень, как с помощью несистемного описания, так и нахождением неверных и спорных аналогий.

Во-вторых, наш оппонент использует прием «ложной археологизации», рассматривая комплекс находок с территории Булгарии, как некие безымянные коллекции, без связи в пространстве и времени, без увязывания их между собой и письменными источниками. Археологические аналогии им также выбираются не системно, не комплексно, а выборочно и субъективно. Подбор их таков, чтобы не найти место той или иной находки в системе древностей и пространственно-временных связей, а чтобы подкрепить какой-то сделанный заранее вывод автора. В результате он конструирует некую произвольную археологическую реальность, которую далее использует уже для получения нужных ему исторических выводов.

В рамках этой программы вооружение играет ключевую роль, поскольку при отрывочных сведениях письменных источников и огромном археологическом материале именно анализ вооружения, наряду с другими источниками позволяет реконструировать военную организацию и, соответственно, делать вывод о высокой степени развития болгарского государства. Это, в свою очередь, не позволяет произвольно выхватывать те или иные аналогии и превращать уже систематизированный материал в хаотичную и дисперсную массу. Все эти аналогии должны быть учтены в контексте общего развития болгарского комплекса вооружения и соответствующим образом объяснены, а никак не наоборот. Рассистематизацию материала, без должного на то основания и объяснительных процедур, можно считать методической ошибкой.

По самой сути подобная методика – это уровень первой половины XX в., когда археология находилась на начальном этапе становления концепций и поисков свя-

зей с другими науками.

К подобного рода дилетантским вылазкам в область археологического оружиеведения можно было бы отнестись и более лояльно, если бы подобные взгляды в различных вариациях не присутствовали в работах некоторых молодых коллег. К сожалению, отсутствие критики и полемики по проблемам вооружения народов Волго-Уральского региона приводит к застою мысли и процветанию ущербных и квазинаучных представлений о развитии оружия и военного дела в данном регионе.

Список литературы:

Измайлов И.Л., 1988. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских булгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. – С. 87-102.

Измайлов И.Л., 1991. К вопросу о булгаро-скандинавских контактах // Биляр – столица домонгольской Булгарии. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР. – С. 130-138.

Измайлов И.Л., 1993. Оружие ближнего боя волжских булгар X-XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань ИЯЛИ КНЦ РАН. – С.77-106.

Измайлов И.Л., 1995. Викинги в Среднем Поволжье // Древние народы и города Поволжья. – Пенза: ПенГПИ. – С.1-23.

Измайлов И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань-Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН. – 212 с.

Измайлов И.Л. 1998. К истории сложного лука Волжской Булгарии середины VIII-X вв. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: ГЭ. – С. 198-205.

Измайлов И.Л., 2000. Вооружение и военное дело Волжской Булгарии: история изучения и становления концепции исследования // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – М.: ГИМ. – С.254-262.

Измайлов И.Л., 2000а. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории 11-14 мая 1999 г. Пушкинские горы. – СПб.: ИПК «Вести». – С. 70-86.

Измайлов И.Л., 2001. Комплекс булгарского вооружения X-XIII вв. (Итоги и проблемы исследования) // Древности. Вып. 33. – М.: Изд-во РАО. – С.73-81.

Измайлов И.Л., 2003. Балымерский курганный могильник в свете контактов Северной Европы и Волжской Булгарии: проблемы и дискуссии // Ладога и истоки российской государственности и культуры. – СПб.: ИПК «Вести». – С.127-141.

Измайлов И.Л., 2008. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X-XIII вв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 206 с.

Измайлов И.Л., 2006. Военное дело // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.II. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань: «РухИЛ». – С.336-367;

Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л., 2000. Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан) // Средневековая Казань: возникновение, развитие. Материалы международной научной конференции. 1-3 июня 1999 г. Казань. – Казань: «Мастер Лайн». – С. 190-206.

Руденко К.А., 2007. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: «Школа». – 244 с.

Д.В. Васильев.
О НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТАХ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ, КОТОРЫЕ ПОСЕТИЛ
ГИЛЬОМ РУБРУК В 1254 ГОДУ

Гильом Рубрук в середине XIII в. пересёк дельту Волги с востока на запада и оставил описания своего маршрута с упоминанием ряда золотоордынских городов (Сарай, Саксин, Суммеркент). В статье на основе соотнесения этих данных с реальной географической ситуацией и известными археологическими памятниками в данной местности реконструируется маршрут Рубрука и предлагаются варианты локализации упомянутых городов.

Ключевые слова: археология, источниковедение, эпоха средневековья, Золотая Орда, дельта Волги, локализация летописных городов, Рубрук

D.V. Vasilyev
ON THE SETTLEMENTS IN THE VOLGA RIVER DELTA, VISITED BY GUILLAUME DE
RUBROUCK IN 1254

In the middle of the XIII century Guillaume de Rubrouck crossed the delta of the Volga River from the east to the west and recorded his route with descriptions of a number of towns of the Golden Horde (Sarai, Saqsin, Summerkent). The paper compares the descriptions with the real geographical situation and the known archaeological sites in the area. The route of Rubrouck's travel is reconstructed and variants of localization of the aforementioned towns are provided.

Key-words: archaeology, source studies, the Middle Ages, the Golden Horde, the delta of the Volga River, localization of the annalistic towns, Rubrouck

В последнее десятилетие в средневековой археологии Нижнего Поволжья произошло несколько больших открытий и осмыслений, которые позволяют сделать далеко идущие выводы о локализации средневековых городов в дельте Волги. Я имею в виду обсуждающиеся в настоящий момент вопросы о локализации первой столицы Золотой Орды – города Сарая или Сарая ал-Махруса, а также городов Саксина и Суммеркента, существовавших в Нижнем Поволжье в предмонгольское время. Суммеркент упоминается в качестве единственного города, пережившего монгольское нашествие и существовавшего в середине XIII века. В сорок девятой главе «Путешествия в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето Благости 1253» содержится единственное и очень ценное для нас совместное упоминание городов Сарая и Суммеркента (Рубрук, 1957. С. 179-182), анализ которого позволит пролить свет на некоторые вопросы локализации этих городов. Рубрук возвращался из Кракорума и пересёк дельту Волги с востока на запада, от ставки Бату до ставки Сартака, после чего отправился в кавказские владения Бату. Следует разобраться в опорных пунктах его маршрута.

Вопрос о локализации первой столицы Золотой Орды был рассмотрен А.В. Пачкаловым (Пачкалов, 2002; Пачкалов, 2010. С. 332-340), С.Ю. Скисовым (Скисов, 2010. С. 375-384) и мною (Васильев, 2007; Васильев, 2009а. С. 436-445; Васильев, 2009б).

В настоящее время в качестве возможного местонахождения города, основанного Бату в XIII веке, рассматривается Красноярское городище, располагающееся примерно в 40 км к СВ от Астрахани, на северо-восточной границе дельты (Пачкалов, Скисов, 2009; Васильев, 2009а. С. 436-445; Костюков, 2006. С. 177-207).

Что касается локализации городов Саксина и Суммеркента, то уже высказывалось предположение об их размещении на Самосдельском городище в дельте Волги (Василь-

ев, Гречкина, Зиливинская, 2003; Васильев, 2004. С. 264-269; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006. С. 24-35).

Принимая во внимание всю степень гипотетичности данного предположения, попробуем представить, что описанный Рубруком маршрут начинается в Сарае, расположенном на месте Красноярского городища.

Имеет смысл разобрать подробно слова Гильома Рубрука. Вначале Койяк сообщает Рубруку о том, что Бату кочует вблизи Сарая, и что Сарай – новый город на реке «Этилии» (Образование Золотой Орды, 2008. С. 368). О местоположении ставки нам источник ничего не сообщает.

16 октября 1254 года Рубрук покинул ставку Бату и пустился в путь к Сарая, следуя по течению реки на юг. Следовательно, ставка хана находилась выше по течению. Примечательно, что ниже города Сарая Волга разделяется на три больших рукава. Это описание не очень вяжется с описанием местоположения Селитренного городища, но зато действительно походит под особенности местности ниже Красного Яра.

Попробуем реконструировать путь Рубрука. Указателями для нас являются наличие трёх больших и четырёх меньших по величине рукавов Волги и наличие при «среднем рукаве» города Суммеркента. Кроме того, Рубрук указывает, что долина, по которой разливаются упомянутые реки, имеет ширину более 7 лье.

Рассмотрим маршрут, который приведёт нас к городу Суммеркенту, локализуемому на Самосдельском городище. Двигаясь от Красного Яра в направлении к Самосделке, мы пересекаем последовательно такие реки, как Бузан, Рыча, Болда, Кутум, Царев, Кизань, затем реку Иванчуг и Старую Волгу. При этом, маршрут движения по земле пролегает по неудобным для передвижения местам – это заливные луга, местами заболоченные, пересечённые множеством периодически заливающихся ериков. Длина маршрута, который мог проделать Рубрук через дельту в этом направлении, составляет почти 82 км. Общее число водных преград, через которые надо было переправляться вплавь – свыше десяти.

При этом Самосдельское городище, соотносимое с Суммеркентом, – не конечная точка маршрута. Рубрук стремился пересечь дельту Волги и выйти на караванную дорогу в сторону Кавказа. Для этого ему необходимо было переправиться через ныне почти усохшее русло – Коклюй, а далее – через широчайшее русло – Бахтемир, ограничивающее дельту с запада. И при этом он попадал бы не на сухой западный берег, а в край подступных ильменей, остатки древней дельты, и чтобы направиться отсюда далее на запад, ему необходимо было подняться ещё на более чем 50 км к северу, где зона подступных ильменей сменяется полупустыней, и где по краю увлажнённой долины и пустыни можно было двигаться в западном направлении. Таким образом, общая длина маршрута составляет более 130 км. Рубрук пишет, что ширина долины, затопляемой реками, превышает 7 лье. Сухопутное лье составляет 4445 м или 1/25 градуса меридиана. Значит, ширина поймы в том месте, где её пересекал Рубрук, должна равняться примерно 31-32 км.

Далее Рубрук описывает собственно город Суммеркент, особенно не вдаваясь в подробности. Он говорит только, что город находится «при среднем рукаве» (то есть в середине дельты или внутри неё), не имеет стен, окружается водой при разливе реки (что, в принципе, подходит под описание Самосдельского городища), что татары его брали приступом, но долго стояли под ним (в течение 8 лет). То, что на Самосдельском городище зафиксированы следы взятия города монголами, также сближает его с Суммеркентом. Население города («Аланы и Сарацины») многонационально и поликонфессионально, и это тоже факт, характеризующий население Самосдельского городища предмонгольс-

кого времени. Далее Рубрук пишет, что Сартак посылает сюда периодически людей «чтобы облегчить свой двор», то есть, видимо, на временное поселение с предоставлением возможности самим заботиться о своём пропитании. Рубрук говорит о близости к «этому месту» двора Сартака с одной стороны реки и двора Бату – с другой, которые подкочёвывают сюда к Рождеству, а ниже не спускаются. Он также сообщает, что отец Койяка строил для Сартака церковь в новом посёлке на западном берегу реки.

Что касается зимней ставки Бату, то под неё идеально подходят условия Красного Яра – ниже начинается дельта, крупные протоки, через которые очень неудобно переправляться, если только не встанет лёд. Но ледовый покров на реках нестабилен. Поэтому конечной южной точкой перекочёвки ставки Бату следует признать окрестности Красного Яра. Однако нельзя сказать, что ставка в таком случае находится «поблизости» от Суммеркента на Самосдельском городище – их разделяет почти 80 км, то есть 2-3 дня пути по пересечённой местности.

Наиболее оптимальным местом для расположения ставки Сартака в силу природных факторов является место примыкания к Волге зоны подстепных ильменей на границе нынешнего Наримановского района Астраханской области и территории города Астрахани.

Все эти обстоятельства не позволяют мне на данный момент соотнести Самосдельское городище с упоминаемым Рубруком Суммеркентом.

Значит, необходимо пересмотреть возможный маршрут Рубрука, и поискать путь более короткий, но при этом связанный с каким-либо известным памятником археологии в дельте Волги.

Таковым может вполне стать путь через верхнюю часть дельты с заходом на городище Мошаик на восточной окраине города Астрахани, на правом берегу реки Болды.

Впервые раскопки на городище были проведены экспедицией под руководством Е.В. Шнайдштейн в 1978 году (Шнайдштейн, 1992). В 1999 году оно исследовалось Д.В. Рябичкиным при участии автора настоящей статьи и Т.Ю. Гречкиной (Васильев, 2001. С. 48-54), а с 2002 года изучается С.А. Пантелеевым (Пантелеев, 2008. С. 198-205; Пантелеев, 2010. С. 59-64). На могильнике городища были исследованы захоронения, датирующиеся периодом IX-XII вв., что синхронизирует данный памятник с Самосдельским городищем, а анализ керамического материала, произведённый П.В. Поповым (Попов, 2008. С. 206-226), указывает на культурное родство данных археологических объектов.

При таком маршруте Рубрук со спутниками должен был последовательно пересечь следующие водные преграды, выйдя из Сарая на месте нынешнего Красного Яра: Бузан, Картуба или же Белый Ильмень, Болда. Преодолев эти реки, путешественник попадал на городище Мошаик, а дальнейший путь его лежал на запад, при этом ему преградила бы путь лишь одна широкая река – собственно Волга – и неширокий Казачий ерик. Количество малых рек при таком проложении маршрута – четыре или пять. Пройденное расстояние при пересечении дельты в данном месте от Красного Яра через Мошаик до правобережья Волги составит примерно 37 км, что близко к ширине поймы в «свыше 7 льё», указанной Рубруком. Кроме того, местность в северной части дельты гораздо суше, чем в её центральной части, что значительно упрощает сухопутную переправу именно в данном месте.

Описание города Суммеркента, приведённое выше, вполне справедливо и применительно к городищу Мошаик. К сожалению, ограниченный характер раскопок и слабая изученность стратиграфии, а также полное отсутствие хронологических колонок не

позволяют на настоящий момент с уверенностью говорить о подробностях жизни городища, неясны его размеры и интенсивность обживания на разных хронологических этапах. Однако, именно расположение городища, а также наличие на нём значительных слоёв золотоордынского времени позволяют нам сделать осторожное предположение о соотношении именно городища Мошаик с Суммеркентом, о котором говорит Рубрук.

В связи с рассмотрением вопроса о путешествии Рубрука через дельту Волги позволю себе сделать ещё одно интересное наблюдение, касающееся расположения ставки Сартака.

В.Л. Егоров в своё время предположительно размещал ставку Сартака на месте Енотаевского городища, между сёлами Енотаевка и Сероглазово на правом берегу Волги (Егоров, 1985. С. 117). Однако, как археологический памятник Енотаевское городище не существует. Похоже, что Енотаевское городище – это умозрительно выведенный памятник, который должен был теоретически находиться на месте переправы через Волгу напротив Селитренного городища. К тому же, предположение, сделанное нами по поводу локализации Сарая на Красноярском городище, требует пересмотра мнения в отношении расположения ставки Сартака.

Я уже говорил выше о наиболее вероятном её местонахождении у границы зоны подступных ильменей с полупустыней, на правом (западном) берегу Волги. Сюда же выходит последний описанный мною маршрут переправы через дельту Волги.

На этой территории волжского правобережья уверенно локализуются остатки города Хаджи-Тархана. До сих пор это городище является единственным золотоордынским городским памятником на правом берегу Волги от Волгограда до нынешней Астрахани. Можно предположить причину возникновения города Хаджи-Тархана – обслуживание переправы через дельту, формирование караванов в сторону Северного Кавказа и Крыма.

Можно также предположить, что упоминание Рубрука о ставке Сартака на западном берегу Волги, где был построен новый посёлок с церковью, которое датируется октябрём 1254 года, является первым упоминанием в письменном источнике о городе Хаджи-Тархане. Эта версия, основанная на том факте, что ставка Сартака располагается напротив ставки Бату на противоположном берегу реки, выглядит весьма правдоподобной, однако нуждается в дополнительной проверке.

Список литературы:

Ал Гарнати, 2000. Ал-Гарнати о гузах, печенеггах, хазарах и булгарах // Из глубины столетий. – Казань: Тат. кн. изд-во. – С. 98-99

Васильев Д.В., 2001. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Астрахань.: АГПУ.

Васильев Д.В., 2004. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 1-5 ноября 2004 г. Тезисы докладов. – Волгоград: ВолГУ. – С. 264-269.

Васильев Д.В., 2007. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. – Астрахань: ИД «Астраханский университет». – 192 с.

Васильев Д.В., 2009а. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (архе-

олого-статистическое исследование). – Астрахань: ИД «Астраханский университет». – 179 с.

Васильев Д.В., 2009б. К вопросу о местонахождении первой столицы Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XIV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. – Казань: АН РТ. – С. 436-445.

Васильев Д.В., 2010. Результаты изучения слоёв золотоордынского времени на Самосдельском городище в дельте Волги (по материалам раскопа №2) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11-16 октября 2010 г.). – Уфа: БГПУ. – С. 338-339.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. – Донецк: ДНУ. – С.83-123

Гильом де Рубрук, 1957. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И.Малеина. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры. – 270 с.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М.: Наука. – 248 с.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2006. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000-2004 гг. // РА. № 4. – С. 24-35.

Костюков В.П., 2006. Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №1-2. – С. 177-207.

Образование Золотой Орды, 2008. Улус Джучи Великой Монгольской Империи (1207-1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. – Казань: Тат. кн. изд-во. – 480 с.

Пантелеев С.А., 2008. Бугор Татарский – грунтовый могильник городища Мошаик / Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. – Волгоград: ВолГУ. – С. 198-205.

Пантелеев С.А., 2010. О датировке городища Мошаик // Астраханские краеведческие чтения. Вып. II. – Астрахань: Изд-во Сорокин Р.В. – С. 59-64.

Пачкалов А.В., 2002. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археологія та етнологія Східної Європи : матеріали і дослідження. Т. 3. – Одеса: Друк. – С.177

Пачкалов А.В., Скисов С.Ю., 2009. Нумизматические находки на Красноярском городище в Астраханской области // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция : тез. докл. и сообщ. – М. – С.75-76

Пачкалов А.В., 2010. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.) – Астрахань: ИД «Астраханский университет». – С. 332-340.

Попов П.В., 2008. К вопросу о датировке городища Мошаик // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. – Волгоград: ВолГУ. – С.206-226.

Скисов С.Ю., 2010. Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища в золотоордынский период // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). – Астрахань: ИД «Астраханский университет». – С. 375-384.

Шнайдштейн Е.В., 1992. Средневековый Мошаик // Материалы четвертой краеведческой конференции. Ч. II. – Астрахань. – С.3-11

А.В.Егоров.
ТЮРКСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА НАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ
СОВРЕМЕННОЙ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье обобщаются сведения из археологических, этнографических и исторических источников, связанные с тюркизацией Вятско-Камского района, выделяются этапы тюркизации, делается вывод о том, что население территории Кировской области с древнейших времен испытывало тюркское воздействие.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Вятско-Камский регион, тюркизация

A.V. Egorov
TURK INFLUENCE ON THE MEDIEVAL POPULATION OF THE TERRITORY OF
THE CONTEMPORARY KIROV REGION

The paper summarizes archaeological, ethnographical and historical sources related to the Turkization of the Vyatka-Kama region. The stages of Turkization are presented with the conclusion that the population of the Kirov region had been subjected to Turkic influences since ancient times.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Vyatka-Kama region, Turkization

Тюркские народы с древнейших времен оказывали воздействие на автохтонное население Вятско-Камского региона. Сегодня татары составляют 2,2% населения современной Кировской области, оказывают значительное влияние на финно-угорские этносы этой территории (URL: <http://www.ako.kirov.ru/region>). Появление тюркской этнической группы традиционно связывается с булгарами и образованием государства Волжская Булгария. Однако есть данные и о более раннем появлении тюрков на территории области. Как верно отмечает Е. П. Казаков: «В природно-географическом отношении Урало-Поволжье и Прикамье чрезвычайно благодатны для проживания коллективов людей с различным хозяйственным укладом.... В крае сказывались все эпохальные политические события Евразии...» (Казаков, 1999. С. 23). Одним из таких эпохальных событий стало Великое переселение народов, положившее начало движению гуннов на запад.

А. Х. Халиков считал, что «тюркизация края, проходившая в виде неоднократных внедрений в край тюркоязычных, тюрко-угорских племен, начинается в первой половине I тыс. н. э. Первые волны древнейших тюркоязычных племен ... докатываются до берегов Волги и Камы в III–IV вв. н. э., когда в крае наблюдается значительное изменение этнической карты» (Халиков, 1980. С. 373). Именно в III в. на Вятке отмечается появление инородного населения, оставившего на территории Кировской области (в основном на юге) курганные могильники (Азелино, Суворово) и необычные воинские захоронения в Худяковском (погр. 88) (Голдина, 2004. С. 254). Позже, в конце IV – V вв. такое же инородное население оставит некоторые погребения в бескурганых некрополях Тюм-Тюм и Первомайский (Голдина, 2004. С. 259). В них в основном погребены молодые мужчины-воины с большим количеством оружия, не характерного для автохтонного населения края. Существуют разные версии этнической интерпретации этих памятников: автохтонная (Генинг, 1963), гото-славянская (Голдина, 2004), сарматская (касательно могильника Тюм-Тюм) (Ошибкина, 2010. С. 61-

63). Нисколько не умаляя выводы уважаемых ученых, позволим себе вслед за А. Х. Халиковым и П. Н. Старостиным указать на некоторые тюркские параллели этих памятников. Курганный тип могильников сам по себе более характерен для степных кочевников, кроме того, женские головные уборы в виде шапочки-такьи, найденные в азелинских могильниках, обнаруживают прямые параллели с чувашской тухьей, имеющей явно тюркское происхождение (Халиков, 1971. С. 20). Профессор А. В. Богачев считает население, оставившее необычные захоронения на Вятке, пришедшим из среды, культурно и этнически близкой к гуннам, а точнее к гунно-уграм, которых можно индентифицировать с хунгурами Иордана. Вывод обосновывается находками в могильниках гуннских наборных поясов с двукружковыми накладками. Находки этих поясов маркируют движение гуннов из-за Урала в Северное Причерноморье (Кубей), а затем и в Прикамье (Азелино, Худяки и др.) (Богачев, 2007. С. 21).

Очевидно и воздействие пришлого населения на местные племена ломоватовской культуры на севере Кировской области. Это ярко демонстрируют памятники харинского этапа ломоватовской культуры (V-VI вв.), расположенные также и в Афанасьевском районе области. Можно выделить целый ряд вещей, которые встречаются в харинских памятниках, не являясь атрибутом азелинских и мазунинских. Интерес представляют обломки наконечников ремней и височные подвески-лунницы, украшенные зернью и вставками. Данные предметы характеризуются стандартной манерой украшения, присущей полихромному стилю гуннского времени. Центром изготовления таких предметов было Северное Причерноморье, а точнее – Пантикапей (Голдина, 1985. С. 125-126). Показательно, что и на дальнейших этапах культуры появляются поясные накладки, но уже тюрко-сибирского (VII-VIII вв.) (Голдина, 1985. С. 130) и салтово-маяцкого типов (VIII-IX вв.) (Голдина, 1985. С. 132). Пришлое население характеризуется появлением курганных могильников и развитым культом коня, что позволяет предположить их тюркское происхождение. Важно отметить, что пришельцы вступили во взаимодействие с финно-угорскими племенами и, в силу своей малочисленности, поглощались ими. Во всяком случае, до рубежа VI-VII вв. заметных изменений в этнической карте региона не произошло (Кузеев, Иванов, 1986. С. 6).

Как видно, определенное инокультурное воздействие на население территории Кировской области, получившее начальный импульс в эпоху Великого переселения народов, имело место быть. В этой связи довольно интересны проведенные тюркские параллели в культуре этого населения, ведь, как справедливо отмечал В. Ф. Генинг: «Понять сложнейшие события этого времени в Прикамье можно лишь в неразрывной связи с теми событиями, которые происходили в степях юга, и, прежде всего, с грандиозным движением кочевых орд гуннов, ворвавшихся в 70-х годах IV в. в Восточную Европу» (Генинг, 1963. С. 14). Однако вопрос окончательно решенным считать нельзя, он требует дальнейшего изучения.

В VI-VII вв. наблюдается вторая волна тюркизации, связанная с эпохой Великого тюркского каганата, повлекшая за собой новое изменение этнической карты Поволжья и Приуралья, и сопровождавшаяся усилением в этом районе смешанных тюрко-угорских (оногурских) племен (Халиков, 1980. С. 374). Свидетельством этих процессов, по мнению А. Х. Халикова, являются многочисленные находки в Приуралье и Прикамье кладов (более 75 пунктов) так называемого восточного серебра. Показательно, что большинство предметов (серебряные сосуды, украшения, монеты и т. п.), содержащиеся в этих кладах, относятся к V-VIII вв. и являются произведениями сасанидских и византийских мастеров. Они, очевидно, попали в руки тюркских

и союзных с ними воинов при тех многочисленных войнах, которые тюркюты во второй половине VI в. вели на территории Ирана и подчиненных Византии провинций (Халиков, 1978. С. 49). Значительное количество кладов таких предметов, самые ранние из которых датированы VIII в., обнаружено и в Кировской области в основном в бассейнах рек Вятки, Чепцы (Мокерова, 1995. С. 36) и верховьях Камы (Афанасьевский район) (Бердинских, 2005).

Следующий этап тюркского влияния на территорию Кировской области связан с процессом образования в IX-X вв. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье раннефеодального Булгарского государства. Очевидна вовлеченность населения территории области в сферу торговых интересов булгар, однако, самих булгарских поселений пока не выявлено. М. Г. Худяков отмечает в Малмыжском районе у с. Старый Бурец урочище «Болгары», покрытое целой группой неопределенных курганов. Согласно преданиям местных мусульман, булгары после разрушения г. Булгара, основали целый Бурецкий край и оказывали на местных финно-угров сильное культурное влияние (Худяков, 1917. С. 46-47). Однако более подробные сведения могут дать только новые археологические разведки на юге области.

Поступательное развитие экономической и культурной жизни Волжско-Камской Булгарии было нарушено в 20-30-е гг. XIII в. нашествием монголов (Фахрутдинов, 1975. С. 50). Дальнейшее влияние на территорию современной Кировской области оказывали уже монголо-татары. К этому времени на Средней Вятке русскими поселенцами образуется Вятская земля. Взаимоотношения населения Вятской земли с Волжской Булгарией, Золотой Ордой и Казанским ханством оставались на протяжении XIII-XV вв. достаточно напряженными. Об этом свидетельствуют данные русских летописей и некоторых других письменных источников, повествующих об исключительно враждебном характере этих контактов (Макаров, 2001. С. 143). Следует упомянуть разграбление новгородскими ушкуйниками Булгара и похода на Сарай в 1374 г., поход татарского войска во главе с царевичем Бектутом на Вятскую землю в 1391 г. во время которого были опустошены русские и финно-угорские поселения, взят и разрушен город Вятка. Довольно регулярно золотоордынские, а затем и казанские ханы совершали набеги на Вятскую землю (например, походы хана Ибрагима в 1468 и 1478 гг.), но получали отпор и не смогли подчинить ее своей власти (Эммаусский, 2009. С. 31). Эти походы оставили отчетливый след в памяти поколений. Так, в 2010 г. разведотрядом Вятской археологической экспедиции под руководством А. Л. Кряжевских в деревнях Кирово-Чепецкого района были собраны местные предания о битвах с татарами, указаны болотистые места (с характерным названием «поганник»), куда якобы сбросили трупы татар. Местные жители сообщали о находках старинного оружия около таких «поганников». В самом районе довольно многочисленны топонимы, связанные с татарами.

Поселений золотоордынского периода в области также не обнаружено. Однако Д. А. Салангин, анализируя керамический материал вятских памятников (Хлынов, Никульчинское II поселение, Котельнич, Спасское селище, Казаковцевское I поселение), выделяет на них особую «татарскую» группу керамики, наличие которой отражает влияние татар на гончарство населения Вятской земли. Более того, автор отмечает, что «ее появление на территории Вятского края связано с переселением в XIV в. какой-то части татар на Вятку. Наиболее реальным исходным регионом

носителей «татарской» керамики можно считать территорию Арского княжества» (Салангин, 2002. С. 244-245). Действительно, где-то в начале XV в. по приказу хана Тохтамыша на Вятку были переселены татары из Арской земли. Они обосновались на Нижней Чепце с центром в с. Карине (совр. Слободской район) и получили название арских князей (Эммаусский, 1995. С. 17-18). Но, учитывая наличие массы «татарской» керамики на других памятниках, можно предположить и дальнейшее расселение татар из с. Карино (или сразу из Арского княжества) в Хлынов, Спасское селище и Казаковцевское I поселение (на них обнаружено больше всего «татарской» керамики – более 2% от общего числа). Пребывание татар в бассейне р. Чепца в XIV в. подтверждается и находками джучидских (золотоордынских) монет (Мокерова, 1995. С. 37).

Существуют предания, собранные на юге области около пос. Санчурск во время подворной переписи XIX в., которые сообщают о наличии здесь в древности татаро-марийского городка. Важно отметить, что наряду с марийцами вокруг Санчурска на момент переписи компактно жили татары. Об этом также свидетельствует много преданий. Судя по топонимам, татары жили в д. Городище Санчурского района (ГАКО Ф.170. Ед.1. Д.96. Л.12). На наличии татар указывает и находка золотоордынских монет «в большом количестве» в реке около поселка (Мокерова, 1995. С. 50). Можно допустить, что если татары составляли значительную часть населения около Санчурска, то вполне вероятно и подчинение им марийцев. Тогда марийские предания о Санчурске, как о центральном городе, ясно объясняются, без учёта марийских «князей» и «царей». Возможно, в Санчурске жили дружественные Казани мурзы или князья, владевшие покорёнными местными марийцами. Вместе с князьями селились здесь и простые татары. Это подтверждают предания в деревнях бывш. Малошгловской волости. Но, видимо, власть татар не простиралась дальше санчурской округи, так как в остальных местностях преданий о татарах неизвестно. И даже наоборот, предания говорят о том, что марийцы были вытеснены из-под Казани пришельцами «турками, кем ли...» (т.е. видимо татарами) в Яранский район, но «здесь зажили спокойно», о подчинении татарам не упоминается (ГАКО Ф.170. Ед.1. Д.96. Л.12). Вопрос о заселении татарами местности около пос. Санчурска нуждается в дальнейшем уточнении.

Население территории Кировской области с древнейших времен испытывало тюркское воздействие. И хотя многие вопросы, особенно вопрос ранней тюркизации, решенными считать нельзя, влияние тюркского компонента в эпоху средневековья очевидно. Высказанные предположения, безусловно, требуют дальнейшего подтверждения археологическими и этнографическими материалами.

Список источников и литературы:

- Бердинских В. А., 2005. История кладоискательства в России. – М.: Захаров. – 240 с.
- Богачев А. В., 2007. Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграций в Волго-Камье на рубеже IV-V веков // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. – Оренбург: ОГПУ. – С. 14-23.
- Генинг В. Ф., 1963. Азелинская культура III-V вв. // ВАУ. Вып. 5. – Свердловск-Ижевск: УрГУ. – 160 с.
- Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: ИИУ. – 280 с.
- Голдина Р. Д., 2004. Древняя и средневековая история удмуртского народа. –

Ижевск: УдГУ. – 422 с.

Заселение русскими людьми Яранского уезда // ГАКО Ф.170. Ед.хр. 1. Д.96. Л.1-96.

Казаков Е. П., 1999. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. № 1-2 (4-5). – Казань. – С.23-38.

Кузеев Р. Г., Иванов В. А., 1986. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа: БФАН СССР. – С. 5-18.

Макаров Л. Д., 2001. Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской земли // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань: «Мастер-Лайн». – С. 143-145.

Мокерова Е. Ю., 1995. Клады и находки монет VIII-XVII вв. на территории Вятского края (хронология и топография) // Монета. – Вологда: Ардвисура. – С. 34-63.

Ошибкина С. В., 2010. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных исследований. – Т. 13. – М.: ИА РАН. – 211 с.

Правительство Кировской области [электронный ресурс]. URL: <http://www.ako.kirov.ru/region> (доступ свободный).

Салангин Д. А., 2002. Об одной из этнокультурных групп керамики Вятского края // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Т. 4. – Ижевск: УдГУ. – С. 239-254.

Фахрутдинов Р. Г., 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Таткнигоиздат. – 220 с.

Халиков А. Х., 1971. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова АН СССР. – С. 7-36.

Халиков А. Х., 1978. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань: Тат. кн. изд-во. – 160 с.

Халиков А. Х., 1980. Этапы этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья / Проблемы современной тюркологии. – Алма-Ата: Наука КазССР. – С. 372-376.

Худяков М. Г., 1917. Древности Малмыжского уезда. – Вятка: Губ. тип. – 59 с.

Эммаусский А. В., 1995. Вятка XII-XV веках // Энциклопедия земли Вятской. – Т. 4: История. – Киров: ГИПП «Вятка». – С. 12-27.

Эммаусский А. В., 2009. Исследования по истории Вятской земли. – Киров: ВятГГУ. – 320 с.

З.Г. Шакиров.
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В
ОКРУГЕ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА

За большой период археологических исследований Биляра и его окрестных памятников накоплен значительный материал, открывающий возможности углубленного анализа и обобщения. В статье обобщаются данные, связанные с историей открытия и изучения археологических памятников в округе Билярского городища, начиная с XVIII в. и до наших дней.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, археологические памятники, округа Билярского городища

Z.G. Shakirov

THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL SITES EXAMINATIONS IN THE AREA
OF THE BILYAR SETTLEMENT

During the long-term archaeological research in the area of Bilyar and related sites substantial material has been collected. It provides opportunities for in-depth analysis and generalization. The paper summarizes materials, connected with the history of discovery and examination of archaeological sites in the area of the Bilyar settlement from the XVIII century up to now.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, archaeological sites, the area of the Bilyar settlement

В исследовании Билярского региона основное внимание уделялось, естественно, всемирно известному городищу с его огромными размерами – археологическим остаткам домонгольской столицы Волжской Болгарии (Халиков, 1976. С. 5-56; Хузин, 1995. С. 14-34).

По нашему мнению, округа Биляра представляет собой район в среднем течении р. Малый Черемшан радиусом около 20 км от Билярского городища, и площадью около 1500 кв. км в пределах лесостепной природной зоны. Она являет собой компактное скопление населённых пунктов, местами срастающихся в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями вокруг одного крупного ядра – Биляра. Рассматриваемая округа Билярского городища охватывает бассейн р. Малый Черемшан, вытянутый с северо-востока от с. Чувашский Елтан (Крещелтанское городище) на юго-запад до с. Старое Камкино (Старокамкинское городище). Выделяемая округа частично захватывает территории за водоразделом Малого Черемшана, в северо-западной части – это верховья речек, впадающих в р. Волга, в северной – в р. Каму, в юго-восточной части – в р. Большая Сульча. В археологическом плане эта территория представляет собой ядро домонгольской Волжской Болгарии и относительно развитую периферию Золотой Орды, сформировавшуюся на его основе.

Начало изучению археологических объектов было положено в 1769 г. Н.П. Рычковым, который упомянул «старинный городок, валами укрепленный» у речки Баранки и обследовал «сделанные наподобие палат» руины каменных зданий, расположенные на высокой горе Балыгуз в верстах трех от Билярска; вокруг многочисленных развалин зафиксировал «множество стоящих и в землю утвержденных камней», т.е. болгарских эпитафий, высота которых составляла около двух с половиной аршин. Они были «исписаны арапскими и татарскими словами». За развалинами в довольно хорошей сохранности находились глубокие рвы и высокие валы обширного болгарского города. Н.П. Рычков предполагал, что «онные валы служили защитой каменных

гробниц и внизу стоящего города», т.е. Биляра (Рычков, 1770. С. 4, 15-18).

О мусульманских надгробиях на Балынгузе, к которым «татара ездят на оныя для поклонения», сообщал также Капитон Милкович, проводивший в 1799–1803 гг. генеральное межевание в Билярске. Милкович же дает подробное описание Новоальметьевского городища «с одной стороны при городке течет речка Мураса с другой – речка Гирей», двух городищ у села Щербень, «а около их на немалом пространстве остатки бывшего строения» из камня и кирпича» (Борисов, 1898. С. 511-514; Порфирьев, 1904. С. 11). Примечательно его упоминание о земляном городке «в дачах» деревни «Татарского Кереметя... при речке Кереметь» (Борисов, 1898. С. 514), ныне это с. Старая Киреметь, описание которого отсутствует в Своде памятников археологии РТ (Свод ..., 2007).

В XIX в. Билярскому городищу с окрестностями большое внимание уделяли посещавшие их краеведы, собиравшие отдельные вещи и оставлявшие иногда краткие записки. В 1812 г. адъюнкт Казанского университета П. Кондырев «переезжал из одной татарской деревни в другую, расспрашивая и разведывая дружески о древностях Билярских», осмотрел «за 10 верст в одной чувашской деревне надгробный памятник» Святой ключ – «место за четыре версты от Билярска, откуда течет вода, называемая святою и место моления Татар», Балынгуз «священную у Татар гору», посетил городища Балынгузское и Горкинское II «на горах, четыре городка вместе», Новоальметьевское «в татарской деревне Алметево», Старокамкинское «близ деревни татарской Камкино, от Билярска верстах в 30» (Шпилевский, 1877. С. 549-551).

Билярские древности описывали К.М. Френ, приобретший в 1815-1820 гг. находки (Халиков, 1985. С. 9), издатель казанского журнала «Заволжский муравей» Н. Рыбушкин, посетивший эти места в 1832 г. и сообщивший, что на Балынгузе «надгробных камней уже не существует» (Рыбушкин, 1883. С. 194-197), в 40-х годах XIX в. пометки сделал Казанский военный губернатор А. Второв (Второв, 1840. С. 203-204).

Интересны сведения середины XIX в. казанского краеведа Н.Ф. Толмачева о находках изразцов на горе Балынгуз и следах разрушенных зданий на его западном склоне (Халиков, 1976. С. 14), А.И. Артемьева о большом количестве древних «городков» (Артемьев, 1851. С. 56-74), П.С. Савельева о кладах куфических монет, найденных в 1853 и 1857 гг. близ Билярска (Шпилевский, 1877. С. 364), а также профессора С.В. Ешевского об артефактах (Ешевский, 1859. С. 134-140).

В фундаментальном исследовании С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии» отмечены отдельные находки и ряд памятников археологии, касающихся исследования (Шпилевский, 1877). Это городище «в 4 верстах от дер. Бабаевы Челны», вероятно, находившееся в районе современных сел Бибаево и Старые Челны, уточняется местоположение городищ Старокамкинского «при дер. Стар. Камкиной и выселке Студенец», Новоальметьевского, а также курганов – «насыпи называемая народом марами» при деревнях «Нов. Альметево, Ст. Альметево, Кульбаева Мураса, Нов. Амзя, Курналях» (Шпилевский, 1877. С. 327, 347-348). Кроме вышеуказанных, Шпилевский приводит материалы об обширном Николаев-Баранском II городище, расположенном «при с. Никольский Баран», Щербеньском I и II городищах на одноименной речке (Шпилевский, 1877. С. 356-367).

Довольно обоснованны предположения, приводимые М.Н. Аристовым об источнике камня «между Бутлеровкою и Арбузовым Бараном» для строительства на Билярском городище (Аристов, 1879. С. 100-102), В.А. Казаринова о древности по-

селения Татарская Багана – «аул Багана» (Казаринов, 1879. С. 109-110).

Наиболее полное обследование Билярского городища и памятников его окрестностей осуществил в 1881 г. В.А. Казаринов. Он обследовал расположенные к северу от Биляра «несколько городищ, более или менее замечательных по величине; эти укрепления должны были иметь тесную связь с древним городом Бюляром». Это Балынгузские городище и кладбище с надгробиями, Горкинское I «на полях, принадлежащих деревне Нижней Татарской Майне, Николаев-Баранские I и II городища, а также над «Святым ключом» «шеломы» один из которых – «палати» со «следами каменного строения», он отнес их к числу булгарских памятников X-XIV вв. для которых были даны подробные размеры и конструктивные особенности укреплений (Казаринов, 1884. С.115-126).

В 1915 г. экспедиция П.А. Пономарева с участием М.Г. Худякова, работавшая на Билярском городище по заданию Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), проводила разведки и в его окрестностях. Были осмотрены известные памятники над Святым ключом, в районе Балынгуза, открыты раннебулгарское поселение на рч. Акушке и «кочевнические» курганы у Шаминской дороги. Раскопки одного из них обнаружили погребение с лепным сосудом и частичным конем (Пономарев, 1919. С. 45-47; Худяков, 1919. С. 59-66).

После исследований П.А. Пономарева район Билярского городища в течение почти полувека не привлекал внимание археологов. С начала 1960-х гг. был проведен ряд сплошных разведок, позволивший картографировать археологические памятники в Западном Закамье, бассейне р. Малый Черемшан и в округе Билярского городища, в частности. Летом 1962 г. III отрядом Татарской археологической экспедиции (ТАЭ) П.Н. Старостина в среднем течении р. Малый Черемшан пройден маршрут от с. Билярск до с. Алпарово (Старостин, 1963. С.186-243), а экспедицией Государственного музея ТАССР под руководством С.В. Морозовой проведены разведки по правому берегу р. Малый Черемшан (Ефимова, 1980. С.113-123). В 1964 г. разведочными поисками III отряда ТАЭ под руководством Р.Г. Фахрутдинова с участием Р.С. Габяшева в бассейне М. Черемшана открыты десятки новых булгарских памятников в Чистопольском, Алексеевском, Аксубаевском, Алькеевском районах ТАССР (Фахрутдинов, 1965. С.1-3, 40-194, табл. XX-XXXII), описанные в ряде статей и монографии Р.Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1967; 1969; 1975).

Последующие археологические исследования в округе Биляра начались в 1967 г. с планомерных раскопок на самом городище, проводившихся в течение двух десятилетий объединенной археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР и КГУ под руководством проф. А.Х. Халикова. Сотрудники экспедиции ежегодно обследовали средневековые памятники Билярской округи, проводя иногда небольшие раскопки на них.

В 1971 г. С.В. Кузьминых прошел по двум маршрутам между с. Николаевский Баран и Арбузов Баран, по речке Баранке и ее притокам – Ямберд и Желтый (Кочкарь), также по р. Малый Черемшан в окрестностях д. Горки и Татарская Майна (Кузьминых, 1972. С.1-16). Параллельно с Билярским городищем в 1973 и 1974 гг. произведена аэрофотосъемка его ближайших окрестностей (Халиков, 1974. С.5-15; Игонин, Халиков, 1976. С. 57-60). Наблюдения Билярской археологической экспедиции (БАЭ) 1974 г., проведенные в кювете дороги на Шаму, позволили заложить представления о стратиграфии «посада-пригорода» в этой части (Халиков, Хузин,

1975. С. 125-129), а в 1975 г. исследованиями Ф.Ш. Хузина данные разведочных работ по периметру внешнего кольца валов Билярского городища значительно расширили наши представления о прилегающих селищах (Хузин, 1976. С.125-173). Кокориной Н.А. в 1981 и 1982 гг. проведены рекогносцировочные раскопки на Билярском III селище и Балынгузских городище и селище (Балынгузское IV селище) (Кокорина, 1982. С. 16-50; 1983. С. 1-35). Изучение северо-западной округи Билярского городища 1983 г. примечательны раскопками на раннемусульманском Николаев-Баранском могильнике, частично перекрытом сверху слоем болгарского поселения X–XI вв., на Балынгузском городище и I–III селищах (Халиков, 1984. С. 90-159; Дроздова, 1997. С. 29-32). В 1990 г. разведочным отрядом ИЯЛИ КНЦ АН СССР под руководством Ф.Ш. Хузина обследовались археологические памятники по проектируемому туристическому маршруту «Серебряная дуга», в том числе, Николаев-Баранские I-II, Балынгузское, Горкинские I-II, Старотатадамское городища, многочисленные селища вокруг них, несколько мусульманских могильников домонгольского и золотоордынского времени, ряд эпиграфических памятников (Хузин, 1991. 161 с.; Хузин, Измайлов 1991а. С.151-153).

Все исследователи отмечали большую концентрацию болгаро-татарских памятников (более 400) в бассейне М. Черемшана, исторически обусловленную расположением в этом районе столичного города Биляра (Фахрутдинов, 1969, С.226; Казаков, Старостин, Халиков, 1987. С. 36; Хузин, Измайлов 1991. С.152). Ф.Ш. Хузин отмечал, что начальный этап исследований по теме «Булгарский город и его округа» должен быть связан с определением количества поселений и могильников, сосредоточенных вокруг крупных городских центров и находившихся в сфере экономического и административно-политического контроля этих центров (Хузин, 1993. С. 21-22). Впервые такая работа была проведена А.Х. Халиковым при подготовке к изданию Археологической карты Татарстана. Согласно его данным, к Билярской округе, включающей бассейны М. и Б. Черемшана, Ахтая и Бездны и далее левобережье Камы до устья р. Шенталы, тяготеют около 40 городищ и не менее 300 селищ (Казаков, Старостин, Халиков. 1987, С. 36). Со слишком преувеличенными размерами билярской округи не согласился Ф.Ш. Хузин. По его мнению, ближайшую округу Биляра составляют памятники (23 городища, 236 селищ и 20 могильников), «расположенные примерно в радиусе 15–20 км от него – в бассейне верхнего и среднего течения Малого Черемшана от Чувбродского городища на юго-западе и до Изгарского на северо-востоке, а также некоторые поселения на Мал. Сульче и среднем течении Бол. Сульчи» (Хузин, 1993. С. 22).

Начиная с конца 1990-х гг. археологи приступили к более углубленному изучению ближайших к Биляру средневековых поселений. Среди последних – Билярские II и III селища – остатки золотоордынского Биляра на левом берегу М. Черемшана, исследованные археологической экспедицией КГУ под руководством С.И. Валиулиной, Е.А. Беговатова (Валиулина, 1997. С.21-24; 2001. С.216-243; Валиулина, Беговатов, 1999. С. 107-109; Беговатов, 2001. С. 148-159; Беговатов, Шакиров, 2002. С. 56-59; Шакиров, 2002. С.172-174 и др.). Огромный интерес представляет клад серебряных куфических дирхемов последней четверти X – начала XI вв., обнаруженный на Билярском II селище (Беговатов, 2003. С. 71-72; 2005. С. 31-42).

В плане изучения возможной преемственности культуры населения домонгольского и золотоордынского времени представляют интерес материалы Балынгузско-

го IV селища, исследованного в 1995 г. археологами Самарского областного историко-краеведческого музея и КГУ (Беговатов, Кочкина, Сташенков, 1997. С.14-16), в 2001 г. З.Г. Шакировым (Шакиров, 2002. С. 110-111). В 2002 г. З.Г. Шакировым производились раскопки Николаев-Баранского I городища (Шакиров, 2004. С. 145-147).

С 1998 г. по наши дни археологической экспедицией КФУ (КГУ) под руководством С.И. Валиуллиной проводятся масштабные исследования на Балынгузском III (Торецком) селище – открытом поселении городского типа, культурный слой которого насыщен огромным количеством находок, датируемых переходным от золотоордынского времени к Казанскому ханству (Валиулина, 2004. С.304-306; 2005. С.337-338; 2004а. С.157-191; 2009. С.437-440 и др.). В рамках мониторинга археологических памятников Республики Татарстан К.А. Руденко (1996-97 гг.) (Руденко, 2007 и др.), автора (1998, 2007 гг.) (Шакиров, 1998; 2011. С. 276-281), А.В. Беляева (2009 г.) (Беляев, 2009), а также сотрудника Билярского заповедника А.В. Худякова (2000-2001 гг.) (Худяков, 2002. С.115-117) обследованы практически все, и выявлен ряд новых поселений, относящихся к билярской округе.

На сегодняшний день на выделяемой территории учтено 37 отдельно стоящих курганов и курганных групп, 41 стоянка и поселение, предположительно увязываемые со срубной КИО, 16 именьковских поселений, 16 городищ, 203 селища, 17 могильников, курганный комплекс и кладбища с надгробиями X-XV вв. Таким образом, за большой период археологических исследований Биляра и его окрестных памятников накоплен значительный материал, открывающий возможности углубленного анализа и обобщения.

Список литературы и источников:

Аристов М.Н., 1879. О возможности существования каменоломен в окрестностях пригорода Билярска // ИОАИЭ, Т. II. – Казань: Каз. ун-т. – С.100-102.

Артемов А., 1851. Древний болгарский город Джукетау // ЖМВД, Ч.XXXIII. №1 – С.56-74.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан, 1990. – Казань: КФ АН СССР. – 112 с.

Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 1997. Балынгузское IV селище (к вопросу о преемственности культуры двух эпох) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. – Казань: ГОМ РТ. – С.14-16.

Беговатов Е.А., 2001. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. – С.148-159.

Беговатов Е.А., 2003. Билярский клад куфических монет конца X – начала XI вв. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб.: ГЭ. – С.71-72.

Беговатов Е.А., Шакиров З.Г., 2004. Итоги исследования Билярского II селища // Археологические открытия в Татарстане. 2002 год. – Казань: Школа. – С.56-59.

Беговатов Е.А., 2005. Заметка по нумизматике прикаспийских государств рубежа X–XI вв. (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зийариды) // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). – Казань: Школа. – С. 31-42, табл. С. 216-218.

Беляев А.В., 2009. Отчет об археологических разведках в бассейне реки Киреметь в Аксубаевском районе РТ в 2009 г. // НФ МА РТ. – 47 с.

Борисов В.Л., 1898. Историографическое описание о Казанской губернии Капитона Милковича // ИОАИЭ, Т. XIV. Вып. 5. – Казань: Тип. имп. ун-та. – С. 497-518.

Валиулина С.И., 1997. Билярское III селище. (К вопросу о Биляре золотоордынского периода) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. – Казань: ГОМ РТ. – С. 21-24.

Валиулина С.И., Беговатов Е.А., 1999. Исследования Билярского городища и памятников в его округе // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – М.: ГИМ. – С. 107-109.

Валиулина С.И., 2001. Золотоордынский Биляр: начало исследований // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золтой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. – Казань: ИИ АН РТ. – С. 216-243.

Валиулина С.И., 2004. Исследования Балынгуского (Торецкого) III селища // АО 2003 года. – М.: Наука. – С. 304-306.

Валиулина С.И., 2004а. Балынгуское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. № 1-2 (12-13) – С. 157-191.

Валиулина С.И., 2005. Раскопки Балынгуского (Торецкого) III селища // АО. 2004 год. – М.: Наука. – С. 337-338.

Валиулина С.И., 2009. Балынгуское (Торецкое) городское поселение раннего Казанского ханства // Археологические открытия 2006 года. – М.: Наука. – С. 437-440.

Второв А., 1840. Памятники древности в Казанской губернии // ЖМВД. Ч. XXXVII. № 8. – С. 170-218.

Дроздова Г.И., 1997. Исследование окрестностей Билярского городища (по материалам А.Х. Халикова) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. – Казань: Минкультуры. – С. 29-32.

Ешевский С.В., 1859. Заметки о пермских древностях // Пермский сборник, кн. 1. – М. – С. 134-140.

Ефимова А.М., 1980. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа, Волжская Болгария, золотоордынские города, Казанское ханство, коллекции XVI-XVIII вв. – Казань. – 232 с.

Игонин Н.И., Халиков А.Х., 1976. Применение авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей // Исследования Великого города. – М.: Наука. – С. 57-60.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Тат. кн. изд-во. – 240 с.

Казаринов В.А., 1879. Заметки о селениях Чистопольского уезда: Верхнее-Никиткиной, Татарской Багане, Кизляу и Биляр-Озере // ИОАИЭ. Т. II. – Казань: Тип. имп. ун-та. – С. 107-110.

Казаринов В.А., 1884. Описание Билярских и Баранского городищ // ИОАИЭ, Т. III. – Казань: Тип. имп. ун-та. – С. 89-127.

Кокорина Н.А., 1982. Раскоп на III Билярском селище // Отчет о полевых работах на Билярском городище летом 1981 г. Т. II. Архив ИА РАН. Р-1. № 8569. – С. 16-50.

Кокорина Н.А., 1983. Отчет об археологическом исследовании Билярского городища и его окрестностей в 1982 г. Т. II. Архив ИА РАН. Р-1. № 11768 – 40 с.

Кузьминых С.В., 1972. Отчет об археологических разведках в Татарской АССР в 1971 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 4700. – 39 с.

Порфирьев С.И., 1904. Древности Казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ. Т. XX. Вып. 1-3. – Казань: Тип. имп. ун-та. – С.1-16.

Пономарев П.А., 1919. Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 г. // ИОАИЭ. Т. XXX. Вып. 1 – Казань: Тип. имп. ун-та. – С.45-47;

Худяков М.Г., 1919. Разведки в Билярске летом 1915 г. // ИОАИЭ. Т. XXX. Вып. 1 – Казань: Тип. имп. ун-та. – С.59-66.

Рыбушкин Н., 1883. Поездка в Болгары и Билярск // Заволжский Муравей, Ч. I, №4. – С.187-202.

Руденко К.А., 2007. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: Школа. – 244 с.

Рычков Н.П., 1770. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. – СПб.: Имп. Акад. наук. – 327 с.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. 2007. Т.3. – Казань. – 528 с.

Старостин П.Н., 1963. Отчет III отряда ТАЭ за 1962 г. // Отчет о работах Татарской археологической экспедиции в 1962 году. Архив ИА РАН. Р-1. №2447. – С.186-243.

Фахрутдинов Р.Г., 1965. Отчет III отряда археологической экспедиции о разведочных работах, проведенных в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. №2928. – 194 с.

Фахрутдинов Р.Г., 1967. Исследование закамских археологических памятников Волжско-Камской Булгарии в 1965 г. // Тез. док. науч. конф. молодых ученых. – Казань. – С.83-86.

Фахрутдинов Р.Г., 1969. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии // СА. № 1. – С.224-236.

Фахрутдинов Р.Г., 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Таткнигоиздат. – 219 с.

Халиков А.Х., 1974. Отчет о полевых работах Билярской археологической экспедиции за 1973 г. Архив ИА РАН. Р-1. №5053. – 142 с.

Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш., 1975. Отчет о полевых работах Билярской археологической экспедиции за 1974 г. Т. II. Архив ИА РАН. Р-1. №5266. – 179 с.

Халиков А.Х., 1976. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. – М.: Наука. – С.5-56.

Халиков А.Х., 1983. Отчет о полевых исследованиях Билярского городища и его окрестностей летом 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №10163. – С.90-159.

Халиков А.Х., 1985. История накопления Билярских коллекций // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М.: Наука. – С.8-14.

Худяков А.В., 2002. Исследования булгарских памятников в окрестностях Билярского городища (по итогам разведок 2000-2001 гг.) // Материалы XXXIV УПАСК. – Ульяновск. – С.115-117.

Хузин Ф.Ш., 1976. Отчет о работах на Билярском городище и в его окрестностях в 1975 году // Архив ИА РАН. Р-1. №5853. – С.125-173.

Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р., 1991. Отчет об археологических разведках 1990 года в районах Западного Закамья (Куйбышевский, Алькеевский, Алексеевский, Аксубаевский и Чистопольский районы Татарской ССР) // Архив ИА РАН. Р-1. №15274. – 161 с.

Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л., 1991а. Археологические разведки в Западном Закамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Ижевск: АН СССР. – С.151–153.

Хузин Ф.Ш., 1993. Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского

города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН. – С.6–32.

Хузин Ф.Ш., 1995. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. – Казань: ИИ АНТ. – 223 с.

Шакиров З.Г., 1998. Отчет. Археологическая разведка на правом берегу р. М. Черемшан в окрестностях с. Билярск 1998 г. // НФ МА РТ. – 20 с.

Шакиров З.Г., 2002. Склад сфероконов с Билярского II селища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы II Халиковских чтений. – Казань: ИИ АН ТР. – С.172-174.

Шакиров З.Г., 2002. Новые исследования на Балынгузском IV селище // Археологические открытия в Татарстане. 2001 год. – Казань: Школа. – С.110-111.

Шакиров З.Г., 2004. Исследования на Николаев-Баранском I городище // Археологические открытия в Татарстане. 2002 год. – Казань: Школа. – С.145-147.

Шакиров З.Г., 2011. О современном состоянии памятников булгаро-татарского времени округа Биляра // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 11. – Казань: АН РТ. – С. 276-283.

Шпилевский С.М., 1877. Древние города и другие булгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань: Изд. Каз. Импер. ун-та. – X+585+XVI с.

Г.И. ВострокнUTOва.
СОВМЕСТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ С ДЕТЬМИ
БОЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В продолжение тематики изучения особенностей детских захоронений в средневековых могильниках Пермского Предуралья, проводится анализ совместных захоронений взрослых с детьми, выявляются закономерности в особенностях расположения детей по отношению к взрослым, детского погребального инвентаря.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, Бояновский могильник, погребальный обряд, детские захоронения

G.I. Vostroknutova
JOINT BURIALS OF ADULTS AND CHILDREN IN THE BOYANOVSKIY BURIAL
GROUND

In the framework of further studies of children's burials in the medieval burial grounds of the Perm Cis-Urals analysis of joint burials of adults and children is performed. Patterns of the location of children in regard to adults and children's burial inventory are presented.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Perm Cis-Urals, the Boyanovskiy burial ground, burial rite, children's burials

Для изучения детства средневекового общества Пермского Предуралья наиболее информативными являются погребальные памятники. Останки детских костяков встречаются как в одиночных захоронениях, так и в совместных погребениях взрослых и детей. Одиночные захоронения детей Бояновского могильника уже выступали в качестве объекта нашего исследования (Радостева, 2010. С. 170-174). Однако для более целостной и точной картины необходимо исследовать и совместные погребения.

Совместные погребения взрослых и детей представляют особый интерес, поскольку в них наиболее ярко отражаются некоторые особенности погребального обряда: различия сопровождающего инвентаря взрослых и детей, особенности положения ребенка относительно взрослого, соотношение пола и возраста умерших и т.д.

На средневековых памятниках Пермского Предуралья такие погребения встречаются не часто, но они не составляют исключения. Совместные погребения с детьми представлены как двойными погребениями взрослого и ребенка, так и тройными – двое взрослых и ребенок, встречаются и коллективные захоронения четырех индивидов – двое взрослых и два ребенка.

К сожалению, не все исследованные на сегодняшний день памятники имеют антропологические заключения. Это значительно затрудняет исследования по данному вопросу. Поскольку без антропологического анализа мы не можем с достоверностью использовать имеющиеся данные.

При раскопках Бояновского могильника в 2005-2011 гг. антропологические анализы проводились (антропологом КАЭЭ Н.Г. Брюховой), и мы с достоверностью можем говорить о присутствии на данном памятнике детей в совместных со взрослыми погребениях.

Бояновский могильник – один из выдающихся памятников ломоватовской культуры. Раскапывался он В.А. Обориным в 1951, 1953 гг. и А.В. Даничем с 2005 г. по 2011 г. На сегодняшний день вскрыто 264 погребения, памятник датируется концом I –

началом II тыс. н.э. (датировка А.В. Данича) (Данич, 2007а. С. 22).

Двойные погребения Бояновского могильника уже выступали в качестве объекта исследования (Брюхова, 2008, С. 195-198), однако они рассматривались в основном с точки зрения антропологии. В данном исследовании большее внимание уделено сопровождающему инвентарю, возрасту детей, особенностям расположения умерших, соотношению этих погребений с одиночными детскими.

На исследованной части Бояновского могильника выявлено четыре двойных захоронения взрослого и ребенка: №19, №105, №114 и № 116; одно тройное: № 242, одно коллективное (№ 252), в котором захоронено 4 индивида, однако есть основания считать, что не все из них были похоронены в одно и то же время. Поскольку количество совместных погребений невелико и статистический анализ нецелесообразен, обратимся к описанию этих погребений.

Погребение №19

В погребении обнаружены останки двух индивидов – взрослого 20-35 лет и 5-летнего (± 16 месяцев) ребёнка (Данич, 2005. С 24-25). Однако данное погребение было нарушено грабительским вкопом, поэтому оно не может нести достоверной информации.

Погребение №105

В погребении захоронены мужчина, умерший в возрасте 25-35 лет и ребёнок 6 ± 3 месяцев. Мужчина был уложен на спину, головой на север, ноги вытянуты. Руки погребённого были согнуты в локтях, правой рукой мужчина «приобнимал» ребёнка (Данич, 2007б. С. 88.).

Инвентарь, сопровождающий останки детского костяка: пронизь из бронзовых бусин с привеской-колокольчиком, два серебряных височных кольца: справа от погребённого – проволочное, слева – фрагмент височного кольца с привеской в виде бипирамидальной грозди, скопление из 62 стеклянных бусин (Данич, 2007б. С. 85-88.). Судя по расположению бусин, вероятнее всего, они были нашиты на шапочку (или на материал, в который был обернут погребённый). Кроме того, к детскому инвентарю, вероятно, следует отнести пронизь из бронзовых бусин и бронзовой пронизки в виде колокольчика, расположенных немного ниже.

Инвентарь, сопровождающий взрослого индивида: наконечник копья, 6 наконечников стрел, серебряная маска, серебряное проволочное височное кольцо с кубическим окончанием одной из сторон, 2 бронзовых браслета, серебряный перстень, фрагменты кожаного ремня, 2 бронзовые пряжки, кресало, нож, топор, железная пряжка, керамический сосуд (Данич, 2007б. С. 85-88.).

Если сравнить инвентарь, сопровождающий ребенка, с инвентарем взрослого, то можно отметить:

1) более разнообразный и насыщенный инвентарь взрослого индивида.

2) наличие 2 височных колец у ребенка, в то время как у взрослого, – 1. По данным статистики, на детские одиночные захоронения Бояновского могильника приходится 62% встречаемости височных колец, а на взрослые – 53%. Кроме того, височные кольца ребенка представлены простым проволочным кольцом и с привеской в виде бипирамидальной грозди (что также характерно для одиночных детских погребений Бояновского могильника). Височное кольцо взрослого – проволочное, с кубическим окончанием одной из сторон, среди колец детских одиночных погребений не встречается.

3) сосредоточенность инвентаря в районе головы ребенка, в то время как у взрос-

лого индивида инвентарь располагается в районе головы, рук и пояса. Если снова обратиться к статистике одиночных детских погребений, то украшения рук, фрагменты пояса в них в целом встречаются реже, чем во взрослых: перстни в 12% случаев (во взрослых – 45%), браслеты – 25% (во взрослых – 53%), пряжки – 33% (во взрослых – 56%), фрагменты кожаного ремня – 29% (во взрослых – 54%), наконечник ремня встречен лишь в одном детском погребении.

4) обилие стеклянных бусин в сопровождающем инвентаре ребенка.

Использование бусин и бисера в качестве оберегов для детей встречается в этнографии многих финно-угорских народов. Так, манси после рождения ребенка надевали ему на руку браслетик из бисера. Он носил его до тех пор, пока не выросстал (Крыласова, 2007. С 301)

Погребение № 114

В погребении обнаружены зубы двух индивидов. Останки принадлежат взрослому человеку, умершему в возрасте 20-30 лет (индивид № 1) и ребёнку, умершему в возрасте 7 лет ± 24 месяца (индивид №2). Оба человека были похоронены одновременно в одной могильной яме. Ребёнок был уложен с правой стороны от взрослого (Данич, 2007б. С. 101).

Однако при анализе инвентаря разграничить, что конкретно принадлежит индивиду № 1, а что индивиду №2, не удалось ввиду плохой сохранности костяков.

Погребение № 116

В погребении обнаружены костные останки двух индивидов. Останки принадлежат взрослому человеку, умершему в возрасте 30-40 лет и ребёнку, умершему в возрасте 4 года ± 12 месяцев. Оба человека были похоронены одновременно в одной могильной яме. Ребёнок был уложен с правой стороны от взрослого (Данич, 2007б. С. 105).

Инвентарь, сопровождающий останки детского костяка: бронзовое височное кольцо с литой привеской в виде бипирамидальной грозди, фрагмент серебряного височного кольца (с литой привеской в виде бипирамидальной грозди?); фрагменты серебряной маски (на шелке); втульчатый топор (Данич, 2007б. С. 104).

Инвентарь, сопровождающий взрослого индивида: серебряная маска (на ней имеются три отверстия под глаза и рот, выдавленный нос и точечным орнаментом обозначены брови, усы и обведены глаза); бронзовый неорнаментированный пластинчатый браслет (на правой руке); серебряный перстень; топор; фрагменты кожаного ремня с накладками из оловянистого сплава в серебряных обкладках. В составе пояса находились 11 квадратных накладок с прямоугольной прорезью у основания, без орнамента, 5 овальных накладок с прямоугольной прорезью у основания, 4 сердцевидные накладки, 2 наконечника ремня от ремней-привесок, цельнолитая восьмёркообразная бронзовая пряжка с овальным кольцом и узким прямоугольным приёмником. Ремень крепится к пряжке при помощи прямоугольного приёмника. Кроме того, обнаружены фрагменты ножа и костяной наконечник стрелы (Данич, 2007б. С. 104).

Если сравнить инвентарь, сопровождающий ребенка с инвентарем взрослого, то можно отметить:

1) вновь более разнообразный инвентарь взрослого индивида, в отличие от инвентаря детского.

2) наличие 2 височных колец у ребенка – в то время, как у взрослого височные кольца отсутствуют. И вновь височные кольца ребенка представлены кольцами с привеской в виде бипирамидальной грозди.

3) наличие погребальной серебряной маски как у взрослого, так и у ребенка.

Здесь необходимо отметить, что разница встречаемости масок в детских одиночных погребениях (33%) по сравнению со взрослыми (37%) составляет всего лишь 4%. Но если обратиться к анализу самих масок, то можно заметить, что у ребенка – это неполная маска (вероятно, наротник или наглазник), в то время как у взрослого – это полная маска-личина хорошей сохранности. Эти же черты присущи и маскам в одиночных погребениях, то есть, как правило, у детей встречаются наротники и наглазники, а у взрослых – и полные маски.

4) так же, как в погребении №105, инвентарь сосредоточен в районе головы ребенка, в то время как у взрослого индивида инвентарь располагается в районе головы, рук и пояса.

5) как у взрослого, так и у ребенка присутствует топор (только у взрослого – это топор с узким, продолговатым, треугольной формы лезвием с молоточковидной приставкой обуха, находился на левом предплечье, а у ребенка – втульчатый, находился на правом плече).

Погребение № 242

В погребении захоронены три человека: мужчина, умерший в возрасте 35-50 лет, взрослый, умерший в возрасте старше 25 лет и ребенок, умерший в возрасте 3 лет $\pm$ 1 год. Все трое были похоронены одновременно в одной могильной яме. Взрослые уложены параллельно друг другу, головами на север, ребенок положен в ногах между взрослыми (Данич, 2011. С. 211-212).

Инвентарь, сопровождающий останки детского костяка: пронизь из 3 бронзовых бусин, бронзовые пронизки, стеклянные бусины, сердоликовая бусина, мех, астрагал (Данич, 2011. С. 211-212).

Инвентарь, сопровождающий «западного» взрослого индивида: наконечник копья, 2 серебряных височных кольца, серебряная маска, сабля, топор, фрагменты кожаного ремня с накладками, пряжкой и наконечником ремня, бронзовый браслет, кресальный кремь, 2 ножа, удила (Данич, 2011. С. 211-212).

Инвентарь, сопровождающий «восточного» взрослого индивида: железная пряжка, топор, бронзовая подвеска – коготь (Данич, 2011. С. 211-212). Таким образом, при сравнении инвентаря, можно отметить следующее:

- 1) Сосредоточенность инвентаря, сопровождающего ребенка, в районе головы.
- 2) Наличие стеклянных и бронзовых бусин у ребенка, в отличие от взрослого инвентаря.

- 3) Наличие астрагала среди детского инвентаря.

Здесь следует отметить, что использование астрагалов в качестве сопровождающего инвентаря детских погребений встречается довольно часто: на средневековых памятниках Волжской Болгарии (Закирова, 1988. С. 233); Подонья и Дуная (Флерова, 2001. С. 108). Эта закономерность широко прослеживается в эпоху бронзы. В детских погребениях ямной, катакомбной, синташтинской, алакульской культур они встречаются большими сериями (Берсенева, 2011. С. 69). Исследователь Н.А. Берсенева относит астрагалы к единственным предметам, которые клались исключительно в погребения детей на памятниках саргатской культуры (Берсенева, 2011. С. 69). Амулеты из таранных костей бобра были обнаружены в детском погребении на Плотниковском могильнике, который относится к родановской культуре (Крыласова, 2007. С.61).

На Бояновском могильнике астрагал обнаружен впервые.

Погребение № 252

В погребении обнаружены костные останки четырех индивидов – двух взрослых и двух детей. Останки западного индивида принадлежат женщине, умершей в возрасте 25-30 лет, восточного – женщине, умершей в возрасте 25-35 лет. Костяк первого ребенка располагается между костями правой руки и костями корпуса западного индивида. Кости принадлежат новорожденному ребенку. Севернее поперечной оси погребения над правой бедренной костью «восточного» индивида обнаружены фрагменты нижней челюсти и зубы ребенка, умершего в возрасте 4 года $\pm$ 1 год (Данич, 2011. С 215-217).

Однако, исходя из расположения костяков, глубин их нахождения и следов выветривания, Н.Г. Брюхова предполагает, что «первоначальным было погребение «восточного» индивида, позже рядом были похоронены «западный» индивид с новорожденным ребенком. Второе захоронение потревожило часть костей «восточного» индивида, которые к тому времени уже лишились мягких тканей. Кости второго ребенка, вероятно, были подхоронены к остальным погребенным позже» (Данич, 2011. С. 215-217).

Следовательно, нас интересует «западный индивид» с новорожденным, поскольку это, вероятнее всего, двойное погребение.

Останки детского костяка не имели сопровождающего инвентаря, в то время как инвентарь взрослого индивида отличался большим разнообразием: серебряная маска, ожерелье из стеклянных бусин и клыков животного, 2 серебряных височных кольца, большое скопление стеклянных и бронзовых бусин в районе грудной клетки, 2 бронзовые монетовидные подвески, флаконовидная подвеска, 4 бронзовых подвески, копоушка, бронзовый браслет, бронзовый перстень, фрагменты ремня с накладками, бр. пряжка, нож, бронзовая подвеска-коробочка, удила (Данич, 2011. С. 215-217).

Таким образом, среди совместных захоронений с детьми Бояновского могильника встречены случаи захоронения детей с мужчинами (3 случая) и с женщиной (1 случай). В остальных погребениях пол взрослого не определен.

В четырех случаях ребенок располагается справа от взрослого индивида. В тройном погребении – между взрослыми, в 1 случае определить точно положение ребенка не удалось. По всей вероятности, расположение ребенка справа от взрослого носило принципиальный характер, и не зависело от возраста ребенка: новорожденный, 6-месячный, 4-летний – все они расположены справа. Такая закономерность прослеживается и на других могильниках: к примеру, в погребениях № 57, №163 и №163а Деменковского могильника (Брюхова, 2008, С. 195-198).

Интересен и тот факт, что среди одиночных детских захоронений не встречаются индивиды младше 3-х лет, в то время как в совместных погребениях взрослых с детьми – возраст последних варьируется от новорожденного до 7-летнего. Это может указывать на то, что детей до 3-х лет хоронили иным способом или в могиле со взрослым. Этому можно найти аналогии в этнографии. Так, восточные ханты хоронили выкидышей и детей в возрасте до 10 дней на отдельном кладбище или в одной могиле со взрослыми (Семенова, 2008. С.95).

Анализ инвентаря совместных погребений взрослых и детей Бояновского могильника в целом дал подтверждение тем выводам, к которым мы пришли в результате анализа одиночных захоронений взрослых и детей:

- 1) инвентарь, сопровождающий взрослого индивида более разнообразный и насыщенный, чем инвентарь ребенка;
- 2) инвентарь, сопровождающий ребенка, в основном сосредоточен в районе головы, рук и пояса;

3) частая встречаемость височных колец в составе детского инвентаря;

4) наличие погребальных серебряных масок как у взрослых, так и у детей. Однако у ребенка – это обычно наротник или наглазник, в то время как у взрослого – полная маска-личина.

5) использование стеклянных и бронзовых бусин в качестве сопровождающего инвентаря детей.

Что касается причин совместного захоронения, то исследователи выделяют по этому поводу две основные версии. Во-первых, совместные погребения могут быть следствием трагических событий, когда гибнет несколько человек одновременно. Во-вторых, они могут выступать как вариант сложного обряда, связанного с определенными культами (Бужилова, 2004. С 21-22). В данном случае мы вряд ли можем говорить о преднамеренном убийстве детей, связанном с культовой практикой, поскольку для этого нет объективных оснований: погребальный обряд исследуемых погребений вполне характерен для данного могильника (за исключением количества погребенных), их расположение в пространстве могильника никак не выделяется. Поэтому, вероятнее всего, причиной могла послужить единовременная смерть индивидов. Однако существует еще одна версия причины совместного захоронения – не одновременная смерть индивидов, а одновременное их захоронение, как предполагает Н.Г. Брюхова, когда детей «оставляют не похороненным до благоприятной погодной поры или до смерти взрослого (родственника), с которым его можно захоронить в одной могиле» (Брюхова, 2008, С. 195-198). Тем не менее, эти предположения носят лишь гипотетичный характер.

Список литературы и источников:

Берсенева Н.А., 2011. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. – Екатеринбург: УрО РАН. – 204 с.

Брюхова Н.Г., 2008. Парные погребения Бояновского могильника // Труды КАЭЭ. Вып. V. Университет и историко-культурное наследие региона. – Пермь: ПГПУ. – С. 195-198

Бужилова А.П., 2004. К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований. – М: Ин-т этнологии и антропологии. – С.21-35.

Данич А.В., 2007а. История изучения Бояновского могильника // Доклады XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (Пермь, ПГПУ, 31 января – 4 февраля 2007 г.). – Пермь: ПГПУ. – С 22-26.

Данич А.В., 2005. Отчет о раскопках Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2005 г. // Архив каб. археологии и этнографии ПГПУ

Данич А.В., 2007б. Отчет о раскопках Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2007 г. // Архив ЛАЭИ ПГПУ

Данич А.В., 2011. Отчет о раскопках Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2011 г. // Архив ЛАЭИ ПГПУ

Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука. – С. 220-243

Крыласова Н.Б., 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – 352 с.

Крыласова Н.Б., 2007. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в 2007 г. // Архив ЛАЭИ ПГПУ

Радостева Г.И., 2010. Детские (до-взрослые) погребения Бояновского могильника // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научной конференции. – Ижевск: УдГУ. – С 170-174

Семенова В.И., 2008. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). – Тюмень: ИПОС СО РАН. – 213 с.

Флёрова В.Е., 2001. Резная кость Юго-Востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекций Гос. Эрмитажа. – СПб.: Алетея. – 352 с.

Д.В. Шмуратко.
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПРИКАМЬЯ

Статья посвящена истории распространения метода математической статистики в археологических центрах Прикамья, развитию данного метода от простой описательной статистики при обработке массового материала, которая начала применяться еще О.Н. Бадером до прогрессивных компьютерных технологий современности.

Ключевые слова: археология, методы, математическая статистика, Прикамье, историография

D.V. Shmuratko
APPLICATION OF METHODS OF MATHEMATICAL STATISTICS IN
ARCHAEOLOGY OF THE KAMA REGION

The paper addresses the questions of dissemination of mathematical statistical methodology in the archaeological centres of the Kama region, development of the methodology from simple descriptive statistics for processing mass material, which had been used by O.N. Bader already, to advanced contemporary computer technologies.

Key-words: archaeology, methods, mathematical statistics, the Kama region, historiography

В предисловии к «Метафизическим началам естествознания» Иммануил Кант отметил, что «учение о природе будет содержать науку в собственном смысле лишь в той мере, в какой может быть применена в нем математика...» (Кант, 1966. С. 59), причем под наукой о природе И. Кант понимал не только учение о телах, но и учение о душе. В свете подобных пророчеств всеобщая «математизация» гуманитарного знания во второй половине XX в. стала вполне ожидаемым явлением, и характерной чертой всех наук о человеке и социуме.

Вплоть до 30-х гг. XX в. в отечественной археологии преобладали, главным образом, описательные «филологические» методы. Археология воспринималась как источниковедческая дисциплина, цель которой – накопление и систематизация вещественных источников (Формализовано-статистические методы в археологии, 1990. С.8-9).

С 30-х гг. XX в., вследствие широкого распространения в России формационной теории и других, в том числе, и социально-политических причин, археология начинает отходить от чисто описательных функций. Главной целью археолога провозглашается выявление и изучение процессов социально-экономического развития древних обществ в русле марксистской идеологии. Но оказалось, что ответить на поставленные вопросы с помощью «старых методов» невозможно. Первоочередным встает вопрос о поиске новых методик анализа, описания и представления археологических источников. Выход виделся во внедрении в археологию инструментария математической статистики, специальной науки о методах сбора, обработки, анализа и интерпретации данных, характеризующих массовые явления и процессы.

В 60-е гг. XX в. методы математической статистики проникли в археологию Приуралья, их влияние к началу XXI в. ощутили практически все существующие научные центры. Попытаемся проследить процесс распространения в Приуралье, выражаясь словами Алберта Сполдинга, «современного статистического мышления».

Первым, кто обратил внимание на необходимость использования методов описа-

тельной статистики при обработке массового материала раскопок памятников Приуралья, был основатель пермской школы археологии О.Н. Бадер. Исследователь предложил применять статистику для более точной характеристики керамических коллекций. Раскрывая особенности камеральной работы, О.Н. Бадер подчеркнул необходимость полного изъятия керамического материала с памятника и обязательность статистических подсчетов для вычисления процентных соотношений массового материала по ряду признаков (Мельникова, 2004. С. 186). Хотя предложенные О.Н. Бадером алгоритмы включали в себя лишь исключительно описательные процедуры, это был первый серьезный шаг на пути внедрения в археологию Урала методов математической статистики.

Аналитическую статистику к приуральским материалам впервые применил Г.А. Федоров-Давыдов. В 1966 г. вышла его работа под названием «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов», в которой, наряду с другими материалами кочевников X-XIV вв., Г.А. Федоров-Давыдов рассмотрел и комплексы с территории Южного Приуралья. Разрабатывая хронологию типов вещей, исследователь обратил внимание, что для решения этой задачи недостаточно ограничиться поиском аналогий, т.к. одни и те же типы в разных районах могли иметь разные хронологические диапазоны, поэтому подбор аналогий следует сопоставлять с исследованием сопряженности типов вещей внутри материала погребений. Для выявления комплексов связанных признаков Г.А. Федоров-Давыдов предложил оценивать действительную частоту явления с теоретической вероятностью (Федоров-Давыдов, 1966. С. 93-94). Сама методика статистического анализа была изложена Г.А. Федоровым-Давыдовым годом ранее в статье «О датировке типов вещей по погребальным комплексам» (1965). Методика основана на оценке расхождения действительной частоты и теоретической вероятности. Под частотой понимают долю признака в выборке, выраженную в виде процентов. Если действительная частота превышает ожидаемую по теории вероятности, то явления считаются сопряженными, если показатели равны, то между явлениями нет сопряженности, если теоретическая вероятность превышает действительную частоту, то между явлениями присутствует отрицательная сопряженность (Федоров-Давыдов, 1965. С. 50-65).

Таким образом, 60-е гг. XX в. – время первых попыток применения статистических методов к анализу приуральских древностей. Следует отметить, что на этом этапе большую роль сыграли идеи московских исследователей (Г.А. Федорова-Давыдова, Б.И. Маршака, В.Б. Ковалевской и др.). С подачи столичных корифеев приуральская археология познакомилась с основами теории вероятности и информации. Впервые прикамские материалы были подвергнуты формальному описанию и анализу с помощью расчетов среднего арифметического, сигмы, квадратичной ошибки среднего, сравнения доверительных интервалов, составления графиков и гистограмм. Необходимо подчеркнуть, что на данном этапе методы аналитической статистики и теории вероятности в основном использовались для решения задач уточнения относительной хронологии тех или иных типов вещей путем выделения их сопряженных групп, а также для сравнения различных выборок или коллекций.

В 70-е гг. XX в. особую роль методам аналитической статистики отвел в своей исследовательской программе В.Ф. Генинг, основоположник «свердловской археологической школы». В 1971 г. на Пленуме ИА АН СССР В.Ф. Генинг выступил с докладом «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок», а в 1973 г. изложил основные положения этого доклада в отдельной статье, напечатанной в журнале «Советская археология». В 1975 г. в соавторстве с В.А. Борзуновым ис-

следователь предложил методику статистического анализа материала погребальных памятников (Мельникова, 2004. С. 304-305; Генинг, 1973; Генинг, Борзунов, 1975). Сама методика сравнения основана на расчете целого ряда показателей и коэффициентов, среди которых: частость совокупности, частость признака, тенденция совокупности, тенденция признака, абсолютный коэффициент сходства по каждой единице совокупности признаков, парный показателей сходства.

Благодаря В.Ф. Генингу, Свердловск стал первым в Прикамье «центром» активного применения и распространения новой методологии социально-исторического исследования на основе теоретического и формализовано-статистического анализа. Статистические методы были применены для решения уже более сложных исторических задач, таких как выделение археологических культур и их локальных вариантов, уточнение хронологии комплексов и типов, выявление этнокультурных контактов и взаимодействий.

Практически сразу в 1970-е гг. исследовательская программа В.Ф. Генинга была воспринята коллективом археологов Удмуртского государственного университета во главе с Р.Д. Голдиной (Мельникова, 2006. С. 97). В 1970 г. вышла работа Р.Д. Голдиной «Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме», где исследователь применила методики, предложенные Г.А. Федоровым-Давыдовым и В.Б. Ковалевской для выделения устойчивых сочетаний различных категорий инвентаря с целью их хронологической классификации (Голдина, 1970. С. 95). В основе методики лежал алгоритм вычисления коэффициента сходства для пары комплексов, в которых для определенной категории массового материала рассчитано распределение процентов по типам (Ковалевская, Погожев, Погожева, 1970. с. 26-27).

В 70-е гг. XX в. статистикой увлекались не только уже состоявшиеся исследователи (одна за другой выходили работы Л.И. Ашихминой, В.Д. Викторовой, В.В. Генинга, Р.Д. Голдиной, С.Я. Здановича, В.А. Иванова, М.Ф. Обыденнова), но и студенческая научная молодежь. Не последнюю роль в этом процессе сыграло развитие вычислительных технологий, компьютер стал идеальным орудием для счета, и его использование ускорило внедрение статистических методов (Деревянко, Холюшкин, Воронин, 1995). Ярким и знаковым событием стала VI Урало-поволжская археологическая студенческая конференция, прошедшая в Ижевске в 1974 г. Подводя итоги конференции, вузовская газета отметила: «Раньше говорили: «Археология – это история, вооруженная лопатой, – сейчас говорят, – и ЭВМ» (Мельникова, 2006. С. 76).

В 80-е XX в. активно использовать и популяризировать методы математической статистики стал уфимский археолог В.А. Иванов. В отличие от многих других исследователей, В.А. Иванов не ограничился освоением только одной методики статистического анализа, а старался в каждой новой своей работе продемонстрировать возможности различных формализованных процедур анализа. В 1978 г. В.А. Иванов защитил кандидатскую диссертацию «Население Нижней и Средней реки Белой в ананьинскую эпоху», где использовал синтез методики В.Ф. Генинга и И.С. Каменецкого, Б.И. Маршака, Я.А. Шера. В 1986 г. в соавторстве с Н.К. Бакировым, В.П. Евдокимовой в работе «Опыт статистического анализа археологического материала VII-IX вв. Южного Урала и Приуралья», первым в Прикамье апробировал кластерный анализ (Бакиров, Евдокимова, Иванов, 1986). В 1999 г., будучи уже доктором наук, В.А. Иванов выпускает монографическое исследование «Древние угро-мадьяры в Восточной Европе», где опе-

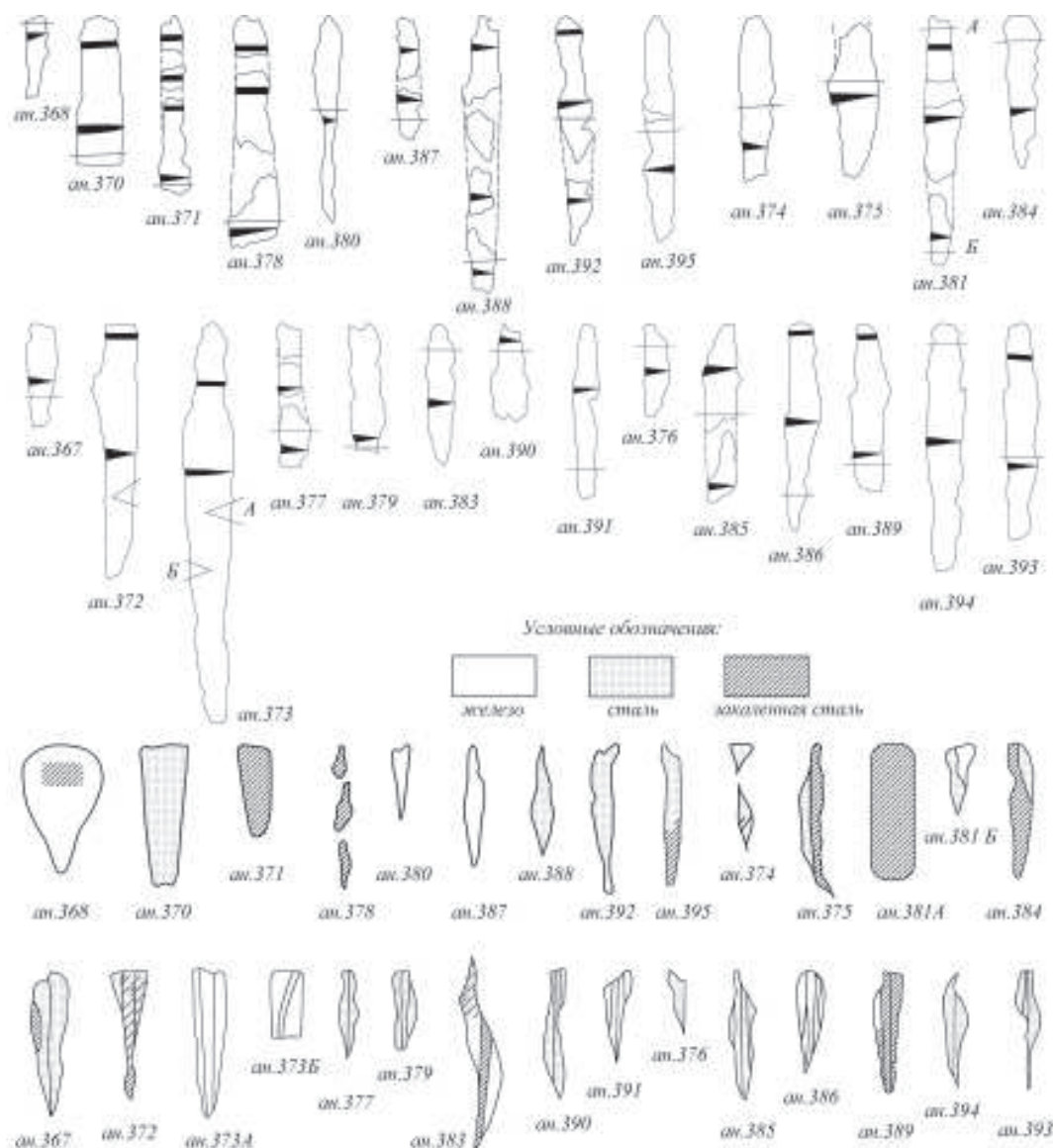

Рис. 1. Верх-Саинский могильник. Железные изделия и технологические схемы их

рирует коэффициентом сходства C_2 , по которому определяется так называемое расстояние Хемминга (Иванов, 1999. С. 24; Федоров-Давыдов, 1987. С. 144). Данный коэффициент позволяет выявлять сходство объектов и выражать его численно, как расстояние между двумя точками в пространстве количественных признаков.

Под влиянием В.А. Иванова методы математической статистики проникают в археологическую школу Пермского педуниверситета, где на рубеже XX и XXI вв., сложился собственный исследовательский центр. В 2000 г. Н.Б. Крыласова защитила кандидатскую диссертацию «Костюм средневекового населения Пермского Предуралья VII-XI вв.», где в основу реконструкции костюма был положен принцип выделения комплексов связанных признаков. В 2006 г. В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова издали совместную монографию «Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья», где исследователями была предпринята удачная попытка комплексного анализа убранства костюма степняков-кочевников и оседлых жителей Предуралья (Иванов, Крыласова, 2006).

С. 4). Неоднократно обращался к статистике и руководитель Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета профессор А.М. Белавин, можно отметить такие работы как: «Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Приуралья эпохи средневековья» (2003 г.), «Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер» (2009 г.) (Белавин, 2003; Белавин, 2009). Активно применяют методы математической статистики и молодые представители пермской школы: В.В. Мингалев, С.И. Абдулова, О.В. Жукова, А.Н. Сарапулов, А.В. Данич, Г.И. Радостева и др.

Таким образом, к концу XX – началу XXI вв. в Приуралье интерес к статистическим методам не охладел. Основными вопросами, в решении которых исследователи обращаются к методам статистики, остаются этнические и социокультурные реконструкции, классификация и типология, построение хронологических рядов и выявление археологических культур, а также их локальных вариантов.

Однако наука не стоит на месте, традиционные и зарекомендовавшие себя за более чем тридцатилетнюю историю методики (В.Ф. Генинга, В.А. Борзунова, Г.А. Федорова-Давыдова и т.д.) постепенно уступают место более прогрессивным компьютерным технологиям и не последнюю роль в этом играет молодая археологическая школа Пермского гуманитарно-педагогического университета.

Список литературы:

Бакиров Н.К., Евдокимова, В.П., Иванов, В.А., 1986. Опыт статистического анализа археологического материала VII-IX вв. Южного Урала и Приуралья: препринт. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР. – 34 с.

Белавин А.М., 2003. Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Приуралья эпохи средневековья // Из археологии Поволжья и Приуралья. Материалы II Халиковских чтений. – Казань: Школа. – С. 143-147.

Белавин А.М., 2009. Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды КАЭЭ. Вып. VI. – Пермь: ПГПУ. – С. 7-16.

Генинг В.Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1. – С. 114-136.

Генинг В.Ф., Борзунов, В.А., 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13. – Свердловск: УрГУ. – С. 42-72.

Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9. – Свердловск: УрГУ. – С. 57-113.

Деревянко А.П., Холушкин Ю.П., Воронин В.Т., 1995. Современная роль компьютера в археологии [Электронный ресурс] // Математические методы в археологических реконструкциях. – Новосибирск. Режим доступа <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/index.html?id=210>

Иванов В.А., 1999. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем. – 123 с.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2006. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). – Пермь. ПГПУ. – 162 с.

Кант И. 1966. Сочинения в шести томах. Т. 6. – М.: Мысль. – С.53-175.

Ковалевская В.Б., Погожев И.Б., Погожева А.П., 1970. Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала // Советская археология. № 3. – С. 26-39.

Мельникова О.М., 2004. Научные школы в археологии. Дис. ... док. ист. наук. – Ижевск. – 470 с.

Мельникова О.М., 2006. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. – Ижевск: УдГУ. – 140 с.

Федоров-Давыдов Г.А., 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. № 3. – С. 50-65.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: МГУ. – 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. – М.: Высшая школа. – 216 с.

Формализовано-статистические методы в археологии, 1990 / В.Ф. Генинг и др. – Киев: Наукова думка. – 224 с.

С.Е. Перевощиков, А.И. Трифонов.
ИТОГИ АРХЕОМЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЧЕРНОГО МЕТАЛЛА ВЕРХ-САИНСКОГО
МОГИЛЬНИКА

Статья продолжает серию публикаций материалов, полученных при металлографическом исследовании предметов из черного металла с Верх-Саинского комплекса памятников в бассейне реки Сылвы. Полученные результаты свидетельствуют о неплохом уровне развития кузнечного ремесла. Мастера широко использовали как обычное кричное железо, так и сталь, знали и умели применять кузнечную сварку как для придания изделию лучших рабочих качеств, так и для получения необходимого объема заготовки, но продолжали использовать и достаточно архаичную технологию изготовления предметов – цементацию.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Сылвенское поречье, Верх-Саинский могильник, археометаллографическое исследование, железные изделия

S.E. Perevoschikov, A.I. Trifonov
RESULTS OF THE ARCHEOMETALLOGRAPHIC EXAMINATIONS OF THE
ARTIFACTS OF FERROUS METAL FROM THE VERKH-SAINSKIY BURIAL GROUND

The paper continues the series of publications introducing materials, obtained from metallographic examinations of the artifacts of ferrous metal from the Verkh-Sainskiy complex of sites in the basin of the Sylva River. The results show a good level of blacksmithing. The masters extensively used ordinary bloomery iron and steel; they knew how to use blacksmith welding for better working qualities, as well as for the necessary volume of the metal block. They also resorted to a rather archaic technique of case-hardening.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Sylva River area, the Verkh-Sainskiy burial ground, archeometallographic examination, iron artifacts

Предлагаемая работа продолжает серию публикаций материалов, полученных при металлографическом исследовании предметов из черного металла, происходящих с Верх-Саинского комплекса памятников в бассейне реки Сылвы. В работе в виде отчета представлены результаты изучения серии железных предметов Верх-Саинского могильника.

Могильник был открыт в 1981 г. Он расположен на правом коренном берегу р. Шаква на окраине д. Шаквы, недалеко от Верх-Саинского I городища. Памятник исследовался Камско-Вятской археологической экспедицией под руководством Н.В. Водолога и Р.Д. Голдиной. Могильник датирован второй половиной VI – первой половиной IX в. Представлен двумя погребальными традициями – более ранней – захоронения под курганами и более поздней – грунтовыми погребениями. Вещевой материал могильника позволяет соотнести его с четырьмя стадиями неволинской культуры: верх-саинской, бартымской, неволинской, сухоложской (Голдина, 1991. С.167-192).

Некоторые проблемы, связанные с железообрабатывающим производством населения Сылвенского бассейна, в конце IV – IX вв., были изучены ранее (Перевощиков, 2002; Перевощиков, Нагиев, 2007). Но в этих исследованиях практически не рассматривались материалы, полученные при изучении могильников, имеющие большое значение, как более четко, нежели поселения, датированные и привязанные к определенной археологической культуре. Хотя в данном случае пришлось столкнуться с худшей сохранностью инвентаря, изготовленного из черного металла.

Из курганной части могильника анализу были подвергнуты 33 железных изделия. Из грунтовой части удалось изучить 10 вещей.

Курганная часть.

Как и на большинстве других памятников, наиболее многочисленными (27 экз.) предметами, изготовленными из черного металла, оказались ножи, которые являются и наиболее информативными, с точки зрения технико-технологического анализа, изделиями. Классификация ножей по морфологическому признаку опускается, поскольку они часто представлены коррозированными образцами или обломками. Ножи оказались изготовленными по трем технологическим схемам.

Цельнометаллические ножи – ножи, изготовленные из железа или стали. Эта технология не требует от мастера каких-либо особых знаний. Применяется только самая простая кузнечная операция – свободная ручная ковка. В нашей коллекции такие ножи представлены 9 экземплярами.

Нож из кургана 28, погр.2 (рис.1, ан.368) сильно коррозирован. Изготовлен из сырцово-стали с различным содержанием углерода. Мастер применил к нему резкую закалку, хотя, в целом, это и не отразилось на качестве самого изделия. После закалки на некоторых участках фиксировалась структура мартенсита. Микротвердость (далее Мк) на различных участках колебалась от 151 до 220 кг/ кв.мм. На мартенситном участке достигала 464-514 кг/кв. мм.

Нож из кургана 49, погр.1 (рис.1, ан.370). Изготовлен из однородной заготовки сырцово-стали. Мк 254-274 кг/кв. мм. Дополнительных операций по улучшению рабочих качеств изделия обнаружено не было.

Нож из кургана 16, погр.1 (рис.1, ан.371). Изготовлен из стали. Вероятно, готовое изделие было дополнительно процементировано, после чего оно было подвергнуто закалке в жесткой закалочной среде, структура металла – мартенсит. Мк 724–824 кг/кв. мм. Такая высокая Мк могла возникнуть вследствие высокой насыщенности углеродом.

Нож из кургана 12, погр.1 (рис.1, ан.378) сильно коррозирован. Но по результатам анализа можно предположить, что он был изготовлен из одной, предварительно процементированной заготовки. Нож был закален в резкой закалочной среде. Спинка ножа имеет мартенситную структуру Мк 322-464 кг/кв.мм, острие и часть прилегающая к спинке – структуру мелкоигольчатого мартенсита Мк 572-1097 кг/кв. мм, внутренняя часть – мартенсит Мк 351-464 кг/кв. мм. В этой части ножа структуры плавно переходят одна в другую. Обращает на себя внимание очень высокая микротвердость изделия, связанная с особенностями изготовления, возможно – закалкой в резкой закалочной среде (например, ледяной воде) и тщательностью проковки.

Нож из кургана 12, погр.1 (рис.1, ан.380). Шлиф с полного сечения. Нож изготовлен из кричного железа Мк 122-160 кг/кв.мм. Структура металла крупно- и мелкозернистый феррит. Неметаллические включения вытянутые, что свидетельствует о тщательной проковке. Из похожего металла изготовлен нож из кургана 15, погребения 2 (рис.1, ан.387). Структура – крупно- и мелкозернистый феррит микротвердостью 143 кг/кв. мм. Неметаллические включения вытянутые, что свидетельствует о тщательной проковке. В этих случаях, несмотря на хорошее качество металла, мастер не вполне справился с температурным режимом, в результате чего получилась разнотермическая структура, которая могла повлиять на качество ножей в худшую сторону.

Нож из кургана 57, погр.1а (рис.1, ан.388). Изготовлен из разнотермической стали. Структура – феррито-перлит Мк 254-351 кг/кв. мм.

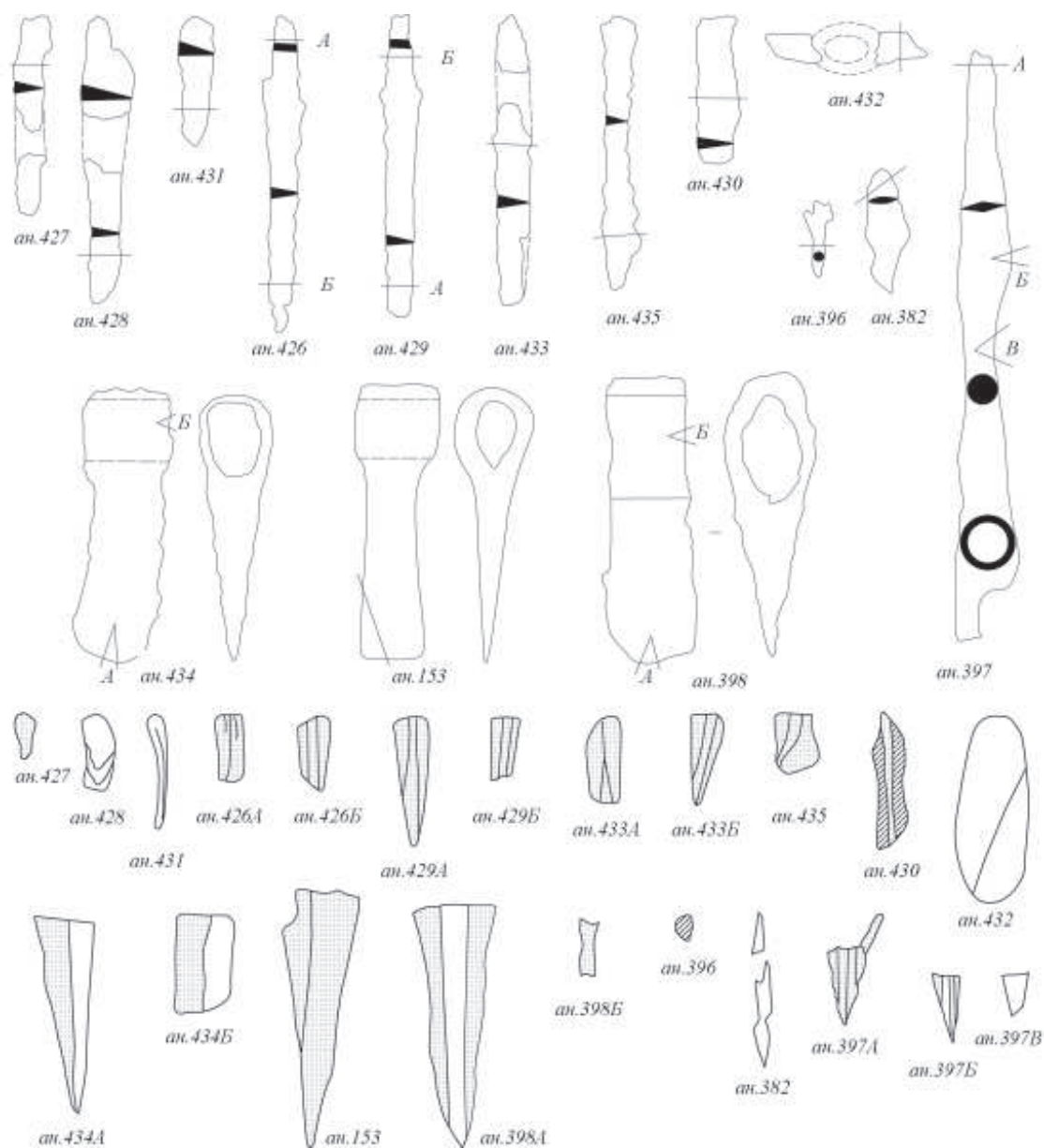

Рис. 2. Верх-Саинский могильник. Железные изделия и технологические схемы их изготовления. Ан. 382, 396, 397, 398 – Курганная часть. Остальные – грунтовая часть.

Нож из кургана 52, погребение 2а (рис.1, ан.392). Металл ножа однороден, шлаковые включения вытянутые, редкие. Структура – феррито-перлит Мк 150-180 кг/кв. мм. Изготовлен из стальной заготовки, подвергшейся тщательной проковке.

Нож из кургана 23, погр.1 (рис.1, ан.395) изготовлен из цельнометаллической заготовки. После изготовления ножа были проведены операции локальной цементации и закалики. После закалики нож принял структуру мартенсита Мк 464-514 кг/кв. мм, которая к обуху постепенно переходит в структуру феррито-перлита Мк 221-254 кг/кв. мм. Некоторое количество выделившегося на острие цементита говорит о том, что нож был подвергнут закалке в резкой закалочной среде.

По технологии сварки двух полос металла разного качества было изготовлено 4 ножа. При использовании подобной технологии мастер стремился достичь более высокого каче-

ства своих изделий.

Нож из кургана 28, погр.2 (рис.1, ан.374). Шлиф с полного сечения. Нож сварен из двух полос: железной Мк 160 кг/кв. мм и плохо прокованной полосы сырцової стали Мк 180-206 кг/кв.мм. На лезвие выведена железная полоса, что является, очевидно, следствием ошибки кузнеца, либо, поскольку в данном случае разница между железной и стальной полосами невелика и «на глаз» их различить практически невозможно, в данном случае речь может идти и о пакетировании металла для получения большего объема заготовки. Сварной шов невысокого качества со шлаковыми включениями.

Нож из кургана 32, погр.1 (рис.1, ан.375) изготовлен сваркой из двух полос: стальной Мк 297-322 кг/кв. мм и полосы сырцової, низкоуглеродистой стали Мк 170-193 кг/кв. мм, после чего закален в жесткой закалочной среде. Сварной шов высокого качества, без шлаковых включений.

Нож из кургана 14, погр.1 (рис.1, ан.381). Тело ножа сварено из двух полос – стальной и железной. На острие выходит сталь. Структура железной полосы – феррит Мк 221 кг/кв. мм, стальной полосы – феррито-перлит Мк 274 кг/кв. мм. При исследовании черешка ножа была обнаружена структура мартенсита Мк до 724 кг/кв. мм. То есть, скорее всего, при изготовлении данного ножа мастер использовал железную полосу только для придания заготовке необходимого объема. Основное же тело ножа было выполнено из стали с неравномерным содержанием углерода, о чем свидетельствует структура закалки на черешке ножа и отсутствие ее на лезвии. Обращает на себя внимание и большое количество шлаков и трещин, наблюдаемых в поле шлифа.

Нож из кургана 20, погр.1 (рис.1, ан.384) изготовлен из стальной высокоуглеродистой и низкоуглеродистой, сырцової, полос металла. Острие и основное тело мартенсит Мк 572-724 кг/кв. мм, 824-946 кг/кв. мм. Сварочный шов тонкий, чистый, что свидетельствует о хорошем качестве работ. Был закален в жесткой закалочной среде.

Большая часть ножей была изготовлена методом пакетирования заготовок. В пакет могло входить несколько полос однородного металла. Подобная технология, кроме улучшения рабочих свойств изделия, могла использоваться и для придания заготовке необходимого объема.

На шлифе ножа из кургана 48, погр.1 (рис.1, ан.367) наблюдалось несколько хаотично расположенных зон со структурами, характерными для низкоуглеродистой стали с колебаниями Мк от 143 до 180 кг/кв. мм, а также зона со структурой высокоуглеродистой закаленной стали Мк 464 кг/кв. мм. Сварной шов хорошего качества, проходит между двумя зонами низкоуглеродистой стали. В металле наблюдаются крупные поры. Возможно, нож был изготовлен из обломка какого-то качественного изделия.

Нож из кургана 40, погр.1 (рис.1, ан.372) изготовлен пакетированием трех однородных полос сырцової стали. После закалки металл клинка принял мартенситообразную структуру. Мк 274-420 кг/кв. мм. Сварочные швы заметны по редким цепочкам шлаков. В самом металле также заметны неметаллические включения вытянутой формы, что свидетельствует о его тщательной проковке.

Нож из кургана 52, погр.2Б (рис.1, ан.373А-Б). Шлифы взяты с рабочей части и со спинки ножа. Изготовлен из заготовки, сваренной из трех железных полос. Структура полос чередуется – мелкое и крупное ферритное зерно, следует отметить, что железную полосу с мелким

ферритным зерном мастер поместил в центр клинка. Мк 122-135 и 206-221 кг/кв. мм.

Нож из кургана 21, погр.1 (рис.1, ан.377). Шлиф с полного сечения. Изготовлен сваркой из двух полос малоуглеродистой стали Мк, которых 170-206 кг/кв. мм и 160-193 кг/кв. мм.

Нож из кургана 12, погр.2 (рис.1, ан.379). Шлиф с полного сечения. Нож изготовлен сваркой нескольких полос малоуглеродистой стали. Мк 160-170 кг/кв. мм.

Нож из кургана 36, погр.1 (рис.1, ан. 383). Переходы структур одна в другую у лезвия и центральной части ножа незаметны. Одна из боковых полос крупнозернистый феррит, центральная часть – мартенсит. Мк 122-126 кг/кв. мм и 514-572 кг/кв. мм соответственно. Ближе к обушку наблюдается однородная полоса феррита Мк 160-180 кг/кв. мм. На обушке снова мартенситная структура, Мк 297-351 кг/кв. мм. Шлаки мелкие, вытянутые. В ферритной полосе наблюдаются неметаллические (силикатные) включения – округлые с характерной точкой в центре. Сварочные швы не прослеживаются. Но, вероятнее всего, нож был откован в технике сварки различных полос металла и закален в резкой закалочной среде.

Нож – курган 16, погр.4 (рис.1, ан.385). Шлиф с полного сечения. Заготовка ножа изготовлена методом пакетирования нескольких железных полос для получения необходимого объема. Структура – феррит Мк 104-236 кг/кв. мм. Сварочные швы прослеживаются по вытянутым шлаковым включениям.

Нож из кургана 33, погр.1 (рис.1, ан.386) Шлиф взят с полного сечения. Нож изготовлен методом сварки нескольких железных пластин с последующей цементацией лезвия. Структура стального лезвия – перлит (Мк 181-297 кг/кв. мм), обушка – феррит (Мк 105,1-122 кг/кв. мм).

Нож из кургана 58, погр.1а (рис.1, ан.389) изготовлен пакетированием металла. Сварочные швы тонкие, чистые. После изготовления нож был подвергнут закалке в жесткой закалочной среде. Структура острия – мартенсит Мк 572-724 кг/кв. мм. Основное тело ножа и обушок – сорбитообразная структура Мк 206-464 кг/кв. мм и феррит – 150-160 кг/кв. мм

Нож из кургана 37, погр.1 (рис.1, ан.390). Изготовлен методом сварки трех полос низкоуглеродистой стали. Структура металла – феррито-перлит Мк 128-143 кг/кв. мм.

Нож из кургана 52, погр.2Б (рис.1, ан.391). Шлиф с рабочей части, полное сечение. Наблюдалась полосчатая структура с большим количеством инородных включений. Структура – феррит Мк 193-221 кг/кв. мм. Нож изготовлен пакетированием полос металла для получения необходимого объема заготовки.

Нож из кургана 37, погр.1 (рис.1, ан.393). Заготовка изготовлена сваркой трех полос однородных пластин железа Мк 160-170 кг/кв. мм для получения необходимого объема заготовки. Структура – феррит и феррито-перлит.

Нож из кургана 35, погр.1 (рис.1, ан.394). Шлиф с полного сечения. Сварка из двух полос сырцово-й стали, для получения необходимого объема заготовки. Мк 143-320 кг/кв. мм.

Нож из кургана 18, погр.1 (рис.1, ан.376) изготовлен, вероятно, из вторичного металла, т.к. на шлифе имеется несколько хаотично расположенных зон феррита и феррито-перлита. Встречаются также зоны крупнозернистого феррита, полосчатого перлита. Мк от 143 до 181 кг/кв. мм. Структура в целом напоминает структуру сырцово-й стали.

Из бытовых предметов были исследованы шило и проушной топор.

Шило (кург.50, погр.1) (рис.2, ан.396). Шлиф с рабочей части, полное сечение. Сохранился лишь фрагмент, поэтому определить принадлежность шила к какому-

либо типу не представляется возможным. Изготовлено оно из стали. Металл был слабо прокован, по всей поверхности шлифа наблюдались поры и неметаллические включения. Для улучшения рабочих качеств шило подвергли закалке в жесткой закалочной среде, после чего металл принял структуру мартенсита, микротвердостью 572-824 кг/кв. мм.

Топор (кург.26, погр.1) (рис.2, ан.398) относится к универсальным проушным топорам с округлым обухом и коротким лезвием (колуны). Топор был изготовлен путем сварки лезвия в тело топора, изготовленного из однородной пластины. После изготовления топор подвергся медленному охлаждению, вероятно, на воздухе, в результате чего часть металла приняла структуру видманштетта. Металл достаточно чист, хорошо прокован. Сварочные швы в рабочей части топора прослеживаются по редким вытянутым цепочкам шлака. Структура рабочей части – феррит Мк 91,6-105,1 кг/кв. мм в центре, по краям – феррито-перлит Мк 170-206 кг/кв. мм и видманштетт Мк 135 кг/кв. мм. В проушной части – феррито-перлит Мк 143-160 кг/кв. мм. Судя по низкой микротвердости феррита, не характерной для прикамского металла, есть вероятность, что или металл, или сам топор, был изготовлен за пределами региона.

Предметы вооружения.

Наконечник стрелы (кург.37, погр.1) (рис.2, ан.382). Черешковый, листовидный, с расширением в нижней части пера, без упора. Изготовлен из кричного железа. Структура – феррит с небольшим содержанием перлита. Мк от 116 до 236 кг/кв. мм.

Втульчатый наконечник копья (кург.9, погр.1) (рис.2, ан.397) ромбовидный, с коротким пером. Перо копья изготовлено методом сварки 5 полос металла. В центре ферритные полосы Мк 143-170 кг/кв. мм с включениями перлита. Мк боковых полос – 181-206 кг/кв. мм. Сварочные швы прослеживаются по цепочкам шлаков. Для упрочнения пера была проведена цементация, следы которой сохранились на острие наконечника. Втулка изготовлена из железной полосы. Структура – среднезернистый феррит Мк 143-170 кг/кв. мм. Наконечник изготовлен по оптимальной схеме – твердая боевая часть и «мягкая» основа.

Предметы, предположительно, идентифицируемые как фрагменты кольчуги происходят из разоренного еще в древности кургана 26. Фрагменты происходят из грабительского лаза. Для проведения анализов были взяты обломки двух колец. Металлографический анализ показал, что кольца изготовлены из кричного железа. По всей видимости, это была железная проволока, учитывая небольшой диаметр которой, возможно предположить, что она была получена методом горячего протягивания, а не методомковки.

Грунтовая часть.

Как и для курганной части необходимо отметить крайне плохую сохранность железных изделий. Но все же, для проведения анализа удалось отобрать 8 ножей (из-за сильной коррозии в большинстве случаев тип ножей не определяется и поэтому этот параметр опущен), топор и перекрестие сабли.

Как показало исследование, при изготовлении ножей были использованы две технологические схемы: изготовление цельносталейных ножей (сталь или железо) и метод пакетирования металла.

Цельнометаллические ножи.

Нож из погребения 19 (рис.2, ан.427). Структура металла данного ножа – феррито-перлит с преобладанием пластинчатого перлита. Мк 334 кг/кв. мм.

Структура металла ножа из погребения 37 (рис.2, ан.428) представляет собой феррит Мк 282 кг/кв. мм. В данном случае необходимо отметить, что заготовка несколько раз складывалась и сваривалась.

Нож из погребения 1 (рис.2, ан.431). На шлифе наблюдается ферритная структура. На спинке ножа более крупные зерна, размер которых, ближе к острию ножа уменьшается. Мк на острие ножа 175 кг/кв. мм, на спинке 170 кг/кв. мм. Изготовлен из цельной железной заготовки. Видимая трещина говорит, скорее всего, о том, что нож был изготовлен из пластины, согнутой пополам и затем сваренной кузнечным способом. Подобный способ формовки тела ножа встречается и на других памятниках.

Оставшиеся пять ножей были изготовлены путем пакетирования заготовок.

Нож из погребения 9 (рис.2, ан.426А,Б). На шлифе с рабочей части (ан.426Б) наблюдается образование полосчатой структуры. В ней выделяются три зоны (полосы) феррито-перлита, при этом зоны чистых крупных ферритных зерен перемежаются с полосами более мелкозернистой структуры. Мк центральной зоны 325 кг/кв. мм, зон расположенных по краям – 210 и 236 кг/кв. мм. На шлифе с рукояти (ан.426А) наблюдается две феррито-перлитных структуры Мк 197 и 226 кг/кв. мм, между которыми проходит сварочный шов. Таким образом, нож изготовлен по достаточно сложной технологии. Были выкованы три полосы металла, из которых был сварен нож, причем центральная, более качественная полоса металла, не заходила на черешок.

Нож из погребения 18 (рис.2, ан.429А,Б). На шлифе с черенка (ан.Б) в центре наблюдается феррито-перлитная структура, частично обезуглерожена в районе сварки. Мк колеблется то 205 кг/кв. мм до 217 кг/кв. мм. На шлифе с рабочей части (ан.А) в центре также наблюдается феррито-перлитная структура Мк 254 кг/кв. мм, по обе стороны от которой расположены феррито-перлитные структуры с меньшим содержанием перлита Мк 190-195 кг/кв. мм. Эти же полосы наблюдаются и на черешке, процентное соотношение перлита имеет в боковых полосах сильные колебания. На части шлифа соответствующей спинке ножа наблюдается завихрение структуры. При изготовлении ножа была использована сварка трех полос металла – две полосы низкоуглеродистой, сырцовый, стали, которые пошли на боковые стороны ножа и в центре полоса металла с более высоким содержанием углерода.

Нож из погребения 15 (рис.2, ан.430), изготовлен из трех полос металла. Вероятно, при его создании мастер попытался применить технологию «трехслойного пакета», однако перепутал полосы металла приготовленные для этого. На центральную часть пошла полоса с низким содержанием углерода, а на боковые полосы наоборот была использована неравномерно науглероженная сталь, но способная воспринять закалку. В результате на острие в процессековки все же была выведена одна из боковых стальных полос. Возможно, для исправления ошибки, либо же для придания ножу большей прочности его подвергли цементации и закалке в жесткой закалочной среде. Структура центральной полосы феррито-перлит Мк 194 кг/кв. мм, боковых полос – мартенсит Мк 250-905 кг/кв. мм.

Нож из погребения 12 (рис.2, ан.433 А,Б). На шлифе с рабочей части (ан.Б) в центре наблюдается феррито-перлитная полоса Мк 282 кг/кв. мм, выходящая на острие. По обе стороны от нее структура плавно переходит в ферритную с небольшим количеством перлита Мк 207-256 кг/кв. мм. По обе стороны от феррито-перлитной зоны происходит потеря углерода и у края шлифа практически начинают появляться чис-

Исследования выполняются при финансовой поддержке РФФИ, грант 11-06-00213а

© Журбин И.В., 2012

тые ферритные зерна, т.е. наблюдается явление обезуглероживания поверхности. На шлифе с рукояти (ан.А) наблюдается перлитная структура Мк 214 кг/кв. мм проходящая по центру, по обе стороны от которой расположены ферритные структуры Мк 170 кг/кв. мм. По всей видимости, в ходе изготовления мастер не рассчитал время, и передержал заготовку в горне, что может объяснить наблюдаемое обезуглероживание металла на лезвии ножа.

Нож из погребения 15 (рис.2, ан.435) подвергся сильной коррозии. На шлифе наблюдались зоны с феррито-перлитной структурой с Мк 341 кг/кв. мм и ферритной структурой с Мк 140 кг/кв. мм, которая переходит в перлитно-ферритную структуру с Мк 191 кг/кв. мм. На поверхности шлифа наблюдаются также строчечные включения в форме кругов различного диаметра Мк 367 кг/кв. мм. Нож изготовлен по технологии пакетного металла.

Технологию изготовления этих ножей (кроме ан.435), на наш взгляд, условно можно отнести к «трехслойной». Конечно, классический трехслойный пакет – это качественная сталь в центре и мягкое железо по бокам. В наших ножах такой картины нет. Но центральная полоса в ножах изготовлена из более качественного металла, чем боковые полосы. Качественная, а значит и более дорогая (трудозатратная) полоса не всегда прослеживается по всему телу ножа, а только в его рабочей части, вероятно, мастер старался экономить этот металл. И даже нож, стальные полосы в котором расположены по бокам (ан.430), на наш взгляд, косвенно может свидетельствовать о том, что кузнец знал о трехслойном пакете, но не смог претворить эти знания в изделия. Таким образом, вероятно, можно говорить о том что, начиная примерно со второй половины VII в. верх-саинские кузнецы могли знать о такой технологической схеме как трехслойный пакет, и о ее преимуществах по сравнению с другими схемами. Хотя и применяли ее сообразно своим навыкам и умениям. Подобная технология отмечена и на близлежащем Бартымском селище, в комплексах датированных VIII-IX вв. Наиболее раннее свидетельство применения данной технологии относится к VI-VII вв., нож, изготовленный в этой технике, найден на Варнинском могильнике (Завьялов, 2005. С.57). Во второй половине I тыс. н.э. подобная технология, причем в развитом виде, встречена в материалах Аргыжского городища на р. Вятке (материал готовится к публикации). Во всяком случае, вероятно, мы можем говорить о том, что эта технология к VIII в. уже достаточно прочно вошла в арсенал пермских кузнецов.

Кроме ножей анализу подверглись также два проушных топора и перекрестие сабли.

Анализ перекрестия сабли из погребения 26 (рис.2, ан.432) показал, что оно было изготовлено либо из двух идентичных железных полос, сваренных между собой, либо из одной полосы, которую в процессе изготовления согнули, а затем подвергли сварке. Об этом свидетельствует проходящий по центру образца сварочный шов. Микроструктура представляет собой феррит Мк 122 кг/кв. мм.

Проушной топор из погребения 6 (рис.2, ан.434А-Б) был изготовлен наваркой лезвия из низкоуглеродистой стали на железную основу. Также для дополнительного упрочнения лезвия была использована технология цементации. На острие лезвия наблюдается аномальная структура в виде феррита, цементита и перлита со следами цементной сетки Мк 198 кг/кв.мм. Основное тело топора – феррит Мк 144-167 кг/кв. мм.

Еще один универсальный топор (рис.2, ан.153) происходит из межмогильного пространства. Он был изготовлен из полосы сырцового стали, согнутой на оправке и затем сваренной и оттянутой в лезвие. Его Мк 240 кг/кв. мм.

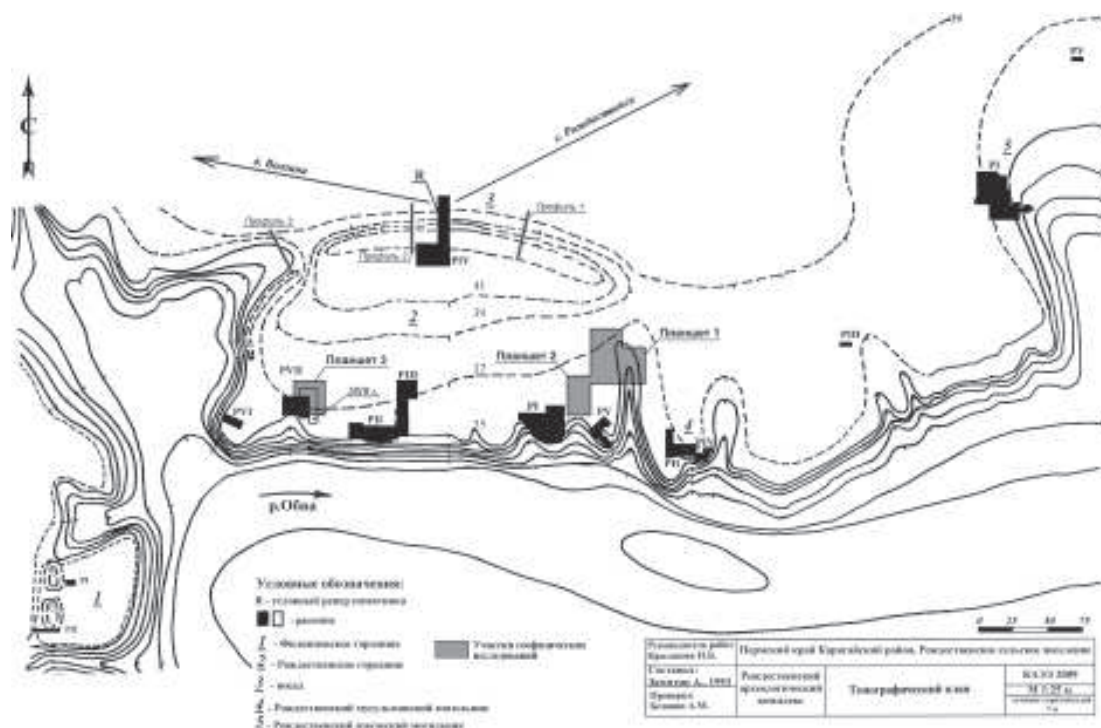

Рис. 1. Топографический план Рождественского археологического комплекса.
Расположение планишетов геофизической съемки.

Можно заключить, что полученные результаты говорят о неплохом уровне развития кузнечного ремесла у населения, оставившего Верх-Саинский могильник. Мастера широко использовали как обычное кричное железо, так и сталь. Знали и умели применять кузнечную сварку как для придания изделию лучших рабочих качеств, так и для получения необходимого объема заготовки. Продолжали использовать и достаточно архаичную технологию изготовления предметов – цементацию. В целом картина, полученная при изучении материала Верх-Саинского могильника похожа на результаты, полученные при изучении других памятников неволинской культуры.

Если же сравнивать две части могильника, то мы можем, на такой категории предметов как ножи, проследить развитие технологии их изготовления. В курганной части часто встречаются ножи, изготовленные с применением качественной стали, способной принять закалку. В грунтовой части можно обнаружить только ее (закалки) следы, так как она или не применялась, или металл предметов не мог ее воспринять. Еще одно отличие. В курганной части большое количество предметов, изготовленных по «архаическим» схемам: пакетирование из двух полос, в грунтовой уже можно говорить о появлении более прогрессивной технологии – трехслойном пакете, пусть еще не настоящем пакете, но то что кузнецам она уже известна, не вызывает сомнения. Важным отличием предметов, происходящих из грунтовой части могильника, является также отсутствие в металле силикатных неметаллических включений. В грунтовой части в составе металла предметов вместо силикатных включений встречаются неидентифицированные включения серого цвета. Подобное отличие может быть объяснено либо переходом местного населения на новую рудную базу (что маловероятно), либо изменением технологии выплавки металла. Последнее, возможно, связано либо с внедрением или улучшением процесса обога-

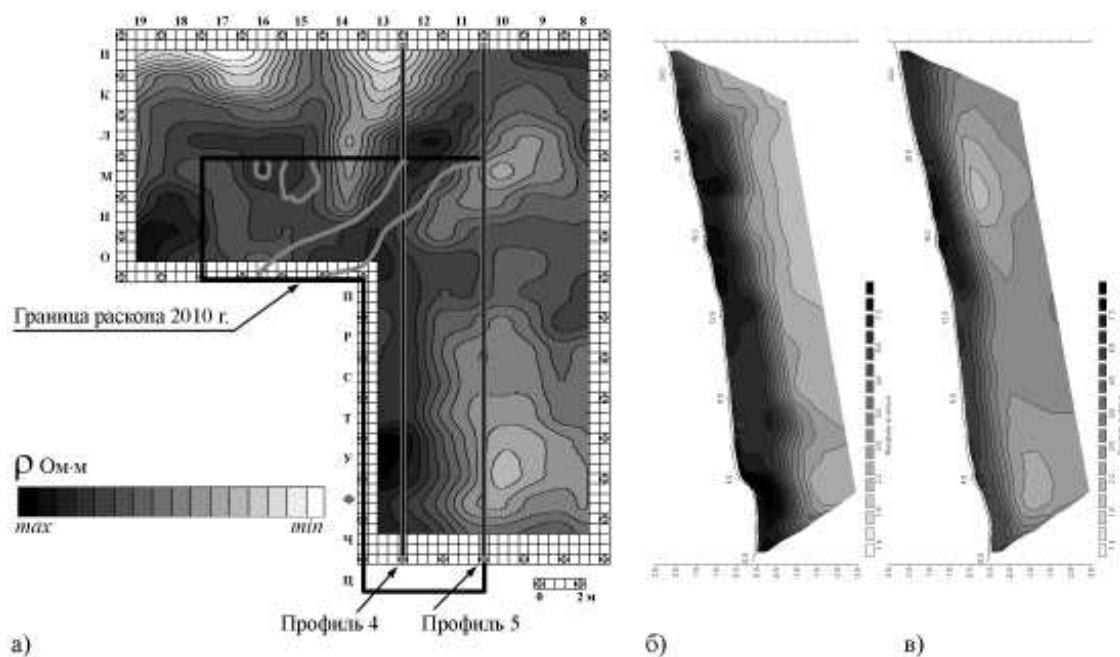

Рис. 2. Результаты археолого-геофизических исследований на Рождественском городище: а) «планиграфическая» карта распределения сопротивления (диапазон глубин 0-0,75 м), совмещенная с планом зачистки материковой поверхности; б) геоэлектрический разрез по Профилю 4; в) геоэлектрический разрез по Профилю 5.

щения железной руды, либо с началом использования при выплавке металла веществ, способствующих отделению шлака от железа (например, размельченный известняк).

Список литературы:

Голдина Р.Д., 1991. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО АН СССР. – С.167-192

Завьялов В.И., 2005. История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование. – Ижевск: Уд ИИЯЛ УрО РАН. – 244 с.

Перевошиков С.Е., 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). – Ижевск: УдГУ. –175 с.

Перевошиков С.Е., Нагиев З.Ш., 2007. Железообработка Верх-Саинского I городища. Металлографические исследования. // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы науч. конф. (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург-Сургут: УрГУ. – С.281-283.

И.В. Журбин.
ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНИРОВКИ И
ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ РОЖДЕСТВЕНСКОГО
ГОРОДИЩА

При исследовании Рождественского городища в 2010 г. использовался оригинальный аппаратурно-методический комплекс, основанный на последовательном применении площадного электропрофилирования и электротомографии. Как показала апробация комплексной методики на площадке поселения и оборонительных сооружений, геофизика (метод электроразведки) позволяет оперативно получить информацию о планировке памятника и структуре его культурного слоя. Опыт проведения междисциплинарных исследований на территории Рождественского городища показал эффективность комплексных электрометрических исследований при определении границ заглубленных объектов и участков с большей мощностью культурного слоя.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, Рождественское городище, геофизические исследования, планиграфия, оборонительные сооружения

I.V. Zhurbin
GEOPHYSICAL EXAMINATIONS OF PLANNING AND FORTIFICATION
CONSTRUCTIONS IN THE ROZHDESTVENSKOE SETTLEMENT

In 2010 an original equipment and methodological complex, based on consistent application of areal electrophilering and electrotomography was used for the examination of the Rozhdestvenskoe settlement. According to the approbation of the complex methodology, geophysics (the method of electroprospecting) allows to retrieve information on the planning of the site and on its cultural layer. Interdisciplinary research on the territory of the Rozhdestvenskoe settlement proves the efficiency of complex electrometric surveys to identify the boundaries of deepened objects and areas with increased thickness of cultural layer.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Perm Cis-Urals, the Rozhdestvenskoe settlement, geophysical surveys, planigraphy, fortification constructions

Комплексные исследования поселений, погребальных памятников и древних производственных центров в различных регионах России показали, что геофизический прогноз существенно повышает эффективность изучения их структуры, планировки и системы оборонительных сооружений (например, Бездудный, 2008; Райнхольд, 2007; Смекалова и др., 2000; Чемякина, 2010; Чича, 2004). Очевидно, что геофизика дает лишь предварительную информацию об археологическом памятнике. Выборочные раскопки на изученных участках позволяют оценить корректность прогноза, а также восстановить структуру культурного слоя и форму выявленных объектов. Следовательно, материалы, полученные в ходе раскопок, необходимы как для археологических реконструкций, так и для обоснования интерпретации геофизических данных на всей исследованной территории. Исходя из этого, современная методика изучения археологических памятников предполагает использование методов археологии и геофизики в комплексе.

Методика комплексных исследований: основные положения и этапы работ.

Эффективность такого подхода была показана специалистами Камской археолого-этнографической экспедиции (Пермский государственный педагогический университет) и Физико-технического института УрО РАН (г. Ижевск) при изучении средневекового Рождественского городища, расположенного в Карагайском районе Пер-

мского края (Белавин, Крыласова, 2008). На первом этапе проводились «планиграфические» измерения участков памятника методом электропрофилирования, который является одной из модификаций электроразведки. Задача состояла в оперативном поиске археологических объектов. Интерпретация геофизической карты основывалась на анализе распределения удельного электрического сопротивления грунта на планшете исследований и оценке формы выявленных аномалий сопротивления. Следующий этап заключался в проведении уточняющих геофизических измерений (электротомография) на участках, содержащих геофизические аномалии. При этом получены вертикальные геоэлектрические «разрезы» напластований. Ранее было показано, что использованные две модификации электроразведки взаимно дополняют друг друга и позволяют прогнозировать форму и геометрические параметры археологических объектов и восстанавливать структуру культурного слоя. Интерпретация основывается на совместном анализе результатов «планиграфических» и «стратиграфических» геофизических измерений, которые осуществляются по единой координатной сетке. Обычно комплексные измерения проводятся на участках, расположенных вблизи раскопов предыдущих лет. На начальном этапе исследований сравнение геофизической реконструкции с существующими археологическими источниками позволяет оценить ее корректность (Журбин И.В. и др., 2007). На территории Рождественского городища геофизические измерения были проведены на трех планшетах, что позволило изучить объекты планировки и структуру оборонительных сооружений поселения (рис. 1). Общая площадь «планиграфической» геофизической съемки – 2502 кв. м. Кроме того, на каждом из участков проведены «стратиграфические» исследования (всего 15 профилей, общая длина – 408,5 м). Измерения проводились с помощью специализированной многоэлектродной аппаратуры – электроразведочного комплекса «Иднакар», разработанного в Физико-техническом институте УрО РАН (Журбин, Зверев, 1998).

В целом интерпретация геофизических «разрезов» носила оценочный характер. Для ее уточнения необходимы раскопки. Именно поэтому дальнейшие исследования предполагали сравнение археологических материалов и данных электроразведки на участках раскопов, расположенных в пределах планшетов геофизической съемки. Непосредственная проверка геофизических реконструкций позволила соотнести выявленные аномалии с реальными археологическими объектами, а также создать эталоны для определения характера и особенностей культурных напластований по результатам электроразведки. На данном этапе комплексных исследований Рождественского городища раскопки проведены на территории Планшета 3 геофизической съемки (рис. 1). Раскоп площадью 180 кв.м. примыкает с севера и с востока к раскопу VII 2009 года. Такое расположение участка соответствует логике археологических исследований городища, и обеспечивает возможность археологической проверки геофизических данных.

Результаты комплексных исследований планировки городища.

При «планиграфических» электрометрических исследованиях на Планшете 3 (площадь 468 кв. м) контрастных объектов практически не выявлено. Слабовыраженные аномалии с аморфными границами в большинстве случаев вызваны нарушениями поверхностного слоя (при рекультивации раскопа 2009 г. на некоторых участках срезан дерн и верхняя часть культурного слоя). Именно поэтому планиграфические измерения на этом участке малоинформативны, и на верхних слоях дают лишь оценочную картину. Кроме того, отдельные литологические слои и заполнение объектов планировки Рождественского городища, оказались малоконтрастными с точки зрения удельного элек-

трического сопротивления грунта (величина, которая измеряется в электроразведке). Следовательно, наиболее информативным признаком при интерпретации результатов «планиграфической» съемки является изменение мощности культурного слоя. При таких условиях, аномалии сопротивления могут быть обусловлены локальными объектами, заглубленными в материк (например, ямы, котлованы и пр.), которым соответствуют контрастные аномалии с четко очерченными границами, или участки, глубина культурного слоя на которых существенно больше (или меньше), чем на окружающей их территории. В последнем случае таким участкам на геофизической карте соответствуют аморфные области с плавным изменением значения сопротивления.

На участке комплексных археолого-геофизических исследований контрастная аномалия вызвана канавкой, ориентированной по линии ЮЗ–СВ и расположенной в квадратах М-О/11-16 (рис. 2а). Вероятно продолжение этого объекта за границы раскопа 2010 года в СВ направлении. По результатам раскопок, канавка заглублена в материк на 0,70-0,80 м и в основном заполнена плотным серо-коричневым суглинком с примесью глины и вкраплениями угля (слой № 9), что определяет локальную аномалию высокого сопротивления с четко выраженными границами. Контур геофизической аномалии практически повторяют границы канавки на уровне материка. Данный объект хорошо фиксируется и на геоэлектрическом профиле (диапазон 17,0-22,0 м Профиля 4), наблюдается хорошее согласие геофизических и археологических данных по форме объекта в разрезе и по глубине (рис. 2б) (координатная сетка геофизических измерений на рис. 2 соответствует археологической сетке квадратов на раскопе VII Рождественского городища; расположение геоэлектрических профилей показано на рисунке 2а, при этом сохранена их нумерация в общей сетке измерений).

Увеличение мощности культурного слоя в пределах раскопа фиксируется в восточном направлении. Данная особенность также наглядно выявляется при сравнении нижних границ культурных напластований на геоэлектрических профилях 4 и 5. В среднем, мощность культурного слоя на Профиле 4 (рис. 2б) составляет 1,25-1,50 м, а на Профиле 5 (рис. 2в) – 0,75-0,90 м. Подобным образом эта тенденция фиксируется и при «планиграфической» геофизической съемке: уровень сопротивления на участках П-Ф/12-13 выше, в сравнении с П-Ф/11. Вероятно, в большей степени указанные измерения удельного сопротивления вызваны особенностями распространения слоя № 9, в котором наблюдаются прослойки, связанные с заполнением объектов. Учитывая аморфность границ аномальных областей и характер изменения их контуров по глубине, аномалии сопротивления грунта обусловлены не объектами планировки, а вариациями мощности слоя. Аналогично выявляется аномальная зона в квадратах М/15-16, связанная с неглубокими (до 0,3 м от уровня материка) естественными углублениями древней поверхности (рис. 2а). Полученные оценки по геофизическим данным хорошо соотносятся с результатами археологических раскопок.

Таким образом, опыт проведения междисциплинарных исследований на территории Рождественского городища показал эффективность комплексных электрометрических исследований при определении границ заглубленных объектов и участков с большей мощностью культурного слоя.

Результаты геофизических исследований оборонительных сооружений.

При геофизических исследованиях укрепленных поселений актуальной задачей является детальное изучение оборонительных сооружений. Это предполагает реконструкцию формы сохранившейся части укреплений, восстановление их струк-

туры (слоистость-однородность) и оценку состава грунтов. Данная информация позволяет прогнозировать технологию возведения оборонительных сооружений. Безусловно, для определения хронологии формирования и выявления конструктивных особенностей укреплений необходимы раскопки. Однако, учитывая специфику и существенные трудозатраты археологических исследований оборонительных сооружений, эффективным способом их предварительной реконструкции является геофизическое изучение структуры и формы укреплений (Бобачев и др., 2006; Дьяченко и др., 1999; Иванова, Журбин, 2010; Станюкович, 1997. С. 24–25; Чича..., 2004. С. 264–266).

Геофизические разрезы оборонительных сооружений Рождественского городища проводились на разноплановых участках (рис. 1): профили 1-3 пересекают сохранившиеся участки укреплений, а профили 14 и 15 (Планшет 1; на рис. 1 не показаны) расположены на разрушенном участке (проход на территорию городища для сельскохозяйственной техники).

Геоэлектрические разрезы по Профилям 14 и 15 предоставили возможность оценить расположение и размер сохранившегося основания вала. Возможность и корректность таких реконструкций показана при изучении внутренней линии укреплений городища Иднакар (Иванова, Журбин, 2010) и оборонительных сооружений городища Гурьякар, практически выровненных многолетней распашкой (Иванов и др., 2004. С. 119-120).

Геофизическое изучение сохранившихся участков укреплений позволяет оценить не только расположение и размеры фортификационных сооружений, но восстановить их форму и структуру. По результатам электротомографии структура насыпи вала на Профилях 1-3 принципиально не отличается. Внешний склон состоит из материковой глины, а внутренняя часть насыпи сформирована, вероятно, суглинками с включением гумуса. При этом наблюдаются некоторые отличия с точки зрения технологии формирования. Анализ распределения сопротивления по Профилям 1 и 2 позволяет предположить, что первоначально было сформировано суглинистое основание, которое было перекрыто мощной насыпью из материковой глины. Такая реконструкция геоэлектрических профилей хорошо согласуется с результатами археологических исследований на Раскопе IV (Белавин, Крыласова, 2008. С. 79-82, рис. 25). В отличие от описанной структуры, на Профиле 3 фиксируется лишь отсыпка материковой глины по внешнему краю вала, вал на этом участке меньше. Подобная ситуация зафиксирована при изучении средней линии обороны городища Иднакар (Журбин, 2010), где выявлено не менее четырех вариантов структуры основания вала и определены границы участков с разными способами формирования насыпи.

Кроме отличий по размеру и структуре насыпи вала отмечены и другие особенности линии обороны Рождественского городища. В частности, на Профилях 1 и 2 ров не фиксируется, выделяется лишь относительно небольшая (около 2 м) и неглубокая (около 0,8 м) канавка, которая не может являться элементом фортификации. Заполнение этой канавки практически не отличается от окружающего слоя. Принципиально иная картина фиксируется на Профиле 3: выявлен ров шириной 3,5 м и глубиной не менее 1 м с достаточно контрастным заполнением.

Учитывая предварительные результаты геофизических исследований оборони-

тельных сооружений, необходимо развитие данного направления при исследованиях Рождественского городища. Апробированная методика позволит решить задачу реконструкции оборонительных сооружений на всем их протяжении, что необходимо для анализа системы обороны поселения в целом.

Основные итоги и перспективы.

При выполнении исследований Рождественского городища использовался оригинальный аппаратурно-методический комплекс, основанный на последовательном применении площадного электропрофилирования и электротомографии. Как показала апробация комплексной методики на площадке поселения и оборонительных сооружениях, геофизика (метод электроразведки) позволяет оперативно получить информацию о планировке памятника и структуре его культурного слоя. Основными направлениями дальнейших исследований на Рождественском археологическом комплексе являются расширение участка площадной съемки и проведение геофизических исследований на всем протяжении оборонительных сооружений, что позволит выявить участки с различной технологией насыпи вала, фрагменты рва и иных фортификационных сооружений. Необходимым условием для успешного решения перечисленных задач является проведение раскопок на участках поселения с различным характером культурного слоя. Это уточнит реконструкцию археологических объектов по данным электрометрии.

Список литературы:

Бездудный В.Г., 2008. Геофизические исследования (магнитометрия, георадар) археологических памятников: поселений Пены-1, Журавка, Почтовое-1 // Археология и геоинформатика. Вып. 5 [Электронный ресурс]. – М.: ИА РАН. (CD-ROM).

Бобачев А.А., Горбунов А.А., Модин И.Н., Шевнин В.А., 2006. Электротомография методом сопротивлений и вызванной поляризации // Приборы и системы разведочной геофизики. № 2. – С. 14-17.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ. – 603 с.

Дьяченко А.Г., Погорелов Ю.С., Семушев М.И., 1999. Археолого-геофизические исследования Яблоновского городища в Лесостепном Приосколье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. – Липецк: ЛипГПИ. – С. 159-165.

Журбин И.В., 2010. Восстановление структуры оборонительных сооружений на основе геофизических исследований // Археология и геоинформатика. Вып. 6 [Электронный ресурс]. – М.: ИА РАН. (CD-ROM).

Журбин И.В., Зверев В.П., 1998. Многоэлектродный автоматизированный электроразведочный комплекс // Научное приборостроение. Т.8. № 1-2. – С. 46-50.

Журбин И.В., Бобачев А.А., Зверев В.П., 2007. Комплексные геофизические исследования культурного слоя археологических памятников (городище Иднакар, IX-XIII вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2(30). – Новосибирск: ИАЭ СО РАН. – С. 114-124.

Иванова М.Г., Журбин И.В., 2010. Археолого-геофизические исследования оборонительных сооружений // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3(43). – Новосибирск: ИАЭ СО РАН. – С. 84-93.

Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И., 2004. Археологическая карта северных районов Удмуртии. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. – 276 с.

Райнхольд С., 2007. Аэрофотография и ГИС-анализ пространственных структур Кисловодской котловины в разных масштабах // Археология и геоинформатика. Вып. 4 [Электронный ресурс]. – М.: ИА РАН. (CD-ROM).

Смекалова Т.Н., Мельников А.В., Мыщ В.Л., Беван Б.В., 2000. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. – СПб: СПбГУ. – 163 с.

Станюкович А.К., 1997. Основные методы полевой археологической геофизики // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 1. – М.: ИА РАН. – С. 19-42.

Чемякина М.А., 2010. Диагностика культовых комплексов Барабинской лесостепи геофизическими методами // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 9. – Вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск: НГУ. – С. 74-84.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайсс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик // Материалы по археологии Сибири. Т. 2. Вып. 4. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2004. – 336 с.

М.Г. Иванова, А.Н. Кириллов.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КУШМАНСКОГО
КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ В БАСЕЙНЕ Р. ЧЕПЦЫ

В статье обобщаются результаты исследований, проведенных на городище Учкакар и Кушманском могильнике в 2011 г. Предварительные результаты исследований на памятниках Кушманского археологического комплекса позволяют сделать вывод об активном освоении данного микрорегиона в эпоху средневековья. Выгодное местоположение, важная роль в системе безопасности населения бассейна р. Чепцы, система укреплений, большая площадь, ставят Учкакар в один ряд с городищами Иднакар и Гурьякар.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Удмуртия, городище, могильник

M.G. Ivanova, A.N. Kirillov
PRELIMINARY RESULTS OF EXAMINATIONS OF THE KUSHMANSKIY COMPLEX
OF SITES IN THE BASIN OF THE CHEPTSY RIVER

The paper summarizes results of the surveys in the Uchkakar settlement and the Kushmanskiy burial ground in 2011. Preliminary results of examinations of the Kushmanskiy archaeological complex show that the territory was actively developed in the Middle Ages. Strategic location, important role in the security system of the population of the Cheptsy River basin, the system of fortifications and large area place Uchkakar among such sites as Indakar and Guryakar.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, Udmurtia, settlement, burial ground

В 2011 г. археологическая экспедиция Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН совместно с сотрудниками Физико-технического института УрО РАН, Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар», Глазовского государственного педагогического института провела комплексные исследования Кушманского комплекса памятников, включающего городище Учкакар и Кушманский I могильник в Ярском районе Удмуртской Республики.

Городище Учкакар, наряду с Иднакаром и Гурьякаром, является одним из крупнейших в бассейне р. Чепцы, имеет две просматривающиеся линии обороны, мощный культурный слой, и является центром средневекового микрорегиона, к которому можно отнести следующие памятники, датируемые IX–XIII вв. н.э.: Кушманское I селище, расположенное в 1 км к востоку, Кушманское II селище – в 0,7 км к востоку, Кушманское III селище – в 0,35 км к востоку, Мосеевский могильник «Бигершай» – в 4,5 км к юго-западу, Коповский могильник «Бигершай» – в 4,7 км к востоку, Хутор-Озерковское селище – 4 км к западу. Более удалены Комаровское городище «Чибиныкар» – в 7 км к северо-востоку, Жабинские I и II селища, а также Жабинский могильник – в 8 км к востоку – юго-востоку (Археологическая карта, 2004). Большинство памятников располагается на правом коренном берегу р. Чепцы.

Городище впервые упоминается в переписях XVII века. В 1880-х гг. памятник был исследован А.А. Спицыным и Н.Г. Первухиным, который провел пробные раскопки, снял топографический план и закупил большую коллекцию вещей у кушманских крестьян. Он предпринял попытку анализа названия городища. Формант «учка», на его взгляд, происходит от удмуртского глагола «учкыны» (смотреть, глядеть), либо от имени некоего персонажа, носившего языческое имя «Учко» или «Учка». Ссылаясь на

мнение местных жителей, и отсутствие каких-либо сведений о существовании в удмуртском эпосе героя с таким именем, исследователь склоняется к толкованию названия либо как «сторожевой город», «смотри-город», либо как «город, на который стоит посмотреть, город-загляденье» (Первухин, 1893. С. 85).

Учитывая, что Учкакар является самым западным, пограничным городищем в системе чепецкой археологической культуры, а также его стратегическое положение с прекрасным обзором долины на многие километры, с возможностью контроля реки и, соответственно, – обстрела любого судна с южной кромки городища, можно предложить более корректный перевод названия – «Дозорное городище».

В 1930 г. на городище провел раскопки А.П. Смирнов. Две взаимно перпендикулярные траншеи прорезали на половину ширины внутреннюю площадку перед валом и примерно половину ее длины от предвальной части до второго вала. Было вскрыто 20 сооружений, идентифицированных как жилые дома, кладовые, очаги, горны, сараи, загоны для скота. Особенно интересными оказались сырдутные горны, описание которых в дальнейшем использовалось разными авторами, в т.ч. и Б.А. Колчиным (Колчин, 1953. С. 30-37). Материалы городища долгое время оставались неопубликованными, и только в 1970-е годы по инициативе А.П. Смирнова они были введены в научный оборот, датированы IX-XII, возможно – пер. пол. XIII в. (Иванова, 1976. С. 105-106).

В 1959 г. памятник и его окрестности обследованы Г.Т. Кондратьевой, собравшей с поверхности фрагменты керамики, открывшей расположенные рядом 3 селища. В 2007 г. городище обследовано А.Н. Кирилловым, снят топографический план, уточнена общая площадь памятника (Кириллов, 2007). В 2008 и 2010 гг. проведены рекогносцировочные работы на Кушманском I могильнике (Кириллов, 2008; 2010).

Городище Учкакар расположено на правом берегу р. Чепцы, на мысу, образованном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – глубокой долиной ручья Каршур (Городищенская речка – удм.), правого притока р. Чепцы. Площадка городища имеет подтреугольную форму, ориентирована с северо-востока на юго-запад. Основная, верхняя площадка имеет легкий уклон в сторону стрелки мыса. Поверхность ровная, хорошо задернована и покрыта высоким травостоем. На площадке возведены валы, прослеживающиеся до настоящего времени.

Ширина площадки в районе внешней линии укреплений от края до края по прямой составляет 150 м. Вал дугообразный. В северо-западной части прослеживается проход между краем площадки и валом шириной около 10 м. Данный проход не описывается Н.Г. Первухиным (Первухин, 1896). Вероятно, он был сформирован позднее для проезда на городище при проведении сельскохозяйственных работ. Центральная часть вала также разрушена при прокладке проезда шириной 7-8 м в 90-е годы XX в. Ширина основания внешнего вала по всей протяженности составляет 15-17 м. Перед валом с напольной стороны фиксируется ров шириной около 10 м. Глубина относительно внешней напольной поверхности колеблется от 1,3 в юго-восточной части до 1 м в центральной. Высота вала в юго-восточной части составляет около 1 м относительно внутренней поверхности площадки, перепад высот между дном рва и гребнем вала – 2 м, в центральной и северо-западной части соответственно – 2 и 3 м. Эта часть вала заросла густыми зарослями шиповника и ельником. В северо-западной части рва произрастают влаголюбивые травы. Если предположить, что вал перегораживал площадку от края до края, то его протяженность по дуге составляла 170 м.

Площадка между внутренним и внешним валами ровная, заросшая многолетними травами. Площадь части, пригодной для жилья (ровная поверхность, ограниченная с

северо-востока внешним валом, с юго-запада внешней границей рва), – 10 500 кв. м.

Средняя линия обороны городища также состоит из вала и рва. Вал находится на расстоянии 112 м к юго-западу от внешнего вала (расстояние измерено между гребнями валов). В отличие от внешнего вала, внутренний сохранился лучше, нарушений нет. Он закругляется по бокам и имеет слегка дугообразную форму длиной 98 м. Со стороны внутренней части перепад высот невелик, по инструментальным данным составляет 30-50 см. С внешней стороны между предполагаемым гребнем вала и дном заплывшего рва перепад составляет 2 – 2,3 м. Ров шириной 10-15 м хорошо фиксируется лишь ближе к краям площадки с северо-западной и юго-восточной стороны. К юго-западу площадка городища постепенно сужается, образуя стрелку мыса, которая заканчивается крутым склоном в пойму р. Чепцы. Расстояние от перегиба до средней линии обороны составляет 207 м, до внешней линии обороны (до фиксируемого края рва с напольной стороны) – 334 м. Юго-восточная оконечность мыса имеет небольшую залесенность. Площадь внутренней части, пригодной для жилья (ровная поверхность, ограниченная с северо-востока внутренним валом) – 10 700 кв. м. Таким образом, общая площадь внутренней и внешней площадок, включая территорию валов и рвов вплоть до внешней границы внешнего вала, составляет 29 900 кв. м.

С юго-восточной стороны от центральной площадки фиксируется обширная терраса, которая начинается практически от стрелки и простирается до внешнего вала. Терраса находится на 7-8 м ниже уровня центральной площадки и отделена от нее крутым склоном, поросшим шиповником. Протяженность террасы составляет около 200 м, ширина – до 37 м. Площадка имеет ровную поверхность с небольшим уклоном к юго-востоку. Ее площадь составляет около 5 400 кв. м. С юго-западной стороны терраса переходит в крутой склон к пойме р. Чепцы высотой 15 м. Склон зарос шиповником. Густые заросли этого колючего растения произрастают на склонах и валах городищах Иднакар, Весьякар и на ряде других памятников. Можно предположить, что шиповник в древности специально культивировался на наиболее уязвимых участках с целью усиления оборонительных возможностей городища. По центральной площадке проходит современная полевая дорога, которая переходит на юго-восточный склон перед внутренним валом, проходит под углом по юго-восточной площадке и направляется вниз по склону в пойму р. Чепцы. Крутые склоны городища были подрезаны при прокладке этой дороги. Вполне вероятно, что данная площадка так же использовалась для жилья.

Северо-западный склон более пологий, особенно между внешним и внутренним валами. От площадки городища он отделен резким перегибом в 5-6 м. Ближе к стрелке склон становится более крутым, его высота составляет 20-25 м. От стрелки мыса к ручью прослеживается подрезка, обустроенная, вероятно, для подъема на городище.

Основной задачей экспедиции 2011 г. стали междисциплинарные исследования по выявлению мощности и структуры культурного слоя, изучению сооружений, получению материалов для хронологических определений. Поэтому, в первую очередь, основное внимание уделено комплексным геофизическим измерениям (малоглубинная электроразведка) площадки, для локализации объектов планировки (основания сооружений, ямы, очаги и пр.), линий обороны и предварительной оценки их формы.

Раскоп на территории городища Учкакар заложен на центральной площадке, ближе к средней линии обороны. При выборе участка были использованы данные предварительных

электрометрических исследований, выявивших в данном месте аномалию, аналогичные которой на городище Иднакар связываются с площадками прокаленной глины, как правило, составляющей центральную часть жилища. Территория раскопа размерами 9 x 9 м была размечена на участки 3 x 3 м. Археологические исследования проводились с использованием методов выборки слоя, фиксации и обработки артефактов, разработанных и используемых в последнее десятилетие при раскопках городища Иднакар. В качестве обязательного элемента методики раскопок проводились инструментальные замеры в единой трехмерной системе координат, определившие структуру создаваемых баз данных находок и слоев.

В 2011 г. культурный слой исследован на 70-80 см, что составляет примерно половину мощности культурного слоя на данном участке. Раскопки подтвердили прогноз электрометрических исследований – в центральной части раскопа обнаружена глинобитная конструкция со следами долговременного воздействия огня. Площадка и все зафиксированные линейные остатки сооружений имеют ярко выраженную ориентацию по линии юг-север с небольшим отклонением в 15-29 градусов к западу. Размеры площадки – 3,5 x 2,7 м, мощность около 0,5 м. Практически на всех уровнях фиксации с севера и востока прослеживаются четкие следы опалубки.

Восточнее зафиксирована часть подпрямоугольной глиняной площадки, которую прорезает угол траншеи А.П. Смирнова. Глина перекрывает слои угля и золы, а также скопления камней, вероятно оставшихся от очага.

Крупный очаг с мощным слоем золы и подквадратной обкладкой из камней выявлен и севернее глинобитной площадки. Учитывая, что очаг расположен выше слоев суглинка, образовавшихся в процесс разрушения сооружения, остатками которого являются слои глины площадки № 2, можно предположить, что это более позднее сооружение. Рядом с очагом обнаружено крупное скопление костей животных, которые, возможно, были заготовлены в качестве сырья для изготовления различных изделий. Внимание привлекает древесный тлен, оставленный двенадцатью досками или плахами, которые могли остаться от настила или упавшей стены.

Вещевой материал представлен различными категориями находок. Это бытовые предметы, украшения, местная лепная и гончарная булгарская керамика. Довольно много предметов импорта – стеклянные бусы, костяные расчески, детали поясного набора. Хронологически показательны стеклянные бусы, среди которых абсолютно преобладают одноцветные и глазчатые заглушенного стекла, изготовленные из навитой трубочки, распространенные в основном в X-XI вв. (Львова, 1973. С. 88-89). На Иднакаре, как и на других чепецких погребальных памятниках, они в значительном количестве бытуют до XIII в. (Иванова, 1998. С. 203). В единичных экземплярах найдены лимоновидные бусы X-XI вв., преобладающие, как правило, в нижних горизонтах чепецких городищ.

Среди бус, характерных для более позднего периода XI-XIII вв., есть навитые бусы полупрозрачного и прозрачного стекла, которые наибольшее распространение имели в XII-XIII вв., бусина коричневая эллипсоидной формы с накладными нитями, в коллекции Белоозера включены в состав материалов, бытовавших до середины XI в. (Захаров, 2004. С. 44), желтая овальная с ободками (катушечная) с реснитчатыми глазками. Этим датам не противоречат составная расческа из кости, коленчатый ключ от врезного замка из железа, детали поясного убора из бронзы.

Новые материалы городища, выявленные в выбранных верхних горизонтах раскопа, укладываются в хронологические рамки X-XIII вв., они находят ближайшие аналогии в материалах памятников чепецкой культуры, а также синхронных культу-

рах лесной полосы Восточной Европы. Но выразительный комплекс лепной керамики с раковинной примесью характерных для чепецких памятников чашевидных форм, набор изделий из кости, включающий кочедыки, ложки, копоушки, гребни, пряслица с геометрическим орнаментом, безусловно, подтверждают включение городища в круг памятников чепецкой культуры.

Кушманский I могильник располагается на береговой террасе в 100 м к северу от р. Чепцы, и 600 м к востоку от городища Уччакар. У местного населения урочище носит название «Шайвыл» (Кладбище на возвышенности – удм.). С востока площадку ограничивает лог, с юга – склон террасы, поверхность ровная, слегка поднимающаяся к северу. С запада террасу пререзает овраг с протекающим по нему ручьем, известным у местных под названием «Шайшур» (кладбищенская речка – удм.).

Памятник был открыт в связи с выявленными грабительскими раскопками в 2008 г. В 2008–2010 гг. здесь были заложены крупные раскопы, целиком разрушено значительное количество погребений, изъяты средневековые украшения, а орудия труда и человеческие кости разбросаны по поверхности. Раскопами грабителей разрушена площадь в 230 кв. м. Возле одного из раскопов было обнаружено скопление выброшенных ими предметов.

Наконечники стрел представлены семью металлическими черешковыми и двумя трехгранными костяными изделиями. Обнаружена боковая наладка на лук, на обратной стороне которой фиксируются насечки для лучшего приклеивания. Коллекция содержит также ножи, среди которых есть погнутые, сломанные, 2 резцаложкаря с крючкообразным лезвием и прямым черенком, 7 шильев с круглым и прямоугольным сечением, 3 лезвия от стругов, 4 тесла, 2 пешни.

Кресала из подъемного материала представлены 2 целыми образцами и одним фрагментом. Кресала калачевидные подовальной формы с ярко выраженным язычком на тыльной стороне рабочего лезвия. Н.Б. Крыласова относит подобный тип к ранним в Пермском Предуралье и датирует X – первой половиной XI в. (Крыласова, 2007. С.158, рис.1).

Среди выброшенных вещей обнаружены две стеклянные бусины (трехчастная синего цвета и глазчатая голубого цвета с желто-красными глазками), бронзовая пронизка с валиками. Украшения из цветных металлов представлены фрагментом калачевидной серьги из белого металла, накладками на ремень и рамкой от ременной пряжки, фрагментами браслетов из бронзы, пластинчатым перстнем. Зафиксированы элементы обкладки ножен и детали составной костяной расчески.

Выброшенными оказались и три бронзовых котла диаметром 25-30 см, изготовленных из листового металла с железными ручками-дужками. В 2011 г. на территории могильника заложен рекогносцировочный раскоп размерами 6 x 3 м. Один из участков охватывал часть, разрушенную грабительскими раскопками, второй – с ненарушенной поверхностью. В силу насыщенности верхних слоев большим количеством раздробленных костей и вещевым материалом, работы производились с полной послойной выборкой грунта и индивидуальной фиксацией. На уровне материка стали фиксироваться разнообразные ямы с различным грунтовым заполнением, в котором продолжали встречаться различные находки.

Вскрыто три погребения, два из них – подростки, предположительно мальчик и девочка, рядом обнаружено погребение взрослого мужчины. Захоронения совершены на глу-

Исследования поддержаны Программой интеграционных и междисциплинарных проектов фундаментальных исследований УрО РАН на 2012–2014 гг.

© *Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2012*

бине 0,6-0,9 м от современной поверхности в прямоугольных деревянных гробах, от которых фиксируются боковые доски и дно. В погребении девочки обнаружена низка бус биконической формы из синего прозрачного стекла, в районе запястий – амулеты из просверленных когтевых фаланг медведя. В погребении мальчика сохранился нож, наконечники стрел, захоронение мужчины разграблено еще в древности – непо потревоженными остались лишь бедренные кости. Погребения ориентированы головой на север, насколько позволяет судить площадь раскопа, они составляли ряды.

Предварительные результаты исследований на памятниках Кушманского комплекса археологических памятников позволяют сделать вывод об активном освоении данного микрорегиона в эпоху средневековья. Выгодное местоположение, важная роль в системе безопасности населения бассейна р. Чепцы, система укреплений, большая площадь ставят Учкакяр в один ряд с городищами Иднакар и Гурьякар, и открывают широкие перспективы для междисциплинарных исследований с привлечением специалистов из различных областей науки – антропологов, металловедов, палеоботаников, археозоологов.

Дальнейшие геофизические изыскания будут связаны с восстановлением стратиграфии культурного слоя оборонительных сооружений (структура насыпи вала, состав грунтов, заполнения рва и пр.) и объектов планировки, однозначная интерпретация которых по «планиграфической» геофизической карте не представляется возможной. В качестве проверочных данных будут использованы существующие эталоны геофизических аномалий, выработанные авторским коллективом при изучении чепецких городищ Иднакар и Гурьякар. Кроме того, для интерпретации будут привлечены результаты раскопок на основных памятниках чепецкой археологической культуры (Весьякар, Дондыкар, Учкакяр, Сабанчикяр, Мало-Венижское).

Список литературы:

Археологическая карта, 2004 / Под общей редакцией А.Г. Иванова. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 276 с.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик. – 592 с.

Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 258 с.

Иванова М.Г., 1976. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. – Ижевск: УдНИИ ИЭЛЯ при СМ УАССР. – 140 с.

Иванова М.Г., 1998. Иднакар: древнеудмуртское городище IX-XIII вв. — Ижевск. УДИИЯЛ УрО РАН. – 294 с.

Кириллов А.Н., 2007. Отчет об археологических разведках в Глазовском и Ярском районах Удмуртской Республики в 2007 г. // Архив БУК «Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар».

Кириллов А.Н., 2008. Отчет об археологических разведках в Глазовском и Ярском районах Удмуртской Республики в 2008 г. // Архив БУК «Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар».

Кириллов А.Н., 2010. Отчет об археологических разведках в Ярском, Глазовском, Базинском районах Удмуртской Республики в 2010 г. // Архив БУК «Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар».

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси //

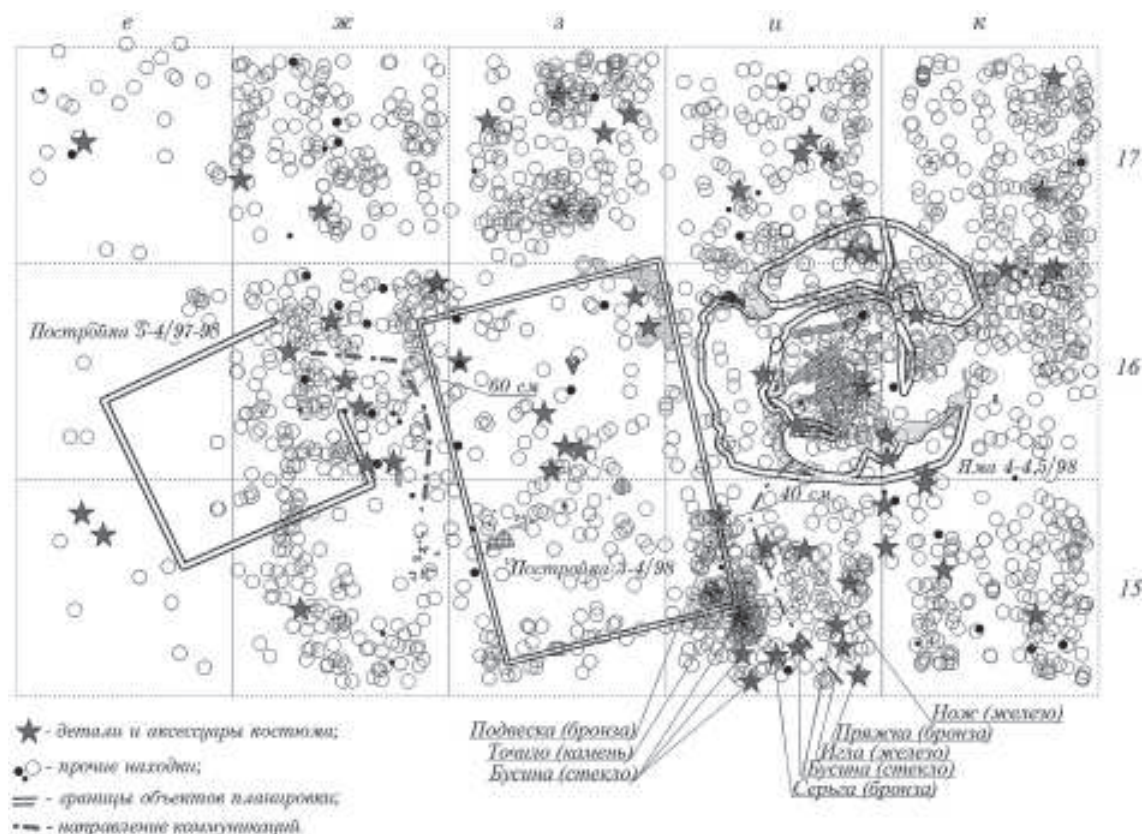

Рис. 1. Пример фиксации коммуникаций и выходов объектов планировки на основании частоты распределения находок. Городище Иднакар. Исследования 1997–1998 гг. Фрагменты раскопов.

МИА №32. – М.: Наука. – 259 с.

Корякова Л. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К., 1991. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. – Свердловск: УрО АН СССР. – 72 с.

Крыласова Н.Б., 2007. Хронология кресал Пермского Предуралья // Известия ЧНЦ УрО РАН. № 1 (35). – Челябинск: ЧНЦ. – С.157-161

Львова З.А., 1973. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Вып. 15. – Л.: ГЭ. – С. 83-104.

Первухин Н. Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. II. – М. – С. 13-127.

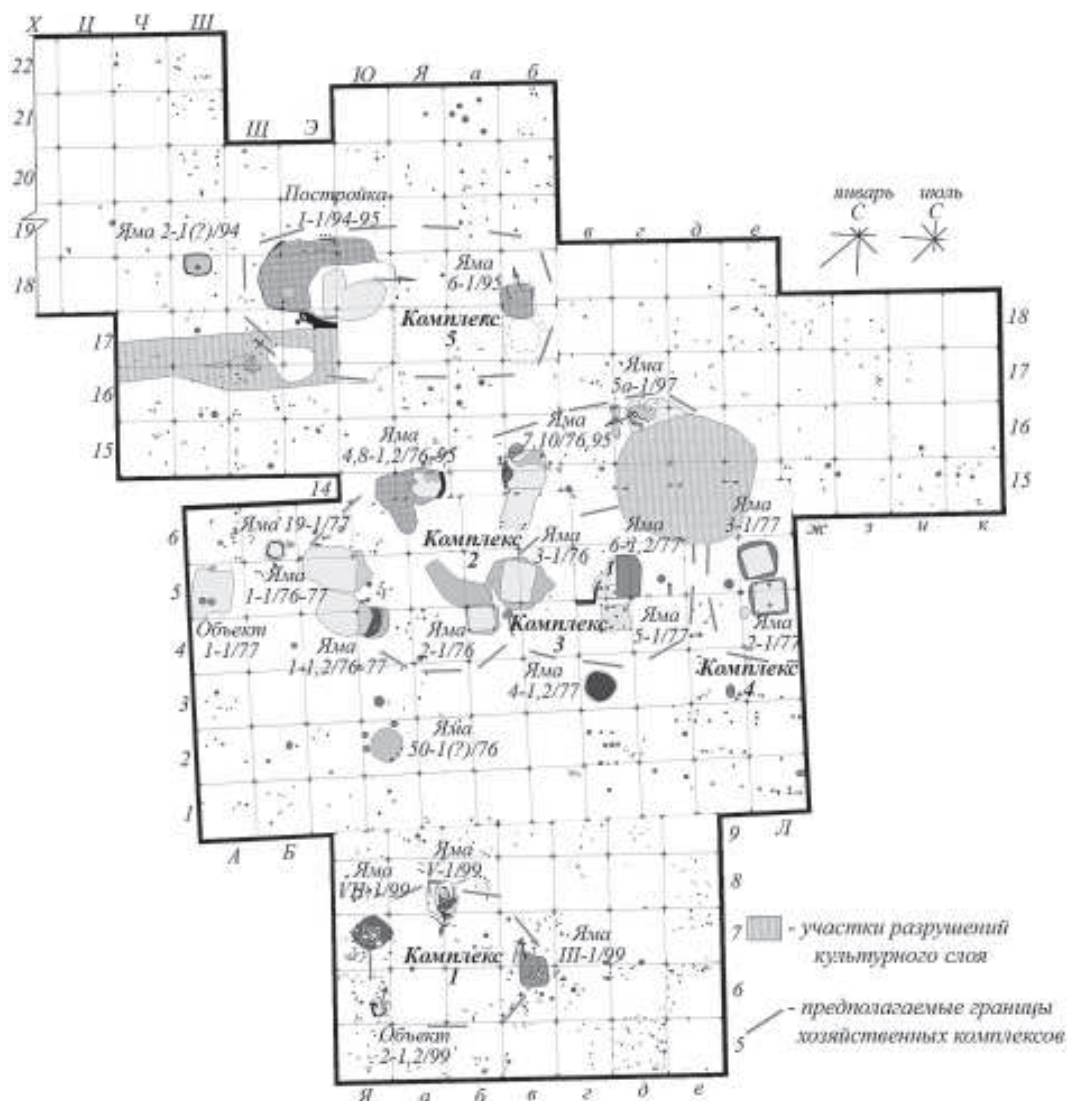

Рис. 2. Пример объединения объектов планировки в хозяйственные комплексы на основании ориентации выходов. Городище Иднакар. Средняя площадка городища. Уровень планировки 1. Исследования 1994–2004 гг.

М.Г. Иванова, Г.А. Степанова.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ОБЪЕКТОВ ПЛАНИРОВКИ ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ИДНАКАР

Статья посвящена определению взаимосвязей объектов планировки, как одного из показателей наличия жилищно-хозяйственных и усадебных комплексов, являющихся основной информацией для реконструкции уровня социально-экономического развития древнего населения. Компактность разнофункциональных объектов, ориентация выходов и частотно-контрастных показателей распределения находок позволили достаточно аргументировано выделить на средней части городища Иднакар комплексы, в том числе, и жилищно-хозяйственные.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Удмуртия, городище Иднакар, объекты планировки

M.G. Ivanova, G.A. Stepanova

DETERMINATION OF INTERRELATIONS OF OBJECTS OF PLANNING BASED ON

THE MATERIALS OF THE INDAKAR SETTLEMENT

Determination of interrelations of objects of planning as one of the indicators of housing and farmstead complexes, which produce basic information for the reconstruction of the level of social and economic development of the ancient population. Compactness of objects of different functions, orientation of exits and frequency-contrast indicators of the distribution of findings allow identifying complexes, including those of the housing and household, in the middle part of the Indakar settlement.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, Udmurtia, the Indakar settlement, objects of planning

Важным моментом в изучении поселений является определение взаимосвязей объектов планировки, как одного из показателей наличия жилищно-хозяйственных и усадебных комплексов, которые являются основной информацией для реконструкции уровня социально-экономического развития древнего населения. Необходимость решения этой задачи определилась при анализе материалов городища Иднакар в рамках разработки проблемы формирования археологического источника и его визуализации (Степанова, Смагин, 1999. С. 203-243; Степанова, Журбин, 2000. С. 69-70), целью которой является выработка информационного стандарта, позволяющего рассматривать объект комплексно: при достаточном объеме и без наличия иррелевантной информации. Выработка подобного стандарта потребовала проведения оценки различных категорий археологической полевой информации с точки зрения востребованности ее в научном анализе, выделения рабочих/нерабочих признаков и определения набора первичных операций.

Оценке потенциала различных категорий информации, механизмам ее использования при анализе слоев культурного напластования, выделении уровней и объектов планировки, обосновании их границ, выявлению информационного потенциала следов столбовых ям посвящены отдельные статьи (Иванова, Степанова, 2009, 2010, 2010а). В данной публикации рассматриваются некоторые возможности определения взаимосвязей объектов планировки и выделения отдельных жилищно-хозяйственных комплексов на материалах городища Иднакар (чепецкая археологическая культура, IX-XIII вв.), а также объема и категорий информации, которые при исследованиях этого направления входят в разряд релевантной.

Для исследования были определены следующие задачи:

- выявление информации о признаках взаимосвязи объектов планировки, образующих жилищно-хозяйственные комплексы, в публикациях материалов средневековых поселений;
- выявление признаков взаимосвязи объектов планировки по материалам историко-этнографических исследований;
- выявление принципов организации жилищно-хозяйственных комплексов в архитектурно-строительных исследованиях и прогноз следов их отражения в культурном напластовании;
- определение возможных археологических признаков единого жилищно-хозяйственного комплекса на основании проведенных исследований;
- транспонирование результатов исследования на материалы городища Иднакар.

В поисках отражения основных признаков выделения жилищно-хозяйственных и усадебных комплексов, в первую очередь, были проанализированы работы, посвященные исследованиям поселений средней полосы России значительными площадями, предоставляющими возможность работы с группами объектов, а природ-

ные условия и, соответственно, условия организации жизненного пространства имеют сходство. В результате обнаружилось, что в большинстве случаев в публикациях содержатся интерпретации, сами механизмы выделения жилищных и жилищно-хозяйственных комплексов не представлены (Баран, 1987. С. 61-66; Кузьмин, 2008. С. 69-94; Штруве, 1987. С. 142; Руденко, 1998. С. 62-63; Федоров-Давыдов, 1998. С. 6-9 и др.). Единственный признак объединения объектов планировки в комплексы просматривается в компактности их расположения. Механизм выделения жилищно-хозяйственных комплексов и усадебной застройки приведен в исследованиях А.В. Кузы, где основным признаком определено наличие их ограждений, фиксируемые в археологических материалах в виде следов столбовых ям (Куза, 1989).

Таким образом, в результате анализа публикаций материалов поселений установлено, что признаками, указывающими на взаимосвязи объектов планировки, могут выступать компактность расположения объектов планировки и наличие ограждений, отраженные в расположении следов столбовых ям в определенном порядке (Куза, 1989; Петров, Сорокин, 1997). Для проверки корректности выявленных и поиска дополнительных признаков объединения объектов планировки в единые жилищно-хозяйственные комплексы проанализированы материалы историко-этнографических исследований, в результате которых обнаружилось, что эти признаки не являются бесспорными в решении этого вопроса.

Компактность в расположении объектов планировки не всегда может выступать в роли индикатора объединения элементов планировки в единый комплекс. К примеру, этнографами в конце XIX в. (т.е. уже в период бытования сформированных как жилищно-хозяйственных, так и усадебных комплексов) отмечено, что у удмуртов «...избы стоят в таком беспорядке, что одна изба упирается часто задним углом в переднюю стену соседней избы» (Паллас, Черемшанский. Цит. по Садикову, 2001. С. 40). По этой информации следует, что не всегда близко расположенные постройки относились к единому жилищно-хозяйственному комплексу. Здесь скорее отражено наличие свободного типа застройки поселения, который диктовался природно-климатическими особенностями региона, и был рациональным в отношении целого ряда функциональных и гигиенических требований (Дектерев, 1989. С. 33).

Кроме того, при сравнении материалов этнографии с археологическими, следует иметь в виду тот достаточно большой промежуток времени, за который могла измениться хозяйственная ориентация населения, например, в сторону преобладания земледелия. Изменения в планировке поселений могли быть вызваны и причинами исторического порядка: распадом родовой общины, переселением, экономией пахотной земли (Дектерев, 1989. С. 33-34). Необходимо также обратить внимание и на то, что жилищно-хозяйственный комплекс, как правило, состоял из набора разнофункциональных объектов, только в этом случае компактность расположения объектов может достаточно убедительно указывать на их принадлежность к единому комплексу.

Второй из выявленных признаков – система расположения следов столбовых ям, маркирующих ограждения, также мало приемлем для применения его к материалам городища Иднакар. Данные историко-этнографических исследований показали, что даже у северо-русского крестьянства XVI-XVIII вв. не зафиксированы традиции огораживания «своей» территории. Наличие изгородей до XIX в. являлось скорее показателем высокого достатка, и только с XIX в. на этой территории было зафиксировано распространение усадебных изгородей (Севан, 1991. С. 56). В отно-

шении наличия/отсутствия традиций ограждения хозяйственных (усадебных) комплексов у населения территории Приуралья и Урала в исследованиях Р.Р. Садикова опять же со ссылкой на материалы П.С. Палласа и В.М. Черемшанского, указывается на отсутствие у удмуртов в конце XIX в. огороженных дворов. Усиливает факт отсутствия этих традиций и то, что описание касается удмуртов, переселившихся, по мнению В.М. Черемшанского, в Оренбургскую губернию в XVIII в. из Вятской (Садиков, 2001. С. 40). Опираясь на механизм сохранения традиций, который однозначно включается с попаданием населения в инородную среду (Тихомиров, 2005. С. 107), вряд ли традицию огораживания удмуртских дворов можно считать ранней.

Таким образом, выявленные в публикациях материалов средневековых поселений признаки выделения жилищно-хозяйственных комплексов (следы ограждений и компактность расположения) не являются безоговорочными индикаторами их наличия, но, без сомнения, могут выступать в качестве дополнительных.

Дальнейший поиск произведен по публикациям материалов архитектурно-строительных исследований, которые базируются на практике сложившихся и проверенных временем народных традиций с обязательным учетом природно-климатических условий местности.

Для климатической зоны севера Удмуртии организация усадебных комплексов требует наличия коротких и удобных связей между жилищем и хозяйственными постройками (Дектерев, 1989. С. 79, 97-98). Такие связи устанавливаются не только собственно расположением объектов относительно друг друга, а, прежде всего, ориентацией их выходов. Возможность объединения группы объектов в жилищно-хозяйственные комплексы по признаку ориентации выходов подтверждается практикой, изложенной в материалах исследований традиционных поселений Среднего Приобья, которые указывают, что ...входом к реке жилище ориентировано в том случае, когда усадьба как таковая отсутствует (нет хозяйственных построек). Если же в состав усадьбы входили амбары и другие постройки, то визуальная связь их с рекой сохранялась через окна, а вход в жилище устраивался со стороны двора, то есть был обращен к хозяйственным постройкам (Нечаева, Рачковский, 1990. С. 312-319; Нечаева, 1991. С. 54). Судя по этим примерам, возможными признаками отражения взаимосвязей объектов планировки на средневековых поселениях Приуралья могут быть:

- компактность расположения объектов планировки, за редким исключением, разнофункциональных;
- ориентация выходов жилых и хозяйственных построек;
- наличие иных признаков коммуникативных связей;
- наличие следов столбовых ям, расположение которых могло бы указывать на изоляцию группы построек от окружающего пространства.

Для выявления выделенных признаков в материалах городища Иднакар, прежде всего, были определены компактно расположенные группы элементов планировки, из которых в исследованиях использованы различные по конструктивным особенностям объекты (рис. 1-2). Дальнейшие исследования потребовали поиска показателей наличия выходов объектов планировки городища Иднакар, которые фиксировались в виде:

- выступов слоя (преимущественно темного рыхлого или пятен глины, золы, угля, в расположении которых читается определенный геометрический контур) от

общей линии границ объекта на уровне его строительства;

- ступенями, фиксируемыми чаще всего в стратиграфических разрезах, иногда выложенной стенкой (преимущественно для объектов с котлованами в основании);

- выемками и выступами изолирующего слоя в изоляционных площадках и основаниях построек;

- расположением следов столбовых ям.

Данные признаки проявляются как индивидуально каждый, так и в сочетании. Исследуя расположение объектов планировки и соответствующих стратиграфических групп находок, было отмечено, что в некоторых случаях в частоте их распределения наблюдались области разрядки, окруженные полосой сгущения. Эти области иногда сочетались с определенным расположением следов столбовых ям, и в таких случаях могут быть интерпретированы также как объекты планировки легких (некапитальных) конструкций или площадки активного использования. Кроме областей разрядки, в частоте распределения находок прослежены линейные просветы шириной 30-50 см. Вдоль их границ чаще, чем где-либо, встречены украшения и предметы обихода, которые носились на одежде. Это позволяет идентифицировать такие «просветы» с признаками наличия основных направлений коммуникаций (рис. 1) и указателями на взаимосвязи объектов планировки.

Таким образом, компактность разнофункциональных объектов, ориентация выходов и частотно-контрастных показателей распределения находок позволили на средней части городища Иднакар достаточно аргументировано выделить комплексы, в том числе, и жилищно-хозяйственные (рис. 2), но не исключены и иные признаки, выявление которых остается предметом дальнейших исследований.

Список литературы:

Баран В.Д., 1987 Раннесредневековые древности славян юго-восточной Европы (проблемы сложения, периодизации и социальной структуры // Труды пятого международного конгресса славянской археологии. Т.1. Вып. 1. – М.: ИА АН СССР. – С. 61-66.

Дектерев С.А., 1989. Климат и архитектура народного жилища. – Свердловск: УрГУ. – 208 с.

Журбин И.В., Степанова Г.А., 2000. Компьютерное картографирование в археологии: источники, методика и технология // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании: Сборник тезисов докладов и сообщений Всероссийской конференции. – М.: МГУ. – С. 69-70

Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2009. Формирование источника для компьютерного моделирования (на материалах городища Иднакар) // Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа: сб. науч. тр. – Пермь: ПГПУ. – С. 68-78.

Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2010. Информационный потенциал следов столбовых ям (по материалам городища Иднакар) // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. Ижевск: УдГУ. – С. 97-109.

Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2010а. Критерии выделения границ объектов планировки в процессе формирования археологического источника (на материалах

Рис. 1. Распределение объектов на первом и втором уровнях планировки. Городище Иднакар, средняя площадка. Исследования 1994-2004 гг.

А – уровень планировки 1; Б – уровень планировки 2

городища Иднакар) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11–16 октября 2010 г.). – Уфа: БГПУ. – С. 286-290.

Куза А.В., 1989. Малые города древней Руси. – М.: Наука. – 169 с.

Кузьмин С.Л., 2008. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследования археологических памятников эпохи средневековья: сб. научных статей. СПб.: Нестор-История. – С. 69-94.

Нечаева Т.А., Рачковский П.Ю., 1990. Особенности архитектуры народов Среднего Приобья // Архитектурное наследие № 37. – М.: Стройиздат. – С. 312-319.

Нечаева Т.А., 1991. Специфика расселения и анализ объемно-планировочной структуры традиционных поселений хантов и селькупов Среднего Приобья // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. – Петрозаводск: ПетрГУ. – С. 50-55.

Петров М.И., Сорокин А.Н. О размерах усадеб Древнего Новгорода. История и археология. 11/97 // «Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Материалы

научной конференции // <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/54.htm>. Время доступа 07.11.11.

Руденко К.А., 1998. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–1994 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 72-83.

Севан О.Г., 1991. Материалы к историко-типологическому и генеалогическому исследованию крестьянских усадеб Русского Севера // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. – Петрозаводск: ПетрГУ. – С. 56-71.

Степанова Г.А., Смагин М.Г., 1999. К вопросу о методике извлечения, обработки и сохранения первичной информации на примере городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск-Глазов. – С. 230-243.

Тихомиров К.Н., 2005. Влияние миграций и новаций на формирование культурного облика населения Западной Сибири в 17–18 вв. // Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири. – Омск: Наука. – С.107–138.

Штруве К.–В., 1987. Раскопки княжеской крепости славян-вагров в Ольденбурге (Гольштейн) // Труды пятого международного конгресса славянской археологии. Том I. Вып. 26. – М.: ИА АН СССР. – С. 139-146.

Садиков Р.Р., 2001. Поселения закамских удмуртов. – Уфа: Гилем. – 180 с.

Федоров-Давыдов Г.А., 1998. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГУ. – С. 38-59.

М.Г.Иванова, Г.А. Степанова.
УРОВНИ ПЛАНИРОВКИ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА ИДНАКАР

В статье впервые представлено распределение объектов средней части городища Иднакар по пяти уровням планировки и их краткое хронологическое обоснование. Полученные материалы позволили выделить стратиграфические периоды функционирования, проследить закономерности развития планировочной структуры. Прослежено размещение построек отдельными компактными группами, которое было заложено с момента освоения площадки. Равномерное распределение построек и жилищ со второго до заключительного уровня свидетельствует о довольно стабильном развитии поселения вплоть до середины XIII в.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Удмуртия, городище Иднакар, планировка

M.G. Ivanova, G.A. Stepanova
LEVELS OF PLANNING IN THE MIDDLE PART OF THE INDAKAR SETTLEMENT

Distribution of objects in the middle part of the Indakar settlement on five levels of planning is introduced. The objects get brief chronological grounding. The obtained materials allow identifying stratigraphic periods of functioning and tracing regularities of the planning structure development. It is found out that buildings were located in separate compact groups, which had been laid from the moment of the area development. Even distribution of buildings and dwellings from the second up to the final level shows stable development of the settlement up to the middle of the XIII century.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, Udmurtia, the Indakar settlement, planning

Планомерные исследования древнеудмуртского городища Иднакар IX-XIII вв. являются выразительным примером использования естественнонаучных и новейших информационно-технических методов. Многолетнее сотрудничество специалистов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН и Физико-технического института УрО РАН обусловило возможности получения источников о степени информативности поселений без проведения раскопок и оперативной обработки данных полевых исследований.

В последние годы исследования продолжались преимущественно на средней части площадки, ограниченной внутренним и средним валами. Первые раскопки здесь проведены в 1975-1977 гг., в результате которых на площади 594 кв. м вскрыто четыре жилых сооружения, 14 ям, получены богатейшие коллекции (Иванова, 1985. С. 3-36). В 1994 г. раскоп был продолжен в восточную сторону, и вплотную примкнул к линии рва, в последующие годы (1997-2004) раскопы закладывались таким образом, чтобы материалы 1975-1977 гг. вписались в общую сетку исследований. К 2004 г. изученная площадь средней части составила 1729 кв. м, более 8000 кв. м было охвачено геофизическими измерениями.

С 1997 г. началось использование новых методов на этапах выборки культурного слоя и фиксации материалов, их документирования, хранения и обработки. При полевых работах введена новая форма фиксации слоев и находок в трехмерной системе координат. С целью оптимизации процесса обработки данных изменен и формат документирования информации. Составление общих полевых планов раскопа заменено фиксацией отдельных участков, обеспечившей удобство последующего ввода графической информации в компьютер с использованием программного пакета Mapinfo (Степанова, Смагин, 1999; Степанова, 2005. С. 312-326).

Компьютерная версия археологического источника позволяет хранить введенную информацию, дополнять ее по мере получения новых данных, оперативно исполь-

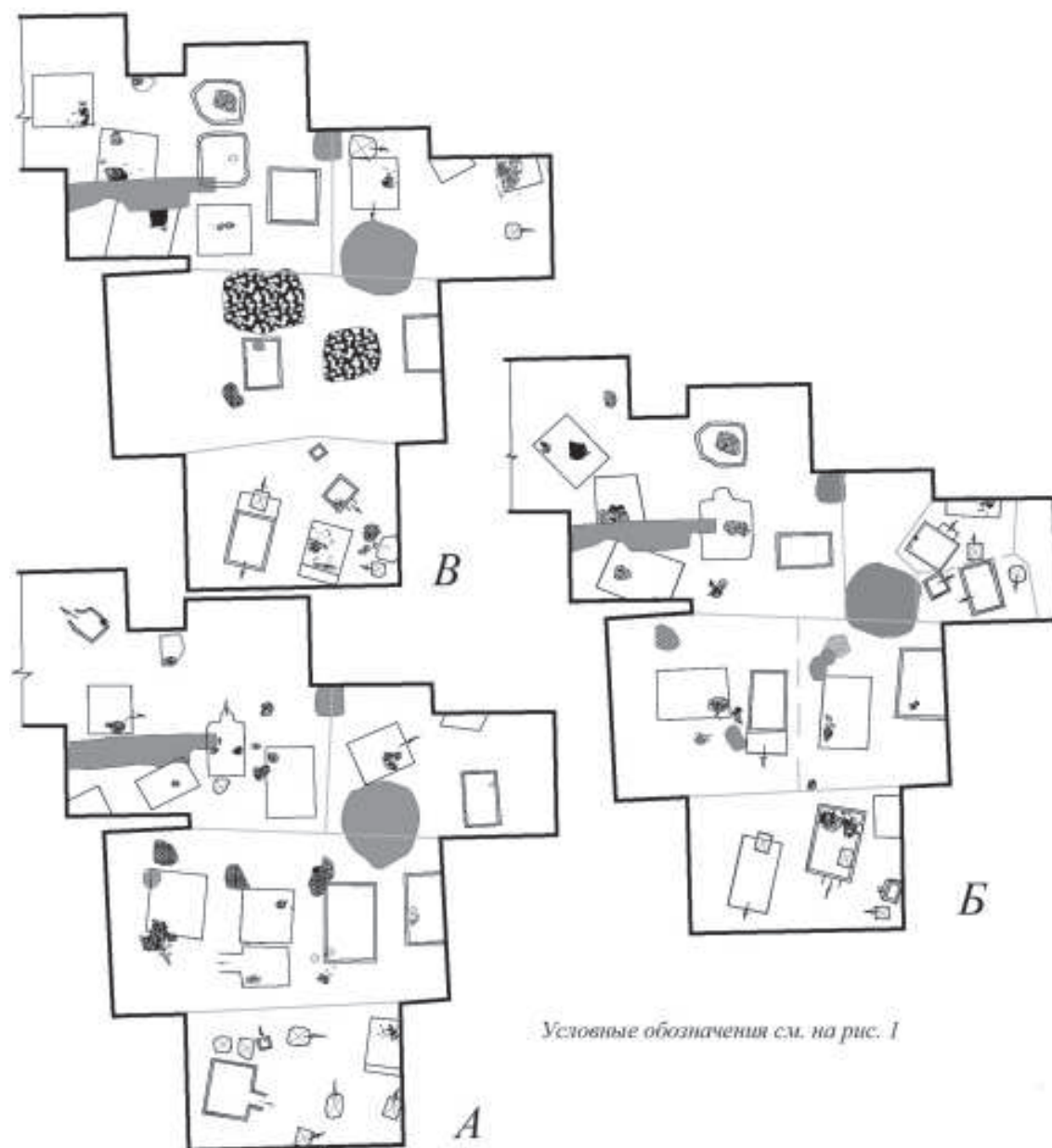

Рис. 2. Распределение объектов на третьем, четвертом и пятом уровнях планировки.

Городище Иднакар, средняя площадка. Исследования 1994-2004 гг.

А – уровень планировки 3; Б – уровень планировки 4; В – уровень планировки 5

зовать в процессе дальнейших исследований, и, что немаловажно, при необходимости проверять ранее полученные результаты. Благодаря этому появилась возможность быстрого анализа полевой информации и ее интерпретации. Однако отсутствие информационного стандарта для полевых материалов и применение разных методик при раскопках 1975-1977, 1994-1995 гг., проводившихся традиционными методами, и 1997-2004 гг. – с использованием новых приемов, составило дополнительные сложности.

Выявление распределения сооружений по хронологическим периодам, обоснованная реконструкция формирования и динамики развития планировки поселения в усло-

виях почти полного разрушения деревянных построек требовали детального анализа содержания культурных напластований – их структуры, мощности и наполнения. Только после выполнения весьма трудоемких процедур, связанных с внедрением новых методик полевых исследований и введения материалов в компьютер, а также поиска программ ее обработки, открылись возможности для изучения последовательного изменения параметров отдельных археологических объектов, структурных частей и площадки в целом.

Первоначально разработки по стратиграфическому и планиметрическому анализу распределения слоев и находок были выполнены на ограниченных материалах раскопок 1999 г. (Иванова, Степанова, 2004), затем дополнены источниками, полученными в 2002-2004 гг., в результате которых выделено четыре этапа функционирования (Иванова, Степанова, 2005). Идентификация слоев всей изученной средней части площадки, использование информационного потенциала следов столбовых ям и частотного показателя распределения находок позволили обосновать правомерность ранее выделенных уровней, выявить наиболее ранний уровень сооружений и новые объекты планировки. В настоящей статье в предельно сжатой форме впервые представлено распределение объектов по выделенным пяти уровням планировки, их краткое хронологическое обоснование.

Особенностью городища Иднакар является достаточно четкая по цветности и структуре фиксация слоев культурного напластования и яркая маркировка наличия построек, что в значительной мере облегчало дифференциацию слоев. В результате группировки были выделены строительные, связанные с возведением оснований и изоляции сооружений; сопутствующие, образованные в процессе возведения сооружений и функционирования отдельных участков; функциональные, возникшие при длительном однохарактерном и активном использовании отдельных участков; фоновые, сформированные в процессе функционирования городища без активного вмешательства человека. При выделении объектов планировки доминирующую роль играли строительные и функциональные, отчасти – сопутствующие слои и их расположение в планиметрических и стратификационных срезах (Иванова, Степанова, 2009).

Начальный (первый) уровень характеризуется незначительной площадью застройки. Среди зафиксированных 24 объектов основным видом сооружений являются хозяйственные ямы (21), выявлены также 2 постройки и очаг. Преобладающая часть ям вытянута вдоль площадки в направлении З-В (рис. 1/А).

В центральной части выделены 3 группы объектов, ориентированные входами друг к другу, каждая из которых могла составлять единый хозяйственный комплекс. Весьма примечательно, что их расположение аналогично размещению ям на южном склоне мыса внешней площадки городища (Иванова, 1998. С. 33, 53, рис. 6, 13). Постройка, выявленная в центральной части по контрасту слоев, имела малую площадь без следов капитальной конструкции, что позволяет отнести ее к хозяйственно-бытовым объектам, но связь с группами ям не определена.

Помимо фрагментов лепной посуды на этом уровне встречены предметы домашнего обихода, украшения и аксессуары одежды. Отсутствие отходов какой-либо деятельности позволяет предполагать преимущественно сезонное использование этого участка в летний период. Не исключено и возможное постоянное обитание небольшой группы людей, занимавших постройку, оставившую очаг в южной части, или постройку с котлованом.

В период функционирования второго уровня была освоена вся исследованная территория, произошло кардинальное изменение количества и состава объектов.

Среди выявленных 32 объектов определены 16 построек, 11 ям, 4 теплоисточника, расположенных за пределами построек. У 13 построек зафиксированы признаки капитальности в виде глинобитных площадок, выполнявших преимущественно изолирующую функцию, выявлены также постройка с легким ограждением и еще одна – с котлованом. По параметрам, характеру теплоисточников, размещению столбовых ям, распределению вещевого материала определяются 4 жилища (рис. 1/Б).

В размещении объектов визуально выделились четыре группы. Центральная – объединила 4 капитальные постройки с выходами с южной стороны, 4 ямы и 3 объекта неопределенного назначения. Здесь особенно интересны жилое сооружение с печью и предвходным тамбуром, две хозяйственно-бытовые постройки, расположенные по обе стороны от него. В западной – определены три жилища, одна постройка с котлованом, три – с легким ограждением и кострищами, две ямы. 5 объектов (жилище, постройка с котлованом, легким ограждением, две ямы) с ориентацией выходов на внутреннее пространство объединены в группу, которая может соотноситься с единым хозяйственным комплексом. Восточная – включает две жилые постройки с открытыми очагами, две капитальные без отопительного устройства и две хозяйственные ямы, которые можно объединить в два хозяйственных комплекса. В южной части определена жилая постройка, 3 ямы, очаг.

Коллекция находок указывает на активное использование всего участка в этот период, но не дает оснований для определения хозяйственной специализации сооружений. Интересно, что только в центральной группе обнаружены немногочисленные фрагменты круговой посуды болгарского облика. Кроме того, важно отметить, что группы объектов, сформировавшиеся на этом уровне, определили основу планировочной организации в последующие периоды.

На третьем уровне выделено 29 объектов, включающих 17 построек, 7 ям и 5 объектов. Количество построек жилого типа увеличилось до 9. Расположение объектов планировки повторяет групповую организацию общего пространства предыдущего уровня, но количественный и качественный состав объектов в группах изменился (рис. 2/А).

Центральная группа объединила 5 капитальных построек с примыкавшими к ним объектами, три из которых по мощности теплоисточников можно отнести к разряду жилых. Они расположены в ряд, ориентированный в направлении запад-восток. Особенностью этой группы является наличие линз кальцинированных костей у западных углов жилищ, которые продолжают фиксироваться и на последующем уровне. Назначение их объяснить сложно, возможно, связаны с отправлением култов.

Западная группа объединила четыре жилых постройки, сконцентрированные в южной части. Они располагались бессистемно, что присуще свободному типу застройки. Три жилых постройки имели печи, в одной она заглублена в поверхность глинобитной площадки и заполнена слоем кальцинированных костей. Севернее группы жилых построек располагались два сооружения легкой конструкции с кострищами.

Восточная группа включила 3 постройки, расположенные в соответствии со свободным типом застройки. Одна из них имела признаки жилой и была снабжена печью, одна хозяйственно-бытовая могла использоваться сезонно, еще одна постройка вскрыта частично. В сторону жилой постройки с выходом в южном направлении ориентированы выходы четырех ям, что позволяет относить их к единому жилищно-хозяйственному комплексу.

Южная группа объединила 3 постройки и 6 ям. Здесь наблюдается явное преобла-

дание находок, связанных с металлообработкой: фрагменты тиглей (62), шлаки (207), в том числе, конической формы (6), литейные формы (4), льячки (2). Кроме того, наблюдается значительное количество предметов быта (кочедыки, ножи, проколки, пряслица – 73 предмета). Следует заметить, что на этом уровне фрагменты круговой посуды найдены на всей изученной территории, и ее доля в составе керамики значительно возрастает, что возможно является явным свидетельством усиления культурно-экономических связей с булгарами.

С четвертым уровнем планировки соотнесено 27 объектов: 17 капитальных построек, одна – с легким ограждением, 6 ям, из которых 2 расположены в контурах построек. Из капитальных построек 10 имели отопительные устройства, 8 из них можно соотносить с жилыми (рис. 2/Б).

Центральная группа объединила 4 капитальных постройки большой площади, из которых две имели следы теплоисточников. Хозяйственные ямы не зафиксированы, но их могли заменять два капитальных сооружения без теплоисточников. Здесь обнаружены также внешние теплоисточники небольших размеров, не связанные с постройками. В некоторых случаях они окружены полосой скоплений кальцинированных костей. Именно в этой группе выявляется наибольшее количество круговой посуды, среди которой отмечена и чернолощенная.

Западная группа включила 8 объектов, среди которых 6 капитальных построек и 2 с легкими ограждениями и кострищами. Постройки с признаками жилых (3) концентрируются в южной части площадки, северную – продолжали занимать легкие постройки с кострищами, которые можно интерпретировать их либо как хозяйственные, либо как культовые. Но отсутствие находок, которые могли бы определить их хозяйственную ориентацию, устойчивость их расположения в процессе бытования двух уровней планировки, скорее предполагает их культовую направленность.

Восточная группа включила 4 капитальных объекта, из которых один можно соотносить с жилым, и 2 хозяйственные ямы. Три капитальные постройки, не имевшие теплоисточника, могут быть интерпретированы как сезонные – хозяйственно-жилые. Объекты сгруппировались по ориентации выходов и прослеженным коммуникациям в два комплекса, которые, скорее всего, использовались только в теплый период года.

Южная группа объединила 6 объектов, среди которых 3 капитальные постройки, в двух из них зафиксирован теплоисточник, 1 хозяйственная яма и объект производственного назначения, сооруженный на месте котлована ранее функционировавшей ямы. Рядом с ним обнаружен инструментарий и отходы, связанные с обработкой металла (железные клещи, наковальня, каменная и фрагменты глиняных литейных форм, два фрагмента тигля, шлаки, в том числе, и шлак конической формы).

На позднем (пятом) уровне выявлено 27 объектов, объединивших 16 построек, в том числе 3 – с легким ограждением, 4 ямы. 6 капитальных построек с отопительным устройством могут соотноситься с жилыми (рис. 2/В). В целом количественный показатель объектов планировки по отношению к предыдущему уровню практически не изменился, но значительно сократилось количество жилых построек при возрастании числа капитальных хозяйственно-бытовых строений и построек с легким ограждением. Размылась визуально фиксируемая граница между западной, восточной и центральной группами. Однако следует признать, что из-за разрушения слоя пахотой информативность сооружений и состава находок этого уровня весьма ограничена.

Использование новых методов на этапах выборки культурного слоя и фиксации

материалов позволил уточнить хронологические определения. Для учета находок за основу была принята методика индивидуальной фиксации (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991). Обработка полевой информации производилась в ГИС-пакете Mapinfo 4.1 (Степанова, Смагин, 1999) и специально созданной базе данных находок (Будин, Косарева, 1999), давших возможность анализа вещевого комплекса не по горизонтам вскрытия, а по залеганию их в слое.

Анализ достаточно обширных коллекций показал, что хронологические определения комплексов, залегающих в слоях уровней планировки, далеко не однозначны. В их составе, как правило, преобладают материалы, не имеющие четких хронологических привязок, и встречающиеся на протяжении длительного периода конца I – начала II тысячелетия н.э., к числу которых относится большинство категорий орудий труда и оружия, изделия из кости, плоские монетовидные подвески, проволочные кольцевидные серьги, браслеты, разнообразие спиралевидные пронизки, обнаруженные во всех уровнях планировки. Более того, в коллекциях поздних уровней сохраняются явно ранние предметы.

Наиболее надежным источником хронологических определений принято считать монеты. На Иднакаре их немного – обнаружено всего 7 саманидских монет X в., одна индикация, которые распределяются по всем уровням планировки. Совершенно очевидно, что они могут выступать в качестве убедительного индикатора лишь раннего уровня. Затруднительна узкая датировка наконечников стрел, характерных для довольно широкого хронологического периода X–XIII вв., явно не достаточна для надежных хронологических определений коллекция бус, которая в большей степени характерна для IX–XI вв., весьма выразительную, но значительно меньшую долю составляют бусы XI–XIII вв.

В наиболее раннем уровне планировки хронологически показательные вещи не обнаружены. Наиболее яркими комплексами второго уровня планировки являются клады. Это известный клад калачевидных серег из серебра, найденный в одной из ям средней части, где восемь экземпляров, не бывших в употреблении, были перевязаны серебряной проволокой и завернуты в бересту (Иванова, 1985. Рис. 13/5). Хронологические определения их бытования со второй половины X в. определены еще в конце XIX в. (Спицын, 1895. С. 247–248) и практически сомнениям не подвергались.

Другой клад, представляет собой полный комплект женского убора, обнаруженный под углом жилого сооружения (раскопки 1999 г.). Он может служить значимым хронологическим репером второго периода планировки этой части площадки. Коньковые шумящие подвески, полые уточки, перстень с шумящими привесками, накладки умбовидные с ложной зернью, привески-колокольчики, полые бубенчики позволяют датировать клад в пределах X–XI вв. (Иванова, Степанова, 2004. С. 347, рис. 7). К этому же периоду могут быть отнесены рамчатые пряжки, согнутые из бронзовой проволоки с расплюсненной передней частью со свободно вращающимся язычком, литейная форма для отливки поясных накладок сердцевидной и подпрямоугольной формы, шаровидный бубенчик из белого металла с рубчиками по нижней половинке, наборные расчески.

Хронологически показательными для третьего уровня можно признать лировидные пряжки XI–XII вв., пряжки с прямоугольной рамкой и приемником для ремня, датирующиеся по материалам Мурзихинского селища в низовьях Камы второй половиной X – началом XI в. (Руденко, 2007. Рис. 128, 5), височное кольцо подтреугольной формы

загнутой в три лопасти нижней частью, имеющее наиболее близкие параллели в марийских памятниках IX-XI вв. (Архипов, 1973. С. 131, рис. 17/5; Никитина, 2002. Рис. 25/10), шумящие подвески с восьмерковидной спиральной основой с верхней петлей и привесками-лапками X-XI вв., спиралеконечная фибула круглого сечения, пластинчатые копоушки и варганы позволяют датировать этот уровень X-XI вв.

В комплексе четвертого уровня планировки наиболее показательны железные накладки поясов аскизского типа: двухшпильковая накладка подпрямоугольной формы с заостренным концом, более вытянутая пластина с суженными боковинами и стержневидная конусовидная привеска шарнирных накладок. По материалам Кузьминского могильника, где они представлены в 15-ти комплексах, эти изделия появляются в конце XI в. и бытуют до конца XII в. (Иванова, 1992. Рис. 46-47. С. 51-52; Руденко, 2001. С. 63-65). Здесь же обнаружены рубчатое кольцо с сомкнутыми утончающимися концами, спиралеконечная фибула подтреугольного сечения, подвески-колбочки в форме шариков с удлинённой шейкой, датирующиеся в пределах XI-XII вв. (Иванова, 1992. Рис. 47).

Дату пятого, наиболее позднего, уровня планировки в большей степени определяют калачевидные кресала с язычком X-XII вв., кресало подпрямоугольной формы, бытовавшее, по новгородской хронологии, до середины XIII в. (Колчин, 1982. С. 163), железный замок цилиндрической формы XII-XIV вв. (Колчин, 1982. С. 162), предметы аскизского круга, включающие фигурную объемную накладку с вогнутыми сторонами и вильчатым окончанием, стержневидные привески шарнирных накладок с перетяжками. Рамка бронзовой пряжки подтрапециевидной формы, накладка двухшпильковая с орнаментом по поверхности, шаровидные бубенчики с линейной прорезью и рельефным пояском известны в Кузьмино в группе погребений XII в. (Иванова, 1992. Рис. 47/26).

Выделенные группы дают весьма аргументированный хронологический расклад этапов функционирования площадки. Нижние уровни планировки, безусловно, функционируют в X в., хотя не исключено начало освоения площадки и в конце IX в., следующий уровень – в X-XI вв., четвертый – в пределах XI-XII, самый поздний – XII-XIII вв., т.е. достаточно определенно выстраивается последовательность развития с X по XIII в., но границы размыты. В целом, проведенные работы подтверждают определенные ранее хронологические рамки городища Иднакар и окружающих памятников в пределах конца IX-XIII вв.

Таким образом, полученные материалы позволили достаточно обоснованно выделить стратиграфические периоды функционирования, проследить закономерности развития планировочной структуры. Прослежено размещение построек отдельными компактными группами, которое было заложено с момента освоения площадки и получило дальнейшее развитие с незначительными изменениями границ, количественного и качественного набора построек. Центральная группа, формирование которой можно признать наиболее ранним, отличалась от остальных по организации территории обитания рядовым расположением объектов и традициям, отраженным в размещении линз кальцинированных костей у западных углов построек, наличием круговой посуды, выявленной здесь уже на этапе формирования групп, и постепенным увеличением ее доли к концу бытования городища. Размещение рядов на начальном уровне и последующая перепланировка этого участка с сохранени-

ем рядовой застройки дает возможность предполагать его использование одной группой населения на всех периодах функционирования городища.

В западной и восточной группах объекты преимущественно располагались без определенной системы, предполагающей свободный тип застройки. Часть из них по ориентации выходов и прослеженным коммуникациям группировалась в хозяйственные комплексы, включая в разных сочетаниях капитальные хозяйственно-бытовые строения, постройки с легким ограждением, очаги, кострища, ямы. Равномерное распределение построек и жилищ со второго до заключительного уровня свидетельствует о довольно стабильном развитии поселения вплоть до середины XIII в.

Список литературы:

- Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX-X вв. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 200 с.
- Иванова М.Г., 1985. Городище Иднакар (Результаты исследований 1975-1977 гг.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – С. 3-36.
- Иванова М.Г., 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 294 с.
- Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 184 с.
- Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2004. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – С. 238-263.
- Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2005. Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. – Ижевск УДИИЯЛ УрО РАН. – С. 29-44.
- Иванова М.Г., Степанова Г.А., 2009. Формирование источника для компьютерного моделирования (на материалах городища Иднакар) // Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа: сб. науч. тр. – Пермь: ПГПУ. – С. 68-78.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. – М: Наука. – С. 156-177.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук-III. Препринт. – Свердловск: УрО АН СССР. – 73 с.
- Косарева М.В., Будин А.В., 1999. Применение баз данных для первичной обработки, сохранения и использования информации городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск-Глазов. – С. 244-246.
- Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИ. – 432 с.
- Руденко К.А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань: Заман. – 256 с.
- Руденко К.А., 2007. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и мате-

риальная культура. – Казань: Школа. – 244 с.

Спицын А.А., 1895. Археологическая находка конца X века в Глазовском уезде Вятской губ. // ЗРАО. Новая серия, т. VII, вып. 3-4. – СПб. – С. 247-248.

Степанова Г.А., 2005. Компьютерная версия археологического источника: методики и технологии // Крут идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды XI конференции Ассоциации «История и компьютер». – М.-Барнаул. – С. 312-326

Степанова Г.А., Смагин М.Г., 1999. К вопросу о методике извлечения, обработки и сохранения первичной информации на примере городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. – С. 230-243.

Т.Б. Никитина, Д.Ю. Ефремова.
ЖЕНЩИНЫ-«ЛИТЕЙЩИЦЫ» ИЗ МАРИЙСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ X-XI ВВ. КАК НОСИТЕЛИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В связи с появлением новых источников открылась возможность иначе взглянуть на роль и место женщин, погребенных с орудиями литья, в составе древнего общества. Имеются веские основания считать, что женщины, в погребениях которых найдены льячки и кусочки олова, занимались изготовлением металлической нити (у марийцев) или бисера (у мордвы) и последующей вышивкой одежды. Вышивка наиболее ярко и устойчиво выражает этническую традицию. В этом контексте становится убедительным тезис, что женщины ее изготавливающие, являлись носителями этнической традиции и выполняли определенные ритуальные действия, связанные с охранительными функциями.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Ветлужско-Вятское междуречье, древнемарийские могильники, «женщины-литейщицы»

T.B. Nikitina, D.Yu. Efremova
FEMALE “CASTERS” FROM THE MARI BURIALS OF THE X-XI CENTURIES AS BEARERS OF ETHNIC TRADITION

New sources open another perspective on the role and place of women, buried with tools of casting, in the structure of ancient society. There is solid evidence that women, whose burials contain little dippers and pieces of tin, were involved in the production of metal thread (among the Mari) or beads (among the Mordva) and further embroidery of clothes. Embroidery is the most vivid and stable representation of ethnic tradition. In this context it is a convincing argument that women, who were engaged in embroidery, were the bearers of the ethnic tradition and performed certain ritual actions of protective functions.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Vethuga-Vyatka interfluve, Old Mari burial grounds, “female casters”

Особым явлением в средневековой археологии поволжских финнов являются женские

Табл.1 Результаты РФА анализа металлического слитка из Русенихинского

		Cu	Zn	Pb	Sn
Слиток металла	Анализ 1	10,6	0,197	20,7	1,80
	Анализ 2	10,0	0,211	>22,0	2,12
	Анализ 3	10,0	0,195	>22,0	2,03

захоронения с орудиями литья. Начиная с конца XIX в. на них неоднократно обращали внимание многие исследователи: В.Н.Ястребов, П.С. Рыков, М.Ф. Жиганов, В.А. Мальх, А.Е. Алихова (Ястребов, 1893. С. 10; Рыков, 1930. С. 61; Жиганов, 1959. С. 69, 91-92; Жиганов, 1959а. С. 145; Мальх, 1963. С. 33; Материальная культура среднецнинской мордвы VIII-IX вв., 1969. С. 11), которые единогласно заявляли, что женщины, похороненные в этих погребениях, занимались литьем и обработкой цветного металла. Более детально тезис об освоении металлообработки цветных металлов финно-угорскими женщинами разработан Б.А. Рыбаковым (Рыбаков, 1948. С. 90-94). Наиболее полную

Табл. 2 Элементы костюма «женщин-литейщиц» – височные и шейные украшения

№ п/п	Погребение	Приблизительная дата	Головной убор		Височные украшения					шейные	
			Цепочка	Венчик	С отогнутым концом	Виты	С завязанными концами	С щитком и крючком	Серьги	Гривны	Ожерелья
1	Веселово, Погреб. 12	XI в.	+	+	4					1	
2	Веселово Погреб. 20.	X в.	+								
3	Черемис.кл. погреб. VI	X-XI вв.			2	1			1		1
4	Черемис.кл. погреб. VIII	X-XI вв.	+								
5	Черемис.кл. погреб. IX-X	X-XI вв.	+		2						+
6	Черемис.кл. погреб. XV- XVI	X-XI вв.							+		
7	Черемис.кл. погреб. 14	XI в.	+		+						+
8	Нижняя стрелка, погр. 5	Кон. XI	+		1		2	2			
9	Нижняя стрелка, погр. 11а	XI в.	+		2				2		+
10	Нижняя стрелка, погр. 32	XI в.	+		1						
11	Дубовский, Погреб. 36	XI в.	+		2						+
12	Русениха, Погр. 2	X в.			6					1	
13	Русениха, погр. 6	X в.	+		4					1	
14	Русениха, жк 5	X-XI вв.	+		2						+

сводку женских захоронений из финно-угорских средневековых могильников сделала Л.А. Голубева (Голубева, 1984; Голубева, 1987. С. 106-107; Голубева, 1987а. С. 90-91). После работы Л.А. Голубевой термин «женщины-литейщицы» прочно вошел в научный оборот.

В настоящее время, в связи с появлением дополнительных источников, появилась возможность значительно шире взглянуть на роль и место погребенных с орудиями литья в составе древнего общества. В сводку, сделанную Л.А. Голубевой, вошло 8 захоронений с орудиями литья из средневековых древнемарийских памятников IX-XII вв. На сегодняшний день известно 24 комплекса с орудиями литья, из них 4 полностью или

Табл. 3 Элементы костюма «женщин-литейщиц» – украшения рук, подвески, наконечники

п/п	Погребение	Приблизительная дата	Украшения рук								Наконечник
			Браслет	Перстень	Коньков. трапец.	Коньков. литые	Литые трапец.	Круглые ажурные	Каплевидные	Сюльгама	
1	Веселово, Погр. 12	XI в.	12	7	2						
2	Веселово Погр. 20.	X в.	1		2		1	1		1	
3	Черемис.кл. погр. VI	X-XI вв.	3	2					2		
4	Черемис.кл. погр. VIII	X-XI вв.	9	5							+
5	Черемис.л. погр. IX-X	X-XI вв.	4	3							
6	Черемис.кл. погр. XV-XVI	X-XI вв.	3	3							+
7	Черемис.кл. погр. 14	XI в.	1	1				1	1		
8	Нижняя стрелка, погр. 5	Кон. XI в.	8	6						1	
9	Нижняя стрелка, погр. 11а	XI в.	6								
10	Нижняя стрелка, погр. 32	XI в.	3	2							
11	Дубовский, Погр. 36	XI в.	10	2							
12	Русениха, Погр. 2	X в.	8	2	4			1			
13	Русениха, погр. 6	X в.	8	8	2	2		1		1	
14	Русениха, жк 5	X-XI вв.	2	2		2					

частично разрушены. Только два захоронения, судя по инвентарю, могли принадлежать мужчинам. Из сохранившихся комплексов 18 принадлежало женщинам: 14 комплексов относится к X-XI вв., а 4 - к XII в.

В захоронениях обнаружены льячки (от 1 до 3 штук) и литейные формы, которые располагались в изголовье или в ногах погребенных, и входили в дополнительный комплекс вещей. Иногда в составе дополнительных комплексов находились кусочки белого металла, который визуальными исследователями определены как олово или свинец (Веселовский, п. 12; Черемисское, п. VI, VII, 14, жк 2; Нижняя стрелка, п. 5).

Табл. 4 Элементы костюма «женщин-литейщиц» – украшения обуви, детали пояса

п/п	Погребение	Приблизительная дата	Украшения обуви			пояс			
			Умбоновид н.	Спиралевид н.	другие	Наборный	другой		
1	Веселово, Погреб. 12	XI в.	2	4		+			
2	Веселово Погреб. 20.	X в.		4		+			
3	Черемис.кл. погреб. VI	X-XI вв.	1						
4	Черемис.кл. погреб. VIII	X-XI вв.		2			+		
5	Черемис.л. погреб. IX-X	X-XI вв.		4		+			
6	Черемис.кл. погреб. XV-XVI	X-XI вв.				+			
7	Черемис.кл. погреб. 14	XI в.			+	+			
8	Нижняя стрелка, погр. 5	Кон. XI в.				+			
9	Нижняя стрелка, погр. 11a	XI в.	2						
10	Нижняя стрелка, погр. 32	XI в.		+					
11	Дубовский, Погреб. 36	XI в.				+			
12	Русениха, Погр. 2	X в.				+			
13	Русениха, погр. 6	X в.				+	+		
14	Русениха, жк 5	X-XI вв.					+		

Корреляция взаимовстречаемости вещей в комплексах позволила выявить, что погребения имеют достаточно стандартный по видовому и типовому составу набор инвентаря.

Судя по костюму, содержащему фактически все категории украшений, данные погребения относятся к числу наиболее богатых захоронений. Эта первая особенность захоронений с орудиями литья уже отмечена авторами в ряде публикаций (Никитина, Ефремова, 2011. С. 77-79; Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. 2011а.).

Но данные погребения обращают на себя внимание тем, что они содержат зна-

чительное количество этномаркирующих вещей.

Этноопределяющие украшения для могильников IX-XI вв. выделил Г.А. Архипов: головной убор, состоящий из налобного венчика и медных цепочек; височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут, и имеет различное оформление в виде утолщения, грибовидной или многогранной головки; трапецевидные пластинчатые подвески с конскими головками; арочные подвески со сплошной основой; усатые широкосрединные перстни (Архипов, 1973. С. 17-40; Архипов, 1991. С. 18). После работы с полными комплексами погребений стало возможным дополнить этот список обувными украшениями из умбоновидных, спиралевидных и петельных подвесок с привесками. По находкам и месту этих украшений в погребениях сделаны прекрасные и убедительные реконструкции обуви этой эпохи.

Среди элементов погребального обряда марийских захоронений указанного периода наиболее выразительными являются 3 черты: наличие дополнительных комплексов вещей в ногах или изголовье погребенных (иногда сочетаются оба варианта) независимо от способа захоронения, трупосожжение, имитирующее трупоположение, жертвенные комплексы в межмогильном пространстве.

Рассмотрим женские захоронения из марийских могильников с позиций определенных выше этномаркеров. Наличие одной вещи, даже если она является этноопределяющей, не дает объективной информации. Каждая вещь анализировалась в совокупности с другими признаками: украшения в составе костюмного комплекса и в сочетании с обрядом захоронения. Предметом анализа данной статьи в основном являются захоронения X-XI вв. Погребения XII в. в статистический анализ не включены по той причине, что, начиная с XII в. комплекс материальной культуры несколько видоизменяется. Несмотря на преемственность, отдельные типы украшений угасают, но появляются новые элементы в одежде и в украшениях.

Одним из наиболее выразительных и устойчивых элементов костюма, имеющих этническую или этнокультурную нагрузку, считаются украшения головы. Головной убор состоит из меховой шапки или покрывала и дополнен медными цепочками, обернутыми в несколько рядов вокруг головы (11 погребений, 78,6 %). Такое же количество погребенных носили браслетообразные проволочные височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут, и оформлен в виде утолщения, гвоздевидного окончания, колбочки и т.д. Височные кольца располагались по обе стороны черепа, иногда по два и даже по три кольца с каждой стороны. В большинстве случаев указанный головной убор сочетается с височными кольцами, в редких случаях присутствует один из признаков. Общее количество комплексов, в которых присутствует хотя бы один из этих признаков, составляет 13 (92,9%) (табл.2). Только в единственном погребении из могильника «Черемисское кладбище» (пп.XV-XVI) подобные украшения не зафиксированы, но следует сделать оговорку, что комплекс частично разрушен, и известен лишь по разрозненным записям В.И.Каменского (Колл. 1265 Музея антропологии и этнографии).

Нагрудные украшения представлены ажурными круглыми солярными подвесками, парными наборными коньковыми или литыми коньковыми подвесками, которые размещаются по обе стороны груди (табл.3). Своеобразной деталью является наличие наборного пояса, который присутствует в 10 погребениях (71,4%). Наборный пояс в женских захоронениях также является одной из наиболее выразительных особенностей марийских захоронений рассматриваемого периода (Никитина, 2011). Выразительной деталью являются находки шумящих очковидных и умбоновидных подвесок в ногах (64,3%). Их

расположение соответствует месту в обуви, реконструированной по другим марийским захоронениям (табл.4).

Не менее выразительным с позиций этномаркеров является погребальный обряд. Большинство захоронений независимо от способа погребения имели дополнительные комплексы вещей, куда и входили льячки и литейные формы. Орудия литья находились также и в составе расположенных в межмогильном пространстве жертвенных комплексов, которые обладают стандартным набором признаков, характерных только для марийских могильников: вещи уложены в берестяной туесок, лубяной бочонок или котел, облицованный сверху берестой; в туес или бочонок, как правило, помещалась деревянная чаша, наборы украшений и одежда.

Таким образом, костюм и обряд захоронения женщин в погребениях с орудиями литья являются маркерами марийской средневековой культуры.

Аналогичная картина наблюдается по материалам могильников не только мари, но и других волжских финнов.

В настоящее время нам известно более 90 погребений с орудиями литья в мордовских, около 40 в муромских, 24 в марийских могильниках (цифра не окончательна, так как работа над темой только начата). В сводку, сделанную Л.А. Голубевой, помимо 8-ми марийских погребений вошло 71 мордовское и 23 муромских захоронений.

У мордвы в комплексах с льячками находятся головные венчики, височные подвески с грузиком или «пулокери» (Пановский: пп. 25, 33, 50, 94, 99; Елизавет-Михайловский: п. 2, Кельгининский: пп. 189, 196, 228 и т.д.) (Материальная культура среднецентинской мордвы VIII-IX вв. 1969. С. 14-78; Беляев, Вихляев, Зеленцова, Шитов 1998. С.40, 42, 48), у муромы – височные кольца со щитком, головные жгуты и украшения ног в виде обор (Мальшевский: пп. 5, 17, 33, 86, 136, 145; Чулковский: пп. 22, 35, 50, 53)(Дубынин, 1948. С. 322-327, 339-341, 352-356; Отчет А. Дубынина об археологических исследованиях в 1947 г. С. 23-25; Дубынин. Отчет за 1948 год. С. 38-40, 50-51; Гришаков. Отчет о работе в 1988 году. С. 5, 18, 21; Гришаков Отчет о работе в 1986 году. С. 8).

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемой категории погребений волжских финнов IX-XI вв. кроме льячек и шильев не обнаружено классического производственного инвентаря, необходимого для обработки изделий из цветного металла в процессе их производства или доработки после литья. Эти погребения существенно отличаются от захоронений ювелиров азелинской (п. 45 Тюм-тюмского могильника, п. 33 Рождественского V могильника, п. 5 Суворовского, п. 10 Нармонского могильников) и ломоватовской (Агафоновский, Редикорский и Плесинский могильники) культур, содержащих молоточки, наковаленки, щипцы и другой инвентарь, необходимый для обработки цветного металла (Ошибкина, 2010. С. 17-18; Старостин, Кузьминых, 1978.С. 168-171; Генинг, 1963. С.111; Старостин, 2002. С. 13-14; Голдина, 1985. С. 158). Более того, в азелинских захоронениях обнаружены лом, кусочки и слитки меди, олова, свинца, т.е. все компоненты, необходимые в качестве сырья для производства медно-оловянистых бронз, из которых были изготовлены украшения, обнаруженные в этих же захоронениях (Старостин, Кузьминых, 1978. С. 168-171). В погребениях волжских финнов эпохи средневековья рядом с льячками находятся олово и свинец. Кусочки меди упоминается крайне редко, а именно она в большинстве случаев составляет основу сплава, из которого сделаны украшения, олово и свинец занимают незначительный процент.

Таким образом, исходный материал, обнаруженный в льячках, не совпадает с составом металла, из которого изготавливались украшения, поэтому возникает сомнение,

занимались ли данные женщины производством украшений. Тогда напрашивается вопрос, для какой цели использовались льячки, олово и свинец? Вероятно, в поисках решения проблемы можно привлечь находки фрагментов вышивки металлической нитью на могильниках «Черемисское кладбище», «Нижняя стрелка», Русенихинский. Подобная вышивка обнаружена не только в захоронениях с орудиями литья, а также в других погребениях и жертвенных комплексах. Анализ металлической нити из жертвенных комплексов 5, 6, 7 Русенихинского могильника, проведенный д.т.н. С.Я. Алибековым на рентгенофлуоресцентном спектрометре X-Мет5100 в лаборатории механических испытаний и металлографических исследований МарГТУ, показал, что она состоит из сплава меди, олова, свинца, с преобладающим содержанием олова и свинца. Близкий состав показал слиток светлого металла, обнаруженный на территории Русенихинского могильника (табл. 1). Образец исследовался на 21 микроэлемент, в таблицу включены только 4 основных.

Отчеты и публикации о раскопках мордовских захоронений пестрят упоминаниями об оловянном бисере, который также применялся в качестве вышивки костюма. Литейные формы, обнаруженные в погребениях как мари, так и мордвы, предназначены для изготовления небольших прямоугольных палочек или шариков. На этом основании мы предполагаем, что женщины, в погребениях которых найдены льячки и кусочки олова, занимались изготовлением металлической нити (у марийцев) или бисера (у мордвы) и последующей вышивкой одежды. Орнамент на вышивке, зафиксированной в средневековых марийских захоронениях, имеет черты, общие с традиционной марийской вышивкой, хорошо известной по этнографическим образцам: горизонтальная зональность, узор крест в квадрате или чередование крест с рядами вертикальных столбиков. Общеизвестно, что вышивка является наиболее ярким и устойчивым выражением этнической традиции. В этом контексте становится более убедительным тезис, что женщины ее изготавливающие, являются носителями этнической традиции.

Возможно, что олово и свинец могли применять не только для производства вышивки и украшений, но и для иных целей. По этнографической литературе известны случаи, когда марийцы использовали олово при совершении жертвоприношений на молениях. Обычай растапливать олово перед жертвоприношением, проверяя, угодна ли жертва богам, у марийцев хорошо известен по этнографическим источникам (Яковлев, 1887. С. 33; Кузнецов, 1879. С. 105). В молитвах марийцев, совершаемых при жертвоприношениях, упоминается серебряное олово: «Боже великий и добрый! С друзьями своими посоветовавшись, мы серебряное олово растопивши, ту посуду (корягу) наполнивши, непечатый хлеб взявши, ссучивши большую серебряную свечу, взяли большой дым (головню), да большого с серебряными рогами быка поймавши, с друзьями своими пошли в рошу» (Яковлев, 1887. С. 36). Практически на всех марийских средневековых святилищах обнаружены продырявленные литые пластинки олова (Никитина, Ефремова, 2007. С. 327, 330).

Вера в священную силу олова была характерна также и других для народов Среднего Поволжья. Священная роль олова подтверждается данными погребального обряда муромских погребений эпохи средневековья. В женских погребениях Чулковского и Малышевского могильников В.В.Гришаковым выделены алтари, которые представляли собой специально выкопанную полукруглую яму, отделенную от основного погребения вылепленной из глины перегородкой. На дне алтаря было расчищено круглое углистое пятно, насыщенное оловянным тленом, в центре которого зафиксированы кусочки охры (Гри-

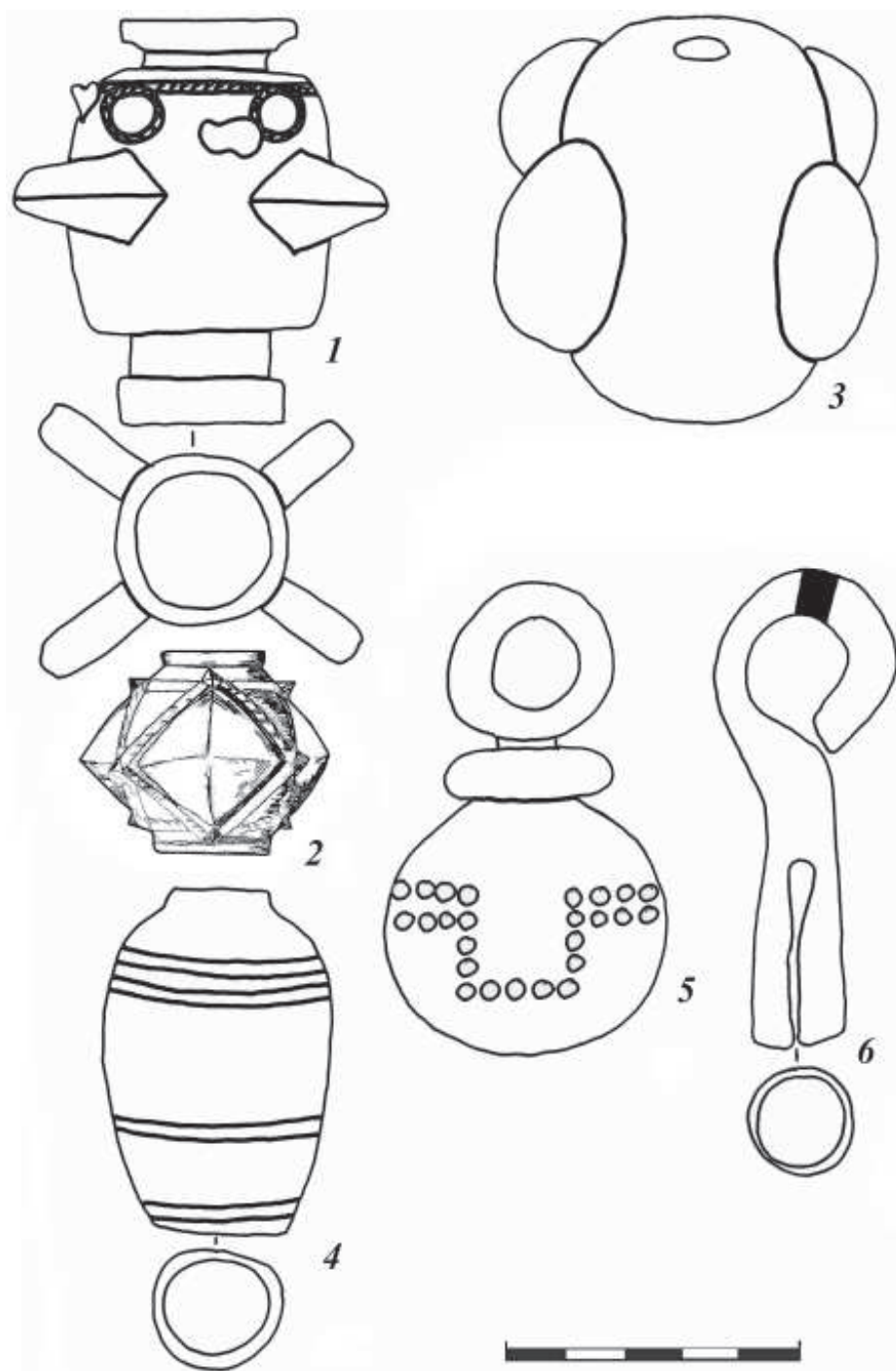

Рис. 1. Булавы и кистени Пермского Приуралья. 1-3 – булавы; 4-5 – гирьки кистеней; 6 – петля для подвеса. Материал: 1-3 – бронза; 4 – кость; 5 – медь; 6 – железо.

шаков, Зеленов, 1990. С. 14). Один из таких алтарей и был устроен в женском погребении с орудиями литья. Кроме веры в священную силу олова имеются и другие свидетельства, позволяющие предполагать, что эти женщины были связаны с магией. В п. 72 Степановского мордовского могильника льячка найдена совместно с ритуальным сосудом, на котором по кругу изображены животные (Петербургский, Аксенов, 2008. С.36). В связи с этим интерес представляет захоронение 53 Чулковского муромского могильника, в котором нарушен анатомический порядок костей: верхняя часть костяка сдвинута

от пояса вправо; вещи лежат в беспорядке, часто в перевернутом состоянии или сломаны. Автор раскопок, отметив эти особенности, предположил, что костяк был потревожен в древности грабителями (Гришаков В.В. Отчет о работе в 1988 г. С. 22), хотя следов грабительских вкопов не отмечено. В погребении 93 Малышевского Муромского могильника руки положены неестественным образом: кости обеих рук обращены в одну сторону, хотя погребение богатое и следов разграбления не имеет (Отчет А. Дубынина об археологических исследованиях в 1947 г. С. 31-32).

На основании подобных фактов возможно предположить, что женщины, захороненные в погребениях с льячками, выполняли определенные ритуальные действия, в первую очередь, связанные с охранительными функциями.

Таким образом, изготовление вышивки, выполнение определенных обрядов, направленных на сохранение семьи или рода, делало их носителями этнической традиции, о чем свидетельствует и их костюм, включающий почти все этноопределяющие компоненты.

Список литературы и источников:

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 200 с.

Архипов Г.А., 1991. Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история) // Доклад на соискание уч. ст. доктора ист. наук. – М.: МГУ. – 39 с.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., 1998. Кельгининский могильник (раскопки 1990-х гг.) – Саранск: Красный Октябрь. – 167 с.

Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. Вып. V. – Свердловск: УрГУ. – 160 с.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: ИИУ. – 280 с.

Голубева Л.А., 1984. Женщины-литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. № 4. – С. 75-89.

Голубева Л.А., 1987. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука. – С. 97-107.

Голубева Л.А., 1987а. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука. – С. 81-91.

Гришаков В.В. Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области и Мордовской АССР в 1988 г. // Архив ИА, Р-1, д. № 13681.

Гришаков В.В. Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области в 1986 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 11476.

Гришаков В.В., Зеленева Ю.А., 1990. Муром VII–XI вв.: Учебное пособие. – Йошкар-Ола. – 58 с.

Дубынин А.Ф., 1948. Малышевский могильник. Дисс...канд. истор. наук // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 362.

Жиганов М.Ф., 1959. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. – Саранск: Морд. кн. изд-во. – С. 55-97.

Жиганов М.Ф., 1959-а. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII–XVI вв. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. II. – Саранск: Морд. кн. изд-во – С. 139-168.

Кузнецов С.К., 1879. Четыре дня у черемис во время Сюрема. Этнографический очерк. – СПб: Изд. Имп. Рус. геогр. об-ва. – 53 с.

Мальм В.А., 1963. Орудия труда // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. – М.: ГИМ. – С. 32-35

Материальная культура среднепеченгской мордвы VIII–IX вв. (по материалам раскопок П.П.Иванова за 1927–1928 гг.). Археологический сборник. Т. III. 1969. – Саранск: Морд. кн. изд-во. – 176 с.

Никитина Т.Б., 2011. О значении и месте пояса в погребальном обряде Дубовского могильника // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения. 27-30 мая 2009., Казань. – Казань: ИИ АН РТ. – С. 142-149.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., 2007. Святилище на Важнанагерском (Мало-Сундырском) городище // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. – С. 325-336

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., 2011. Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX–XI вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса-СПб.-М.-В. Новгород. – С. 77-79.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., 2011-а. Особенности погребений с орудиями литья в марийских могильниках IX–XII вв. // Финно-угроведение. № 2. – С. 12-24.

Отчет А. Дубынина об археологических исследованиях в 1947 г. Мальшевского могильника Селивановского района Владимирской области // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 135.

Отчет А.Ф. Дубынина за 1948 год – Археологические исследования Мальшевского могильника Селивановского района Владимирской области // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 238.

Ошибкина С.В., 2010. Вятские древности: могильник Тюм-тюм III–IV вв. Материалы охранных археологических исследований. Т.13. – М.: ИА РАН.

Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. – М.: АН СССР. – 791 с.

Рыков П.С., 1930. Культура древних финнов в районе р. Узы. – Саратов: Н.-Волжск. ин-т краеведения при Саратовском ун-те. – 81 с.

Петербургский И.М., Аксенов В.Н., 2008. Древние памятники на реке Ляча. – Саранск: Красный Октябрь. – 165 с.

Старостин П.Н., 2002. Нармонский могильник. – Казань: Школа. – 62 с.

Старостин П.Н., Кузьминых С.В., 1978. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука – С. 168 -171.

Яковлев Г., 1887. Религиозные обряды черемис. – Казань: Изд. Православного Миссионерского Общества. – 87 с.

Ястребов В.Н., 1893. Лядинский и Томниковский могильники // МАР № 10. – СПб.

А.В. Данич.
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ВООРУЖЕНИЯ ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ (БУЛАВЫ, КИСТЕНИ, ДУБИНЫ)

В статье обобщаются данные о находках на территории Пермского Предуралья вспомогательных видов вооружения (булавы, кистени). Количество их находок невелико, данные виды вооружения не получили широкого распространения на рассматриваемой территории. Вероятнее всего, все образцы подобного оружия поступали сюда из Волжской Булгарии, где имели большое распространение.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, вспомогательные виды вооружения, булавы, кистени, дубины

A.V. Danich
ADDITIONAL TYPES OF ARMAMENT IN THE PERM CIS-URALS (MACES, FLAILS,
CLUBS)

The paper summarizes data on the findings of additional types of armament (maces, flails) on the territory of the Perm Cis-Urals. The number of the findings is relatively small as the mentioned types of weapons were not widely spread on the territory. It is probable that the specimen of these weapons arrived from Volga Bulgaria, where they were more common.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Perm Cis-Urals, auxiliary types of armament, maces, flails, clubs

Военное дело является одним из основных элементов культуры древних народов. В связи с этим изучение военного дела – важная задача исторической науки в целом, а археологии в частности. Для периода средневековья данное определение особенно актуально, поскольку в это время происходят массовые этнические подвижки.

В данной статье хотелось бы остановиться на таких редко встречающихся предметах вооружения, как булавы, кистени и дубины. Данные виды вооружения, как правило, не использовались самостоятельно, а служили дополнением к основному набору вооружения воина.

На данный момент часть булав и кистеней Пермского Приуралья рассматривались только в монографии Белавина А.М. «Камский торговый путь» (Белавин, 2000. С. 152).

В предлагаемой работе впервые систематизированы все булавы и кистени, найденные на территории Пермского Приуралья. Для этого использованы материалы Кудымкарского краеведческого музея, коллекции из раскопок ПГПУ, а также фольклорные данные.

Булава – ударное простое ручное холодное оружие, имеющее бронзовую, медную или костяную шарообразную или грушевидную головку (ударную часть, нередко снабженную шипами), насаженную на деревянную или металлическую рукоять (стержень).

Булавы представляют собой отдельный подкласс: ударное оружие без гибких элементов, с сильно утяжеленным концом. Почти все они предназначены для работы одной рукой, а потому длину имеют примерно 50-60 сантиметров и толщину 2-6 см.

Прообразом булавы является обыкновенная деревянная дубина, известная еще с незапамятных времен.

Русь и Булгария – единственные регионы в Восточной Европе, где этот вид профессионального оружия был широко распространён, что кроме общности такти-

ческих приёмов, связано ещё и со сходством развития военной техники (Измайлов, 2008. С. 60; Измайлов, 1997. С. 102).

Популярность булавы была обусловлена не столько простотой изготовления, сколько удобством использования, — она оказывалась легче топора, имела расположенный по оси оружия центр тяжести. Внимание воина не отвлекалось на то, чтобы следить за ориентацией оружия, — с любой стороны булава была одинаково. А раз не надо доворачивать в руке оружие, — это дает возможность расширить репертуар приемов по сравнению с саблей или топором. Кроме того, меньше заботы о том, чтобы нанесенный удар не пришелся вскользь. Удары булавы соскальзывают редко. В некоторых случаях булава превосходила и топор, и саблю — например, чешуйчатый доспех и кольчугу ни топор, ни сабля разрубить не могли, а вот удар булавой они не держали совсем. Ударом булавы по мягкой кольчуге можно было причинить очень серьезный ушиб, а то и раздробить кость. Ею можно было оглушить воина в закрытом шлеме или даже разбить его. И, конечно же, самое распространенное применение булавы — ее использование наездниками против пеших воинов — здесь удары сыпались на головы противников и проламывали их.

Булавы имеют еще ряд преимуществ перед другими видами вооружения. Они практически никогда не застревают. И в этом их громадное преимущество перед саблей, а особенно — перед топором и копьем, которые часто застревают и заклиниваются. Даже если оружие удастся вытащить, на это уходят драгоценные секунды, что нередко стоит воину жизни. Особенно сильно это сказывается в борьбе против щитоносца. В деревянном щите застревает почти любое оружие. А вот булавой можно легко избавить противника от щита (один-два увесистых удара — и рука со щитом поневоле опустится).

Ещё одна причина распространения — дешевизна. Дело в том, что для булавы не нужно особо качественного металла. Сойдет средний, и даже очень средний. Ей ведь не нужно держать режущую кромку.

Кроме того, в бою сабли и топоры получают зазубрины и щербины. Первое исправляется долгой работой с точильным камнем, второе — требует помощи кузнеца. А на боевых качествах булавы с вмятинами от ударов этот факт сказывается минимально. Правда, могут перерубить стержень, но это случается редко.

Булавы проникли в Пермское Приуралье с кочевого Юго-Востока в X — нач. XI вв. (Кирпичников, 1966. С. 48), по-видимому, через Волжскую Булгарию, где они распространяются среди болгар с VIII в. (Измайлов, 2008. С. 58).

На территории Пермского Приуралья встречено 3 бронзовые навершия булавы.

Булава бочёнкообразной формы снабженная четырьмя большими пирамидальными шипами для придания способности прорывать кольчугу (ККМ №1445) (рис. 1/1). Верхняя часть булавы украшена фигурным верёвочным плетением и дополнительными мелкими выпуклостями. Поверхность вся неровная. Вес 152,45 г. Подобные булавы часто встречаются в археологических памятниках на территории Древней Руси, где датируются XII — первой половиной XIII в. (Кирпичников, 1966. С. 51-52, 55) и на территории Волжской Булгарии (Измайлов, 1997. С. 100). Найдена в д. Конопля.

Булава с четырьмя пирамидальными боковыми шипами, расположенными в окружении четырёх небольших остроугольных выступов. Пространство между шипами заполнено веревочным плетением (рис. 1/2) (Белавин, 2000. Рис. 85/3). Находки на севере и юге Древней Руси свидетельствуют об их общерусском распространении (Кирпичников, 1966. С. 51, табл. XXVI/1-3; XXIX/1, 3). Датируется XII — первой половиной XIII вв.

Изготавливались, в первую очередь, в Киеве и южнорусских городах, и расходились по всей Руси и за ее пределами – от Волжской Булгарии до Юго-Восточной Прибалтики и Швеции (Кирпичников, 1966. С. 53-54). Найдена в д. Модороб.

Булава с четырьмя полушарными выступами (Эрмитаж (Белавин, 2000. Рис. 85/4)) (рис. 1/3). И.Л. Измайлов пишет, что это типично болгарская форма знатных аристократических боевых наконечников (Измайлов, 1997. С. 100). Датировать её следует XII – первой половиной XIII в. – временем наибольшего разнообразия и расширения значения булавы. Найдена в д. Новосела на р. Велва.

В XII-XIII вв. возрастает значение булавы, и появляются наконечники весьма сложной и совершенной формы. С шипами, торчащими во всех направлениях, таким образом, чтобы на линии удара в любом случае оказался выступ. Пространство между шипами заполняли мелкими выпуклостями и плетёным узором. Иногда узор сплюснут и смят от ударов.

Дубина или Палица – оружие ближнего боя, простейшее ударное холодное оружие, известное с эпохи палеолита и применявшееся как для удара рукой, так и для метания на расстояние в голову и тело противника. Дубина очень проста в изготовлении, сделать ее можно практически в любом лесу. Изготавливается дубина из прочного дерева, и представляет собой палку длиною в полметра-метр. Толщина рукояти дубины должна быть такова, чтобы вы могли свободно сжать ее в кулаке, а именно, 4-5 см в диаметре. Также желательно найти такую палку для дубины, чтобы по мере удаления от рукояти толщина увеличивалась. Идеальная мера прочности для дубины: максимально сильный удар дубиной по дереву не должен принести вреда дубине.

Палицу мог изготовить себе самый последний ополченец, у которого не было даже приличного лука. Подтверждения этих слов находим в преданиях о Перебогатыре – «Решил Пера с Виселом (леший – прим. ДАВ) силой меряться. Выдернул Висел бревно десятивершковое и из него палицу сделал (Коми-Пермяцкие народные предания...., 1956. С. 16).

Остатков дубин на территории Пермского Приуралья из-за плохой сохранности органических материалов найдено не было, но, по всей вероятности, они существовали.

Кистень – ручное гибко-суставчатое холодное оружие ударно-раздробляющего действия. Этот вид булавы представляет собой ударный груз (тяжелую костяную, железную или каменную гирю – било), соединённый подвесом (цепью, кожаным ремнём или крепкой верёвкой) с деревянной рукоятью — кистенищем (непосредственно к рукояти или к неподвижному ушку). Нередко кистень крепился просто к руке при помощи петли на конце веревки. Кистень незаметно мог помещаться за пазухой, в кармане или в рукаве, и мог сослужить хорошую службу человеку, на которого напали. Как «ручное дорожное оружие» трактует кистень словарь В.И. Даля.

Конструкция кистеня делала его весьма удобным и эффективным оружием. К примеру, кистень обладал большой длиной в боевом положении, но был компактен при переноске – суммарная длина рукоятки и цепи могла достигать 120 см, но чаще составляла 80-100 см. Примерно 50 см, как правило, приходилось на рукоять, длина цепи составляла 30-40 см. Это оптимальный размер, т.к. более длинное звено подвеса летит медленнее, более короткое – слабее бьет. При этом кистени были относительно лёгкими – масса оружия обычно составляла 0,5-0,7 кг.

Отличие кистеней от булавы заключалось в том, что кистень, уступая булаве в весе, пре-

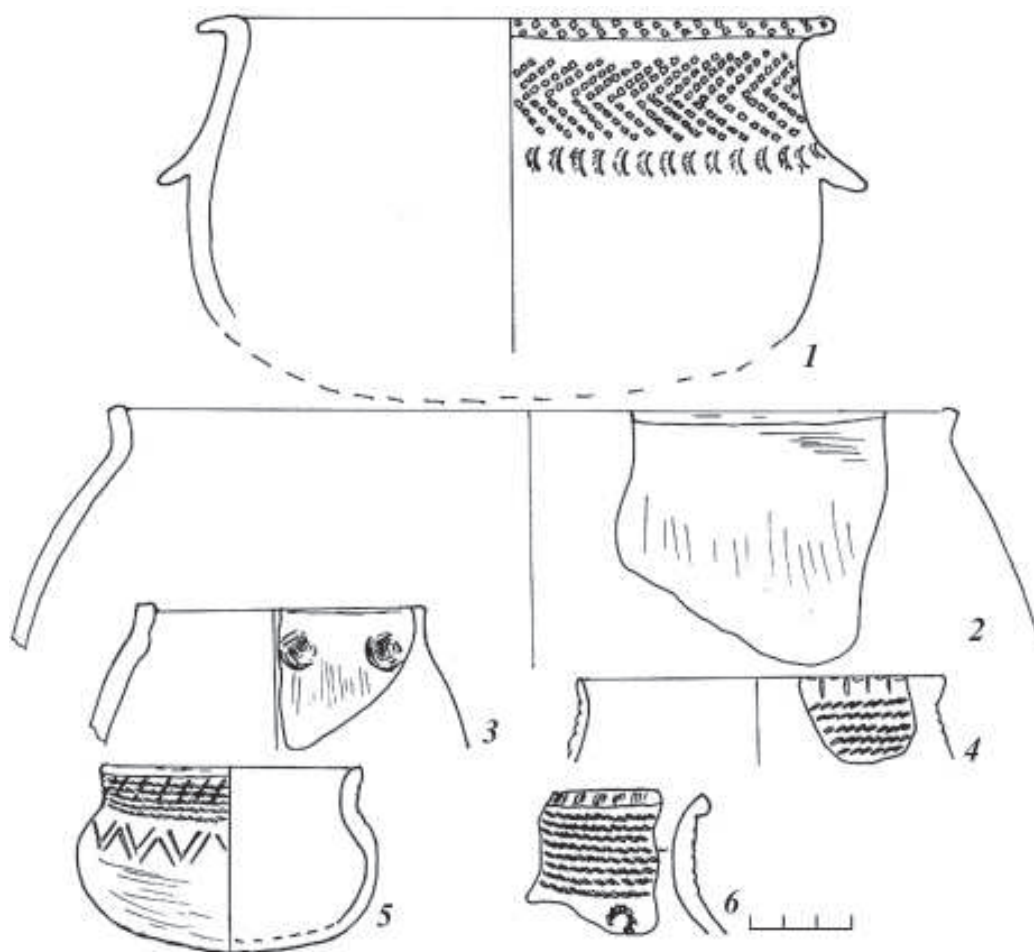

Рис.1 Лепные горшки и чаши

восходил её гибкостью и дальностью действия поражающего удара.

Ценным качеством было то, что будучи дополнительным оружием, он мог в зависимости от обстановки успешно применяться как против легковооружённого так и против защищённого бронёй противника.

Надо отметить, что, при своей доступности и дешевизне, кистень являлся оружием достаточно сложным в обращении. Для эффективного использования всех преимуществ кистеня от воина требовались определённые навыки. Преимуществ кистень имел немало. К примеру, конструкция кистеня позволяет, при достаточном умении воина, эффективно обезоруживать противника, вооружённого клинковым либо древковым оружием, в особенности – топором. Кроме того, защититься от умелого удара кистеня крайне сложно. Правда, важно иметь в виду, что, в отличие от сабли и булавы, сам кистень практически непригоден для отражения ударов, поэтому требует использования надёжного защитного снаряжения или щита.

Способ применения кистеня очень прост. В нужный момент его бросают толчковым движением из кулака прямо в голову противника (обычно в лоб или в нос). Поскольку длина ремня (цепочки, шнура) не превышает полметра, уклониться от такого удара невозможно. Ставить блок бесполезно. Маховые удары кистенем тоже производят, но гораздо реже, чем тычковые.

Существенным ограничением пехотного применения кистеня был тот факт, что им невозможно пользоваться в плотном бою, поскольку для его эффективного использова-

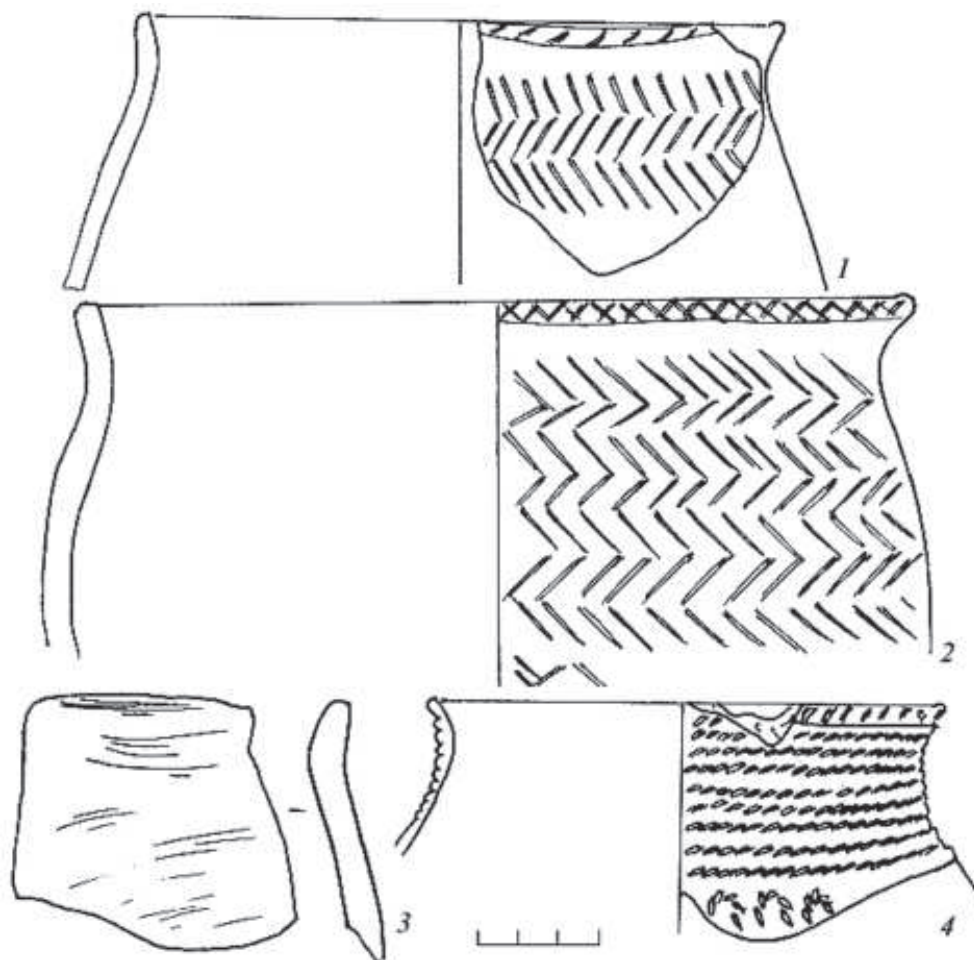

Рис.2 Лепные горшки

ния необходим замах. Кроме того, в таких условиях существует высокая опасность поражения «своих» воинов, поскольку траектория полёта гири трудно предсказуема.

Ударом кистеня можно легко промять шлем, особенно вертикальным или боковым. Как и плетью, кистенем можно было работать на обратном хвате, атакуя спину противника в обход его защиты. Человек, вооруженный кистенем и ножом, как правило, легко одерживает верх над щитоносцем в схватке один на один. Однако кистени часто называют оружием одного удара, поскольку ими сложно защищаться, особенно, парировать. Если вам не удалось сразу попасть по противнику, то потом с помощью этого оружия отбиваться от него очень непросто, особенно, на ограниченном пространстве. Кистень практически не допускает парирования удара рукояткой. Кистень и, например, сабля хорошо дополняют друг друга. Кистень позволяет наносить удары даже по спине противника, легко преодолевая все блоки и щиты. Сабля же позволяет отбивать ответные удары.

Ловкий и внезапный удар мог быстро поразить или оглушить противника. Кистень, как и булава, был вспомогательным средством борьбы, к которому прибегали, когда нельзя было действовать основными видами оружия – во время неожиданных столкновений и в рукопашных схватках. На некоторых гирях заметны вмятины, повреждения, сбитые узоры – несомненные признаки ударов.

Происхождение кистеня в Восточной Европе исследователи связывают со степными районами, где обнаружены самые ранние образцы средневековых кистеней (Измай-

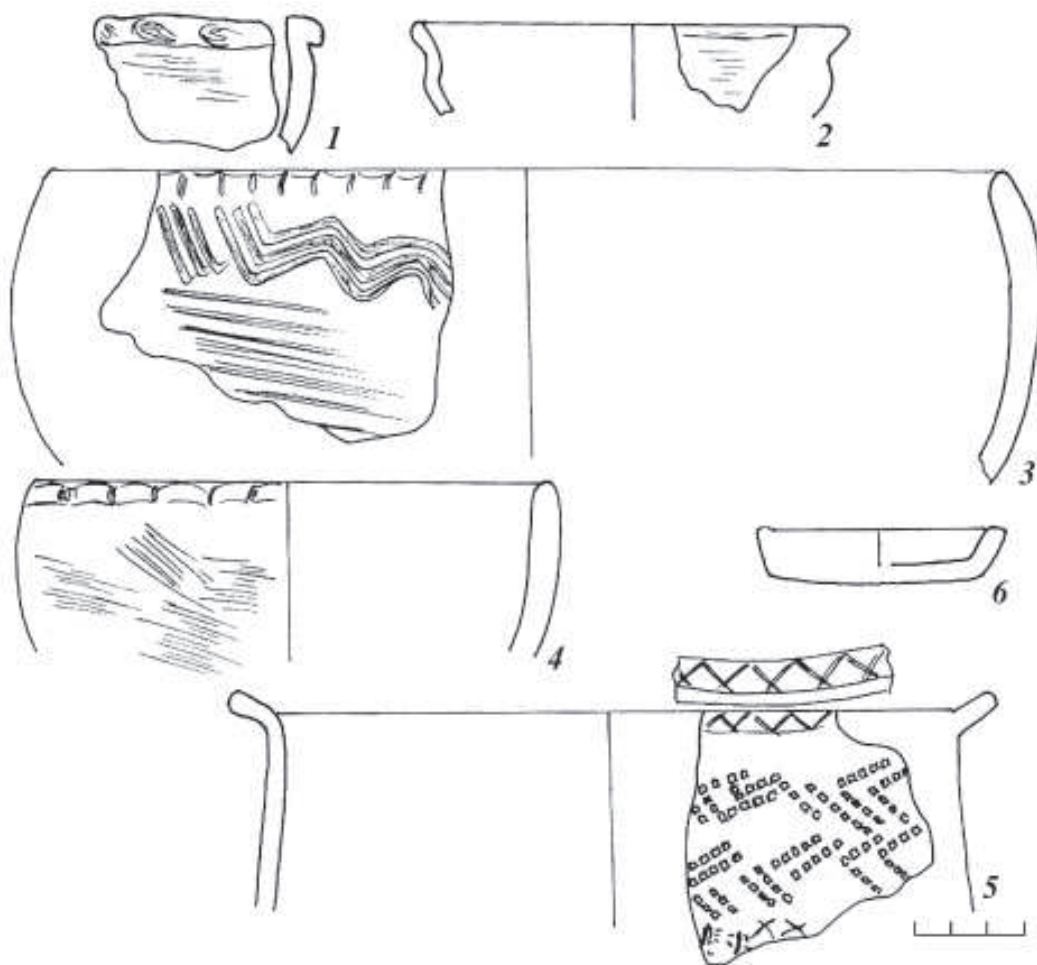

Рис.3 Лепные миски и плошки

лов, 2008. С. 61).

С территории Пермского Приуралья известно 2 гирьки от кистеня и одна петля для крепления подвеса к деревянной рукояти.

Костяная гирька гладкой яйцевидной формы с орнаментом в виде параллельных линий. В центре гири сделано сквозное продольное отверстие, куда вставлялся металлический стержень (рис. 1/4) (ККМ № 523). Вес 51,44 г. На более широком конце гири стержень расклёпывался, а на другом конце загибался в петлю, служившую для скрепления гири с ремнём или верёвкой. Датируется X-XIII вв. Гирька найдена на территории Пермского края.

Медная гирька шаровидной формы с мелкими горошковидными выпуклостями инкрустированными серебром (рис. 1/5) (Белавин, 2000. Рис. 85/5). Датируется XII-XIII вв. Аналогичные гирьки широко распространены в памятниках Волжской Булгарии (Культура Биляра, 1985. Табл. LXII/8; Измайлов, 1997. С. 106-107). Основное распространение данных гирек – южные и юго-западные области Руси (Кирпичников, 1966. С. 62). Найдена на р. Лолог.

На Рождественском городище встречена петля для крепления подвеса к деревянной рукояти (рис. 1/6). Датируется XII-XIII вв. Её длина 80 мм, диаметр втулки 14 мм (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 170/5) (ПКМ № 19653).

Как видно из количества находок, данные виды вооружения не получили широкого

Рис. 4 Фрагменты лепных крышек и ручек сосудов, фрагмент подставки-валика для круглодонных сосудов

распространения на территории Пермского Приуралья. По-видимому, все эти образцы поступали к нам с территории Волжской Булгарии, где имели большое распространение.

Список литературы:

- Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ. – 200 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ. – 598 с.
- Измайлов И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булга-

рии X – нач. XIII в. – Казань-Магадан. – 213 с.

Измайлов И.Л., 2008. Защитники «Стены Искандера». – Казань: Тат. кн. изд-во. – 206 с.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е-1-36. – М.-Л.: Наука. – 214 с.

Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре, 1956. (Историко-этнографический очерк) / Гусев Д.И. – Кудымкар: Коми-перм. изд-во.

Культура Биляра, 1985. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. – М.: Наука. – 216 с.

Е.В. Юркова.
КОМПЛЕКС КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ ГОРОДИЩА
САЛАМАТОВО I (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
РАСКОПОК КАЭЭ 2011 г.)

В материалах Саламатовского I городища содержится богатый комплекс керамики. Статья посвящена первому этапу анализа керамической посуды, включающему технологическое, морфологическое и функциональное определение. Делается вывод о том, что посуда в целом имеет ломоватово-родановскую принадлежность, но присутствует также и значительный постневолинский пласт.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, Почусовье, Саламатовское городище, керамическая посуда, функциональное назначение

E.V. Yurkova

POTTERY COMPLEX FROM THE SALAMATOV I SETTLEMENT (ON THE MATERIAL OF EXCAVATIONS OF THE KAMA ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF 2011)

Materials of the Salamatovo I settlement contain an extensive complex of pottery. The paper presents the first step in the analysis of pottery, which includes technological, morphological and functional identification. The pottery mostly belongs to the Lomovatovo-Rodanovskaya culture, but there is also a considerable Post-Nevolinskaya layer.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Perm Cis-Urals, the Chusovaya River area, the Salamatovo settlement, pottery, purpose of function

История керамической посуды столь же богата и разнообразна, как и сама человеческая культура. Керамика, благодаря легкости ее изготовления, сопровождала человечество с древнейших времен. Однако, не смотря на то, что это один из самых древних археологических источников, все еще много остается вопросов для изучения.

Большинство селищ и городищ Пермского Предуралья содержат в культурном слое фрагменты керамических сосудов (а иногда и целые сосуды). Не является исключением и городище Саламатово I, расположенное на правом берегу р. Усьвы в 3 км от города Чусовой (вверх по течению). Последние раскопки памятника проводились в 1986 г. отрядом КАЭЭ ПГПИ под руководством А.М. Белавина. Вновь изучение памятника началось в 2011 г., в связи с появлением грабительских ям. Материалы ранних раскопок достаточно разнообразны и выразительны: очень интересный комплекс керамической посуды, до 70% которой составляли фрагменты стенок и венчиков, ручек и крышек с резной орнаментацией, продолжавшей неволинскую традицию населения р. Сытва (Белавин, 1986).

Вопрос о датировке памятника остается открытым, так как ранее полученные материалы (М.В. Талицкого, 1953 г., В.А. Оборина, 1964 г.) на сегодняшний день утрачены. По мнению А.М. Белавина, городище Саламатово I можно датировать XI-XIII вв., и отнести к локальному варианту родановской культуры, который впоследствии был обозначен как юго-восточный вариант (Отчет о раскопках городища Саламатово I..., 2012. С.7).

Разнообразные фрагменты керамической посуды дали и раскопки городища Саламатово I 2011 г. под руководством С.И. Абдуловой.

В материалах 2011 г. содержится около 800 информативных керамических фрагмен-

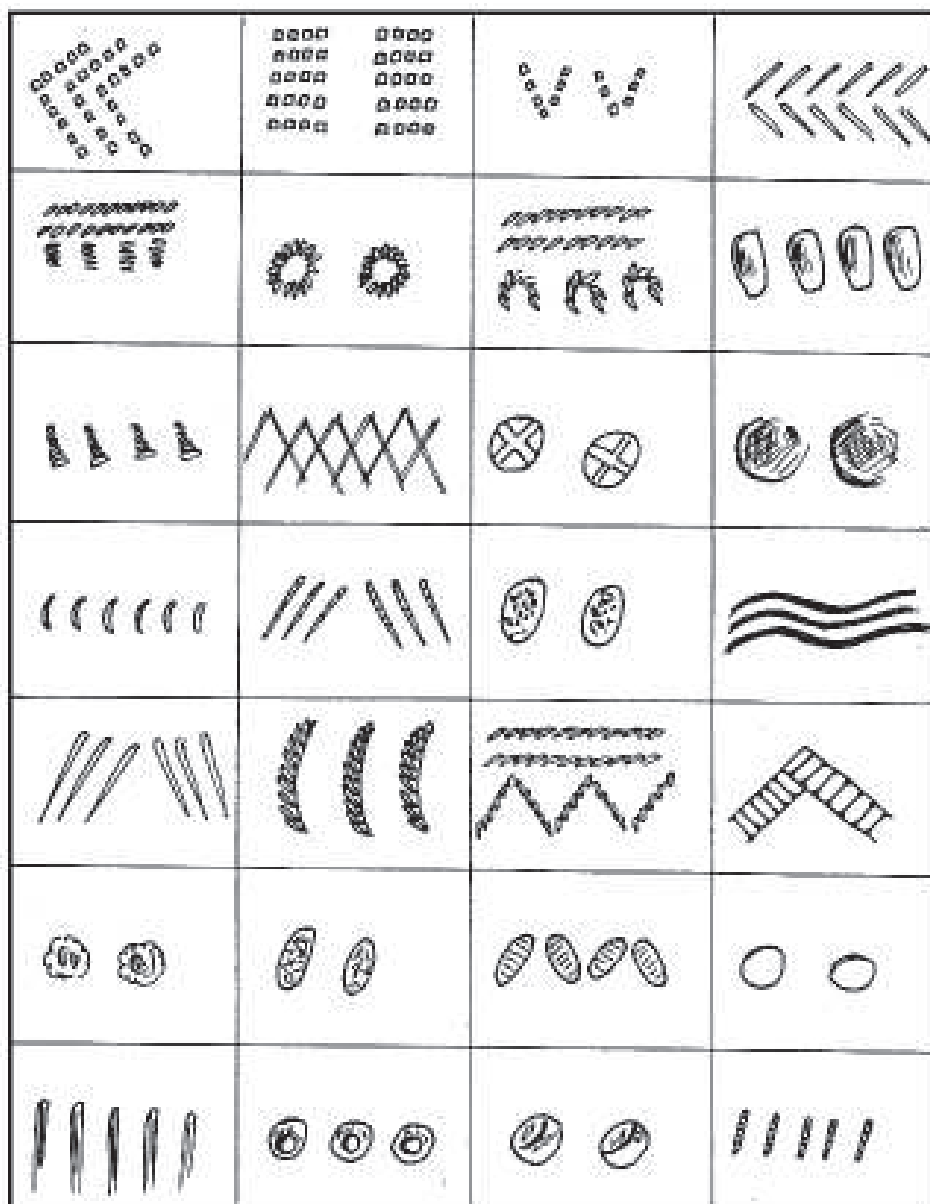

Рис. 5 Элементы орнаментации и композиций

тов. Вся керамика – лепная. Особенностью данного памятника можно считать высокую степень фрагментарности керамической посуды. В основном представлены фрагменты венчиков и стенок, фрагменты лепных ручек и крышек сосудов. Вместе с тем, из общей массы фрагментов можно выделить 31 сосуд полной формы, что составляет 3,9% от общего числа фрагментов.

Характеристика саламатовской посуды проводилась с учетом трех основных групп признаков: формы сосудов, технологии изготовления и орнаментации.

Если следовать методике работы с керамическими сосудами И.Г. Глушкова (Глушков И.Г., электрон. ресурс), то для технологического анализа саламатовской керамики нам необходимо рассмотреть: цвет сосудов, примеси в формовочной массе и способ обработки поверхности, обжиг сосудов.

Цветовая гамма посуды представлена 9 вариантами. В основном преобладают цве-

та: коричневый светлый (154 фр. – 19,8%) и темный (257 фр. – 33%), а также серо-коричневый темный (147 фр. – 18,9%) и серо-коричневый светлый (111 фр. – 14,3%), что не противоречит общим характеристикам ломоватовско-родановской посуды. В незначительном количестве по отношению к общей массе керамических фрагментов присутствуют цвета: рыжевато-коричневый (14 фр. – 1,8%), желто-коричневый (10 фр. – 1,3%), красно-коричневый (18 фр. – 2,3%) и серый светлый (2 фр. – 0,2%), серый темный (65 фр. – 8,4%). Внутренняя сторона стенки нередко имеет более темный цвет, чем внешняя. Обжиг, вероятно, производился у костра, о чем может свидетельствовать неодинаковая окраска стенок одного и того же сосуда.

Формовочная масса сосудов включает в себя следующие примеси: органика, толченая раковина, песок, слюда. Основной примесью в тесте является органика (167 фр. – 21,5). Ее функциональное назначение можно свести к приданию сосуду легкости, однако такие сосуды чаще всего подвергались разрушению при использовании их в быту. Также примесь органики способствовала меньшей усадке сосуда при сушке. В основном такая формовочная масса, как «глина + органика», характерна для массивных толстостенных сосудов, служивших, предположительно, для хранения продуктовых запасов.

Примесь толченой раковины также присутствует в формовочной массе, и составляет (703 фр. – 90,4%). Использовалась она в качестве отощителя, и характерна, в основном, для сосудов, которые служили для приготовления пищи. Визуально мы наблюдаем мелко-точенную раковину, которая характерна также для северных памятников родановской культуры (например, для селища Запоселье I).

Примесь слюды (189 фр. – 24,3%), в отличие от других, не является характерной для родановской культуры. Скорее всего, она попадает на территорию Посучовья в результате взаимодействий местного населения с представителями средневековых культур Зауралья.

Кроме наличия примесей в глиняном тесте, важным показателем характеристики посуды является наличие или отсутствие нагара. В этом случае мы можем иметь дело с использованием сосудов непосредственно для приготовления пищи. На фрагментах саламатовской посуды этот признак присутствует, причем в значительном количестве. Так, нагар на внешней стороне сосудов наблюдается в 33 случаях (4,2%), а изнутри – на 52 фрагментах (6,7%). Нагар и с внешней, и с внутренней стороны прослеживается на 3 фрагментах (0,4%).

В случае, если нагар отмечается на внутренней стороне сосудов, можно предположить об их использовании на «кухне» в качестве посуды для приготовления пищи. Однако полной уверенности в этом умозаключении нет по причине отсутствия специальных исследований нагаров, так как вполне вероятно, что сосуды использовались не только для приготовления пищи, но и в производственных целях. Возможно, подобные исследования еще будут проведены в дальнейшем.

Анализ обработки поверхности сосудов проводился также на основе визуального осмотра. Выделяются следующие способы обработки поверхности:

1) обработка поверхности пучком травы (обработка повторяет рельеф сосуда), представлена на 6 фр. (0,8%);

2) обработка поверхности деревянной щепой, зубом животных или расчески гребенчатым штампом (обработка поверхности орудиями, создающими рельеф) наблюдается в 18 случаях (2,3%), и представлена в виде глубоких «расчесов», которые могли наноситься как вертикально, так и хаотично.

Как правило, следы, оставленные такими орудиями, хорошо заметны невооруженным глазом, и носят характер однонаправленного неупорядоченного распределения разных по размерам глубоких процарапываний, бороздок и штрихов с различными формами ложа. Стоит отметить, что подобные орудия для обработки поверхности постоянно находились под рукой мастера, были удобны, так как не требовали особого ухода, но при этом часто требовали замены, ввиду быстрого забивания глиной рабочего края.

3) обработка поверхности кожей (напоминает «лощение»). Такой тип обработки поверхности наблюдается у небольших тонкостенных сосудиков, но их количество незначительно по отношению к общей массе фрагментов посуды (10 фр. – 1,3%).

На 37 фрагментах (4,8%) отмечены сквозные отверстия, что, в свою очередь, указывает на функциональную принадлежность тех или иных типов посуды, которая сводится, скорее всего, к функции защиты продуктов от порчи и затхлости. Причем сквозные отверстия расположены преимущественно на сосудах средних размеров.

Техника формовки сосудов определяется визуально на основании внешних признаков, свойственных керамике, выделанной от руки. В выделении форм саламатовской посуды использовался ряд признаков, определяемых визуально. К типологическим следует отнести морфологические особенности, такие как: дно – тулово – предплечье – плечо – горловина (Бобринский, 1986. С. 137-157).

Группа I – круглодонные горшки, чаши, кружки

Как утверждает Н.Б. Крыласова, горшки – это наиболее распространенный вид сосудов для варки у большинства этносов, в том числе, и у местного населения. Так, толстое тулово горшка способствовало оптимальному обогреву с боков; благодаря сферической форме достигалось максимальное соотношение полезного объема посуды и ее поверхности, а это не только экономило материал, уменьшало вес, но и позволяло долго сохранять пищу горячей; малая площадь горловины уменьшала площадь испарения, и позволяла не только варить пищу, но и тушить ее, парить долгое время, запекать (Крыласова, Подосенова, 2008. С.28).

Поскольку полных форм сосудов удалось реконструировать единицы, мы имеем в распоряжении только верхние части (представлено 307 фрагментов венчиков, что составляет 39,5% от общего числа фрагментов), не позволяющие установить высоту тулова, и разделить горшки и чаши, обычно абсолютно одинаковые сверху, не представляется возможным (Белавин, Крыласова, 2008. С. 175).

В зависимости от пропорций сосуда (диаметр венчика, высота тулова и т.д.) можно выделить следующие типы:

Тип 1 – сосуды со значительным расширением в средней части тулова, небольшим устьем и с короткой цилиндрической шейкой (34 фр. – 11,1% от общего числа фрагментов венчиков). Диаметр варьируется от 7 до 22 см. Венчик таких сосудов округло-уплощенный (рис.1/2). Сосуды редко орнаментированы (из встречающихся орнаментов – резной). По мнению В.А. Оборина, «бомбовидные сосуды с сильно раздутыми боками, с прямым цилиндрическим горлом, иногда отогнутым» характерны для сылвенских памятников, и «совершенно не встречаются в родановской керамике» (Оборин, 1970. С.11).

Чаще всего данный тип представлен сосудами без четко выраженной шейки.

Тип 2 – сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее разду-

той части тулова (103 фр. – 33,6%). Шейка сосудов чаще прямая или слегка отогнутая наружу. Сосуды данного типа представлены как небольшие, например, чаши (рис.1/1), так и достаточно крупные – диаметр достигает более 40 см, а толщина стенок – до 1,2 см. По мнению Р.Д. Голдиной, подобные сосуды по функциональному назначению носили универсальный характер, и использовались в хозяйстве в качестве кухонной, столовой посуды, и как емкости для хранения запасов (Голдина, 1985. С. 95).

Тип 3 – горшки баночной формы (рис.2/1-3) с короткой, резко отогнутой блоковидной шейкой, прямым, округлым или приостренным венчиком (65 фр. – 21,2%). Диаметр таких сосудов колеблется от 10 до 22 см. Сосуды орнаментированы, встречаются вертикальные «елочки» гребенчатого штампа, защипы по средней части тулова, венчик также может быть орнаментирован (например, резным орнаментом). Сосуды этого типа встречались ранее на городище Саломатово I и селище Телячий Брод на р. Чусовой (Оборин, Балашенко, 1968. С. 42).

Тип 4 – круглодонные сосуды, тулово которых – раздуто, с цилиндрической относительно высокой шейкой (рис. 1/4-6, рис. 2/4). Всего представлено 77 фрагментов, что составляет 25% от общего числа венчиков. Диаметр сосудов составляет 10-22 см. Сосуды этого типа узнаваемы по характерной орнаментации в верхней части, которая представлена оттисками веревки (группа VII по Т.А. Хлебниковой). Точка зрения Т.А. Хлебниковой основывается на том, что эта керамика появилась в Нижнем Прикамье с начала X в. и продолжала свою эволюцию до XII-XIII вв., как развитие неволинской цилиндрической посуды под воздействием верхнекамской. Что касается этнической принадлежности этого типа посуды, то в решении данного вопроса, по мнению Т.А. Хлебниковой, нужно исходить из определения неволинских памятников их исследователями как угорских (Хлебникова, 1984. С. 112). Позднее Е.П. Казаков рассматривал ее как синтез позднекушнаренковской и верхнекамской (чепецкой) и в качестве башкиро-приуральского компонента в культуре ранней Волжской Булгарии (Кокорина, 2002. С. 23-24).

Тип 5 – кружки. Наличие в материалах городища фрагментов ручек (18 фр. – 2,3% от общего числа фрагментов) или следов отлома от ручек на стенках некоторых сосудов, свидетельствует о существовании кружек и иных сосудов с ручками (рис. 4/7). Однако, стоит заметить, что поскольку полных форм этих сосудов не выделено, будет сложно точно определить, кружки это или горшки-кашницы. Фрагменты сосудов богато украшены (в том числе, и ручки), чаще всего преобладает гребенчатый орнамент.

Группа II – котлы (2 экз. – 0,25%). Объемные сосуды с цилиндрическим или усеченно-коническим туловом с двумя полукруглыми ушками для крепления металлической дужки, поднимающимися выше уровня края сосуда (Крыласова, 2007. С. 43). Ушки котлов несколько плотнее, чем край венчика, и незначительно отогнуты наружу (рис. 3/8). Подобные сосуды известны на Рождественском городище, а также на селище и могильнике Телячий Брод и на ряде других памятников. По мнению Н.Б. Крыласовой и А.М. Белавина, такие котлы с ушками получили распространение на памятниках Пермского Предуралья в XIII-XIV вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 181).

Группа III – мискообразные сосуды и плошки (28 фр. – 9,1).

Тип 1 – сосуды с раздутым туловом и резко отогнутой короткой блоковидной горловиной (рис. 3/2,5). По мнению Н.Б. Крыласовой, такие сосуды могли использоваться как кухонные для жарки в большом количестве жира, для чего были необходимы невысокие открытые сосуды, или как столовые (Белавин, Крыласова, 2008. С.182). Такие сосуды иногда орнаментированы гребенчатым штампом.

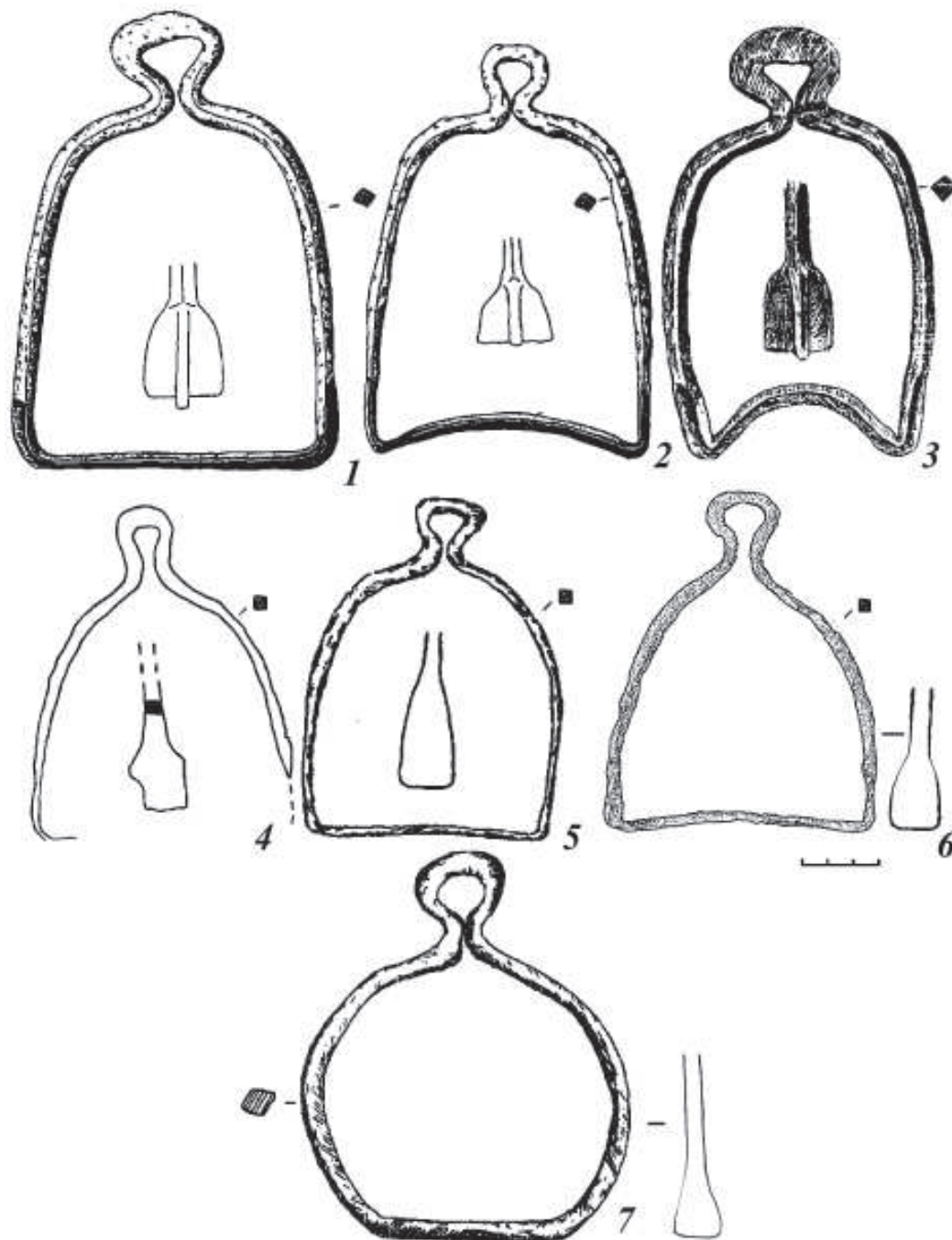

Рис. 1. 1-6 – стремена типа AI (4-5 – «вотивные»); 7 – стремя типа AII: 1 – одиночный курган Брусяны II (1 экз.), Малорязанский I (2 экз.); 2 – Брусяны II (4 экз.); 3 – Новинки II (2 экз.); 4 – Брусяны II (2 экз.); 5 – Шелехметь II (2 экз.); 6 – Большеярханский могильник (2 экз.); 7 – III Рождественский могильник (1 экз.)

Лепные миски местного производства без выраженной шейки были распространены как в ломоватовское, так и в родановское время. Дно этих сосудов округлое, уплощенное или плоское. Маленькие мисочки, диаметр венчика которых не превышает 9 см, по форме напоминают плошки.

Тип 2 – данный тип представлен низкими сосудами без шейки с прямым или округлым венчиком (рис. 3/ 1, 3-4, 6). Изредка сосуды орнаментированы круглыми вда-

лениями, в единичном экземпляре представлены волнообразные прочерченные линии.

Подтип 1 – сосуды с отогнутыми наружу стенками – открытые сосуды (4 экз.);

Подтип 2 – сосуды с вертикальной верхней частью (3 экз.);

Подтип 3 – сосуды со сходящимися стенками или, так называемые, сосуды с закрытым устьем (6 экз.)

Группа IV – блюдо (1 экз. – 0,3%). Фрагмент представляет собой часть плоского диска небольших размеров. Диаметр составляет около 6 см, край диска образует бортик. Подобный сосуд встречен на Рождественском городище, но в отличие от рассматриваемого фрагмента, его диаметр составляет 2 см. По мнению Н.Б. Крыласовой, сосуды подобной формы для Пермского Предуралья являются редкостью (Крыласова, 2007. С. 33).

Группа V – крышки лепных сосудов (6 экз. – 0,75% от общего числа фрагментов).

Фрагменты крышек представляют собой плоский диск толщиной 0,6-0,8 см (рис. 4/2-6). Диаметр фрагментов восстановить не представляется возможным.

Тип 1 – фрагменты крышек, внешний край которых обработан пальцевыми защипами. Поверхность таких крышек может быть ребристой, украшенной резным или гребенчатым штампом в виде «елочки». Подобные крышки встречены на Рождественском городище (Белавин, Крыласова, 2008. С. 188).

Тип 2 – фрагменты крышек, внешний край которых округлый. Лицевая часть таких крышек может быть украшена резным, гребенчатым штампом, а также ногтевыми вдавлениями и кружковым штампом.

Группа VI – глиняная подставка-валик для круглодонных сосудов.

В особую группу можно выделить подставки-валики, которые в рассматриваемом керамическом комплексе представлены на настоящий момент в единственном экземпляре – 0,1% от общего числа керамических фрагментов (рис. 4/1). Аналогичного I городища наблюдаются преимущественно сосуды небольших размеров, что может свидетельствовать о таком способе приготовления пищи как варка или тушение, однако однозначно сказать сложно, так как процент наличия нагара на стенках сосудов невелик. Наличие характерного орнамента и форм сосудов свидетельствует о наличии в составе населения городища наследников неволинской традиции.

Изучение памятника необходимо продолжать, поскольку требуется уточнение как его датировки, так и культурной принадлежности. Некоторые исследователи отождествляют Саламатовское I городище с летописной факторией «Сибирь». Памятник, по всей видимости, является крупным торговым и производственным центром эпохи средневековья на территории Приуралья (Абдулова, 2012. С.7).

Список литературы:

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ. – 203 с.: ил.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник [Электронный ресурс]. – Электрон. ст. – Режим доступа к ст.: <http://ifolder.ru/10155693>

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: ИИУ. – 280 с., ил.

Крыласова Н.Б., 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: ПГПУ. – 352 с.

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., 2008. Материальная культура средневекового Преду-

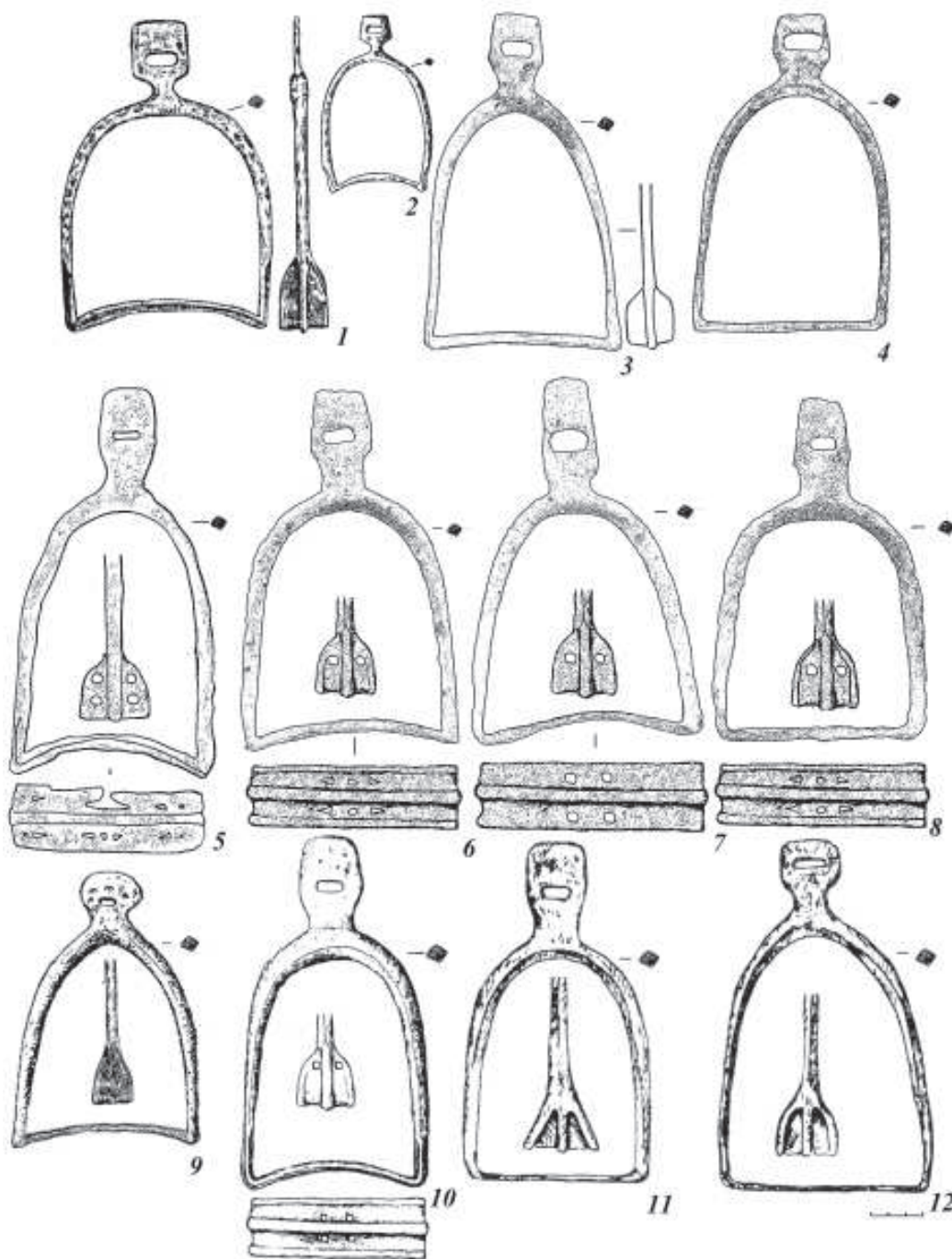

Рис.2. Стремёна типа Б1: 1 – Новинки II (2 экз.); 2 – Билярское городище (2 экз.); 3 – Большеатарханский могильник (2 экз.); 4 – Больше-Тиганский могильник (1 экз.); 5 – Кайбельский могильник (1 экз.); 6 – Большеатарханский могильник (1 экз.); 7 – (3 экз.); 8 – (1 экз.); 9 – Большеатарханский могильник (2 экз.); 10 – Малоязынский I (2 экз.), Брусянский II (1 экз.); 11-12 – Автозаводский могильник (2 экз.)

ралья. Часть I. Культура жизнеобеспечения: учебное пособие. – Пермь: ПГПУ. – 189 с.

Кокорина Н.А., 2002. Керамика Волжской Болгарии 2 пол. XI – нач. XV вв. – Казань: ИИ АН РТ. – 384 с.

Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Вып. 9: Памятники ломоватовской культуры. – Свердловск: УрГУ. – С.3-29

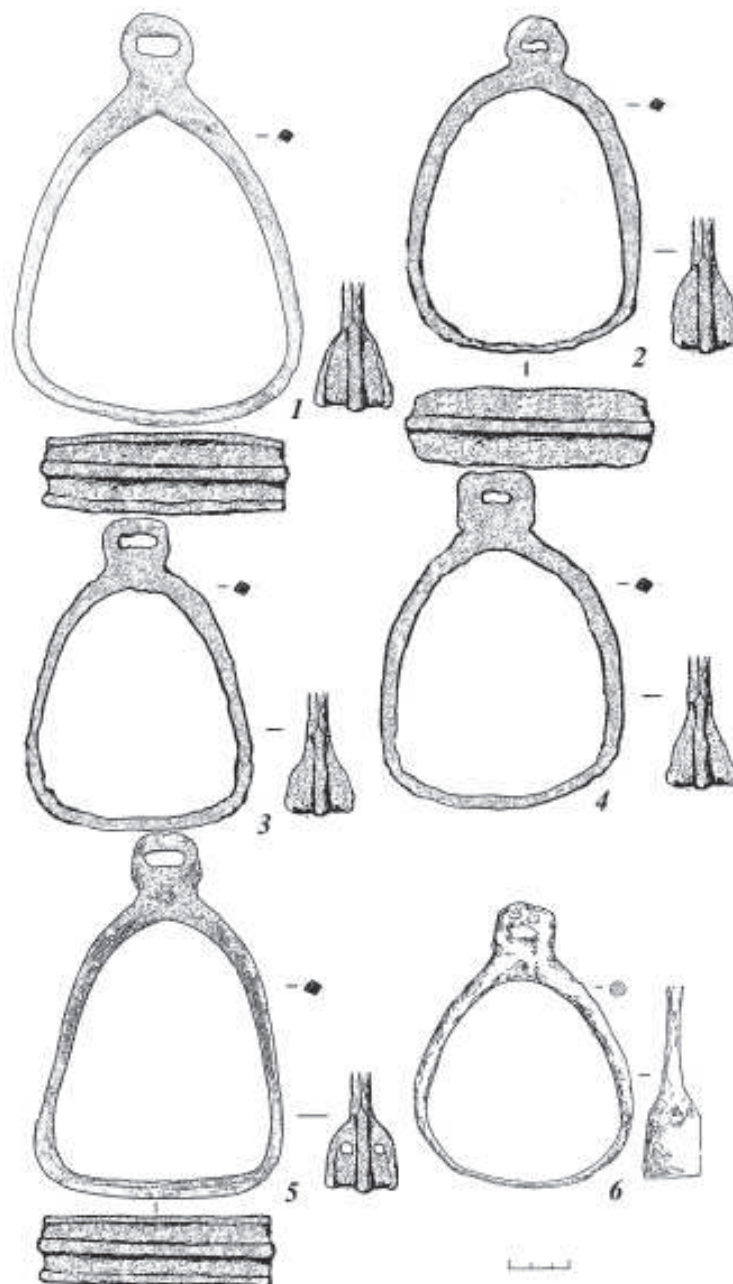

Рис. 3. 1-2 – стремена типа БП/1; 3-6 – стремена типа БП/2: 1 – Больше-тарханский могильник (1 экз.); 2 – погребение на 116 км (1 экз.); 3 – Чиминский могильник (1 экз.); 4 – Танкеевский могильник (2 экз.); 5 – Больше-Тарханский могильник (1 экз.); 6 – I Измерское селище (2 экз.)

Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации // УЗ ПГУ. № 191. – Пермь: ПГУ. – С.28-48.

Островский С.Л., 2003. Археологические памятники юго-восточного локального варианта ломоватово-родановской общности. История и проблемы комплексного изучения // Труды КАЭЭ. Вып.3. – Пермь: ПГПУ. – С. 115-123.

Абдулова С.И., 2012. Отчет о раскопках городища Саламатово I могильника в Чусовском районе Пермского края в 2011 г. – Архив ЛАЭИ ПГПУ

Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу

об этнокультурном составе населения. – М.: Наука. – 240 с.

П. В. Красильников.
К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СТРЕМЯН С ПАМЯТНИКОВ
РАННЕБУЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ

В статье анализируются стремяна, обнаруженные на территории Волжской Булгарии. Проведена классификация показала, что стремяна, происходящие из памятников волжских булгар, в своем развитии демонстрируют такую же основную морфологическую тенденцию, которая прослежена на стремянах многих других областей, вплоть до Сибири.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Волжская Булгария, снаряжение коня, стремяна

P.V. Krasilnikov
ON THE TYPOLOGY OF STIRRUPS FROM THE SITES OF THE EARLY BULGAR-
IAN TIME

The analysis of stirrups found on the territory of Volga Bulgaria is presented. Classification shows that stirrups originating from the sites of the Volga Bulgars exhibit the same morphological tendency as the stirrups in many other regions up to Siberia.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, Volga Bulgaria, horse equipment, stirrups

Политическое, социально-экономическое и культурное развитие волжских булгар связано с их организацией военного дела. Тесные международные контакты с различными странами Евразии способствовали выработке булгарами характерного комплекса вооружения и развития военного дела. Развитие набора конского и всаднического снаряжения зависело и, в свою очередь, влияло на изменение всего набора вооружения, способствовало переменам в тактике полевого боя и определяло своеобразие облика военного дела в целом. Отдельные детали лошадиной амуниции и вся она в целом являются продуктом длительного поиска наилучшей формы, отражением специфики эпохи и народного менталитета, той или иной ситуации, социальных запросов, уровня развития технологии, проведения необходимых расчетов прочности изделий и т.п. Конское снаряжение, включающее оголовье и седло, их формы и размеры, технология производства, зависят от условий их применения и задач, которые предполагается решить при этом.

За последние десятилетия база археологических источников значительно пополнилась, благодаря продолжению археологического изучения памятников волжских булгар, в которых присутствовали и детали конского снаряжения, являющиеся важной составной частью материальной культуры населения Волжской Булгарии. Наряду с этим приходится констатировать, что амуниция коня у волжских булгар исследована недостаточно. Анализ данных по конскому снаряжению является важным условием понимания специфики культурных взаимовлияний между различными народами, особенно на территории, где такие процессы были наиболее интенсивными и характерными. Научная интерпретация данного материала будет способствовать характеристике ряда тенденций, конкретных фактов и явлений военной истории региона.

Источниками исследования выступают материалы из раскопок памятников, определяемых исследователями как булгарские, с территории Республики Татарстан, Ульяновской и Самарской областей, даты которых укладываются в период с VIII по X вв. Материал является крайне разнородным по степени сохранности и информативности, а также по уровню доступности для исследования. Основная часть материала хранится в ИА АН РТ, и была недо-

ступна для работы. Были обработаны фонды НМ РТ, представленные коллекциями из Большетарханского, Танкеевского могильников, и фонды археологического музея КГУ – Большетарханский, Большетиганский могильники. Основную часть источниковой базы составляют опубликованные материалы ряда исследователей памятников волжских булгар (Генинг, Халиков, 1964; Халикова, 1967; Казаков, 1991; Хузин, 1985; Зубов, 1998; Руденко, 2000).

Одной из составляющих конскую амуницию является седло – приспособление, надеваемое на спину лошади и служащее для верховой езды всадника. В данном исследовании будет рассматриваться элемент седла – стремя. Стремя представляет собой часть седла, приспособление для упора ноги всадника при посадке на лошадь и езде верхом. Оно включает несколько составляющих частей: ушко, дужки и подножку. Ушко – это место крепления стремени к путлищу. Подножка – часть стремени, на которую непосредственно опирается нога всадника. Дужки – формообразующие части стремени. Жесткие седла со стремями были изобретены в Восточной Азии в конце III – начале IV вв. н.э. (Тишкин, Горбунова, 2004. С.39). При этом в данный период времени в Европе стремяна ещё отсутствовали. Материалы из Среднего Поволжья позволяют установить, что железные стремяна, идентичные самым ранним дальневосточным, появляются в Европе в конце V – первой половине VI вв., видимо, вместе с савирами (Измайлов, 1990, с.61-70).

Всего рассмотрено 44 экз. стремян. Составлена классификация, которая строится на выделении, прежде всего, отделов по способу оформления верха стремени с отверстием для путлища. В классификации выделяется два отдела: А – с петельчатым ушком, Б – с пластинчатым ушком. Внутри отделов стремяна делятся на типы по морфологическим признакам, т.е. контуру дужки, подножки и петли, когда она есть. В рамках 2 типа отдела Б, исходя из имеющихся вариантов, вводится также деление на подтипы по виду петли: 1 – с округлой петлей, 2 – с прямоугольной пластинчатой петлей неправильной формы. Название типу дается исходя из общего контура изделия. Помимо буквенно-цифрового обозначения типа используется его словесное название. В качестве типобразующих выступают вышеперечисленные признаки.

Отдел А. Стремяна с петельчатым ушком для ремня.

Тип 1. (15 экз.) Арочные стремяна с прямой или вогнутой подножкой.

Все стремяна этого типа известны с булгарских памятников Самарской области: одиночный курган Брусяны II – 1 экз., Малорязанский I – 2 экз., Брусяны II – 6 экз., Новинки II – 2 экз., Шелехметь II – 2 экз., Большетарханский могильник – 2 экз. Пара стремян из Брусянского, Шелехметского и Большетарханского могильников маленьких размеров, и имели небольшую петлю для ремня, слегка вогнутую, почти прямую подножку, дужки в сечении квадратные. Такие стремяна называются вотивными. У всех остальных стремян подножки усилены одним ребром жесткости, дужки ромбические в сечении. Стремяна из могильника Новинки II с сильновогнутой подножкой.

Тип 2. (2 экз.) Округлые стремяна с небольшой петлей для ремня, с прямой подножкой или слегка выгнутой подножкой. Курганный могильник Рождественский III – 1 экз.

Восьмерковидные стремяна с петельчатым ушком произошли, вероятно, от веревочных или ременных стремени упоров, которые по предполагаемой конструкции, должны были иметь удлиненное петельчатое ушко с перехватом в нижней части петли, служащим для ограничения передвижения по ремню путлища и закреплению на нем. Именно отсюда идет традиция изготовления железных петельчатых стремян, где сжатые в плотную боковины дужки при переходе в ушко функционально представляют тот

же самый перехват. Считается, что стремена такой формы возникли у народов Южной Сибири, где они появляются в VI в. (Кызласов, 1983. С.31). Впоследствии они проникают в район Южного Приуралья и Верхнего Прикамья вместе с группами тюркских и угорских племен и, благодаря рациональной форме, широко распространились у многих народов Восточной Европы в VII в. (Зубов, Багаутдинов, 1998). Восьмерковидные петельчатые стремена с прямой гладкой подножкой относят к снаряжению легковооруженных конных лучников. Появление же усиленного ребра жесткости в виде нервюры, проходящей под пластиной подножия, связывают с увеличением нагрузки на подножку. Стремена, усиленные ребрами жесткости, обосновывают их принадлежность тяжеловооруженным всадникам (Неверов, 1998. С.144).

А.Н. Кирпичников «8-видные» стремена выделил в IV тип своей классификации, и датировал IX-X вв. Он заметил, что в целом они нехарактерны для русских древностей и к началу XI в. вышли из употребления на восточноевропейской территории (Кирпичников, 1973. С.48). Такие стремена встречены в Подунавье (Крыганов, 1989), Северном Причерноморье (Армарчук, 2006), памятниках неволинской культуры (Голдина, Водолага, 1990. С.86), Южном Урале (Мажитов, 1981. Рис.37/11, 60/19), где они в основном датируются VII-X вв. В Южной Сибири такие стремена получают широкое распространение до IX в. (Неверов, 1998. С.144).

Все стремена этого типа найдены в памятниках VIII-IX вв. и этот тип стремян можно датировать не ранее VIII в., верхнюю рамку следует ограничить началом X века.

Отдел Б. Стремена с пластинчатым ушком для ремня.

Тип 1 (20 экз.) Выделеннопластинчатые стремена с арочным корпусом, вогнутой или прямой подножкой, в некоторых случаях усиленной ребрами жесткости и украшенной прорезной орнаментацией. Петля для путлища отделена от дужки шейкой-перехватом.

Такие стремена были встречены: Малорязанский I – 2 экз., Бруснянский II – 1 экз., Новинковский II – 2 экз., Кайбельский – 1 экз., Большетиганский могильник – 1 экз., Большетарханский – 9 экз., Автозаводской могильник – 2 экз., Билярское городище – 2 экз. Стремена из Малорязанского и Бруснянского II могильников имеют отверстия квадратной формы в центре и сбоку подножки, которая усилена тремя ребрами жесткости и имеет вогнутые очертания. В этой группе доминируют стремена из Большетарханского могильника: в двух случаях подножки стремян не имеют прорезной орнаментации, они усилены 1 ребром жесткости; у трёх стремян присутствуют отверстия круглой формы в центре и сбоку подножки, которая усилена одним ребром жесткости; у двух экземпляров имеется прорезная орнаментация круглой (сбоку подножки) и круглой с треугольной формами в центре подножки, которая усилена 3 ребрами жесткости; пара экземпляров с прямой гладкой подножкой. Стремя из Кайбельского могильника имеет такие же прорезные отверстия, но усилено только 1 ребром жесткости и подножка вогнута больше, чем у других экземпляров этого типа. Стремя из Билярска усилено 1 ребром жесткости и не имеет отверстий в подножке. Отличие Большетиганского стремени от прочих заключается в инкрустировании верхней части дужки серебром, стремя с прямой подножкой, которая усилена ребром жесткости. Стремена с Автозаводского, пара стремян из Большетарханского, Новинковского II могильников отличаются от прочих формой ушка. Если у большей части стремян прослеживается трапециевидный контур, то у пары большетарханских – пластинчатая петля округлой формы, автозаводских и новинковских – подпрямоугольной. У стремян с Автозаводского могильника подножка усилена тремя ребрами жесткости и прямая, а у новинковских – одним, и подножка слегка вогнутая.

Характерной чертой этих стремян является параллельность дужек до самой подножки. Как правило, это большие массивные стремяна, хотя наблюдается разброс в размерах при неизменной конструкции и небольшие отклонения от стандартной формы. Отверстия в подножке проделаны для прикрепления войлочных прокладок. В классификации А.Н. Кирпичникова идентичные стремяна выделены в «арочные» VI типа (Кирпичников, 1973. С.45, рис.29), по его наблюдениям, преобладавшие в VII-IX вв. на широкой евразийской территории и к XI в. вышедшие из употребления. Также отмечено, что вся конструкция этих стремян отличается законченностью и рационально подобранными сечениями деталей, препятствующих продольной и поперечной деформации (Кирпичников, 1973. С.49). Появление подобных стремян с пластинчатой петлей в южносибирском регионе относят к IV-V вв. (Амброз, 1973. С.83-86), а максимальное распространение в разных вариациях – к VI-X вв. (Неверов, 1998. С.147). Г.А. Федоров-Давыдов отнес такие стремяна к типу Б-II, приведя им аналогии VIII-XI вв. с широкой территории вплоть до Сибири (Федоров-Давыдов, 1966. С.14, рис.1). Южноуральские курганы с такими стремянами Н.А. Мажитов датирует рубежом X-XI вв. и даже XII веком (Мажитов, 1981. С.157-158). Аналогии также в изобилии представлены в синхронных памятниках салтово-маяцкой культуры и ее круга, северо-восточных могильниках X-XIII вв. (Армарчук, 2006. С.15-17), северокавказских аланских катакомбах и закубанских кремациях и ингумациях хазарской эпохи (Степи Евразии..., 1981. Рис.36/17, 52/32, 55/68, 62/128, 139). Уже в X в. бытование арочных стремян в Восточной Европе резко сокращается: их почти нет в печенего-огузских погребениях на территории Юго-Восточной Европы, в древнекиевских материалах и русских дружинных погребениях X-начала XI вв. (Крыганов, 1989). Эти памятники, в основном, представлены стремянами других типов. Следует отметить, что и у волжских булгар только пара стремян происходит из домонгольского Биляра, постепенно стремяна этого типа уступают место другим формам. По-видимому, бытование этого типа стремян в Волжской Булгарии следует ограничить VIII-X вв., учитывая приведенные аналогии и хронологические наблюдения.

Тип 2. Стремяна с арочным корпусом, прямой или выгнутой подножкой, которая не образует прямой угол при переходе в дужку.

Подтип 1. (2 экз.) Стремяна с пластинчатой петлей округлой формы.

Большетарханский могильник – 1 экз., погребение на 116 км – 1 экз. У обоих стремян подножка усилена ребрами жесткости: в одном случае – тремя, в другом – одним.

Подтип 2. (6 экз.) Отличие этого подтипа от вышеописанного заключается в отсутствии четко выраженного перехода между корпусом и ушком, стремяна имеют неправильно прямоугольное пластинчатое ушко.

Танкеевский могильник – 2 экз., Большетиганский могильник – 1 экз., Чишминский могильник – 1 экз., I Измерское селище – 2 экз.

Стремяна из Танкеевского могильника с округлой подножкой, усиленной ребром жесткости. Аналогично танкеевскому стремени стремя из Большетиганского могильника, но подножка не сильно выгнута и усилена тремя ребрами жесткости. По бокам подножки имеются отверстия круглой формы. Стремяна с I Измерского селища не имеют ребер жесткости, и подножка сильно выгнута. Стремя с Чишминского могильника усилено 1 ребром жесткости и имеет слегка выгнутую подножку.

А.Н. Кирпичников называет такие стремяна «ововидными» типа I. Происхождение этих стремян он связывает с округленными формами VII-VIII вв., отмечая распространение в Восточной Европе только в IX-XI вв. с преобладанием в дру-

жинных погребениях X в., и упоминает о популярности их в Венгрии (Кирпичников, 1973. С.47). Г.А. Федоров-Давыдов включает их в тип Б-I с аналогиями VIII-XI вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С.11). Аналогичные стремяна встречены также в хазарском слое Саркела (Плетнева, 1973. Табл.7/6, 8/4), Северо-Причерноморских могильниках, где они датированы X в. (Армарчук, 2006. С.18). Н.А. Мажитов такое стремя, найденной в одном из Мрясимовских южноуральских курганов, датировал XII в. (Мажитов, 1981. Рис.73/21). «Ововидные» стремяна не характерны для южносибирских древностей (Неверов, 1998. С.149). Если в Восточной Европе они являются переходным типом от выделеннопластинчатых к стремянам невыделеннопластинчатым, то в Южной Сибири этот переход не был замечен.

Датировать стремяна этого типа следует концом VIII – X вв.

В целом, стремяна, происходящие из памятников волжских булгар, в своем развитии демонстрируют такую же основную морфологическую тенденцию, какая прослежена на стремянах многих других областей, вплоть до Сибири. Это постепенный переход от стремян VIII-IX в. с выделенными петлями и узкими подножками, т.е. высоких с пластинчатой петлей типа БI и 8-видных типа АI и АII, к ововидным стремянам типа БII/1 IX-X вв., у которых ещё выражен перехват между корпусом и ушком, и стремяна типа БII/2, у которых перехват не выражен так четко, как у ововидных, и ушко имеет неправильную подпрямоугольную форму.

На протяжении всего выделенного хронологического отрезка изменение формы стремени исходило от двух его основных составляющих: подножки и ушка для путлища. Первоначально стремяна в VIII в. имели узкую вогнутую подножку, порой усиленную ребрами жесткости, ушко для путлища было петельчатым или пластинчатым на узкой шейке. В X в., подножка начинает выпрямляться и выгибаться, придавая округлые очертания стремени, а ушко от корпуса не отделяется шейкой-переходом, в результате чего стремя приобретает вытянутые овальные очертания. Следует отметить, что впоследствии ушко как таковое исчезает, и прорезь для путлища делается в верхней части стремени, а подножка становится прямой или слегка выгнутой, но довольно широкой. Стремяна стали более легкими и приземистыми, что являлось более удобной опорой для ног всадника.

Надо отметить, что процесс сменяемости типов средневековых булгарских стремян намечен пунктирно и предварительно. Объем обработанного археологического материала пока недостаточен для построения эволюционных рядов и определения генезиса местных форм.

Список литературы:

Армарчук Е.А., 2006. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X – XIII веков. – М.: ИА РАН. – 226 с.: ил. с. 18.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге: (У истоков истории татар ВолгоКамья). – Самара: Полдень. XXII в. – 286 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге. – М.: Наука. – 201 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: ИИУ. – 176 с.

Измайлов И.Л., 1990. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения северной и центральной

Азии. – Новосибирск: Наука. – С. 61-70.

Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Булгарии. – М.: Наука. – 335 с.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. – М.-Л.: Наука. – 213 с.

Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. – Л.: Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение. – 448 с.

Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. – М.: Наука. – 164 с.

Неверов С.В., 1998. Стремена Верхнего Приобья в VII-XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: АлтГУ. – С.129-151.

Руденко К.А., 2000. Тюркский мир и Волго-Камье в XI- XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология, № 1-2 (6-7) / Тюрко-степное средневековье. – Казань, 2000. – С.42-102.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железного века и средневековья. – Барнаул: АлтГУ. – 126 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: МГУ. – 276 с.

Халикова Е.А., 1976. Большеитиганский могильник // СА. – М.: Наука. – 124 с.

Ю.А. Подосёнова.
ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В публикации рассматривается история изучения ювелирных изделий средневекового населения Пермского Предуралья. Это исследования Спицына А.А., Оборина В.А., Талицкого М.В., Смирнова А.П., Голдиной Р.Д., Крыласовой Н.Б., Белавина А.М. и др. В заключении, на основе анализа существующих исследований по ювелирным изделиям выделены основные пробелы в исследовании ювелирных изделий с территории Пермского Предуралья.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, ювелирные изделия, ювелирное дело, историография

Yu.A. Podosyonova
JEWELLERY ON THE TERRITORY OF THE PERM CIS-URALS IN THE MEDIEVAL
EPOCH (HISTORIOGRAPHIC ASPECT)

The paper presents the history of research of jewellery of the medieval population in the Perm Cis-Urals. They include works by A.A. Spitsyn, V.A. Oborin, M.V. Talitskiy, A.P. Smirnov, R.D. Goldina, N.B. Krylasova, A.M. Belavin et al. In conclusion, analysis of the existing works shows the gaps in the studies of jewellery from the territory of the Perm Cis-Urals.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Perm Cis-Urals, jewellery, historiography

В современной науке древние ювелирные изделия являются одним из наиболее значимых исторических источников. Ювелирные изделия демонстрируют историко-исследователю консервативность и устойчивость традиционной культуры, социальное положение людей, этническую принадлежность того или иного населения, этнокультурные контакты, уровень развития ювелирного ремесла и мировоззренческие взгляды. Однако на сегодня история изучения ювелирных изделий средневекового населения Пермского Предуралья кратка.

Первая попытка публикации, описания и хронологизации средневековых ювелирных изделий Верхнего Прикамья была предпринята А.А. Спицыным в работе «Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых» (Спицын, 1902). Ювелирные изделия из коллекции Теплоуховых, как и другие вещи, происходили из случайных сборов, поэтому время распространения того или иного изделия исследователь определял либо по аналогиям с других территорий, где они четко датировались, либо по технологическим признакам и по сопутствующему материалу, что бывало крайне редко.

В работе А.А. Спицына выделены хронологические периоды и характерные для данного периода ювелирные изделия и, нередко, особенности технологии изготовления. Так, для периода VIII-IX вв. А.А. Спицын называет характерными полые украшения с изображениями животных, подвески-коньки, украшения с изображением всадника, витые шейные гривны, трубочки, пронизки, привески-кольца, коньковидные привески, привески в виде бубенчиков и колокольчиков, кольцевые привески с шумящими подвесками, коньковые шумящие привески, монетовидные привески, фибулы, аграфы, бляшки, браслеты, детали поясного набора, калачиковидные серьги и украшения, выполненные в филигранно-зерновой технологии (Спицын, 1902. С. 23-28. Табл. II-XL). Для X века выделены колесовидные ажурные подвески,

флаконовидные подвески, подвески в виде бубенчиков, колокольчиков, коньковые привески, арочные привески, привески-коробочки и флакончики, гривны, металлические бусины в виде шариков и бочонков, лунничные подвески, пластинчатые, дрововые и витые браслеты, перстни со стеклянными вставками, филигранные и зерненные украшения, новые типы поясного набора, гроздьевидные серьги и серьги, украшенные зернью и веревочкой, серьги в виде кольца с гранчатой головкой на конце (Спицин, 1902. С. 31-35. Табл. VII-XXXIX). В XI в. распространены были флаконовидные подвески, подвески в виде уток, коньковые подвески, бусины-подвески, монетовидные подвески, подвески-трубочки, полуовальные (арочные - Ю.А.) привески и привески ромбической формы, лапчатые подвески, перстни витые и со вставками, предметы поясного набора. (Спицин, 1902. С. 35-40. Табл. V-XXXVI). XII в. характеризуется следующими украшениями: полуовальными, четырёхугольными привесками, треугольными привесками из спиральных кружков, привесками-птичками, одинарными и двойными якорьковыми подвесками, наличием большого количества обрывков цепочек, привесками в виде лапок, пронизками-трубочками, привесками-бубенчиками, пряжками круглыми и продолговатыми (Спицин, 1902. С. 40-42. Табл. V-XXXVI). Для XIII-XIV вв. исследователь отмечает: «новых типов в украшениях не имеется, кроме предметов завожных и подражений им. Всё остальное – наследие XI-XII вв.» (Спицин, 1902. С. 43.). Прежде всего, импорт – это филигранные украшения: бусинные серьги, лунницы, круглые бляшки, подвески-бубенчики, пухлые и проволочные браслеты, изделия с чернью, а также серьги в виде знака вопроса (Спицын, 1902. С. 44. Табл. VII/10, 13, 14).

Для каждого периода А.А. Спицын выделяет предполагаемые территории, откуда могли привозиться импортные ювелирные изделия или происходило влияние на развитие местных изделий. В VIII-IX вв. – влияние с южных территорий России, а также сасанидское, раннеарабское влияние (Спицын, 1902. С. 28). В X-XII вв. главным предполагаемым центром изготовления привозных ювелирных изделий (в частности, зерно-сканных) была Волжская Болгария. Этот же факт исследователь отмечает в другом своем труде – «Сводке сведений о древностях пермской губернии»: «в это время всё более заметнее становится примесь «татарских вещей», особенно лунниц, перстней, серег...» (Спицын, 1901. Ф. 5 Д. 175. Л. 27). Для XI в. характерно появление изделий из русских курганов, прибалтийских и окских древностей. А в XIII-XIV вв. кроме русских появляются мордовские материалы.

Кроме этого А.А. Спицыным рассматривается техника изготовления некоторых типов украшений (Спицын, 1902. С. 35). Так, для XI-XII вв. автор отмечает изменение техники изготовления коньковых подвесок, цепочки на которых становятся более грубыми и тяжеловесными. Изделия X в. характеризует появившаяся в ещё IX в. техника филигрании и зернения, а типичным признаком для изделий начала XI в. автор считает появление орнамента в виде «елочки», составленного из двух проволочных «верёвочек», который на рубеже XI-XII вв. сменяется техникой «перевитой проволоки» в сочетании с пирамидками зерни (Спицын. 1902, С. 36). Данная техника, по мнению автора, была скопирована с привозных серебряных изделий. (Спицын, 1902. С. 35).

Также исследователь обращает внимание на наличие в пермских средневековых древностях глиняных форм для отливки украшений и ювелирного инструментария (Спицын, 1902. С. 28, 43.).

В дальнейшем практически на протяжении четверти века к хронологизации и более детальному анализу ювелирных украшений средневекового населения Пермского

Предуралья никто не приступал, а исследователи старины, по мере необходимости, либо обращались к хронологии ювелирных украшений, проделанной А.А. Спицыным, либо обходили данный вопрос стороной.

Новый период в изучении ювелирных украшений средневекового населения Пермского Предуралья связан с такими исследователями, как А.В. Шмидт, А.П. Смирнов, М.В. Талицкий, В.А. Оборин. Этими учеными рассматриваются, в основном, украшения родановской археологической культуры Пермского Предуралья (X-XIV вв.). (Талицкий, 1951; Смирнов, 1952). Впервые в работах исследователей была проведена типология украшений, где категории изделий были выделены по функциональному признаку, группы по форме и типы по декору изделия.

Характерными ювелирными изделиями для X-XIV вв., по мнению авторов, являются бронзовые пронизки со вздутиями, поясные наборы из бронзовых бляшек и пряжек различного типа, подвески со щитковым держателем (ныне – арочные подвески), подвески с держателем из одной или нескольких спиралей, якорьковые и биякорьковые подвески, видоизмененные коньковые подвески, умбоновидные и колесовидные подвески (Талицкий, 1951. С. 57-58; Смирнов, 1952. С. 209-212; Оборин, 1970. С. 14 - 23).

В ювелирных изделиях авторы отмечают несомненную генетическую связь в изделиях ломоватовской и родановской археологических культур (Талицкий, 1951. С. 57-58, рис. 26; Смирнов, 1952. С. 200, 210, 212; Оборин, 1970. С. 14-23).

В работах авторов внимание уделяется и изготовлению ювелирных изделий. Так, М.В. Талицкий отмечает, что до конца XI в. в изготовлении преобладает традиция цельнолитых бронзовых украшений, а в XII-XIII вв. развитие получает техника филигрانی (Талицкий, 1951. С. 57). Также на протяжении этого периода выявляются изделия, где техника литья соседствует с филигранной техникой, когда отлитые отдельные детали спаивались вместе с плетением, зернью и т.д., а затем всё изделие покрывалось оловом, в результате чего приобретало «монолитность» (Талицкий, 1951. С. 52).

По мнению исследователя, для этого периода на территории Верхнего Прикамья характерно развитие цветной металлургии, которая, как и чёрная, базировалась на выплавке в горнах. Капли меди собирались в толстостенные сильно прожжённые глиняные блюда, а затем снова переплавлялись. Выплавленная бронза отливалась в слитки, после чего плавилась в тиглях и с помощью ложек-льячек полученная масса разливалась по формочкам для изделий. Наличие формочек для отливки готовых украшений также отмечается автором (Талицкий, 1951. С. 51-52; рис. 18).

Также М.В. Талицкий, А.П. Смирнов и В.А. Оборин обращает внимание на наличие в материалах археологических памятников Верхнего Прикамья импортных изделий (преимущественно с территории Волжской Болгарии). Причем однотипные изделия могли изготавливаться как на территории Верхнего Прикамья, так и в Волжской Болгарии, где найдены аналогичные предметы и формочки для литья (Талицкий, 1951. С. 52; Смирнов, 1952. С. 216). С территории Верхнего Прикамья такие изделия расходились далее по торговым путям: в Приладожье, Поволжье, на Вычегду, в Зауралье (Талицкий, 1951. С. 52).

Первая наиболее полная и основательная работа по систематизации украшений Верхнего Прикамья была проведена Р.Д. Голдиной.

В одном из своих фундаментальных исследований «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» (Голдина, 1985. С. 34-36, табл. I-III) и в других работах она проводит

Табл. 1. Распределение количества изделий из стекла XVIII – XIX вв. на раскопах Казанского кремля за 1994-2005 гг.

№	Количество изделий из стекла (ед. шт.)	Количество раскопов	%
1	Больше 200	2	1,34
2	150 – 199	2	1,34
3	100 – 149	2	1,34
4	50 – 99	6	4,03
5	Меньше 50	38	25,51
6	Изделия отсутствуют	99	66,44
	Всего	149	100

Табл. 2. Общее количество предметов по категориям за 1994-2005 гг.

классификацию всего вещевого материала, в частности, и ювелирных изделий. Отделы выделены по общей форме и технике изготовления предмета, типы и подтипы – по форме особенностям формы и декора. Исследовательница выделяет следующие категории украшений: височные подвески, перстни, браслеты, пряжки, пряжки-кольца, накладки, наконечники, шумящие подвески, подвески с подтреугольной основой, подвески-коробочки, подвески со стержневой основой, арочные подвески, труб-

Табл.3. Общее количество предметов бутылочного стекла за 1994-2005 гг.

№	Категории стекла	Типы бутылочного стекла	Количество		%	
2	Бутылочное стекло	Фрагменты стенок	578	1126	50,09	97,58
		Фрагменты днищ	141		12,22	
		Бутылочные горлышки	124		10,75	
		Цельные бутылки	30		2,60	
		Фрагменты штофов	209		18,11	
		Флаконы	44		3,81	
4	Круглые бутылочные клейма		28		2,42	
4	Всего:		1154		100	

чатые подвески, шумящие пластинчатые подвески, объемные подвески, пронизки (Голдина, 1970. С. 57-113; Голдина, 1989. С. 34-64). Практически для каждого из типов украшений исследовательница определяет хронологические рамки бытования (Голдина, 1985. Рис. 16).

Классификация и периодизация ювелирных изделий и всего вещевого материала ломоватовской археологической культуры, созданная Р.Д. Голдиной, стала базовой, и послужила основой для дальнейших исследований других археологов и историков.

Много внимания ювелирным украшениям ломоватовской и родановской археологических культур Верхнего Прикамья, а именно, вопросам происхождения, времени распространения, особенностям использования в костюме и семантической нагрузке, уделено в работе Н.Б. Крыласовой по реконструкции костюма «История прикамского костюма» (Крыласова, 2000. Крыласова, 2001). В поле зрения исследовательницы попали украшения с таких археологических памятников, как Важгортский, Урьинский, Бояновский, Редикарский, Деменковский, Плесинский, Каневский, Рождественский, Огурдинский, Аверинский, Агафоновский и Телячий Брод могильников.

Н.Б. Крыласова делит все украшения средневекового населения Верхнего Прикамья на функциональные группы: украшения головы, нагрудно-шейные украшения, украшения рук. Также в рамках исследовательских задач по реконструкции прикамского средневекового костюма, были выделены украшения, характерные для того или иного костюмного типа и половой принадлежности. Более того, исследовательница проводит ближайшие аналогии выделенным изделиям, их предположительное эволюционное развитие, хронологические рамки (Крыласова, 2000. Крыласова, 2001).

В рамках решения проблемы экономических и этнокультурных контактов средневекового населения Верхнего Прикамья, ювелирные изделия попали и в сферу внимания А.М. Белавина (Белавин, 1990; Белавин, 1992. Белавин, 2000. Рис. 8-9). В своих многочисленных исследованиях А.М. Белавин уделял внимание в основном импортным ювелирным изделиям и, в первую очередь, салтовским и ранне-булгарским, отдельно рассматривал зерно-сканные ювелирные изделия, приводя аналогии данным украшениям, встреченные на разных территориях.

В рамках исследования вопроса «булгарского» импорта на территориях Приуралья и Зауралья, верхнеприкамские украшения X-XIV вв. рассматривались К.А. Руденко. В поле внимания исследователя попали височные украшения с зерно-сканным декором и грушевидной привеской, бусинные зерно-сканные височные украшения, калачевидные зерно-сканные височные украшения, зерно-сканные привески-лунницы, некоторые типы браслетов и перстней. Исследователь впервые обращает внимание на то, что, хотя и многие ученые относят данные изделия к булгарскому импорту, однако в материалах памятников Волжской Болгарии такие изделия не встречаются или встречаются в единичных экземплярах (сравнительно с территорией Приуралья и Зауралья). Картографирование, датирование и тщательный анализ технологии изготовления данных ювелирных изделий позволил исследователю сделать выводы о возможности существования своих ювелирных мастерских на данных территориях, в частности и территории Верхнего Прикамья.

Из трудов, связанных с изучением средневековых ювелирных изделий с территории Пермского Предуралья, можно также выделить работы, которые посвящены отдельным категориям ювелирных изделий.

К примеру, С.С. Рябцева в статье ««Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских» серег» сравнивает схожие по форме и декору славянс-

кие серьги «волынского типа» с серьгами и височными кольцами со средневековых памятников Прикамья (Рябцева, 1999. С. 338-357).

В работе Е.О. и И.Ю. Пастушенко «Височные подвески «харинского типа»» в центре внимания стоял вопрос о появлении данных украшений на территории Верхнего Прикамья. На основании анализа морфологических и технологических признаков, рассмотрения ближайших аналогий, исследователи пришли к выводу о том, что данная разновидность височных украшений была привнесена населением, которое с началом гуннского движения на запад сдвинулось на север, где приняло участие в формировании турбаслинской культуры в Башкирии, неволинской и ломоватовской культур в Верхнем Прикамье (Пастушенко, 2000. С. 109-111).

«Харинские» височные кольца/серьги рассматривались также А.В. Богачевым (Богачев, 1996. С. 99-114). В своем исследовании «К эволюции калачиковидных серег IV-VII вв. в Волго-Камье» он попытался не только определить происхождение данных украшений, но и выяснить способ их ношения. Прототипы калачиковидных серег (в том числе, и харинских калачевидных серег V-VI вв.) исследователь видит в позднесарматских материалах IV в. и постсарматских материалах V в. (Богачев, 1996. С. 100). С его точки зрения, наличие в украшениях тонкой проволоки, протыкающей мочку уха, доказывает то, что их носили как серьги (Богачев, 1996. С. 99).

Табл. 4. Характеристики клейм-медальонов

№	Надпись или изображение на клейме	Количество	Форма	Цвет	Размер (высота? ширина, диаметр)
1-3	«SM & C»	3	овал	темно-зелёный	3 см? 4,2 см
4-5	«SM & C»	2	овал	темно-зелёный	3,1 см? 4,7 см
6-8	«SM & C»	3	овал	темно-зелёный	3,7 см? 5,4 см
9-11	«HAUT/OMC/SAUTERNE»	3	круг	зелёный	? 3,3 см
12-13	изображение короны по центру	2	круг	зелёный	? 2,5 см
14-15	«Ф.Ж./БУТ./1827»	2	круг	зелёный	? 2,2 см
16-18	надпись «БУТЫЛЬ» и вензель под ней в виде вплетенных в друг друга букв «Ф, Г, S»	3	круг	зелёный	? 2,1 см
19-23	«DEPRET/ MOSCOU»	5	овал	зеленый	3 см? 4 см
24-25	«ШТОФЪ/ Ф.К./ 1820»	2	круг	светло-зеленый	? 2,8 см
26	изображение короны и надпись под ней в две строки «LONDO/A.G»	1	круг	зелёный	? 2,8 см

В дальнейшем выводы А.В. Богачева подверглись критике В.В. Мингалёвым в статье «Калачиковидные серьги харинского типа» (Мингалёв, 2006. С. 52-57, рис. 16-18). Обращая внимание на некоторые недостатки исследования А.В. Богачева, заключающиеся как в методах исследования, так и в характеристике материала, В.В. Мингалёв приводит результаты собственного научного поиска по проблеме происхождения «харинских» височных украшений. Исследователем предложена новая датировка данных украшений, как общая – V-VII вв., так и для изделий с территории Пермского Предуралья – VI – начало VII вв. В.В. Мингалёв обращает внимание на технологию изготовления калачиковидных серег. Ранние экземпляры (V в.) выполнены из серебра и золота,

Рис.1. Клейма с раскопов Казанского кремля

более трудоемким способом и с богатым декором, поздние же экземпляры (VI-VII вв.) выполнены простым способом сварки, и практически не декорированы. Первые прототипы данных изделий В.В. Мингалёв находит в материалах позднесарматских могильников.

Также проблемам происхождения некоторых типов височных украшений ломоватовской археологической культуры уделяет внимание С.А. Перевозчикова. В работах «Височные украшения с привесками в виде полых металлических шаров во второй половине I тысячелетия нашей эры на территории Верхнего Прикамья», «Височные украшения эпохи средневековья в Верхнем Прикамье (на примере одного варианта)» рассматривается эволюция височных украшений с привеской в виде полого шара и со свободно вращающейся привеской на территориях неволинской, ломоватовской и полумской археологических культур в период V-IX вв. (Перевозчикова, 2007а. С. 203-207; Перевозчикова, 2007. С. 284-286).

Рис.2 Клеймо образец «LONDO/A.G» украинской подделки английских бутылок XVIII в.

Не менее важными являются исследования, связанные с расшифровкой семантической нагрузки, возлагаемой на украшения. Для решения этой задачи необходимо было понять, какое значение придавали этим украшениям в древности, какую функцию они должны были на себе нести. К этому вопросу обращались такие исследователи, как А.Х. Халиков, Д.К. Валеева, В.Г. Котов, Н.И. Шутова, М.Г. Иванова, Н.Б. Крыласова и др.. Все исследователи сходятся во мнении о том, что украшения в финно-угорском костюме обладали высоким семантическим статусом, о котором, несомненно, свидетельствует материал изготовления (металл) и место ношения в костюме.

Подводя итог историографическому обзору, можно сделать следующие выводы:

– несмотря на то, что средневековые ювелирные изделия являются объектом внимания исследователей уже более века, этот археологический источник остаётся еще малоизученным. Привлекая данные о нём, большинство ученых рассматривают его лишь как вспомогательный элемент для своих основных исследований, зачастую не уделяя данной категории должного внимания, и не рассматривая этот элемент культуры как носящий существенный, знаковый характер.

– специальных исследований, посвященных изучению ювелирных изделий на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья сравнительно мало. Среди них практически отсутствуют исследования, посвященные эпохе раннего и развитого средневековья. Тем не менее, к настоящему времени накоплен достаточный материал, который может послужить основой для обобщающей работы по ювелирным изделиям археологических культур Пермского Предуралья эпохи средневековья.

– отдельные попытки исследования разновидностей средневековых ювелирных изделий уже предпринимались, но в контексте работ более широкого характера, не ставящих особой задачей глубокий всесторонний анализ отдельных категорий рассматриваемого материала. Поэтому назрела необходимость целостного исследования ювелирных изделий с территории Пермского Предуралья.

Список литературы:

Белавин А.М., 1990. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе: сб. материалов конференции. – Казань: КФ АН СССР. С. 125-130.

Белавин А.М., 1992. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Болгарии X-XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: сб. материалов конференции. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. – С.142-148.

Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ. – 200 с.

Богачев А.В., 2000. К эволюции калачиковидных серег IV-VII вв. в Волго-Камье // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: сб. материалов конференции. – Самара: Сам. обл. краев. музеев. – С. 99-114.

Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9. – Свердловск: УрГУ. – С.57-112.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: ИИУ. – 280 с.

Голдина Р.Д., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: УрГУ. – 215 с.

**ОХРАНЫЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ В ВОЛГО-КАМЬЕ И
НА УРАЛЕ**

- Иванова, М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 184 с.
- Иванова М.Г., 1994. Истоки удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия. – 192 с.
- Крыласова Н.Б., 2000. Средневековые височные украшения Верхнего Прикамья // Оборинские чтения: сб. материалов конференции. Вып. 1. – Пермь: ПОКМ. – С. 29-31.
- Крыласова Н.Б., 2001. История прикамского костюма. – Пермь: ПГПУ. – 260 с.
- Мингалев В.В., 2006. Калачиковидные серьги харинского типа // Оборинские чтения: сб. материалов конференции. Вып. 4. – Пермь: ПОКМ. – С. 52-57.
- Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИ. – 432 с.
- Оборин В.А., 1972. Раскопки в Верхнем Прикамье // АО. 1971 год. – М.: Наука. – С. 188-189.
- Пастушенко Е.О., Пастушенко И.Ю., 2000. Височные подвески «харинского типа» / / Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма), Самара, 14-18 марта 2000 г.: тез. докл. – Самара: СамГУ. – С. 109-111.
- Перевозчикова С.А., 2000. Височные украшения эпохи средневековья в Верхнем Прикамье (на примере одного варианта) // XVII Уральское археологическое совещание: сб. материалов конференции. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан. – С. 284-286.
- Перевозчикова С.А., 2007. Височные украшения с привесками в виде полых металлических шаров во второй половине I тысячелетия нашей эры на территории Верхнего Прикамья // Пермские финны: археологические культуры и этносы: сб. материалов конференции. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. – С. 202-207.
- Руденко К.А., 2004. О роли финно-угров в сложении культуры Волжских Болгар XI-XIV вв. (по данным археологии) // Формирование и историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. – Йошкар-Ола: МарНИИ. – С. 148-159.
- Руденко К.А., 2006. К вопросу о болгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrika. 2005-2006. № 9. – Казань: ИИ АН РТ. – С. 91-113.
- Руденко К.А., 2006а. Булгарские ювелирные изделия // II Северный археологический конгресс: сб. тезисов. – Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Чароид. – С. 155-156.
- Руденко К.А., 2007. Ювелирные изделия Приуралья и Зауралья: к вопросу о болгарском импорте XI-XIV вв. // XVII Уральское археологическое совещание: сб. материалов конференции. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан. – С. 288-289.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. – М.:АН СССР. – 276 с.
- Спицын А.А., 1902. Древности камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. №26. – СПб.: Имп. Арх. комиссия. – 110 с.
- Спицын А.А., 1901. Сводка сведений о древностях Пермской губернии. – Рукопись, ок. 1901 г. РА ИИМК. ф. 5, д. 175.
- Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. №22. – М.:АН СССР. – 192 с.
- Талицкая И.А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. № 27. – М.: Наука. – 224 с.
- Халиков А.Х., 1981. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских болгар в археологических материалах // Из истории ранних болгар. – Казань: КФ АН СССР. – С.6-10.

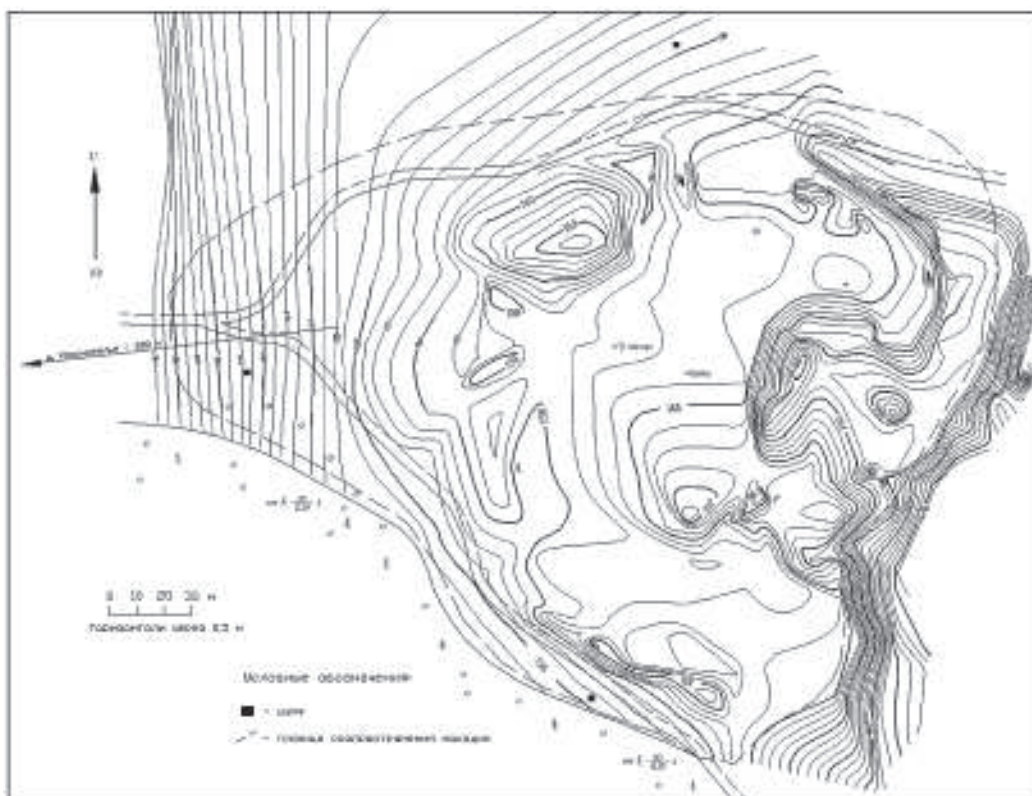

Рис. 1. План Краснопольской кремнеобрабатывающей мастерской.

Шутова Н.И., 2001. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. – 304 с.

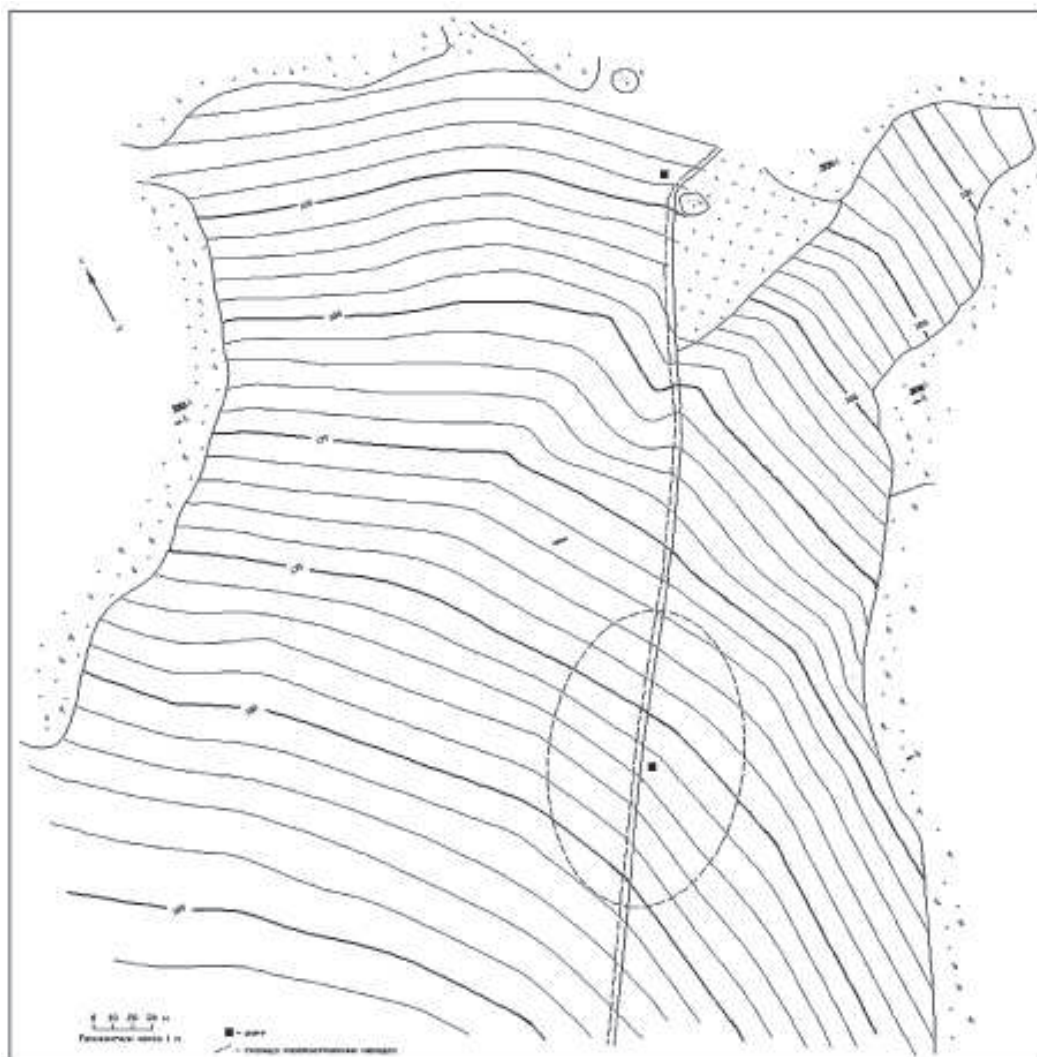

Рис. 2. План Верхосунской-I стоянки.

А.О. Кайсин.

БУТЫЛОЧНОЕ СТЕКЛО НОВОГО ВРЕМЕНИ С РАСКОПОВ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Статья посвящена наиболее массовому классу стеклянных изделий из раскопок слоев нового времени – бутылочному стеклу. Проведенная классификация показывает большое количество и разнообразие форм бутылочного стекла, находящегося в употреблении в учреждениях на территории Казанского кремля в Новое время. Отдельное внимание уделяется клеймам, которые являются интересным источником по истории торговли и производства.

Ключевые слова: археология, новое время, Казань, кремль, изделия из стекла

А.О. Kaisin

BOTTLE GLASS OF THE MODERN AGE FROM THE EXCAVATIONS OF THE KAZAN KREMLIN

The paper introduces bottle glass – the most massive class of glass items from the excavations of layers of the Modern Age. Classification shows a considerable number and variety of bottle glass, which was used by different institutions on the territory of the Kazan Kremlin in the Modern Age. A specific attention is paid to trademarks, which serve as an interesting source for the history of commerce and production.

Key-words: archaeology, the Modern Age, Kazan, glassware

Увеличивающиеся темпы и масштабы археологических раскопок в городах с исторической застройкой постоянно вводят в поле зрения исследователей новый материал, причем, помимо хорошо знакомых древностей, увеличивается количество предметов XVII-XIX вв. Долгое время их считали мало информативными и не слишком ценными. При этом увеличивающееся количество находок поздних вещей иногда приводит к появлению информации, мало или почти не известной по другим источникам. В полной мере сказанное относится к изделиям из стекла.

Стекло наряду керамическими изделиями, кожаными деталями обуви и кованными железными предметами являются массовым материалом, обращение к которому обогащает знания о материальной городской культуре и повседневном быте горожан в Новое время.

Раскопки в Казанском кремле ранее носили непостоянный эпизодический характер (небольшие работы охранно-спасательного характера в кремле вели в 1920-1950-е гг. И. Н. Бородин и Н. Ф. Калинин, в 1970-е – А. Х. Халиков, Л. С. Шавохин и А. Г. Мухамадиев). Ситуация существенно изменилась с созданием в 1994 г. Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль», который совместно с Институтом истории АН РТ и Казанским государственным университетом выступил инициатором планомерных и крупномасштабных археологических исследований (руководитель – Ф.Ш. Хузин). За 1994-2005 гг. на территории кремля и в исторической части города заложено более 100 раскопов общей площадью около 20 тыс. кв. м (Ситдилов, 2009. С 99).

Изделия из стекла XVIII-XIX вв. встречены на 50 раскопах из 149 раскопанных в указанный выше период (табл. 1).

Всего на раскопах Казанского кремля было обнаружено 2291 фрагмент и цельная форма изделий из стекла Нового времени. По функциональному признаку представлены практически все классы стеклянных изделий, которые поделены на следующие группы: посуда бытового назначения; парфюмерно-аптекарская посуда; ламповое стекло; оконное стекло; украшения; стеклянные клейма (табл. 2).

Данная работа посвящена наиболее массовому классу стеклянных изделий – бутылочному стеклу. Всего было обнаружено 1126 единиц, относящихся к вышеуказанному классу предметов из стекла. К бутылочному стеклу можно отнести и круглые клейма-медальоны (Табл. 3).

При систематизации материала мы следовали методике Ю. Л. Щаповой (Щапова, 1991. С. 120-130). Исходя из того, что форма предмета – это сочетание отдельных элементов, её составляющих, Ю. Л. Щапова обосновала необходимость конструктивно-морфологического подхода в изучении археологических древностей. Взяв за основу описания три правила Ж.-К. Гардена в описании предмета, – ориентация, сегментация и дифференциация, – Ю. Л. Щапова разработала код описания стеклянных изделий (Щапова, 2000. С. 60). Он включает в себя перечень конструктивных элементов, дающих общее представление о предмете.

Бутылочное стекло в своей основе представляет фрагментарные и цельные части сосудов. Сосуд может состоять из 10 конструктивных элементов: край, венчик, горло, тулово, дно, поддон, ручка, ножка, подножка, носик. В связи с тем, что мы изучаем бутылочное стекло Нового времени, мы возьмем следующие конструктивные элементы

за основу: горло, тулово, дно. Без этих конструктивных элементов сосуд, относимый к бутылочному стеклу, существовать не может (Щапова, 1989. С. 17).

Значительное количество предметов (1052 единицы), были найдены в виде фрагментов. Этот массив артефактов был подвергнут детальному морфологическому анализу с целью извлечения максимальной информации, в данном случае, по определению конструктивных особенностей.

Гольшки – верхняя узкая часть сосуда, можно определить у 218 фрагментов и цельных форм сосудов. Все они округлой формы, цилиндрические, часть горлышек (46 единиц) имеют бочкообразное утолщение, усеченное дважды.

Тулово – условно понимаемый объём, открытый сверху и снизу. Вертикальная ось сосуда проходит через его центр, совпадающий с осью симметрии. Профили сосуда должны быть симметричны относительно вертикальной оси; оба контура, внешний и внутренний – подобны (Щапова, 1989. С.25.). Тулово можно определить у 775 фрагмента и целой формы бутылочного стекла. Округлое цилиндрическое тулово отмечено у 643 единиц; кубическое – у 123, округлое бочкообразное – у 9 сосудов.

Дно в качестве конструктивного элемента можно определить у 281 экземпляра бутылочного стекла. В итоге по продольному сечению вогнутое сферическое дно имели 149 сосудов; вогнутое коническое – 22 сосуда; плосковыпуклое внутрь – 66; плоское – 44. 215 днщ имели круглую в плане форму, 66 являлись квадратными.

Классификация построена на морфологических признаках с учетом особенностей декора. Категории выделяются по функциональному назначению изделий: посуда и клейма-медальоны. Следующая ступень – классы сосудов – определяются по основным объёмам, где в качестве критериев выступают пропорции сосудов, степень «открытости», т.е. расположение наибольшего диаметра. Бутылочное стекло в своей массе относится к классу закрытых сосудов, т.е. диаметр венчика сосуда меньше 0,5 максимального диаметра. Коллекция бутылочного стекла представлена следующими классами: бутылки, штофы, флаконы.

Группа столовой посуды многочисленна и разнообразна, всего к ней относится 1045 находки, которые являются цельными или конструктивными элементами представителей бутылочного стекла.

Бутылки – сосуды с коническим горлом и цилиндрическим туловом. Представлены в основном фрагментами – верхней или нижней частью, форма которых (округлое тулово с сильно вогнутым дном; коническое горло, на некоторых снаружи, немного ниже края наложена стеклянная нить различной толщины) позволяет относить указанные фрагменты к так называемым темным бутылкам, которые использовались для хранения и перевозки вина. Практически на всех фрагментах присутствует толстый слой патины, толщина стекла колеблется в придонной части 0,6 до 0,4 см, а у стенок и горлышек от 0,5 до 0,4 см. В основном встречаются различные варианты коричневого и зеленого цветов.

Штофы – граненые сосуды с округлым переходом от тулова к горлу и четырехугольным дном. Полностью представлены фрагментами стенок и слабовогнутых днщ. На одном фрагменте стенки присутствует узор в виде линий, нанесенный белой краской поверх стекла. Само стекло чаще бесцветное и прозрачное, толщина колеблется от 0,4 до 0,3 см.

По функциональному признаку классы объединены в две группы: столовая посуда и парфюмерно-аптекарская посуда.

Помимо целых форм и фрагментов интересны стеклянные клейма от бутылок и штофов. Торговые и таможенные клейма Нового времени практически не интересуют

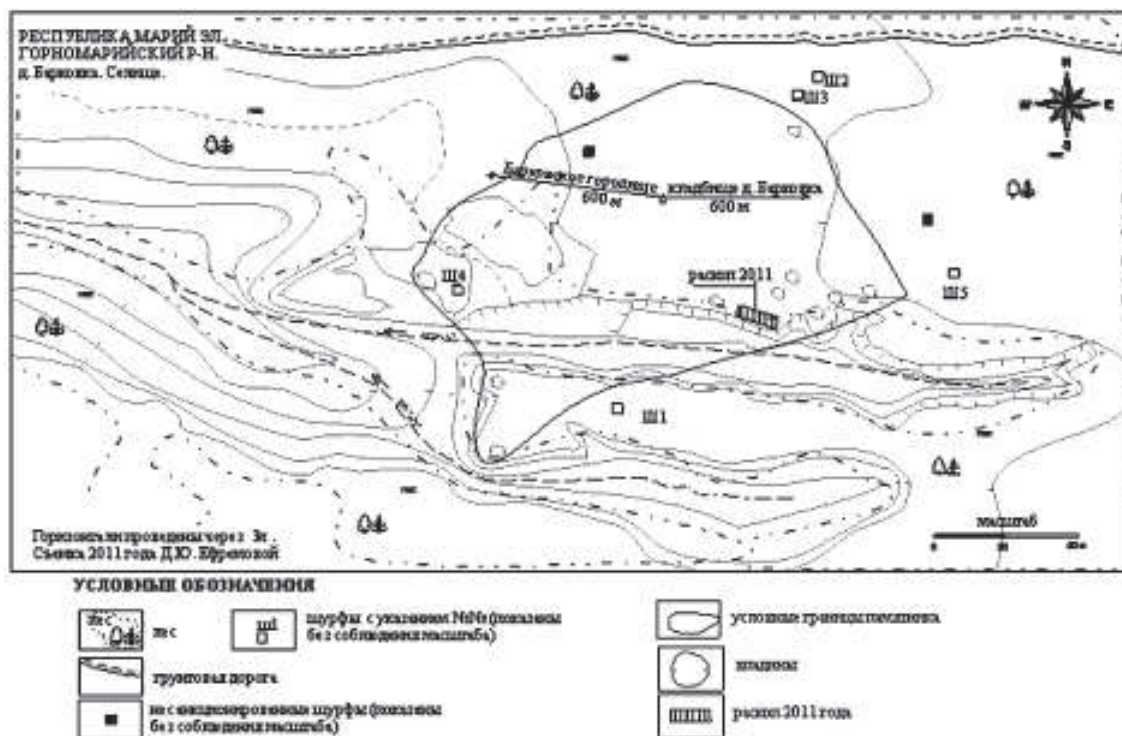

Рис. 1. Топографический план Барковского селища.

исследователей, между тем, они могут служить интересным источником по истории торговли и производства. Это круглые медальоны из стекла, припаянные к стенке бутылки, и имеющие на поверхности круглый оттиск с изображением букв латиницы или кириллицы, точек, линий, и с обозначением года арабскими или римскими цифрами. Обычно они крепятся к плечевой части бутылки или штофа.

Всего было найдено 28 клейм, которые отломаны от бутылей и штофов, все они зеленого стекла (табл. 4).

Клейма можно разделить на несколько типов.

Тип 1. К нему относятся 8 клейм овальных, различного размера, зелёные прозрачные. На всех присутствует надпись «SM & C» (рис. 1/1).

Тип 2. Это 3 круглых зелёных прозрачных клейма, на которых присутствует надпись три строчки «HAUT/OMC/SAUTERNE» (рис. 1/2).

Тип 3. Два круглых зелёных прозрачных клейма с изображением короны по центру (рис. 1/3).

Тип 4. Два круглых зелёных прозрачных клейма, содержащих надпись в три строки «Ф.Ж./БУТ./1827» (рис. 1/4).

Тип 5. 3 круглых зелёных прозрачных клейма, содержащих надпись «БУТЫЛЬ» и вензель под ней в виде вплетенных в друг друга букв «Ф, Г, S» (рис. 1/5).

Тип 6. Овальное клеймо, содержащее надпись в две строки «DEPRET/ MOSCOU» (рис. 1/6).

Тип 7. Круглое светло-зелёное прозрачное клеймо, содержащее надпись в три строки «ШТОФЪ/Ф.К./1820» (рис. 1/7).

Тип 8. Круглое клеймо, содержащее изображение короны и надпись под ней в две строки «LONDO/A.G» (рис. 2)

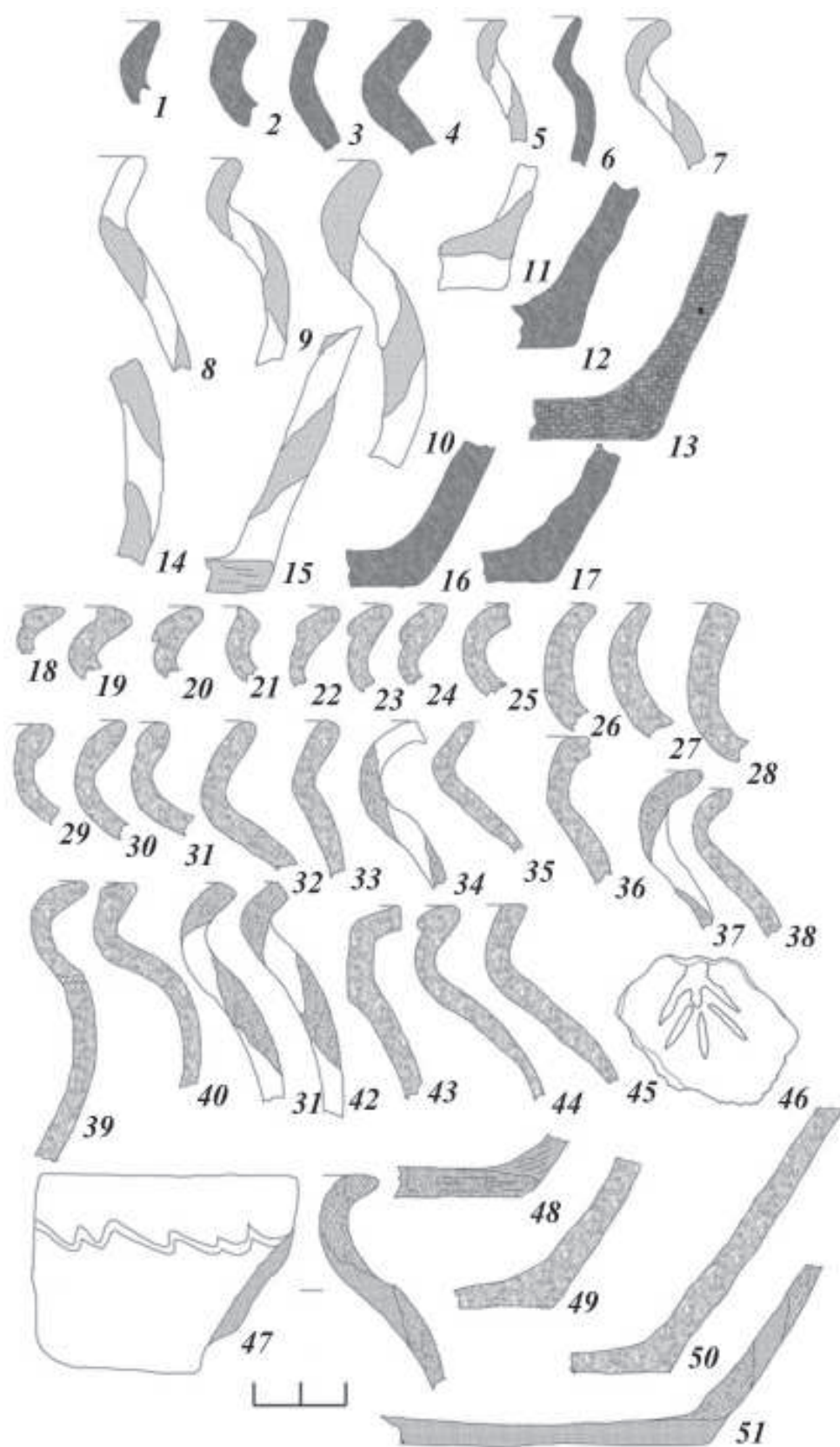

Рис. 2. Керамический комплекс постройки: 1-17 – лепная, 18-51 круговая.

Два клейма являются нечитаемыми и представляют собой круглые зелёные прозрачные медалионы.

Если говорить о прочтении надписей, то нужно отметить следующие признаки:

- 1) как правило, наличие буквы «Ф», – означает фабрику;
- 2) указание объема либо начальными буквами («Б» – бутылка, «ПБ» – полубутылка, «Ш» – штоф). Но чаще встречается сокращенный вариант: «полуб.», «полубутыл.», «бут.», «бутыл.», «полуштоф.», «четвер.ш.»

Вся же остальная, трудно поддающаяся расшифровке аббревиатура клейма относится к владельцу и месту нахождения стекольного завода или фабрики.

Европейские клейма, содержащие в себе информацию о названии напитка и месте производства, при сокращении названия города или какого-либо другого населенного пункта практически во всех случаях являются русской или украинской подделкой европейской продукции. Например, Тип 8 является украинской подделкой английского бренди XVIII в. (Коваль, 2005. С. 288)

Группа парфюмерной посуды включает в себя различного рода флаконы – небольшие сосуды с горизонтальным венчиком, цилиндрическим горлом и цилиндрическим или кубическим туловом. Флаконы выполнены из прозрачного стекла. В большинстве случаев они имеют на стенке и днище различного рода клейма. Всего на территории Казанского кремля было обнаружено 36 парфюмерных флаконов. Исходя из прочтения клейм, можно сделать вывод о том, что все они были произведены во 2-й половине XIX в. на двух клинских заводах, принадлежащих Сергею Глинскому и Василию Орлову. Надписи встречаются в двух вариантах на стенках сосуда.

1. «Надпись на стенке ПРЕЕМ. ТОРГОВЫЙ ДОМ АННЫ ТИХОНОВОЙ В МОСКВЕ».

2. Надпись на стенке «Брокер и Ко в Москве»

Аптечная посуда состоит из 8 флаконов с горизонтальным венчиком цилиндрическим горлом и кубическим прямоугольным туловом. На стенке сосуда присутствует надпись: «Аптека Pharmacie» или «Аптека» с изображением двуглавого орла в центре тулова. На днище обычно размещались отдельные цифры или ряд цифр. В зависимости от завода, производителя, назначения, конфигурации это: 1/2, 1, 6, 8. За каждой из цифр скрывается объем флакона и вес его содержимого в золотниках или в унциях (русская уncia равна 29,86 г, золотник равен 4,266 г).

Таким образом, мы можем наблюдать большое количество и разнообразие форм бутылочного стекла, находящегося в употреблении в учреждениях на территории Казанского кремля в Новое время.

Список литературы и источников:

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., 1997. Позднесредневековое стекло из раскопок последних лет в Москве // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. – М.: ИА РАН.

Коваль В., 2005. Вместо предисловия (попытка классификации бутылок) // Нові дослідження пам'яток козацької доби на Україні. Вип. 14. – К.: Часи козацькі. – С. 288-305.

Ситдигов А.Г., Хузин Ф.Ш. 2009. Некоторые итоги археологического изучения кремля ханской Казани (по материалам раскопок 1994-2005 гг.) // РА. №1. – С. 99-111.

Щапова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав.

М.: МГУ. – 120 с.

Щапова Ю.Л., 1991. Археология и морфология. // СА. №2. – С. 120-130

Щапова Ю. Л., 2000. введение в вещеведение: естественнонаучный подход в изучении древних вещей. – М.: МГУ. – 144 с.

А. Л. Кряжевских.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИРОВО-ЧЕПЕЦКОМ,
СУНСКОМ И ЗУЕВСКОМ РАЙОНАХ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2010 Г.

Археологические исследования 2010 г. на территории Кировской области принесли достаточно много интересных результатов, что говорит о перспективности дальнейшего археологического изучения этой территории. Обследованы и открыты новые памятники разных периодов – от каменного века до средневековья.

Ключевые слова: археология, разведки, Кировская область, археологические памятники

A.L. Kryazhevskikh
ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE KIROVO-CHEPETSKIY, SUNSKIY AND
ZUEVSKIY DISTRICTS OF THE KIROV REGION IN 2010

In 2010 archaeological research in the Kirov region produced interesting results, which means that further archaeological survey of the territory is of considerable importance. New sites of different periods – from the Stone Age to the Middle Ages – were found and explored.

Key-words: archaeology, prospecting, the Kirov region, archeological sites

В 2010 г. Научно-производственным центром по охране объектов культурного наследия Кировской области совместно с историческим факультетом Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ) были проведены археологические разведки по территории Кирово-Чепецкого, Зуевского и Сунского районов Кировской области. Цель данных работ заключалась в проверке состояния уже известных памятников археологии и поиске новых объектов археологического наследия.

На территории Кирово-Чепецкого района проводилась археологическая практика студентов I курса исторического факультета ВятГГУ. При этом было обследовано 27 ранее известных археологических памятников, что позволило уточнить характеристику их культурного слоя и выявить современное состояние объектов археологического наследия. В ходе исследований выявлено, что многие памятники вследствие активного хозяйственного освоения территории района подвергаются опасности повреждения или уничтожения культурного слоя. Например, при сооружении плотины на р. Каринке еще в советское время была сильно повреждена восточная часть Каринского городища, а образовавшийся при этом карьер разделил памятник на две неравнозначные части. Ряд памятников распахивается, как, например, Вотское селище. Также в результате экспедиции в Кирово-Чепецком районе обнаружен один новый археологический памятник в районе д. Окишевы – Окишевское-III местонахождение кремня эпохи камня (VIII – III тыс. до н. э.).

На территории Сунского района обследованию подвергся участок среднего течения р. Курчум, правого притока р. Вои, в районе с. Курчум; территория, прилегающая к автодорогам «П. Суна – д. Краснополье – с. Верхосунье» и «П. Суна – с. Плелое», а также окрестности п. Суна. При этом было осмотрено Курчумское городище X-XII вв., принадлежащее к кочергинской культуре, а также обнаружено три новых археологических памятника эпохи камня. В окрестностях д. Краснополье в районе заброшенного карьера на вершине первой надпойменной террасы правого берега р. Суны, правого притока р. Вои, выявлен новый памятник, интерпретированный как кремнеобрабатывающая мас-

терская (рис. 1). Здесь в качестве подъемного материала на поверхности земли и на склонах карьера, а также в шурфах было обнаружено большое количество изделий из кремня. В сочетании с находками колотых кусков кремня и наличием включений кремневых желваков в природных пластах известняка это позволяет сделать вывод о расположении в данном районе именно кремнеобрабатывающей мастерской. Очевидно, здесь происходила добыча кремня и его предварительная обработка, а также изготовление определенного количества готовых изделий. Орудия из кремня похожей структуры и цвета были найдены на Верхосунских I и II стоянках, на основании чего можно предполагать распространение кремня из данного месторождения на достаточно большой территории. Однако не исключается и вероятность возможной интерпретации памятника как стоянки-мастерской. Окончательный вывод об этом можно будет сделать лишь после проведения полноценных стационарных исследований. Площадь памятника составляет 300-240 м, он предварительно датирован эпохой неолита (V-III тыс. до н. э.).

В окрестностях с. Верхосунье Сунского района выявлено два новых археологических памятника – Верхосунская-I и Верхосунская-II стоянки. Верхосунская-I стоянка располагается на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Верхосунье, левого притока р. Суны, правого притока р. Вои, в окрестностях с. Верхосунье (рис. 2). Здесь было обнаружено большое количество кремневых изделий в качестве подъемного материала на полевой дороге и на распаханной поверхности поля, а также в заложенном шурфе. Территория распространения находок представляет собой эллипс, вытянутый по линии юго-запад – северо-восток. Размеры стоянки по центральным осям составляют 100х160 м. Анализ форм и типов кремневых орудий позволил предварительно датировать памятник эпохой неолита (V-III тыс. до н. э.). Верхосунская-II стоянка располагается на вершине коренного левого берега р. Верхосунье, левого притока р. Суны, правого притока р. Вои, на южной окраине с. Верхосунье. Здесь в ходе осмотра крутого склона левого берега р. Верхосунье в районе грунтовой дороги, ведущей к с. Верхосунье, были найдены кремневые изделия, основное количество которых концентрировалось на сравнительно плоской вершине коренного берега на южной окраине села, представляющей собой своеобразное плато. В двух заложенных шурфах также были выявлены кремневые изделия. Стоянка вытянута по линии северо-запад – юго-восток и имеет неправильную форму, ее размеры составляют 235-75 м. Анализ находок позволил предварительно датировать стоянку эпохой неолита.

На территории Зуевского района обследовано 7 ранее известных объектов и выявлен один новый археологический памятник – Мусихинское поселение. Памятник располагается на мысовидном выступе высокого коренного правого берега р. Суны в окрестностях д. Мусихи. В ходе обследования распаханной части поселения и проходящей по его территории полевой дороги обнаружено большое количество позднесредневековой гончарной керамики, кованые гвозди, стремя, фрагмент подковы, ухват, монета 1860-х гг., а также изделия из кремня: отщеп и скребок. При этом также было выявлено несколько грабительских вкопов – следов деятельности «черных археологов». Керамический материал можно датировать XVII-XX вв., а некоторые находки, такие, как монеты 1936 и 1940 гг., указывают на проживание людей на поселении еще в первой половине XX в. Однако пока связать это поселение с конкретным населенным пунктом не удалось. Кремневый материал относится к эпохе камня (VIII-III тыс. до н. э.), более точную хронологическую привязку данных находок можно будет дать после дополнительных исследований.

Мусихинское поселение было обнаружено в ходе проверки информации Н. Г. Пер-

вухина, относящейся еще к концу XIX в. В частности, в своем труде «Опыт археологических исследований Глазовского уезда Вятской губернии» Первухин писал о наличии городища в районе д. Мусихи на урочище, называемом местными жителями Пуга. Это урочище представляло собой высокий мыс с сохранившимися остатками рва и вала. Здесь в конце XIX в. были найдены бронзовые цепочки и кольца, а у основания мыса обнаружен фрагмент каменного топорика или клина (Первухин, 1896. С. 112). Однако выявленный памятник вряд ли можно отождествить с объектом, упоминаемым Н. Г. Первухиным, тем более что к моменту описания им урочища Пуга территория Мусихинского поселения была обитаема. К тому же каких-либо укреплений типа вала или рва обнаружить не удалось, хотя вполне возможно, они могли быть скрыты или сглажены в ходе интенсивного хозяйственного освоения данного места. А значит, городище в окрестностях д. Мусихи еще может быть обнаружено.

Кроме того, в 2010 г. была получена информация об одной интересной находке. В частности, в устье р. Медянки, правого притока р. Вятки, в этом году была найдена нижняя челюсть мамонта, переданная в музей Вятской государственной сельскохозяйственной академии. В ходе очистки челюсти сотрудники музея нашли наконец-то каменного орудия, которое, очевидно, было воткнуто в челюсть еще при жизни

животного. А учитывая тот факт, что мамонты вымирают на нашей территории на рубеже верхнего палеолита и мезолита, эту находку можно считать косвенным доказательством существования человека на территории современной Кировской области в эпоху верхнего палеолита. Достоверных материальных свидетельств жизни человека в бассейне р. Вятки в это время пока не обнаружено.

Таким образом, археологические исследования 2010 г. принесли достаточно много интересных результатов, что говорит о перспективности дальнейшего археологического изучения территории Кировской области.

Список литературы:

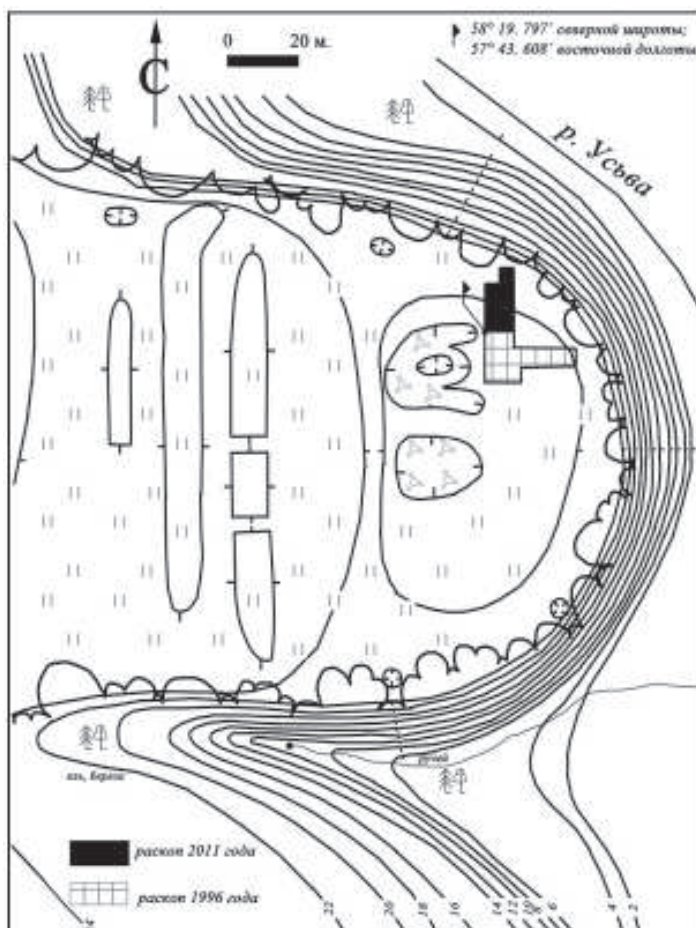

Рис. 1. План городища Саламатово I.

Первухин Н. Г., 1896. Опыт археологических исследований Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. Вып.2. – М.: Моск. археологическое общ-во. – С. 13-173.

Рис. 2. Орудия труда и предметы быта из железа.

А.И. Михеева, Д.Ю. Ефремова.
БАРКОВСКОЕ СЕЛИЩЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ
ИССЛЕДОВАНИЯ (по материалам 2011 г.)

В статье представлены материалы из противоаварийных раскопок Барковского селища XII-XV вв., описываются планиграфические объекты, вещевой материал, особое внимание уделено характеристике керамики из закрытого комплекса – погреба. Керамика постройки, набор предметов повседневного быта соотносятся с комплексами марийских поселений правобережья р. Волги. Топография памятника: мысовое расположение, «спрятанность» селища, также характерна для марийских поселений XIII-XV вв.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Ветлужско-Вятское междуречье, селище, противоаварийные раскопки, керамика

A.I. Mikheeva, D.Yu. Efremova
THE BARKOVSKOE SETTLEMENT: PRELIMINARY RESULTS (ON THE MATERIALS OF 2011)

The paper presents materials of the emergency excavations of the Barkovskoe settlement of the XII-XV centuries. Planigraphic objects and artifacts are described. Special emphasis is made on the characteristics of pottery from the covered complex – a cellar. Both pottery and objects for daily use could be compared to the Mari settlements of the right bank of the Volga River. The topography of the site – promontory location, “hidden” character of the settlement – is also specific for the Mari settlements of the XIII-XV centuries.

Key-words: archaeology, the Middle Ages, the Vetluga-Vyatka interfluve, settlement, emergency excavations, pottery

Барковское селище – вновь открытый памятник, зафиксированный осенью 2010 года. Поскольку селище сильно разрушается кладоискателями, о чем свидетельствуют многочисленные вкопы, шурфы, траншеи на территории памятника, в рамках республиканской целевой программы «Культурное наследие Республики Марий Эл на 2009-2013 гг.» отрядом Марийской археологической экспедиции (МарАЭ) Марийского научно-исследовательского института языка, литературы, истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯ-ЛИ) проводились в 2011 г. спасательные археологические исследования под руководством Д.Ю. Ефремовой.

Барковское селище располагается в 600 м к юго-востоку от Барковского (Чертова) городища, в 600 м к северо-западу от кладбища д. Барковка Березовского сельского поселения Горномарийского района. Селище находится на двух мысах коренной террасы р. Волги вытянутых с запад на восток, разделенных оврагом, по дну которого протекает ручей, впадающей в р. Волгу (рис. 1). Общая площадь селища составляет 12 300 кв. м.

Место расположения селища долгое время археологически не улавливалось. Интерес к этой территории впервые проявился еще в XIX вв. В ряде очерков Н.Н. Оглобина, опубликованных в промежутке между 1899-1915 гг., содержится описание Чертова городища и его окрестностей (Оглобин, 2010. С. 111-113).

Целью археологических исследований 2011 г. являлось определение культурной принадлежности, датировки, установление границ селища. Исследованная площадь составила 140 кв. м., из них раскопом в 96 кв. м накрыты «кладоискательские» шурфы вдоль береговой линии селища.

В ходе археологических исследований изучены хозяйственные и столбовые ямы,

очаги. Интерес представляет хозяйственная постройка, фиксировавшаяся с уровня современной дневной поверхности в виде небольшой западины, в центре которой располагался кладоискательский шурф. Исследованиями установлено, что хозяйственная постройка является остатками погребка подпрямоугольной формы размерами 256 x 304 м, глубиной 127 см. Вход в постройку прослежен у северной стенки в виде глиняной приступки, усиленной сработанным жерновом. Под жерновом лежала челюсть животного. Вещевой инвентарь погребка представлен керамикой, костями животных, предметами повседневного быта: ножи (4 экз.), пробой, лодочная скоба, замки (2 экз.), пряслице; ядро от пращи (?), гирия.

Среди инвентаря выделяется железная гирия, поскольку находки, связанные с торговым инструментарием, являются достаточно редкими на средневековых поселениях марийского края. На железной гире диаметром 4 см, высотой 3,5 см, весом 112,50 г сохранился фрагмент от петли для подвешивания к подвижному кольцу безмена. По внешним признакам изделие сходно с гирей для безмена, найденной в слое XII в. в Новгороде, но отличается меньшими размерами (Колчин, 1959. С. 99, рис. 81). Следует отметить, что крюки от безмена встречались в Новгороде также в слоях XIII-XIV вв. (Колчин, 1959. С. 97).

В плане датировки памятника интерес представляет замок с усиленным донцем и ключевым отверстием, закрытым вертикальными щитками. Прорезь для ключа оформлена в виде щели. Изделие аналогично новгородским замкам типа Г, появившимся в конце XIII в., которые были распространены вплоть до второй половины XV вв. (Колчин, 1959. С. 82, рис. 68/1).

Поскольку одним из характерных показателей этнической принадлежности памятника является совместное местонахождение совокупности керамических материалов, был проанализирован единственный закрытый комплекс выявленной постройки – погреб.

Керамический комплекс постройки представлен 287 фрагментами, из них 98 относятся к лепной посуде, 189 – к круговой (рис. 2).

Лепная керамика (рис. 2/1-17) представлена 12 венчиками, 76 стенками, 10 днищами, и составляет 34% в общем керамическом комплексе постройки. Полных профилей не восстановлено. По крупным фрагментам, дающим представление о форме, выделяется два типа горшков. К первому относятся сосуды с выраженным плечиком (рис. 2/6, 9, 10); ко второму, горшки с плавным переходом к слабовыпуклым плечикам (рис. 2/5, 8). Горловина преимущественно раструбовидной формы. Оформление края венчика простое: уплощенный (рис. 2/3), округлый (рис. 2/7-10), приостренный (рис. 2/1, 6), скошенный во внешнюю сторону (рис. 2/2, 4).

Информация о гончарной технологии получена в результате микроскопического изучения 98 образцов. Технологический анализ проводился по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978).

Для изготовления лепной посуды использовалась ожелезненная глина, которая после обжига приобрела кирпичный цвет. Глина бралась из источников приближенных к водоемам, о чем свидетельствует наличие таких примесей как бурый железняк (до 2,5 мм), окатанные частицы раковины (до 1 мм), известняк. Сравнение исходного сырья с эталонными образцами позволяет выделить два источника добычи исходного сырья: материковая глина и глина из склона берега волжской террасы. Исходное сырье находилось в увлажненном состоянии непосредственно перед составлением формовочных масс, признаков дробления не зафиксировано. На стадии составления формовочных масс отмечены следующие рецепты: глина + шамот (79%); глина + раковина (15%), глина + дресва (2,5%), глина + песок (3,5%). В изломах череп-

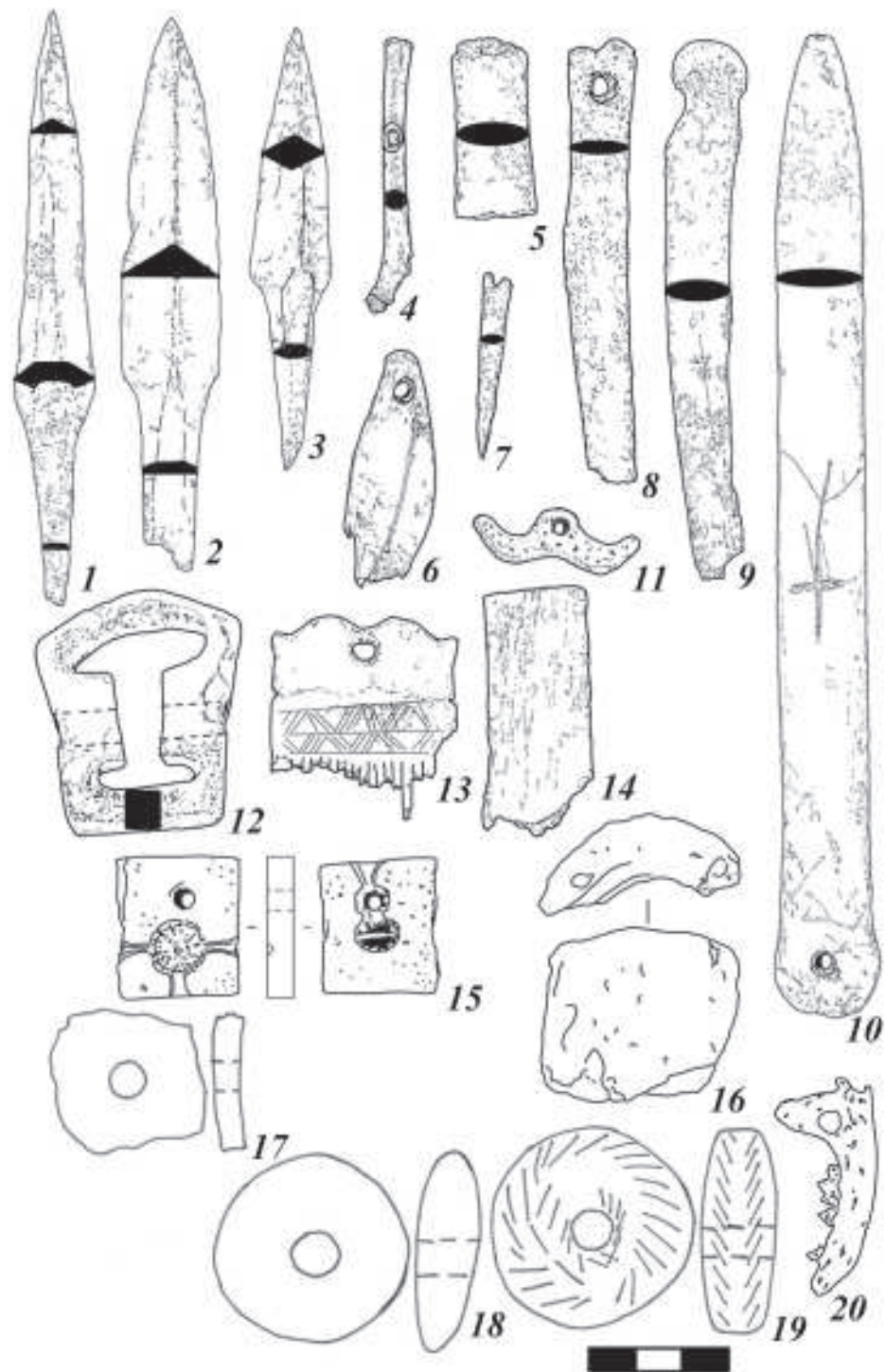

Рис. 3. Орудия труда, предметы быта и украшения:
1-14, 20 – кость; 15 – камень; 16-19 – керамика.

ков фиксируются щелевидные пустоты с коричневым или желтоватым налетом, что косвенно свидетельствует об использовании органического раствора. Используемый в качестве примеси шамот, песок, дресва не калибровались, размерность фракций составляет от 1 до 4,5 мм (шамот), до 3 мм песок, дресва. Изучение состава самого шамота каких-то предпочтений не выявил, в шамоте зафиксирована примесь рако-

вины, шамота, песка. Концентрация шамота в тесте составляет 1:3 (на одну часть примеси бралось 3 части глины).

Изучение придонных частей сосудов показало применение донной программы конструирования начина. Начин монолитный (рис. 2/11, 15). На одном днище с примесью раковины прочерчен четырехугольник, разделенный линией. Характерные наплывы глины по периметру днища свидетельствует о том, что в данном случае круг использовался в качестве поворотного столика (РФК-1). Лепная керамика изготовлена спиральным налепом из жгутов (рис. 2/5, 7-10, 14). Размер жгутов 2-3 см.

Обработка поверхностей производилась путем простого заглаживания: вручную, с помощью пальцев, травы. Следы заглаживания носят беспорядочный характер.

Окраска сосудов пятнистая, в основном бурого, коричневого цвета, в изломе трехслойные. Обжиг костровой.

Круговая керамика представлена 189 фрагментами, из них 37 венчиков, 120 стенок, 32 днища и составляет 66% в керамическом комплексе погребя. В круговой посуде также представлены два типа горшков: сосуды с выраженным плечиком, и наибольшим расширением в верхней части тулова (рис. 2/39-40), и слабопрофилированные с плавным переходом венчика в плечо и наибольшим расширением на уровне середины тулова (рис. 2/41-42, 44-45). Сосуды с горловиной раструбовидной или блоковидной формы. Оформление края венчика достаточно простое: уплощенный (рис. 2/45), приостренный (рис. 2/47), округлый (рис. 2/26-27, 32-33, 35, 38), скошенный во внешнюю сторону (рис. 2/21, 28, 34, 41-43). Данные варианты аналогичны оформлению края в лепной керамике. В коллекции также присутствует более сложное оформление края: с наплывом во внутреннюю сторону (по 4 экз. с примесью дресвы (рис. 2/18, 20, 23, 44) и песка (рис. 2/19, 24, 29), 3 экз. с примесью раковины (рис. 2/22, 31), 1 экз. с примесью шамота (рис. 2/40)), с ложбинкой по центру среза (2 экз. с примесью песка (рис. 2/25), 1 экз. с примесью раковины (рис. 2/26)). Диаметр венчика составляет от 14 до 22 см, диаметр днищ от 10 до 12 см. Преобладают сосуды с диаметром венчика 16 см.

Информация о гончарной технологии получена в результате микроскопического изучения 189 образцов.

Как и в лепной керамике при изготовлении сосудов использовалась ожелезненная глина. Естественные примеси в глине соответствуют примесями в лепной, что свидетельствует об использовании одних и тех же залежей глины. Глина находилась в увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано. На стадии составления формовочных масс отмечены следующие рецепты: простые: глина+раковина (45,0%), глина+песок (29,0%); глина+шамот (14,0%), глина+дресва (5,2%); смешанные: раковина+шамот (5,8%), раковина+дресва (1,0%). Часть сосудов содержит следы использования органического раствора.

Используемые в качестве искусственных примесей шамот, песок, дресва калибровались, абсолютное большинство составляют фрагменты с размерностью зерен до 2 мм. Концентрация шамота составляет в круговой посуде 1:4; песка 1:3, 1:4; дресвы 1:4, 1:5.

Крупность примеси раковины определяется в пределах 1-4 мм, раковина большего размера не встречается. Сохранность раковины различна. В коллекции преобладает группа сосудов, в которых раковина выщелочена или выгорела полностью, ее следы представлены щелевидными пустотами. В другой части сосудов сохранность раковины очень хорошая. Исследования данной группы керамики позволяют судить о том, что раковина использовалась в сыром состоянии (пылевидная фракция отсутствует, нет расщепления по горизонтальным слоям, присутствует остроугольность фракций).

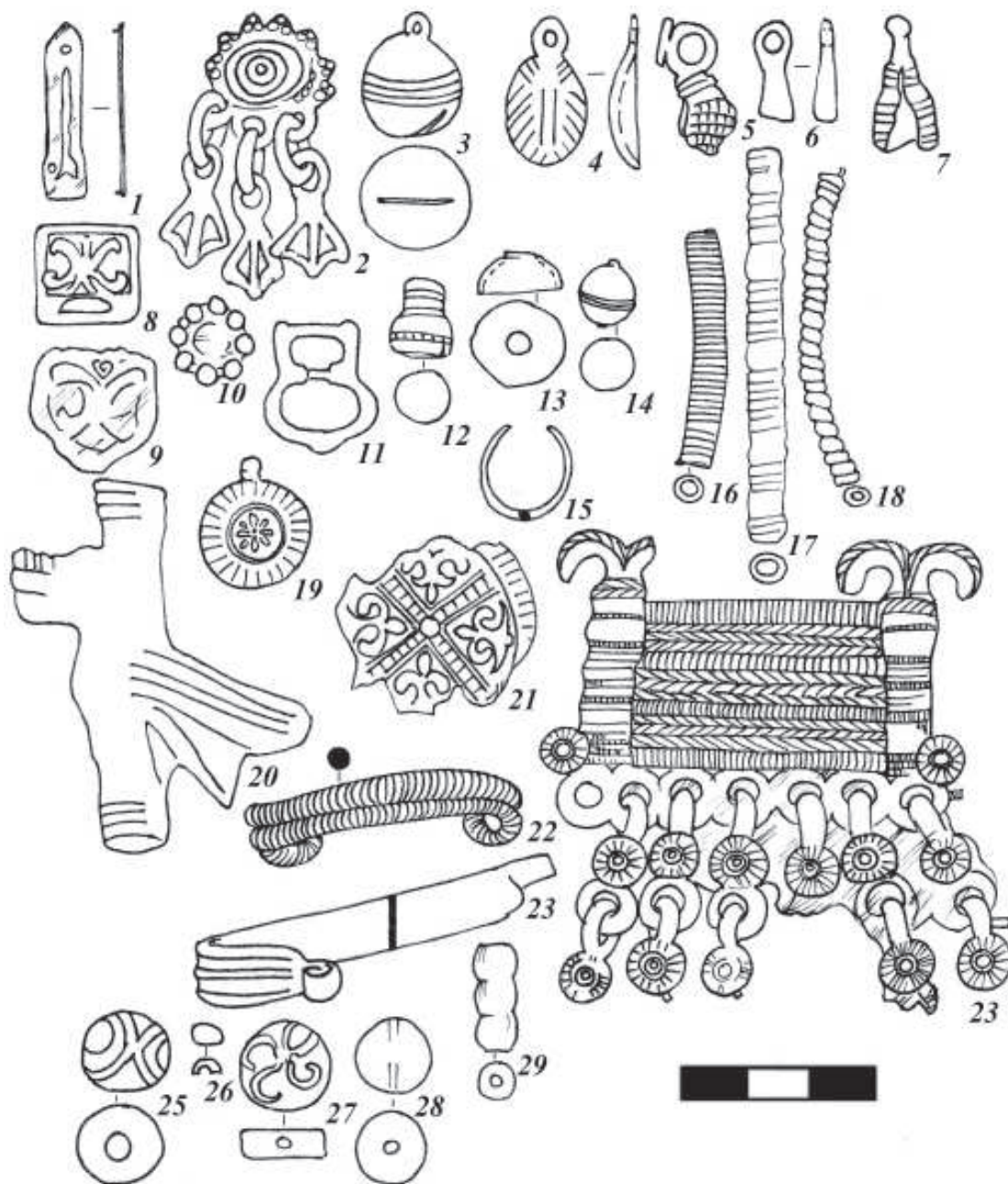

Рис. 4. Украшения: 1 – железо; 2-18, 20-24 – бронза; 19 – свинцово-оловянистый сплав; 25-26, 29 – стекло; 27 – сердолик; 28 – хрусталь.

Изучение приемов непосредственного конструирования сосудов позволило выявить две программы конструирования начинов – донную (4 экз.) и донно-емкостную (5 экз.).

Способы изготовления начинов, выполненных по донной программе, различны: один из них представляет собой лепешку из комка глины (моноконтный начин), другой делался спиральным налепом из жгутов (составной начин).

По периметру днищ имеются слабовыраженные наплывы глины, связанные с креплением на круге. На днищах сосудов зафиксированы следы подсыпки: в 4 случаях крупный песок, в одном – дресва, в 2 – зола. Клеймо отмечено в 3 случаях, из них 2 в виде фрагментов, в одном случае клеймо читается полностью (рис. 2/46).

Полое тело сосуда изготовлено спирально-жгутовым налепом, размер жгутов

не превышал 2 см.

Обработка поверхностей производилась путем простого заглаживания в основном на гончарном круге. Венчики и плечо профилировались на круге. Большая часть сосуда заглажена вручную, с внутренней стороны сосудов следы заглаживания небрежные, спаи между жгутами не заглажены.

Нижние части сосудов имеют признаки частичного ручного заглаживания. Придонные части сосудов подвергались обстругиванию. Основными орудиями заглаживания были руки гончара, мягкий материал и деревянный нож.

Окраска сосудов пятнистая. Цвет черепка может варьироваться на одном фрагменте от светло-желтого до серого, от желтого до бурого. Преобладает посуда бурого цвета, отмечены также фрагменты розовато-коричневого, светло-коричневого цветов. В изломе фрагментов прослежена слоистость: поверхностные прослои коричневые или бурые, а сердцевина темно-серого или черного цвета. Можно предполагать обжиг с непродолжительной выдержкой при температурах калия (650-700?), в закрытых от доступа воздуха условиях. Состояние раковины в черепке керамики говорит о том, что использовался особый режим и условия обжига, при котором не происходило разрушение раковины.

На керамике данной группы орнамент отмечен в 2 случаях на венчике (рис. 2/47) и стенке в виде однорядной волны.

В целом керамический комплекс постройки отличается достаточной однородностью, что проявляется в использовании одних и тех же глин, составе формовочных масс, принципов конструирования сосудов, приемов обработки поверхности и обжига. Керамика постройки, набор предметов повседневного быта соотносится с комплексами марийских поселений правобережья р. Волги: Важнангерского городище, Носельского, Юльяльского, Сауткинского селищ. Топография памятника: мысовое расположение, «спрятанность» селища, также характерна для марийских поселений XIII-XV вв.

К сожалению, ярких датирующих предметов на селище не найдено. Предварительный анализ материала показал, что нижняя граница памятника, относится к XII-XIII вв. Верхняя граница памятника, по видимому, ограничивается первой половиной XV вв. Помимо замка, в пользу этого свидетельствует и найденный за пределами постройки нательный крест. Крест четырехконечный с расширяющимися боковыми и килевидной нижней лопастью. На верхней лопасти и нижней килевидной помещена короткая горизонтальная перекладина. На лицевой стороне в средокрестии находится рельефное изображение контурного креста, по сторонам которого на всех четырех перекладинах расположены рельефные ромбы. Края лопастей украшены двойной рельефной рамкой. Оглавие оформлено в виде широкого плоского ушка. На оборотной стороне в средокрестии находится рельефное изображение контурного креста, концы которого на всех четырех перекладинах завершаются каплевидными рельефными окончаниями. На верхней и нижней лопастях помещены надписи, из которых хорошо читается только нижняя рельефная надпись «КА». Края лопастей украшены двойной рельефной рамкой. По форме подобные кресты встречаются в первой половине XV века (Кутасов, 2010. С. 259-263), по типу изображений полных аналогий в материалах Руси нет. Подобный крест найден на поселении Красное Селище II (XIII-XV вв.).

Барковское селище, безусловно, является перспективным памятником для дальнейших исследований. С выявлением этого селища появилась возможность комплексного

исследования большими площадями сохранившегося до наших дней памятника, относящегося к наименее изученному периоду в истории Марийского края. Осмотр памятника осенью 2011 г. показал, что интерес кладоискателей к селищу не иссяк, о чем свидетельствовали новые несанкционированные шурфы и «закопушки». Удаленность территории селища от населенных пунктов, сильная заселенность территории практически исключают возможность поймать кладоискателей с поличным. Соответственно сохранить научный материал памятника возможно только путем проведения дальнейших спасательных работ.

Список литературы:

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого //МИА. Т. II. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. – М.: АН СССР. – С. 7-120.

Кутасов С.Н., Селезнев А.Б., 2010. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. – М.: ИскательИ. – С. 259-263.

Оглоблин Н.Н., 2010. Речные проселки / Сост. Н.В.Морохин, Д.Г.Павлов. – Нижний Новгород: Книги. –312 с.

С.И. Абдулова.

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ САЛАМАТОВСКОГО I ГОРОДИЩА В 2011 ГОДУ

Статья посвящена характеристике комплекса вещевого материала, обнаруженного в процессе раскопок Саламатовского I городища в 2011 г. Анализ вещевого комплекса позволяет уточнить датировку памятника (IX-XIII вв.).

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, противоаварийные раскопки, городище Саламатово I, Пермское Предуралье, хозяйственный и производственный инвентарий, украшения

S.I. Abdulova

PREVENTIVE EXCAVATIONS OF THE SALAMATOV I SETTLEMENT IN 2011

The paper characterizes the complex of artifacts, discovered during the excavations on the site of the Salamatovo I settlement in 2011. Analysis of artifacts allows making a more precise dating of the site (IX-XIII centuries).

Key-words: archaeology, the Middle Ages, emergency excavations, the Salamatovo I settlement, the Perm Cis-Urals, household and productions tools, adornments

В августе 2011 г. отряд Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского Государственного Педагогического Университета (КАЭЭ ПГПУ) под руководством С.И. Абдуловой производил раскопки на Саламатовском I городище, расположенном на правом берегу р. Усьва, в 3,5 км к северо-востоку от д. Саламатово Верхне-Калинского сельского поселения Чусовского района Пермского края.

Площадка памятника находится на высоком мысу (до 30 м от уреза р. Усьва) подпрямоугольной формы (рис. 1). Длина площадки с севера на юг составляет 90 м, с запада на восток – 150 м, общая площадь городища – около 10 000 кв. м. С напольной стороны площадка городища укреплена тремя валами. Южный лог местами носит следы подрезки, такая же подрезка проводилась со стороны реки, вероятно, для придания склонам большей крутости. В центре площадки городища имеется повышение искусственного происхождения. На территории памятника имеются многочисленные повреждения от грабительских вкопов, ям поздних сооружений (монастырь-скит XVIII-XIX вв., от которого остались разрозненные следы фундамента).

Саламатовское I городище известно с XIX века, впервые оно было осмотрено М.В. Талицким в 1935 г., которым было заложено два шурфа, собран материал, позволивший отнести памятник к кругу чепецких памятников X-XII вв. В 1964 г. на городище производил работы В.А. Оборин, им была вскрыта площадь в 120 кв. м, на основании полученных материалов автор датировал памятник IX-XII вв., и отнес его нижний слой к родановской культуре, а верхний – к сылвенской культуре, обосновав, таким образом, смену населения Чусовой с финноязычного на угроязычное. В 1986 г. работы на городище производились под руководством А.М. Белавина, им была вскрыта площадь 180 кв. м. На основании полученных материалов А.М. Белавин датировал городище XI-XIII вв., и отнес его к локальному варианту родановской культуры. Таким образом, на настоящий момент требуется уточнение как датировки памятника, так и его культурной принадлежности.

В 2011 г. было продолжено изучение раскопа I, расположенного в северо-восточ-

ной части городища, и изучавшегося в 1964 и 1986 гг. Вскрыто 112 кв. м. В пределах раскопа выявлен комплекс ям, очагов и сооружений, которые можно интерпретировать как металлургический комплекс. Однако данная статья посвящена исключительно вещевому материалу, обнаруженному в результате раскопок 2011 г.

Хозяйственный и производственный инструментарий

Жернов – два фрагмента нижнего диска (определение А.Н. Сарапулова) диаметром 37,5 см, диаметр сквозного отверстия – 7 см. Жернов изготовлен из крупнозернистого песчаника серого цвета, имеет явную сработанность с небольшим углублением вокруг сквозного отверстия. Аналогии представлены на многих средневековых памятниках Пермского Предуралья. Жернова распространились в Пермском Предуралье с XI в. в связи с переходом к пашенному земледелию.

Наконечники стрел:

Железные (4 экз.):

– фрагмент двушипного черешкового наконечника без упора (рис.2/1). Аналогичные наконечники были широко распространены с I в. до н.э. до XIV в. н.э. исключительно в северной половине европейской части России. Часть этих наконечников, по-видимому, использовалась в охотничьих самострелах. Они имеют большие размеры и вес, не позволяющий использовать их при стрельбе из лука. Поскольку данный фрагмент не имеет черешка, определить, использовался он для лука или самострела невозможно. Подобные наконечники найдены на различных средневековых памятниках Верхнего Прикамья. Аналогичные известны в Тимиревском могильнике, в Саркеле-Белой Веже, в Харинском могильнике, Мартыновском селище, в Белоозере, на Княжей горе, в Пскове, в Новгороде.

– ромбовидные черешковые наконечники новгородского типа (2 экз.) (рис. 2/2-3). Характерная особенность данного типа – отсутствие упора для древка стрелы. Появились они в Прикамье на рубеже нашей эры и широко применялись в северной полосе Восточной Европы до конца XIII в. Они широко представлены в материалах различных памятников Верхнего Прикамья. Аналогичные наконечники находили в Новгороде, Пскове, Старой Ладоге, Полосском могильнике, Вятских городищах, Больше-Тарханском могильнике, Максимовском могильнике, Малышевском могильнике, Сарском городище, Тимиревском могильнике, Лядинском могильнике, Старой Рязани, Саркеле-Белой Веже, на Княжей горе.

– бронебойный пирамидальный наконечник квадратного сечения с круглой шейкой (рис. 2/4). Подобные наконечники были распространены у народов Поволжья и Северного Кавказа в период XII-XIV вв. В Пермском крае найдены на Кудымкарском городище, селище Телячий Брод, Редикарском городище и Антыбарском могильнике. Аналогии известны на Райковецком городище, Девич-горе, в Изаславле, Причерноморье, Волжской Булгарии (Данич, 2011, с. 101).

Костяные наконечники стрел (15 экз.) (рис. 3/1-3). Часть наконечников представляет собой слегка подправленные фрагменты костей, часть – достаточно тщательно изготовленные и заполированные изделия. Большая часть наконечников имеет подтреугольное или четырехгранное сечение.

Манки (6 экз.) (рис. 3/4). Изготовлены из бедренных костей куницы. Манки-пищальки, использовавшиеся при охоте на боровую дичь, широко представлены на многих средневековых поселениях Пермского Предуралья (Рождественское городище, городище Анюшкар). Аналогичные манки широко использовались вплоть до конца XIX в. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 258).

Зубила (рис. 2/5-6). Все обнаруженные зубила (9 экз.) могут быть отнесены к ювелирным (в основном, по миниатюрному размеру).

Тигли (2 фр.). Один экземпляр является фрагментом стенки, и не подлежит реконструкции формы. Второй фрагмент (рис. 3/16) является частью подцилиндрического тигля (диаметр устья около 4,5 см). Тесто в разломе черного цвета, внешняя поверхность – пористая. Полуцилиндрические тигли небольших размеров известны в Новгороде, Пскове и других древнерусских городах в слоях XII-XIII вв. (Древняя Русь, 1985. С. 262).

Литейные формы. Один фрагмент не позволяет установить форму изделия, другой (рис. 3/15) – является фрагментом двусторонней составной литейной формы. Одна сторона предназначена для отливки шаровидной привески с рубчатым туловом и петлей, орнаментированной насечками, в центре петли – сквозное отверстие для стержня. Другая сторона предназначена для отливки кольцевидной накладки-нашивки. На форме имеется круглое отверстие, возможно, для штыря, соединяющего створки. С одной стороны форма имеет один широкий и два более узких литника, форма использовалась для литья по технологии «навыплеск». Время освоения технологии такого литья точно не определено, однако исследователи считают, что в Волжской Булгарии это произошло, несомненно, в домонгольский период, обычно его относят к XII веку (Культура Биляра, 1985. С. 92).

Стамески (рис. 2/7-8): с прямым лезвием (2 экз.), с выемчатым лезвием (1 экз.).

Ножи (рис. 2/19-21). 17 фрагментов имеют достаточную сохранность для классификации. Все ножи с прямой или чуть опущенной к острию спинкой, но само острие не опускается ниже оси черешковой части ножа, лезвия в сечении клиновидные, большая часть – с четким переходом от острия к клинку со стороны спинки и лезвия.

Шилья (6 экз.) (рис. 2; 14-15):

- в виде прямого стержня, слегка сужающегося в сторону рабочей части, сечение – прямоугольное (1 экз.)

- в виде стержня, расширяющегося в центральной части, рабочий конец – квадратного сечения, верхняя часть – прямоугольного (3 экз.);

- с заостренным рабочим концом и уплощенным ромбовидным черенком (2 экз.).

Аналогичные типы шильев имеют широкое распространение как на территории Руси, так и в Волжской Булгарии.

Деталь рукоятки шила – изготовлена из кости, фрагмент овальный в сечении (высота 4 см) (рис. 3/5).

Кочедыки (11 экз.) (рис. 3/8-10). Все кочедыки – овальные в сечении. Часть фрагментов (4 экз.) имеют подрезку для привязывания шнурков, часть (3 экз.) – отверстие для привешивания. Большинство кочедыков неорнаментированные, один кочедык – тщательно отполированный – имеет вырезанный знак «тамгу».

Костяная игла (1 экз.) (рис. 3/7). Судя по крупным размерам (3,8 x 0,4 см), данный фрагмент использовался для плетения сетей, для шитья эти иглы слишком толстые.

Железные иглы (4 экз.) (рис. 2/12-13) длиной 3,5-5 см, толщиной около 1 мм. Аналогичные иглы на территории Пермского Предуралья известны на городище Анюшкар, селище Телячий Брод, Рождественском городище (Белавин, Крыласова, 2008. С. 277).

Пряслица керамические:

- пряслица, изготовленные из стенок лепных керамических сосудов – в виде плоских дисков неправильной формы (2 экз.) (рис. 3/17);

- лепные глиняные овально-подпрямоугольного сечения неорнаментированные (4 экз.) и орнаментированный (1 экз.) по ребру и обеим площадкам рядами косых насе-

чек (рис.3/19). Аналогичные пряслища представлены на городище Шудьякар, Аверинском могильнике, Варнинском могильнике, Рождественском городище (Белавин, Крыласова, 2008. С. 278)

– эллипсоидного сечения (6 экз.) (рис. 3/18).

Снаряжение верхового коня. Обнаружены 3 фрагмента удила (рис. 2/9-11), которые относятся к удилам IV типа (Кирпичников, 1973. Рис. 4), состоящим из двух подвижных звеньев и двух колец. Это наиболее массовый и универсальный тип удила Восточной Европы периода средневековья, распространенный в IX-XIV вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 322).

Также обнаружена одна костяная подпружная пряжка трапецевидной формы (рис. 3/12) с отверстием для крепления язычка. Аналогичные пряжки встречаются на средневековых памятниках Верхнего Прикамья, например, на городище Купрос.

Предметы быта

Гребень костяной односторонний с зооморфной спинкой в виде стилизованных, обращенных в противоположные стороны, голов коней (рис. 3/13). На обеих сторонах гребня прочерчен орнамент в виде двух рядов косых насечек, образующих зигзаг. Подобные гребни хорошо известны в финно-угорских древностях IX-X вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 350).

Пуговицы костыльковые из необработанных костей животных в виде просверленной челночной кости лошади (6 экз.). Такие пуговицы массово представлены на средневековых памятниках Пермского Предуралья.

Топорня (1 экз.) – дугообразная железная петля с загнутыми ушками для подвешивания к поясу топора (рис. 2/23).

Отметим, что также было найдено большое количество кузнечных заготовок, крицы, гвозди, точильные камни, разбивальники, проколки, кресальные кремни.

Украшения

Височные подвески:

– бронзовая проволоочная височная подвеска в виде круглого кольца с несомкнутыми концами. По мнению Ю.А. Подосеновой, такие височные кольца, вопреки устоявшейся точке зрения, были более всего распространены не у славян, а в степной части Евразии и на некоторых финно-угорских территориях. В Пермском Предуралье они появились еще до эпохи средневековья и бытовали вплоть до XIII века. Датировать их можно только по комплексам вещей (Подосенова, 2009. С. 70).

– фрагмент полый шаровидной привески (от височной подвески) с пояском псевдоскани (рис.4/14).

Браслеты (4 экз.):

– плоские пластинчатые браслеты с сужающимися концами, закрученными в спираль. Поверхность браслета украшена тремя выпуклыми валиками (2 экз.) (рис. 4/23). Подобные браслеты известны у славян, они часто встречаются у вятичей, реже – у кривичей и новгородцев, известны в Царицинских и других курганах XII века. В XII-XIII вв. они появляются в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья.

– витой браслет (рис. 4/22), представляющий собой двойной ряд прута, обвитого проволокой, витки которой образуют плотную спираль. Концы прута сомкнуты так, что образуют круговые окончания.

Подвески и привески:

– бронзовая умбоновидная подвеска, в центре основы – один крупный умбон, обрамленный треугольными лучами, украшенными псевдозернью, в нижней части –

петли для крепления привесок в виде утиных лапок, которые прикреплены с помощью одного звена простой цепочки (рис. 4/2). Подвески такого типа стали распространяться в Пермском Предуралье с IX в. (Голдина, Кананин, 1989. Рис. 70/29), но наиболее массово встречаются в X-XI вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 376).

– биякорьковая бронзовая шумящая подвеска (рис. 4/24) в виде двух якорьков, между которыми располагается плоская прямоугольная пластина с петлями для шумящих подвесок. Экземпляр представляет собой подвеску со следами технологических операций, неотделенными цепочками, литниками.

– костяная костыльковая подвеска в виде волнообразной планки со скругленными отверстиями, выступ для отверстия также скругленный, небольших размеров, орнаментирован точечным орнаментом (рис. 3/11).

– монетовидная подвеска диаметром 1,4 см. (свинцово-оловянистый сплав?), орнамент в виде розетки в центральной части, край орнаментирован насечками (рис. 4/19). Аналогичные подвески по новгородским аналогиям датируются XIII в. (Седова, 1981. С. 41, рис. 14).

– фрагмент овальной подвески диаметром около 4 см, в виде тонкой неорнаментированной бронзовой пластины.

– фрагмент круглой подвески диаметром около 3 см, в виде тонкой бронзовой пластины с орнаментом. Орнамент в виде двух полос, пересекающихся крестообразно, полосы орнаментированы кружками, четыре сегмента, образующихся в результате перекрещивания полос, украшены растительным орнаментом (рис. 4/21).

– бронзовая привеска-колокольчик с цилиндрическим туловом, сужающимся кверху и переходящим в цилиндрическую шейку, тулово и шейка сплошь покрыты поясками гладкими и с шейками (рис. 4/7). Подобные колокольчики характерны для вымских древностей конца X-XIV вв. (Савельева, 1987. Рис. 29), известны в могильниках Юганского Приобья в материалах XIII-XIV вв. (Семенова, 2001. Рис. 196), они массово представлены на памятниках Пермского Предуралья в материалах XII-XIV вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 412).

– бронзовая привеска-бубенчик тонкостенная шаровидная с одной прорезью с тройным пояском в средней части тулова (рис. 4/3). Подобные бубенчики, судя по новгородским материалам, появляются в последней четверти XI в. и распространены до второй половины XIII в. (Седова, 1981. С. 156).

– бронзовая полая шаровидная привеска в виде толстостенного шарика с вырезанной задней частью, в нижней части тулова – шаровидный выступ, центральная часть и шейка орнаментированы поясками гладкими и с насечками (рис. 4/5).

– бронзовая привеска в виде половины полой вытянутой капли, орнаментирована косыми насечками (рис. 4/4).

Подвески – амулеты: из челюстей куницы с отверстиями (13 экз.) (рис. 3/20), просверленные зубы животных (2 экз.) (рис. 3/6), подвески из просверленных костей рыб (33 экз.). Амулеты из просверленных костей животных, птиц и рыб – частая находка на многих средневековых памятниках Пермского Предуралья. Подобные амулеты представлены на городище Иднакар, Большетарханском могильнике, в Биляре (Белавин, Крыласова, 2008. С. 399).

Пряжка бронзовая восьмеркообразная с лировидной рамкой и прямоугольным приемником, рамка в виде широкой пластины, на месте фиксации язычка в рамке небольшое углубление (рис. 4/11). Аналогичные пряжки в Пермском Предуралье получили распространение с IX в. (Голдина, Кананин, 1989. Рис. 70/8), известны на памятниках Южного Приуралья, на территории Волжской Булгарии (Белавин, Крыласова, 2008. С. 407).

Поясные накладки:

– бронзовая в виде варяжского геральдического щита, выпуклая, непрорезная, с бабочковидным растительным орнаментом (рис. 4/9). Аналогии известны на Рождественском городище, в вымских древностях конца X-XI вв., единичные экземпляры встречаются в Волжской Булгарии, Удмуртии, Белоозере (Белавин, Крыласова, 2008. С. 414).

– бронзовая квадратная прорезная с Ж-образным орнаментом (рис. 4/8). Аналогичные накладки известны на территории Пермского Предуралья на могильнике Степаново плотбище, Огурдинском могильнике, на городище Анюшкар, Рождественском городище (Белавин, Крыласова, 2008. С. 412).

– бронзовая круглая розетковидная выпуклая накладка (рис. 4/10). Аналогичные накладки на территории Пермского Предуралья массово представлены на могильниках Степаново плотбище, Огурдинском, Антыбарском, Телячий Брод, Рождественском комплексе, такие накладки известны в вымских могильниках, где они датируются X-XII вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 421).

– железная мечеобразной формы с расширяющимся основанием и приостренным концом, накладка украшена щелевидной прорезью, которая раздваивается к основанию, и тремя круглыми отверстиями (рис. 4/1).

Пронизки:

– спиралевидные трубчатые пронизки (3 экз.) (рис. 4/16,18). Такие пронизки широко распространены на памятниках Пермского Предуралья, Марийского Поволжья, на территории Удмуртии, на Вычегде, в Белоозере (Белавин, Крыласова, 2008. С. 437).

– трубчатая пронизка со вздутиями (рис. 4/17);

– колоколовидная пронизка с подцилиндрическим туловом, шейка орнаментирована поясами (рис. 4/12).

– колоколовидная пронизка с конусовидным туловом.

– пронизка птицевидная (т.н. «крылатый пес») (рис. 4/20).

Бусы:

Обнаружено три стеклянных и две каменных бусины.

– фрагмент стеклянной зеленой зонной бусины, технология изготовления не определена (рис. 4/26).

– синяя стеклянная зонная трехчастная бусина, изготовленная техникой членения тянутой стеклянной основы (рис. 4/29). По утверждению З.А. Львовой, многочастные бусы с более чем двумя сегментами на территории Европы характерны для периода конца VIII - начала IX вв. (Кальмер, 2000. С. 55). Аналогичные бусы Ю.Л. Щапова относит к числу византийских IV-IX вв. (Щапова, 1998. С. 136).

– полихромная стеклянная зонная бусина с комбинированным орнаментом (рис. 4/25). Основа бусы черная, изготовлена навивкой стеклянной массы на стержень, орнамент в виде глазков красного цвета и голубых линий, опоясывающих тело бусины в виде «восьмерки». Аналогичные бусы обнаружены в материалах Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников, I Семеновского селища (Валиулина, 2000. С. 53, рис. 1, с. 54), Болгарского городища (Полубояринова, 1988. С. 157-158), в курганах древней Руси X-XI вв. (Фехнер, 1959. Рис. 5), среди вещей, бытовавших в Белоозере до середины XI века (Захаров, 2004. Рис. 262).

- таблетковидная сердоликовая бусина с белым орнаментом (рис. 4/27).

- хрустальная бусина округло-зонной формы (рис. 4/28).

Материал из раскопок Саламатовского I городища 2011 г. весьма богат и отличается разнообразием.

Среди обильного материала, к сожалению, не так уж и много датирующих вещей. Наиболее ранними датируемыми находками являются орнитоморфная пронизка (т.н. «Семаргл» или крылатый пес) и таблетковидная сердоликовая бусина с белым орнаментом, которые могут быть датированы концом VIII века. Наличие подобных находок существенно удревняет принятую ранее датировку памятника (не ранее X века). Наиболее поздние находки (бронзовые украшения, в частности) могут быть датированы XIII веком. Более точные датировки слоя стали возможны после получения радиоуглеродных анализов, образцы датированы в интервале с конца IX до конца XIII века.

Памятник может быть отнесен к юго-восточному варианту ломоватово-родановской археологической общности.

Список литературы:

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ. – 603 с.

Голдина Р.Д., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. – Иркутск: ИИУ. – 216 с.

Данич А.В., 2011. Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. VII. – Пермь: ПГПУ. – С. 98-115.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик. – 592 с.

Кальмер Й., 2000. Ранние бусы из раскопок древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. – Казань: Мастер-Лайн. – С. 54-55.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. – М.: АН СССР. – 190 с.

Культура Биляра, 1985. Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. – М.: Наука. – 216 с.

Подосенова Ю.А., 2009. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья / Рукопись. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. – Казань. – 220 с.

Полубояринова М.Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука. – С. 151-219.

Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв.. – Л.: ЛГУ. – 200 с.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). – М.: Наука. – 196 с.

Семенова В.И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука. – 296 с.

Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М. В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 38. – М.: ГИМ. – С. 149-224.

Щапова Ю.Л., 1988. Византийское стекло. Очерки истории. – М.: Эдиториал УРСС. – 288 с.

В.В. Мингалев.
РАСКОПКИ ОЛП №1 «СТВОР»

Статья посвящена археологическому исследованию особого лагерного пункта №1 «Створ», входившего в систему ГУЛАГа. Объект представляет научный интерес в связи с его сохранностью и уникальностью, он является единственным в Прикамье каторжным лагерем. Использование археологических методов при исследовании подобных объектов позволяет не только получить источники по истории лагеря, но и верифицировать сами археологические методы и подходы. Полученные при археологическом обследовании материалы открывают картину повседневной жизни заключенных без сложившихся в исторической литературе мифов.

Ключевые слова: археология, XX век, Пермский край, лагерный пункт системы ГУЛАГ ОЛП №1 «Створ»

V.V. Mingalev
EXCAVATIONS OF THE SPECIAL CAMP STATION NUMBER 1 “STVOR”

The paper introduces archaeological survey of the special camp station number 1 “STVOR”, which was a part of the GULAG system. The site is of special scientific interest due to its uniqueness and preservation. It was the only labour camp in the Kama region. Using archaeological methods for surveys of such a site does not only produce new sources in the history of the camp, but also verifies archaeological methods and approaches. The materials obtained unveil the picture of everyday life of prisoners, which goes beyond the conventional mythology of historical publications.

Key-words: *archaeology, XX century, Perm Krai, special camp station number 1 “STVOR”*

Использование археологических методов для изучения объектов культурного наследия современности имеет в настоящее время длинную историю. Существует минимум четыре археологических специализации, которые активно этим занимаются – это гарбология, промышленная археология, этноархеология и археология городов (Hudson, 1966; Фаган Б., ДеКорс К., 2007. С.393-396; Молони Н., 1996; Burke H., Smith C, 2004. P.163-201). Развитие данных направлений вызвало острую дискуссию о границе археологического времени как на Западе, так и в СССР, которая до сих пор изредка имеет рецидивы на страницах археологических журналов. Не буду углубляться в теоретическую археологию, лишь постараюсь показать важность данных исследований для исторической науки.

Во-первых, археологические исследования касаются материальной культуры, в которой отражается жизнь простых людей, чего не скажешь об исторических источниках. Археологические источники отражают реальную жизнь людей, а не их внешнюю презентацию, которая чаще всего отражена в источниках. Через артефакты и реконструируемую среду обитания мы можем понять повседневность людей прошлого.

Во-вторых, некоторые аспекты жизни населения в исторических документах, хрониках и анналах отражены особенно слабо, например, быт и повседневность.

В-третьих, показывает реальный уровень товарно-денежных отношений у данного населения, так как очень часто экономические показатели или не являются важным аспектом исторического источника, или существенно искажаются автором, написавшим текст.

В-четвертых, археологические работы на объектах «живой» культуры (современности или недавнего прошлого) помогут верифицировать некоторые методы полевой археологии, учитывая малый хронологический отрезок времени между процессом археологизации и исследованием.

Уральские археологи в данном направлении находятся, что называется, на «острие

иглы». Стоит отметить исследования на могильниках нового времени, которые дают возможность скорректировать наши представления о прошлом региона (Святова, 2011. С.155-162; Лычагина, Мингалев, 2007. С.155-164; Коренюк, Мельничук, 2007. С. 164-182). Изучение культурного слоя современных городов во многом меняет представления о провинциальных городах (Корчагин, Мельничук, Соколова, 2000. С.52-71; Самигулов, 2005).

Изучение истории лагерных пунктов системы ГУЛАГ часто сталкивается с проблемой секретности документов, неполноты данных и, наконец, за официальными и скупыми архивными протоколами и документами КГБ очень сложно увидеть лагерную повседневность заключенных и охраны. С этими проблемами могли бы помочь социологические исследования, но, к сожалению, часто они проводятся с целью доказать определенную точку зрения (вопросы выстраиваются не корректно). Другой проблемой социологических исследований является «стена молчания». Многие из тех, кто находился по разные стороны колючей проволоки, не любят вспоминать это время своей жизни.

Нельзя сказать, что археология это панацея, которая даст все ответы, но, учитывая сложности в исследовании советской действительности «за колючей проволокой», она может придать большую объективность историческим исследованиям и помочь осветить бытовые аспекты. Данные исследования необходимо проводить как можно раньше. Уже сейчас многие пункты подвергаются перестройке или разграблению, что приводит к уничтожению археологического источника.

История изучения отдельного лагерного пункта №1 «Створ» Поньшского исправительно-трудового лагеря

Внимание исследователей данный объект привлек в конце 1990-х гг., в первую очередь, сохранностью и исторической ценностью, как единственный каторжный лагерь на территории Пермского края. Руководитель мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» к.и.н. В.А. Шмыров стал первым исследователем, обратившим пристальное внимание на данный объект. Большое внимание к этому объекту также было со стороны к.и.н. Л.Д. Обухова.

В диссертации на соискание степени кандидата исторических наук С. Шевелева (бывший сотрудник музея «Пермь-36» и участник трех научных экспедиций на территорию лагеря «Створ»), посвященной экономике ГУЛАГа, достаточно большая часть уделена лагерю «Створ». Сбор архивных данных и опросы бывших работников данного лагерного пункта не дали полной картины о жизни и истории существования лагеря «Створ», поэтому стало целесообразно полевое археологическое изучение данного объекта культуры.

В 2001 г. был проведен первое натурное обследование данной территории под руководством сотрудника музея «Пермь-36» О.А. Нечаева. В ходе обследования были выявлены руинированные объекты и артефакты быта заключенных. Данная территория в те годы фактически не пострадала от туристов и от сборщиков железа. Исходя из выводов, полученных в ходе данного обследования, стала понятна большая историческая ценность данного объекта.

В 2002 г. была проведена вторая экспедиция музея «Пермь-36» на территории урочища «Створ». Целью экспедиции стал сбор артефактов для музея «Пермь-36».

В 2004 г. была проведена третья экспедиция музея «Пермь-36», в которой, кроме сотрудников музея, принял участие сотрудник КАЭЭ ППИУ В.В. Мингалев. Целью экспедиции было более детальное обследование площади лагеря, поиск кладбища заключенных, определение границ и натурное археологическое обследование без земляных

работ. По результатам работ был составлен акт обследования.

С 2007 по 2010 гг. на территории лагеря «Створ» проводился ежегодный международный волонтерский лагерь пермской городской общественной организации «Молодежный Мемориал» под руководством Р.Р. Латыпова. Целью волонтерского лагеря являлось создание «Музея без гида» на территории лагеря «Створ». В лагере были поставлены указатели на основные руинированные объекты, развешены аннотации по объектам, сделано несколько инсталляций на тему ГУЛАГа. В это же время территория лагеря привлекла собирателей металла («металлистов»), которые вывезли с территории лагеря огромное количество ценных исторических артефактов.

В 2011 г. АНО «Мемориальным центром истории политических репрессий «Пермь-36» было принято решение о проведении четвертой экспедиции с целью детального обследования данной территории, составления топографического плана, выявления входа в шахту и оценки целесообразности использования спецсредств поиска и археологических методов для выявления артефактов.

История лагерного пункта №1 «Створ» Поньшского исправительно-трудового лагеря

Свою историю лагерный пункт №1 «Створ» Поньшского исправительно-трудового лагеря ведёт с конца 1942 г., когда приказом Народного Комиссара внутренних дел от 27 ноября 1942 г. за № 002592 на р. Чусовая должна была быть построена гидроэлектростанция мощностью 24 000 квт. Срок пуска электростанции определялся декабрем 1943 г., а окончание строительства – в июле 1943 года. Строительство организовывалось на базе Ягринлага (ГОПАПО, ф. 1915, оп.1, д.4, л. 14). Окончательное формирование Поньшского Исправительно-Трудового лагеря произошло в 1946 г., по приказу Министерства внутренних дел СССР за № 0076 (?) от 27 января 1946 г. на базе лагеря № 519 ОПВИ УМВД по Молотовской области ст. Всесвятская Пермской жел. Дороги (ГОПАПО. Ф. 2464, оп.1, д. 63). В распоряжении Управления лагеря имелся списочный состав каторжан 3 587 чел., из них 75 чел. женщин (ГОПАПО. Ф. 2464, оп.1, д. 63).

1-е лаготделение дислоцируется на створе, расположено на правом берегу р. Чусовая, в 20 км от управления лагеря и железнодорожной станции, связано автолежневой дорогой. В районе урочища «Створ» предполагалось построить основную плотину на р. Чусовой. При этом строительство плотины так и не было завершено – в 1944 г. все работы были свёрнуты в связи с нехваткой денег. Лагерь на какое-то время стал «проверочно-фильтрационным» для бывших советских военнопленных, прошедших через фашистские концлагеря. 22 января 1946 г. отдельный лагерный пункт №1 «Створ» ИТК №10 приобрёл статус лагеря «для принудительных каторжных работ». В отчете за 1 полугодие 1946 г. отмечено, что «на территории 1 ОЛП обнаружены залежи каменного угля (ГОПАПО. Ф. 2464, оп.1, д. 63, л.73).

В 1962 г. участок «Створ» ИТК №10 был преобразован в самостоятельную колонию общего режима №33, просуществовавшую до 1972 года. С закрытием зоны прекратил своё существование в 1975 г. и посёлок Створ, в котором проживали семьи охранников.

Общий анализ территории урочища «Створ»

Всю территорию урочища можно разделить на четыре части, каждая из которых является самостоятельным объектом культурного или природного наследия. Все вместе они образуют единый культурно-природный комплекс Створ:

– Скала и пещера Печка с подземным озером.

Скала Печка представляет собой скальное образование высотой около 150 м над уровнем реки. В скале имеется вход, напоминающий собой чело русской печи, за что скала и получило свое наименование. Войдя в чело, мы попадаем в 50-метровую широкую галерею, которая выводит к подземному озеру. Скала и пещера пользуется популярностью у туристов, сплавляющихся по реке. В озере сложился уникальный биоценоз. К сожалению, до сих пор обследования вод озера не проводилась учеными-биологами.

– Бывший отдельный лагерный пункт №1 Поньшского исправительно-трудового лагеря 1942-1972 гг.

При обследовании были выявлены места расположения бараков внутренней (жилой), производственной и внешней (охранной) части. Внутренняя часть, судя по имеющимся планам лагеря и датирующему материалу из бараков, фактически не подвергалась перестройки после 1940-х гг. Внешняя часть появилась не ранее 1960-х гг. Хозяйственная часть многократно перестраивалась.

Наибольший интерес, как с исторической, так и с технической точки зрения, представляет внутренняя (жилая) часть лагеря, сохранившаяся от 1940-х гг. (124-168 x 334 м). Для того чтобы расположить бараки на террасе, были проведены грандиозные земельные работы по эскальпированию и укреплению склона. Создано шесть искусственных террас шириной от 6 до 29 м, террасы создавались по плану и, скорее всего, одновременно. Высота террас относительно друг друга колеблется от 2,80 до 11,40 м. На каждой террасе в ряд располагались бараки, пройти от барака к бараку можно было по узкой дорожке, которая располагалась между бараком и эскарпом. С террасы на террасу можно было пройти по специально созданным скатам, которых было четыре: два у колючей проволоки (со стороны производственной части и со стороны охранной части), один центральный (в центре лагеря) и один в производственной части. Подобная террасная структура лагеря позволяла при малых затратах постоянно держать под контролем всю территорию зоны. Были зафиксированы места смотровых вышек, которые располагались на контрольных высотах урочища. Выявлен заваленный вход в угольную шахту, который располагался в 30 м от контрольно-пропускного пункта, над ним находилась смотровая вышка и там же был выход принудительного воздуховода для шахты.

– Остатки бывшего спецпоселка Створ 1930-х гг.

Датировка первопоселения Створ неизвестна. Спецпоселок Створ начал функционировать с 1930-х гг. В настоящее время на территории объекта фиксируются жилищные западины, по внешним характеристикам они делятся на три группы.

Первая группа. Ряд впадин указывает на срубный характер постройки на подклете, размером 20 x 20 м, по фиксируемому углом можно утверждать, что рублены данные дома были «в обло», что не характерно для «казенных» построек советского периода, когда для простоты рубили в основном «в лапу». Данные впадины не входят в общий ряд с впадинами, оставшимися от построек позднего поселка охраны, что может свидетельствовать о существовании села в данном месте.

Вторая группа. Группа жилищных впадин сконцентрирована в восточной части предполагаемого поселка, ближе к лагерю «Створ». Данные впадины хаотично расположены, вытянуты не вдоль реки, как первая и третья группа, а перпендикулярно. Размер впадин разный (от 5 x 5 до 15 x 6 м), глубина больше (ок. 1,5-2 м), чем у других впадин, из чего можно сделать предположение, что это были полуземлянки или землянки. На суще-

ственно заглубленный характер построек указывает достаточно ярко выраженная завалинка и отсутствие провалов от пропусков, которые при срубном сложении постройки хорошо фиксируются в течение 100 лет. Впадины частично «наползают» друг на друга.

Автор встречал подобные жилищные впадины с той же хаотичностью и не уральской ориентацией построек относительно реки под поселком Усть-Черная Гай-нского района, там это были землянки украинских переселенцев (раскулаченных).

Третья группа. Жилищные впадины прямоугольные в плане (10-15 x 6-10 м), в некоторых местах сохранились остатки деревянных конструкций, судя по которым, постройки были сложены из бруса. Расположены впадины вдоль реки двумя рядами. Рядом с некоторыми крупными впадинами имеются малые – приусадебные постройки (сарай и бани). Третья группа жилищных впадин осталась от поселка охраны.

Место, где расположен поселок Створ, является одним из самых перспективных для дальнейшего археологического обследования на данном участке р. Чусовой (от пос. Усть-Койва до устья р. Шайтанки). Терраса, на которой расположен поселок, ровная и невысокая (ок. 3-4 м над урезом воды), но высоты достаточно для того, чтобы не быть затапливаемой в период паводка. Столь не обычное для предгорной части р. Чусовой образование может быть объяснено только исходя из делювиальных процессов и оползней первой надпойменной террасы, благодаря чему образовалась дополнительная пойменная терраса.

Стоит отдельно упомянуть о ряде находок, которые были найдены как в раскопе №3, так и на берегу реки. В ходе полевых исследований в раскопе было найдено около 8 фрагментов поливной посуды, все от разных сосудов. Для лагерного быта подобная посуда явно не характерна, что указывает на существования поселения на данной территории до появления лагеря. Поливная посуда, скорее всего, попала при строительстве барака. Также в ходе работ на раскопе №2 найден фрагмент серебряной подвески. На берегу реки обнаружен фрагмент бронзового дрота, четырехгранного в середине и круглого с концов.

– Кладбище поселка Створ и лагерного пункта №1

Кладбище расположено за поселком Створ в сторону устья р. Шайтанка, во влажном логу. Территория кладбища сильно заросла травой, кустарником и березово-осиновым подлеском. На кладбище фиксируются холмики и могильные западины, в некоторых местах сохранились надмогильные железные знаки (с атрибуцией «ЖЖ»). По площади кладбище занимает небольшой участок, что может указывать на существования еще одного кладбища где-то в другом месте. Перспективными представляются исследования на территории д. Орехово, где имеется другое кладбище.

Археологическое исследование на территории лагеря «Створ».

На территории лагеря было заложено три раскопа в разных частях ОЛП №1 «Створ». Это позволило рекогносцировать характер разных объектов и определить научную целесообразность проведения археологических работ на данной территории.

Раскоп №1 был заложен в предполагаемом устье штольни для выявления сопутствующих артефактов, которые являлись бы дополнительным доказательством существования в данном месте входа в штольню. Стоит оговориться, что целью разбивки раскопа не являлось вскрытие входа в штольню, которая, по имеющимся сведениям, была засыпана путем направленного взрыва нависающего скальника. Раскоп был ориентирован по сторонам света и расположен прямо на входе в шахту. Площадь раскопа составила 30 кв. м. Заполнение раскопа представляло собой смесь

камней, светло-коричневого суглинка, известняка и остатков дерева. Выявить не смешенные слои не удалось. Лишь в юго-восточной части удалось зафиксировать провал мощностью до 0,45 м более позднего происхождения, чем обвал, так как стратиграфически он располагался над перемешанным слоем. Для выяснения характера провала необходимо было расширение раскопа в южном направлении, но из-за плотного подлеска это было невозможно.

В ходе работ на раскопе были найдены следующие артефакты:

– 2 аккумулятора для фонарей. При камеральной обработке данные аккумуляторы были показаны Кузьмину Сергею Константиновичу (1951 г. рождения, житель Горнозаводска), который указал, что точно такие же аккумуляторы использовались ими при работе в 1970-х гг. в угольных шахтах Губахи.

– 4 замка от гидрантов.

– кайло и клин для разбивки крупных камней.

– колесо от вагонетки диаметром 24 см.

– фрагмент противогаза ГП-4У.

– гильза 7,62 мм, согласно справочнику по патронам (Жук, 1993. С.653), данная гильза – от патрона образца 1943 г., дульце гильзы короткое, скат прямой и корпус цилиндрический без сбега к дульцу.

– самодельный нож; был спрятан в насыпи скальника, форма ножа поздняя, он сделан под штык-нож серии ШН для АКМ или АК-74, т.е. может быть датирован не ранее конца 1960-х гг., когда такая форма получила распространение.

– чернильница; к сожалению, найти какие-либо работы по датировке чернильниц не удалось, но в целом форма тривиальна, что позволяет датировать ее широко в пределах XX в.

– водочные пробки, одна из которых имела штамп 1968 г.

– разные бытовые железные предметы (крючки, кованые гвозди и т.д.).

Общий характер найденных артефактов и стратиграфия позволяет четко идентифицировать данное место, как засыпанный вход в штольню. После засыпки данное место использовалась под свалку.

Раскоп №2 был заложен за пределами зоны ОЛП №1 для выявления отличий по археологическому материалу между находками из бараков заключенных и казармами охраны. Было выбрано единственное место, не заросшее лесом. Раскоп был ориентирован по сторонам света и расположен в северной части здания охраны. Площадь раскопа составила 24 кв. м. Сразу при снятии дерна стало понятно, почему данный участок не зарос лесом. Пол представлял собой цементную заливку, на которую была наложена плитка, большая часть которой не сохранилась. На внутренней стороне кафельных плиток было написано «Волгоград», что позволяет датировать данную постройку не ранее 1961 г., когда Сталинград был переименован в Волгоград. Учитывая, что переход на производство плитки с новым штампом ушло какое-то время, данная плитка могла попасть на территорию ОЛП №1 лишь в сер. 1960-х гг. После обнаружения плитки дальнейшие раскопки были не целесообразны, так как это привело бы к уничтожению объекта, который мог в дальнейшем музеефицироваться. В связи с приостановкой работ, стратиграфия в раскопе №2 не выявлена. Но так как цементная заливка в некоторых местах треснула, была определена последовательность строительства: сначала производилось выравнивание площадки, потом укладывались лаги, которые соединялись со стенами постройки, после этого прямо на земляной пол наливался цемент, на который накладывалась плитка, весьма аккуратно т.к. фактически отсутствуют пропуски и щели между плитками.

В ходе работ на раскопе были найдены следующие артефакты:

1. Замок от чемодана.
2. Навесной замок.
3. Алюминиевая чайная и столовая ложки.
4. Алюминиевая плоская тарелка.

5. Кирпич со штампом Поньшлага, что позволяет предположить использование кирпичей из разобранных зданий для строительства новых или существования достаточно большого запаса старых кирпичей.

Кроме этого в непосредственной близости от данного сооружения были найдены 4 пары лезвий от коньков. Общий характер находок, две большие печи и кафель позволил сделать предположение об использовании данного здания, как солдатской столовой.

Раскоп №3 был заложен на сооружении № 17 на территории ОЛП №1 «Створ». Выбор места в основном связан с отсутствием плотного подлеска и леса на данном участке. Целью раскопок было выявить возможности использования археологических методов при исследовании объектов сер.20 в., а, так же, по возможности дать функциональную и хронологическую идентификацию данного сооружения. Площадь раскопа составила 48 м². Коричневый суглинок с включениями камня являлся основным культурным слоем. По линии 5 и 6 были выявлены остатки каменных выкладок под лаги. В центральной части располагались остатки печи, достаточно хорошей сохранности, 6 кладок кирпича были в неповрежденном виде. В южной части фиксировались остатки упавшей части печи. Печь сложена непрофессионально: в качестве скрепления использовалась смесь из глины и извести, использовалась обычная кирпичная кладка из полномерного кирпича с четко выраженными линиями.

Под печь были подведены две лаги. Скорее всего именно тогда, когда они подгнили, печь завалилась в южном направлении. При закрытии зоны печь, вероятно, была полностью целая, так как составные металлические части (вьюшка, колосниковая решетка 250X250 мм, топочная дверца, поддувальная дверца, заслонка) были найдены в раскопе.

В ходе работ на раскопе были найдены следующие артефакты:

– 2 алюминиевые кружки объемом 0,5 л, одна сильно помятая без ручки, вторая расписана гуашью (красным, зеленым, желтым, черным цветом) растительным орнаментом по всей поверхности.

– фильера (фильерная пластина), используемая для протяжки проволоки.

– детали крепления раковины (два держателя и один обод).

– металлические части печи (вьюшка, колосниковая решетка 250 x 250 мм, топочная дверца, поддувальная дверца, заслонка). На топочной двери штамп в виде пятиконечной звезды. Все детали изначально были покрыты белой краской.

– детали швейной машинки «Зингер» с ножным приводом, судя по штампу, не ранее 1930-х гг. производства.

– бронзовый браслет, круглый дрот диаметром 0,6 см.

– бронзовый гвоздь без шляпки круглый в сечении, на острие четырехугольный

– портупейная пряжка.

– кожаные заготовки заплаток на обувь.

– фрагменты круговой поливной керамики.

Общий характер найденных артефактов и стратиграфия позволяют четко идентифицировать данное место как один из барачков, во входной части которого в не-

посредственной близости от печки располагалось место для заключенного, занимающегося ремонтом обуви.

Т.о., в процессе полевых археологических исследований территории ОЛП №1 «Створ» выявлен вход в шахту, идентифицирован ряд объектов, составлен топографический план местности. Как показали полевые исследования, объект содержит в себе большую информационную ценность для исследователей повседневности заключенных и жизни охраны. Учитывая скудность документальных источников, археологический источник в данном случае становится единственным объективным.

Необходимо продолжение археологических исследований на территории историко-природного комплекса и в его окрестностях для выявления объектов культурного наследия и уточнения характера выявленных объектов. Главной угрозой для комплекса являются сборщики металла, которые вывозят с территории лагеря ценные, с научной точки зрения, артефакты. Находка предметов, которые могут датироваться эпохой средневековья, и археологическая перспективность урочища, ставит дополнительную задачу – поиск объектов археологического культурного наследия, датируемых эпохой средневековья.

Дополнительные археологические работы помогут верифицировать некоторые методы полевой археологии, учитывая малый хронологический отрезок времени между процессом археологизации и исследования. Считаю возможным организации базы для экспериментальной археологии на территории бывшего ОЛП №1.

Культурно-природный комплекс «Створ» обладает высокой презентабельностью для просветительской деятельности. Комплекс расположен на маршруте одного самых популярных сплавов в Пермском крае – по р. Чусовой.

Лагерь является уникальным архитектурным объектом. Землепреобразующие работы, проведенные при строительстве, и уникальная система снабжения водой и углем, может рассказать нам о силе духа и таланте неизвестных нам строителей.

Необходимо продолжить работы по развитию на территории памятника неорганизованного музея под открытым небом. Предлагаю создать условия, при которых каждый посетитель «Музея без гида» смог бы принять участие в создании «Музея», например, – создание «стены памяти». Только создав из бывшего ОЛП №1 «места памяти», мы сможем говорить о полноценном «свободном музее без гида».

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на ошибки, допущенные в идентификационных таблицах на зданиях бывшего ОЛП №1: угольный склад назван пропускным пунктом, морг явно располагался в другом месте в соответствии со схемой 1956 г. и т.д. Фактически все таблички имеют неточности или вообще ошибочны. Считаю, что необходима более детальная предварительная научная работа перед вывешиванием табличек. Патетичные надписи и фразы в большей части напоминают музеи Советского периода.

При работах в пределах урочища необходимо учитывать, что некоторые объекты культурного наследия не могут быть выявлены современными методами исследования и сохраняется вероятность их обнаружения при проведении хозяйственных работ даже после натурного обследования. В данном случае вступает в силу статья 37 Федерального Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории культуры) народов Российской Федерации» за №73-ФЗ от 25.06.02.

В случае продолжения проекта полевых исследований ОЛП №1 «Створ», необходимо привлечение журналистов для создания фильма об экспедиции на ОЛП №1.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОЛГО- КАМЬЕ И НА УРАЛЕ

Список литературы и источников:

- Жук А. Б., 1993. Справочник по стрелковому оружию. Революеры, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. – М.: Воениздат. – 735 с.
- Hudson K., 1966. Industrial Archaeology: an Introduction. – London.: John Baker. – 184 p.
- Фаган Б., ДеКорс К., 2007. Археология. В начале. – М.: Техносфера. – 592 с.
- Святова Е.О., 2011. Половозрастная организация православного кладбища нового времени г.Туринск // Труды КАЭЭ. Вып. VII. – Пермь: ПГПУ. – С.155-161.
- Лычагина Е.Л., Мингалев В.В., 2003. Могильник Посер XVIII в. // Труды КАЭЭ. Вып. III. – Пермь: ПГПУ. – С.155-164.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., 2003. Ильинский некрополь – христианское кладбище с языческими традициями в Перми Великой (вт.пол. XVI – вт.пол.XVII вв.). // Труды КАЭЭ. Вып. III. – Пермь: ПГПУ. – С.164-183.
- Молони Н., 1996. Археология. – М.: РОСМЭН. – 159 с.
- Burke H., Smith C., 2004. The archaeologist's field book. Crows Nest, ALLEN&UNWIN. – 406 p.
- Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е., 2000. Историко-археологическое изучение г. Перми кон. XVIII-пер.пол. XIX вв. // Оборинские чтения. – Пермь: ПОКМ. – С.52-71.
- Самигулов Г.Х., 2005. Челябинск XVIII-XIX вв.: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменных источников). Автореферат на соискания ученой степени кандидата исторического наук. – Ижевск: УдГУ. – 24 с.
- Понышский Исправительно-Трудовой лагерь организован по приказу Министерства внутренних дел СССР за № 0076 (?) от 27 января 1946 года, на базе лагеря № 519 ОПВИ УМВД по Молотовской области ст. Всесвятская Пермской дел. дороги. // ГОПАПО. Ф.2464, оп.1, д. 63.
- Приказ Народного Комиссара внутренних дел от 27 ноября 1942 года за № 002592. // ГОПАПО. Ф. 1915, оп.1, д.4.

Е.В. Чуйкина, А.С. Жуковский ВЫЯВЛЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Роль специалистов-археологов в системе охраны выявленных объектов археологического наследия исключительно важна. Они имеют и право, и необходимые знания для инициации процессов постановки обнаруженных памятников на государственный учет и ограничения хозяйственной деятельности на их территориях. От грамотных действий научного археологического сообщества во многом зависит эффективность действий органов государственной власти в сфере охраны объектов археологического наследия. В статье разъясняется содержание «Инструкции о порядке учета выявленных объектов археологического наследия на территории Пермского края», нацеленной на конкретизацию процедуры постановки на учет выявленных памятников археологии.

Ключевые слова: охрана и сохранение археологического наследия, выявленные памятники, постановка на учет, Пермский край

**E.V. Chuikina, A.S. Zhukovskiy
REVEALED ARCHAEOLOGICAL SITES: THEORY AND PRACTICE**

The role of archaeologists in the system of protection of the revealed objects of archaeological heritage is of immense importance. They have rights and knowledge to initiate the process of state registration of the revealed sites and restriction of their usage. Competent actions of the archaeological community determine the efficiency of the authorities in the sphere of archaeological heritage protection. The paper interprets "The Guidelines for Registration of the Revealed Objects of Archaeological Heritage on the Territory of Perm Krai", which are aimed at making the registration procedure of the discovered sites more concrete.

Key-words: protection and preservation of archaeological heritage, revealed sites, registration, Perm

Этническая группа	Возрастная группа, объём выборки (n)		Населённые пункты	Геогр. широта (СШ)
	Подростки	Взрослые		
Коми (ижемцы)	13-15 (n=51)	27-54 (n=13)	с. Ижма, Сизябск (Респ. Коми)	65°00'
Коми (зыряне)	13-15 (n=43)	20-23 (n=52)	г. Сыктывкар, с. Корткерос (Респ. Коми)	61°21'
Коми-пермяки	-	19-59 (n=46)	г. Кудымкар (Пермский край)	59°01'
Русские	14-16 (n=49)	-	с. Орда (Пермский край)	57°12'

Вопросы охраны и сохранения археологического наследия России являются одними из наиболее обсуждаемых в научном сообществе страны уже не одно десятилетие. Максимальное внимание в рамках таких обсуждений уделяется проблемам так называемой «черной археологии» и осуществления строительных работ без предварительных археологических исследований.

Актуальность данных проблем настолько высока, что иные вопросы в сфере охра-

ны и сохранения объектов археологического наследия оказываются на периферии внимания, и не получают необходимого рассмотрения и решения. Настоящая статья посвящена одной из подобных проблематик – выявленным объектам археологического наследия.

Почвой для возникновения указанной проблемы стал известный каждому археологу и специалисту органа охраны памятников п. 6 ст. 18 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон), в силу которого памятник археологии считается выявленным объектом культурного наследия со дня его обнаружения.

Обнаружение объектов археологического наследия всегда осуществляется на местности, нередко удаленной не только от центров административно-территориальных образований, но и мелких населенных пунктов. В момент фиксации признаков, свидетельствующих о наличии на данной территории памятника археологии, специалист порой не может даже связаться с органом охраны памятников для передачи устной информации о выявленном памятнике. Между тем, в силу Закона орган охраны объектов культурного наследия должен в течение 10 дней уведомить правообладателей земельных участков, в пределах которых обнаружен памятник археологии.

Ситуация в сфере учета выявленных памятников археологии усугубляется тем, что археологи, после завершения полевых работ на местности, считают необходимым оформить надлежащим образом документацию (планы, чертежи, текстовое описание). В большинстве случаев, только после этого сведения о выявлении памятника поступают в государственные органы преимущественно в виде научных отчетов. Таким образом, период между фактическим выявлением памятника может возрасти до нескольких месяцев. Кроме того, предоставление археологами копий научных отчетов в органы охраны памятников не является нормативно закреплен-

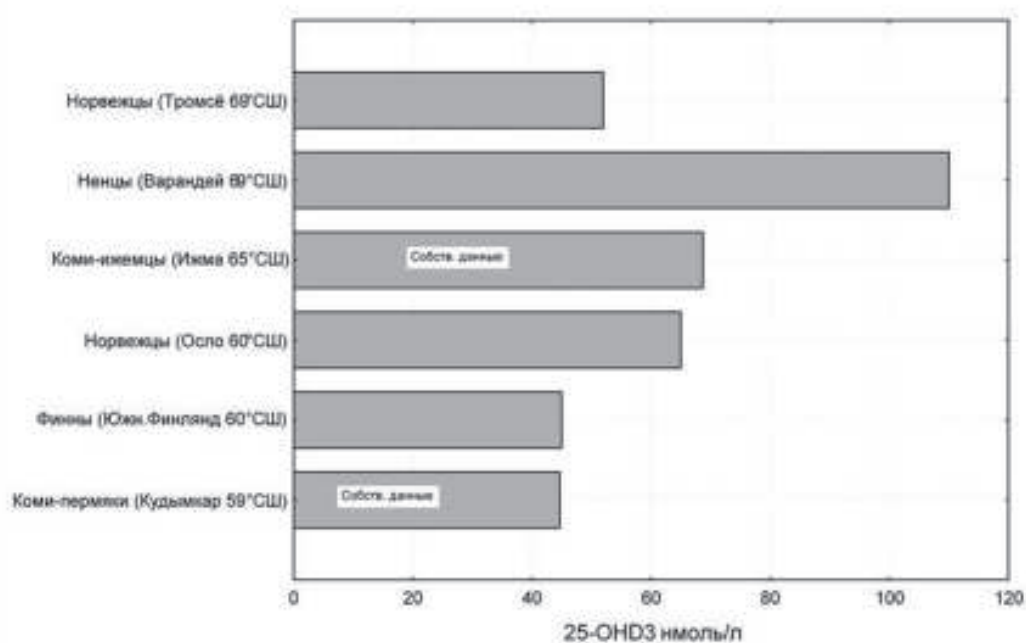

Рис.1. Концентрация 25-OHD3 в сыворотке крови (взрослые, обследованы в ноябре)

Табл. 2. Содержание 25-OHD3 (нмоль/л) в сыворотке крови

Возраст (лет)	Выборка	Период обследования					
		Осень			Весна		
		N	M	SD	N	M	SD
13 – 16	Коми-ижемцы	-	-	-	51	31,1	8,8
	Коми-зыряне	43	37,9	12,2	-	-	-
	Русские	49	49,6	13,0	-	-	-
20 – 19	Коми-ижемцы	-	-	-	13	68,7	25,2
	Коми-зыряне	52	47,7	12,0	-	-	-
	Коми-пермяки	-	-	-	46	44,7	9,0

ным требованием, поэтому осуществляется фактически не в полном объеме.

Практика показывает, что после сдачи копии научного отчета в органы охраны памятников или передачи кратких сведений, археологи считают свою миссию по уведомлению об обнаруженном памятнике выполненной.

В такой ситуации проблема учета обнаруженных памятников археологии очевидна. Сведения, содержащиеся в научных отчетах, а также в кратких сообщениях, не всегда могут позволить сотрудникам органов охраны памятников выполнить необходимый объем действий, определенных законом при обнаружении памятника археологии. Прежде всего, это касается упомянутого выше уведомления правообладателей земельных участков.

Стоит признать, что указанные выше аспекты проблемы выявленных памятников археологии исходят не столько из п. 6 ст. 18 Закона, сколько из ее метафизического прочтения вне связи с другими пунктами той же самой статьи. Между тем, Закон позволяет выстроить вполне рабочую конструкцию по учету обнаруженных памятников археологии, лишенную множества указанных здесь и оставшихся за рамками настоящей статьи, противоречий и недостатков.

Обратим внимание на само понятие «выявленный объект культурного наследия». В соответствии с п. 2 ст. 18 Закона объект считается выявленным со дня поступления в органы охраны памятников документов, предусмотренных ст. 17 Закона, в том числе, заключения государственной историко-культурной экспертизы объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия. Обращаем внимание, что моментом выявления объекта культурного наследия является день поступления в органы охраны памятников документов, обозначенных ст. 17 Закона. Это относится ко всем выявленным объектам культурного наследия, в том числе, и к памятникам археологии.

Положения п. 6 ст. 18 Закона корректируют момент выявления объекта археологического наследия на случай, когда обнаруженный «только что» памятник находится под непосредственной угрозой быстрого повреждения, разрушения или уничтожения. Таким образом, данный пункт вместе со статьями 37, 49 Закона усиливает юридическую защиту обнаруженного объекта археологического наследия.

Пункт 6 статьи 18 Закона, признавая день обнаружения памятника археологии днем его выявления, фактически отменяет необходимость проведения в отношении него государственной историко-культурной экспертизы, осуществляемой в отношении объек-

тов, обладающих признаками объекта культурного наследия. Логичность такой отмены может быть обоснована тем, что археологи действуют на основании специальных именных разрешений (Открытых листов), выдаваемых специалистам, квалификация и уровень подготовки которых подтверждены в установленном порядке.

Таким образом, археолог, действующий на основании разрешения (Открытого листа) и обнаруживший памятник, выступает в отношении него и как специалист-эксперт, подтверждающий возможность включения памятника в списки выявленных объектов культурного наследия. Пункт 6 ст. 18 Закона дает археологу теоретическую возможность остановить либо предотвратить негативное воздействие на памятник непосредственно на местности в случае, когда техника уже ведет работы на памятнике либо вблизи него.

При этом п. 6 ст. 18 Закона не отменяет необходимости предоставления в органы охраны памятников документов, предусмотренных ст. 17 Закона (за вычетом заключения государственной историко-культурной экспертизы). Именно с момента поступления такой информации может быть организована полноценная государственная охрана выявленных памятников археологии.

В силу того, что федеральным законом механизм постановки на государственный учет выявленных памятников археологии однозначно не определен, Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края в 2011 году была разработана «Инструкция о порядке учета выявленных объектов археологического наследия на территории Пермского края» (далее – Инструкция). Основной задачей Инструкции является конкретизация процедуры постановки на учет выявленных памятников археологии.

Разработанная Инструкция была принята приказом Инспекции №СЭД-16-01-03-322 от 29.11.2011, размещена на официальной странице Инспекции на портале Правительства Пермского края по адресу <http://www.permkrai.ru/files/file/proekty/instrukcia.doc>, а также была разослана руководителям основных научных организаций, проводящих археологические исследования на территории Пермского края.

Согласно Инструкции, действия органа по охране объектов культурного наследия в отношении выявленного памятника носят заявительный характер: исходным моментом является прием заявления с предложением включить обнаруженный памятник в списки выявленных объектов культурного наследия. При поступлении в Инспекцию подобного заявления сотрудники Инспекции проверяют содержащиеся в нем сведения на соответствие ст. 17 Закона. В Список выявленных объектов могут быть включены объекты, на которые имеются следующие данные:

- сведения о наименовании объекта;
- сведения о времени возникновения объекта (хронологическая принадлежность, с указанием обоснования отнесения объекта к конкретной археологической культуре, эпохе, периоду);
- сведения о местонахождении объекта (полный адрес с привязками к существующим населенным пунктам и современным водоемам);
- сведения о типе объекта (с обоснованием отнесения объекта к конкретному типу объекта археологического наследия – поселение, селище, городище, могильник и т.п.);
- сведения об особенностях объекта, могущие послужить основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению (сведения о характере, составе и мощности культурных напластований; описание выявленных на объекте

следов древних сооружений, ям, очагов, жилищ, следов фортификационных или иных сооружений; описание выявленных предметов материальной культуры и т.п.);

- текстовое описание границ территории объекта и его GPS-координаты;
- фотографическое изображение объекта;
- сведения о виде и состоянии объекта (географическое описание памятника, характеристика рельефа и топографических особенностей, привязка к характерным ориентирам на местности, сведения о форме и размерах объекта; наличие построек, деревьев, ям и других повреждений, осыпей и т.п., в т.ч. несуществующих, но о которых имеются достоверные сведения на территории объекта);
- схема / карта / план расположения объекта (с указанием местонахождения и номеров точек GPS-съемки);
- сведения об обстоятельствах обнаружения объекта (дата обнаружения, сведения о находчике и обстоятельствах выявления);
- сведения о собственнике (пользователе) земельных участков в границах территории объекта, а также правовом режиме использования земельного участка, в пределах которого располагается объект (при наличии сведений).

Подготовка сведений по данным пунктам, на наш взгляд, вряд ли обременит специалистов-археологов. Подробное описание каждого обнаруженного и обследованного памятника квалифицированные археологи должны составлять по «Положению о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составлению научной отчетной документации», утвержденному ИА РАН в 2007 г.

Определенную проблему для археологов может составлять сбор сведений о собственнике (пользователе) земельных участков в границах территории объекта, а также правовом режиме использования земельного участка, в пределах которого обнаружен памятник археологии. В связи с этим, согласно Инструкции, приложение данной информации к заявлению о выявлении памятника археологии носит необязательный характер.

Получение органами охраны памятников максимально полной и научно обоснованной информации о выявленных объектах археологического наследия позволит оперативно организовать мероприятия по включению выявленного объекта в реестр (по Закону, органы охраны памятников обязаны это выполнить в течение 1 года), и организовать полноценную охрану памятника.

При проверке сведений, содержащихся в заявлении, о включении обнаруженного памятника в списки выявленных объектов культурного наследия, органом охраны памятников может быть выявлено отсутствие либо неполнота обязательной информации, указанной выше. В данном случае, заявителю будет направлен отказ во включении обнаруженного памятника в списки выявленных объектов культурного наследия. До сбора всей необходимой информации, позволяющей включить памятник в списки выявленных объектов культурного наследия, он будет учитываться Инспекцией как «объект, обладающий признаками объекта археологического наследия».

В органы охраны памятников довольно часто поступают сведения о местонахождении предполагаемых объектов археологического наследия, которых недостаточно для учета данного объекта как выявленного памятника археологии, либо сведения об отдельных находках, обнаруженных гражданами, не имеющими специальной археологической подготовки. Такие объекты Инструкцией также предполагается учитывать как «объекты, обладающие признаками объекта археологического наследия».

Сведения об «объектах, обладающих признаками объекта археологического наследия» могут быть использованы в дальнейшем для планирования и проведения археологических разведок научными организациями. После дополнительных исследований и подготовки сведений в объеме, определенном Инструкцией, такие объекты могут быть включены в списки выявленных памятников археологии.

Стоит отметить, что предлагаемый нами механизм организации учета выяв-

литературы и истории им. В.М. Васильева. marnii@mari-el.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – Пенза, Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

Степанова Галина Александровна – Ижевск, научный сотрудник; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, stepanova@ni.udm.ru

Тресков Сергей – Пермь, студент Пермского государственного научно-исследовательского университета.

Трифонов Алексей Иванович – Ижевск, выпускник ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Хисметдинова Асия Абдулкадировна – Казань; Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; asiata@yandex.ru

Хузин Фаяз Шарипович – Казань, д.и.н., профессор, член-корреспондент АН РТ, гл. н.с.; Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. psai@mail.ru

Цыгвинцева Татьяна Александровна – Ижевск, к.и.н.; научный сотрудник ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Чичко Татьяна Вячеславовна – Sterlitaamak; Sterlitaamakская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишовой. karaman74@mail.ru

Чуйкина Екатерина Владимировна – Пермь, начальник отдела государственного контроля и охраны памятников археологии Государственной Инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края. katarina-ch@yandex.ru

Чурилов Эдуард Викторович – Пермь, зав. отделом археологии Пермского краевого музея

Шакиров Зуфар Гумарович – Казань; научный сотрудник Национального центра археологических исследований им. А.Х. Халикова ИИ АН РТ. zufar_alchi@mail.ru

Юркова Екатерина Васильевна – Пермь, учитель истории и обществознания МАОУ «СОШ №91» (Индустриальный р-он, г. Пермь). edanilova87@mail.ru

Список сокращений

АВЛ – Археология восточной лесостепи. Воронеж
АГПУ – Астраханский государственный педагогический университет
АГУ – Алтайский государственный университет
АК – археологическая культура
АН РТ – Академия наук республики Татарстан
АО – Археологические открытия. М.
АОТ – Археологические открытия в Татарстане
АСГЭ – Археологические сообщения Государственного Эрмитажа
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ – Башкирский научный центр
БУК – бюджетное учреждение культуры
БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВятГГУ – Вятский государственный гуманитарный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДНУ – Донецкий национальный университет
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел. М.
ЗРАО – Записки Российского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГПУ – Ивановский государственный педагогический университет
ИИ АНРТ – Институт истории Академии наук республики Татарстан
ИИМК – Институт истории материальной культуры, С.-Петербург
ИИУ – Издательство Иркутского университета
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИПОС – Институт проблем освоения Севера
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР
К(В)АЭ – Камская (Воткинская) археологическая экспедиция
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КГУ – Куйбышевский государственный университет
КИО – культурно-историческая общность
КНЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КФ АН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛипГПУ – Липецкий государственный педагогический университет
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция.

- МарГУ – Марийский государственный университет.
МарНИИ, МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- МАЭ – Музей археологии и этнографии ПГПУ
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
НФ МА РТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан
ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический институт
ПГТПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (с 2012 г.)
ПГНИУ – Пермский государственный научно-исследовательский университет
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПГУ – Пермский государственный университет
ПенГПУ – Пензенский государственный педагогический университет.
ПенГУ – Пензенский государственный университет
ПКМ – Пермский краевой музей
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
ПЭСБР – Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА – Советская археология. М.
САИ – свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СамГУ – Самарский государственный университет
СГПИ – Самарский государственный педагогический институт
СГУ – Саратовский государственный университет.
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ – С.-Петербургский государственный университет
ТАСС – Тверской археологический сборник
УАЭ – Уральская археологическая экспедиция
УГПИ – Ульяновский государственный педагогический институт
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УдНИИ ИЭЛЯ при СМ УАССР – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР.
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
- УКМ – Удмуртский краеведческий музей
УНЦ РАН Уфимский научный центр Российской академии наук
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ХГУ – Харьковский государственный университет
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт
ЧНЦ – Челябинский научный центр
ЭКО – этнокультурная область
ЮУРГУ – Южно-Уральский государственный университет

Научное издание

**Труды Камской археолого-этнографической
экспедиции**

Выпуск VI

Пермские финны и угры Урала в эпоху железа

Сборник научных трудов

На обложке:

Редколлегия:

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор серии)

Крыласова Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)

Ленц Галина Тимофеевна

Лычагина Евгения Леонидовна

Подосенова Юлия Александровна

Сарапулов Алескей Николаевич

Технический редактор Е.Е.Покровская

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА НПЕ «АФКУЛА»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за точность приводимых фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений, а также за то, что
в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Мнение авторов не является выражением мнения редакционной коллегии.

При перепечатке и ином использовании материалов ссылка на данное издание обязательна.

ИБ №

Изд.лиц. ИД №03857 от 30.01.2001

Свидетельство о государственной аккредитации вуза №1426 от 23.04.04.

Подписано в печать 26.11.2009. Формат 60X90 1/8.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать ризограф.

Усл. печ. л. 30,87. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж 350 экз.

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
педагогического университета.

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, тел (342) 238-63-12

Отпечатано в типографии

«Издательский дом «Пресстайм»

614025, г.Пермь, ул. Героев Хасана, 105

*Камская археолого-этнографическая экспедиция исторического факультета Пермского
государственного педагогического университета*

Редколлегия сборника тел (342) 238-64-10

e-mail: belavin@pspu.ru